

РИХАРД ХЕННИГ

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

RICHARD HENNIG

TERRAE INCOGNITAE

BAND III

LEIDEN
1953

РИХАРД ХЕННИГ

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
А.В. ЛИСОВСКОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ И РЕДАКЦИЯ
И.П. МАГИДОВИЧА

ТОМ
III

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1962

В третьем томе «Неведомых земель» Хенниг приводит и комментирует первоисточники, относящиеся к открытиям и исследованиям неведомых земель с 1221 по 1413 г.

К важнейшим историко-географическим проблемам, рассматриваемым в этом томе, относятся: ознакомление средневекового Запада с Востоком в эпоху монгольских завоеваний, доколумбово открытие Северной Америки норманнами и загадочная судьба норманских колоний в Гренландии, действительные и мнимые открытия европейских мореходов в умеренной, субтропической и тропической зонах Тихого океана, связи между тремя старыми частями света — Европой, Азией и Африкой в XIII—XIV вв.

Автор рассказывает здесь о китайском мудреце Чан Чуне, посетившем столицу Чингис-хана, о Марко Поло, Гильоме Рубруке, Ибн-Баттуте и других великих путешественниках и исследователях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редакции 5
Предисловие к немецкому изданию 15
Введение 17
Глава 118. Путешествие Чан Чуня по Центральной Азии 19
Историческое введение к гл. 119—121 26
Глава 119. Карпини в Монголии 38
Глава 120. Французский посол Андре Лонжюмо в Каракоруме 50
Глава 121. Миссия Виллема (Гильома) Рубрука к монголам 58
Глава 122. Армянский царь Этум II в Каракоруме 70
Глава 123. Норвежское посольство в Тунисе 74
Глава 124. Норманны на северо-западе Гренландии 77
Глава 125. Монахи-доминиканцы в Эфиопии 88
Глава 126. Путешествие в Китай Марко Поло 96
Глава 127. Первый европеец на Нигере? 113
Глава 128. Цейлонское посольство в Египте 117
Глава 129. В Западном океане увидели новую землю 119
Глава 130. Попытка братьев Вивальди открыть морской путь в Индию 123
Глава 131. Джованни Монтекорвино — архиепископ Китая 136
Глава 132. Разведывательное плавание африканского султана в Атлантическом океане 157
Глава 133. Монгольское посольство во Францию и Англию 162
Глава 134. Повторное открытие восточных Канарских островов . . . 165
Глава 135. Гильом Адан в южной части Восточной Африки 176
Глава 136. Данте узнал о созвездии Южного Креста 181
Глава 137. Путешествие Одорико из Порденоне в Китай и Тибет . . . 187
Глава 138. Мнимое кругосветное путешествие сэра Джона Мандевиля 195
Глава 139. Путешествие Ибн-Баттуты 201
Глава 140. Купцы и миссионеры Западной Европы в районе Кульджи 211
Глава 141. Китайское посольство в Египте 220
Глава 142. Путешествие в Китай папского легата Джованни Мариньолы 224

Глава 143. Открытие остальных Канарских островов 238
Глава 144. Фантастическое кругосветное путешествие и «Книга познания» 257
Глава 145. Открытие группы островов Мадейра 268
Глава 146. Плавание Феррера к Золотой реке 275
Глава 147. Кажущееся знакомство с Азорскими островами в XIV в. 280
Глава 148. Ибн-Баттута в бассейне Нигера 299
Глава 149. Плавание оксфордского священника по Северной Атлантике и проблема магнитной горы. 304
Глава 150. Норманская экспедиция в глубь Северной Америки и загадка Кенсингтонского рунического камня 313
Глава 151. Мнимое заселение побережья Гвинеи нормандскими моряками 361
Глава 152. Мнимое открытие Азорских островов греческим мореплавателем 376
Глава 153. Сказка о плавании в Фрисланду братьев Дзено 377
Глава 154. Приключения Ганса Шильтбергера во время путешествий по Востоку в качестве раба 390
Глава 155. Посольство Клавихо в Самарканде 397
Глава 156. Ансельм д'Изальгие на Нигере 406
Глава 157. Загадочный конец норманской колонии в Гренландии . . . 412
Указатель имен 440
Указатель географических названий 453

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

В третьем томе своего труда Рихард Хеннинг рассказывает о важных с историко-географической точки зрения путешествиях, совершенных в XIII, XIV и начале XV в., и о связанных с ними как уже разрешенных, так и оставшихся невыясненными проблемах.

В качестве исследователей «неведомых земель» в этом томе, как и в двух предыдущих, выступают представители различных народов всех трех частей Старого света — Азии, Африки и Европы.

Путешественникам — уроженцам стран Азии Хеннинг отводит пять глав (гл. 118, 122, 128, 133, 141). Среди них самой интересной фигурой был китаец-мудрец Чан Чунь, приглашенный Чингис-ханом в его столицу.

Из путешественников африканцев (гл. 132, 139, 148) выделяется уроженец города Танжера Ибн-Баттута, по происхождению бербер.

Хеннинг справедливо характеризует Ибн-Баттуту «как величайшего путешественника всех времен до Магеллана» по протяженности пройденных им путей[1].

Самое большое место Хеннинг, разумеется, уделяет европейским путешественникам. Все они уроженцы различных стран Западной Европы. Единственное исключение — безымянный «грек» (византиец), якобы открывший около 1370 г. Азорские острова (гл. 152).

Чаще других исследователями «неведомых» для европейцев земель — Центральной Азии, Китая, Индии и Эфиопии — в третьем томе выступают католические монахи различных орденов — легаты римского папы и миссионеры, в том числе итальянцы Джованни Плано Карпини (гл. 119), Джованни Монтекорвино (гл. 131), монах-фламандец Виллем Рейсбрук (более известный под офранцуженным именем Гильом Рубрук) и др.

Среди светских западноевропейских путешественников в третьем томе выступают: итальянцы (гл. 126, 130, 134, 143, 146,

---

[1] Развернутую характеристику Ибн-Баттуты, «последнего великого путешественника (из авторов, писавших на арабском языке в XIV в.), объехавшего все мусульманские страны», дал выдающийся советский арабист академик Крачковский. См. И. Ю. Крачковский, Соч., М.—Л., 1957, т. IV, гл. XV, стр. 416—430.

147), в том числе Марко Поло; скандинавы, сделавшие новые открытия в Американской Арктике (гл. 124, 129 и проникшие в глубь Американского материка (гл. 150 и 157, представляющие исключительный интерес по подбору материалов и анализу источников); французы (гл. 151, 156); легендарные «английские рыцари» (гл. 138, 145); немец Иоганн Шильтбергер, скитавшийся по трем частям Старого света (гл. 154), и испанец Руй Гонсалес Клавихо, совершивший путешествие в Среднюю Азию (гл. 155).

Может показаться странным отсуствие в этом перечне арабских путешественников. Но, дело в том, что арабские купцы XIII — XIV вв., посещавшие отдаленные страны, не оставили описаний своих путешествий или их книги и рассказы не дошли до нас. А выдающиеся арабские географы того времени, как правило, не совершали далеких путешествий. Абд ал-Латиф (ум. в 1231 г.), уроженец города Багдада, не выходил вообще за пределы Ближнего Востока и хорошо знал по личным наблюдениям, кроме своей родины Ирака, соседние арабские страны — Египет и Малую Азию. Составитель арабского географического словаря Якут (ум. 1229 г.) — невыясненного происхождения (в детстве и отрочестве он был рабом) — много путешествовал и по странам Ближнего Востока, и по Иранскому нагорью, но к северу от него доходил только до Мерва (Мары).

То, что Якут сообщает о Крайнем севере Европы (см. т. II, гл. 98), взято им из книги его предшественников. Не путешествовал в дальние немусульманские страны ни один из позднейших арабских ученых, чьи сообщения Хенниг использовал и на которые он ссылался во втором томе «Неведомых земель» (см. гл. 87, 98, 99, 101, 108, 112, 114): ни испанский араб Ибн-Саид (ум. не позднее 1286 г.), ни уроженец южного Ирака «кабинетный ученый» Закария Казвини (1203—1283), ни сирийский араб, знатный вельможа Абу-л-Фида (1273—1331).

Единственным исключением среди видных арабских географов-путешественников этого периода был уроженец Дамаска Юсуф Димашки (ум. в последней четверти XIII в.). Жаль, что Хенниг совершенно не использовал материалов, собранных этим ученым, который хорошо знал по личным наблюдениям не только арабские и иранские страны, но и Западную Индию, куда он плавал, видимо, не раз.

* * *

Остановимся на первоисточниках, которые комментирует Хенниг в третьем томе своего труда. Лишь в девяти случаях это книги, написанные или продиктованные самими путешественниками. Сюда относятся следующие сочинения: «Описание путешествия на Запад» Чан Чуня, составленное его младшим спутником

Ли Чжи-чаном; «История монгалов» Джованни Плано Карпини; «Путешествие в восточные страны» Гильома Рубрука; «Книга Марко Поло»; «Путешествия по Азии» Одорико Порденоне; «Путешествия по Азии и Африке» Ибн-Баттуты; «Отчет о путешествии» Джованни Мариньолы; «Путешествие по Европе, Азии и Африке» Иоганна Шильтбергера и «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд» Руя Гонсалеса Клавихо. Из этих девяти книг шесть переведены на русский язык, в том числе три книги полностью переизданы с комментариями в советское время; среди них «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука» (1957 г.) и «Книга Марко Поло» (дважды — в 1940 и в 1955 гг.).

Для описания других путешествий и характеристики их историко-географического значения Хенниг широко использовал в третьем томе средневековые погодные записи («анналы»), западноевропейские хроники и другие исторические труды, но не обращался ни к русским летописцам, ни к персидским хронистам. К числу первоисточников относятся и подлинные письма восточных и западных правителей — Чингис-хана, великого хана Гуюка, королей Португалии и Франции, пяти римских пап и самих путешественников, включая краткие отчеты католических миссионеров. Цитируются также различные правительственные документы, в том числе исходящие от папской власти.

Отметим, что в третьем томе Хенниг очень редко пользуется средневековыми географическими справочниками и компилятивными трудами. Единственное заслуживающее внимания исключение — это выдержки из известного итальянского путеводителя для странствующих торговцев, составленного Франческо Бальдуччи Пеголотти (гл. 140).

Самым оригинальным и пестрым подбором источников отличается гл. 150, посвященная одной из самых интересных историко-географических проблем, связанной с так называемой «загадкой Кенсингтонского рунического камня», а именно норманскому проникновению в глубинный Приозерный район Северной Америки. Для выяснения этого запутанного вопроса Хеннигом привлечены источники XIV, XVI, XVIII и XIX вв., среди них фотокопии рунических надписей на Кенсингтонском камне с их точным переводом.

В конце введения к первому тому «Неведомых земель» автор писал, что будет рассматривать «лишь достоверные, хотя отчасти расцвеченные вымыслом, путешествия». Тем не менее в третьем томе Хенниг отвел целую главу (гл. 138) рассмотрению вымышленного «путешествия сэра Джона Мандевиля». Сделано это преднамеренно и совершенно правильно. Дело в том, что ни одно из описаний подлинных путешествий (даже «Книга Марко Поло») не оказало в XV в. такого влияния на ведущих деятелей эпохи великих открытий, как эта книга безвестного автора, возможно льежского врача

Жана де Бургонь. «Поколение, которое начало забывать рассказы Поло, удовлетворяло свою страсть к чудесному в чтении фантастических странствований Мандевиля, представляющих лишь книжную компиляцию, обработанную в духе средневековых вымыслов»[1]. С этой точки зрения вполне оправдан и разбор Хенниг ом в гл. 144 другой популярной средневековой географической компиляции — «Книги познания», а также сообщений о мнимом плавании в полярные страны венецианцев, братьев Дзено (гл. 153), оказавших сильное влияние на английских полярных мореплавателей конца XVI в., особенно на Мартина Фробишера.

В отличие от предшествующего периода в XIII в. среди авторов, писавших на арабском языке, как отмечалось выше, кроме Юсуфа Димашки, не было крупных исследователей неведомых земель, а в XIV в. был только один марокканец — Абу Абдаллах Мухаммед Ибн-Баттута. И Хенниг широко пользуется книгой Ибн-Баттуты, «без ссылок на которого не обходится ни одна работа о Золотой Орде или Средней Азии»[2]. Книга Ибн-Баттуты до настоящего времени не издана на русском языке, но многие русские и советские авторы приводят из нее обширные извлечения, главным образом такие, которые имеют отношение к истории нашей родины.

Чувствительным пробелом при описании путешествий по Азии в «монгольский период» следует признать то, что Хенниг совсем не использовал два персидских источника XIII—XIV вв., имеющих очень важное значение для исторической географии этого периода, а именно книг Джувайни и Рашид-ад-дина. О Джувайни он вообще нигде не говорит, а о Рашид-ад-дине упоминает лишь вскользь (гл. 137). Между тем Ала-ад-дин Джувайни (1226—1283), до того как написал свою «Историю завоевателя мира» (1260 г.), дважды ездил из Ирана в монгольскую столицу Каракорум и собрал во время своих путешествий большой географический и этнографический материал, который и использовал в своем историческом труде, доведенном до 1257 г. Что касается его младшего современника Рашид-ад-дина (1247—1318), автора знаменитого труда по истории Монгольской империи — «Сборника летописей», то этот персидский историк не был путешественником. Однако, кроме письменных источников (в частности, труда Джувайни), Рашид-ад-дин так широко и умело использовал устные рассказы монгольских и китайских путешественников, приезжавших к персидскому двору, что его книга рассматривается как важнейший, исключительно ценный первоисточник по истории не только Ирана и сопредельных стран, но и всей Центральной Азии. «Исключительно важны сведения Рашид-ад-дина об общественном строе

---

[1] М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников, Иркутск, 1941, стр. XXXIX.

[2] И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 416.

монгольских племен, их быте (описание юрты, одежды, пищи, ряда обычаев), их верованиях, о политической истории отдельных племен»[1]. В этом отношении самую большую помощь Рашид-ад-дину оказал прибывший в Иран из Китая в 1286 г. представитель великого хана Хубилая — эмир Пулад Чжэн-сян: «Он же [Пулад] во всей населенной части мира не имеет равных себе... в знании происхождения тюркских племен и их истории, особенно [истории] монголов»[2].

* * *

Какие же основные историко-географические проблемы рассматриваются в третьем томе «Неведомых земель»? Главное внимание автор уделяет здесь ознакомлению средневекового Запада с Востоком, связанному с монгольскими завоеваниями XIII в. в Азии и Восточной Европе и с ростом сухопутной торговли предметами роскоши. Это ознакомление облегчалось превосходной для того времени системой путей сообщения и организацией связи между различными монгольскими владениями, даже самыми отдаленными. Поэтому Хенниг считает возможным (см. введение) назвать полуторавековый период — с начала XIII в. до середины XIV в.— в основном «монгольским периодом» исследования Земли.

Описаниям путешествий западноевропейцев в Центральную Азию и Китай в «монгольский период» в третьем томе отводится восемь глав (гл. 119, 120, 121, 126, 131, 137, 140 и 142). С монгольской тематикой связано также обширное введение Хеннига к гл. 119—121, посвященное вопросу о возрождении надежд на «царя-священника Иоанна» в первой половине XIII в.[3]

Из позднейших путешествий западноевропейцев на Восток, относящихся к началу XV в., в третий том включены кастильское посольство Клавихо в Самарканд (гл. 155) и скитания Шильтбергера (гл. 154)[4].

Как в своем введении, так и в комментариях к путешествиям по Монгольской империи автор дает преувеличенно высокую оценку основателю монгольского раннефеодального государства Чингис-хану, называя его «величайшим гением», несмотря на то что он «растоптал цветущие культуры и уничтожил миллионы

---

[1] См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, М.—Л., 1946—1960, т. I, стр. 29 (предисловие И. П. Петрушевского).

[2] Там же, стр. 67.

[3] В советской историко-географической литературе этот вопрос освещен в редакционной вступительной статье к «Книге Марко Поло». См. «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 5—7.

[4] Книги Клавихо и Шильтбергера были изданы в русском переводе в XIX в. и стали теперь библиографической редкостью. Подробный разбор сообщений Шильтбергера о Сибири см. М. П. Алексеев, Указ. соч., стр. 49—58.

человеческих жизней». Разумеется, Чингис-хан был одним из самых выдающихся военных организаторов и полководцев, каких знает мировая история. Но созданная им империя была эфемерна и фактически распалась уже в середине XIII в. Грабительские походы Чингис-хана и Чингисидов принесли тяжкие бедствия не только другим народам Азии и Восточной Европы, но и самому монгольскому народу. Они закрепили господство нойонов (монгольской знати) над массами аратов (рядовых кочевников-скотоводов) и привели к экономическому упадку страны.

Нельзя также согласиться с характеристикой Хубилая (гл. 126), последнего великого хана монголов и первого китайского императора Чингисида, основавшего в 1280 г. монгольскую династию Юань, которая правила в Китае до 1368 г. Автор ссылается на двух «современных китаеведов», утверждающих, что Хубилай был «одним из величайших правителей, сидевших на китайском троне», и, «несомненно... величайшим правителем, каких знает история». Но столь же «несомненно», что эти буржуазные «ученые» смотрят на монгольского завоевателя Китая XIII в. глазами его младшего современника и приближенного, венецианца Марко Поло. «Неизменно благосклонное» отношение Хубилая к своим наперсникам, как правило, чуждым китайскому народу, буржуазные историки переносят на весь китайский народ. А между тем монгольское иго в Китае вряд ли было многим легче, чем монголо-татарское иго на Руси. И там и здесь тысячи людей обращались в рабство, народные массы были обременены тяжелыми податями, дорожными и иными повинностями и поборами в пользу монгольских правителей. И там и здесь многие селения отдавались «на кормление» завоевателям, а в городах размещались крупные военные гарнизоны, которые содержались за счет местных жителей.

Вторая важная историко-географическая проблема, которая, в отличие от «монгольской темы» в оригинальной и переводной русской литературе, пока очень слабо освещена,— это так называемое доколумбово открытие Америки.

Уделив этой проблеме много места во втором томе, Хенниг развивает ее и в настоящем томе. Он рассматривает действительные и мнимые плавания европейцев к Гренландии и берегам Америки в XIII и XIV вв. (гл. 129, 149 и 153), исследование норманнами северо-западного побережья Гренландии в XIII в. (гл. 124) и их проникновение в глубь Северной Америки, в Приозерную область, в XIV в. (гл. 150).

Однако «загадка Кенсингтонского рунического камня» еще не окончательно разрешена, несмотря на то что подлинность рунических письмен на камне, безусловно, доказана. Не выяснено, для какой цели смешанный шведско-норвежский отряд продвинулся в 1362 г. так далеко в глубь Американского континента. Нельзя

еще считать окончательно установленным и местоположение постоянного или временного норманского поселения в «Винланде»[1]. И совсем уже неубедительно утверждение, будто пришельцы могли попасть «из Винланда на запад», то есть от берегов залива Мэн в район озера Верхнего, только проделав длинный и тяжелый путь вокруг полуострова Лабрадор, через Гудзонов залив и по рекам его бассейна, а не иным, более доступным путем, хотя бы тем, которым пользовались французы в XVI—XVII вв. (вверх по реке Святого Лаврентия и ее притоку Оттаве).

В последней главе третьего тома Хенниг рассматривает также связанный с «доколумбовым открытием Америки» вопрос о загадочной судьбе норманской колонии в Гренландии. Свидетельством современника (Ивара Бардсена, гл. 150) доказано, что из двух гренландских колониальных районов более северный, Вестербюгд, к 40-м годам XIV в. был оставлен норманскими колонистами по невыясненной причине и при неустановленных обстоятельствах. Неоспоримыми археологическими находками подтверждено, что второй колониальный район Эстербюгд существовал по крайней мере до конца XV в. и снабжался европейскими товарами. Неизвестно, куда выселились жители Вестербюгда в XIV в., неизвестно, что сталось и с жителями Эстербюгда в XVI—XVII вв. По этому поводу можно строить только догадки, вроде той гипотезы, которую предложил в порядке обсуждения сам Хенниг.

Значительное место отведено в третьем томе путешествиям, предпринятым в XIII—XIV вв. в Африку как из Европы, так и из Азии (гл. 123, 125, 127, 128, 135, 141, 146 и 156). Собранные путешественниками сведения о посещенных странах, как правило, очень скудны, но все же имеют большое историко-географическое значение. Они свидетельствуют о том, что живая связь между Африкой и странами двух других частей Старого света, даже такой отдаленной, как Китай, не прекращалась и что у португальцев и китайцев, плававших в XV в. к западным и восточным берегам этого континента, были предшественники в XIII—XIV вв.

Последняя большая историко-географическая проблема, тесно связанная с великими географическими открытиями конца XV в., развивается Хенниг ом в гл. 130, 134, 143, 145, 147, 151 и 152. Речь там идет о плаваниях европейских мореходов в умеренной, субтропической и тропической зонах Атлантического океана и о действительных или мнимых открытиях ими островов Канарских, Мадейры, Азорских и даже якобы берегов и островов Гвинейского залива (что Хенниг категорически и вполне правильно отрицает).

---

[1] В настоящее время только крайние скептики и безудержные фантасты оспаривают, что норманский Винланд — это побережье Северной Америки в районе залива Мэн. Нужно, однако, учитывать, что длина береговой линии Мэна составляет более 1600 *км*.

Освещение подлинного хода открытия атлантических архипелагов очень трудное дело, особенно для той эпохи, когда не могло быть и речи о сколько-нибудь точном определении географических координат морских объектов — даже широты, а тем более долготы. К тому же работа современного исследователя очень осложняется из-за частой перемены названий отдельных островов и той путаницы, которую внесли в этот вопрос средневековые картографы, заполнявшие «белые пятна» на океане фантастическими землями. Нужно отдать справедливость Хеннигу, он блестяще справился со стоявшей перед ним трудной задачей и дал образцовый критический анализ письменных документов и карт, относящихся к действительному обнаружению Канарских (гл. 134 и 143) и мнимому открытию Азорских островов (гл. 147).

Однако одна очень важная историко-географическая тема осталась совершенно вне поля зрения Хеннига, а именно ход открытия и исследования русскими моряками и землепроходцами Европейской Арктики, Восточной Европы и Северо-Западной Азии в XIII—XIV вв. Западноевропейский читатель может подумать, что безымянный отрок, который был послан в конце XI в. новгородцем Гюратой Роговичем «в Печору, к людям, дающим дань Новгороду ...и от них пошел в землю Югорскую» (его сообщение Хенниг включил в первоисточники, комментируемые в гл. 98 второго тома), был последним средневековым русским исследователем «неведомых земель» Северной и Восточной Европы и Северной Азии. Но таких русских путешественников в XII—XV вв. были тысячи. За эти четыре века они исследовали во всех направлениях огромную территорию — бассейн Камы (Волга с Окой были изучены раньше), бассейны северных европейских рек — Онеги, Северной Двины, Мезени, Печоры и широкие губы, в которые впадают эти реки. Русские моряки обошли на своих небольших промысловых судах все северное побережье Европы — от Варангер-фьорда до Печорского моря включительно, причем установили наличие полуостровов Кольского, Онежского и Канина и открыли острова Соловецкие, Колгуев, Вайгач и Новую Землю. Через обнаруженные проливы — Югорский Шар или Карские Ворота — они проникали из Печорского в Карское море и к XVI в. открыли его юго-западное побережье с полуостровами Югорским и Ямалом. Они пересекали Ямал, пользуясь местными реками и удобным волоком между ними, и входили в Обскую и Тазовскую губу, достигая прославившейся своими мехами «страны Мангазеи». Русские ходили в Северо-Западную Сибирь и сухим путем, переваливая Северный Урал. Летописи XIII—XV вв., дающие представление об этом массовом движении русских на север и северо-восток, к сожалению, пока почти совершенно неизвестны западноевропейским историкам географических открытий. Но эти источники широко использованы русскими дореволюционными

и советскими учеными. Результаты их исследовательской работы опубликованы в ряде изданий и отражены на исторических картах, в частности, в новейшем советском атласе[1].

* * *

Перевод третьего тома труда Хеннига сделан со второго, посмертного издания, вышедшего в свет в Лейдене в 1953 г. Душеприказчики покойного историка поместили в конце этого тома те изменения и дополнения к первому и второму томам, которые Хенниг сделал после их публикации. Они помещены соответственно в первом и втором томах русского издания. Исключена данная автором в конце третьего тома генеалогия важнейших чингисидов.

Как и в предшествующих томах, в тех случаях, когда автор цитирует источники, переведенные на русский язык, редакция дает соответствующие библиографические справки.

В работе над книгой в качестве консультанта по вопросам истории принимал участие доцент Д. Г. Редер.

И. Магидович

---

[1] См. «Атлас географических открытий и исследований», М., 1959, карты 22, 23, 33.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ

Профессор, доктор Рихард Хеннig, автор четырехтомного труда «Неведомые земли», умер 22 декабря 1951 г., достигнув почти 78-летнего возраста. «Неведомые земли», книга, над которой он работал до последнего мгновенья с исключительной добросовестностью и основательностью, была венцом его жизни, посвященной науке. Новое издание III и IV томов полностью переработано еще самим автором. Д-р Хеннig учел все сообщения, содержащиеся в обширной литературе, посвященной географическим исследованиям, и сам отослал в издательство заново отредактированное введение к III тому. Автор составил также подробнейшие замечания к IV тому, включенные в подготовленное к печати издание. Глубочайшее уважение к покойному не позволило его душеприказчикам вносить изменения, за исключением тех случаев, когда это вызывалось безусловной необходимостью. Они не считали себя вправе вносить дополнения в связи с новейшими публикациями. Итак, 1951 г. следует считать датой завершения этого труда.

Как и при прежних изданиях, проф. Штехов (Мюнхен) с исключительным бескорыстием согласился держать корректуры. За это сотрудничество мы особенно благодарны ему и выражаем признательность также от имени усопшего.

Д-р Хеннig создал особую науку об исторических, географических и духовных закономерностях, вытекающих из общения между народами. Имя автора будет жить в его книге «Неведомые земли», которая была плодом десятилетней исследовательской работы.

Д-р Эдвин Хеннig
Д-р Вернер Хеннig

ВВЕДЕНИЕ

Для историко-географических исследований, подобных тем, которыми занимается автор этой книги, 1200 г. н. э. представляется самым подходящим хронологическим рубежом. Именно с 1200 г. начинается тот монгольский период всемирной истории, который в Европе, правда, оказал влияние только на политическую географию ее восточной части, но зато для большинства стран Азии был подлинно поворотным пунктом. В тот период географические интересы христианских народов Европы были сосредоточены на изучении природы и хозяйства стран Азии, богатства которых считались тогда несметными. Неудивительно поэтому, что благодаря вмешательству монголов, повернувших колесо истории, за ряд десятилетий были достигнуты необычайные успехи в географических открытиях на Востоке. Ислам, под влиянием которого находились страны Юго-Западной Азии и Северной Африки, в общем неодобрительно относился к мирной торговле с христианами и чинил довольно серьезные препятствия для общения с христианским миром. Между тем монголы, создавшие новую державу в Азии, были в этом отношении более сговорчивыми. Они проявляли к христианам по меньшей мере равнодушие, а некоторые более здравомыслящие из них — даже благосклонность. Завоеванные монголами страны Азии, как правило, становились более доступными для европейских купцов.

Нельзя считать случайностью тот факт, что шесть первых путешествий XIII в., с рассмотрения которых начинается III том, были предприняты, либо с запада, либо с востока, как раз в завоеванные и открытые монголами для внешнего мира страны. Причины, которые привели к этому, будут ясны из последующего изложения.

Кровавым метеором поднялся на Дальнем Востоке Темучин, первоначально незаметный и бессильный вождь одного из монгольских племен, совершивший завоевания в таких грандиозных масштабах, которых не знала история. Он был одним из самых непостижимых, отталкивающих и одновременно возбуждающих интерес и достойных удивления людей, которые когда-либо жили на земном шаре. Чингис-хан растоптал цветущие культуры и уничтожил миллионы человеческих жизней и, несмотря на это, был величайшим гением, основателем государства, властелином, орга-

низатором, выдающимся полководцем, человеком, который за 50 лет из ничтожного вождя маленького кочевого племени превратился в неограниченного диктатора империи, «простиравшейся от Средиземного моря до Тихого океана, от сибирской тайги до Гималаев, самого огромного государства, которое когда-либо существовало на Земле»[1].

Как бы то ни было не будет большой ошибкой, если полтора столетия между 1200 и 1350 гг. охарактеризовать в основном как монгольский период в истории географических открытий.

Вмешательство монголов и их завоевания вновь открыли европейским народам ранее закрытый путь в Центральную, а затем и в Восточную Азию.

«Великий торговый путь по суше, соединяющий Восток и Запад, был открыт. Китайские товары беспрепятственно пошли на далекий Запад, а иностранные товары из Западной Азии и из других западных стран устремились в Китай»[2].

При рассмотрении опустошительных последствий великого монгольского нашествия нельзя забывать и это его полезное влияние на культурные связи.

Без грозного монгольского потока, снесшего на своем пути все преграды, Европа на протяжении нескольких столетий ничего не узнала бы о Восточной Азии и о высокой культуре Китая. Не было бы и мощного импульса для наступления века великих географических открытий, для страстного желания Колумба отыскать «империю великого хана», плывя на запад.

---

[1] M. Prawdin, Tschingis-Chan, der Sturm aus Asien, Stuttgart — Berlin, 1935, S. 13. [Весьма интересную работу о Чингис-хане и его времени написал Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., 1934. Очень ценный материал о Чингис-хане приведен в труде выдающегося персидского историка Рашид-ад-дина (1247—1318); См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, М.—Л., 1952, т. I, кн. II. Об оценке Чингис-хана Хеннигом см. предисловие редакции, стр. 9, 10.— *Ред.*]

[2] E. Haenisch, Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreichs, «Forschungen und Fortschritte», 20 November — 1 December 1943, S. 334.

ГЛАВА 118

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧАН ЧУНЯ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(1221—1224 гг.)

В год Цзи-мао [1221], зимой, пронесся слух, что учитель, проживавший на море, получил приглашение ехать; на другой год, весною, действительно он прибыл в Пекин и остановился в монастыре Юй-сюй-гуан... Когда нарочный посланец прибыл во второй раз, то учитель отправился в путь на Запад. При расставании, когда братья спросили его о времени его возвращения, он сказал, что возвратится через три года; год же был в то время Син-сы [1221], луна Цзя-чжун [февраль]. В год Цзя-шен [1224], в первую луну, учитель возвратился из западных стран, ровно через столько времени, как сказал...

Что касается путешествия учителя, он проехал трудными местами несколько десятков тысяч ли [около 12 300 *км*], был в местах, не упоминаемых на наших картах и не орошаемых ни дождем, ни росою, и хотя его повсюду встречали с большим почетом, тем не менее путешествие его было чрезвычайно трудно и тягостно...

10-го числа [февраля] мы ночевали в Цуй-бин-коу [западнее Калгана]... [Следует описание дальнейшего путешествия через Фучжоу к соленому озеру Гайлипо, а затем в пустыню...] Третьей луны 1-го числа [начало апреля] мы вышли из песчаной полосы и прибыли в Юй-Эр-ли и здесь только встретили жилища, деревню, жители которой большей частью занимаются хлебопашеством и рыболовством... Лед еще не стаял. Третьей луны 5-го числа мы поднялись с места и ехали на северо-восток; по всем сторонам вдали виднелись людские обиталища...

Четвертой луны 1-го числа мы прибыли в ставку великого князя Огиня; тогда лед только что стаял и на почве появились ростки растений... 22-го числа мы прибыли к реке Лу-гюй [Керулен]. Воды ее образуют здесь озеро в окружности на несколько сот ли... С южного берега мы переправились на западный... После 16 дней пути река уклонилась на северо-запад, в горы; мы не смогли узнать ее истоков; на юго-запад мы выехали на почтовую дорогу Юй-Эр-ли...

Далее мы путешествовали десять дней; в летний поворот солнца тень от него, по нашему измерению, была 3 фута и шесть или семь вершков. Мало-помалу показались пики высоких гор. Отселе

на запад постоянно были горы и холмы; обитателей весьма много. [Описание дальнейшего пути мимо развалин города Китан.]

... 6-й луны 13-го числа мы достигли хребта Чан-сун-лин и остановились позади него... На запад отсюда прибыли в большой город Бе-сы-ма [Бишбалык]. Девятой луны 2-го числа мы отправились на запад и через четыре дня остановились на востоке от Лунтая... Потом, через четыре дня пути на запад, прибыли в Талас-сумулян [мулян — значит река]; река глубока и широка, течет на северо-запад; выходя с востока, она прорезает Инь-шань [Тянь-Шань].

10-й луны 1-го числа, переплыв реку на судне, мы прибыли на юг к одной большой горе, по северную ее сторону, где есть небольшой город Талас. Далее мы пять дней ехали на запад... Ехавши далее семь дней на запад, мы переехали одну гору, на юго-запад, и встретили здесь китайского посла, возвращавшегося в Китай... На другой день выпал большой снег... Снегу выпало на фут; но с восходом солнца он растаял. 16-го числа, направляясь на юго-запад, мы переехали реку дощатым мостом и к вечеру прибыли к подошве южных гор.

...Мы слышали, что предстоящая дорога трудна; в это самое время одна телега у нас сломалась; мы и оставили ее... 11-й луны 18-го числа, перейдя большую реку, мы прибыли на север большого города Семи-сы-ган [Самарканд]. Нас встретили в предместье Тайши... Когда учитель прожил здесь зиму, посланец и Сян-гун командировали с нами Хэла...

[Далее следуют наблюдения над погодой, признаками весны и т. д. Дальнейшее путешествие в начале мая 1222 г. Переход через Железные Ворота «Темынь-Гуань».]

5-го числа 4-й луны мы прибыли в лагерь императора, который послал высоких офицеров, чтобы встретить учителя... К началу жаркого времени года учитель отправился с императором в горы, чтобы там провести лето... [В связи с начинавшимися волнениями следует возвращение в Самарканд.]

14-го числа мы прибыли к юго-западной подошве Железных Ворот; при выходе горы здесь страшны и громадны; левый утес упал так, что поток протекает внизу скрытно около одной ли. 8-й луны 15-го числа мы прибыли к реке [Аму-Дарья]; она походит на Хуанхэ, течет на северо-запад. Переплыв ее на судне, мы остановились на южном берегу ее. На западе отсюда есть горное укрепление, называемое Туан-ба-ла, лежащее в развалинах... [Следует описание повторного прибытия в императорский лагерь и похода с императором на север.]

9-й луны 1-го числа, переехав через плавучий мост, мы направились на север. 26-го числа [январь 1223 г.] отправились в путь. 12-й луны 23-го числа был снег и такой холод, что множество волов и лошадей замерзло на дороге. Потом, через три дня, мы

переехали на восток Хочан-мулян [Сыр-Дарью] и прибыли в ханскую ставку..

[10 марта 1223 г. Чан Чунь простился с Чингис-ханом и отправился в обратный путь. Он пошел за Или, через Тянь-Шань и дальше по почтовой дороге к восточному склону Монгольского Алтая. В начале июня начался сильный снегопад.]

Следуя на восток, учитель проехал 16-го числа большую гору, на которой лежал снег; было весьма холодно; лошадей переменили у юрты... [Возвращение 7-го числа 1-й луны, то есть в феврале 1224 г.][1]

* * *

Весной ты расстался со мной, а теперь лето и тяжело путешествовать в палящий зной; по дороге давали ли тебе хороших почтовых верховых лошадей? Довольно ли было тебе в пути еды и питья, не мало ли? Власти в Сюаньдэфу хорошо ли принимали тебя? Нашел ли ты [нужных] людей? Вполне ли ты сам здоров? Я здесь постоянно думаю о тебе, божественном и бессмертном. Я не забыл тебя, не забывай и ты меня[2].

* * *

Подвластные Божественному и Бессмертному монастыри, дома, в которых изо дня в день читают священные книги и взывают к небесам, должны молиться о долголетии царя. За это освобождаются они от всех больших и малых повинностей, оброков и податей[3].

Чингис-хан, грозный правитель монголов, этот бич божий, при всей его жестокости все же интересовался науками и искусством и относился к ним с почтением даже в вражеских странах. С 1211 г. он вел в Китае почти непрерывную опустошительную войну, которая закончилась только в 1234 г.,

---

[1] Ли Чжи-чан, Сиюцзы. См. E. Bretschneider, Notes on Chinese mediaeval travellers to the west, Shanghai, 1875, p. 16 (и след.). [Перевод на русский язык дается по архимандриту Палладию. См. «Труды духовной миссии в Пекине», 1866, т. IV.

Архимандрит Палладий, до принятия монашества Петр Иванович Кафаров (1817—1878),—выдающийся китаевед, 30 лет проживший в Китае в составе Пекинской русской православной миссии. В IV томе трудов этой миссии опубликовано два перевода Палладия: «Путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад» и «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане».—*Ред.*]

[2] Письмо Чингис-хана к Чан Чуню после отъезда китайского путешественника из Самарканда летом 1223 г. См. E. Haenisch, Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreichs, «Vorträge und Schriften der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1943, H. 17, S. 23 (и след.).

[3] Освобождение от налогов монастырей Чан Чуня по велению Чингис-хана. См. E. Haenisch, op. cit., S. 24.

после его смерти, полным покорением северной части этого громадного государства[1]. Однако и во враждебной Срединной империи Чингис-хан ценил высокообразованных людей. Из Китая пригласил Чингис-хан своего государственного канцлера, умного и удачливого астролога и предсказателя Елю Чу-цая, неизменно пользовавшегося его глубоким уважением. Из Китая также призвал он в Самарканд другого ученого, мудреца Чан Чуня, когда, состарившись в заботах о будущем своего государства, стал нуждаться в умном человеке, с которым мог бы вести философские беседы.

Чан Чунь [«Вечная весна»] родился в 1148 г. в Сися и провел большую часть своей жизни в Шаньдуне, глубоко почитаемый своими соотечественниками. Он был здесь патриархом и настоятелем даосского монастыря[2] Хаотяньгуань у Лэйчжоу и еще при жизни считался полусвятым и мудрецом. В мае 1219 г. посланец Чингис-хана Лю Чжун-лу доставил Чан Чуню облеченный в форму просьбы приказ могучего правителя монголов следовать под надежной охраной к нему в лагерь под Самаркандом, куда для захвата этого города стягивались тогда монгольские войска. Получив этот приказ, Чан Чунь отправился сначала в Пекин, затем в Монголию и, наконец, в феврале 1221 г. совершил утомительное путешествие в Самарканд, несмотря на свой 72-летний возраст. Это путешествие, длившееся в общей сложности свыше трех лет и приведшее китайского мудреца почти к границам Индии, прекрасно описал сопровождавший его ученик Ли Чжи-чан. Его труд, носящий название «Сиюцзы», был опубликован еще в 1228 г. в сборнике «Даоцзанцзияо». Первое печатное издание появилось в 1848 г., русский перевод архимандрита Палладия вышел в свет в 1866 г., французский, сделанный Потье,— в 1867 г.[3], а английский, принадлежащий Бретшнейдеру,— в 1875 г.[4]

Какая же причина побудила Чингис-хана предъявить столь странное требование к 72-летнему китайскому мудрецу, требование, которое вынудило того предпринять трехлетнее утомительное путешествие и проехать свыше 12 тыс. *км*, чаще всего верхом на лошади? Это объясняется, конечно, не столько потребностью Чингис-хана в поучительных беседах на философские и моральные темы, сколько его желанием узнать от Чан Чуня, которому молва приписывала 200-летний возраст, какими средствами можно продлить свою жизнь. Как это ни странно, Чингис-хан, беспечно приносивший в жертву своему властолюбию миллионы человеческих жизней, сам стремился дожить до глубокой старости. Ему в то время, вероятно, было уже около 64 лет, но он охотно ознакомился бы с даосской тайной продления жизни. Вот что пишет

---

[1] M. P r a w d i n, Tschingis-Chan, der Sturm aus Asien, Stuttgart—Berlin, 1935, S. 10 (и след.).

[2] Даосский монастырь — община монахов, последователей одного из китайских религиозных учений — даосизма, возникшего в I в. н. э.— *Прим. ред.*

[3] Гильом Потье (1801—1873) — французский китаевед. Кроме китайских источников, Потье перевел и прокомментировал «Книгу Марко Поло» и опубликовал свой труд по истории политических сношений Китая с западными державами (1859 г.).

[4] Эрнст Бретшнейдер — англо-немецкий китаевед второй половины XIX в.

по этому поводу Хениш: «Причиной приглашения Чан Чуня можно считать просто желание приобрести средство для продления жизни. Действительно, искусство сохранения здоровья при помощи дыхательной гимнастики и тому подобных средств — это один из видов даосской тренировки. Может вызвать удивление то обстоятельство, что Чингис-хан, этот отважный воин, который на поле битвы никогда не избегал опасности, стремился к продлению жизни. Но такие противоречия свойственны многим людям»[1].

Причину же, побудившую престарелого философа Чан Чуня предпринять утомительное многолетнее странствие и проделать путь протяженностью более 10 тыс. *км*, Хениш разъясняет так:

«Патриарх взял на себя тяжкий труд длительного путешествия в надежде возвысить в глазах властелина *дао* своей секты»[2].

Правда, маршрут путешествия мудрого китайского старца повсюду проходил по местностям, известным уже на протяжении многих столетий; ранее незнакомых земель он не открыл. Но зато совсем необычным был характер его путешествия. Никогда до него никто не делал и не записывал таких реалистических наблюдений над страной и населением, над климатом, растительностью и т. д. В те времена, когда книги о путешествиях обычно изобиловали фантастическими вымыслами, нелепыми слухами и сообщениями о различных чудесах, строгая деловитость китайского путешественника представляла почти исключительное явление. Его труд кажется поразительно современным благодаря отсутствию прикрас, трезвости суждений, объективности и точности наблюдений. Из литературы XIII в. только книги Рубрука (см. гл. 121) и Марко Поло (см. гл. 126) могут претендовать на такое научное значение.

Образцовой следует признать и точную датировку всех важных этапов путешествия. Таким достоинством отличается и книга Рубрука, между тем как труду Марко Поло эта особенность почти не присуща. Вызывают восхищение также естественнонаучные и этнографические наблюдения Чан Чуня. Он рассказывает, например, что в начале июня 1221 г. наблюдал на реке Керулен полное солнечное затмение, при котором были видны звезды, а позднее отмечает в связи с другим случаем, что, как он выяснил, в тот же самый день в Самарканде было закрыто только $^5/_6$ солнечного диска. Характеризуя географическую широту одного населенного пункта, китайский путешественник отмечает длину тени от какого-то предмета в полдень, когда солнце находилось в зените, и т. д. Для суждения о распространении китайцев и их приспособляемости очень важное значение имеет следующее короткое замечание нашего путешественника, на которое указывал Бретшнейдер. После описания своего прибытия в Самарканд Чан Чунь отмечает:

«Китайские рабочие и ремесленники живут по всем местам»[3].

---

[1] E. H a e n i s c h, op. cit., S. 21.

[2] Ibidem, S. 335. [Дао означает по-китайски путь, то есть основу даосизма.— *Ред.*]

[3] Л и Ч ж и-ч а н, Сиюцзы. См. «Труды духовной миссии в Пекине», 1866, т. 4.

Путешествие Чан Чуня по Центральной Азии не было научной экспедицией, которая открыла бы новую страну для культурных народов, но тем не менее оно занимает единственное в своем роде место. *С современной точки врения это было первым исследовательским путешествием!* Чингис-хан сделал все что мог, дабы облегчить престарелому китайцу его дальний путь, более чем на 50° долготы. Вот что пишет по этому поводу Правдин[1]:

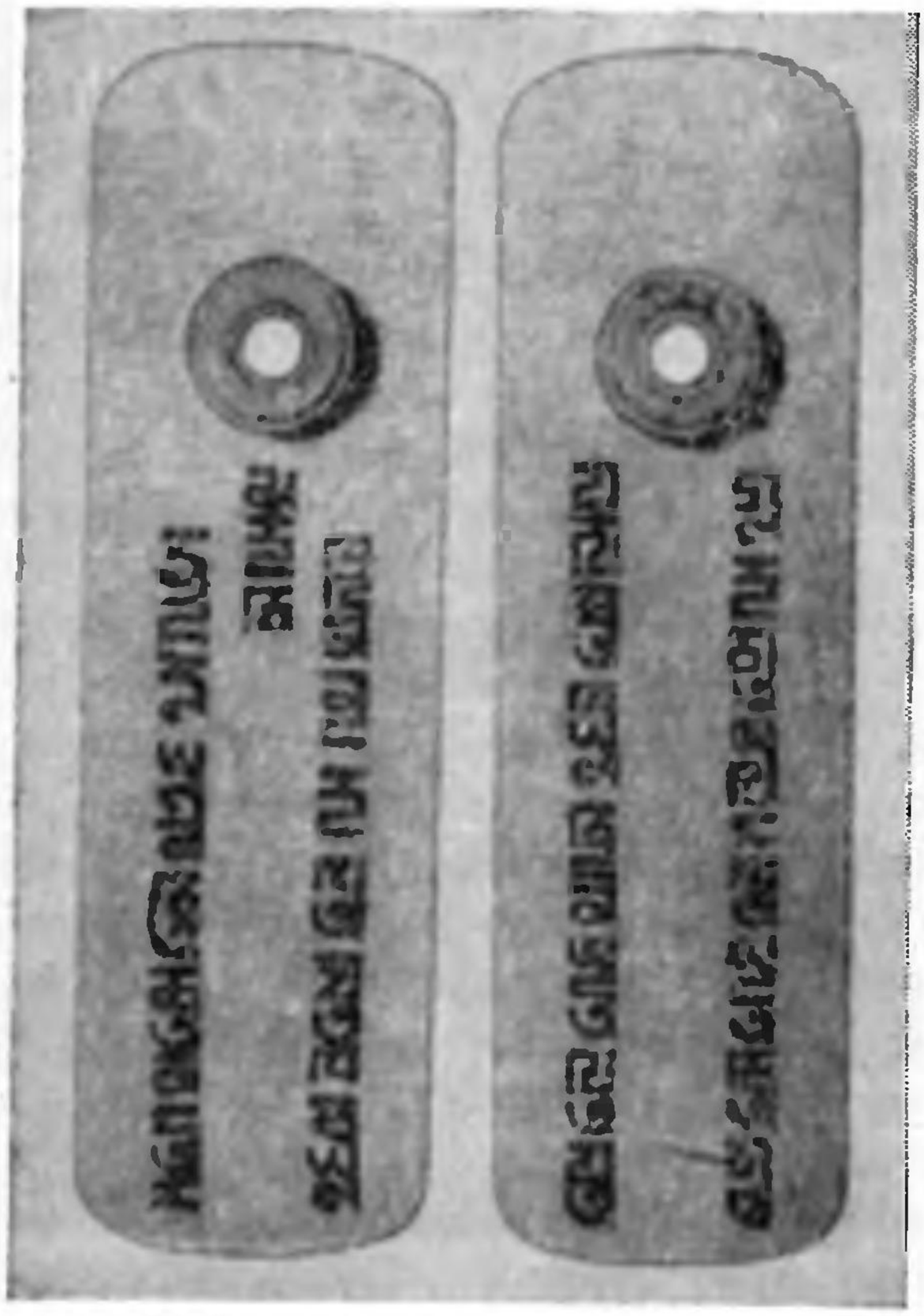

Рис. 1. Монгольские пластинки, гарантировавшие свободный проезд.
См. S. Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entedeckungen, 1881, S. 65.

«Никогда в мировой истории, за исключением древнего Китая, где философов иногда жаловали высшими чинами, ни один император не ценил ученого так высоко, как предводитель варваров Чингис-хан ценил даосского монаха Чан Чуня. Его странствие было подобно триумфальному шествию».

В мае 1222 г., через 15 месяцев с начала путешествия, Чан Чунь наконец впервые встретился с великим властелином монголов, только что вернувшимся из похода в Индию, где он незадолго до этого одержал полную победу на Инде над храбрым Джелаль-ад-дином, сыном шаха Хорезма (9 декабря 1221 г.). Чингис-хан встретил его словами: «Другие цари приглашали тебя, но ты отказал им, а теперь ты прошел 10 000 ли, чтобы навестить меня. Для меня это большая честь». И позднее великий хан неизменно оказывал Чан Чуню свое высокое внимание.

Характерен первый вопрос, который Чингис-хан за ал мудрецу: «Какое лекарство ты привез мне для долгой жизни?» Китаец находчиво ответил: «У меня есть дао к поддержанию жизни, но нет лекарства для вечной жизни»[2].

Важнейшие беседы между повелителем монголов и Чан Чунем состоялись четырежды в сентябре, особенно серьезные — 15-го и 23-го числа. Великий хан остался весьма доволен и позднее так отзывался о них: «Божественный и бессмертный трижды разъяснял мне дао к поддержанию жизни, и я принял его слова близко к сердцу. Не нужно разглашать их». Итак, беседы проходили в самом узком кругу, причем изречения Чан Чуня записывались.

---

[1] M. Prawdin, op. cit., S. 178.
[2] E. Haenisch, op. cit., S. 22.

Правдин дал прекрасное описание философских бесед императора с бесстрашным мудрецом, презиравшим мирскую суету. Чингис-хан охотно оставил бы Чан Чуня у себя навсегда, но китаец настаивал на том, чтобы ему поскорее позволили отправиться в обратный путь. Он отклонил все подарки, милости, титулы и звания как «не имеющие никакой цены». Чингис-хан приказал собственному почетному караулу доставить Чан Чуня в полной безопасности и со всеми удобствами в Пекин, куда он вернулся в феврале 1224 г. В знак своей благодарности повелитель монголов отвел старому мудрецу для проживания и занятий с учениками одну из прекраснейших частей императорского дворца в Пекине с великолепным парком и обещал построить на этом месте после смерти Чан Чуня даосский монастырь.

В течение трех лет наслаждался Чан Чунь своими роскошными покоями и проповедовал свое учение. Он умер почти в 80-летнем возрасте, 12 августа 1227 г., всего на шесть дней раньше Чингис-хана, своего великого покровителя, самого могущественного властелина средневековья.

Свою хорошую осведомленность о странах Западной Азии китайцы сохраняли и в последующие века, несмотря на все политические перемены. Согласно Бретшнейдеру, прекрасное знание различных стран вплоть до Багдада отражено на китайской карте 1330 г.[1], а Барбаро еще в 1475 г. отмечал оживленные торговые связи между Китаем и Самаркандом[2].

---

[1] E. Bretschnéider, op. cit., S. 31, 36.

[2] Josaphat Barbaro, Viaggi fatti da Venézia alla Tana, in Persia India e in Constantinopoli. См. Ramusio, Viaggi et navigationi, Venézia, 1583, t. II, p. 106 (и след.). [Джосафат Барбаро (XV в.) — венецианский путешественник по Юго-Восточной Европе и Передней Азии. Его «Путешествия» впервые издал в Венеции Дж. Рамузио в 1543—1545 гг. Обширные выдержки из этой книги под заголовком «Иосафата Барбаро, дворянина венецианского, путешествие к Дону» приводятся немецким ученым Фридрихом (Федором) Аделунгом (1768—1843), переселившимся в Россию в конце XVIII в. См. Ф. Аделунг, Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений, М., 1863—1864.— *Ред.*]

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ К ГЛ. 119 — 121
ВОЗРОЖДЕНИЕ НАДЕЖД НА «СВЯЩЕННИКА ИОАННА» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В.[1]

Вышеупомянутый Серафим слыхал, что индийский царь Давид вторгся в его страну, а потом был вынужден отступить со своим войском под нашим натиском. Этот царь Давид, весьма могущественный и опытный в военном искусстве государь, мудрый и победоносный, которого Господь призвал в наши дни, дабы он стал молотом для язычников и искоренителем распространяющегося как чума учения неверного Магомета и его проклятого закона, зовется народом «священником Иоанном». Будучи самым младшим среди своих братьев, подобно Давиду, святому царю Израиля, он был возвышен над всеми и коронован на царство волей Провидения. Но какими чудесными путями вел его Господь в эти дни и благословил деяния его, направив шаги его и всех подвластных ему бесчисленных народов, племен, дружин и языков, явствует из прилагаемой рукописи, переложение которой с арабского на латинский мы сделали по мере наших возможностей с помощью языческих толмачей.

Но царь Давид располагает тремя войсками. Одно из них он послал в страну Колаф, подвластную брату султана Египта, второе — к Багдаду и третье — к Мосулу, который в Ветхом завете зовется Ниневией. И уже стоит он на расстоянии не более 15 дней пути от Антиохии и спешит прийти в Землю Обетованную, чтобы узреть Гроб Господень и восстановить Святое государство[2]. Но раньше он намерен, если будет на то воля Божия, во имя Христа покорить страну султана Иконния, Калафию и Дамаск[3], а также

---

[1] Историческое введение, предшествовавшее гл. 119 первого издания этой книги, изменено и расширено в связи с книгой Сандерса. См. A. S a n d e r s, Kaukasien, München, 1942.

[2] «Святое государство» — христианское Иерусалимское королевство, основанное крестоносцами в конце XI в. на восточном побережье Средиземного моря; в 1187 г. оно было завоевано египетским султаном Салах-ад-дином.— *Прим. ред.*

[3] Иконий (Иконийский султанат) — государство, основанное на рубеже XI—XII вв. туркменами (огузами) в центральной части Малой Азии; столицей его стал византийский город Иконий (современный Конья). Калафия — искаженное название древней Галатии, римской провинции в Малой Азии, центром которой был город Анкира (современная столица Турции — Анкара). В XII—XIII вв. Галатия принадлежала Иконийскому султанату, составляя его северную часть. Дамаск в XII—XIII вв. входил во владение династии Эйюбидов, основанной египетским султаном Салах-ад-дином.— *Прим. ред.*

все лежащие между ними земли, чтобы не оставить позади себя ни одного врага.

Люди графа Триполи[1], пришедшие из тех стран, передали списки вышеназванного письма. Такие же сведения сообщили и купцы, доставившие из стран Востока ладан и драгоценные камни. Все, кто приходит из тех краев, рассказывают то же самое. Египетский султан взял в плен несколько наших воинов, а потом отослал своему брату Корадину Дамасскому. Корадин, правитель Дамаска, отослал их своему господину халифу Багдадскому, а тот передал пленных как ценный дар царю Давиду. Когда царь узнал, что они христиане, он приказал снять с них оковы и отослать обратно в Антиохию. Они и были теми людьми, которые сообщили нам эти слухи и еще очень многое другое о царе Давиде.

Египетский султан узнал также от посланников названного халифа Багдадского о непобедимой мощи упомянутого царя Давида, о его удивительных триумфах, о том, как он только за 200 дней покорил все сарацинские страны, и что никто не может противостоять ему. После этого ошеломленный и пораженный султан приказал привести к нему некоторых наших благородных господ, которых он держал в тюрьме Капри: благородного Бельваценсиса и его брата виконта Беллимона, Иоанна Арцейса, Одо Кастельона, Андре Эспуаса, а также некоторых тамплиеров и рыцарей-иоаннитов[2] из Дома немцев. Через них он надеялся добиться мира с нами. Он прислал также собственных послов с письмами к нашему войску, стоящему у Дамаска, так как хочет во что бы то ни стало заключить с нами мир и добиться договора[3]...

---

[1] Ливанский город Триполи в XII—XIII вв. был центром небольшого христианского государства — Триполийского графства, основанного крестоносцами.— *Прим. ред.*

[2] Тамплиеры (то есть храмовники) — рыцари католического военно-духовного ордена, основанного крестоносцами в Иерусалиме (1119 г.), близ того места, где в древности стоял Соломонов храм (отсюда и произошло название ордена). Орден тамплиеров существовал до 1312 г. Рыцари-иоанниты (или госпитальеры) — члены католического военно-духовного ордена, также основанного крестоносцами в Иерусалиме (1118 г.). После ликвидации турками-мусульманами последних христианских владений в Палестине иоанниты обосновались на острове Родос и стали называться родосскими братьями (1310—1522). Вытесненные турками и оттуда, они завладели островом Мальта и именовались мальтийскими рыцарями (1530—1798).

С 1834 г. и до настоящего времени руководящий орган Мальтийского ордена находится в Риме.— *Прим. ред.*

[3] Отрывок из письма Жака де Витри, епископа Акки, к папе Гонорию III, данного из Акки 18 апреля 1221 г. См. «Spicilegium sive Collectio veterum aliquot scriptorum, qui in Galliae bibliothecis delituerant», Paris, 1723, t. III, p. 591 (и след.). Дата письма изменена по сравнению с первым изданием, так как на основании данных, приведенных на стр. 31, 32, 1219 г., считавшийся ранее начальной датой, теперь отпадает.

* * *

Я получил известие, истинность которого подтверждена надежными посланцами: индийские христиане, называемые грузинами, с бесчисленными всадниками и пехотой, воодушевленные помощью Божьей, крупной вооруженной силой обрушились на неверных, захватили 300 крепостей и покорили 9 больших городов; сильные города они заняли, а слабые разрушили. Один из них, лежащий на Евфрате, был самым важным и крупным из всех языческих городов. Султан Вавилона был властителем этого города. Вышеназванные христиане пленили его и обезглавили, хотя в качестве выкупа султан предлагал много золота, драгоценностей и даров... Они хотят прийти сюда, чтобы освободить Святую землю Иерусалима и покорить все языческие страны. Их царь благороден, ему 16 лет, по силе и добродетели он подобен Александру, но только не по вере... Этот юноша везет с собой останки своей матери, могущественной царицы Тамары, которая при жизни дала обет совершить паломничество в Иерусалим и просила своего сына в случае ее смерти доставить ее останки к Гробу Господню. Сын уважил просьбу матери, хочет выполнить данный ею обет и доставить ее тело в Святой город, будь то с согласия или вопреки воле язычников[1].

* * *

Один из двух царей должен прийти в Иерусалим с востока, другой — с запада, когда пасха придется на 3 апреля [1222 г.][2].

* * *

Во всем христианском мире ходили слухи, что индийский царь Давид, называемый священником Иоанном, приближается с большим войском, покорил Персию, Медию[3] и много других сарацинских земель и известил халифа Багдадского Балдака, верховного папу сарацин, что хочет идти войной на него и на все язычество,

---

[1] Письмо неизвестного рыцаря-крестоносца архиепископу Безансона, См. R. R ö h r i c h t, Regesta regni Hierosolomytani, Innsbruck, 1893, № 868. p. 234.

[2] O l i v e r, Historia Damiatina, cap. 33. См. E c c a r d, Corpus historicorum medii aevi, Paris, 1723, t. II, p. 1428.

[3] Мидия (то есть срединная) — термин, употреблявшийся некоторыми средневековыми авторами для обозначения Средней Азии. Так же латинские авторы называли древнюю страну в западной части Иранского нагорья, которую в русской литературе принято обозначать Мидией (а ее жителей — мидянами). Во избежание путаницы редакция допускает искусственный термин «меды» для обозначения жителей «Медии» (то есть Средней Азии); см. также гл. 140, текст и примечание Хеннига на стр. 212.— *Прим. ред.*

если тот не перейдет в христианскую веру. А христианскому войску под Дамиеттой и в стране Иерусалимской он обещал прийти на помощь[1].

* * *

Папа Гонорий так писал всем архиепископам Франции: кардинал Пелагий сообщил из-за океана, что царь Давид, называемый священником Иоанном, богобоязненный человек, вторгся с вооруженными силами в Персию и после победы над персидским султаном занял и покорил его страну за 24 дня; там он завладел многими укрепленными городами и лагерями. Оттуда он продвинулся так быстро, что его войско находится на расстоянии всего 10 дней пути от величайшего и самого прославленного города Багдада, где пребывает халиф, называемый сарацинами верховным священнослужителем. Под такой угрозой султан Халапии, родич братьев султанов Дамаска и Вавилона, приказал повернуть свои войска, брошенные на христианскую армию, осаждающую Дамиетту, против вышеназванного царя. Тот же легат Пелагий сообщил в Авиньон: Страна грузин, которые являются католиками и хорошо вооружены, просит и умоляет, чтобы и ей тоже разрешили воевать с сарацинами. Далее в письмах рыцарей-тамплиеров можно прочитать, что именно этот царь Давид покорил в странах Востока около Персии одно царство с 300 городами, не считая замков и лагерей, и другое царство, в котором, кроме 300 замков, есть еще 66 рек и которое разделено на 40 частей, и собрал 100 тысяч воинов. Все, что здесь сказано о царе Давиде, произошло в этом году, остальное — в прошлом. В этом году также сообщили во Францию, что тот царь Давид или, как полагают другие, его сын пришел уже в Команию, лежащую за Венгрией, на русской земле. Там он опустошил некоторые языческие земли, особенно в Комании, и в течение пяти месяцев вел ожесточеннейшую войну. Он умертвил много тысяч русских, оказавших ему сопротивление, а также некоторое число язычников на Прутанисе и разрушил большой город Торнакс, или Орнарию[2], куда ездят купцы из далеких стран. К тому же сообщалось, что в его войске 40 царей и 60 архиепископов и епископов. Царь Давид пребывал в тех странах два года. Сообщалось еще немало невероятного, но достаточно и этого немногого. Некоторые также утверждали, что это не христиане и не сарацины... Когда царь Давид и его войска услышали, что пала Дамиетта, они повернули через морские острова,

---

[1] Radulphus de Coggeshale, Chronicon Anglicanum, ed. J. Stevenson. См. «Rerum Britannicarum medii aevi Scriptores», London, 1875, p. 190. [Имеется в виду Крестовый поход 1218—1222 гг., когда военные действия развернулись в северном Египте около приморской крепости Дамиетты.— *Ред.*]

[2] Вероятно, Судак в Крыму.

ибо так им было всего удобнее, а все слухи, которые о них распространялись раньше, прекратились[1].

В 1221 г., между четвертым и пятым крестовыми походами, в христианском мире с новой силой возродилась страстная надежда на помощь в борьбе против сарацин со стороны легендарного государства «священника Иоанна» (см. т. II, гл. 115). Две различные причины породили эту иллюзию: некоторые события в христианском государстве грузин на Кавказе и первые далекие раскаты грозы, надвигавшейся из Центральной Азии,— монгольского нашествия, которое первоначально с непонятным для нас оптимизмом расценивалось европейцами совсем неправильно.

В Грузии в XII в. правил Давид IV Строитель (1089—1125), самый героический и выдающийся правитель из всех грузинских царей. В битве при Дидгори 15 августа 1121 г. с войском численностью 61 тыс. человек, среди которых была 1 тыс. франкских рыцарей, Давид одержал победу над превосходящими силами мусульман, вторгшихся в его государство[2]. Только на несколько лет пережил грузинский царь эту славную победу, поднявшую его государство на значительную высоту: он умер 24 января 1125 г. Правнучка Давида, царица Тамара, царствовавшая в Грузии с 1184 по 1212 г., была также выдающейся правительницей[3]. Ее сын, Георгий IV Лаша (1212—1223), послал миссию к канцлеру княжества Антиохии Галтерию, обещая свою помощь христианскому войску, осаждавшему тогда Дамиетту, в его борьбе против сарацин. Однако Георгий не смог сдержать своего обещания, так как монгольские полчища Чингис-хана вторглись в Грузию, что привело к чудовищному ее опустошению. После смерти Георгия его сестра и наследница Русудан письменно сообщила папе Гонорию III (1216—1227), что ее брату помешало сдержать свое слово бедствие, постигшее его государство. Дословно известны как ее письмо, так и ответ папы от 12 мая 1224 г.[4]

Дату прибытия посольства царя Георгия к канцлеру Галтерию определяют по-разному: Рёрихт относит это событие к 1213 г.[5], а Сандерс отодвигает его на 1207—1208 гг.[6] Но так как царица Тамара умерла 18 января 1212 г.[7], а осада Дамиетты христианами началась только 1 июня 1218 г., то в обоих случаях приняты, видимо, слишком ранние даты. Если царь дей-

---

[1] «Chronica Alberici monachi trium fontium ad annum 1221»(написана примерно в 1250 г.). См. «Monumenta Germaniae historica», SS XXIII, p. 911.

[2] S. A w a l i š w i l i, Du temps des croisades, Paris, 1929, p. 138, 153.

[3] Подробное описание борьбы грузин с сарацинами см. «Journal Asiatique», sér. 4, t. XIII, p. 507 (и след.). См. также A. S a n d e r s, op. cit., p. 129.

[4] O d o r i c u s R a y n a l d u s, Annales ecclesiastici, Köln, 1693, p. 309 (и след.).

[5] R. R ö h r i c h t, op. cit., p. 233.

[6] A. S a n d e r s, op. cit., p. 168.

[7] H. F. B r o s s e t, Historie de la Géorgie, Petersbourg, 1849, t. I, p. 477. [Марий Иванович Броссе (1802—1880) — русский академик (с 1836 г.), по происхождению француз, специалист по кавказским языкам и грузинской исторической литературе.— *Ред.*]

ствительно обещал свою помощь войску, осаждавшему Дамиетту, то посольство из Грузии могло быть направлено только в течение тех полутора лет, когда город находился в осаде, то есть в 1218 или в 1219 г. Не позднее чем через год слух об этом мог дойти до крестоносцев.

Случайно в то же самое время, в 1218 г., грозный Чингис-хан с войском, состоявшим предположительно из 60 тыс. человек, выступил в поход против Хорезма, мусульманского государства в Трансоксании[1]. В общих чертах об этом походе сообщалось в предыдущей главе. В 1221 г. монголы захватили Самарканд и положили конец государству Кутуб ад-дина Мухаммеда. Этот удар по исламу подействовал на восточных христиан точно так же, как 80 лет назад великая победа Елюташи у Самарканда (см. т. II, гл. 115).

Тяжелое поражение, нанесенное мусульманам в Трансоксании, и полученное одновременно обещание помощи со стороны христианского царя, потомка прославленного героя и победителя сарацин,— оба эти события вселили в христианское население Востока и Запада радужные надежды. Померкнувший было образ «царя-священника Иоанна» снова выдвинулся на передний план. Ведь только его государство, как тогда считали, могло нанести такой сокрушительный удар по неверным.

Но если в 1145 г. надежду на «священника Иоанна» породили только события в Трансоксании, то в 1220 г. посольство из Грузии повлияло на эту иллюзию не менее сильно, чем завоевания монголов в Трансоксании. Странно, что имя победителя при Дидгори, Давида, по прошествии 100 лет приписали мнимому потомку «священника Иоанна», от вмешательства которого ожидали новых чудес. Приведенное в начале этой главы письмо французского рыцаря-крестоносца показывает, до какой степени события в Грузии повлияли на вторичное ожидание вмешательства «священника Иоанна». При этом назывались имена давно умершего царя Давида IV и царицы Тамары, которые причудливо связывались с легендарным образом «царя-священника». Тот факт, что имя умершего 97 лет назад царя Давида почему-то было перенесено на жившего тогда царя Георгия IV, вытекает, видимо, из сообщения, будто «царю Давиду» исполнилось 16 лет. Георгию IV в 1220 г. было 26 лет, а Чингис-хану уже под 70, между тем как Давид IV действительно вступил на престол 16-летним юношей. Итак, истории, рассказанные ранее о Давиде, очевидно, были ошибочно перенесены на события 1220 г.

В письме епископа Жака де Витри, хотя в нем прежде всего отчетливо отражены слухи о монгольском нашествии, чувствуется также влияние грузинских источников, поскольку там тоже сообщается о приближении царя Давида. Жак де Витри был епископом в Акке с 1216 по 1228 г.[2] Письмо епископа, которое раньше всегда относили к 1219 г. и которое в первом издании

---

[1] Трансоксания — междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (Окс — латинское название Аму-Дарьи). В арабской литературе позднего средневековья этому термину соответствует название Мавераннахр («Заречье»), нередко встречающееся также в русской востоковедческой литературе XIX—XX вв. и на русских исторических картах.— *Прим. ред.*

[2] Pius Bonifatius Gams, Series episcoporum, Regensburg, 1873, p. 434; Ph. Funk, Jakob von Vitry, Leben und Werke, Leipzig, 1909.

своего труда автор также отнес к этому году, датировано только «octava Paschae», то есть «воскресеньем после пасхи». Однако еще Царнке указывал на то обстоятельство, что удачный штурм Дамиетты 5 ноября 1219 г. представлен в этом письме как уже совершившийся факт и что поэтому оно могло быть написано только в 1221 г.[1] Пасха в 1221 г. приходилась на 11 апреля, следовательно, письмо, составленное «в воскресенье после пасхи», должно быть датировано 18 апреля 1221 г., как вычислил Царнке[2].

Жак де Витри был твердо убежден в том, что «царь Давид», за которого он принимал Чингис-хана, исповедовал христианство. И только спустя три десятилетия монах Альберих, излагая исторические события, выразил довольно сильное сомнение в правильности такого утверждения, которое всеми поддерживалось. Весьма характерные заключительные фразы его повествования (см. цитату на стр. 29, 30) позволяют понять, какие воздушные замки строили его единоверцы, предаваясь радужным надеждам.

В своем классическом исследовании, посвященном возникновению и развитию легенды о «священнике Иоанне», Царнке для объяснения надежд, которые питали христиане в 1221 г., привлек только события в монгольском мире и упустил из виду второй грузинский источник этого сказания. Между тем именно обещание помощи царем Георгием должно было произвести особенно сильное впечатление, в частности на воинов, стоявших под Дамиеттой. В первом же абзаце приведенного выше отрывка из «Истории Дамиетты» Оливера нашли яркое отражение как оптимизм сражающихся крестоносцев, так и их представление о дальнейшем развитии событий: с запада должен был выступить против Иерусалима император Фридрих II, обещавший папе возглавить крестовый поход, а с востока одновременно — царь Давид. Так, 1222 г. должен был, по их расчетам, принести освобождение Иерусалиму, снова попавшему в руки неверных в 1187 г.

Четыре источника, приведенные в начале этой главы и сообщающие об ожидании прихода «священника Иоанна» в 1221 г., позволяют установить, как вести из Грузии постепенно все теснее связывались со слухами о наступлении монголов. В письме французского рыцаря-крестоносца события в Грузии и на монгольском фронте отражены примерно одинаково; в письме Жака де Витри, епископа Акки, и у Оливера перевес уже на стороне монгольских событий. В позднейших хрониках Радульфа де Коггесхале и Альбериха речь идет почти исключительно о нашествии монголов и даже уже о их вторжении в Россию. Только имя царя Давида еще сохранилось. Итак, в общем, Царнке был совершенно прав, когда без колебаний отождествил «царя Давида» XIII в. с Чингис-ханом; он только не принял во внимание грузинского происхождения имени Давид.

---

[1] F. Zarncke, De rege David filio Israel filii Johannis presbyteri, «Memoriam Cas. Friderici Kregelii de Sternbach». См. «Leipziger Universitätsprogramm», 1875, 17 Juli, S. 4.

[2] F. Zarncke, Der Priester Johannes, «Abhandlungen der Königlich-Sächsischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historishe Klasse», 1883, B. 8, S. 13. В первом издании своей книги автор, к сожалению, упустил из виду эти доводы Царнке.

Насколько гипотеза Царнке[1] соответствует действительности, подтверждает относящееся к XIII в. описание подвигов «царя Давида», которое принадлежит перу неизвестного автора: в нем сообщается в основном о походах Чингис-хана против Катая (Китая), Индии и Месопотамии. Далее рассказывается о том, что в государстве «священника Иоанна» насчитывается 64 крупных города, а все его владения простираются более чем на 78 дней пути[2].

Еще одно убедительное доказательство популярности, которой пользовался в те времена среди христианских народов образ «священника Иоанна», дает упоминание о нем в эпосе, относящемся к началу XIII в., а именно в «Парсифале» Вольфрама фон Эшенбаха. Правда, имя это упоминается там мимоходом. В 16-й песне говорится, что Репанс де Шуа, супруга брата Парсифаля Фейрефиса, была матерью «царя-священника»:

Когда же в Индию прибыла,
Судьба ей сына подарила,
Его священником Иоанном звали.
Поздней то имя переняли
Все правившие там цари[3].

Из приведенных стихов видно, что «царь-священник» превратился в племянника Парсифаля. Хотя стихи Вольфрама — вольный поэтический вымысел, они все же подтверждают, что имя «священника Иоанна» стало собирательным для всех действительно правивших и мифических «индийских» царей. Более того, они показывают, что во времена Вольфрама образ легендарного «царя-священника» все еще возбуждал умы европейцев.

Надежды на приближающееся с Востока «христианское» воинство оказались недолговечными. Вместо вестей о новых наступлениях на мусульманские страны начали проникать слухи о том, что мнимое «христианское воинство», надвигавшееся с востока, оказалось «диким народом», татарами с обликом дьявола. Они были хищны, «как волки», храбры, «как львы». Вторгшиеся в феврале 1221 г. в христианскую Грузию, они предали ее огню и мечу. Царица Русудан просила оказать ей помощь в борьбе против этих грозных, загадочных врагов, представлявшихся ей «замаскированными христианами». Русудан приняла монголов за своих единоверцев[4], так как «на знамени у них был косой белый крест»[5]. Изображение, показавшееся грузинской царице «косым крестом», на самом деле было геральдическим символом монголов — летящим белым соколом.

Надежды на войско «царя Давида», видимо, очень скоро развеялись в прах. Во всяком случае, император Фридрих II во время Пятого крестового

---

[1] F. Z a r n c k e, op. cit., 1879, B. 7, S. 869.

[2] «Relatio de Davido rege Tartarorum christiano», См. E c c a r d, Corpus historicorum medii aevi, Paris, 1723, t. II, p. 1451 (и след.).

[3] Песпя XVI, стихи 1073—1077.

[4] F. Z a r n c k e, op. cit., 1883, B. 8, S. 44.

[5] M. P r a w d i n, Tschingis-Chan, der Sturm aus Asien. Stuttgart—Berlin, 1935, S. 198.

похода ни разу не пытался установить связь с преемником «священника Иоанна». Как удачно подметил Цехлин, скоро, очевидно, поняли, что мнимое воинство христианского «царя-священника» правильнее «считать упомянутыми в Библии ордами Гога и Магога, несущими гибель миру»[1].

Совсем незначительное обстоятельство привело к тому, что монголы в тот период перестали тревожить мусульманский мир. Вместо этого они выступили первоначально против христианских народов Кавказа, а вскоре и против Восточной Европы. Казалось бы, что, покорив Хорезм — форпост ислама в Центральной Азии, монголы свой следующий удар нанесут издавна прославленному халифату в Двуречье и двинутся на Багдад, а позднее на Антиохию, Дамаск и Иерусалим. Вместо этого они неожиданно повернули к Каспийскому морю и Кавказу. Единственным поводом к этому было только то обстоятельство, что преследуемый монголами шах Хорезма, спасаясь от преследования монголов, бежал не в Багдад, с халифом которого он тоже был в натянутых отношениях, а к Каспийскому морю. Так грозный поток, устремившийся по следу беглеца, отклонился на северо-запад и запад, где вскоре наводнил половину Европы.

Но в описываемый период опустошительная «гроза из Азии» приближалась к Кавказу и, перевалив в 1221 г. горы, пронеслась по побережью Черного моря, устремилась к Дону и в Крым, где была взята и сожжена дотла сильная генуэзская крепость Судак. Затем угроза нависла над Русью, где в битве при Калке монголы нанесли сокрушительное поражение объединенным силам христианских князей (31 мая 1223 г.). Гроза умчалась так же внезапно, как и надвинулась, скрывшись в восточном направлении, ибо предводители монголов сочли необходимым доложить своему великому повелителю Чингис-хану о всех своих подвигах, открытиях и достижениях.

Христианская Европа получила короткую отсрочку. Чингис-хан, а после смерти этого правителя (1227 г.) его наследники были прежде всего заняты походами в другом направлении, а именно захватнической войной в Китае. Но когда эта война закончилась в 1234 г. полной победой, монголы с усиленной яростью, всей своей военной мощью снова обрушились на Запад. Вместо того чтобы вести войну с мусульманами для освобождения христиан Ближнего Востока, монголы напали на христианские земли Восточной Европы, уничтожили Волжскую Болгарию и Пермь (см. т. II, гл. 98), 6 декабря 1240 г. захватили и разрушили Киев, заняли Русь, Галицию, Польшу, Моравию и забушевали на востоке Германии.

Радость, которую испытывали христиане в 1221 г. в связи с появлением «христианского» воинства таинственного «царя-священника», сменилась парализующим страхом. Монах Юлиан, встречавшийся с монголами где-то на Волге, еще в 1236 г. предостерегал венгерского короля Белу IV, предрекая грядущие события[2]. Сначала европейцы не хотели верить в серьезность надви-

---

[1] E. Zechlin, Maritime Weltgeschichte, Hamburg, 1947, S. 339.
[2] B. Altaner, Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts, Habelschwert, 1924, S. 152 (и след.).

гающейся опасности. Но скоро все с ужасом убедились, что над Европой действительно нависла катастрофа, подобная нашествию гуннов в V в. На решительный отпор монголам отважились только немногие из правителей крупных христианских стран. Император Фридрих II Гогенштауфен, правда, сознавал опасность и обратился с предостерегающим воззванием ко всему христианскому миру, но сам все же не пошел из Италии в Германию, всецело предоставив защиту восточной ее части местным князьям, а также полякам, которые были связаны с ними военным союзом. Короли Франции и Англии, чьи владения находились далеко от арены битв, были заняты совсем другими делами, а не отражением монголов.

Итак, монгольские орды, встретив слабое сопротивление, разбили у Вальштатта христианские войска (9 апреля 1241 г.). Если монголы не двинулись дальше на запад, то это произошло только из-за проявленного ими еще на Руси нежелания вступать на территории, покрытые дремучими лесами. Вместо этого, опустошая все на своем пути, они вторглись через Моравию в степи несчастной Венгрии. Особенно грозной стала опасность нашествия в 1242 г. Поздней осенью монголы стояли перед городом Винер-Нёйштадт. Их форпосты появились уже у Регенсбурга и на Адриатике, как вдруг волна снова спала и откатилась назад, а современники событий так и не поняли, почему это произошло.

Непредвиденный случай, подобный тому, который спас Фридриха Великого, находившегося в крайне тяжелом положении, когда 5 января 1762 г. вдруг умерла русская императрица Елизавета, спас в 1242 г. Европу от монгольского нашествия[1]. Твердо рассчитывая покорить Европу за 18 лет, монголы за шесть лет уже захватили половину ее территории, когда в своей столице Каракоруме 11 декабря 1241 г. умер третий сын и наследник Чингисхана — великий хан Угэдэй. Согласно одному весьма ненадежному источнику, он был отравлен[2]. Неотложные дела, связанные с управлением империей, заставили монгольских князей и полководцев прервать их завоевания. К счастью для европейцев, монголы позднее совсем отказались от своих намерений покорить всю Европу и в дальнейшем вели войны только в Азии.

После того как страшная опасность перестала угрожать христианским странам Европы, что произошло как бы по велению божию, без всяких усилий с их стороны, у христиан зародилась новая мысль: не попробовать ли им завязать дружественные отношения с монголами? С их помощью можно было бы обойти или совсем сломать чрезвычайно досаждавшие европейцам преграды для торговли и других сношений с Востоком, воздвигнутые мусульманами. В лице монголов надеялись также обрести союзников для борьбы с сарацинами, которые именно тогда снова нанесли болезненные удары христианам. Иерусалим, отвоеванный в 1229 г. для христиан императором Фридрихом II,

[1] Петр III, герцог Гольштейнский, став русским императором после смерти своей тетки Елизаветы Петровны, немедленно отозвал победоносные русские войска из разгромленной Пруссии и заключил мир с Фридрихом II. — *Прим. ред.*

[2] O. R a y n a l d u s, Annales Ecclesiastici, Köln, 1693, t. XIII, p. 539.

после двух неудачных битв — у Аскалона (13 ноября 1239 г.) и Газы (18 октября 1244 г.) — опять оказался в руках мусульман. Надежды на военную помощь монголов рухнули, но мысль использовать новые возможности для проникновения в «Индию» и Китай оказалась плодотворной. Если бы монголы не покорили тогда половину Азии и не открыли путь на Восток мирным европейским купцам, то Марко Поло, безусловно, не смог бы совершить свой великий подвиг, имевший большое культурно-историческое значение. Прошло бы еще много времени, прежде чем христианам удалось бы осуществить первое знакомство с Восточной Азией. Но «монгольская династия, которая весьма благосклонно относилась к иностранцам и торговле с ними»[1], с готовностью открыла поле действий европейским купцам, посланникам и даже миссионерам, приезжавшим с мирными намерениями. Она всемерно способствовала укреплению подобных связей, хотя ей первоначально были совсем непонятны цели проповедников христианской веры. Оживленные сношения между Востоком и Западом, проходившие по путям, пересекавшим всю Азию, и возникшие во времена монгольского господства[2], оказались столь стойкими, что даже такой последующий удар по ним, как национальная революция 1368 г. в Китае[3], не смог их полностью прекратить. Длительное монгольское господство в России тоже сыграло определенную роль в укреплении связей между Востоком и Западом. Еще в XVIII в. из Москвы ежегодно отправлялся в Китай торговый караван с разными мехами, полотном, галантереей, чтобы возвратиться через три года с шелковыми и хлопчатобумажными изделиями, фарфором, золотом, драгоценными камнями, ценность которых была в 2 раза выше, чем вывезенных товаров[4]. В XIII в. мирные сношения с вселявшими ужас монголами должны были казаться государям, церкви и купцам тем ценнее, что именно тогда быстро исчезали христианские форпосты в сарацинских землях. Из всех опорных пунктов на Ближнем Востоке у христиан осталась *одна* Акра, да и та под конец (в 1291 г.) попала в руки неверных.

Наряду с намерением обойти с севера торговые барьеры мусульман христиане надеялись, что их миссионерам удастся добиться новых огромных успехов в распространении христианства среди монголов[5]. Выступление монголов освободило многих христиан на Востоке от гнета мусульман, и если большинство монголов относилось с полным безразличием к религии и стояло к тому же на более низком культурном уровне, чем мусульмане, то все же они казались противником, с которым легче было договориться по религиозным вопросам, чем с фанатичными последователями Мохаммеда.

---

[1] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 107.

[2] Ibidem, S. 147.

[3] О влиянии «национальной революции 1368 г.» на внешнюю торговлю Китая и на его сношения с другими странами см. стр. 216, 217, примечание 3.—*Прим. ред.*

[4] J. Ph. S t r a h l e n b e r g, Das nord- und östliche Theil von Europa und Asien, Stockholm, 1730, S. 340.

[5] P. P e l l i o t, Les Mongols et la Papauté, ch. II, «Revue de l'Orient chrétien», 1924, t. IV, p. 225 (и след.).

Следует добавить, что доминиканцы[1], отправившиеся в Центральную Азию для миссионерской деятельности, рисовали необычайно благоприятные перспективы, которые там якобы открывались для римской церкви. Филипп, викарий[2] доминиканцев в Палестине, сообщал в письме к папе Григорию IX в 1237 г., что многочисленные христиане-несториане, проживающие в Азии, вполне готовы присоединиться к католической церкви. Сам Филипп узнал об этом из письма азиатского прелата, «*qui praeest omnibus, quos Nestoriana haeresis ab ecclesia separavit*» [«который возглавлял всех, кого несторианская ересь отделила от церкви»][3], и поэтому рекомендовал войти в контакт с христианами Азии.

Такое утверждение Филиппа было самообольщением оптимиста. Позднее именно миссионеры-католики, подвизавшиеся в Азии, непрерывно жаловались на часто проявлявшуюся к ним мелочную зависть и вражду со стороны христиан несторианского толка, о чем мы узнаем из последующих глав. Но до этого сообщение Филиппа, очевидно, пробудило большие надежды при папском дворе. И действительно, в последующие годы значительно усилились старания церкви и благочестивых светских государей открыть новую сферу деятельности для католицизма в Азии. Миссионеров направляли не только в те страны, с которыми уже были установлены религиозные контакты, как, например, в Грузию. Туда папа Григорий IX в январе 1240 г. отправил восемь миссионеров с письмом (подлинник утерян) к царице Русудан и ее сыну Давиду V[4]. Теперь проповедников засылали прежде всего к действительным или мнимым христианам — представителям правящих слоев в странах, покоренных монголами.

Как папа, так и благочестивый французский король Людовик IX Святой (1226—1270) загорелись желанием установить сношения с монгольскими государствами Восточной Европы. Начиная с 1245 г. число таких попыток сильно возросло, причем они растянулись на значительный период. Как в политическом, так и в религиозном отношении результаты этих неоднократных попыток, по правде говоря, были весьма скромными. Но они привели к значительному расширению географических знаний и, что особенно важно, послужили косвенным поводом к открывающим новую эпоху путешествиям на Дальний Восток. Самое замечательное из таких путешествий связано с именем Марко Поло[5].

---

[1] Доминиканцы — нищенствующие монахи католического ордена, основанного в 1215 г. испанским дворянином Гусманом Домиником для борьбы с еретиками. С организации инквизиции (1232 г.) и до ее ликвидации (середина XIX в.) Доминиканский орден ведал инквизиционными трибуналами.— *Прим. ред.*

[2] Викарий — в данном случае представитель главы Доминиканского ордена в области.— *Прим. ред.*

[3] M. P a r i s (XIII в.), Historia Anglorum, ad annum 1237, London, 1674, p. 372.

[4] A. S a n d e r s, op. cit., S. 170 (примечание 14).

[5] G. S o r a n z o, Il Papato, l'Europa Christiana e i Tartari, Milano, 1930; H. M a t r o d, Un siècle de pénétration occidentale en Asie, «Études Franciscaines», 1932, t. 34.

ГЛАВА 119

КАРПИНИ В МОНГОЛИИ

(1246 г.)

Епископ Иннокентий, раб рабов Божьих, к царю и народу татарскому.

Не только люди, но также неразумные твари и даже земные элементы мироздания соединены и связаны друг с другом как бы естественным союзом по образцу небесных духов, так как Создатель Вселенной все эти мириады отметил тем, что все их различные ступени охватывают постоянные и нерушимые узы мира. А посему мы по всей справедливости удивлены тем, что вы, как мы слышали, напали на многие земли как христианских, так и других народов и подвергли их страшному опустошению. И до сих пор не иссякла еще ваша ярость, ибо вы все еще протягиваете ваши жаждущие убийств руки к более отдаленным странам и, пренебрегая естественными узами родства, связывающими всех людей, не щадя никого, не взирая на пол и возраст, свирепствуете без разбора, поднимая на всех свой меч.

По примеру небесного царя-миротворца мы желаем, чтобы все жили мирно и в страхе Божьем, а посему горячо просим, умоляем и призываем вас совсем отказаться от подобных вторжений и прежде всего от преследования христиан и искупить свою вину подобающим покаянием, ибо вы, несомненно, навлекли на себя гнев Божий, оскорбили Его величие многими великими злодеяниями. А посему надлежит вам воздержаться в дальнейшем от буйств и неистовства. Знайте же: если вы, уверенные в силе своей, до сей поры предаетесь таким неистовствам, разя кинжалом других людей, то лишь по воле всемогущего Бога, который допустил, чтобы различные народы были повергнуты в прах перед лицом Его. И если Бог медлит некоторое время с наказанием высокомерных в этом мире, он поступает так намеренно. Но если вы пренебрежете добровольным смирением, то Бог все же не пропустит ваши злые дела и не только накажет вас в этом бренном мире, но и отмстит за ваши злодеяния самыми тяжкими карами в будущей жизни.

И вот я счел за благо для передачи этого письма послать к вам моего возлюбленного сына, брата Иоанна, и его спутников, как людей, отличающихся усердной набожностью, почтенным образом жизни и хорошо сведущих в священном писании. Благоговея

перед Господом, примите их приветливо, как если бы в их лице вы принимали Нас самих. Окажите им почет и отнеситесь с полным доверием ко всему, что они скажут вам от Нашего имени. Ведите с ними успешные переговоры по вышеупомянутым вопросам и особенно о том, что ведет к миру; через этих братьев сообщите Нам с полной откровенностью, что́ побудило вас изгонять другие народы за пределы их границ и что́ еще вы замыслили сделать.

Обеспечьте их на время поездки к вам и на обратном пути надежной охраной и всеми необходимыми припасами, дабы вернулись они к Нам невредимыми. Из всех других избрали Мы вышеназванных братьев, которые (это можно, пожалуй, сказать) давно проверены, доказав свою пригодность соблюдением правил своего ордена, а к сему хорошо знают священное писание. Мы сочли за благо послать их к вам, полагая, что они смогли бы принести вам больше пользы, чем другие, ибо подражают нашему Спасителю в покорности и смирении. Если бы Мы думали, что это могло бы способствовать успеху и понравиться вам, то послали бы к вам даже некоторых высших чинов нашей церкви или других влиятельных лиц.

Дано в Лионе 5 марта во 2-й год[1].

* * *

Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола, к Татарам и к иным народам Востока и знали волю [на то] Господина Папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к Татарам.

...Когда мы уже вознамерились, как сказано выше, отправиться к Татарам, мы прибыли к королю Богемскому. Когда мы спросили у него совета, так как этот государь был благосклонен к нам издавна, какая дорога лучше для нашего путешествия, он ответил, что, как ему казалось, лучше было бы поехать через Польшу и Руссию, ибо в Польше у него были родственники, с помощью которых мы могли бы выехать в Руссию. И, дав нам грамоту и хороших провожатых, он приказал также давать продовольствие по его землям и городам, пока мы не приедем к князю Силезии Болеславу, его племяннику, который был нам также знаком и близок.

...В это время, по споспешествующей нам милости Божией, туда прибыл Господин Василько, князь Руссии, от которого мы вполне узнали о настроении Татар... Отсюда он повез нас в свою землю. И так он задержал нас на несколько дней на своем иждивении, чтобы мы несколько отдохнули...

---

[1] Письмо папы Иннокентия IV великому хану от 5 марта 1245 г. из Лиона. См. O. R a y n a l d u s, «Annales Ecclesiastici», Köln, 1693, t. 13, p. 538 (и след.).

После этого вышеназванный князь послал с нами до Киева одного служителя... прибыв туда, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами...

Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы [сретения господня, 2 февраля] мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам... [Далее следует описание разнообразных приключений во время путешествия по замерзшему Днепру к Черному морю, затем вдоль побережья, а частично и по покрытому льдом морю к Дону и дальше к Волге в Сарай, резиденцию Бату, хана Золотой Орды.]

В понедельник же после первого воскресенья Четыредесятницы мы поспешно отправились в путь к нему, и, проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее среды Страстной Недели... В день же Великой Субботы [7 апреля] нас позвали к ставке, и к нам вышел раньше упомянутый управляющий Бату, сообщая от его имени, чтобы мы поехали к императору Куйюку, в их собственную землю, оставив некоторых из наших в той надежде, что их отошлют обратно к Господину Папе... Мы же в день Воскресения Господня, отслужив обедню и совершив кое-какую трапезу, удалились вместе с двумя Татарами... Мы были, однако, так слабы, что с трудом могли ехать: в течение всей той Четыредесятницы — равно как и в другие постные дни — пищей нашей служило только пшено с водой и солью и у нас не было что пить, кроме снега, растаявшего в котле...

И вышеупомянутая земля[1] очень велика и длинна. Мы проехали через нее наивозможно быстро, так как всякий день, по пяти или семи раз на дню, у нас бывали свежие лошади, за исключением того времени, когда мы ехали по пустыням, как сказано выше, и тогда мы получали лошадей лучших и более крепких, могущих выдержать непрерывный труд, именно с начала Четыредесятницы и кончая неделей после Пасхи...

После этого мы въехали в землю Кангитов [к востоку от реки Урал, севернее Аральского моря]... через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения Господа Нашего [с 16 апреля до 17 мая]... Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов [Туркестан]... В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно [Сыр-Дарья]... Там пребывает Сыбан, брат Бату. Через эту землю мы ехали от праздника Вознесения и кончая почти неделей до праздника блаженного Иоанна Крестителя.

[1] Комания.

Затем мы въехали в землю черных Китаев [на реке Эмель], в которой Татары построили сызнова только один город, по имени Омыл [Чугучак]. Император построил здесь дом, в который мы приглашены были выпить, и тот, кто был там со стороны императора, заставил плясать перед нами старейшин города, а также двух своих сыновей...

После этого мы приехали к первой орде императора, в которой была одна из его жен; и так как мы еще не видели императора, то они не захотели нас пригласить и допустить к его орде, но устроили нам в нашем шатре очень хорошее, по обычаю Татар, угощение и удержали нас там на один день, чтобы дать нам возможность отдохнуть.

Выехав отсюда в канун дня, посвященного блаженному Петру [28 июня], мы попали в землю Найманов; они язычники. В день же апостолов Петра и Павла там выпал глубокий снег, и мы ощутили сильнейший холод. Эта земля чрезмерно гориста и холодна... Через эту страну мы ехали много дней.

Затем мы въехали в страну Монгалов, именуемых нами Татарами. Как мы полагали, мы ехали через эту землю три недели быстрого пути, а в день блаженной Марии Магдалины [22 июля] приехали к Куйюку, нынешнему императору. По всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью, потому что нашим Татарам было приказано быстро отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сем присутствовать...

Когда же мы приехали к Куйюку, то он велел дать нам шатер и продовольствие, какое обычно дают Татары; все же у нас было оно получше, чем они делали это для других послов. К нему самому, однако, нас не позвали, так как он еще не был избран и не допускал к себе по делам правления...

Снаружи ограды был Русский Князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей Китаев и Солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа Балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов Саррацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более четырех тысяч послов... А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда[1]. [Далее сообщается, что коронация императора, первоначально назначенная на 15 августа, откладывается на девять дней из-за ужасной бури с градом, во время которой гибнет 160 человек.]

После этого император послал к нам сказать через Хингая, своего первого секретаря, чтобы мы записали наши слова и поручения и отдали ему; это мы и сделали... [Следует описание приема

---

[1] Сыр-Орда — летняя резиденция, отстоявшая в половине дня пути от столицы Каракорум.

у императора Гуюка. Карпини и его спутники объясняют, что при папском дворе никто не умеет читать на рутенском, татарском или сарацинском языках. Поэтому ответ Гуюка, сообщенный на татарском языке, переводится толмачом и записывается по-латыни папскими послами, затем еще раз зачитывается и одобряется. 11 ноября происходит торжественное вручение письма Гуюка к папе Иннокентию на татарском и «сарацинском»[1] языках.]

На третий день после этого, именно в праздник блаженного Брициия [13 ноября], нам дали отпуск и грамоту, запечатанную печатью императора...

Тогда мы направились в обратный путь и проехали всю зиму, причем нам приходилось часто спать на снегу в пустынях, где не было дерев, а ровное поле; иногда только могли мы прорыть себе место ногою. И часто, когда ветер гнал снег, мы оказывались совершенно покрытыми им. И таким образом, к Вознесению Господню [9 мая 1247 г.] приехали мы к Бату, у которого спросили, что ответить Господину Папе. Он ответил, что не желает ничего поручать, кроме того, что написал император... [Описание дальнейшего путешествия, прибытия в Киев 9 июня, а затем — через Польшу и Чехию в Кельн, Льеж и через Шампань в Лион, где в конце ноября и было закончено путешествие.][2]

* * *

Силою Вечного Неба [мы] Далай-хан всего великого народа Земли; наш приказ.

Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял.

После того как держали совет в... области Kärä1 [Керей], вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: «Вы взяли всю область *Majar* [Венгров] и *Kiristan* [христиан]; я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?» И эти твои слова мы тоже

---

[1] То есть на персидском языке. См. F. R i s c h, Giovanui Piano Carpini, Geschichte der Mongolen und Reisebericht, 1245—1247, Leipzig, 1930, S. 377.

[2] Отрывок из отчета о путешествии Джованни Пьяно дель Карпини. См. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 23, 66, 67, 70—75, 80, 81.

не поняли. Чингис-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказа бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов[1], которых мы отправили. В этих землях силою вечного бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать [и заточать в темницу]?

Разве так ты говоришь: «я христианин, я люблю бога, я презираю и...». Каким образом ты знаешь, что бог отпускает грехи и по своей благости жалует милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова?

Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога, так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете [нашими] врагами.

Вот что вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно[2].

В последние дни джамада-оль-ахар года 644 [3—11 ноября 1246 г.][3].

Иннокентий IV, избранный в папы в 1243 г., был первым, кто сделал попытку установить дипломатические связи с монголами. Своим посредником он избрал патера-францисканца Джованни Пьяно дель Карпини (Иоанн Плано Карпини). Родился Джованни около 1182 г. (в Умбрии), следовательно, ему шел уже 64-й год, когда папа возложил на него такую ответственную миссию. Долгое время Карпини был учеником и спутником Франциска Ассизского. Вероятно, поэтому папа и счел его самым подходящим человеком для решения трудной задачи. До получения ответственного задания направиться к монголам Карпини объездил много дальних стран, служа интересам своего ордена. Он был кустодом [уполномоченным.— *Ред.*] ордена в Саксонии и в тот период открыл для него одну за другой новые сферы деятельности

[1] Исторические факты здесь сильно искажены. Убийство послов произошло в Южной Руси еще в 1223 г., но опустошительное вторжение в Польшу, Моравию и Силезию, совершенно, конечно, не связанное с этим убийством, произошло, как известно, только в 1241—1242 гг.

[2] В печати письма есть следующий охранный приказ: «Силою Вечного Неба приказ Далай-хана народа великих монголов. Если вы придете к народам, Нам подвластным, то они должны оказать внимание и почет».

[3] Письмо великого хана Гуюка к папе Иннокентию IV по персидскому оригиналу, недавно обнаруженному в архиве Ватикана. Русский перевод Н. П. Шастиной. См. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 220, 221.

в Чехии, Венгрии, Дакии, Лотарингии, Норвегии, а с 1230 по 1232 г. также и в Испании[1]. Новое путешествие Карпини заслуживает тем большего восхищения, что, предпринятое в преклонном возрасте, оно обрекало его на жестокие лишения. Целыми неделями, а иногда и месяцами изо дня в день быстро скакал он на коне, часто на обратном пути располагаясь на ночлег в снегу под открытым небом. Карпини совершил такой подвиг, который вряд ли был бы по силам другому человеку в его возрасте. К тому же он был первым европейцем, лично ознакомившимся со значительной частью новой Монгольской империи и оставившим такое интересное ее описание. Спутник Карпини, польский монах Бенедикт, тоже оставил нам краткий рассказ о пережитых приключениях, который, разумеется, не идет ни в какое сравнение с произведением Карпини ни по живости изложения, ни по содержательности[2].

В пасхальное воскресенье (16 апреля) 1245 г. Карпини отправился в путь с письмом папы к монгольскому хану, выехав из Лиона, куда незадолго до этого бежал от императора Фридриха II папа Иннокентий. Далее, пройдя через Чехию и Польшу в Киев, а затем следуя вдоль Днепра, Дона и Волги, он попал в Сарай (возле современного Саратова), где пребывал Бату (Батый)— хан Золотой Орды, завоевавший Русь. Карпини прибыл туда в апреле 1246 г., после целого года странствий. Но Бату счел себя не полномочным удовлетворить желание папы и посоветовал Карпини отправиться в Монголию, где великий хан, выборы которого предстояли в скором времени, должен был вынести окончательное решение. Очевидно, монголы хотели убедительно продемонстрировать папскому легату всю мощь своей империи. Вот почему дальнейшее путешествие от Волги до Монголии было проделано в столь быстром и иначе не объяснимом темпе. Ведь Карпини и его спутники во что бы то ни стало должны были сами присутствовать на торжественных выборах императора, откладывавшихся со смерти Угэдэя в 1241 г. и назначенных на лето 1246 г. Если бы Бату не задался такой целью, то он мог бы взять решение дела в свои руки, будучи, безусловно, самым могущественным из монгольских правителей того времени. Впредь до избрания нового великого хана он никому не подчинялся. Но Бату, видимо, *не хотел* принимать решения. Характерно, что хан Золотой Орды не присутствовал на великом курултае[3] и на выборах императора. И виной этому было не дальнее расстояние, так как бесчисленные монгольские правители приехали из столь же отдаленных мест в летнюю резиденцию Сыр-Орду, чтобы присутствовать при предстоявших событиях. Очевидно, Бату удерживали от поездки мелочная зависть и раздоры[4].

При крайнем напряжении физических сил Карпини удалось верхом на лошади проделать дальний путь из Сарая в Сыр-Орду только за $3^1/_2$ месяца.

[1] L. W a d d i n g, Annales Minorum, Quarachi, 1931, t. III, p. 135.

[2] Опубликовано в издании Рубрука Паскалем Авезаком. См. «Recueil des voyages et mémoires», Paris, 1837, t. IV, p. 774.

[3] Великий курултай — всемонгольский съезд нойонов, то есть племенных и родовых вождей.— *Прим. ред.*

[4] F. R i s c h, Reisebericht des Giovanni Pian del Carpini, Leipzig, 1930, S. 13.

Его маршрут проходил севернее Аральского моря и далее через Джунгарские Ворота. 22 июля Карпини прибыл в летнюю резиденцию великого хана Сыр-Орду, находившуюся на расстоянии полдня пути от его столицы Каракорума («Черный вал»). Каракорум только в 1234 г. был превращен Угэдэем в его резиденцию. Он находился в бассейне Шилки, западнее Урги[1], в 8 *км* от реки Орхон, под 47° с. ш. и 101°21′ в. д.[2] В 1259 г. Каракорум уже перестал быть резиденцией великого хана (см. гл. 126).

Только после выборов великого хана, состоявшихся 24 августа в весьма торжественной обстановке, Карпини был принят новым властителем Гуюком и смог выполнить свое поручение. Он был принят хорошо, но отнюдь не тепло, как это изображают, добавляя от себя, летописцы-церковники. Карпини пробыл при монгольском дворе три месяца. Гуюк приказал толмачам перевести письмо папы. То ли толмачи сделали весьма неточный перевод (преднамеренно?), то ли Гуюк не понял, чего, собственно, добивался папа, но письмо он истолковал совсем не так, как оно было задумано, и усмотрел в нем покорность его несокрушимой силе. Так монголы охотно поступали и в других случаях, получая дипломатические послания от чужеземцев.

Следует, правда, добавить, что папское письмо, если бы даже его перевели безукоризненно правильно, было написано языком, совершенно непонятным для монголов. Послание Иннокентия IV вряд ли можно назвать дипломатическим шедевром даже при самом благосклонном суждении. Содержание его до монголов дойти *не могло*, а «нравоучения» показались бы им дерзким и

---

[1] Город Урга с 1924 г. переименован в Улан-Батор, ставший столицей Монгольской Народной Республики.— *Прим. ред.*

[2] Каракорум — по-монгольски Хара-Хорин («Черная Осыпь»), по-китайски Холинь, первоначально был основан в 755 г. монгольским князем Буку (Би-цзя), ханом Хэй-ху. На месте древних руин кереиты создали столицу, которую великий хан Угэдэй в 1234 г. избрал своей резиденцией. Вопросом о неизвестном тогда местоположении этой резиденции раньше других заинтересовался Ремюза. См. «Mémoires de l'Academie des Inscriptions», 1824, t. VII, p. 234. В 1871 г. ее руины открыл Падерин. См. «Geographical Magazine», 1874, p. 137. Теперь на этом месте стоит, согласно Бартольду, монастырь буддистов Эрдэни-Цзу. См. «Enzyklopädie des Islam», B. II, S. 793. [Город Каракорум (Хара-Хорин), основанный Чингис-ханом в 1220 г. на левом берегу верхнего Орхона, был столицей Монгольской империи с 1235 по 1260 г. при великих ханах Угэдэе, Гуюке и Мункэ. После переноса столицы в Ханбалык (Пекин) Каракорум несколько раз разрушался и восстанавливался. Окончательно он был покинут и обезлюдел в XVI в., еще до 1585 г., когда на его окраине был поставлен буддийский монастырь Эрдэни-Цзу.

Е. В. Падерин, секретарь русского консульства в Урге, совершил свое путешествие по Северной Монголии — от Урги до Улясутая — в 1873 г., а не в 1871 г. (в примечании Хеннига допущена описка или опечатка). Целью этого путешествия было открытие развалин Каракорума, но их местоположение Падерин указал неточно, и честь их подлинного открытия принадлежит позднейшим русским исследователям— Н. М. Ядринцеву (1889 г.) и членам Орхонской экспедиции Академии наук под руководством В. В. Радлова (1891 г.) с участием того же Ядринцева. См. Э. М. Мурзаев, Географические исследования Монгольской Народной Республики, М.— Л., 1948; Н. М. Щукина, Как создавалась карта Центральной Азии, М., 1955.— *Ред.*]

смешным чванством. Не удивительно, что письмо не произвело ни малейшего впечатления, как ясно видно из высокомерного ответа Гуюка! Подарки, привезенные Карпини, монголы расценили как «дань», которая свидетельствовала о добровольном подчинении. Ответ монголов вряд ли доставил радость папе, причем их взгляды были ему также непонятны. Ведь обе стороны говорили друг с другом на разных языках!

Только 13 ноября Карпини вручили ответ Гуюка, составленный на монгольском, персидском и арабском языках, после чего его отпустили в обратный путь. Примечательно то обстоятельство, что ответное письмо великого хана было датировано мусульманским летосчислением. Персидский оригинал этого письма был найден в архиве Ватикана только несколько десятилетий назад[1].

Обратный зимний путь был еще более утомительным, чем быстрая верховая езда в ставку хана. Но, несмотря на многие опасности, возвращение все же прошло благополучно. Разумеется, на это ушло больше времени. Только 9 июня 1247 г. Карпини снова попал в Киев. В начале ноября он возвратился в Лион. Все путешествие длилось $2^1/_2$ года.

Книга о путешествии, написанная Карпини, представляет большую ценность, хотя в литературном отношении не выдерживает сравнения с замечательными описаниями Рубрука (см. гл. 121) и Поло (см. гл. 126). Она была написана вскоре после возвращения Карпини на родину, так как через $4^1/_2$ года он уже скончался. Кроме того, Карпини оставил краткую историю монголов и книгу, содержащую общие сведения о татарах[2]. Выдержку из нее воспроизвел современник Карпини — Венсан Бове, который, согласно его личному заявлению, держал оригинал в своих руках[3]. Описания Карпини сдержанны, надежны и заслуживают полного доверия. Их надежность полностью доказана[4].

Некоторые сообщения Карпини, опущенные в приведенном выше отрывке и достойные внимания с культурно-исторической и географической точек зрения, заслуживают особого упоминания. Так, Карпини подчеркивает, что «с севера земля Татар окружена морем-океаном»[5], что монголы в своих набегах доходили до самоедов и Ледовитого океана[6] и что дань мехами особенно желанна для монголов[7].

---

[1] P. P e l l i o t, Les Mongoles et la Papauté, «Revue de l'Orient chrétien», 1922—1923, t. 23; 1924, t. 24.

[2] Из издания Авезака. См. op. cit., p. 603. [Указанные работы Карпини до нас не дошли. О полных списках рукописи «Истории монгалов» и найденном до войны в Иркутске ее фрагменте в переработке Венсана Бове см. М. П. А л е к с е е в, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, Иркутск, 1941, стр. 3—8 и 547—551.—*Ред.*]

[3] V i n c e n t i u s B e l l o v a c e n s i s, Speculum historiale, lib. XXXII, p. 2.

[4] «Bulletin historique-philologique de l'Académie Impériale de St. Pétersbourg, 1856, t. II, p. 650.

[5] См. «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 25.

[6] Там же, стр. 48.

[7] Там же, стр. 55.

В Монголии Карпини, вероятно, понял, как бесплодна здесь почва для миссионерской деятельности. Позднее, видимо, некоторых монголов удалось обратить в христианство (см. гл. 131). Однако едва ли это выходило за рамки словесного признания. Нигде не сообщается ни о духовных связях с христианством, ни о набожном стремлении к восприятию истин, проповедовавшихся папой. Еще до Карпини среди монголов попадались христиане, занимавшие высокое положение. Так, христианкой была старшая жена Тулуй-хана Соркуктани-беги, мать покорителя Багдада Хулагу[1]; крещение приняли как министр Гуюка Кадак, так и его военачальник Ильчикадай (см. гл. 120). Даже самого грозного Чингис-хана считали на Западе христианином. Очевидно, монотеистическая религия шаманов, которой он придерживался, принималась за христианство, поскольку между ними было некоторое внешнее сходство. На самом деле ни Чингис-хан, ни какой-либо другой великий хан XIII в. не были христианами. Правда, к христианству они относились большей частью дружелюбно, но сущности его никогда не понимали. Во всех вопросах вероисповедания монголы вообще проявляли терпимость несравненно большую, чем христиане и мусульмане того времени. Из чисто политических соображений монголы были склонны воспринимать как высокую культуру покоренных ими стран, так и господствующую в них религию. Так, великий хан Хубилай, покровитель Марко Поло, правя Китаем, был буддистом, Барак в Передней Азии — фанатичным мусульманином, Сартак, сын Бату, говорят, исповедовал на Руси христианство, но было это христианство, как показано ниже, весьма своеобразным (гл. 121).

Результаты путешествия Карпини, безусловно, поразительны, но нужно учесть, что средства связи на всей громадной территории Монгольской империи были так великолепно организованы, как ни в одном европейском государстве того времени. Политическое единство огромной державы можно было поддерживать только благодаря этой отличной организации почтовой службы, обеспечивающей связь через гонцов с великим ханом и его правительством. В противном случае нельзя было бы обеспечивать Карпини и его спутников свежими лошадьми во время их длительного путешествия. Какие прекрасные возможности открывались перед путешественниками в обширном монгольском государстве, видно из сообщения, что на выборы императора в Сыр-Орду прибыло не менее 4 тыс. сановников из всех частей империи. И это не считая послов из других стран, среди которых были русский великий князь[2], посланник халифа, а также два грузинских царевича. В дальнейшем, как это видно из сообщений Марко Поло и Ибн-Баттуты (см. гл. 126 и 139), заботы о средствах связи беспрерывно усиливались. Их прекрасная организация часто шла на пользу и европейским путешественникам. Как правильно заметил Лекок, блестящая организация монгольской почты сделала Пекин

---

[1] Она была также матерью великих ханов Мункэ и Хубилая.—*Прим. ред.*

[2] Имеется в виду великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович (1191—1246), отец Александра Невского, отравленный в ставке Гуюка.—*Прим. ред.*

таким близким к Европе, каким он никогда позднее не был до постройки Великой Сибирской железной дороги[1].

Для характеристики отношения монгольских завоевателей к тем европейским странам, где они побывали и которые частично захватили, исключительно важное значение имеет один труд, относящийся к 1240 г., который только недавно переведен на немецкий язык и прокомментирован Хеништем[2]. В этом труде монгольский язык передается китайскими иероглифами.

Русь казалась монголам только западным продолжением Сибири. Как правильно подметил Франке: «Нет никаких указаний на то, что первое поколение завоевателей в 1240 г. поняло свое приближение к порогу другой высокоразвитой культуры»[3].

Карпини, Рубрук, Поло и другие оставили после себя описания своих странствий, но бесчисленное множество других безымянных путешественников совершило тогда такие же странствия, иногда добровольно, иногда по принуждению — как пленники монголов. Рубрук, например, рассказывает о том, что встретил в Каракоруме много немцев, французов, англичан, венгров и других европейцев, в том числе двух жителей Меца — одну женщину и золотых дел мастера Гильома Буше; Поло тоже упоминает об особых постоялых дворах в Пекине для немцев, французов, ломбардцев и т. д. Итак, еще в XIII в. поддерживались своего рода международные сношения, о которых мы, конечно, ничего не узнали бы, если бы не дошли до нас труды Карпини и еще более выдающихся его последователей.

В заключение напомним, что папа Иннокентий IV одновременно с Карпини послал в другие области монгольского Востока еще двух клириков, путешествия которых, разумеется, имеют меньшее значение. В тот же день, что и Карпини, свою верительную грамоту получил португальский патер-францисканец Лаврентий. На него не было возложено никаких дипломатических обязанностей, он должен был заниматься миссионерской деятельностью. Лаврентий, вероятно, посетил только страны Ближнего Востока. Никаких подробностей о самом Лаврентии, его путешествии и достигнутых результатах не сохранилось[4].

Второй доверенный папы, доминиканский монах Ашелин или Ансельм, был послан во главе миссии в Центральную Азию к монгольскому полководцу Бачжу (Байотной, Байджу-ноин) вместе с неким Симоном из Сен-Кантена и двумя другими братьями того же ордена. Вот что сообщает о нем Венсан Бове[5]:

«Тот же папа послал в то время брата Ашелина из Доминиканского ордена с тремя другими братьями к войску татарскому... с апостольскими письмами, в которых он призывал их отказаться от избиения людей и принять

[1] A. Le Coq, Auf Hellas' Spuren in Ost-Turkestan, Leipzig, 1926, S. 3.
[2] E. Haenisch, Die Geheime Geschichte der Mongolen, Leipzig, 1941, 1948.
[3] H. Franke, Europa in der ostasiatischen Geschichtsschreibung des 13. und 14. Jahrhunderts, «Saeculum», 1951, B.II, S. 67.
[4] F. Risch, op. cit., S. 29; B. Altaner, Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts, Habelschwert, 1924.
[5] Vincentius Bellovacensis, Speculum historiale, Nürnberg, 1486, lib. XXXIII, p. 2.

истинную веру. От одного из таких орденских братьев, а именно от брата Симона из Сен-Кантена, я слышал о делах татар и... присоединил к этому труду».

Миссия Ашелина и его братьев по ордену также оказалась безрезультатной. Проникавших к ним монахов монголы принимали за шпионов[1]. Ашелин, правда, проявил большое мужество, но не отличался дипломатическими способностями и сообразительностью. Вот почему монголы отнеслись к этим христианам весьма враждебно, и они едва не поплатились жизнью[2].

Кроме трех названных послов и проповедников, направленных папой Иннокентием в те годы в Азию, упомянем еще об одном монахе, которому позднее французский король Людовик IX доверил важную дипломатическую миссию. Он первым попал в столицу монголов Каракорум, когда Карпини еще только к ней приближался. Это был Андре Лонжюмо, достижения которого настолько значительны, что им следует посвятить отдельную главу.

Что касается Карпини, то после возвращения на родину он еще несколько лет наслаждался мирным закатом своей жизни. Назначенный архиепископом Антивари, Карпини скончался в этом сане 1 апреля 1252 г., достигнув почти 70 лет. Первому успешному путешествию христианина в далекую Монголию посвящен ряд ценных монографий[3].

Очень обстоятельное описание жизни и путешествия Карпини составил итальянец Пулле[4]. В 1930 г. появилось позднейшее и очень хорошее английское издание труда Карпини[5].

---

[1] Ibidem, lib. XXXII, p. 18; N é a u l m e, Voyages faits en Asie, Haag, 1735, t. III.

[2] Ibidem, lib. XXXII, p. 44.

[3] P. d'A v e z a c, Relation des Mongoles ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin, Paris, 1838; работу Виатора см. «Etudes Franciscaines publiées par des Religieux de l'Ordre des Fréres Capucins», Paris, 1901, t. V.

[4] G. P u l l é, Viaggio a'Tartari di Frati Giovanni da Pian del Carpine (Historia Mongolorum), Milano, 1929.

[5] «Journal and Proceedings of the Royal Asiatic Society of Bengal», 1930, v. XXVI, p. 419.

ГЛАВА 120

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОСОЛ АНДРЕ ЛОНЖЮМО В КАРАКОРУМЕ

(1249—1251 гг.)

В праздник Рождества Господня к королю Людовику прибыли некие послы от великого повелителя народа татарского Эркалтая [Ильчикадая]. Когда король прибыл в Никозию, они передали ему письмо того государя. Там находился брат Андре Лонжюмо [Лонжюмель] из Доминиканского ордена, знавший старшего из тех двух послов, по имени Давид, ибо он с ним уже встречался однажды в войске татарском. Врученные королю письма, составленные на персидском языке и написанные арабскими буквами, было приказано перевести на латинский язык, а перевод, запечатанный королевской печатью, отослать во Францию королеве-матери — Бланш. Послы сообщили, что великий царь татарский, великий хан около трех лет назад... по Божьей милости принял христианство и вместе со многими другими знатными людьми, а также с большей частью народа и войска получил святое крещение и исповедует католическую религию. Говорилось также в нем, что Эркалтай несколько лет назад обращен в христианскую веру и крещен. И вот пришел он по повелению названного царя-хана с великим множеством воинов, возымев желание распространить и укрепить христианскую веру...

Это и многое другое узнал король от посланцев и из писем. Обрадованный этим, он принял послов с почетом и заботился о том, чтобы их в изобилии снабжали всем необходимым. На Рождество Христово они слушали с королем мессу и обедали при дворе. Слушали они с ним мессу и в день Епифании [поклонение волхвов, 6 января.— *Ред.*]. Видимо, держались они хорошо и вели себя совсем как христиане...

Король Франции решил послать миссию с письмами и подарками к повелителю татар и к Эркалтаю. Одни из них должны были сразу же от Эркалтая вернуться к королю, другие отправиться дальше к великому хану... В состав посольства французского короля к татарским государям были назначены вышеназванный брат Андре с двумя другими монахами того же ордена, два клирика и два приближенных короля. Послы стали готовиться к поездке и были снабжены наставлениями. Незадолго до Сретения [2 февраля] они уехали вместе с упомянутыми татарскими послами.

25 января послы простились с королём и на третий день достигли Никозии. Руководителем и наставником король назначил брата Андре.

Через некоторое время он прислал письменное сообщение королю, перевод которого вместе с переводом письма Эркалтая тот отослал во Францию своей матери — королеве Бланш[1].

* * *

Великому и могущественному господину Генриху[2], милостью Божьей королю Кипра, его дорогой сестре Эммелине, королеве, и благородному господину Жану Ибелину, его брату, канцлер Армении шлет свой преисполненный любви привет...

...Пять лет прошло со смерти отца теперешнего хана, но татарская знать и рыцари так далеко рассеялись по земле, что с большим трудом удалось за пять лет собрать их в одном месте, чтобы посадить на трон вышеупомянутого хана. Одни из них были в Индии, другие — в стране Катай, иные — в странах Кашгар и Танхат. Последняя и есть та земля, из которой пришли в Вифлеем три волхва, чтобы поклониться новорожденному Господу Иисусу. Да будет известно: так велика была и есть сила Христа, что население этой страны исповедует христианство, а вся страна Катай чтит трех волхвов [!]. Я сам был в их церквах и видел изображения Иисуса Христа и трех волхвов, из которых один принес ему золото, другой — ладан, а третий — мирру. Благодаря трем волхвам случилось так, что веруют они во Христа и что хан и его народ стали теперь христианами... Мы нашли многочисленных христиан, рассеявшихся по всему Востоку, и много красивых высоких старинных церквей превосходной архитектуры, разграбленных турками...

Знайте: папа направлял послов к царю, хану татар, чтобы выяснить, действительно ли они христиане и почему тот разослал народ свой губить христианские страны и уничтожать их население. На это царь-хан ответил: наш Господь Бог приказал его предкам и родоначальникам рассылать свой народ убивать и уничтожать злых людей. И когда папа спросил его, исповедует ли он христианство, тот ответил, что об этом знает Бог. Если же папа

---

[1] Vincentius Bellovacensis, Speculum historiale, lib. XXXII, p. 90 (и след.). Обычно это сообщение цитируется по кн. XXXI, стр. 90. Автор пользовался для перевода старинным нюрнбергским изданием труда Венсана Бове, вышедшим в 1483 г., экземпляр которого хранится в доминиканском монастыре в Дюссельдорфе. Приведенное выше сообщение содержится в кн. XXXII.

[2] Генрих Лузиньян, став королем Кипра, именовался Генрихом I (1218—1253).

тоже хочет знать это, то пусть придет в его страны, посмотрит и узнает, как обстоит дело у татар[1].

* * *

Во имя Всемогущего великого Бога, обращается Эршикадай, наместник Властелина Земли и Великого хана, к Великому королю, поставленному над многими землями, ревностному борцу и сильному мечу мира, поборнику победы религии христианской, сыну апостольской веры, Королю франков. Да умножит Бог его власть и да сохранит ему его королевство на многие годы!..

Пусть Всевышний Творец с любовью ниспошлет свое благословение встрече нашей и пошлет нам единение. После этого привета пусть узнает король, что мы данным письмом ничего, кроме пользы для христианского вероучения, не преследуем... Я молю Бога, да дарует он победу войскам христианских королей и торжество над их врагами, презирающими крест... Все христиане должны быть свободны от повинностей, дани, барщины, дорожного сбора и тому подобных тягот. Они должны жить в почете и уважении; никто не смеет прикасаться к их имуществу, а все разрушенные церкви должны быть отстроены заново.

Никто не должен мешать им молиться со спокойным и радостным сердцем за вашу власть...

С этой целью мы послали преданных и достойных уважения людей, Сабелдини Монсфата Давида и патера Марка, чтобы они с глазу на глаз сообщили, как обстоит у нас дело. Пусть сын [?] поймет их слова как должно и отнесется с доверием к ним самим и к сказанному в их письмах. Да возвысится в своем величии Властелин Земли. Так он узнает, что в слове Божьем нет никакого различия между латинским, греческим, армянским, несторианским и яковитским исповеданиями и всеми другими, поклоняющимися кресту, ибо у нас они все едины. А посему просим мы, чтобы блистательный властелин не делал между ними различия, чтобы проявлял он сострадание ко всем христианам, и да будут длительными его сострадание и кротость.

Дано в конце мохаррема, и да ниспошлет Всевышний свое благословение.

Таково письмо, посланное Эршикадаем, татарским наместником, к королю франков на Кипр...[2]

---

[1] Отрывок из письма армянского канцлера Синибальда (Смбпата) королю и королеве Кипра, данного в Самарканде 7 февраля 1248 г. См. G. de Nangis, Vie de St. Louis, «Recueil des Historiens des Gaules et de la France», Paris, 1840, t. XX, p. 361 (и след.).

[2] Письмо монгольского наместника Персии и Армении военачальника-христианина Ильчикадая королю Людовику IX Французскому. См. Vincentius Bellovacensis, Speculum historiale, Nürnberg, 1483, lib. XXXII, p. 91.

* * *

За письмом Эршикадая, напечатанным выше, идет следующая фраза:

Упомянутые послы сообщили королю, что мать ныне властвующего царя Риотхана — христианка, дочь властелина, которого зовут священником Иоанном, и что он по увещеванию своей матери и весьма благочестивого архиепископа Малахии в день Епифании принял таинство крещения и с ним 18 сыновей царя и много других, особенно знатных людей[1].

Папа Иннокентий IV, пославший Карпини в Монголию, был особо ревностным сторонником идеи обращения язычников в христианство. За время своего правления, длившегося 11½ лет, этот папа неоднократно пытался распространить христианство среди язычников и побудить христиан-еретиков из Восточной Европы и Азии объединиться с католической церковью. Он не ограничился письмом к великому хану в Каракорум, но послал еще 21 марта 1245 г. соответствующее письменное напоминание царю волжских болгар[2] и 1 ноября 1246 г. султану Марокко ал-Мураде[3]. От последнего прибыло в Рим 10 июня 1250 г. ответное, довольно любезное письмо[4]. Однако никаких существенных результатов это не дало.

Папа Иннокентий, разумеется, не сам придумал идею о всемирной проповеди христианства. Она подсказывалась духом времени и в начале XIII в. немало содействовала основанию двух монашеских орденов — Доминиканского и Францисканского, которые и взяли на себя в дальнейшем руководство миссионерской деятельностью в языческих странах. Еще в 1221 г. один летописец сообщал о папе Гонории III (1216—1227):

«И Гонорий также не только не отказался от обращения в христианство языческих народов и сарацин, но, чтобы ускорить это дело, приказал всем европейским епископам, каждому из своей епархии, послать к апостольскому престолу четырех, а в крайнем случае двух проповедников, выделяющихся своей ученостью и безупречным поведением; он сам хотел потом направить их к различным народам»[5].

Столь же горячее, сколь и напрасное, стремление тогдашних пап к расширению сферы господства римской церкви можно объяснить только тем, что сами они, как и все люди того века, глубоко заблуждались, преувеличивая численность и значение христиан-сектантов в восточных странах, а также их склонность к слиянию с римской церковью. В Риме полагали, что можно за-

---

[1] «Annales St. Rudberti Salisburgensis», См. «Monumenta Germaniae historica», SS VII, p. 790.

[2] Дословный текст см. L. W a d d i n g, Annales Minorum, Quaracchi, 1931, t. III, p. 144 (и след.).

[3] Дословный текст см. Ibidem, p. 172 (и след.).

[4] Дословный текст см. Ibidem, p. 626 (и след.).

[5] A b r a h a m B z o v i u s, Annalium ecclesiasticorum, Köln, 1621, t. XII, p. 279.

воевать для католицизма широкое поле деятельности, прежде всего в монгольской Центральной Азии. Поэтому именно с 1245 г. несколько западноевропейских клириков отправились в различные области Азии, завоеванные монголами, либо в качестве миссионеров, либо в составе дипломатических посольств папы или французского короля. Все они питали необоснованные надежды на значительные успехи римской церкви, надежды, которые почти во всех случаях привели к глубокому разочарованию.

Самым дальним из всех странствий, предпринятых духовными лицами в XIII в., было путешествие монаха-доминиканца Андре Лонжюмо (Лонжюмель). С точки зрения истории культуры значение его путешествия не может идти в сравнение с достижениями Карпини, Рубрука или Поло. Лонжюмо не оставил описания своих приключений, но они все же представляют интерес, хотя ни как миссионер, ни как дипломатический деятель доминиканец не мог добиться успеха. В неудаче повинен не столько сам Лонжюмо, сколько дух того времени и глубокое заблуждение высшего духовенства относительно религиозных убеждений монголов и живших среди них христиан-несториан.

Первое путешествие с миссионерскими целями брат Андре начал, вероятно, как спутник ранее названного Ашелина (стр. 48, 49) в 1245 г. Из Лиона, где тогда заседал знаменитый собор, он направился сначала в Акру, а оттуда через Антиохию, Алеппо и Ниневию (Мосул) к какому-то малоизвестному городу в Персии, расположенному в 17 днях пути от Ниневии. Здесь Андре случайно встретил одного крупного монгольского правителя, в свите которого находился сановник Симеон, христианин несторианского толка. В течение 20 дней Симеон принимал Лонжюмо приветливо, относился к нему с глубоким почтением и проявил желание, подобно другим сановникам-христианам, написать папе письмо[1], в котором он назвал себя «викарием Востока» и «раббан-ата», что по-сирийски и тюркски означает «монах-отец»[2]. Из письма Симеона вытекало, что сам он побывал у великого хана в Каракорумe[3]. Этот несторианец полностью игнорировал предложение о союзе с римской церковью, но в остальном обращался к папе с большим почтением и писал ему:

«Находящиеся под покровительством Бога вас устно известят о том, что они у нас видели и слышали»[4].

Андре, доставивший это письмо папе, видимо, провел полтора года в Персии и за это время хорошо усвоил персидский язык. После того как Лонжюмо весной 1247 г. вернулся в Лион, король Людовик Святой попросил его, как знатока страны, людей и языка, сопровождать его в затеянном им Седьмом крестовом походе. Андре принял это предложение, отправился к королю и в его свите 17 сентября 1248 г. прибыл на Кипр. Во время многомесячного

---

[1] B. A l t a n e r, Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts Habelschwert, 1924, S. 53.

[2] Статья Растуля. См. «Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques», Paris, 1912, t. II, p. 1678.

[3] Ibidem; об этом сообщает и Пеллио. См. «Revue d'histoire ecclésiastique», t. XVIII.

[4] L. W a d d i n g, op cit., t. III, p. 204.

пребывания крестоносцев на этом острове произошло два события, имевших для Андре большое значение. Прежде всего король Генрих Кипрский получил письмо, отрывки из которого приведены в начале главы. Это письмо написал ему из Самарканда 7 февраля 1248 г. армянский канцлер-христианин Смбпат (Синибальд), брат армянского царя Этума (Хайтона) (см. гл. 122).

Едва стало известно на Кипре это письмо, сообщавшее о благополучном исходе путешествия послов царя Армении к великому хану Гуюку и рисовавшее, несомненно, в слишком радужных красках положение христиан в Центральной Азии, как 14 декабря в гавань Кирению прибыли к французскому королю Людовику IX (1226—1270) два монгольских посла. Сами послы были христианами и звались Давидом и Марком; они доставили королю известия от монгольского военачальника христианина Ильчикадая, наместника Персии и Армении, а также его письмо, составленное на персидском языке. 20 декабря послы передали это письмо королю Генриху в Никозии, куда они прибыли накануне. В нем говорилось, что в странах, подвластных монголам, проживает очень много христиан[1].

Послы, кроме того, утверждали, что самого великого хана и большую часть его окружения можно считать христианами[2]. Это сообщение, пробудившее, разумеется, большие надежды, было явно «ложным, рассчитанным на прямой обман»[3] или по меньшей мере на получение политических выгод посредством крайнего преувеличения и приукрашивания действительности.

Однако король Людовик IX, разумеется, поверил этому сообщению и загорелся надеждой оказать большую услугу христианству, если ему удастся с помощью послов установить прямой контакт с великим ханом. Но кто же мог выполнить эту миссию лучше, чем Андре Лонжюмо, уже до некоторой степени знакомый с монголами и знающий их язык? И Лонжюмо действительно был назначен главой миссии, а в спутники ему были даны два офицера из свиты короля, два священника и два других доминиканских монаха, Жан и Гильом.

25 января 1249 г. король дал прощальную аудиенцию монгольским послам и монахам, которых они должны были сопровождать. Королевское посольство через Антиохию снова направилось в Персию к наместнику Ильчикадаю, с которым Андре был уже знаком. Из Персии Лонжюмо прислал королю свое первое сообщение, которое, к сожалению, не сохранилось. Дальше путь шел по Центральной Азии через Таласс в Монголию. Путешествие протекало без особых приключений. Но когда послы французского короля прибыли в Каракорум, их ожидало там большое разочарование: Гуюк умер в апреле 1248 г., а нового великого хана еще не избрали.

---

[1] A. R é m u s a t, Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols, «Mémoires de l'Académie des Inscriptions», 1822, t. VI, p. 396.

[2] J e a n S i r e d e J o i n v i l l e, Histoire de St. Louis, ed. Nat. de Wailly, Paris, 1874, p. 73.

[3] B. A l t a n e r, op. cit., S. 42.

В Каракоруме в период междуцарствия правила вдова Гуюка, по имени Огул-Каймиш[1], женщина чрезвычайно ограниченная, чуждая высшим духовным интересам, совершенно не разбиравшаяся в христианском вероучении. Среди ее придворных не нашлось ни одного настоящего благочестивого христианина, да и вообще ни одного человека, который позаботился бы о европейцах. Хотя правительница монголов и приняла посольство, но расценила его прибытие в Каракорум так же, как ее покойный муж Гуюк приезд миссии Карпини. Она сочла, что король Людовик не то приносит ей свою покорность, не то просит о помощи. Огул-Каймиш не сочла нужным сдерживать обычное монгольское высокомерие; ее ответ был крайне дерзким. Она требовала от короля Людовика уплаты дани в знак его покорности и угрожала в случае непослушания свергнуть его власть и уничтожить его народ.

Надежда на распространение католичества в Центральной Азии и на создание для него там постоянной опоры не сбылась, как и надежда на массовое крещение монголов по католическому обряду. Мечты, навеянные слишком радужным описанием канцлера Смбпата, растаяли, как воздушный замок. Между тем Смбпат писал, несомненно, bona fide [вполне искренне.— *Ред.*], но либо он, как это случалось и с другими путешественниками того времени, принимал буддийские храмы и обычаи за христианские [2], либо считал христиан-несториан католиками, не понимая глубоких противоречий между этими двумя исповеданиями. Во всяком случае, посольство постигла полная неудача и брат Андре вернулся на родину, видимо, глубоко разочарованным. Об обратном путешествии Лонжюмо мы ничего не знаем, кроме того, что в начале апреля 1251 г. он прибыл в Цезарею [Кесарию], где тогда находился король Людовик IX.

---

[1] Огул-Каймиш была старшей женой Гуюк-хана. Вот что пишет о ней Рашид-ад-дин: «И хотя, кроме сделок с купцами, никаких дел больше не было и Огул-Каймиш большую часть времени проводила наедине с шаманами и была занята их бреднями и небылицами, у Ходжи и Нагу [ее сыновей] в противодействие матери появились две резиденции, так что в одном месте оказались три правителя... Вследствие разногласий между матерью, сыновьями и другими и противоречивых мнений и распоряжений дела пришли в беспорядок». См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, М.— Л., 1960, т. II, стр. 121—122. И далее: «Когда великим ханом стал Мункэ, сын христианки Соркуктани-беги, он приказал захватить Огул-Каймиш, которая заявила, что великим ханом должен быть один из ее сыновей, и привезти, зашив обе руки в сыромятную кожу. Когда она прибыла, ее отправили... в ставку Соркуктани-беги, и Мункасар-яркучи [судья], обнажив ее, потащил на суд и допрашивал... Спросив о ее вине, ее завернули в кошму и бросили в воду». См. там же, стр. 138. — *Прим. ред.*

[2] На одну из главных причин неоднократного появления в средневековье легенды о широком распространении христианства *в Азии*, по мнению автора, правильно указал итальянский путешественник XV в. Джосафат Барбаро: «Я думаю, что религия жителей Катая языческая, хотя многие свидетели из Джагатая и других наций, побывавшие там, уверяют, что они христиане. Когда я их просил обосновать свое мнение, то ответ прозвучал так: у них в храмах есть такие же изображения, какие обычно бывают и у нас». См. Giambattista Ramusio, Navigationi e viaggi, Venézia, 1583, t. II, p. 107.

Между тем французский король сам испытал много трудностей. 5 апреля 1250 г. в Египте он был захвачен сарацинами в плен и находился у них почти целый год. Наконец он получил свободу ценой тяжелого выкупа и направился в Малую Азию, прибыв в Цезарею 29 марта 1251 г.

Подъему угнетенного настроения Людовика вряд ли мог способствовать дерзкий ответ монгольской правительницы, переданный ему, видимо, через несколько дней (король покинул Цезарею 15 апреля)[1]. Людовик IX глубоко сожалел о том, что вообще послал миссию в Монголию!

И тем не менее даже теперь европейцы не хотели отказаться от полюбившейся им идеи обращения монголов в христианство, хватаясь за каждую соломинку. Даже тот же король Людовик вскоре еще раз послал миссию в Каракорум, рассчитывая добиться успеха другими средствами. Это второе французское посольство было одним из самых выдающихся достижений средневековья в области географических исследований. Оно связано с именем Гильома Рубрука. Хотя это посольство с политической и миссионерской точек зрения оказалось таким же безрезультатным, как и предыдущее, тем не менее его культурно-историческое и географическое значение столь велико, что оно вписало славную страницу в историю средневековых научных исследований.

Андре Лонжюмо, как уже сказано, не оставил описания своих приключений. Однако об исторической подоплеке этого путешествия нас правдиво осведомил его современник и брат по ордену Венсан Бове (Винцентиус Белловаценсис). В хронике Венсана Бове, умершего в 1264 г.[2], записи о миссии Андре Лонжюмо, вероятно, основаны на первоисточнике. К сожалению, о самом путешествии она сообщает не более того, что приведено в отрывке, цитированном в начале главы. Изложение событий обрывается как раз на сообщении о том, что Андре Лонжюмо написал королю Людовику Святому о начале своего путешествия и что перевод этого письма был отослан дальше во Францию королеве-матери[3].

Примечательно, что имя монгольского наместника Ильчикадая, письмо которого к королю Людовику было причиной отправления миссии Андре, в дальнейшем, очевидно, считалось неизменным именем или титулом монгольского правителя Туркестана и Хорасана. Во всяком случае, письмо папы Иоанна XXII от 2 ноября 1329 г., в котором высказывалась благодарность за радушие, оказанное христианам, было направлено «Эршикадаю, императору татар Хорасана, Туркестана и Индостана»[4].

---

[1] R. Röhricht, Geschichte des Königreichs Jerusalem, Innsbruck, 1898, S. 885 (и след.).

[2] «Bibliothèque sacrée», Paris, 1825, t. 25, p. 160.

[3] Бланш (Бланка Кастильская, 1188—1252) — вдова Людовика VIII, дважды правившая Францией: во время малолетства Людовика и во время Седьмого крестового похода.—*Прим. ред.*

[4] O. Raynaldus, Annales ecclesiastici, Köln, 1694, t. XV, p. 397.

ГЛАВА 121

МИССИЯ ВИЛЛЕМА (ГИЛЬОМА) РУБРУКА К МОНГОЛАМ

(1253—1255 гг.)

(Гл. 1). Итак, да знает ваше священное величество, что в лето Господне 1253 г. седьмого мая въехали мы в море Понта, именуемое в просторечии великим [majus] морем... Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию [Крым]... Итак, мы прибыли в Солдаию [Судак] 21 мая, а раньше нас приехали туда некие купцы из Константинополя, которые сказали, что туда явятся послы из Святой Земли, желающие направиться к Сартаху... Итак, мы направились в путь около 1 июня с четырьмя нашими крытыми повозками и полученными от них двумя другими, на которых везли тюфяки, чтобы спать ночью; сверх того они дали нам пять верховых лошадей, ибо нас было пять лиц... Итак, выехав из Солдаии, на третий день мы нашли Татар. Когда я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир...

(Гл. 11). С тех пор как мы выехали из Солдаии и вплоть до Сартаха, два месяца, мы никогда не лежали в доме или палатке, но всегда под открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил Команов...

(Гл. 15). Итак, мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины (2 июля) достигли большой реки Танаида [Дон], которая отделяет Азию от Европы... [переправа, вероятно, у Богучар или Павловска[1]]... Тогда, взяв лошадей и быков, мы поехали от становища к становищу, пока, 31 июля, не добрались до местопребывания Сартаха...

(Гл. 17). Итак, мы нашли Сартаха близ Этилии [Волга], в трех днях пути от нее...

Тогда я подал ему вашу грамоту с переводом по-арабски и сирийски. Ибо я приказал переложить ее в Аконе [Акра] на оба языка и письмена... [Ознакомившись с письмом, Сартак ведет себя сдержанно и на следующий день приказывает передать послам, что

---

[1] F. M. Schmidt, Über Rubruk's Reise von 1253—1255, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1885, S. 179. Важные поправки к хронологии событий, данные в этом ценном исследовании, см. H. Lövinson, Ergänzungen zu dem Aufsatze von Franz Max Schmidt über Rubruks Reise, «Zeitschift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1888, S. 436.

он не полномочен решать вопрос и что они должны поехать к его отцу Бату.]

(Гл. 20). Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан... В те же четыре дня, когда мы были при дворе Сартаха, о нашей пище вовсе не заботились, кроме того, что раз дали нам немного кумысу... Итак, мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена...

(Гл. 21). Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату [вблизи Саратова]... [Следует описание довольно радушного приема у Бату. Однако и Бату считает себя неполномочным вести переговоры с послами и приказывает им ехать в Каракорум к великому хану Мангу [Мункэ], чтобы у него выпросить решение о допущении христианских миссионеров.]

(Гл. 22). И мы ехали с Бату, спускаясь возле Волги, в течение 5 недель... Ибо нам приходилось, за недостатком лошадей итти пешком... Наконец, около праздника Воздвижения Святого Креста [14 сентября] пришел к нам некий богатый Моал, отец которого был тысячником, что считается важным среди них, и сказал: «Я должен отвести вас к Мангу-хану; это — путь четырех месяцев, и там стоит столь сильный холод, что от него раскалываются камни и деревья. Смотрите, сможете ли вы выдержать»... На второй день после Воздвижения Святого Креста мы выехали, причем у нас троих было две вьючные лошади, и мы ехали не переставая в восточном направлении вплоть до дня праздника Всех Святых...

(Гл. 24). Нет числа нашим страданиям от голода, жажды, холода и усталости. Пищу они дают только вечером. Утром дают что-нибудь выпить или проглотить пшена... Накануне дня Всех Святых мы оставили дорогу на восток, так как Татары уже значительно спустились к югу, и направили, через какие-то горы [Каратау[1]], путь прямо на юг, в течение 8 дней подряд... Через неделю после праздника Всех Святых мы въехали в некий Саррацинский город, по имени Кинчат [на реке Таласс[2]]... В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника Святого Михаила [29 сентября], в степи стояли морозы...

(Гл. 25)... От упомянутого поселка мы направились к востоку прямо к вышеупомянутым горам [Киргизский хребет[3]]... Через несколько дней после этого мы въехали в горы, на которых обычно живут Каракатаи, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне [Или]... На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали

[1] F. M. Schmidt, op. cit., S. 193 (и след.).
[2] Ibidem, S. 195.
[3] Ibidem, S. 196.

на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро [озеро Балхаш], тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море... Мы нашли там большой город по имени Кайлак [у Капала], в котором был базар, и его посещали многие купцы. В нем мы отдыхали 12 дней...

(Гл. 29): Итак, мы выехали из вышеупомянутого города [Кайлака] в праздник Святого Андрея и там поблизости, в трех лье, нашли поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко: «Радуйся, Царица», так как уже давно не видали церкви... Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое море [Эби-Нур[1]]... Итак, мы переправились через долину, направляясь на север, к большим горам, покрытым глубокими снегами, которые тогда лежали на земле. Поэтому в праздник Святого Николая [6 декабря] мы стали сильно ускорять путь...

(Гл. 30)... Затем мы снова поднялись на горы, направляясь все к северу.

(Гл. 31). Наконец, в день блаженного Стефана [26 декабря] мы въехали на равнину, обширную, как море, так что нигде на ней не виднелось никакой горки, а на следующий день, в праздник Святого Евангелиста Иоанна [27 декабря], мы прибыли ко двору упомянутого великого государя... Нашему проводнику был назначен большой дом, а нам троим — маленькая хижина, в которой мы едва могли сложить наше имущество, сделать постели и развести небольшой огонь... На следующий день нас повели ко двору, и я полагал, что могу итти босиком, как в наших краях, почему и снял сандалии...

(Гл. 32). В это утро у меня отмерзли концы пальцев ног, так что больше я не мог ходить босиком... [Мункэ принимает путешественников неплохо, но сдержанно и надменно. Он разрешает им пребывание при его дворе.]

(Гл. 41). В Вербное воскресенье [5 апреля 1254 г.] мы были вблизи Каракарума...

(Гл. 44). Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города... Следуя за двором, мы прибыли туда в воскресенье перед Вознесением [17 мая]...

Именно это происходило около конца мая, а мы оставались там весь январь, февраль, март, апрель и май. Я же, не слыша никаких известий про царя или упомянутого священника и боясь, что нам придется возвращаться зимою, суровость которой мы

---

[1] F. M. Schmidt, op. cit., S. 204.

испытали, поручил спросить у Мангу-хана, что он хочет делать с нами, так как мы охотно остались бы там навсегда, если ему это было бы угодно; если же нам надлежит вернуться, то нам легче вернуться летом, чем зимою... [24 мая новый прием у Мункэ. Он разрешает им выехать. По его повелению, 30 мая происходит большой публичный диспут между приверженцами различных религий, представленных в Каракоруме, а через день — обстоятельная беседа Рубрука с великим ханом о вопросах веры, после чего дается согласие императора на обратное путешествие. Мункэ хочет дать письмо королю Людовику. Наконец, 10 июля миссия отправляется обратно, но брат Бартоломео из-за болезни остается в Каракоруме.]

(Гл. 49). Итак, мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки, в которой не вкушали хлеба [Эмель]. И за эти два месяца и 10 дней мы отдыхали только один-единственный день, так как не могли получить лошадей...

Прибыл же я ко двору Бату в тот же день, в который удалился от него в истекшем году [16 сентября]... и с радостью обрел служителей здоровыми... Затем я пустился в путь к Сараю ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг... [Следует описание возвращения через Страну аланов и Армению, Каппадокию[1], Иконий, Аяс, Кипр, Антиохию в сирийский Триполи и прибытия туда 15 августа 1255 г.]

(Гл. 53). Мне кажется бесполезным, чтобы какой-нибудь брат ездил впредь к Татарам так, как ездил я, или так, как едут братья проповедники; но если бы Господин Папа, который является главою всех христиан, пожелал отправить с почетом одного епископа и ответить на глупости Татар, которые они уже трижды писали Франкам... то он мог бы сказать им все, что захочет, и даже заставить, чтобы они записали это. Именно они слушают все, что хочет сказать посол, и всегда спрашивают, не желает ли он сказать еще; но ему надлежит иметь хорошего толмача, даже многих толмачей, обильные средства и т. д.[2]

Король Людовик Святой после полного провала дипломатической миссии Андре Лонжюмо, как будто, должен был бы понять, что нужно отказаться от

---

[1] Аланы — предки осетин; Каппадокия — историческая область в восточной части Малой Азии.— *Прим. ред.*

[2] Отчет Рубрука о путешествии в восточные страны. См. «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 88—90, 104, 109—111, 113, 117, 118, 121, 122, 124—126, 133, 134, 136, 137, 139, 160, 165, 167, 183—185, 194.

надежды обратить монголов в христианство. Тем не менее он все-таки утешал себя мыслью, что можно было бы, пожалуй, направить к ним еще одну достойную миссию, которая вела бы работу в более широких масштабах, если бы среди монгольских правителей нашелся действительно крещеный христианин, готовый защитить и всячески поощрять римских миссионеров. Наши сведения о мировоззрении монголов того времени основательнее, чем те, которыми располагали европейцы XIII в. Поэтому нам кажется непостижимым, как после фактического крушения двух попыток завязать сношения с монголами можно было упорно придерживаться столь предвзятых мнений. Вот что пишет по этому поводу Альтанер:

«Все время возвращаешься к мысли, что ни миссионеры, занимавшиеся проповеднической деятельностью, ни приближенные папы не были способны трезво и правильно оценить действительное положение вещей и принять на основании этого необходимые меры. Строились грандиозные планы, и большие надежды наполняли сердца, а под конец все это закончилось полным крахом»[1].

Возможно, это суждение слишком резко. Виллем Рубрук, во всяком случае, правильно понял всю безнадежность пропагандистской деятельности среди монголов, как это показывает заключительный раздел его книги, цитировавшийся в начале главы. Папу и короля Франции можно извинить за то, что они все еще предавались дорогим их сердцу иллюзиям даже после возвращения Андре Лонжюмо. Ведь к ним поступали и совершенно определенные сообщения о широком распространении христианства в Центральной Азии, не верить которым не было оснований.

Сообщал же канцлер Смбпат, упомянутый в предыдущей главе, в своем письме из Самарканда от 7 февраля 1948 г.:

«Мы нашли многочисленных христиан, расселившихся по всему Востоку, и много красивых высоких старинных церквей превосходной архитектуры, разграбленных турками».

Основываясь на таких сообщениях, полагали, что еще можно добиться успеха с помощью какого-нибудь представителя монгольской правящей династии, ставшего христианином. Брат Андре принес в Кесарию известие, в котором король Людовик нашел сладостное утешение: царевич Сартак, сын властелина Золотой Орды князя Бату, завоевавшего в 1236 г. Русь, исповедует христианство! К этому брату по вере и хотел обратиться король Людовик, чтобы проложить путь христианским миссионерам в подвластные монголам страны. Поскольку царевич Сартак, как и его отец, видимо, кочевал в Поволжье, достаточно было, как полагали, проделать короткий путь, чтобы добиться осуществления столь заветной цели. И король решил отправить на Волгу еще одно посольство, руководителем которого назначил францисканского монаха Виллема Рубрука.

Но чтобы эта попытка завоевать доверие правителя не была еще раз ложно истолкована в обидном и унизительном для короля смысле, его по-

---

[1] B. Altaner, Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts, Habelschwert, 1924, S. 138.

сланцы получили категорическое предписание воздерживаться от каких бы то ни было политических переговоров и ограничиться только миссионерской деятельностью среди монголов.

Остается еще под вопросом, можно ли считать, что царевич Сартак действительно был христианином. Критические замечания Рубрука по этому поводу порождают серьезные сомнения. Видимо, с этим царевичем, находившимся на довольно низком культурном уровне, дело обстояло точно так же, как и с большинством других монгольских «христиан». Им приписывали больше рвения к христианской вере, чем они в действительности проявляли. Учитывая глубокое безразличие всех монголов к религии, вряд ли можно сомневаться в том, что даже в случае крещения, если оно действительно состоялось, христианство их было чисто внешним и считалось ими средством для защиты от злых демонов. Одно замечание Рубрука в этой связи представляется более убедительным, чем длинные ученые трактаты: по наблюдениям французского посла, монголы, включая «христианского» царевича Сартака, под христианами подразумевали какой-то западный народ.

Родившийся, вероятно, между 1220—1230 гг. францисканский монах Виллем происходил из фламандской деревни Рубрук недалеко от Касселя (Фландрия). Раньше предполагали, что его родиной был город Рейсбрук. Однако это предположение отпадает, так как один из современников Рубрука определенно пишет о нем, как о «фламандском чтеце»[1], чего нельзя было сказать об уроженце брабантского города Рейсбрука. Одно случайное упоминание о Рубруке как о «французе» тоже больше подходит к фламандцу, поскольку Фландрия была тогда французским ленным владением.

Этот еще юный монах, которому Людовик IX поручил возглавить миссию к Сартаку, жил преимущественно во Франции и сопровождал короля в его крестовом походе. Рубрук, видимо, лично хорошо знал Андре Лонжюмо. После того как король дал ему поручение к Сартаку, францисканец отправился сначала в Константинополь, где тогдашний латинский император Балдуин II (1228—1261)[2] также дал ему рекомендательное письмо к царевичу. Рубрук, вероятно, предполагал совершить путешествие только в Поволжье. Но вопреки первоначальным намерениям его поездка превратилась в самое замечательное путешествие по Центральной Азии из всех, какие были осуществлены до Марко Поло. Как проходило это путешествие, показывают приведенные выше отрывки из первоисточника.

Из отчета о путешествии видно, что Рубрук с большим опозданием прибыл в ставку Сартака и что там он горько разочаровался в своих надеждах,

---

[1] P. Hildebrand, De wereldreiziger Willem van Rubroek, «Voortrekkers van den Nederlandschen Stam», Amsterdam, 1925, S. 14 (и след.).

[2] Балдуин (Бодуэн) II (1218—1273; в тексте указаны не годы его жизни, а годы правления) — последний император Латинской империи, организованной в 1204 г. крестоносцами из части византийских владений, с центром в Константинополе. При Балдуине II эта империя фактически свелась к небольшой территории у Мраморного моря — восточному выступу Балканского полуострова. В 1261 г. Балдуин II был свергнут с престола после того, как войска Михаила Палеолога взяли Константинополь и Византийская империя была восстановлена.— *Прим. ред.*

так как «христианский царевич» не проявил никакой заботы о королевских послах и даже ни разу не обеспечил их питанием. Замечание Рубрука, что Сартак вовсе не христианин, а «монгол», показывает, пожалуй, всю глубину его разочарования. Виллем очень скоро осознал, что от Сартака нельзя ожидать ни малейшего поощрения католической миссии. Царевич просто отослал французских посланцев к своему отцу Бату. Но когда Рубрук прибыл к Бату, тот заявил ему, как ранее Карпини, что это дело его совершенно не касается и что решение о деятельности миссионеров может принять только великий хан, находящийся в Каракоруме. Тогда Рубрук понял, что ему придется предпринять длительное путешествие, а это вначале, несомненно, не входило в его намерения. Он должен был отправиться в Монголию, если не хотел вернуться назад с пустыми руками.

Тот факт, что Рубрук ничего не добился от Сартака и Бату, пошел на пользу позднейшим поколениям, так как благодаря этому они получили выдающуюся книгу о путешествии, «величайший географический шедевр Средневековья»[1]. Труд Рубрука не был правильно оценен, ибо его вскоре затмила еще более яркая книга Марко Поло, которому мы также не можем отказать в глубоком уважении и восхищении. Однако такой компетентный ученый, как Юл, склонен даже ставить отчет о путешествии Рубрука выше книги Марко Поло[2].

Спутниками Рубрука были брат Бартоломео из Кремоны, клирик Госсель, молодой раб с Востока Николай и весьма подозрительная личность — толмач, которого, видимо, звали Абдуллой. Рубрук называет его *человеком Божиим* Тургеманном. Этот толмач был чрезвычайно неприятным привеском. Его знание языков внушало сильное сомнение, впрочем, как и его добросовестность. Пожелание, высказанное Рубруком в конце отчета о путешествии, чтобы будущие миссии к монголам были прежде всего обеспечены хорошим толмачом, видимо, продиктовано этим печальным опытом. Рубрук упоминает в одном месте о том, как, усвоив сам некоторое знание монгольского языка, он убедился, что его толмач при переводе говорил совсем не то, что ему следовало бы передать. Возможно, что и переводчик Карпини оказался таким же ненадежным. В таком случае понятно, почему великий хан Гуюк воспринял папскую проповедь как изъявление покорности.

Подобно Карпини, Рубрук вынужден был проделать большую часть утомительного путешествия в зимние месяцы. 27 декабря 1253 г., через $3^1/_2$ месяца после отъезда из резиденции Бату, он прибыл в ставку великого хана вблизи Каракорума. Несомненно, Рубруку был оказан лучший прием, чем его предшественнику Андре Лонжюмо со стороны ограниченной вдовы императора. Более того, Рубрук провел при дворе хана Мункэ свыше шести месяцев. Но своих истинных целей он не достиг. Мункэ, вероятно, вообще непра-

[1] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, S. 161.

[2] О религиозном значении миссии Рубрука см. Achatius Batton, Wilhelm von Rubruk, ein Weltreisender aus dem Franziskanerorden und seine Sendung in das Land der Tataren, «Franziskanische Studien», Münster, H. 6; A. van der Wyngaert, Jean de Mont Corvin, O.F.M., premier évêque de Khanbalig (Peking), 1247—1328, Lille, 1924.

вильно понял, чего, собственно, от него добивались. Все же знаменательно, что по желанию великого хана 30 мая 1254 г. в Каракоруме был устроен религиозный диспут между христианами, магометанами и буддистами о преимуществах их религий, который, разумеется, не привел ни к каким практическим результатам. Об отношении хана ко всем вероучениям свидетельствует тот факт, что он однажды во время разразившейся в горах бури приказал приверженцам *всех* представленных при его дворе религий молиться своим богам о прекращении непогоды! Следующее наивно смиренное замечание Рубрука о великом хане характерно не только для мышления монголов, но также и для отношения подавляющего большинства христиан того времени к религиозным проблемам.

«Если бы я, подобно Моисею, умел творить чудеса, он, может быть, уверовал бы».

Книга Рубрука написана на «варварской латыни»[1], но она изобилует тонкими наблюдениями и в высшей степени интересными сообщениями культурно-исторического характера. Как заботливо собирал он сведения о том, чего сам наблюдать не мог, вытекает хотя бы из следующего факта. Только на основании расспросов Рубрук смог уже тогда сообщить, что Каспийское море это отнюдь не залив океана, как утверждали все географы без исключения вплоть до XVI в. Нас не должно удивлять, что, занимаясь исследованиями, Виллем часто становился жертвой заблуждений и легенд, распространявшихся теми лицами, на авторитет которых он полагался. Так, весть о Великой Китайской стене доходит до Рубрука в виде сообщения о том, будто в земле Катай [Китай] есть город с серебряными стенами и золотыми башнями[2]. Но в остальном даже о Китае, до которого сам Рубрук не доходил, он располагал довольно достоверными сведениями. Так, Виллем знал уже, что в Китае имеют хождение бумажные деньги[3], о чем Европа, кроме него, узнала только от Марко Поло, что в городе «Сегин» (Сиань) есть христианский епископ[4]. Однако Рубрук сообщает также, что несториане позорят христианскую веру, так как они ростовщики, пьяницы и многоженцы. Справедливы ли были эти упреки и в какой мере, установить теперь нельзя. Следует принять во внимание, что Рубрук, естественно, испытывал антипатию к несторианской ереси. Не был свободен он и от предубеждений в своем отношении к представителям другой веры. Особенное отвращение вызывало у Рубрука мусульманство, что вполне естественно для благочестивого христианина эпохи крестовых походов. Волжских болгар, например, Рубрук называет однажды «самыми злейшими Саррацинами»[5] и не может воздержаться от характерного восклицания: «И я удивляюсь, какой дьявол занес сюда закон Магомета»[6].

Эта недостаточная объективность по отношению к худшим врагам христианской веры отвечала духу того времени. Ее проявляет также, но уже

[1] P. Hildebrand, op. cit.
[2] «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 132.
[3] Там же, стр. 155.
[4] Там же, стр. 132.
[5] Там же, стр. 119.
[6] Там же, стр. 118.

по отношению к христианам, величайший мусульманский путешественник XIV в. Ибн-Баттута (см. гл. 139).

У Рубрука, как и у Карпини, мы находим яркое описание обширных связей, поддерживавшихся монголами. Связи эти были следствием расширения монгольской державы и строгой централизации управления огромной империей. Так, Рубрук сообщает как о чем-то вполне естественном, что вместе с ним в Каракоруме находились турецкие послы из Икония и послы из Индии, а также и о том, что индийцы привезли великому хану в подарок от своего повелителя 8 леопардов и 10 дрессированных борзых собак[1]. Вспоминает он и о поездке в Каракорум армянского царя Этума (см. гл. 122). Поражает нас также сообщение Рубрука о ценных советах, которые дал ему земляк из Фландрии, рыцарь Балдуин из Эно (*Baldewinus de Hannonia*), побывавший уже раньше в Каракоруме. Об этом рыцаре мы больше ничего не знаем. Однако из краткого сообщения Рубрука можно заключить, что наряду с известными нам великими путешествиями средневековья, тогда, несомненно, предпринималось еще большее количество не менее значительных экспедиций в страны мало или совсем незнакомые. Но об этих путешествиях нам не сообщает никаких подробностей ни одно известие.

С культурно-исторической точки зрения книга Рубрука представляет собой настоящую сокровищницу, содержащую много интересных деталей. Так, например, в ней впервые упоминается о ходьбе на лыжах.

«Живут там также Оренгаи [тунгусы!], которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротой, что ловят птиц и зверей»[2].

В другом месте Виллем упоминает, что среди башкир на Урале еще до него вели работу монахи-миссионеры[3].

Чудесную книгу Рубрука с географической точки зрения весьма обстоятельно изучил Шмидт (см. примечание на стр. 58)., Превосходное исследование об этом путешественнике опубликовал также Юл[4].

Истинная цель путешествия Рубрука в Монголию ни в каком отношении не была достигнута. После многомесячного ожидания ясного ответа хана о допуске миссионеров в его страну Рубрук должен был еще раз осведомиться, остаться ли ему в Монголии для миссионерской деятельности или возвратиться на родину. Ответ был знаменательным: ему предлагалось вернуться домой. Следовательно, второе посольство французского короля кончилось так же безрезультатно, как и первое.

Позднее Марко Поло нашел несравненно более благоприятную почву для деятельности христианских миссионеров в странах, подвластных монголам, и с 1308 г. в Китае уже подвизался католический архиепископ (см. гл. 131). Но это объяснялось прежде всего тем, что во времена Поло вместо тупых и суеверных великих ханов, царствовавших в Каракоруме, в Пекине правил дей-

---

[1] «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 179.
[2] Там же, стр. 154.
[3] Там же, стр. 123.
[4] H. Y u l e, Cathay and the way thither, London, 1866.

ствительно просвещенный и культурный монгольский император, великий Хубилай, внук и достойный преемник основателя династии Чингис-хана.

Когда Рубрук вернулся в Сирию, король Людовик IX уже опять охладел к Востоку, доставлявшему ему одни разочарования. Поэтому Рубрук должен был представить своему повелителю только письменный отчет о путешествии и о крушении надежд, которые питали христиане. Этому мы и обязаны тем, что весьма ценная книга Рубрука сохранилась до наших дней. Его спутник Госсель доставил в Париж отчет и подарки Сартака для короля Людовика, а сам Виллем остался в Акре и вернулся в францисканский монастырь. О его дальнейшей жизни почти ничего не известно[1]. Полагают, что он был знаком с великим английским ученым Роджером Бэконом[2], который читал также и отчет о путешествии Карпини[3]. Если это соответствует действительности, то Рубрук еще раз побывал во Франции, что отвечало его сокровенному желанию: ведь когда Бэкон в 1250 г. первый раз посетил эту страну, Рубрук находился на Востоке. О дальнейшей судьбе этого путешественника и годе его смерти мы ничего не знаем.

Текст письма, направленного великим ханом королю Людовику, не приводится нами среди первоисточников в этой главе. С ним можно ознакомиться в издании Хербста[4]. Письмо не настолько интересно, чтобы стоило его цитировать. Мункэ тоже счел, что французский король изъявляет ему свою покорность. Одно предложение из письма интересно, пожалуй, привести, так как оно особенно типично как для чванливости монгольских правителей, так и для их фразеологии:

«Если Силою вечного Бога от восхода солнца и до захода весь мир станет единым в покое и радости, то...».

Казалось бы, сообщение Рубрука должно было положить конец заблуждениям французского короля и папы относительно желания монголов перейти в христианскую веру. И все же попытки установить с ними тесные связи не были оставлены: в Сорбоннском университете хотели тогда даже основать специальную кафедру монгольского языка[5]. Однако более трех десятилетий никаких попыток проповедовать монголам католическое учение не возобновлялось. Монгольские правители допускали в своем государстве исповедание как христианской, так и любой другой религии, однако в существе этой веры они не разбирались. Их кажущаяся «склонность» к христианству объяснялась не духовными запросами, а безразличием к религии и суеверными страхами. Это побуждало их не чинить никаких препятствий «большой массе» живших в Каракоруме плешников — венгерских, русских, аланских, грузинских и

---

[1] J. de St. Génois, Les voyages belges du 13me et 14me siècle, 1846, p. 93 (и след.).

[2] Roger Baco, Opus majus, London, 1733, p. 191.

[3] O. Peschel, ed. S. Ruge, Geschichte der Erdkunde, München, 1877, S. 165, (примечание 2).

[4] H. Herbst, Guilelmus de Ruysboek, der Bericht über seine Reise in das Innere Asien, Leipzig, 1934.

[5] A. Rémusat, Rapport des princes chrétiens avec le grand empire des Mongols, «Mémoires de l'Académie des Inscription», 1822, t. XI, p. 415.

армянских христиан — при отправлении ими своего обряда. Отношение монголов ко всем религиям и причину их привлекательной для нас веротерпимости можно особенно хорошо проиллюстрировать следующим отрывком из книги Марко Поло, свидетельствующим о том, что даже люди с таким незаурядным интеллектом, каким отличался Хубилай, были чужды христианскому учению. Поло пишет: «Зная, что это один из наших главных праздников, созвал всех христиан и пожелал, чтобы они принесли ту книгу, где четыре евангелия. Много раз с великим торжеством воскуряя ей, благоговейно целовал ее и приказывал всем баронам и князьям, бывшим там, делать то же. И то же он делал в главные праздники христиан, как в пасху и в рождество, а также в главные праздники сарацин, иудеев и идолопоклонников. А когда его спрашивали, зачем он это делает, великий хан отвечал: «Четыре пророка, которым молятся и которых почитают в мире. Христиане говорят, что бог их Иисус Христос, сарацины — Мухаммед, иудеи — Моисей, идолопоклонники — Согомом-баркан [Шакьямуни-бурхан], первый бог идолов. Я молюсь и почитаю всех четырех, дабы тот из них, кто на небе старший воистину, помогал мне»[1].

Отсюда ясно, что веротерпимость монголов объяснялась не высшими философскими принципами и не мудрым мировоззрением, возвышающимся над религиозными догмами, которые были свойственны героям Лессинга Натану и Саладину[2]. Скорее всего, она вытекала из неуверенности и нежелания портить отношения ни с одним из великих богов, так как монголы не знали и не хотели знать, какой из них был самым могущественным.

Хорошее знание чужеземных языков облегчало Рубруку усердное собирание материала во время его путешествия. Как отмечает Хильдебранд в цитировавшейся выше работе, Виллем, кроме родного фламандского языка, вероятно, владел еще по меньшей мере французским, арабским и хуже — латинским. Путешествуя, он приобрел некоторое знание татарского языка, ведь иначе он едва ли смог бы установить, что толмач при переводе говорил совсем не то, что ему поручали передать. Рубрук всегда испытывал особую радость, если на чужбине встречал человека, владевшего его родным фламандским языком.

Разумеется, Рубрука никак нельзя считать ответственным за провал миссионерской деятельности в Монголии. Бесспорно, он был самым выдающимся миссионером из всех христиан, ходивших в Монголию в XIII в. Кроме Хербста, опубликовавшего замечательное новое издание путевых записок Рубрука, этим путешественником и его великолепной книгой занимались и другие исследователи, посвятившие им солидные монографии[3].

Неудача Рубрука, считавшегося опытным миссионером, как гром среди ясного неба поразила христианскую Европу того времени. Однако папа Ин-

---

[1] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 281 (примечание к гл. LXXX).

[2] Речь идет о философской трагедии Г. Э. Лессинга «Натан Мудрый».— *Прим. ред.*

[3] W. Rockhill, The journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the world, London, 1905. Статья Матро. См. «Etudes Franciscaines publiées par les Religieux de l'ordre des Frères Capucins», Paris, t. XIX—XX.

нокентий IV, который скончался 7 декабря 1254 г., так и не дождавшись возвращения Рубрука, незадолго до своей смерти получил какие-то ложные сообщения, преисполнившие его «великой радостью». Это побудило папу 29 августа того же года обратиться с очень теплым письмом к мнимому христианину Сартаку, который представлялся ему могущественным «*Tartarorum rex*» [«царем татар»] и «divino collustratus lumine» [«озаренный божественным светом»][1], и заверить монголов в своей отеческой благосклонности![2] Кроме того, не дождавшись сообщений от долго не возвращавшегося Рубрука, Иннокентий отправил в путь пять доминиканцев, которые должны были проповедовать католическое учение среди монголов в Поволжье, а если представится возможность, то и в Центральной Азии. Им поручалось также совершать обряд крещения. Именно с караваном этих миссионеров 2 февраля 1255 г. Рубрук встретился в столице Великой Армении — городе Ани. После того как возвращавшийся из Каракорума Рубрук нарисовал пяти доминиканским монахам реальные перспективы, они повернули обратно. Из этого можно заключить, как пессимистически расценивал Рубрук и результаты своей миссии и перспективы для деятельности христианских проповедников среди монголов! И все же в 1260 г. в Сарае удалось основать кустодию францисканцев[3].

Виновником почти непостижимого заблуждения папы был человек, назвавший себя «священником Иоанном» и домашним капелланом «царя» Сартака. Он уверял, будто направлен Сартаком в качестве посла к папе, но в пути его взял в плен последний Гогенштауфен[4]— король Конрад IV (1250—1254), который надолго задержал его в Сицилии и отобрал все грамоты, в том числе и ту, где Сартак изъявлял свою готовность покориться папе. Только после смерти этого короля (21 мая 1254 г.) пленник был освобожден и смог продолжить свой путь к папе. Вот почему папа счел даже необходимым в своем письме к Сартаку объяснить причину длительной задержки «посла»!

Не подлежит сомнению, что этот «Иоанн» был обманщиком. Какие мотивы руководили им, установить теперь нельзя. Альтанер утверждает, что мнимый «Иоанн» происходил из Армении[5]. На чем основано это предположение, автор не смог установить, да это и не имеет никакого значения. Разумеется, царевич Сартак не получил письма папы, которое должен был ему доставить его «домашний капеллан». И очень хорошо, что это письмо не достигло адресата, иначе какое мнение о христианах составили бы себе монголы!

Только после возвращения Рубрука лопнул мыльный пузырь радужных надежд на монгольских христиан, так долго тешивший сердца европейцев.

---

[1] O. R a y n a l d u s, Annales ecclesiastici, Köln, 1692, t. XIII, p. 636.
[2] Ibidem.
[3] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, S. 158 (примечание 1). [Кустодия — сторожевой пункт; передовой пост.— *Ред.*]
[4] Гогенштауфены — с 1079 г. династия швабских герцогов, а с 1138 по 1254 г. германских королей и императоров.— *Прим. ред.*
[5] B. A l t a n e r, op. cit., S. 138 (и след.).

ГЛАВА 122

АРМЯНСКИЙ ЦАРЬ ЭТУМ II В КАРАКОРУМЕ

(1254 г.)

В 1253 г.[1] армянский царь Хайтон [Этум] узнал, что татары покорили все царства, земли и государства вплоть до царства турецкого. Он созвал совет мудрейших и решил сам поехать к татарскому царю, чтобы легче завоевать его благосклонность и заключить с ним союз о мире. Но прежде он послал своего верного канцлера Армении, благородного Синибальда [Смбпата], чтобы тот получил согласие татарского царя на это путешествие, которое стало бы тогда более безопасным... [Следует описание четырехлетнего путешествия канцлера к великому хану, а затем поездки в Каракорум самого царя.] Мангу-хан был очень рад прибытию армянского царя, прежде всего потому, что... его еще не навещал ни один более великий государь. Поэтому он принял царя весьма благосклонно, с большими почестями и приставил к нему свиту из вельмож своего двора, которые должны были сопровождать его и оказывать ему почет... [Следует описание дипломатических переговоров, в ходе которых царь Этум ставит жесткие условия: после заключения союза великий хан должен креститься, разрешить строительство христианских церквей во всех государствах, подвластных монголам, принять участие в освобождении Гроба Господня от сарацин, помочь отнять у мусульман захваченные ими области Армении, покорить и разрушить Багдад. Великий хан якобы принял все эти условия, и его вместе со всеми придворными крестил армянский канцлер (?)][2].

На обратном пути из Каракорума Рубрук встретился с христианским царем Армении[3] Этумом II (1224—1268), который тоже направлялся к великому хану, преследуя различные политические и религиозные цели. После того как в 1247 г. канцлер Смбпат, брат армянского царя, установил связи между Арменией и державой монголов (см. гл. 120), Этум счел разумным лично установить более тесный контакт с ее правителем. С этой целью 13 мая 1254 г. он отправился в путь из своей резиденции и 13 сентября прибыл

---

[1] Эту дату можно исправить на 1247 г., так как в 1253 г. было принято окончательное решение о путешествии самого царя.

[2] «Haithoni Armeni ordinis praemonstratensis de Tartaris liber». См. «Novus orbis regionum ac insularum», ed. Grynaeus, Basel, 1537, p. 440.

[3] Имеется в виду Киликийское армянское царство на юге Армении.— *Прим. ред.*

в Каракорум, где был принят радушно и с почетом. В Каракоруме Этум оставался до 1 ноября, а для возвращения избрал путь, проходивший через Джунгарию, Таласс, Отрар, Самарканд и Бухару. В пути он, видимо, где-то зимовал, а затем, проехав Хорасан, Мазандеран и Тебриз, 5 июня 1255 г.[1] вернулся в столицу своей страны Сис.

Миссия Рубрука, преследовавшая те же цели, как мы знаем, потерпела крушение. В отличие от этого царь Этум якобы добился полного успеха и даже согласия великого хана и его двора на принятие крещения. Это сообщение представляется абсолютно неправдоподобным и появилось оно, несомненно, из-за такого же чрезмерно оптимистического восприятия действительности, какое привело к заблуждению канцлера Смбпата, утверждавшего, что большинство монголов исповедует христианство (см. стр. 51, 52).

Великий хан якобы согласился на все жесткие политические условия царя Этума. Если это сообщение вообще соответствует действительности, то либо речь шла только о пустой формуле вежливости, либо монголы, как это бывало и раньше, совершенно не поняли, чего от них добивались. Возможно также, что толмачи при переводе опять передали совсем не то, что им говорили. Как бы то ни было, хан Мункэ не сделал в дальнейшем ни одной попытки оказать помощь в освобождении Гроба Господня или в отвоевании у мусульман армянских областей, как он якобы обещал. Только *одно* требование Этума было действительно осуществлено: твердыня ислама — Багдад был разрушен монголами 10 февраля 1258 г. Но весьма сомнительно, чтобы монголы совершили это нападение только в угоду царю Этуму. Впрочем, нужно признать, что монголы, вторгшись в Святую землю и сражаясь с сарацинами, старались поддерживать хорошие отношения с проживавшими там христианами. Так, например, после захвата Дамаска в марте 1260 г. они обходились с местными христианами исключительно дружелюбно[2].

Сообщение о достигнутых успехах, содержащееся в отчете о путешествии, не заслуживает полного доверия еще и потому, что оно исходило не от самого царя, а от его родственника, носившего то же имя. Последний не принимал участия в путешествии, но жил 50 лет спустя во Франции, где и было записано его сообщение (только в 1307 г.)[3]. Поэтому в текст очень легко могли вкрасться искажения и тенденциозные вымыслы. Отчет об этом путешествии печатался не раз и в отдаленные времена. Так, в 1532 и 1537 гг. он выходил в издании Гринея в Базеле, а вскоре затем был включен в знаменитый сборник Рамузио[4].

Тем не менее путешествие армянского царя в Монголию было действительно событием, заслуживающим внимания. Оно сопровождалось различными своеобразными эпизодами. Вначале царю нужно было проехать через земли, принадлежавшие султану Икония. Этум был в натянутых отношениях

---

[1] H. Yule, Cathay and the way thither, ed. Cordier, London, 1915, v. I, p. 163.

[2] Статья Гартмана. См. «Enzyklopädie des Islam», B. I, S. 946.

[3] H. Yule, Cathay and the way thither, London, 1866, p. CXIV.

[4] Giambattista Ramusio, Navigationi e viaggi, Venézia, 1583, t. II, p. 60 (и след.).

с султаном и поэтому счел разумным выдать себя здесь за второстепенного члена посольства, для которого было испрошено у султана разрешение на свободный проход. В Эрзинджане Этум чуть было не был разоблачен, когда кто-то открыто обратился к нему, как к царю. Но находчивый руководитель посольства спас положение и подавил возможное подозрение: он обругал Этума и дал ему пощечину, как нерадивому слуге, после чего никто не мог бы поверить, что наказанный холоп был царем Армении. В Карсе посольство достигло области, подвластной монголам, и монгольский военачальник Байджу принял здесь царя с большими почестями. Дальнейший путь шел через Албанскую страну[1] и Дербентские Ворота к Волге, так как Этум, подобно Рубруку, хотел сначала посетить Бату, правителя Золотой Орды. Ставка Бату находилась около Казани. Этуму устроили здесь весьма торжественный прием, и он получил вооруженную и почетную свиту для дальнейшего путешествия в Каракорум. В резиденции великого хана Этум пробыл 50 дней.

Путешествие царя Этума не оказало сколько-нибудь заметного влияния на дальнейшие политические события и церковные дела. Поэтому можно утверждать, что оно, в сущности, оказалось таким же безрезультатным, как и путешествие Рубрука. Если великий хан действительно дал обещания, которые ему позднее приписывались, то он, несомненно, отнесся к ним менее серьезно, чем его армянский союзник.

Союз с армянским царем, вероятно, принес монголам больше пользы, чем самому Этуму. В 1259 г. монголы предприняли поход против Сирии, в течение которого не сделали никакой попытки отнять Гроб Господень у сарацин, хотя и дошли почти до Иерусалима. Но монголам, вероятно, в этом случае было весьма полезно прикрытие армянами их тыла и военная помощь. Этой помощи они в значительной мере обязаны тем, что, помимо прочего, смогли захватить Алеппо и Дамаск[2]. А когда египетский султан, одержав победу в битве при Айн-Джалуте (3 сентября 1260 г.), отнял у монголов Сирию[3], спасающиеся бегством монгольские военачальники нашли радушный прием в Армении у царя Этума. Еще в 1264 г. Этум принимал участие в великом монгольском курултае в Тебризе. Итак, армянский царь проявлял несомненную верность своему долгу, и это стоило ему, в конце концов, трона!

Но именно контрудар сарацин по наступающим монголам позволил мусульманским войскам в 1266 г. вторгнуться в Армению[4], 19 мая 1268 г. они отняли у христиан даже Антиохию, которая оставалась христианской в течение 170 лет. Столица страны — Сис была сожжена, и армянское войско под командованием обоих царевичей, Феодора и Льва, потерпело полное поражение. А царь тем временем все еще добивался военной помощи от монголов.

---

[1] Албанская страна, или Кавказская Албания,— древнегреческое название восточной, прикаспийской части Закавказья.— *Прим. ред.*

[2] O d o r i c u s R a y n a l d u s, Annales Ecclesiastici, Köln, 1694, t. XIV, p. 60.

[3] G. W e i l, Geschichte der Chalifen, Mannheim — Stuttgart, 1846—1854. B. IV., S. 16.

[4] Статья Штрека. См. «Enzyklopädie des Islam», 1913, B. I. S. 457.

Феодор пал в бою, а Лев был уведен в плен в Египет. Когда Этум наконец привел монгольские войска на помощь, было уже слишком поздно. Монголы ничего не добились и к тому же вели себя в Армении весьма развязно. Тогда Этум, находившийся в бедственном положении, попросил о помощи папу Клементия IV (1265—1268). Папа обратился к христианам с довольно сдержанным воззванием о крестовом походе в Армению, которое не нашло отклика. Поэтому, когда в 1268 г. царевич Лев был обменен на другого пленника и вернулся в Армению, Этум отрекся от престола в его пользу. Он стал монахом ордена премонстрантов[1] и умер в этом сане 12 декабря 1271 г. Итак, вассальная зависимость от монголов, в которую попал Этум, обороняясь от сарацин, не только не принесла ему никакой удачи, но и была причиной катастрофы.

Рубрук и Этум находились в Каракоруме в одном и том же году (1254). Их поездки разделял только промежуток времени, не превышавший 3 месяцев. Жаль, что оба эти христианина не прожили в Каракоруме вместе длительное время. Поскольку армянские христиане сильно нуждались тогда в помощи, это могло бы привести к установлению более дружеских отношений между армянской и католической церквами.

Написанный на армянском языке отчет о путешествии Этума был впервые переведен на современный французский язык Дюлорье[2]. Латинский его перевод был известен европейцам в течение ряда столетий.

---

[1] Премонстранты (то есть руководящие) — католический духовный орден, объединяющий священников, принявших устав монахов-августинцев. Основан около 1120 г.— *Прим. ред.*

[2] См. «Journal Asiatique», 1858, p. 467.

ГЛАВА 123

НОРВЕЖСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ТУНИСЕ

(1262/63 г.)

В то самое лето король Хокон послал в чужие края Лодина Леппа и Хокона Эйсиля. Они отправились к бею Туниса со многими соколами и другими вещами, которые там трудно достать. И когда они прибыли к бею, тот принял их приветливо. И они оставались там этой зимой долгое время. Об этом Стурла сочинил оду[1].

* * *

Глубокочтимым и столь щедрым
Будешь ты, властелин, у серкернов[2].
Высоко превозносят твоих ястребов[3].
Ха! На берегу народа мавров
Приношение прекрасных драгоценностей
На долгие годы умножило твою грозную славу,
Прославленный, всему миру
Принес ты радость сокровищами[4].

С X по XIII в. норвежские мореплаватели нередко появлялись в Средиземном море либо в качестве воинов, викингов и основателей государств, либо в качестве купцов и паломников. Так, норвежский король Гаральд Строгий в годы своей юности, с 1031 по 1044 г. побывал почти во всех странах восточного и центрального Средиземноморья — в Европе, Азии и Африке (см. т. II, гл. 106). В 1108—1111 гг. молодой норвежский король Сигурд Юрсалафарар, «Плаватель в Иерусалим»[5], предпринял чрезвычайно интересное плавание с флотилией из 60 кораблей. Обогнув побережья Англии, Франции, Португалии, Испании, он прошел через Гибралтарский пролив, затем мимо Балеарских островов и после многочисленных морских сражений с мусульманами прибыл в Сицилию. Здесь с 1094 г. существовало норманское государ-

---

[1] Из «Саги о Хоконе». См. G. V i g f u s s o n, Håkonar saga Hakonarsonar, Köbenhavn, 1887. Перевод на немецкий, сделанный Ниднером, см. «Norwegische Königsgeschichte», B. II, «Thule», Jena, 1925, B. 18, S. 347.

[2] То есть у сарацин.

[3] Под ястребами подразумеваются охотничьи соколы.

[4] Отрывок из оды Стурлы Тордарсона. См. op. cit., S. 347 (и след.).

[5] 1103—1130 гг.

ство, расширившееся в тот период до побережья Сирии. Затем Сигурд посетил Иерусалим и в сопровождении короля Балдуина I (1100—1118) дошел до Иордана. Позднее норвежский король плавал на Кипр, в Грецию и Константинополь и оттуда по суше через Болгарию, Венгрию, Паннонию, Швабию, Баварию, Шлезвиг, Данию и Ютландию вернулся на родину. Находясь на Ближнем Востоке, норманские корабли принимали участие даже во взятии Сайды [Сидона], которая была захвачена Иерусалимским королевством с помощью европейских крестоносцев 4 декабря 1110 г.[1]

Следовательно, само по себе плавание норвежцев по Средиземному морю в XIII в. уже не было чем-то новым и поразительным. Но своеобразие плавания в Тунис заключается в том, что король Хокон Старый (1217—1263) еще в век крестовых походов завязал дружественные дипломатические сношения с одним из мусульманских государств. Что побудило короля к такому демаршу, не известно, и теперь это нельзя выяснить. Посольство Хокона с ценными дарами было отправлено к бею Туниса и оставалось у него всю зиму. К сожалению, описание этого, несомненно, выдающегося события дошло до нас в слишком сжатой форме. Мы узнаем о нем из биографии короля Хокона в «Саге о Хоконе», сочиненной в XIII в. исландцем Стурлой Тордарсоном. Нам очень интересно было бы узнать подробнее о причинах, побудивших направить посольство, а также о ходе далекого и необычного плавания. Но эти детали погребены во тьме веков. Мы должны довольствоваться только сообщением о самом факте.

В этой связи следует отметить, что, несмотря на сильную вражду между христианами и мусульманами, европейцы еще в XII в. торговали с Тунисом[2]. С 1223 г. в Тунисе уже имелся генуэзский *fondaco* [торговый склад.— *Ред.*][3].

Экономическая выгода с давних пор была тем цементом, который скреплял связи между народами. Она оказывалась сильней национальных и религиозных противоречий. Вутке утверждает, что в XIII и XIV вв. венецианские и генуэзские купцы имели конторы на северном побережье Африки — в Каире, Джербе, Тунисе, Оране, Тлемсене[4].

Тунис, в частности, относился к сношениям с христианами более благосклонно, чем большинство стран, находившихся тогда во власти мусульман. До нас дошло, например, документальное свидетельство о том, что венецианец Микеле Дольфин добился в Тунисе разрешения для своих соотечественников

---

[1] «Enzyklopädie des Islam», Leiden — Leipzig, 1934, B. IV, S. 434. Франкское предание, согласно которому взятие Сидона последовало только 19 декабря 1111 г., не соответствует истине, так как норвежцы в это время уже не находились в Святой земле. [О Иерусалимском королевстве см. примечание 2 на стр. 26.—*Ред.*]

[2] A. S a v o y s, Le commerce des Européens à Tunis depuis le XIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIe, «Bibliothèque d'histoire coloniale», Paris, 1929.

[3] H. W u t t k e, Zur Geschichte der Erdkunde in der letzten Hälfte des Mittelalters, «Jahrsbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden», 1870, B. VI, VII, S. 10.

[4] Ch. d e l a R o n c i è r e, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Caire, 1929, t. I, p. 114.

«бывать вместе с их караванами повсюду, где желают наши венецианцы и в каких местностях им нравится»[1].

Христиане заключали также дружеские соглашения и с некоторыми другими мусульманскими правителями; в Африке такое соглашение было заключено, например, между Каталонией и султанатом Тлемсен.

В нем, в частности, оговаривалось, что «путешественники одной из договаривающихся стран могут передвигаться по другой стране, причем им обеспечивается личная безопасность»[2].

---

[1] C. A. M a r i n, Storia civile e politica del commercio de Venezian, Venézia, 1800, cap. IV, p. 287.

[2] Ibidem.

ГЛАВА 124

НОРМАННЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ГРЕНЛАНДИИ

(1267 г.)

В то лето (1266 г.), когда священник Арнальд покинул Гренландию и они сели на мель в Исландии у Хитарнеса, там были найдены в море куски дерева, отесанные маленькими топориками или теслами; среди них был один, в котором торчали части зубов и костей. Летом вернулись также мужчины из Нордсетура, плававшие на север дальше тех земель, которые до этого были известны людям. Они не заметили никаких жилищ скрелингов [эскимосов] нигде, за исключением Кроксфьордархейдра... Впоследствии священники посылали корабли на север, чтобы узнать, как выглядят земли севернее самого отдаленного места, до которого доходили до того времени. И они плыли от Кроксфьордархейдра, пока земля не исчезла за горизонтом. Они встретились с южным ветром и туманом и должны были держаться вдали от берега. Но когда мгла рассеялась и снова стало ясно, они увидели многочисленные острова со всевозможными зверями, на которых можно было охотиться,— тюленями, моржами и многочисленными медведями. Они вошли далеко в морской залив [Баффинов залив], и все земли скрылись за горизонтом — и Южная земля и глетчеры; но еще южнее, насколько они могли установить, там были глетчеры. Они нашли там несколько древних жилищ эскимосов, но не могли сойти на берег из-за медведей.

Потом три дня и три ночи они плыли обратно и натолкнулись на несколько жилищ эскимосов, когда высаживались на берег на некоторых южных островах. Затем после доброго дня плавания они снова достигли Кроксфьордархейдра к празднику Святого Иакова[1]. По ночам тогда морозило, но солнце светило днем и ночью. В полдень оно стояло так высоко, что тень от борта судна, обращенного к солнцу, падала на лицо человека, лежащего в шестивесельной лодке поперек борта. В полночь солнце поднималось так высоко, как дóма[2], когда оно стоит на северо-западе. Потом они вернулись в Гардар[3].

---

[1] 25 июля, что в XIII в. соответствовало 1 августу грегорианского календаря.

[2] То есть в Гардаре, под 60°58′ с. ш.

[3] Из записей Бьёрна Йонссона (1574—1656) на основании сообщения книги «Хауксбок» (ок. 1300), оригинал которого утерян. См. «Grønlands historiske Mindesmaerker, ed. Finnur Jonsson, Köbenhavn, 1845, B. III.

* * *

Эрлинг Сигватсон, Бьёрн Тордиссон и Эндридий Оддисон сложили эти вышки в субботу перед Днем похода[1] и пережили ледяную бурю[2].

Как мы уже знаем, еще плавание фризских дворян около 1040 г. (см. т. II, гл. 105) иногда рассматривалось как первая в истории полярная экспедиция. Между тем фризские дворяне, как и участники экспедиции короля Гаральда Строгого, вряд ли доходили дальше 65° с. ш. Действительно, «первая полярная экспедиция»[3], если мы исключим совсем случайное открытие Шпицбергена (см. т. II, гл. 116), была предпринята норманнами в 1266—1267 гг. в водах Гренландии. К географическим исследованиям норманнов побуждали практические цели. Нансен объясняет это плавание тем, что викинги хотели наряду с другим выяснить, в какой мере были заселены эскимосами местности на западном побережье Гренландии, лежавшие к северу от их земель[4].

Сообщение об этой весьма интересной экспедиции дошло до нас только в изложении исландского писателя Бьёрна Йонссона, жившего в XVII в. Но поскольку Йонссон, по его словам, заимствовал свой рассказ из потерянной для нас, к сожалению, части книги «Хауксбок», написанной в 1300 г. и считающейся весьма надежным историческим источником, то нет никаких оснований подвергать его сомнениям.

Своеобразными инициаторами этого исследовательского плавания были священники. Гардар, резиденция гренландского епископа, и был отправным пунктом плавания. Он находился на месте современного Игалико. Отсюда отважные норманны продвинулись дальше на север примерно на 13,5°. К северу от норманских поселений на юго-западном побережье Гренландии находились прежде всего так называемые Нордсетур [северные селения], которые, видимо, посещались норманнами каждое лето в промысловых целях. Их точное местоположение не установлено. Более ранние исследователи перенесли их слишком далеко на север[5]. Теперь можно считать более или менее доказанным, что самое северное летнее поселение, посещавшееся норманнами, находилось только немного выше 65° с. ш. на месте ныне покинутого поселка Атангмик в районе Готхоб-фьорда, у самой кромки материкового льда[6] (см. рис. 2).

---

[1] День похода, или День победы, был первоначально древнеязыческим праздником, позднее ставшим христианским. Он отмечался 25 апреля.

[2] Надпись на руническом камне из Кингигторсуака, переведенная В. Краузе. О другом чтении рун см. стр. 85, 86.

[3] H. Geelmuyden, Den første Polarexpedition, «Nature», Oslo, 1883, B. VII, S. 178.

[4] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 333.

[5] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in America, Freiburg, 1902, S. 33.

[6] L. Hammerich, Aus nordischen Siedlungen in Grönland. «Kieler Blätter», 1941, S. 86.

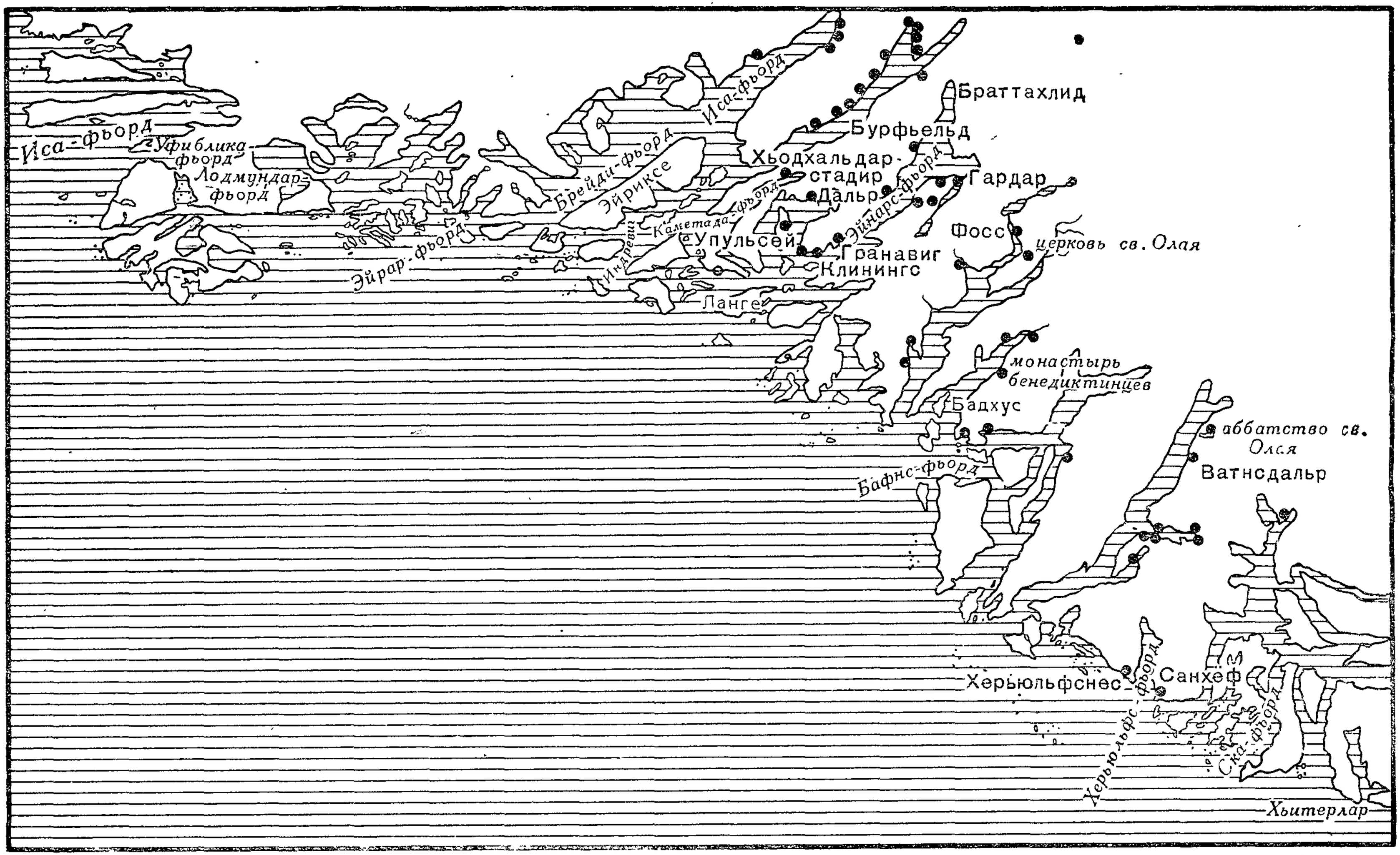

Рис. 2. Карта юго-западной оконечности Гренландии с древними норманскими поселениями.
См. R. Cronau, America, Leipzig, 1892, B. I Черные кружки—руины древних норманских поселений.

Эти новейшие сообщения совпадают с предположением датского чиновника в Гренландии д-ра Ринка, высказанным еще 70 лет назад. По сведениям Ринка, сфера деятельности гренландских поселенцев в средневековье, видимо, простиралась примерно до 65° с. ш.[1]

Самым северным пунктом, которого достигали до 1266 г., согласно первоисточнику, был Кроксфьордархейдр. Где следует его искать, не совсем ясно. Нансен отождествляет этот фьорд либо с заливом Диско, либо с Вайгатом, которые лежат под 70,5° с. ш.[2] Гельмуйден в упомянутом выше специальном исследовании высказал догадку, что Крокс-фьорд нужно искать только под 71°48′; более ранние исследователи передвигали его даже до 75°46′[3], однако доводы Нансена представляются убедительными[4]. Плавание на север, предпринятое с исследовательскими целями из пункта, находившегося в столь высоких широтах, можно с полным основанием назвать полярной экспедицией.

Как далеко к северу зашли мореплаватели, точно установить уже нельзя, несмотря на явное старание автора рассказа как можно точнее определить широту на основании астрономических наблюдений. Гельмуйден полагал, что норманны дошли, вероятно, до 74°34′ с. ш.[5] Рёйтер в новейшем тщательном исследовании этой проблемы с учетом астрономических данных также пришел к выводу, что самый северный пункт, достигнутый экспедицией, находился, вероятно, на побережье Гренландии под 74,5° с. ш.[6] Брун, много лет работавший над этим вопросом, тоже полагает, что экспедиция 1267 г., видимо, достигла пролива Джонс или пролива Смит[7]. Нансен считает, что за 74-й параллелью она прошла небольшое расстояние. Но и это было бы уже очень значительным достижением, ибо норманны побывали бы тогда в северных водах Баффинова залива. Нансен, заслуживающий особого доверия как высококомпетентный знаток этой проблемы, высказывает предположение, что самым северным пунктом, которого достигли норманны, очевидно, был, залив Мелвилл в Гренландии, лежащий под 74° с. ш.

В противоположность Нансену другие, более ранние исследователи предполагали, что норманны, вероятно, достигли такой высокой широты не у гренландского побережья, а на западе Баффинова залива, примерно в районе пролива Ланкастер (севернее Баффиновой Земли)[8]; залив этот открыл для науки Баффин в 1616 г., но только в 1819 г. выход из него нашел Парри[9]. Это предпо-

---

[1] H. R i n k, Tales and traditions of the Eskimo, London, 1875.
[2] F. N a n s e n, op. cit., S. 334.
[3] K. M a u r e r, Grönland im Mittelalter, Leipzig, 1874, S. 210.
[4] F. N a n s e n, op. cit., B. I, S. 333; B. II, S. 20.
[5] H. G e e l m u y d e n, op. cit., S. 178.
[6] O. S. R e u t e r, Germanische Himmelskunde, München, 1934, S. 595 (и след.).
[7] «Meddelelser om Grønland», 1918, B. 57, S. 107.
[8] Статья Рафна. См. «Grønlands historiske Mindesmaerker», B. III, S. 881 (и след.); A. B u g g e, Vore forfaedres opdagelsesreiser i Polaregene, Christiania, 1899.
[9] Речь идет о двух английских арктических предприятиях: второй экспедиции Роберта Байлота, виднейшим участником которой (как и первой) был

ложение основывалось на том месте первоисточника, где особенно подчеркивается, будто мореплаватели ушли так далеко в море, что земля скрылась из их глаз и потом долгое время стояла туманная погода. Даже в более позднее время один известный историк судоходства в северных морях примкнул к мнению, что норманны зашли в пролив Ланкастер[1]. Фридерици выступал в защиту гипотезы о том, что в 1267 г. гренландские норманны, вероятно, попали в пролив Ланкастер или даже в пролив Джонс[2]. Однако с этой гипотезой трудно согласиться. Указание источника на то, что обратное плавание от конечного пункта в Крокс-фьорд длилось только три дня, никак не подходит к проливу Ланкастер и может относится только к точке, находящейся на побережье Гренландии, будь то залив Мелвилл или какое-нибудь другое место, лежащее несколько севернее. Это предположение можно, пожалуй, считать на сегодня доказанным. Плавание, предпринятое по инициативе священника Халдора из Гардара, вероятно, было продиктовано экономическими соображениями. Промысловые звери издавна водились на западном побережье Гренландии, приблизительно между 68 и 72° с. ш., в большем количестве, чем на юге острова, где находились норманские поселения[3]. Именно залив Диско, который, видимо, соответствует Крокс-фьорду, указанному в качестве исходного пункта плавания, всегда был богатейшим охотничьим угодьем Гренландии. Отсюда могла возникнуть мысль, нельзя ли найти еще дальше к северу такое же хорошее или даже лучшее место для охоты.

Как старательно велась разведка участниками экспедиции, по мнению автора, можно установить из сообщения о большом количестве увиденных ими тюленей, моржей и белых медведей. Поскольку всех этих ценных животных можно было значительно чаще встретить на севере Гренландии, чем на юге, в XIII в. утвердилось мнение, будто этот остров связан сушей с материком. В диалоге из «Королевского Зерцала» — книги, относящейся примерно к 1240 г.,— ясно говорится, что Гренландия не может быть островом, так как водящиеся там белые медведи, песцы, полярные зайцы и другие звери могли попасть туда только с континента[4]. Так возникло представление, продержавшееся до XVII и даже до XVIII в., будто Гренландия может быть только полуостровом Евразийского континента (см. т. II, гл. 115).

Пристальное внимание было обращено мореплавателями и на наличие плавника, представлявшего большую ценность для совершенно безлесной Гренландии и встречавшегося в изобилии на ее западном побережье. Этот плавник, вынесенный большими сибирскими реками, попал в Гренландию через Ледовитый океан[5]. Даже следы обработки древесины человеком, обна-

---

штурман Вильям Баффин, и первой экспедиции Вильяма Парри, который через 300 лет блестяще опроверг мнение Баффина, будто «нет ни прохода, ни надежды на проход в северной части Девисова пролива».— *Прим. ред.*

[1] K. Müller, Altgermanische Meeresherrschaft, Gotha, 1914, S. 374.

[2] G. Friederici, Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer, Stuttgart, 1936, B. III, S. 65. (О Фридерици см. стр. 344, примечание 2.]

[3] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 7.

[4] O. Brenner, Speculum regale, München, 1881, p. 49 (и след.).

[5] A. Humboldt, Kosmos, Stuttgart, 1877, B. II, S. 170.

руженные мореплавателями, указывают на сибирское происхождение деревьев. В этой связи хочется отметить, что большие скопления сибирского плавника в гренландских водах побудили Нансена организовать свое беспримерное по смелости плавание на «Фраме» в 1893—1896 гг. таким образом, чтобы его корабль следовал за дрейфующим лесом по Ледовитому океану через полюс.

Так как вновь открытые области изобиловали промысловым зверем, то плавание 1267 г. на крайний северо-запад Гренландии едва ли было единственным в своем роде, хотя до нас и не дошли предания о других экспедициях аналогичного характера. Однако следует учесть, что всегда только исключительные обстоятельства служили поводом для записи сообщений об удачных разведках новых районов или о плаваниях к уже знакомым охотничьим угодьям. Даже о замечательной «полярной экспедиции» 1267 г. мы так ничего и не узнали бы, если бы священник Халдор случайно не сообщил об этом в письме своему знакомому капеллану Арнальду, ранее подвизавшемуся в Гренландии и находившемуся тогда при дворе норвежского короля Магнуса, и если бы это сообщение не сохранилось.

Следует добавить еще несколько слов об очень интересной попытке автора сообщения определить широту достигнутого на севере пункта при помощи данных о точке солнцестояния и длине тени в полдень. Такого рода астрономические наблюдения с давних пор хорошо проводились именно на Крайнем севере. Ведь знает же история исландской культуры некоего странного «Звездного Одди», жившего около 1000 г. Этот исландец был бедным простолюдином, батраком крестьянина Торда, поселившегося в пустынной северной части Исландии у Фельсмули. Одди Хельгасон ловил рыбу для Торда на острове Флатей и, находясь в полном одиночестве среди безграничного простора, использовал свой досуг для наблюдений, благодаря которым стал одним из величайших астрономов, каких знает история. Занимаясь неустанными наблюдениями за небесными явлениями и точками солнцестояния, Одди изобразил движение небесных тел в цифровых таблицах. Точностью своих расчетов он значительно превосходил всех современных ему средневековых ученых. Одди был замечательным наблюдателем и математиком, поразительные достижения которого оценены только в наши дни[1].

Астрономические данные, приведенные Халдором, также можно расценить как проявление похвального стремления к максимальной научной точности. Однако эти данные очень примитивны и совершенно недостаточны для точного определения географической широты, на которую они указывают. Рёйтер пытался расшифровать астрономические данные, сообщенные в «Хауксбоке», с учетом методов определения высоты солнца, применявшихся норманскими мореплавателями. Сделанный им чертеж (см. рис. 3) наглядно показывает применение для этой цели «зонборда», то есть особого стержня, устанавливавшегося в вертикальном положении на борту корабля. На основании своих вычислений Рёйтер приходит к выводу, что мореплаватели 1267 г., видимо, прошли вдоль западного побережья Гренландии до 74,5° с. ш. Эту широту

---

[1] O. S. Reuter, Oddi Helgason und die Bestimmung der Sonnwenden im alten Island, «Mannus», 1928 (Festschrift für Gustaf Kossinna), S. 324 (и след.); Germanische Himmelskunde, S. 643 (и след.).

мы можем теперь считать наиболее вероятной. Следовательно, отважные моряки действительно зашли даже несколько севернее залива Мелвилл, который Нансен считал конечным местом их плавания.

Заслуживает внимания и краткое упоминание о «скрелингах», жилища которых норманны нашли покинутыми.

Участки побережья, заселенные эскимосами, видимо, находились в то время еще сравнительно далеко от норманских поселений. «Королевское Зерцало», относящееся примерно к 1240 г., несмотря на содержащееся в нем мастерское описание Гренландии, еще ничего не сообщает об эскимосах.

В древних скандинавских источниках эскимосы упоминаются поразительно редко. Нансен пытается объяснить это тем, что «скрелинги» считались гномами, о которых не полагалось говорить, чтобы не навлечь на себя беду. Автор только передает эту гипотезу Нансена, не присоединяясь к ней[1].

Все изложенные выше рассуждения должны только доказать, что экспедиция 1267 г. привела норманнов в воды северо-западной Гренландии, но им едва ли удалось зайти за 74,5° с. ш. Нельзя категорически отрицать, что другие мореплаватели, сведения о которых до нас не дошли, после 1267 г., возможно, заходили еще дальше на север и проникли даже к Баффиновой Земле. Некоторые более поздние исследования дают нам основания для такого вывода. Так, в 1875 г. Джордж Нейрс якобы обнаружил на острове Вашингтон, восточнее Земли Элсмира, под 79°31′ с. ш., следы пребывания там древних норманнов[2]. Впрочем, его утверждения представляются спорными и не могут служить надежным доказательством. Однако Расмуссен, пожалуй, доказал, что, занимаясь охотничьим промыслом, гренландские норманны плавали до пролива Смит под 77° с. ш.[3]. Кроме того, на побережье Америки Исаксен сделал в 1906 г. находку[4], доказывающую, что древние норманны видели лежащий под 76° с. ш. пролив Джонс (между Девоном и островом Элсмира). На северном берегу залива Исаксен нашел устроенные человеком гнезда для гаг. Этого никогда не делали эскимосы, а только норманны, собиравшие гагачий пух — этот ценный товар. Сидящие на яйцах гаги обкладывали пухом такое гнездо для своих птенцов, если они чувствовали себя в нем удобно.

Во всяком случае, представляется несомненным, что экспедиция 1267 г. (даже если ее участники первыми проникли так далеко на север) отнюдь не была единственной в этом районе. Это предположение подтверждается еще одним очень своеобразным документальным свидетельством[5].

В июне или июле 1824 г. проводник экспедиции датчанина Гро совершил восхождение на самое высокое ровное плато скалистого, лишенного расти-

---

[1] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 10.

[2] V. Stefansson, Introduction to Frobisher's Three Voyages, London, 1938, p. XXI, LX (и след.).

[3] K. Rasmussen, Myter og Sagn, Köbenhavn, 1921—1925, B. III, S. 125 (и след.).

[4] G. Isachsen, Nordbøernes Faerder til Norderseta, «Norske Geografisk Selbskabs Aarbog», Christiania, 1907, B. XVIII.

[5] Приведенные ниже рассуждения в первом издании книги входили в гл. 112 II тома. Автор считает, что целесообразнее поместить их в этой главе.

тельности острова Кингигторсуак, принадлежащего к группе так называемых Женских островов и расположенного в трех милях севернее Упернивика (в Гренландии), под весьма высокой широтой 72°55′[1]. Проводник (эскимос, по имени Пелинут) обнаружил там искусно возведенные каменные вышки,

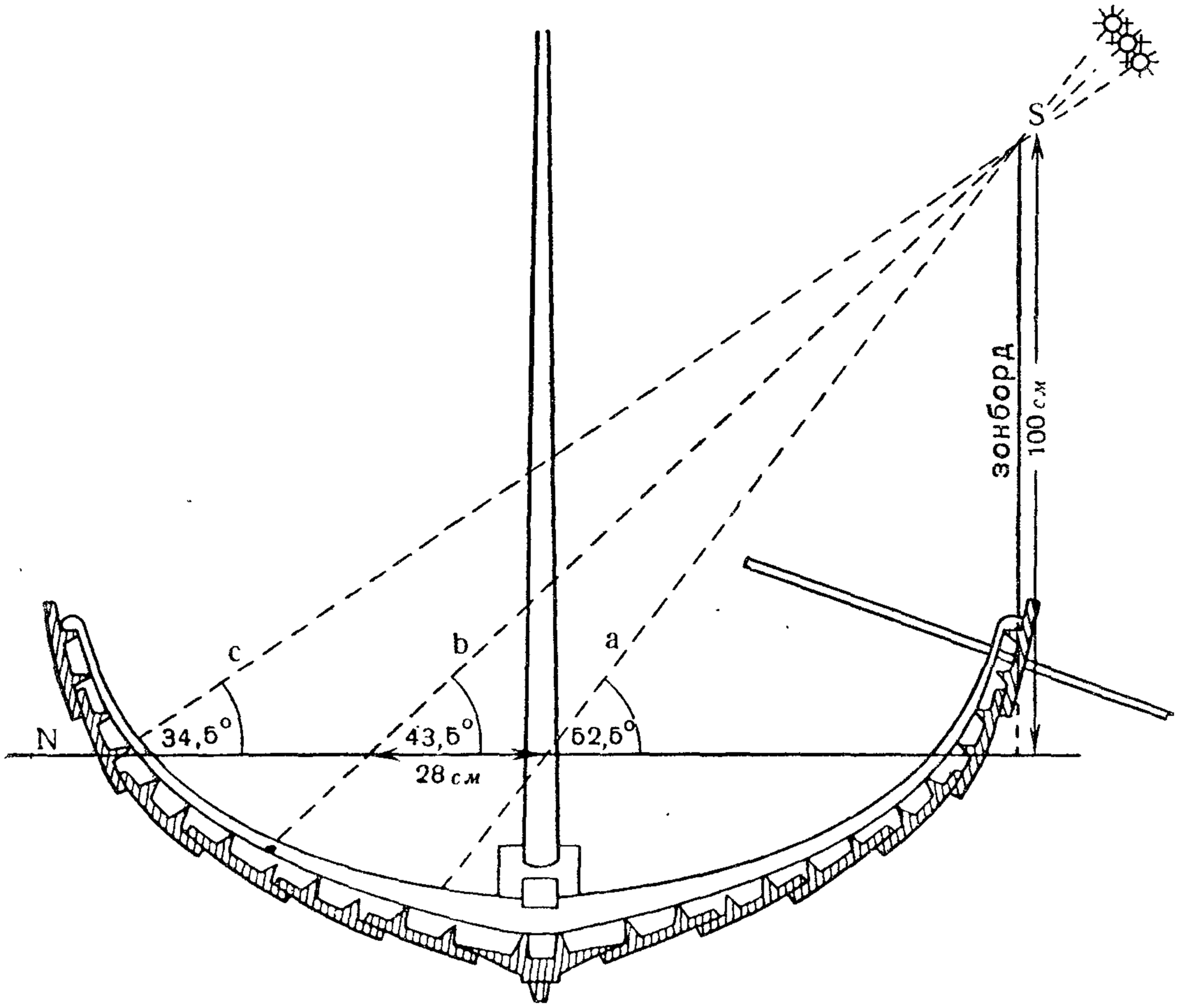

Рис. 3. Норманский зонборд для измерения высоты солнца в полдень.
Воспроизводится по Рёйтеру.

частично разрушенные, а на среднем из них—маленький камень с рунической надписью в три строки. Камень этот длиной 10 *см* и шириной 4 *см* был куском зеленого гранитизированного сланца. Гро взял камень с собой в Данию и передал рунологу Раску, который записал свою расшифровку 2 ноября 1824 г. Финский ученый Магнусен опубликовал надпись в 1827 г. в журнале «Антиквариске Анналер» на основании сообщения миссионера Крага и добавил, что ее фразеология типична для XII в., а подлинность не подлежит сомнению. Раск в том же журнале высказал догадку, что надпись указывает на 1135 г. В этом случае воскресеньем перед Днем похода было 18 апреля 1135 г.

---

[1] Раньше часто высказывалось предположение, что Кингигторсуак, вероятно, находился на побережье Баффиновой Земли. См., например, J. Winsor, Narrative and critical history of America, Boston, 1889, v. I, p. 67. Однако такое предположение ошибочно.

Позднее Рафн сделал обстоятельный разбор рунической надписи на камне[1]. Однако, если чтение даты Раском, расшифровавшим ее как 1135 г., вскоре было подвергнуто сомнению, то все же Гумбольдт подчеркнул следующее:

«Брюньюльфсен и Гро по другим признакам *определенно* считают, что важный памятник с Женских островов (как и рунические надписи, найденные у Игалико и Эгегейта, 60°51′ и 60°0′ с. ш., а также руины строений у Упернивика, 72°50′ с. ш.) относятся к XI и XII вв.»[2].

Подлинность надписи на камне никогда не вызывала сомнений. Но против правильности ее толкования некоторые ученые возражали, например Монике, Клапрот, Брюньюльфсен. Особенно оспаривалось, что в рунах действительно указан 1135 г. Гумбольдт тоже выразил сомнение по этому поводу. Подлинный рунический камень был доставлен в свое время в Копенгагенский музей северных древностей, но здесь загадочно исчез, как это было установлено при ревизии в 1866 г. Поэтому при толковании надписи мы ограничиваемся только более старыми копиями и рисунками.

За последние десятилетия исчезнувший камень и его надпись часто привлекали внимание скандинавских ученых. Финнур Йонссон разъяснил в 1893 г., что рунические знаки на камне относятся примерно к 1300 г. и, следовательно, не могли быть высечены на нем раньше[3]. Это мнение разделял Бугге[4]. Нансен высказал предположение, что норманны Кингигторсуака, возможно, попали в беду и хотели сами поставить себе памятник[5]. Однако эта догадка кажется маловероятной, так как иначе об этом было бы что-либо сказано в надписи.

Цехлин полагал даже, что рунический камень предназначался «для заклинания от непогоды»[6]. Но трудно себе представить, чтобы для такой цели брали на себя тяжелый и продолжительный труд по нанесению рунических знаков на камень. Насколько известно автору, о подобных случаях нигде не сообщалось.

Йонссон посвятил руническому камню специальное исследование[7]. После его работы не остается сомнений, что дата 1135 г. в тексте *не* названа и что все выводы, сделанные когда-то из факта столь раннего появления норманнов на северо-западе Гренландии, несостоятельны. По Йонссону, самый надежный вариант рун гласит:

«Erlingr Sighvatsonr ok Bjarne Thordarson ok Endridi Oddsson laugardaginn fyrir gagndag hlodu varda thā ok ryndu».

---

[1] C. Ch. R a f n, Antiquitates Americanae, Köbenhaven, 1837, S. 309, 324, 347, 368, 377.

[2] A. H u m b o l d t, Kosmos, Stuttgart, 1877, B. II, S. 291 (примечание 27).

[3] F. J o n s s o n, En kort utsigt over den Islands-Grönlandske kolonis historie, «Nordisk Tidsskrift», Stockholm, 1893, S. 340.

[4] A. B u g g e, Vore forfaedres opdagelsesreicher i Polaregnene, Christiania, 1899, S. 506.

[5] F. N a n s e n, op. cit., B. I, S. 321.

[6] E. Z e c h l i n, Maritime Weltgeschichte, Hamburg, 1947, S. 268.

[7] F. J o n s s o n, Runestenen fra Kingigtorsuak, «Grönlandske Selskabs Aarbog», 1914, S. 89 (и след.).

В новой американской работе предлагается другой вариант, идентичный по смыслу, но выраженный другими словами:

«Ellikr: Sikuaths: son: r: ok: Baanne: Tortarson: ok: Enrithi: Osson: laukartak: in: fyrir: gakntag: lothu: vartate: okrytu...»[1]

За этим текстом следует еще шесть рунических знаков, которые не поддаются расшифровке. По Йонссону, это тайные знаки (*lønruner*). В докладе, сделанном Лёффлером в Стокгольме 13 марта 1705 г., утверждалось, что последние шесть рунических знаков, прочитанные Раском как «...высекли эти руны в 1135 г.», в действительности означали: «они убрали лед...»(?)[2]. В своем письме к автору этих строк, написанном в 1936 г., Неккель присоединился к этому толкованию.

Как бы то ни было, теперь можно считать достоверным, что надпись относится не к 1135 г., как предполагали первые ее толкователи, а сделана на 150—200 лет позже. Ольсен особенно тщательно исследовал эту надпись и был склонен отнести ее к 1333 г.[3] Немецкий рунолог Краузе присоединился к этому толкованию и дал новый вариант чтения надписи, приведенный среди первоисточников в начале этой главы[4]. Маттиассен утверждал, что надпись относится к концу XIII в.[5], а Холанд в связи с этим сообщил, что в одном своем еще не опубликованном исследовании он самостоятельно установил дату — 1291 г.[6] Какое предположение более правильно, автор судить не берется. Смотря по толкованию, дату можно отнести к 20 апреля 1291 г. или к 24 апреля 1333 г. Впрочем, для данного исследования несущественно, какой вариант соответствует действительности. Так или иначе, будь то в 1291 или в 1333 г., викинги уже достигли высоких северных широт.

Недалеко от Кингигторсуака находится эскимосское стойбище Инугсук, где Маттиассен обнаружил при раскопках предметы, несомненно, норманского происхождения, видимо похищенные у викингов: молоток из медного сплава, кусочки ткани, какую обычно находят в погребениях викингов, шахматную фигуру из кости и, кроме того, фигурки в одежде норманнов, вырезанные эскимосами.

Недалеко от места этой находки, у Упернивика, под 72°48′ с. ш., обнаружен еще один рунический камень[7].

Нас поражает время года, которое, согласно источникам, было выбрано для плаваний. Издавна самые северные широты обычно посещались, что вполне естественно, в середине или в конце лета. Упомянутая в отчете о плавании 1267 г. «рекордная высота», составлявшая по меньшей мере 74° с. ш., была также достигнута во второй половине июля, как это следует из первоисточника. Но трудно понять, как норманны в апреле смогли попасть в район

---

[1] H. R. H o l a n d, The Kensington Stone, Ephraim, 1932, p. 21 (и след.).
[2] «Svenska Dagbladet», 14 März, 1905.
[3] «Tidsskrift for Sprogvidenskap», Oslo, 1932, B. V, S. 180.
[4] W. K r a u s e, Was man in Runen ritzte, Halle, 1935, S. 43.
[5] T. M a t t h i a s s e n, The Eskimo Archeology of Greenland, «Antiquitas», June 1935, v. 9, No. 34.
[6] H. R. H o l a n d, America 1355—1364, New York, 1946, p. 10 (примечание 4).
[7] «Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie», Dezember, 1925, S. 311.

Упернивика. Разумеется, до Кингигторсуака можно было добраться не только на корабле, но и по льду. Ведь дальние путешествия по льду через замерзшие моря не редкость у эскимосов. Еще 100 лет назад жители Аляски ежегодно в конце зимы переправлялись через замерзший Берингов пролив на пушные ярмарки чукчей, устраивавшиеся на покрытой льдом реке Анюй на территории Колымы[1]. Нередко случается также, что арктические животные зимой перебираются по морю с Лабрадора в Гренландию. К тому же не исключается и возможность перехода на лыжах, как это подчеркивает Расмуссен, весьма компетентный знаток эскимосской культуры[2].

Итак, не исключено, что гренландские норманны зимой, так же как и эскимосы, поднялись далеко на север для охоты или же летом поплыли в эти регулярно посещавшиеся «северные охотничьи места» (Нордсетур) и там зазимовали, добровольно или поневоле. Такая догадка вполне правдоподобна; ведь провел же Фрёйхен в наши дни в Северной Гренландии под 77° с. ш. не менее 20 зим[3]. Так или иначе, нельзя сомневаться в том, что руническая надпись была составлена в апреле и, следовательно, в этом месяце норманны находились в Гренландии, почти под 73° с. ш. Поскольку сейчас уже нельзя выяснить, почему был воздвигнут памятник с руни́ческой надписью, пожалуй, следует рассмотреть вопрос, не хотели ли три участника экспедиции обозначить сооружением «каменной бабы» самый северный пункт, до которого они дошли.

Ведь такой обычай бытовал в древности, когда не раз сообщалось о различных «столбах Геракла». Он сохранился и до наших дней. Каменной вышкой отмечают первое восхождение на труднодоступные горные вершины; ею же отметил Норденшельд достижение мыса Челюскин 19 августа 1878 г., обозначив крайнюю точку маршрута. В рассматриваемом здесь случае речь может идти, конечно, только о самой северной точке, достигнутой именно этой норманской экспедицией, ибо другие норманны проникли гораздо дальше на север уже в 1267 г. Однако охотничьи угодья «Нордсетур», очевидно, весьма регулярно посещались норманнами, поэтому трудно понять, почему одна из подобных экспедиций приложила особые старания, чтобы увековечить свое достижение. Рафн дает правильное разъяснение по этому поводу: руни́ческий камень «недвусмысленно доказывает, что древние скандинавы — гренландцы или исландцы — в те времена доходили до этих местностей, находящихся в 20 милях к северу от полуострова Свартенхук»[4]. Отсюда можно сделать вывод, «что норманны нередко посещали эти северные местности».

Надпись на камне из Кингигторсуака — это «самая северная надпись в мире»[5].

---

[1] J. D. Cochrane, Fussreise durch Russland und die sibirische Tartarey, Wien, 1826, S. 119 (и след.).

[2] K. Rasmussen, Den store slaederejse, Köbenhavn, 1932.

[3] P. Freuchen, Arctic Adventure, New York, 1935.

[4] Ch. Rafn, op. cit., S. 414.

[5] H. Arntz, Handbuch der Runenkunde, Halle, 1935, S. 213.

ГЛАВА 125

МОНАХИ-ДОМИНИКАНЦЫ В ЭФИОПИИ

(1267 г.)

К магистру ордена, чтобы он послал братьев, дабы отторгнули они от ереси татар, эфиопов, индийцев и т. д.,

Клементий, епископ, раб рабов Божьих, к возлюбленному сыну Гумберту[1], магистру Доминиканского ордена, с приветом и апостольским благословением!

Постоянно и ревностно проповедовать среди народов божественную мудрость и обучать их добродетели — таковы наши стремление и желание, тем паче что вечная жизнь будет дарована роду человеческому, если он познает бодрствующим разумом своим Бога Отца и посланного им сына Иисуса Христа и искренним восхвалением возвестит славу Его и величие. А посему Мы считаем, что, подобно другим провозвестникам христианского учения, братья твоего ордена не только сами будут усердно молиться, но и воспылают ревностным желанием, благодаря чему их служение будет особенно плодотворным, предостеречь от падения и вернуть на стезю истины сынов, не принадлежащих к Святой Римской церкви, и принести спасение народам, не знающим нашего Спасителя, Сына прославленной Девы. Этим пастырским посланием Мы доверительно поручаем тебе отобрать из числа доверенных тебе братьев тех, коих ты, по их словам и делам, считаешь достойными и преисполненными горячим усердием к распространению Евангелия, и послать их в земли татар, эфиопов, индийцев, нубийцев, сарацин в восточных и южных краях и ко всем языческим народам и в их страны. Да принесут они благую весть о Божьей добродетели тем, кого ты считаешь подходящими для наставления на путь истины, а также и другим.

С нашего соизволения должен ты отпустить им все грехи, дабы они, полагаясь на Того, кто сказал, что Он победил мир, понесли семена за многие моря для просвещения слепой толпы и истребления ереси. Чтобы вернули они души заблудшие, наставили верующих в свете Евангелия, укрепились в делах своих и прошли избранный путь без каких-либо трудностей, надели

---

[1] Имя Гумберт в «Булларии» Риполла и Бремона названо ошибочно, как доказал Р. П. Мортье. См. «Histoire des maîtres généraux de l'ordre des frères prêcheurs», Paris, 1905, t. II, p. 63 (примечание 1). В оригинале письма это имя не могло стоять, так как в 1267 г. магистром Доминиканского ордена был Жан де Версей.

ты их полномочиями, содержащимися в пастырских посланиях для братьев твоего ордена, если они с этими целями поедут к таким варварским народам. Поскольку наш возлюбленный сын, брат Василпаций из упомянутого ордена, уже ранее многократно посылавшийся к тем варварским народам, знает, насколько Нам известно, их обычаи, достойно оправдал надежды при общении с ними и теперь изъявляет желание вернуться к ним, чтобы с Божьей помощью распространять католическую веру, то пошли его с теми братьями, коих ты отправишь к означенным народам, если сочтешь полезным использовать его для служения вере.

Дано в Витербо 8 февраля во втором году Нашего понтификата[1].

* * *

От наших торговых людей я узнал, что открыт путь в Эфиопию, в случае если кто-нибудь захочет идти проповедовать туда, где проповедовал святой евангелист Матфей. Пусть же Господь не даст мне умереть, пока я не попаду туда как верный паломник! Это мое сердечное желание[2].

* * *

...Я хотел бы сказать еще несколько слов о путешествии в Эфиопию, ибо было бы весьма уместным, чтобы брат, склонный туда пойти, сделал попытку проповедовать там Евангелие. Из местности, в которой я сейчас нахожусь, он может попасть туда без больших затрат. Насколько я наслышан, это было бы славным путешествием для распространения веры[3]...

* * *

Путь для того, кто идет из Венеции в Индию, где лежит тело Святого Фомы. От Венеции плывут 20 дней в Родос. От Родоса идут 20 дней под парусами в Рамале [Эр-Рамла], причем на третий день оставляют справа Кипр. От Рамале до Иерусалима один день пути. Если ты от Иерусалима хочешь направиться в Индию, где лежит тело Святого Фомы, то с Богом иди по этому пути. Из Иерусалима приходят за один день к городу, который называется

[1] Булла папы Клементия IV от 8 февраля 1267 г. к магистру Доминиканского ордена. См. «Bullarium Ordinis Fratrum Praedicatorum», ed. Th. Ripoll, A. Bremond, Roma, 1729, t. I, No. 60, p. 482.

[2] Отрывок из первого письма доминиканского монаха Иордана от 12 октября 1321 г., написанного в Каге (Индия). См. J. Quétif, Scriptores ordinis praedicatorum, Paris, 1719, t. I, p. 549 (и след.). Кага, видимо, идентична Гоге в Камбейском заливе. Тхана лежит на острове Солсетт. См. O. Peschel, Die mittelalterlichen Missionen in Indien und China, «Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde», Leipzig, 1877, B. I, S. 155.

[3] Отрывок из второго письма доминиканского монаха Иордана от 20 января 1324 г., написанного в Тхане (Индия). См. L. Wadding, Annales minorum fratrum ordinis a S. Francisco, Quaracchi, 1932, lib. III, p. 255.

Бет-Абрахам. От этого места до Сиккеро один день, от Сиккеро до Газы один день, от Газы до Хаттина шесть дней. В эти шесть дней ты не встретишь ни одного города, а только маленькие постоялые дворы. От Хаттина в Салаю три дня пути, на котором нет ни одного постоялого двора. От Салаи в Карус — пять дней, за которые не встретишь ни одного города. От Каруса за 15 дней приходят по реке [Нил] в Риффис [Кифти]. От Риффиса в Айдаб [Айджаб] при быстрой езде через пустыню попадают через 15 дней. При этом нужно везти с собой припасы на весь путь, который проделываешь на верблюдах, ибо это песчаная пустыня. От Айдаба в Соакин [Суакин] 18 дней пути, все время по пустыне. Здесь также нужно везти с собой все припасы. От Соакина до Адама 12 дней, также через пустынную страну. От Адама до горы Марии 10 дней пути через пустыню. Знай же, что теперь ты прибыл в Эфиопию.

От горы Марии до Джангхари два дня пути. Здесь имеются постоялые дворы. Ты можешь по желанию идти пешком или ехать на лошади. От Джангхари через четыре дня ты попадаешь в Асмару. В этом городе пребывает один из царей. Из Асмары через два дня попадают в Туоайту, где живет другой царь. Из Туоайты в Дубеб два дня пути, из Дубеба в Антисимент тоже два дня, из Антисимента в Лигаксо один день, из Лигаксо в Турат один день, из Турата в Хаксус два дня пути. В этом городе коронуются все цари, покорившиеся священнику Иоанну. Говорят, что в этом городе есть также самая красивая в мире базилика. Изнутри она вся выложена и украшена отборными золотыми плитками. Из Ахаксума через 10 дней приходят в Ангхуду, где властвует другой царь. Из Ангхуды за 12 дней прибываешь в Хаамеру; наконец, из Хаамеры три дня пути в Шауа [Шоа]. В этом городе живет священник Иоанн... Священник Иоанн зимой правит на своем троне в Хаамере, летом же живет и правит в Шауа. Этот государь носит имя Давид. Он властвует над 13 царями. Здесь я хочу назвать их имена и города, в которых живет каждый из них. Имена царей таковы: «Хевесей, а его страна называется Хедда. Далее я буду писать имена царей с большой [буквы], а их страны — с маленькой: Хедамако, уэлика; Анубакси, доаро; Джойджа, негашим; Уэлеге, доненгир; Хентева, дамбиа; Беведин, мариа; Габруи, серану; Агадо, уакро; Резо, мааго; Ассаим, дамот; Беделамбиза, гейд; Сераха, айки[1].

Хотя Эфиопия с IV в. была уже христианским государством (см. т. II, гл. 66), но бурное распространение ислама превратило ее в христианский остров среди мусульманского моря. На долгие годы фанатизм мусульман

[1] «Старый путеводитель для путешествующих по Эфиопии». См. N. Jorga, Cenni sulle relazioni tra l'Abissinia e l'Europa cattolica nei secoli XIV—XV, Palermo, 1910, t. I, p. 146.

отрезал эту страну от остального христианского мира. К тому же утвердившееся в Эфиопии коптское христианство значительно отклонялось от догм римско-католической церкви и считалось ересью. Поэтому в течение многих столетий не было стимула для возобновления утерянной связи и для попытки обойти мусульманский барьер. Во время крестовых походов, когда фанатическая ненависть мусульман к христианству достигла кульминационной точки, Эфиопия была почти совсем забыта.

Но рассмотренные выше события в монгольском мире и учреждение в XIII в. новых орденов доминиканцев и францисканцев, созданных для миссионерской деятельности в языческих странах[1], привели к тому, что живее, чем когда-либо, стало желание не только направить на путь истинный самих язычников, но и по возможности побудить рассеянных среди них христиан-еретиков к объединению с римской церковью.

Еще в своей булле от 7 октября 1245 г. папа Иннокентий IV (1243—1254) убедительно рекомендовал Францисканскому ордену принимать в свои ряды христиан, живших в языческих землях[2]. В позднейших буллах, посвященных миссионерской деятельности, все народы, которые предполагалось обратить в христианство, перечислялись в стереотипной последовательности. Однако отсюда нельзя сделать вывод, что ко всем этим народам действительно посылали миссионеров. Впрочем, следует полагать, что многие миссионеры все же проникали в языческие страны и действовали там, но никаких сведений об этом до нас не дошло. Можно считать доказанным, что, например, в 1260 г. в Сарае, на территории Золотой Орды, где за полтора десятилетия до этого Рубрук приобрел столь печальный опыт, уже существовала кустодия Францисканского ордена[3].

Об одном таком миссионере — монахе-доминиканце, по имени Васинпаций, который был удачливым проповедником, мы узнаем из папской буллы от 1267 г. Климентий IV (1265—1268), занимавший тогда папский престол, проявлял особую благосклонность к Доминиканскому ордену[4]. Он захотел, чтобы монах Васинпаций, вернувшийся из миссионерской поездки, продолжил свою деятельность в более широких масштабах, что отвечало склонности и желанию самого проповедника[5]. Вот почему Климентий направил 8 февраля 1267 г. цитировавшуюся в начале главы буллу магистру ордена Жану де Версей, призывая его послать миссионеров «*ad terras Tartarorum, Aethiopum, Indorum, Nubianorum ac Saracenorum*» [«до земель татар, эфиопов, индийцев, нубийцев и сарацин»]. Едва ли можно сомневаться в том, что весьма энергичный Жан де Версей повиновался папскому приказу, тем более что ему было предоставлено право решать по собственному усмотрению, можно ли использовать в качестве миссионеров монахов его ордена и куда

---

[1] Главным образом для подавления народных еретических движений в католическом мире.—*Прим. ред.*

[2] L. W a d d i n g, Annales minorum Fratrum, Lyon, 1647, p. 638 (и след.).

[3] F. K u n s t m a n n, Die Mission in Indien und China. См. «Historisch-politische Blätter», ed. Görre, B. 38, S. 707.

[4] R. P. M o r t i e r, op. cit., t. II, p. 60.

[5] Ibidem, p. 62 (и след.).

именно их посылать. Итак, в 1267 г. доминиканцы, возможно, направились также и в Эфиопию. Находился ли среди них Васинпаций, теперь установить нельзя, так как мы не знаем, к каким именно народам, среди которых он раньше действовал, должен был вернуться этот монах. Хотя до нас и не дошли сообщения о странствиях доминикапцев, все же «весьма вероятно»[1], что они достигли Эфиопии, особенно если учесть, что туда можно было попасть в обход Египта, поскольку побережье Эфиопии омывалось Красным морем и Индийским океаном. Об этом свидетельствует отрывок из путеводителя, приведенный среди первоисточников в начале главы.

Когда именно в Ватикане впервые узнали, что в мире чернокожих людей существовало христианское государство Эфиопия, теперь, пожалуй, уже не выяснишь. Судя по всему, это могло случиться не раньше XIII в.

Как показано выше (см. т. II, гл. 115), нельзя безоговорочно согласиться с предположением, что в XII в. папа состоял в переписке с негусом. С оговоркой можно считать, что приблизительно в 1230 г. известие о черных христианах-еретиках, обитавших в глубине Африки, впервые дошло до христианского населения Передней Азии и Европы. Именно в это время появились в Святой земле, в церкви на Масличной горе, черные христианские священники, возглавлявшиеся черным аббатом[2], и принесли известие о христианском государстве Эфиопии. Это государство и позднее старалось поддерживать связи со Святой землей. В XIV в. на Голгофе в Иерусалиме долго стояла нубийская часовня[3].

Когда с 1267 г. начались попытки с помощью монахов нищенствующих орденов развернуть миссионерскую деятельность также и в Эфиопии, то правящая группа амхаров была уже христианской. Но это не имело значения для тогдашней римской церкви, которая полагала, что миссионерская деятельность среди христиан-еретиков была столь же похвальна и необходима, как и среди язычников. Как известно, тот же папа через несколько месяцев в булле от 9 июля 1267 г. призывал к миссионерской деятельности в Константинополе, где утвердилась греческая церковь[4].

Весьма вероятно, что в 1267 г. между папским престолом и эфиопским государством уже завязались какие-то сношения. Это подтверждается папской буллой, написанной 22 года спустя, 15 июля 1289 г., в которой папа Николай IV (1288—1292) обращается к «*dilectis filiis populo Aethiopiae*» [«дорогим сынам народа Эфиопии»], еще раз призывая их к объединению с римской церковью[5]. Как и все подобные начинания папы, этот призыв не нашел отклика.

---

[1] B. Altaner, Die Dominikanermissionen der 13. Jahrhunderts, Habelschwert, 1924, S. 64.

[2] Burchardus de Monte Sion, Descriptio terrae Sanctae, «Thesaurus monumentorum ecclesiasticorum et historicorum de Canisius», ed. J. Barnage, Antwerpen, 1725, t. IV, p. 4, 9, 22.

[3] Ludolphus, De itinere terrae Sanctae liber, ed. F. Deycks, «Bibliothek des Literarischen Vereins zu Stuttgart», 1851, B. XXV, S. 78.

[4] A. Bremond, Bullarium ordinis fratrum praedicatorum, Roma, 1729, t. I, p. 485.

[5] O. Raynaldus, Annales ecclesiastici, Köln, 1692, t. XIII, p. 419.

Доминиканский монах Иордан, или Журден, из Северака, прибывший в Индию как раз в эти десятилетия особенно энергичной миссионерской деятельности, дал в 1320 г. еще один повод возобновить попытку насаждения католицизма в Эфиопии.

Первоначально предполагалось направить Иордана в Китай. По дороге в эту страну он попал в Тебриз, а затем его корабль, застигнутый в море штормом, был вынужден зайти в Тхану у Бомбея. Здесь Иордан и остался[1]. В двух письмах, посланных этим миссионером в Европу (от 12 октября 1321 г. и от 20 января 1324 г.), он писал преимущественно о кончине четырех доминиканских монахов, принявших в Тхане мученическую смерть 1 апреля 1321 г. Но, кроме того, как следует из отрывка, приведенного в начале главы, Иордан поделился в письме и полученными им сведениями о том, как можно добраться до Эфиопии, и выразил свое «сердечное желание», чтобы его самого послали туда в качестве миссионера. Эта просьба не была удовлетворена: Иордана надолго оставили в Индии, а в 1328 г. он был рукоположен в сан епископа Колумбо[2]. Папа Иоанн XXII (1316—1334) полагал, что, находясь в этом сане, Иордан сумеет склонить индийских христиан-фомистов к союзу с римской церковью. Сам папа с этой же целью обратился к христианам-фомистам с письмом, датированным 8 апреля 1330 г. Текст этого письма приводится Райнальдом[3]. Итак, было сделано еще одно усилие обратить население Эфиопии в католическую веру.

Неоднократно утверждали, будто в 1316 г. состоялось еще одно путешествие миссионеров в Эфиопию[4]. В 1675 г. Фонтана даже называл имена доминиканцев, принявших участие в этой миссии: Грима, Аргай, Луанос, Панталеон, Сама, Алеп, Ассен, Агулоза и монахиня Име. Путешествие это якобы длилось с 1316 по 1318 г. Однако никакими документальными доказательствами это сообщение не подтверждается. Возможно, что дата указана неправильно и на самом деле речь идет о единственной серьезной попытке миссионерской деятельности в Эфиопии, относящейся к 1329 г. В этом году папа Иоанн XXII в булле от 1 октября, изданной в Авиньоне, обратился ко всем католическим приходам, рассеянным в странах «сарацин, язычников, греков, болгар, куманов, иберов, аланов, хазар, готов, сирийцев, рутенов, якобитов, нубийцев, несториан, грузин, армян, индийцев, кочевников и других неверных народов Востока и Севера», призывая их к объединению

---

[1] «Description des merveilles d'une partie de l'Asie», la Société de géographie, Paris, 1839.

[2] Подробнее о нем см. «Mirabilia descripta per fratrem Jordanum», ed. Coquebert de Montbret, «Recueil des voyages et mémoire», 1839, t. IV, p. 37 (и след.). Епископство в Колумбо существовало, вероятно, очень недолго, ибо, когда Джованни Мариньола прибыл в Колумбо, где прожил 14 месяцев, о епископе там больше и не было слышно. См. O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, B. I, S. 156.

[3] O. R a y n a l d u s, Annales ecclesiastici, Köln, 1694, t. XV, p. 415.

[4] L. d e P a r a m o, De origine et progressu officii sanctae inquisitionis libri tres, Madrid, 1958, lib. II, tit. 2, cap. 191; F o n t a n a, Monumenta Dominicana, Roma, 1675, p. 172; статья Мишеля, см. «Revue de l'Orient chrétien», Paris, 1896, t. I, p. 96.

всех христианских исповеданий[1]. Одновременно в Эфиопию была вторично направлена миссия доминиканцев[2]. Об их делах и судьбах известно крайне мало. Даже имена миссионеров до нас не дошли, если только не о них упомянул Фонтана. Сообщается лишь, что несколько аборигенов было склонено к обращению в католическую веру, в том числе два царевича. Одного из них звали Таклаверет Шевани, а другой принял при крещении имя Филипп[3]. Заметным успехом было основание в Донголе епархии, вверенной доминиканскому монаху Бартоломео из Тиволи, который, вероятно, принимал участие в миссионерской деятельности[4]. Об этой епархии «в царстве священника Иоанна» сообщает нам «Книга познания» («Libro del Conoscimiento»), рассказывающая о фантастическом кругосветном путешествии (см. гл. 144). Впрочем, эта епархия, видимо, никакой роли не играла и существовала только на бумаге. Кроме Бартоломео из Тиволи, который был епископом Донголы приблизительно до 1350 г., других римских епископов там не было[5].

Как бы то ни было, но и в XIII и XIV вв. нити, протянутые из Рима в Эфиопию, оставались крайне тонкими; но именно потому, что на Африканском материке так долго существовало недоступное для внешнего влияния несомненно христианское государство, сама эта страна и ее властители давали пищу для фантастических вымыслов. Скрытая за их завесой Эфиопия казалась единственной и подлинной страной «священника Иоанна». Ведь в Азии XIII в. нигде этого легендарного государства обнаружить не удалось. Теперь всем хотелось, чтобы страна «священника Иоанна» находилась в «африканской Индии», и эта легенда, как мы еще покажем, играла решающую роль в течение XV в. во всех португальских открытиях[6]. Какими нелепыми были представления о связи между Индией и Эфиопией, показывает одно место из книги Карпини, где он говорит об индийских «черных Саррацинах, которые именуются Эфиопами»[7].

И в XV в. папа тоже не смог добиться иных связей с Эфиопией, кроме обмена дружественными посольствами (см. т. IV, гл. 169). В 1439 г. на Флорентийском соборе серьезно рассматривался вопрос об объединении католической и коптской церквей; однако эта попытка снова потерпела крах. Альтанер правильно разъяснил причины этой неудачи:

«Жители Востока не понимали значения такого объединения для религии и церкви. Опыт многовековой истории их страны мешал им признать

---

[1] Th. Ripoll, A. Bremond, Bullarium ordinis fratrum praedicatorum, Roma, 1730, t. II, p. 184 (и след.). О всех делавшихся тогда попытках к объединению см. Hergenröther, Hannbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Freiburg, 1899, B. I, S. 905 (и след.).

[2] O. Raynaldus, op. cit., p. 398; Paramo, op. cit.

[3] F. Kunstmann, op. cit., B. 37, S. 36.

[4] Ibidem, S. 28.

[5] Pius Bonifatius Gams, Series episcoporum, Regensburg, 1873, S. 455. (В этом труде Донгола, под названием Данкала, упоминается, как это ни странно, среди епархий Северной Азии.)

[6] Хенниг сильно преувеличивает роль этого фактора в истории португальских открытий XV в., см. т. IV.—*Прим. ред.*

[7] См. «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 41.

догматическую необходимость новой ориентации, тем более что это не диктовалось никакими религиозными побуждениями и должно было привести к отказу от независимости их церкви, к которой они издавна привыкли»[1].

Впрочем, нельзя не признать, что прилагавшиеся в течение целых 200 лет усилия установить связь с Эфиопией как с мнимым государством «священника Иоанна» в значительной мере объяснялись политическими соображениями. Мы еще покажем, как сильно эти политические расчеты повлияли на деятельность принца Генриха Мореплавателя. Немаловажную роль сыграли они и в засылке миссионеров в Эфиопию начиная с 1329 г. Вряд ли можно считать случайностью, что незадолго до этого, примерно в 1320 г., Марино Санудо, ревностный сторонник идеи расширения политического влияния христианских стран, горячо ратовал за теснейший союз с христианским государством Эфиопией для борьбы с исламом[2]. С 1439 г. усиленные старания папы склонить к союзу с ним христиан Эфиопии явно объяснялись надеждой на их вовлечение в борьбу против турецкой опасности.

Следует еще сказать несколько слов по поводу средневекового путеводителя по Эфиопии, отрывок из которого приведен в начале главы. Из него мы узнаем, как с течением времени все прочнее утверждалось представление о том, что истинный «священник Иоанн» будто бы находится в Эфиопии. Но в связи с этим все сильнее становилось также заблуждение, будто Эфиопия находится в Индии. Ведь «священника Иоанна» считали индийским царем. «Африканская Индия» стала под конец таким общераспространенным понятием, что путеводитель даже сферу деятельности апостола Фомы и его могилу переносит в Африку!

---

[1] B. Altaner, Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts, Habelschwert, 1924, S. 232.

[2] M. Sanudo, Liber secretorum fidelium crucis, lib. III, pars XIV XII (и след.). См. Bongar, Gesta Dei per Francos, Hanau, 1611.

ГЛАВА 126

ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ МАРКО ПОЛО

(1271—1295 гг.)

(Гл. II). В то время, когда Балдуин[1] был императором в Константинополе, то есть в 1250 г.[2], два брата — Николай Поло, отец Марко, и Матвей Поло — находились тоже там; пришли они туда с товарами из Венеции; были они из хорошего роду, умны и сметливы. Посоветовались они между собой, да и решили итти в Великое море за наживой да за прибылью. Накупили всяких драгоценностей да поплыли из Константинополя в Солдадию [Судак].

(Гл. III). Пришли они в Солдадию и решили итти далее. И что же? Вышли из города и пустились в путь; по дороге с ними ничего не случилось; так-то они и прибыли к Барка-хану, что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае. С большим почетом принял Барка Николая с Матвеем; обрадовался он их приходу...

Целый год прожили братья в земле Барка-хана, и началась тут война между ним и Алау[3], владетелем восточных татар... А по дорогам, в то время как они воевали да сражались, ходить вовсе нельзя было, всех в плен забирали. Бывало это на той стороне, откуда братья пришли, вперед же можно было итти. Стали братья совещаться: в Константинополь с товарами нам возвращаться нельзя, так пойдем вперед, по восточной дороге, оттуда можем и назад поворотить. Собрались, да и вышли из Болгара. Пошли они к городу, что был на границе земли западного царя и назывался Укака. Выйдя отсюда, переправились через реку Тигри[4] и семнадцать дней шли пустынею...

---

[1] Имеется в виду Балдуин II, латинский император в Византии (1228—1261).

[2] Год 1250-й не соответствует действительности. Барка-хан стал правителем Золотой Орды не ранее 1257 г., так как его отец Бату-хан умер в 1255 г., а сын и наследник Бату, Сартак,—в 1256 г. См. J. Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde in Kiplschak, Pest, 1840, S. 140. Вероятно, речь идет о 1259 г. [Имя Барка-хан правильнее транскрибировать Беркехан.—*Ред.*]

[3] Имеется в виду Хулагу, брат Хубилая и двоюродный брат Барка-хана, захвативший Багдад в 1258 г. и ставший царем Персии и Хорасана. Его столицей был Тебриз.

[4] Тигри было чем-то вроде собирательного названия для всех незнакомых рек Азии. Здесь имеется в виду Сыр-Дарья, на которой лежал Отрар. Даже в XV в. Джосафат Барбаро называет Тигри протекающую через Тбилиси реку Куру. См. G. Ramusio, Delle navigatione et viaggi, Venézia, 1583, t. II, p. 99. [Это ошибка: Тигри в данном случае Волга, на которой стоял Укака, то есть Укек.—*Ред.*]

Рис. 4. Марко Поло.
См. H. Yule, The Book of Ser Marko Polo, London, 1871. Портрет из галереи Бадия в Риме.

Зак. 1277

(Гл. IV). Перейдя через пустыню, пришли они в Бухару. Город большой, величавый. Бухарою зовется и вся страна. Царствовал там Барак. Во всей Персии Бухара самый лучший город...

И когда они там жили, пришло посольство от Алау [Хулагу], восточного царя, к Кублаю, великому царю всех татар. Подивился немало посланник, увидев Николая и Матвея; в той стране никогда не доводилось ему встречать латинян.

«Господа,— сказал он братьям,— будет вам и прибыль большая, и почет великий, коль вы меня послушаетесь».

Отвечали ему на это братья, что охотно послушаются в том, что смогут сделать.

«Господа,— говорил им посланник,— великий царь всех татар никогда не видел латинян, а видеть он очень желает. Коль вы со мной пойдете, уверяю вас, с радостью и с почетом примет вас великий царь и будет щедр и милостив. Со мною же пройдете беспрепятственно и безопасно».

(Гл. V). В ответ на посольские речи говорили братья, что пойдут с ним охотно. Пошли они вместе. Целый год шли на север и на северо-восток и только тогда пришли...

(Гл. VI). Пришли Николай и Матвей к великому хану, и принял он их с почетом, с весельями да с пирами; был он очень доволен их приходом...

(Гл. VIII)...И решил он отрядить посла к апостолу. Стал он просить братьев итти в этом посольстве с одним из его князей...

Позвал великий хан Когатала, одного из своих князей, и объявил ему свою волю, чтобы шел он с братьями к апостолу [папе].

Велел потом великий хан изготовить на турецком языке грамоты для отправки к апостолу, передал их братьям и тому князю да поручил им также и на словах сказать от своего имени апостолу...

(Гл. IX). ...Изготовили все нужное Николай с Матвеем и третий посланец, простились с великим ханом, сели на коней и пустились в путь.

Проехали они ни мало, ни много, и заболел тут татарин, что следовал с ними; дальше ехать не мог он и остался в некоем городе...

Ехали, ехали они и добрались до Лаяса. Ехали они три года...

(Гл. X). Из Лаяса [Аяса] отправились они в Акру [Акка]. Пришли они туда в апреле 1269 г. по р. х. и услышали, что умер апостол. [Здесь они услышали о кончине папы Климентия IV, последовавшей незадолго до этого, 23 ноября 1268 г.]

Из Акры пошли они в Негропонт, а там сели на судно и плыли до тех пор, пока не вернулись домой. Дома узнал Николай, что жена его умерла и оставила ему двенадцатилетнего[1] сына Марко...

---

[1] Возраст Марко Поло в различных списках рукописи указывается по-разному. Вероятнее всего, Марко в 1269 г. было 15 лет.

[Дальше следует описание двухлетнего пребывания в Венеции в ожидании избрания нового папы, которое необычайно долго затягивается. Наконец, оба брата отправляются в путь в сопровождении юного Марко, хотя новый папа еще не избран. Они направляются в Акку, где взамен письма папы берут от своего покровителя, папского легата Тебальдо де Висконти, письмо к великому хану, затем посещают Иерусалим и едут через Аяс в Армению. Здесь братьев Поло настигает гонец из Акки, который просит их вернуться туда, так как папой избран сам Тебальдо де Висконти (1 сентября 1271 г.), принявший имя Григория X (1271—1276) и теперь, став папой, захотевший послать официальный ответ великому хану. Кроме служебных писем, он посылает с ними двух монахов в качестве миссионеров. Однако эти монахи еще в Армении поворачивают назад, ибо опасности путешествия кажутся им чрезмерными.]

(Гл. XIV). Пошли Николай с Матвеем да Марко, сын Николая, далее; ехали они к великому хану и летом, и зимою. Великий хан жил в то время в большом городе Клеменфу [Шанду?]...

Три с половиной года, знайте, странствовали они по причине дурных дорог, дождей да больших рек, да потому еще, что зимою не могли они ехать так же, как летом.

Скажу вам по истинной правде, когда великий хан узнал, что Николай и Матвей возвращаются, выслал он им навстречу, за сорок дневок. Служили им хорошо, и был им всякий почет.

[Далее следует описание весьма почетного приема и передачи папского письма и подарков. Юного Марко Поло зачисляют в почетную свиту великого хана и на протяжении многих лет используют в многочисленных специальных посольствах, причем он основательно знакомится с природой Китая и даже предпринимает по поручению императора путешествия на Зондские острова, в Бирму и Индию...

Только в 1292 г. великий хан, после неоднократных тщетных просьб, позволяет венецианцам, которых он не хочет отпускать от себя, вернуться на родину. Он требует от них, однако, обещания, что они возвратятся к нему после исполнения нового поручения папы. В сопровождении персидских послов, которые должны привезти своему царю [ильхану] Аргуну новую супругу — монгольскую княжну из Китая, братья Поло совершают обратный путь по морю.]

(Гл. XIX). ...Приказал он потом снарядить четырнадцать судов; на каждом судне было по четыре мачты, и зачастую они ходили под двенадцатью парусами...

Когда все было готово, три князя с невестою, Николай с Матвеем да Марко — все простились с великим ханом и отправились на суда и много народу с ними. Великий хан дал им продовольствие на десять лет...

Пустились они в море, плыли три месяца и пристали к острову Яве на юге... От того острова дотуда, куда шли, плыли они по Индийскому океану осьмнадцать месяцев и много всяких диковин насмотрелись...

По правде сказать, когда они сели на суда, не считая судовщиков, было их шестьсот человек; перемерло много; всего только восемнадцать человек осталось в живых...

[В гавани, куда пришли суда, братья Поло узнают, что 10 марта 1291 г. умер царь Аргун. Следует описание девятимесячного отдыха в Персии. Путешественники еще здесь узнают, что в феврале 1294 г. умер также восьмидесятилетний великий хан, и, таким образом, они освобождаются от своего обещания вернуться к нему.]

...Простились три посла... и пустились в дорогу; ехали каждый день, пока не добрались до Трепизонда [Трабзон], оттуда в Константинополь, потом в Негропонт и, наконец, в Венецию, и было это в 1295 г. по р. х.[1]

150-летний период, в течение которого опасность монгольского нашествия грозовым облаком висела над Европой, оказал все же величайшее влияние на торговлю христианского мира в XIII и XIV вв., а также на обмен культурными ценностями. В противоположность мусульманам, относившимся к христианам с фанатической ненавистью, монголы не чинили никаких препятствий для мирных связей. Хениш тонко подметил, что «для китайского купца монгольский век должен был быть, в сущности, золотым веком. Великий торговый путь был открыт для Запада. Китайские товары беспрепятственно шли на далекий Запад, а иностранные грузы из Западной Азии и других западных стран устремились в Китай»[2].

К сожалению, этот культурный обмен совершенно прекратился после свержения монгольского господства в Китае в 1368 г.[3] и начал медленно оживать только в XVII в. Что он значил для XIII в., лучше всего показывает книга о путешествии венецианцев Поло в Срединную империю, предпринятом первоначально с торговыми целями. Среди всех средневековых путешествий оно, несомненно, по праву считается самым замечательным.

Во время этого путешествия не было открыто ни одной совсем неизвестной страны. Был пройден только тот путь, которым десятки раз уже пользовались как безымянные, так и известные по имени купцы и послы, в том числе дядя и отец Марко Поло, с которыми он совершил свое странствие. Если это путешествие, затянувшееся более чем на 24 года, все же было поистине выдающимся событием, то этому способствовала замечательная книга Марко Поло. Эта книга своим великолепным описанием различных стран

---

[1] «Книга Марко Поло», М., 1955, гл. II—VI, VIII—X, XIV, XIX.

[2] E. Haenisch, Die Kulturpolitik des mongolischen Weltreiches, «Vorträge und Schriften der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1943, H. 17. S. 12.

[3] Это сильное преувеличение. См. примечание 3 на стр. 216, 217.

и народов открыла людям того времени широкие географические горизонты, показав им дотоле закрытый для них мир.

Заслуги Марко Поло в этом отношении достойны такого же восхищения, как и достижения великого Птолемея в древности. Книга Поло вызвала бурную сенсацию в христианских странах того времени и оказала величайшее влияние на географические представления в следующие столетия вплоть до эпохи Колумба. Она способствовала также тому, что в Европе тотчас же стали заимствовать культурные достижения Китая, о которых раньше в большинстве случаев ничего не знали; начали сажать деревья по обочинам дорог, использовать уголь, выпускать бумажные деньги и т. д.

Кто знает, пришло ли бы в голову Марко Поло написать свою замечательную книгу, отличающуюся большой правдивостью, трезвостью суждений и широтой кругозора, если бы венецианец не попал в плен к генуэзцам в битве у Корчулы. Эта битва между венецианцами и генуэзцами произошла 7 сентября 1298 г. Став военнопленным с 16 октября 1298 г., Марко Поло заполнял девятимесячный досуг тем, что диктовал свои воспоминания пизанцу Рустичелло (Рустичано)! Пожалуй, никогда еще в истории томление в плену не приносило таких благодатных результатов!

Большой удачей Поло было также и то, что его путешествие в Китай состоялось, когда этой страной правил монгольский император, являвшийся, несомненно, выдающимся правителем по сравнению с другими преемниками Чингис-хана, культурный уровень которых был сравнительно невысок. Хубилай-хан[1], внук основателя династии, родился в 1214 г. Это был образованный человек, интересовавшийся искусством и науками, мягкий и мудрый правитель. Только большое расположение Хубилая к венецианцу позволило Марко Поло приобрести обширные сведения о Дальнем Востоке. При Хубилае китайское государство, ранее переживавшее различные политические потрясения, после почти 500-летнего перерыва снова достигло зенита политической мощи и экономического расцвета, правда при чужеземной монгольской династии.

Восприняв высокую культуру Древнего Китая, внук Чингис-хана превратился в одного из самых блестящих правителей, каких знает история. Синологи нашего времени называют Хубилая «одним из величайших правителей, сидевших на китайском троне»[2], и даже причисляют его, «несомненно, к величайшим правителям, каких знает история»[3].

Вот что говорит о нем Марко Поло: «И воистину он зовется так [великим государем]; да знает всякий, от времен Адама, нашего предка, и доныне

---

[1] Кроме китайских источников, большой и ценный материал о Хубилае дает персидский историк Рашид-ад-дин. См. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, раздел «Повествование о Кубилай-Каане, сыне Тулуй-хана, сына Чингис-хана», М.—Л., 1960, стр. 153—204; об оценке Хубилая Хеннигом см. предисловие редакции.— *Прим. ред.*

[2] E. Haenisch, Die Kulturpolitik des chinesischen Weltreiches, «Forschungen und Fortschritte», 1943, S. 334.

[3] O. Franke, Kublai Khan und seine chinesischen Berater, «Forschungen und Fortschritte», 10—20 Oktober, 1942.

не было более могущественного человека, и ни у кого в свете не было столько подвластных народов, столько земель и таких богатств»[1].

Даже летописи династии Юань, написанные после изгнания этой монгольской династии в 1368 г. и дышащие ненавистью к захватчикам, отдают должное Хубилаю и отзываются о нем так:

«Ши-цзу [Хубилай-хан] отличался прямотой и большой дальновидностью. Он умел ставить людей на службу по их способностям... То, что было создано одним поколением, послужило примером для последующих времен».

Удачная характеристика летописи «он умел ставить людей на службу по их способностям» подтверждается следующими словами Франке: «Хубилай, видимо, либо хорошо знал людей, либо удачно выбирал своих друзей. Почти все они заняли высокие, а многие их них самые ответственные посты. Ни одного из них хану не пришлось лишать своей благосклонности, и они до своей кончины пользовались доверием и вниманием своего государя».

Какой государь может похвалиться таким достижением? Рассказы Марко Поло о громадных городах страны, о ее неслыханно многочисленном населении, о прекрасных средствах сообщения, о великолепной организации государственного управления и хозяйства казались европейцам 1300 г. настоящей сказкой. Марко Поло получил прозвище «господина Миллиона» из-за неоднократно встречающихся в его книге больших цифр, которым тогда не верили. Европа того века еще почти ничего не знала о Китае, и вдруг европейцы узнают, что там есть неслыханно обширное и могущественное государство, достигшее небывалого расцвета, государство, с которым вряд ли может сравниться какая-либо другая страна и которое управлялось поистине великим императором. Пекин, названный Марко Поло Камбалу (Ханбалык — город великого хана) и превращенный Хубилаем в столицу только в 1264 г., благодаря книге Марко Поло приобрел свою легендарную славу. Легенда об этом городе через два столетия с магической силой привлекала к нему чувства и мысли Колумба. Как мудро действовал Хубилай, можно проиллюстрировать следующим примером. Подчинив своей власти Южный Китай и Тибет, он, в противоположность своим предшественникам, воздерживался от насилий. Так, в 1268 г. монголы захватили Ханчжоу (Кинсай у Поло), а через 10 лет этот город достиг того невиданного расцвета, который так образно описал нам Марко Поло в знаменитой CLII главе своей книги.

Именно перенесение столицы монгольских правителей в Китай оказалось весьма полезным как для этой страны, так и для упрочения славы о могуществе монголов. Однако с точки зрения политической географии это было ошибкой, как показал еще Рихтгофен 60 лет назад: «Хубилай покинул Каракорум, хотя только эта резиденция по своему положению была пригодна для управления империей, и перенес свою столицу в Китай. В связи с этим переместился центр тяжести его империи и начался распад этого огромного государства»[2].

---

[1] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 99.

[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 538. [Разумеется, быстрый распад Монгольской империи нельзя объяснить переносом ее столицы в Китай. — *Ред.*]

Такой распад действительно не заставил долго себя ждать при бездарных преемниках Хубилая. В дни Марко Поло великий император еще крепко держал в своих руках самые отдаленные части государства.

Книга Поло сообщает нам не об *одном*, а о *двух* путешествиях в Китай. Первое совершили примерно в 1254—1269 гг. два брата Поло — Никколо и Маффео не совсем по своей воле. Марко, сын Никколо, принял участие только во втором путешествии семейства Поло, которое заняло в общей сложности более 24 лет (с 1271 по 1295 г.). Но это путешествие имело гораздо более важное значение, особенно потому, что братья Поло выступали на этот раз как официальные послы папы. Между тем при первом посещении Китая они ездили туда только как купцы, на свой риск.

Оба раза путешественники доходили до Китая по суше. Начиная с 763 г. сухопутные дороги были заброшены более чем на 450 лет (см. т. II, гл. 89), но в XIII в. их снова открыли. Завоевание монголами всей Центральной Азии и их неустанная забота о хорошем состоянии главных путей сообщения сделали безопасным передвижение купцов по суше. Между тем к этому же времени на морском пути в Китай, которым долгие годы только и могли пользоваться купцы, их поджидали опасности. Ведь Ормуз и Киш воевали тогда друг с другом. Приблизительно с 1236 г. все страны между Русью и Китаем находились под властью монголов и всех правителей этих стран связывали тесные узы близкого родства. По тем же политическим причинам, о которых уже говорилось в гл. 118, на дорогах всей монгольской Азии путникам обеспечивалась такая безопасность, какой только можно было добиться в те времена. Поло попали в Азию именно в этот период, когда для предприимчивых купцов, путешественников и исследователей там открывались самые благоприятные возможности. Они пришли в богатый, густо населенный Китай, между тем их предшественники — Карпини, Лонжюмо, Рубрук и другие путешественники, посетившие великого хана, попали в скудные монгольские степи, где не нашли ничего такого, что поразило бы их воображение. Взорам Поло открылась сказочная Страна шелка, с ее огромными богатствами. Понятно, что все увиденное венецианцами пробудило такое стремление к подражанию, которого никогда не вызвали бы рассказы о путешествии в Каракорум.

К этому счастливому стечению обстоятельств присоединилась еще одна удача. Никколо и Маффео Поло вопреки своему желанию из-за военных раздоров должны были поехать из городов Болгар и Сарай в Бухару, где они случайно встретились с посольством Хулагу. Это посольство направлялось как раз к вновь избранному великому хану Хубилаю. Руководитель посольства вежливо предложил братьям Поло сопровождать его в Китай, гарантируя полную безопасность. Лемке полагает, что это посольство к Хубилаю было как раз тем самым, которое должно было по поручению Хулагу уговорить вновь избранного великого хана принять на себя высокий сан[1]. Хубилай

---

[1] См. H. L e m k e, Reisen des Venetianers Marko Polo, 1907, B. I, S. 36. В 1259 г. к Хулагу направилось посольство великого хана Мункэ, который вскоре пал на поле битвы. См. E. B r e t s c h n e i d e r, Notes on Chinese mediaeval travellers to the West, Changhai, 1875, p. 57.

первоначально не мог на это решиться, ибо его брат Ариг-Бука, находившийся в Каракоруме, до 1265 г. тоже претендовал на то, чтобы стать великим ханом. Предположение Лемке представляется вполне правдоподобным и дает нам отправную точку для определения даты встречи с посольством Хулагу, к сожалению не указанной Поло. Хубилай был избран повелителем монголов 4 июня 1260 г., поэтому встреча венецианцев с посольством Хулагу в Бухаре, видимо, состоялась не раньше 1261 или 1262 г., а в Китай они прибыли, вероятно, через год. При первом посещении Китая братьями Поло Хубилай находился еще в Кайпине, который в 1259 г. был превращен в резиденцию великого хана предшественником Хубилая Мункэ. Однако Кайпин оставался столицей только в течение пяти лет. Отсюда следует, что первое прибытие семейства Поло в Китай может быть отнесено к 1263 или 1264 г. Они оставались там, очевидно, около полутора лет. В 1265 или 1266 г. они отправились, вероятно, в обратное путешествие и через три года попали в Аяс, а еще через несколько месяцев в Акку, куда они прибыли в апреле 1269 г. К сожалению, это единственная дата, которая сообщается в книге Поло.

Второе, более длительное и имеющее гораздо более важное значение путешествие семьи Поло в Китай, в котором уже принял участие Марко, можно датировать несколько точнее, чем первое, хотя он и в этой части своей книги, к сожалению, избегает дат. Весной 1269 г. Никколо и Маффео, вероятно, вернулись в родной город. В связи с тем, что братья хотели дождаться избрания папы, прежде чем, согласно данному ими обещанию, еще раз поехать в Китай, их пребывание в Венеции неожиданно затянулось. После смерти папы Климентия IV, последовавшей в Витербо 23 ноября 1268 г., папский престол поразительно долго оставался незанятым. Различные события и интриги почти на три года задержали избрание нового папы. Братья Поло наконец решили, что ждать больше нельзя, хотя им очень хотелось доставить великому хану личное послание нового папы. Итак, летом 1271 г. они снова отправились в Китай. По прибытии в Акку они попросили находившегося там папского легата Тебальдо де Висконти, архидиакона Льежского[1], который еще раньше относился к ним весьма благосклонно, чтобы он дал им письмо к великому хану взамен папского послания. Легат удовлетворил их просьбу, и венецианцы прежде всего направились в Армению. Но здесь они получили известие, что сам их покровитель Тебальдо де Висконти был избран папой 6 сентября 1271 г., хотя он не был ни кардиналом, ни епископом. Новый папа, принявший имя Григория X (1271—1276), в качестве главы церкви пожелал написать великому хану другое, имеющее большую ценность письмо и поэтому еще раз призвал наших путешественников в Акку. Два монаха должны были сопровождать братьев Поло в Китай, чтобы заняться там проповедованием христианской веры.

---

[1] Папский легат — представитель римского папы, посылаемый в нехристианские или некатолические страны; архидиакон в католической церкви — высокое духовное лицо, инспектирующее церковный округ. — *Прим. ред.*

Из-за этих событий отъезд снова затянулся на многие месяцы. Получив письмо папы[1], Поло в сопровождении двух монахов — Никколо из Виченцы и Гуйельмо из Триполи — опять уехали из Акки. Но уже в Армении монахи расстались с Поло, испугавшись опасностей дальнего путешествия.

Как мы еще покажем ниже (гл. 131), такое безответственное поведение малодушных монахов, вероятно, сорвало попытки насаждения христианства в Китае в самый благоприятный для этого момент.

Какой путь избрали сами Поло, нам точно не известно. Кордье предполагает, что они следовали через Мосул и Багдад, так как оба этих города упоминаются в книге Марко Поло[2]. Однако это предположение представляется необоснованным, так как Поло перечисляет многие пункты, о которых он узнал понаслышке. Пензер доказал, что венецианцы, видимо, не были в Месопотамии[3]. В одной новой английской работе высказано предположение, что путь братьев Поло шел из Акки и Аяса через Кайсери, Сивас, Эрзинджан, Эрзурум, севернее озера Ван в Тебриз, а затем через Кашан, Йезд и Керман в Ормуз, который путешественники, безусловно, посетили[4]. Дальше их маршрут проходил через Герат, Балх и Памир[5] в Кашгар, Яркенд, Хотан, мимо Лобнора к летней резиденции великого хана—Кайпину. Видимо, после 9—10 лет отсутствия они снова прибыли к императорскому двору примерно весной 1275 г. Поло были приняты Хубилаем с величайшим почетом и неизменно пользовались его благосклонностью. Марко Поло, которому тогда, вероятно, было около 19 лет, завоевал особую любовь и доверие императора; ему отныне часто поручались дипломатические миссии. Марко Поло оказался вполне достойным этого высокого доверия, так как отличался трезвыми взглядами и выдающимися способностями. Китайские летописи монгольской династии Юань в записях, относящихся к 1277 г., сообщают, что Поло был назначен комиссаром тайного совета. У нас есть основания предполагать, что в этом году Марко Поло находился в городе Сиань, который он называет Кенжин-фу[6]. Выполняя поручения императора, Марко Поло смог постепенно объехать все провинции Китая, за исключением Гуанси и Гуандуна[7]...

Папа Николай III (1277—1280) попытался, правда, в апреле 1278 г. еще раз послать клириков в Китай, избрав для этого монахов-миноритов

---

[1] К сожалению, до нас не дошли ни дословный текст письма великого хана, ни ответчое письмо папы Григория X. Райнальд, приводивший дословно всю корреспонденцию папы, очевидно, сам не имел этих писем и упоминает о них лишь на основании сообщений Марко Поло. См. «Annales ecclesiastici», Lucca, 1748, t. III, p. 280 (и след.).

[2] «The Book of Ser Marco Polo», ed. H. Jule, H. Cordier, London, 1926.

[3] «The Most Noble and Famous Travels of Marco Polo», ed. N. M. Penzer, London, 1929.

[4] E. R o s s, Marco Polo and his book, «Proceedings of the Royal Britisch Academy», London 1934; v. XX.

[5] W. L e n z, War Marco Polo auf dem Pamir?, «Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft», B. 9. См. также L. F. B e n e d e t t o, I Millione di Marco Polo, Firenze, 1928.

[6] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 131.

[7] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 160.

Герхарда из Прато, Антонио из Пармы, Иоанна из Санта-Агаты, Андрея из Флоренции и Матвея из Ареццо. Такая попытка была сделана в связи с тем, что незадолго до этого, еще при предшественнике Николая Иоанне XXI (1276—1277), к папскому двору прибыли монгольские послы из Персии и сообщили, будто великий хан принял христианство[1]. Папа Николай хотел воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Поэтому он послал перечисленных выше монахов, снабдив их письмом к великому хану, в котором обращался к нему как к «*Quolibey* (*Kublai*), *Magnus Cham, Imperator et Moderator Omnium Tartarorum Illustris*» [«Куолибей (Кублай), Великий Хан, император и Сиятельный Правитель всех татар»][2]. К сожалению, это письмо не дошло до адресата. Монахи поехали в Китай через Персию, но о них никогда больше ничего не слышали. Цели своего путешествия они определенно не достигли, ибо ни Поло, ни Джованни Монтекорвино в своем письме из Пекина, написанном в 1306 г. (см. гл. 131), ни одним словом не упоминают о них.

Необычайная удача, несомненно, сопутствовала Поло в их странствиях по Китаю; но над всем, что было связано с миссионерскими целями, как бы висел злой рок. Когда наконец в 1293 г. в Пекин прибыл действительно крупный деятель католической церкви Монтекорвино, Поло, которые могли бы облегчить ему задачу обращения Хубилая и его народа в христианство, еще год назад покинули Китай. Великий монгольский император Хубилай только один раз мельком видел нового доверенного папы, так как умер вскоре после его прибытия.

Когда наконец Поло после неоднократных напрасных просьб получили в 1292 г. разрешение вернуться на родину, они избрали морской путь. Лишь через три года они прибыли в Венецию, привезя с собой несметные сокровища. Тяжелые странствия определенно пошли на пользу всем трем путешественникам. Ведь отец Марко, Никколо Поло, не считая двух лет (1269—1271 гг.), провел в странствиях целых 40 лет, а то и больше. Когда Никколо покинул Венецию, вероятно в 1254 г.[3], и начал свое первое большое торговое путешествие, ему было, возможно, за 20 лет, поскольку он был уже женат. Когда же отец Марко в 1295 г. вернулся на родину, ему было, вероятно, за 60 лет. Однако это не помешало путешественнику вторично вступить в брак через три-четыре года после возвращения. Когда его единственный сын Марко попал в плен к генуэзцам, не оставив семьи, Никколо счел своим долгом для продолжения рода позаботиться о потомстве. Итак, незадолго до конца века, когда Никколо было под 70, если не все 70, у него родилось еще три сына. Марко Поло, освобожденный из плена в 1299 г., также женился около 1302 г., но от этого брака родились только две дочери. В дальнейшем Марко никогда уж не покидал своего родного города на длительное время.

---

[1] H. Holzapfel, Handbuch der Geschichte des Franziscanerordens, Freiburg, 1909, S. 255.

[2] H. Yule, Cathay and the way thither, ed. Cordier, London, 1914, p. 5 (примечание 1).

[3] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, S. 158.

Год смерти этого великого человека не установлен. Известно только, что к началу 1324 г. Марко составил завещание. Возможно, он вскоре умер, предположительно в возрасте около 70—74 лет. Характерно, что, когда Марко лежал на смертном ложе, его осаждали друзья, настаивавшие, чтобы он для облегчения совести отрекся от многих «обманов», содержащихся в его книге. Более того, Аморетти сообщает нам следующее:

«Мы знаем от брата Якопо ди Акуи, как долго издевались над Поло даже после его смерти. На венецианских карнавалах неизменно присутствовала маска, изображавшая Марко Поло и забавлявшая толпу рассказами о небылицах»[1].

Такое надругательство над памятью великого человека можно рассматривать как лишнее доказательство того, каким громадным и беспримерным был его подвиг для того времени!

Все снова и снова мы встречаемся с тем, что такие правдивые сообщения, как отчет Пифея о его путешествии, надпись на Несторианской стеле, книга Марко Поло и другие, встречали полное недоверие со стороны современников и потомков. Между тем самая чудовищная ложь и вздорные бредни, вроде измышлений Онесикрита (см. т. I, гл. 22, 25), «Книги познания», «Путешествия Джона Мандевиля» и др., сразу же принимаются всерьез. То же самое наблюдается в технике (перпетуум мобиле), медицине, политике. К сожалению, мрачный пессимизм Банзе еще слишком часто подкрепляется действительностью.

«Чем чище твоя правда, тем больше будут подозревать тебя во лжи; но чем искуснее ты лжешь, тем больше верит тебе весь мир»[2]

Всеобщее недоверие, с которым встретили первоначально книгу Поло, было причиной того, что его описаниям в течение 100 лет почти не придавали значения. В то время как фантастическое путешествие Джона Мандевиля (см. гл. 138) и значительно менее интересные приключения Ганса Шильтбергера (см. гл. 154) пользовались огромной популярностью, на поразительные наблюдения венецианского путешественника не обращали никакого внимания. Лишь в XV в. его книга вызвала повышенный интерес, но прежде всего потому, что только в ней упоминался таинственный остров Чипингу [Япония], о сказочных сокровищах которого на основании рассказа Поло сложилось сильно преувеличенное представление.

В книге Поло встречаются места, свидетельствующие о его блестящем таланте рассказчика, но именно они составили ему когда-то незаслуженную репутацию сочинителя сказок. К таким местам относится прежде всего знаменитая CLII глава, где Марко Поло описывает кипучую жизнь и оживленные торговые связи большого портового города Кинсай, современного Ханчжоу. Кинсай был тогда самым богатым городом в мире и в нем проживало, по сообщению Поло, 1600 тыс. семей. В современном Ханчжоу насчитывается только 900 тыс. жителей. Вполне вероятно, что во времена Поло этот город

---

[1] C. A m o r e t t i, Voyage de la Mer atlantique à l'Ocean pacifique à l'an 1588, Milano, 1812, p. 67 (перевод с испанского отчета Мальдонадо).

[2] E. B a n s e, Große Forschungsreisende, München, 1933, S. 48.

был крупнее и имел гораздо более важное значение. Тогда рукав Янцзы еще впадал в залив Ханчжоувань и отсюда можно было войти в эту реку, играющую важную роль в сети внутренних водных путей сообщения, а также в Великий китайский канал[1]. С заилением рукава старый эстуарий Янцзы сильно обмелел[2], и, как подчеркивает Рихтгофен, крупные суда теперь уже не могут заходить в Ханчжоу: «В связи с этим подход к сети внутренних водных путей потерял свое былое значение»[3].

Книга Поло в некоторых отношениях не отвечает нашим запросам. Мы уже отмечали, что он не любил указывать даты различных событий. Если Рубрук сообщает так много точных дат, что мы можем проследить неделю за неделей, где именно он находился, то по поводу Поло часто возникают серьезные сомнения, в каком году или даже в каком десятилетии он посетил ту или иную часть Китая. Нередко нельзя даже выяснить, был ли он лично в той или иной местности или сообщает о ней понаслышке. Так, в одном месте своей книги Марко Поло подробно рассказывает о путешествии, которое по поручению императора он совершил из Пекина через Восточный Тибет и провинцию Юньнань в глубь Бирмы. Но мы не знаем ни даты, ни цели этого путешествия. Описание этой поездки начинается словами: «По выезде из города через десять миль...»[4] Далее говорится только, что «послал тот самый великий хан господина Марко гонцом на запад» и что путешествие длилось четыре месяца. Поло дает точное и надежное описание местностей и городов, которые он посетил, а затем продолжает свое повествование без перерыва рассказом о странах, в которых он, безусловно, не побывал, например о Бенгалии. Впрочем, с определенного места[5] Поло перестает сообщать расстояния в днях пути. Это в лучшем случае позволяет сделать вывод, что о последующем он уже знает не по личным наблюдениям, а из расспросов. Однако этот вывод ненадежен. Можно только предполагать, что во время этого путешествия Поло дошел до города Мянь, столицы одноименного царства, соответствующего современному Ава на Иравади.

В другом месте[6] упоминается, что незадолго до отъезда на родину «вернулся Марко из Индии, из-за многих морей». Нам очень хотелось бы знать подробности о целях, времени и ходе плавания, но Марко умалчивает об этом.

Мы можем только восхищаться Марко Поло и быть благодарными ему за его способ наведения справок о тогда еще совсем неизвестных областях земного шара. При отборе сведений венецианец руководствовался здравым смыслом и отбрасывал прочь бесчисленные рассказы о чудесах и легендарные небылицы, бывшие тогда в моде и особенно ценившиеся многими старыми писателями, которые придерживались правила: «Чем неправдоподобнее, тем

---

[1] Статья Эдкинса. См. «Journal of the North China Asiatic Society», v. II, p. 77 (и след.).
[2] S. Fortune, A residence among the Chinese, London, 1857, p. 321.
[3] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. III, S. 637 (и след.).
[4] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 127.
[5] «Книга Марко Поло», М., 1955, гл. CXXI.
[6] Там же, стр. 52.

интереснее». Сообщения Марко Поло, наоборот, можно считать хорошо проверенными и весьма надежными.

Однако, когда венецианец ограничивается передачей чужих рассказов, а не сообщает о том, что видел своими глазами, он тоже становится жертвой мистификаций. Особенно отчетливо это проявляется в его рассказе о Чипингу (Японии). Марко Поло был первым европейцем, сообщившим об этом островном государстве Восточной Азии. Он рассказывает разные небылицы как о якобы несметных богатствах этой страны, так и о нравах ее жителей, которых изображает людоедами[1]. Это враждебное и неверное суждение, вероятно, связано с тем, что именно в те годы, когда Поло жил в Китае, монголы и японцы чаще всего находились в состоянии войны. Хубилай хотел покорить Японию. В 1271 г. он потребовал от японцев изъявления покорности, но его требование было отклонено. Позднее была сделана попытка вторжения на Японские острова, однако флот Хубилая, состоявший из 300 кораблей, был уничтожен японцами у Цусимы в 1274 г., а попытка высадки на острове Кюсю в 1275 г. также была отбита. Когда в 1278 г. Хубилай вторично потребовал изъявления покорности и выплаты дани, первый министр 91-го микадо Го-Уда-Тенно (1275—1278) приказал казнить ханского посла. За этим последовал новый поход военного флота из 900 судов, закопчившийся для монголов катастрофой после первоначальных побед. Из-за атак японских судов, но в еще большей мере из-за страшного тайфуна в 1281 г. погибло все монгольское войско и флот, подобно тому как в 1588 г. погибла испанская Армада. Из 100 тыс. человек в живых осталось якобы только трое. Тем не менее Хубилай в 1283 г. приказал готовить новый поход, возглавить который должен был военачальник Атагай. Однако возникли различные препятствия, и, когда в 1286 г. плавание должно было наконец состояться, другие политические осложнения принудили великого хана отказаться от своего намерения. Разумеется, этот период, когда страсти особенно разгорелись, мало подходил для сбора объективных сведений в Китае о стране врага.

Особенного внимания заслуживает сообщение Поло о том, что он разузнал о Южном море:

«Умные рыбаки да знающие мореходы, что здесь плавали и истинную правду ведают, говорят: в этом море семь тысяч четыреста сорок восемь островов, и на многих люди живут. На всех этих островах, скажу вам, нет дерева не пахучего и не полезного так же, как алоэ, а иное и полезнее. Всяких дорогих пряностей тут много. Родится тут перец, белый как снег, много также черного. А сколько тут золота и других драгоценностей, так это просто диво!

Острова эти далеко, истомишься плыть до них. Бойко и прибыльно торгуют тут суда из Зайтона и Кинсая [Цюаньчжоу и Ханчжоу]; целый год идут они сюда, выходят зимою, возвращаются летом»[2].

Поло был не первым путешественником, поведавшим европейцам об Южном море. Уже армянский канцлер Смбпат в своем письме от 1248 г. (см. гл. 120) сообщал:

---

[1] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 173.
[2] Там же, стр. 173.

«Царство Катай — самое большое государство на свете; оно изобилует людьми и несметными богатствами и лежит на берегу моря. В море так много островов, что никто не знает их числа и никто не может похвалиться также, что все их видел»[1].

С некоторыми из этих островов, лежащих в «Восточном океане», особенно с Явой и Суматрой, Поло смог подробно ознакомиться на обратном пути. Однако о прочих Зондских островах он едва ли что-нибудь знает. Кругозор арабов в этом отношении был, несомненно, значительно шире (см. т. II, гл. 113). Современник Марко Поло, Казвини (ум. 1283 г.), знал еще и об островах, лежащих гораздо восточнее тех, с которыми ознакомился венецианец. Как мы уже говорили, Казвини, а за 300 лет до этого его единоверец Масуди уже знали о каком-то сумчатом животном[2]. Кроме того, до Казвини дошел уже слух об островах, на которых произрастали мускатный орех и гвоздика[3]. Между тем до венецианца эти чрезвычайно важные сведения не дошли. Насколько непогрешимыми считались во времена Марко Поло все географические сведения Птолемея, можно судить по следующему замечанию Поло, которое далает честь его логике, но одновременно свидетельствует о том, что люди того века были неспособны критически подходить к источникам. Поскольку размеры Цейлона у Птолемея весьма сильно преувеличены, Поло делает вывод, что с тех пор, как жил этот географ, $^2/_3$ территории острова были смыты морем. Здесь Поло допускает такую же ошибку, как и Лаппенберг, утверждавший в 1830 г., что остров Гельголанд за 1000 лет, видимо, уменьшился на $^1/_7$. Оба эти утверждения совершенно неосновательны.

С культурно-исторической и географической точек зрения большой интерес представляет гл. CCXVI книги Марко Поло, в которой автор рассказывает обо всем, что он разузнал в Китае относительно самых северных областей Азии. К тому же эти сведения исключительно надежны, что можно доказать их сопоставлением с другими источниками того же века. Из сообщений Марко Поло можно сделать еще один поразительный вывод: географический кругозор китайцев его времени простирался, видимо, до побережья Ледовитого океана. Следующая цитата из книги Поло вряд ли допускает сомнения по этому поводу: «У них большие медведи, все белые и длиною в двадцать пядей. Есть тут лисицы, совсем черные и большие, и дикие ослы...»[4]

Но белые медведи в Северной Азии встречаются только на побережье Северного Ледовитого океана, а «черные лисы» — лишь на крайнем севере Сибири. Отсюда следует, что во времена Поло купцы доставляли в Китай меха с побережья Северного Ледовитого океана. Ведь согласно китайским

---

[1] «Haithoni Armeni ordinis praemonstratensis de Tartaris liber». См. «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, t. 419. См. также H. J u l e, op. cit., p. 258 (и след.).

[2] См. «Неведомые земли», т. II, стр. 420.

[3] J. G i l d e m e i s t e r, Scriptorum Arabum de rebus Indicis loci, Bonn, 1838, p. 201. См. R. H e n n i g, Wahrscheinliche Kenntnis der Molukken im Artertum und Mittelalter, «Forschungen und Fortschritte», 1949, S. 175 (и след.).

[4] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 225.

летописям, империя Хубилая простиралась «от моря, покрытого льдом, до Малаккского пролива»[1].

В Азии, как и в Европе (см. т. I, гл. 10, и т. II, гл. 98), торговля ценными мехами велась во все времена, и имеются доказательства того, что китайцы знали о странах, находившихся почти на побережье Северного Ледовитого океана, еще во времена династии Вэй (398—524)[2]. Страленберг в XVIII в. подтвердил, что постоянная торговля шкурками белых песцов велась на огромной территории от самых северных областей на Енисее до Персии, Турции и других теплых стран[3]. Норденшельд в связи с сообщением Поло высказывает предположение, что, вероятно, «уже около 1200 г. самая северная часть Азии была населена или по крайней мере посещалась охотниками»[4].

В третьей части своей книги Поло сообщает о многих других, мало известных тогда областях земного шара, с которыми он сам не ознакомился. Особого внимания заслуживает упоминание им «острова Мадейгаскар», под которым мы должны, видимо, подразумевать Мадагаскар. Насколько известно автору, это первое упоминание о Мадагаскаре, встречающееся в средневековой европейской литературе. Сведения Поло об этом острове, заимствованные, видимо, из трудов арабских авторов, разумеется, не безупречны. Возможно, они относятся к побережью Африканского материка, в частности к местности около Могадишо. Сообщение Марко Поло, что жители острова — мусульмане и что там водятся слоны, никак не подходит к Мадагаскару. Согласно Поло, родина гигантской птицы «Рох», известной нам по сказкам «1001 ночи»,— остров «Мадейгаскар». Венецианец дает также фантастическое описание птицы «Рох». Судя по этому, источник, из которого он черпал свои сведения, видимо, был довольно сомнительным. Отсюда вопрос о том, был ли Поло действительно первым христианином, упомянувшим о Мадагаскаре, остается открытым.

Царство Кесмукоран[5] долгое время представляло собой еще одну географическую загадку в книге Поло, которую, кажется, разрешил Шавиньон в своем новом издании. Шавиньон считает, что Поло имел в виду провинцию Мекран, называвшуюся на Востоке Кедж-Мекран[6]. В этом названии, которое уже было известно Ибн-Баттуте, слилось наименование провинции и главного города. Превращение названия Кедж-Мекран в Кесмакоран не вызывает удивления, если мы вспомним, как передавались старинные наименования иностранцами.

---

[1] Mohamed Sulaiman Ying Kwang Yu, Der Islam in China, «Moslemische Revue», Berlin-Wilmersdorf, 1937, S. 8 (апрельский выпуск).

[2] F. Richthofen, op. cit., B. I, S. 538.

[3] J. P. Strahlenberg, Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, S. 355.

[4] A. E. Nordenskjöld, Die Umseglung Asiens und Europas auf der Vega, Leipzig, 1882, B. I, S. 126. [См. также Норденшельд, Плавание на «Веге», М.—Л., 1936.— *Ред.*]

[5] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 199—200.

[6] «Le livre de Marco Polo», ed. Chavignon, Peking, 1928, l. III, p. 226.

В связи с Кесмакораном Поло упоминает о двух островах, лежащих в океане приблизительно в 50 милях к югу. Один из них якобы населен только мужчинами, а другой — только женщинами. Видимо, их можно отождествить с более мелкими островами вблизи мыса Гвардафуй, возможно с островами Абд-эль-Кури[1]. Острова эти действительно существовали, так как о них сообщают многие другие авторы, как христиане, так и магометане.

Поскольку в книге Поло, несомненно, рассказывается о многих странах, которые он знал только с чужих слов, не побывав там сам, Штрейхер недавно высказал догадку[2] весьма неудачную, по мнению автора этих строк. Все путешествие Поло по Китаю Штрейхер объявляет «мифом». Марко Поло будто бы составил лишь «татарский средневековый бедекер» [путеводитель] по расспросным данным и только Рустичано из Пизы придумал историю о посещении Индии и Китая семьей Поло. Эта странная гипотеза правильно игнорируется исследователями и абсолютно неприемлема. Достоверность путешествий Поло доказана слишком большим количеством фактов и не вызывает никаких сомнений. Многочисленные детали описания не могли быть заимствованы из чужих рассказов, путешественник должен был видеть их лично.

Описание путешествия по Китаю, сделанное Поло, несколько позднее было хорошо дополнено другими западными путешественниками — Одорико, Монтекорвино, Ибн-Баттутой и др. Однако никто из современных Поло писателей не может сравниться с ним ни по широте географического кругозора, ни по надежности, ни по высокому интеллекту. Ученые нашего поколения имеют полное основание благодарить судьбу за то, что около 1260 г. разразилась война между двумя монгольскими правителями, двоюродными братьями Бараком и Хулагу. Именно эта война вынудила Никколо и Маффео против их воли поехать в глубь Азии.

Большой дом семьи Поло и сейчас еще показывают иностранцам, приезжающим в Венецию. Хотя Марко Поло совершил далеко не такие большие путешествия, как его отец и дядя, «господин Миллион» стал самым выдающимся из всех христианских путешественников средневековья благодаря его чудесной книге, которую по праву можно считать шедевром христианской средневековой географии[3].

Несмотря на недоверие к книге Поло, она привлекла к себе значительное внимание еще при жизни автора. Это доказывается тем, что уже в 1320 г. Франческо Пипино из Болоньи перевел ее на латынь. В 1485 г. этот перевод был напечатан в Антверпене.

---

[1] R. Hennig, Wo lag das Paradies? Kap. «Die Amazonen-Sage», Berlin - Tempelhof, 1950, S. 89—91. [Другие комментаторы относят Мужской и Женский острова Марко Поло к группе Курия-Мурия, расположенной у юго-восточного берега Аравийского полуострова. См. «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 332. — *Ред.*]

[2] Доклад Штрейхера в Обществе испытателей природы во Фрибуре (Швейцария). См. «Société Fribourgeoise des sciences naturelles», Procès verbal, séance du 11me mai 1939, p. 1.

[3] Новое французское, довольно хорошее издание Поло выпущено Шавиньоном в Пекине в 1928 г., а новое английское издание А. С. Моула и П. Пеллио вышло в свет в Лондоне в 1938 г.

Нельзя закончить эту главу, не подчеркнув неизмеримого значения книги Марко Поло для великого подвига Колумба. Раньше ученые сомневались в том, что Колумб мог что-либо знать о венецианском путешественнике, поскольку при важнейших переговорах и в документах он никогда не ссылался на Поло. Однако это возражение неубедительно. Все, что знал Колумб об империи великого хана и о Чипингу, почерпнуто, очевидно, из книги Марко Поло, пусть даже косвенно. Впрочем, Колумб и сам был знаком с трудом венецианца, как это видно из его письма с Гаити от 1498 г., адресованного королевской чете, в котором он цитирует Поло[1]. В основательном знакомстве Колумба с этим крупнейшим географическим трудом средневековья, пожалуй, нельзя сомневаться, так как он заимствовал те названия, которые Поло дает странам и городам Восточной Азии.

Как исследователя Поло по значению можно сравнить с Колумбом. И к нему следует также отнести восторженные слова Вольтера, сказанные о Колумбе, что он «a doublé les œvres de la création» [он повторил акт творения][2].

По сообщению Форстера, монахи, сопровождавшие Поло при втором путешествии, были напуганы вторжением халифа в Армению, и это побудило их вернуться вопреки данному им поручению[3].

Вызывает, однако, недоумение, что имя Поло почти не упоминается в китайских источниках (см.стр. 104), хотя он утверждает, что был императорским чиновником. Ольшки недавно посвятил этому вопросу обстоятельное исследование[4].

---

[1] Bartolomé de las Casas, Historia de las Indias, Madrid, 1875—1876, t. I, cap. 149.

[2] Хеннинг, несомненно, слишком увлекается, ставя Марко Поло в один ряд с Колумбом. — *Прим. ред.*

[3] J. G. Forster, Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrt im Norden, Frankfurt a. O, 1784, S. 156.

[4] L. Olschki, Poh-lo; une question d'onomatologie chinoise, «Orient», 1950, t. 3, p. 183 (и след.).

ГЛАВА 127

ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЕЦ НА НИГЕРЕ?[1]

(около 1280 г.)

Кардинал разделил мир на двенадцать провинций и в каждую из них послал уполномоченного, чтобы ознакомиться с их состоянием. Случилось, что один посланец по пути на юг встретил караван в 6000 верблюдов, нагруженных солью, шедший от города под названием Табельберт [Сигильмесса в Тафилельте?][2] в страну, где берет свое начало река Дамьетта [Нил]. В той стране спрос был так велик, что он видел, как все тюки с солью были распроданы в две недели. Все тамошние жители — черные идолопоклонники, веселые и живые, но строгие судьи: ложь карается там смертью. Все имущество у них общее.

Там посередине озера находится остров, а на острове — дракон, которому местные жители приносили жертвы и молились, как богу. Посланец объезжал страны, изучал местные обычаи и расспрашивал о плотности населения, и местные жители дивились, глядя на него, так как он был белым и христианином, а в этой стране с незапамятных времен еще не было ни одного христианина. Посланец сообщил все, что ему рассказывали, и еще многое другое через сопровождавшего его писца, а также в письмах к кардиналу, пославшему его сюда. Кардинал переслал письмо папе и его теологам. Велика была их печаль, когда они услышали, что люди поклонялись дракону, как божеству, и они совещались о том, как рассеять заблуждения, в которых погряз тот народ.

...Это произошло в странах Юга, в местности, лежащей среди пустыни у города под названием Гана [Гао]. Там много языческих вождей и князей, которые поклоняются солнцу, звездам, птицам

---

[1] Эта глава, взятая из первого издания «Неведомых земель» (1938 г.), опирается в основном на толкование Ронсьера. Позднее Цехлин возразил, что сочинение Луллия — это лишь «пропагандистский роман, в котором все события выдуманы». См. E. Zechlin, Maritime Weltgeschichte, Hamburg, 1947, S. 474 (примечание 51). В таком случае «Бланкерну» Луллия можно считать своего рода «Книгой познания» XIV в. (см. гл. 144). Впрочем, Луллий в своем рассказе использовал сообщения арабов, как добавляет сам Цехлин. Где граница между правдой и вымыслом, вряд ли можно установить. Все же следовало бы добавить, что источник ненадежен и путешествие на Нигер нельзя считать достоверным фактом.

[2] Тафилельт (Тафилалет) — группа оазисов на юго-востоке Марокко, на сахарском склоне Высокого Атласа, в бассейне Уэд-Зиз.—*Прим. ред.*

и зверям. Жители этой страны многочисленны и высоки ростом. Они черные и не придерживаются никакого закона[1].

С усилившимся стремлением римской церкви к миссионерской деятельности (см. гл. 120 и 125) связано, видимо, и заслуживающее внимания путешествие, о котором нам сообщает Раймунд Луллий. Этот оригинальный каталонский ученый и мистик XIII—XIV вв. родился в Пальме на Мальорке в 1236 г. В своем труде, написанном около 1283 г., Луллий сообщает о деятельности какого-то человека, не называя его по имени и не указывая профессии. Этот неизвестный исследователь предпринял разведывательное путешествие в глубь тропической Африки по поручению кардинала, у которого он находился на службе. По всей вероятности, это был первый европеец, проникший в страны на Нигере.

Как мы уже отмечали в другом месте (см. т. I, гл. 18), некогда широко распространенная гипотеза, согласно которой народам классической древности была уже известна эта гигантская река, не выдерживает критики. Только в позднем средневековье Нигер попал в поле зрения европейцев, причем ознакомление с этой рекой протекало очень медленно (см. гл. 156 и т. IV, гл. 172, 180). Раньше других с ней познакомились мусульмане. В своем победоносном шествии по Северной Африке они примерно с XI в.[2] вошли в соприкосновение со странами западного Судана в бассейне Нигера, Сенегалом и Гамбией. И так как европейцы долго знали только о верхнем отрезке Нигера, который течет на восток, то они считали эту реку верховьем египетского Нила. Ведь об этой реке еще с древних времен шла молва, будто она пересекает Африку, начинаясь на западе (см. т. I, гл. 17)[3]. «Негритянский Нил» вызывал величайший интерес у арабов. Между бассейном этой реки и Египтом рано развилось оживленное караванное сообщение. Паломничества в Мекку, предпринимавшиеся приверженцами ислама, жившими на Нигере, способствовали поддержанию постоянного сообщения через Сахару на всем ее протяжении (см. гл. 132).

Европейцы-христиане долгое время ничего не знали об этих связях, так как у них были веские причины опасаться более близкого знакомства с мусульманами Северной Африки. Но позднее, со второй половины XIII в., стремление к проповеди христианства среди возможно большего числа язычников привело к засылке отдельных глашатаев этого вероучения в цитадели ислама. Правда, при этом миссионеры неизменно извлекали один и тот же урок: как раз в мусульманских странах вплоть до наших дней проповедь христианства обычно остается безрезультатной. Благочестивый мусульманин

---

[1] Raimundus Lullus (Ramón Lull), Blanquerna, Mallorca, 1914, cap. 88, 91.

[2] «Enzyklopädie des Islam», B. IV, S. 536.

[3] См. Plin, N. H. V, 51. «Насколько Юба смог исследовать его происхождение, Нил имеет исток в горах нижней Мавритании, недалеко от заболоченного озера, называемого Нилида. Замечено, что вода в Ниле прибывает тогда, когда в Мавритании выпадает снег или дождь».

при всех обстоятельствах остается верен своей религии, монотеистический характер которой выдержан несравненно строже, чем в христианском мистическом и непонятном учении о тройственном единстве.

Так как путешествие, о котором сообщает Раймунд Луллий, было предпринято по инициативе кардинала, то вполне вероятно, что посланец, достигший Нигера, был монахом—доминиканцем или францисканцем. Если этот посланец воздержался от миссионерской деятельности, раздражавшей фанатиков мусульман, то при такой безобидности он мог избежать неприятностей в странах ислама. Ведь в мусульманской Северной Африке всегда было очень много рабов-христиан. Обычно им разрешалось отправлять их религиозные обряды, так как в Марокко, Тунисе и других африканских странах мусульмане отличались большей веротерпимостью, чем в Сирии и Египте, куда главным образом устремлялись крестоносцы[1]. Однако любая попытка проповедовать христианство встречала здесь решительный отпор. Рано начала развиваться и торговля между христианскими странами и мусульманскими государствами Северо-Западной Африки: в 1134 г. государь Марокко заключил торговый договор с Пизой, а в 1160 г. — с Флоренцией[2].

К сожалению, донесение о приключениях и исследовании, отправленное посланцем на родину и позднее доставленное папе, пропало. Написанное в своеобразном церковном стиле, оно, несомненно, открывало взору европейцев такой же чуждый и заманчивый мир, как книга Марко Поло.

Как раз примерно к 1300 г. торговля главного города бассейна Нигера — легендарного Тимбукту — достигла высшего расцвета[3]. Если первый европеец, добравшийся до Нигера, и не попал в Тимбукту, то он все же, несомненно, слышал об этом «Багдаде Черного континента» и своим рассказом мог пробудить в странах Южной Европы стремление к торговле с этим важным узлом путей сообщения. Посещение европейскими купцами Сигильмессы, где скрещивались караванные пути, было через несколько десятилетий подтверждено картой мира Джованни ди Кариньяно, составленной около 1314 г. В легенде к своей карте Джованни пишет:

«Я узнал все это от одного достойного доверия генуэзского купца, который жил в Сигильмессе и вел с ними торговлю»[4].

На Каталонской карте мира от 1375 г. Тимбукту показан под названием Тенбук. Нигде не сообщается о том, когда же проник туда первый европеец. Пешель упоминает об одном итальянце, который в XIV в. попал в Тимбукту из Туниса[5]. Но вполне возможно, что какой-нибудь удачливый христианский купец мог побывать там еще в XIII в. Сам Луллий в последние годы своей

---

[1] O. P e s c h e l, Die mittelalterlichen Missionen in Afrika, «Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde», Leipzig, 1877, B. I, S. 167 (и след.).

[2] O. P e s c h e l, op. cit., S. 167 (и след.). [О Пешеле см. стр. 371, примечание 2.]

[3] O. L e n z, Timbuktu, Leipzig, 1884, B. II; S. 162.

[4] C. R. B e a z l e y, The Dawn of modern geography, London, 1906, v. III, p. 518 (и след.).

[5] O. P e s c h e l, S. R u g e, Geschichte der Entdeckungen, München, 1878, S. 190.

жизни неоднократно посещал Северную Африку и пытался проповедовать там христианство среди мусульман, разумеется безуспешно. Когда Луллий отправился в Африку в третий раз, его миссионерская деятельность закончилась трагической гибелью. Проповедника забросали камнями, и он скончался 30 сентября 1315 г. в Бужи (Берберия) в возрасте 79 лет[1]. В этой связи некоторые исследователи высказывали предположение, что посланцем кардинала, достигшим Нигера, был не кто иной, как сам Луллий. Однако это предположение несостоятельно. Деятельность Луллия в Северной Африке не могла начаться ранее 1292 г., между тем как его книга «Бланкерна», в которой упоминается о путешествии на Нигер, была написана еще в 1283 г. Поэтому Ла-Ронсьер абсолютно прав, когда утверждает: «Нет ничего более нелепого, чем предположение, что Луллий был этим путешественником»[2].

К тому же Репарас дал довольно подробный обзор жизни Раймунда Луллия с 1263 по 1315 г.[3] На его более раннее путешествие в Африку (за исключением Египта) там нет и намека.

Очень жаль, что Луллий ограничился столь скудными записями.

Автор этих строк со своей стороны считает довольно правдоподобным, что это гипотетическое путешествие на Нигер было также следствием указания, данного папой Жану де Версей, о посылке миссионеров к язычникам неевропейских стран, «ко всем варварским народам» на восток и юг (см. гл. 125). Если это предположение соответствует действительности, то можно высказать, правда *весьма* шаткую, догадку, что даже на Нигер отправили монаха-доминиканца. В этом случае путешествие должно было состояться около 1270 г.

Как бы то ни было, но мирные сношения между мусульманскими странами Северной Африки и христианской Европой были гораздо оживленнее, чем полагает большинство исследователей[4].

---

[1] J. Hergenröther, Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte, Freiburg, 1879, B. I, S. 917.

[2] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Caire, 1929, t. I, p. 112.

[3] G. de Reparaz (fill), Catalunya a les mars, Barcelona, 1930, p.170 (и след.), 217.

[4] M. Latrie, Relations et commerce de l'Afrique septentrionale avec les nations chrétiennes an Moyen-âge, Paris, 1886.

ГЛАВА 128

ЦЕЙЛОНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЕГИПТЕ

(1283 г.)

В год хиджры 682 (1283 г.) при египетском дворе видели посольство государя Цейлона, царя Индии. Посол назвался Хадж Абу Османом, и его сопровождали многие особы. По их сообщению, на корабль они сели на Цейлоне и, покинув остров, сошли на берег в гавани Ормуз, где пробыли 10 дней...

Когда посол был допущен к султану, он вручил ему послание, которое, как он заверил, было собственноручно написано его господином. Оно было заключено в золотой футляр... Так как нельзя было найти никого, кто сумел бы прочитать письмена этого послания, посол разъяснил его содержание. Оно состояло из следующих строк:

«Цейлон — это Египет, а Египет — это Цейлон. Я желал бы, чтобы египетский посол сопровождал моего посланника при возвращении и чтобы послали еще кого-нибудь для проживания в городе Аден. Я обладаю несметным количеством жемчужин и разных драгоценных камней. У меня есть корабли, слоны, муслин и изделия из дерева бакам[1], а также корица[2] и другие товары, которые доставляют вам индийские купцы. В моем царстве произрастают деревья, древесина которых пригодна для изготовления копий. Если бы султан потребовал от меня 20 кораблей, то я смог бы их доставить. Кроме того, купцы из его государства могут совершенно свободно вести торговлю в моем царстве. Я принял посла от правителя Йемена, который прибыл от своего господина, чтобы сделать мне предложения о союзе. Однако из уважения к султану я отослал его прочь. Я владею 27 замками, сокровищницы которых наполнены различными драгоценными камнями. Добыча жемчуга составляет часть моих доходов, и вся она принадлежит мне».

---

[1] Красное дерево, называемое обычно бразильским.

[2] Самым ранним упоминанием о цейлонской корице считалось сообщение Ибн-Баттуты. См. Ibn-Battuta, Tufnat al-Nussar fi Chare-ib al-Amsar wa Adra-ib al-Afsar, ed. Defremery, Sanguinetti, Paris, 1853. IV, p. 166 (и след.). Это предположение надо пересмотреть, так как приведенный выше первоисточник появился на 60 лет раньше.

Султан принял посла с большим почетом и отпустил после того, как вручил ему письмо для его господина[1].

Многие средневековые арабские писатели, в частности Ибн-Баттута, живо и образно описали торговые и культурные связи между мусульманским миром и Индией (Цейлоном). Сообщение придворного летописца египетского султана Калауна (1278—1290)[2] о прибытии цейлонского посольства в Каир подтверждает, что иногда, хотя, видимо, и редко, поддерживались дипломатические связи между мусульманскими и индийскими правителями.

Если даже прибытие посла имело небольшое значение, все же приведенный выше своеобразный документ достаточно интересен с культурно-исторической точки зрения, чтобы привлечь наше внимание. Тот факт, что никто не смог прочитать цейлонские письмена, доказывает, что речь идет о первом и, видимо, единственном случае общения между правителями Цейлона и Египта. Очевидно, царь Цейлона, как разъясняет Катрмер, хотел заключить с Египтом торговый договор. Однако, кажется, дело до этого не дошло.

---

[1] Сообщение придворного историографа султана Калауна. См. E. Q u a t r e m è r e, Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte, Paris, 1811, t. II, p. 284 (и след.).

[2] «Enzyklopädie des Islam», B. II, S. 733 (и след.).

ГЛАВА 129

В ЗАПАДНОМ ОКЕАНЕ УВИДЕЛИ НОВУЮ ЗЕМЛЮ

(1285 г.)

К 1285 г. (запись в рукописи, относящейся примерно к 1306 г.):
Была найдена земля на западе, против Исландии.

К тому же году (в позднейшей копии, относящейся примерно к 1360 г.):
Были найдены Дунейар (Дюнные острова).

К тому же году (в еще более позднем дополнении):
Хельгесоны Адальбранд и Торвальд нашли новую землю.

К тому же году в самой поздней копии:
Хельгесоны плавали к пустыням Гренландии[1].

Древние исландские летописи сообщают, что в 1285 г. некие мореплаватели увидели будто бы на западе новую землю, но, видимо, на нее не высаживались. В позднейших дополнениях указывается, что это открытие сделали два брата священника Адальбранд и Торвальд Хельгесоны, позднее сообщившие о нем норвежскому королю Эйрику VI (1286—1319). Король так заинтересовался этим сообщением, что в 1289 г. повелел некоему Ланда-Рольфу более подробно исследовать обнаруженную новую землю. Для этого Рольф в 1290 г. прибыл в Исландию, однако о разведывательном плавании на запад, которое он должен был совершить, ничего не сообщается; отказались ли от такого плавания по неизвестным нам причинам или оно все же состоялось, но осталось безрезультатным, — мы не знаем, так что рассуждать об этом не стоит. Хроника больше ни слова не сообщает об этом событии, кроме краткого известия, что уполномоченный королем на это плавание Рольф умер в 1295 г.

Как бы то ни было, открытие новой земли Адальбрандом и Торвальдом не дало никаких результатов. Нельзя сказать, о какой новой земле могла идти речь. Все земли, лежащие точно на запад от Исландии, с давних пор были известны норманнам, если до них можно было добраться в те времена. Трудно представить, чтобы, плывя в этом направлении, можно было сделать такое открытие, о котором стоило бы сообщать королю. Предположение Рафна, что речь шла о Ньюфаундленде[2], вряд ли правильно, так как этот остров был,

---

[1] «Islandske Annaler». См. G. S t o r m, Islandske Annaler indtil 1578 Christiania, 1888, S. 50, 70, 142, 196, 337, 383.

[2] C. C h r. R a f n, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 451.

несомненно, открыт 300 лет назад и, вероятно, уже часто посещался норманнами.

Еще не выяснено, какие именно «Дюнные острова» упомянуты в летописях. Нансен предполагает, что братья мореплаватели «высадились на берег у Ангмагсалика или дальше к югу на восточном побережье»[1] [Гренландии].

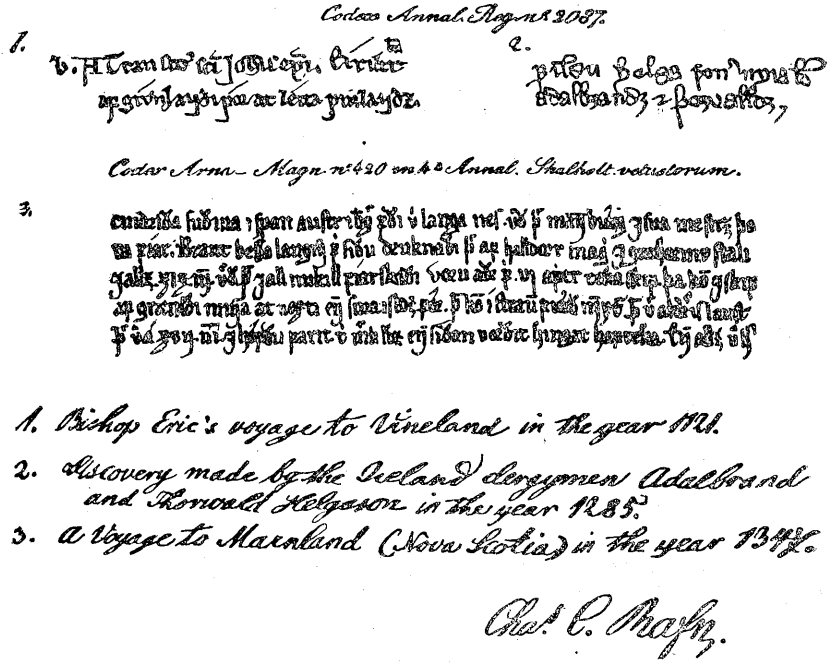

Рис. 5. Фотокопия хроники с записью от 1285 г.
См. J. Winsor, Natural and Critical history of America, Boston, 1889, v. I, p. 87.

Но и это предположение вызывает сильные сомнения. В записях вообще ничего не говорится о высадке, а упомянутые Нансеном участки побережья Гренландии были известны еще Эйрику Рыжему и к тому же точно описаны, например в «Королевском Зерцале» (ок. 1240 г.). По тем же причинам неосновательна и догадка Холанда, будто Адальбранд и Торвальд попали к берегам Лабрадора[2], что, впрочем, предполагал еще Маурер[3]. Сторм считал, что речь могла идти о центральной части восточной Гренландии[4], и действительно,

[1] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. I, S. 308.
[2] H. Holand, The Kensington Stone, Ephraim (Wisc.), 1932, p. 26 (и след.).
[3] K. Maurer, Grönland im Mittelalter, «2. Deutsche Nordpolarfahrt, 1869/70», Leipzig, 1874, B. I, S. 210.
[4] G. Storm, Om. det i 1285 fra Island fundne «Nye Land», «Historisk Tidsskrift», Christiania, 1888, 2. R. B. VI, S. 263 (и след.).

это толкование, пожалуй, ближе всего к истине, хотя и восточногренландские «пустыни» были тоже известны с давних пор (см. т. II, гл. 105 и 107). Но восточное побережье Гренландии отличается большой протяженностью и, кроме того, зачастую так малодоступно, что здесь, пожалуй, еще можно было открыть повую землю. К этому побережью больше всего подходит указание, что новая земля лежит «на западе, против Исландии».

Восточное побережье не было заселено и в экономическом отношении не представляло никакой ценности. Очевидно, не так уж редко потерпевшие кораблекрушение моряки попадали в холодное течение и достигали земли. Как правило, их подстерегала там смерть, что подтверждает трогательный рассказ о Лодине Могильщике и др.[1] Исландцы имели лишь весьма слабое представление о протяженности и местоположении противолежащей земли, так как над холодным течением обычно стоят туманы, скрывающие эти берега. Хотя о плавании по холодному течению до Шпицбергена могло быть известно с 1194 г. (см. т. II, гл. 115), вполне допустимо, что почти 100 лет спустя именно в этих водах при исключительно хорошей видимости была обнаружена новая земля. Ведь позднейшая из приведенных в начале главы записей в исландских летописях категорически, без каких-либо допускающих сомнение оговорок утверждает, что Хельгесоны плавали «к пустыням» (*obygdir* или *ubygder*) Гренландии. Поэтому отождествление найденной в 1285 г. «новой земли» с какой-либо частью восточной Гренландии имеет под собой гораздо больше оснований, чем другие толкования. Тогда, пожалуй, прав Сторм, считавший Адальбранда и Торвальда «предшественниками Норденшельда, так как они от Датского пролива достигли земли на восточном побережье»[2].

Можно было бы также предположить, что землей, лежащей против Исландии, был впервые тогда открытый остров Ян-Майен. Этот остров, несмотря на его значительные размеры, так часто окутан густыми туманами, что его только в 1611 г. обнаружил голландский мореплаватель, именем которого он и назван[3]. Однако если эту землю увидели норманны в 1285 г., то они неправильно описали ее как «Дюнный остров». Название «Дюнный остров» вообще не подходит ни к одной земле, которую пытались с ним идентифицировать.

---

[1] «Thule», B. 13.

[2] G. S t o r m, Studier over Vinlandsreiserne, Vinlands Geografi og Ethnografi, «Aarbog for Nordisk Oldkyndighed og Historie», København, 1888, S. 71 (и след.). [А. Э. Норденшельд исследовал Гренландию дважды — в 1870 и 1883 гг. В тексте идет речь о второй экспедиции. Летом 1883 г. Норденшельд поднялся с западного берега Гренландии на ледяной щит и проник в глубь острова более чем на 100 *км*. Возвращаясь в Европу, этот исследователь пробился на судне через льды, заполнявшие Датский пролив. Однако Норденшельд был далеко не первым «последователем» Адальбранда и Торвальда, так как с начала XVII в. восточный берег Гренландии посещался рядом экспедиций, как исследовательских, так и промысловых. См. Ф р. Г е л ь в а л ь д, В области вечного льда, СПБ, 1884, стр. 378—382, 504—513, 675—724. — *Ред.*]

[3] Голландец Ян Май в 1611 г. совершил лишь вторичное открытие того одинокого острова, который за четыре года до него, в 1607 г., обнаружил англичанин Генрих Гудзон. — *Прим. ред.*

Более простым, хотя и не совсем удовлетворительным, представляется предположение, будто новая земля, увиденная на западе, была лишь оптическим обманом, грядой низких облаков, которую в море довольно часто принимают на землю[1]. Возможно, мы здесь имеем дело с фата-морганой, порождающей гораздо более яркие иллюзии (см. гл. 147 и т. IV, гл. 189, 190). Мираж и в наши дни позволяет видеть далекие, обычно скрытые за горизонтом ландшафты в море или над ним[2].

Вся эта история остается неясной. Но так как она, несомненно, не представляет собой выдающегося события, то, если бы даже и удалось полностью в ней разобраться, на что едва ли можно надеяться, это не расширило бы научного кругозора.

---

[1] R. Cronau, Amerika, Leipzig, 1892, S. 190; S. G. Morison, Admiral des Weltmeeres, Bremen-Horn, 1948, S. 59.

[2] «Kieler Neueste Nachrichten», 21. Juni 1936; «Husumer Nachrichten», 18, 19, 22. September 1939; A. Busch, Rungholt-Luftspiegelungen, «Nordelbingien», 1937, B. 13, S. 38 (и след.); 1940, B. 16, S. 325 (и след.).

ГЛАВА 130

ПОПЫТКА БРАТЬЕВ ВИВАЛЬДИ ОТКРЫТЬ МОРСКОЙ ПУТЬ В ИНДИЮ

(1291 г.)

В тот самый год Тедизио Дориа, Уголино Вивальди и его брат с некоторыми другими гражданами Генуи начали готовиться к путешествию, которое прежде никто другой не пытался предпринять. И они наилучшим образом снабдили две галеры съестными припасами, питьевой водой и другими необходимыми вещами, которые были в них размещены, и в мае направили их в Сеуту, чтобы плыть через океан в индийские страны и купить там прибыльные товары. Среди них находились два упомянутых брата Вивальди, а также два еще юных монаха. Это удивляло не только очевидцев, но и тех, кто об этом слышал. После того как они обогнули мыс, называемый Годзора [Джуби], о них не слышали больше ничего достоверного. Да сохранит их Господь и приведет их на родину здоровыми и невредимыми[1].

* * *

Поэтому генуэзцы незадолго до того времени снарядили две галеры, которые были снабжены всем необходимым, и прошли через Геркулесовы Столбы, находящиеся на самом краю Испании. Но что с ними произошло, остается неизвестным даже теперь, спустя 30 лет после события[2].

* * *

В лето 1281 г.[3] из города Генуи вышли две галеры под командованием Вадина и Гвидо Вивальди, которые хотели плыть на

---

[1] «Jacobi Aurie Annales ad annum 1291», «Monumenta Germaniae historica», ed. G. Pertz, SS XVIII, p. 335.

[2] Petrus Abano, Conciliator differentiarum, differentia 67 (составлено между 1303 и 1316 гг.). См. G. H. Pertz, Der älteste Versuch zur Entdeckung des Seewegs nach Ostindien i. J. 1291, Berlin, 1859, S. 4. Цифра 30 неправильна. Авезак предполагает, что вместо 30 должно стоять 13. См. «Afrique», Paris, 1848, p. 17. В этом случае рукопись Абано закончена в 1304 г.

[3] Alberto Magnaghi, Precursori di Colombo?, Roma, 1935. p. 24 (и след.). Маньяги, приводя отрывок из сборника Греберга, изменил дату с 1281 на 1290 г.

Восток и в индийские страны. Эти две галеры прошли большое расстояние. Однажды они очутились в этом море Гиноя (Гвинея). Одна галера села на мель, так что нельзя было ни снять ее, ни продолжать плавание, но другая поплыла дальше и прошла через то море[1], пока не попала в эфиопское государство Мена. Они [моряки] были взяты в плен и задержаны правителями названного государства, жители которого — христиане, подвластные уже упомянутому священнику Иоанну из Эфиопии. Само государство лежит у моря близ реки Сион. Названные мужи были там задержаны, и ни один из них уж никогда не вернулся из тех стран, чтобы сообщить о случившемся... От места, где они находились, до границ царства священника Иоанна не насчитывают и 300 часов пути. Если бы я мог дольше там оставаться, увидел бы главный город царя Мелли [Мали], находившийся в шести днях пути от нас... Здесь я нашел соотечественника, по моему мнению потомка моряка с тех галер, которые пропали 170 лет назад. Он мне сказал, и писец это подтвердил, что, кроме него самого, из потомства никто не остался... Если бы я плыл дальше еще один день, я потерял бы из виду Полярную звезду[2].

* * *

Хотя свидетельствами частных лиц подтверждается, что будет показано ниже, каким деятельным во все времена был ум наших соотечественников, все же и мы не должны обходить это молчанием. В этом году Тедизио Ауриа и Уголино Вивальди на двух оснащенных на их собственные средства и поставленных под их команду трехъярусных галерах с большой отвагой и постигнув умом, сколь необычное дело им предстояло совершить, решили открыть неизвестный до того времени морской путь в Индию. Они прошли через Геркулесов пролив в западном направлении. Какая судьба постигла этих мужей и каким был исход их вёликих намерений, об этом слух никогда до нас не доходил[3].

* * *

Я, Сорлеоне Вивальди, сын Уголино, подтверждаю Вам, Гвидото Нигро, Гуйельмо Додо и Пастоно Нигро от имени Филипона Нигро... что я имел от Вас и получил... 30 генуэзских фунтов, которые я тотчас же после оставления порта Генуи должен доста-

---

[1] В оригинале стоит *ad Marmam*. Вероятно, нужно читать *ad Marinam*. См. G. P e r t z, op. cit., p. 6.

[2] Письмо Антонио Узодимаре от 12 декабря 1455 г. См. G r å b e r g, Annali di geographia e di statistica, Génova, 1802, t. II, p. 286; t. VI, p. 170.

[3] U b e r t o F o l i e t a, Historia Genuensium, Génova, 1585, lib. XII, p. 110.

вить в Сицилию... Я свидетельствую, что мне более 17 лет, и клянусь на Святом Евангелии, прикладываясь к священному писанию, что хочу исполнить вышеупомянутое [поручение][1]...

Причудливой игрой случая представляется нам тот факт, что как раз в мае 1291 г., когда потеря последнего опорного пункта христиан — Сен-Жан-д'Акра (Акка, Птолемаида) — положила бесславный конец крестовым походам, была сделана первая попытка обойти преграду, воздвигнутую исламом торговле христианских стран с Индией. В это время была поставлена задача отыскать прямой морской путь в Индию, разрешить которую удалось только Васко да Гаме спустя два столетия. И все же между двумя событиями, случившимися в 1291 г., есть глубокая связь. Пока в Багдаде сидели арабы, которые, как известно, были весьма предприимчивыми купцами, имелась, хотя и ограниченная, возможность торговых сношений со странами Индийского океана через Египет. Восточные товары, пользовавшиеся большим спросом, особенно пряности, находили все новые пути к итальянским портам, а через них—в другие страны Европы. Однако после завоевания Багдада монголами 10 февраля 1258 г. пал и халифат в Месопотамии. При монголах, не обладавших купеческой жилкой, слабые связи с Индией совсем заглохли. Вот почему потеря Сен-Жан-д'Акра в Палестине (18 мая 1291 г.) была воспринята как полное прекращение торговли с Индией и возникла мысль, нельзя ли попасть в эту страну другим, до сих пор неизвестным путем. Мы не можем доказать, что экспедиция, снаряженная в Генуе в 1291 г. для достижения Индии по морю, действительно была послана, исходя из этих соображений. Но вероятность такой связи событий велика.

К сожалению, завеса тайны по-прежнему окутывает экспедицию двух генуэзцев — братьев Вивальди, которые в то время сделали попытку добраться до Индии на корабле, обогнув Африку с юга. Правда, источники того времени рассказывают нам, что корабли вышли в море и даже достигли мыса Джуби в Марокко. Вероятно, кто-то видел там генуэзские корабли. Но о дальнейшей судьбе отважных мореплавателей никто достоверно ничего не узнал: участники экспедиции пропали бесследно, и все более поздние попытки выяснить, что же с ними случилось, не привели к положительным результатам. Возможно, хотя почти невероятно, что оба корабля достигли своей цели — Индии. Гораздо правдоподобнее, что моряки погибли еще где-то на западном побережье Африки — то ли во время кораблекрушения, то ли в плену, то ли от болезней или других причин.

С тех пор прошло более 600 лет, в течение которых не было недостатка в попытках выяснить судьбу экспедиции Вивальди. В 1315 г. Сорлеоне Вивальди, сын пропавшего без вести Уголино, принял весьма энергичные меры для выяснения судьбы своего отца. Как ни странно, он поехал не в Западную, а в Восточную Африку и добрался до Могадишо. Какой-то Бенедетто Вивальди,

---

[1] Документ от 17 марта 1302 г. См. A. M a g n a g h i, Precursori di Colombo?, Roma, 1935, p. 53 (и след.).

которого, возможно, мы должны отождествлять с упомянутым выше Сорлеоне или который приходился ему братом, поехал даже в Индию в обществе некоего Перчивалле Станконе и умер там в 1321 г.[1] Видимо, и туда его влекла надежда узнать что-нибудь о пропавшем отце, но эта попытка тоже оказалась тщетной.

Почти через 150 лет итальянец Узодимаре, находясь на службе принца Генриха Мореплавателя, проник в 1455 г. к реке Гамбия. Он полагал, что напал там на след последнего потомка моряков — участников бесследно исчезнувшей экспедиции, и 12 декабря 1455 г. написал об этом подробный отчет своим кредиторам в Геную. Мы еще будем говорить об этом путешественнике (см. т. IV, гл. 179). Заметим кстати, что Шиллер в 5-й сцене III акта «Фиеско» при перечислении родов фамилии Узодимаре и Вивальди ставит рядом.

Сообщение Узодимаре, что ему якобы удалось найти потомка отправившихся с Вивальди моряков, представляется нам фантастичным и ненадежным. Впрочем, беспорядочное нагромождение воспоминаний о сказочной райской реке Гихон [Сион][2], о «царе-священнике Иоанне», в царство которого можно будто бы попасть с побережья Западной Африки менее чем через две недели, представление о том, что государство Гвинея находится недалеко от Эфиопии, где, как предполагали, царствует «священник Иоанн», — все это нельзя ставить в вину одному только Узодимаре. Эти представления отражали дух своего времени, ибо повсюду в Южной Европе к середине XV в. (см. т. IV, гл. 179—181, 192) они были распространены. Но лично Узодимаре несет ответственность за ничем не подкрепленное утверждение, будто итальянец, встреченный им на гвинейском побережье, был потомком моряков, пропавших без вести в 1291 г. Сообщения Антоньетто Узодимаре были, очевидно, плодом его фантазии и не представляют никакой ценности. Характерно, что он без малейших колебаний рассказывает всевозможные подробности о ходе экспедиции, хотя сам же сообщает, что ни один из ее участников не увидел снова родины. Узодимаре, очевидно, не смущает то обстоятельство, что через 165 лет после события такие подробности никак нельзя установить. Сообщения, переданные Гравье[3], а также Ла-Ронсьером[4], будто один корабль Вивальди погиб на мели [в море], а другой — в устье Сенегала, ненадежны, ибо они, видимо, основаны только на словах Узодимаре.

Более поздние исследователи придумали другие небылицы об экспедиции Вивальди, которые также не выдерживают критики.

Даже Норденшельд и тот высказал следующее совершенно необоснованное предположение, видимо на основе фантастических вымыслов Узодимаре:

---

[1] S. R u g e, Columbus, Berlin, 1902, S. 5.

[2] Гихон — одна из четырех рек, которые, согласно библейской традиции, вытекают из Эдема. — *Прим. ред.*

[3] G r a v i e r, Recherches sur les navigations européennes faites au moyen-âge aux côtes occidentales de l'Afrique, Paris, 1878, p. 9.

[4] C h. d e l a R o n c i è r e, Histoire de la marine française, Paris, 1901, t. II, p. 103.

«Один из этих кораблей, очевидно, дошел до Сенегала, где моряки были взяты в плен аборигенами и где их потомков обнаружил в середине XV в. спутник Кадамосто — Узодимаре»[1].

Норденшельд стал также жертвой еще одной сказки, придуманной Гаффарелем[2], который приписал экспедиции Вивальди вторичное открытие забытых с древности Канарских островов и, сверх того, считал вероятным, что те же мореплаватели открыли даже Азорские острова. Обоснована эта шаткая гипотеза довольно слабо. Так, Норденшельд, например, пишет:

«Названия некоторым островам Канарской группы, вероятно, были даны участниками этой экспедиции. В ее снаряжении принимал участие Тедизио Дориа. Две из его галер упомянуты в юридическом документе от 1291 г. под названиями «Святая Антония» и «Алегранса». Отсюда, вероятно, происходит название одного из Канарских островов — Алегранса. Видимо, в это время была основана генуэзская колония на Лансароте».

К этому предположению присоединились Кречмер[3] и позднее авторитетные итальянские ученые — Эррара из Болоньи[4] и Биньоне, директор Городской библиотеки в Генуе. Биньоне сообщил автору этих строк в своем письме от 18 сентября 1937 г.:

«*Forse occupò Marocello la sua isola al tempo appunto della spedizione genovese dei Vivaldi*». [Пожалуй, Марочелло захватил свой остров как раз во время генуэзской экспедиции Вивальди.]

Однако автор полагает, что эта гипотеза не выдерживает критики. Ведь остров Лансароте был вскоре после этого (в 1312 г.) заново открыт, но там не обнаружили никаких следов генуэзской колонии. Кроме того, название Алегранса носит вовсе не один из обитаемых Канарских островов, а лишь маленький скалистый островок севернее Лансароте (см. гл. 147) (правда, это название сохранилось до наших дней!). Тедизио Дориа, человек, покровительствовавший экспедиции, несомненно, имел «*galea, quae vocatur Allegrantia*» [галеру, которая называлась «Алегранса»]. Это доказано документом от 1 июня 1268 г.[5] Но неизвестно, действительно ли названная галера принимала участие в экспедиции Вивальди спустя 23 года после этого единственного упоминания о ней.

Вероятность этого довольно мала: во-первых, для столь опасного плавания выбрали бы, пожалуй, только судно, абсолютно пригодное для открытого моря, а не «старое корыто», и, во-вторых, доказано, что корабли Тедизио Дориа 26 марта 1291 г. отправились в плавание «в Романию», то есть в Византию, и, следовательно, в мае того же года не могли быть готовы к выходу на запад[6]. Но если даже допустить, что «Алегранса», принадлежавшая Дориа, в самом

---

[1] A. E. Nordenskjöld, Periplus, Stockholm, 1897, S. 114.

[2] P. Gaffarel, L'île des sept cités, «Actas del Congreso International de Americanistas», Madrid, 1881, t. I, p. 107 (и след.).

[3] K. Kretschmer, Die Entdeckung Amerikas, Berlin, 1892, S. 176.

[4] «Enciclopedia Italiana», Malocelli (статья).

[5] R. di Tucci, Studi sull'economia genovese del sec. XII, «La nave i contratti marittimi», Torino, 1933, p. 55.

[6] A. Magnaghi, op. cit., p. 98 (и след.).

деле участвовала в экспедиции Вивальди, то все же было бы странно, оказывая честь Тедизио Дориа, назвать вновь открытый остров не его именем, а по одному из его кораблей да еще дать это название не какому-либо из крупных, отдельно стоящих и богатых островов, а незначительной скале. Но если действительно все произошло так, как предполагает Норденшельд, то как же все-таки узнали на родине братьев Вивальди, что они назвали Алегрансой один из островов Канарской группы? Ведь Европа никогда больше не получала известий об экспедиции Вивальди! Предположим, что «Алегранса» участвовала в экспедиции и что название скале было дано по этой галере. Не кажется ли все-таки более правдоподобным, что такое название было присвоено только после окончательного открытия восточных островов Канарской группы в 1312 г., совершенного одним генуэзским кораблем Лансароте Малочелло, чтобы почтить память пропавших без вести участников экспедиции Вивальди? Но это также нельзя было бы рассматривать как доказательство того, что Вивальди достигли Канарских островов. Кроме того, следует учесть, что на карте каталонца Дульсерта, составленной в 1339 г., где впервые показаны новые Канарские острова, есть и Лансароте («*Insula de lanzarote marocelus*»), но нет Алегрансы. В связи с этим, пожалуй, отпадают все гипотезы, согласно которым мореплаватели 1291 г. открыли Канарскую группу. Еще более фантастическим представляется утверждение, что они якобы обнаружили Азорские острова, лежащие в стороне от намеченного пути.

Ранние итальянские исследователи откровенно признавали, что об экспедиции Вивальди ничего определенного сказать нельзя. Так, Фольета, написавший в 1585 г. историю Генуи, подчеркивает, что корабли, отправившиеся для разведки морского пути в Индию, прошли через Геркулесов пролив в западном направлении, «но каким был исход их великих намерений, об этом слух никогда до нас не доходил»[1]. В новое время, к сожалению, частенько рассуждают гораздо менее научно.

Вплоть до нашего столетия как раз итальянские ученые делают все новые попытки превратить экспедицию Вивальди в выдающийся подвиг первооткрывателей, чтобы создать своим соотечественникам преувеличенную историческую славу. Уже в 1860 г. Канале пытался доказать, что братья Вивальди совершили *два* плавания: в первом из них (1281 г.) они открыли Канарские и, сверх того, Азорские острова, во втором (1291 г.) обогнули с юга Африку и дошли до Эфиопии[2].

Эррара в 1902 г. высказал странное предположение, что братья Вивальди якобы предвосхитили даже подвиг Колумба и хотели достичь Индии, плывя на запад по Атлантическому океану[3]. Хотя еще Эратосфен и Страбон[4] считали, что нечто подобное теоретически вполне возможно, практические попытки совершить такое плавание были слишком чужды образу мышления людей XIII в., которые еще ничего не знали о путешествиях Поло и о «Катае».

---

[1] U. Folieta, Historia Genuensium, Roma, 1585, p. 110.
[2] H. G. Canale, Nuova istoria della republica di Génova, Firenze, 1860.
[3] C. Errara, L'Epoca delle grande scoperte geografiche, Milano, 1902, p. 178.
[4] Страбон, I, 4, 7.

Несмотря на это, Маньяги недавно согласился с гипотезой Эррары[1]. Однако другой итальянец — прекрасный знаток века открытий, Альмаджа, сообщил автору этих строк в частном письме от 28 августа 1937 г., что он *не согласен* с мнением своего коллеги Маньяги. Очевидно, Маньяги опирался на сообщение Фольеты (см. цитату в начале главы), что плавание Вивальди за Геркулесовы Столбы протекало «в западном направлении». Однако автор считает недопустимым такое весьма смелое и рискованное толкование этого сообщения. Ведь при *любом* плавании из Средиземного моря в африканские воды корабли действительно должны были первоначально идти на запад, так как мыс Джуби, близ которого в последний раз видели галеры Вивальди, находится на целых 7° западнее Гибралтара! Логично рассуждал, например, Тирабоски, когда в 1774 г. писал о западном курсе, с которого началась экспедиция Вивальди (*cursum in occidentem direxerunt*) [то есть взяли направление на запад][2], нисколько не желая этим сказать, что так будто бы была предвосхищена мысль Колумба о пересечении Атлантического океана в западном направлении. Автор считает недопустимым давать более широкое толкование сообщению Фольеты.

Мысль о возможности попасть в Индию, плывя в западном направлении, возникла, вероятно, благодаря популярной книге о фантастическом путешествии Джона Мандевиля (см. гл. 138), а более широкое распространение она получила после времен Генриха Мореплавателя, когда были заново открыты цветущие острова при все более дальних плаваниях по Западному океану. Несомненно, Пешель был прав, когда писал: «Проблема западного морского пути в Восточную Азию занимала одновременно многие умы»[3].

Но эти слова относятся только к последним трем-четырем десятилетиям XV в., ко времени, когда жили Тосканелли, Иероним Мюнцер, Колумб и Кабот, но ни в коем случае не к XIV в. и тем более не к XIII в. Ведь до возвращения Марко Поло на родину (1295 г.) в Европе почти ничего не знали о Восточной Азии. Поэтому, по мнению автора, совершенно исключается, что в 1291 г. у кого-либо уже могло возникнуть намерение плыть через Западный океан в Восточную Азию и «Индии».

Нужно еще добавить, что в это время представление о шарообразной форме Земли, которое могло породить подобное намерение, отвергалось церковью как еретическое. Только немногие просвещенные умы были знакомы с этой точкой зрения, и уже совсем немногие отваживались к ней присоединиться. Правда, среди них были такие выдающиеся люди, как Альберт Великий (XII в.) и Роджер Бэкон (XIII в.), которые хорошо знали классиков древней литературы, разделяли их мнение о шарообразности Земли и популяризировали его. Но как опасно было разделять такие взгля-

---

[1] A. Magnaghi, Precursori di Colombo? Il tentativo di viaggio transoceanico dei genovesi fratelli Vivaldi nel 1291, «Memoria della R. Società Geografica Italiana, 1935, t. XVIII.

[2] G. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, Modena. 1774, t. IV, p. 85.

[3] O. Peschel, Geschichte der Ersdkunde, Meersburg, 1930, S. 117 (примечание 5).

ды, живя в Италии, показывают примеры Пьетро из Абано и некоего Чекко Асколи, которых сожгли как еретиков — одного в 1316 г., другого в 1327 г., так как они утверждали, что Земля представляет собой шар[1]. Мог ли отважиться генуэзец на основе такого еретического представления соблазнить в 1291 г. целую команду на эксперимент плавания в Индию в западном направлении? Такая гипотеза недостойна дальнейшего обсуждения.

Каддео утверждал, что братьям Вивальди, вероятно, удалось по меньшей мере обогнуть Африку с юга. Свое предположение он обосновывает поразительно правильным изображением очертаний Африканского материка на ряде карт, составленных после 1300 г.[2] Такое правильное представление об очертаниях целого континента, разумеется, имеет большое значение, и на нем следует остановиться несколько подробней.

На так называемой карте Санудо Африка в общем изображена правильно, в виде треугольника. Для нас в данном случае не имеет значения, был ли составителем этой карты Санудо, как принято считать, или генуэзец Педро Висконти, которого Кречмер называет ее автором[3]. Карта (см. рис 6) была приложена к книге Санудо Тосселло «*Secreta fidelium crucis*» [«Тайны верных кресту»][4], главная идея которой заключалась в том, чтобы отнять у сарацин монополию на торговлю с Индией. Санудо был таким ревностным сторонником этой идеи, что Гумбольдт мог с полным правом утверждать: «Он проповедовал настоящий крестовый поход в интересах торговли»[5]. Как подробно изложил Бизли[6], Санудо начал писать свою книгу в марте 1306 г., а в январе 1307 г. она вчерне была уже закончена. Однако после этого автор основательно пересматривал и исправлял свой труд, который в окончательном варианте с приложенной картой был вручен папе Иоанну XXII только 24 сентября 1321 г. Санудо упорно настаивал на том, что можно попасть в Индию, обогнув Африку с юга. На основании этого теперь предполагают, что такое предвосхищение подвига Васко да Гамы почти на 200 лет, видимо, было связано с успешным плаванием Вивальди.

Отсюда, разумеется, напрашивался вывод, что правильное изображение Африки на карте Санудо тоже объясняется этой причиной.

Судить о причине, исходя из следствия, в данном случае неубедительно. Если бы Санудо с 1306 г. действительно мог пользоваться результатами удачного плавания Вивальди вокруг Африки, то для чего же Сорлеоне Вивальди понадобилось в 1315 г. поехать в Восточную Африку, чтобы разузнать там о местонахождении своих бесследно исчезнувших отца и дяди?

---

[1] K. Kretschmer, Die Entdeckung Amerikas, Berlin, 1892, S. 132 (примечание 4).

[2] R. Caddeo, Le navigazioni Atlantiche, Milano, 1929.

[3] K. Kretschmer, Marco Sanudo der Aeltere und die Karten des Pedro Vesconte, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1891, S. XXVI.

[4] Mario Sanudo, Liber secretorum fidelium crucis. См. Bongar, Gesta Dei per Francos, Hanau, 1611.

[5] A. Humboldt, Examen critique, Paris, 1836, t. I, p. 231, 333 (и след.).

[6] C. R. Beazley, The dawn of modern geography, Oxford, 1906, v. III, p. 310 (и след.). [О Бизли см. стр. 371, примечание 6.]

О том, что Африку можно обогнуть с юга, Санудо мог в крайнем случае узнать из трудов античных авторов — Геродота, Страбона, из «Перипла Эритрейского моря» и особенно из переданного Страбоном восходящего к Эратосфену сравнения формы Африки с хламидой[1], которое Гумбольдт считает «весьма метким»[2]. Но гораздо вероятнее, что в основу своего изображения Африки Санудо положил просто слова Гомера об Океане, опоясывающем Землю, и ничего более. Кроме того, в оригиналы средневековых карт позднее довольно часто вносились дополнения и исправления с учетом новых географических открытий. Поэтому многое говорит также за предположение Симара, считающего, что в оригинал карты Санудо позднее были вставлены добавления[3]. Принц Юсуф Камаль склоняется к такому же мнению, считая, что «известный нам экземпляр представляет собой только дополнение к карте Санудо»[4], и ставит в связи с этим вопрос, как же вскоре после 1300 г. «могли узнать картографы все эти мельчайшие детали о берегах Южной Африки».

Однако против внесения позднейших дополнений в карту Санудо говорит тот факт, что изображение всего побережья Западной Африки полностью отвечает уровню знаний, накопленных к 1320 г., и не носит никаких следов последующих исправлений. На карте еще нет ни Канарских островов, ни Мадейрской группы, но зато показан фантастический залив на юге Марокко («*Sinus Ethiopicus*»), в существовании которого тогда были убеждены. Тропическая Африка характеризуется как «*inhabitabilis propter calorem*» [«необитаемая из-за жары»]. Нет и намека на Гвинейский залив. Юг Африки на карте мало соответствует действительности и, очевидно, изображен произвольно. Сантарен, основательно изучивший карту Санудо, твердо установил, что она не свидетельствует о каком-либо прогрессе по сравнению с более старыми картами[5]. Знание автором карты Восточной Африки не распространяется далее Асуана, а Западной — далее Могадора. Все остальное — плод фантазии. «Не может быть ни малейшего сомнения в том, что Санудо не знал истинных очертаний Африки»[6].

Другие карты Африки, составленные в XIV и XV вв., еще до Васко да Гамы и Бартоломеу Диаша, позволяют получить более правильное представление об очертаниях «Черного континента», особенно Лаврентийский портулан 1351 г., который в этом отношении задает, пожалуй, величайшие загадки, и карта фра Мауро от 1457—1459 гг. [см. т. IV, гл. 162.]

---

[1] Страбон, II, 5, §6, 14. При этом, разумеется, нужно иметь в виду, что во времена Санудо труды Страбона, вероятно, были еще не известны. Ведь первое упоминание о Страбоне мы находим только у Энея Сильвия [Пикколомини] в XV в., после тысячелетнего перерыва. См. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 198.

[2] A. Humboldt, op. cit., t. I, p. 130.

[3] «Revue Congolaise», 1913, p. 440.

[4] Y. Kamal, Quelques éclaircissements épars sur mes Monumenta Cartographica Africae et Aegypti, Leiden, 1935, p. 163.

[5] M. F. de Santarem, Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie, Paris, 1849, p. 131, 133. [О Сантарене см. стр. 371, примечание 3.]

[6] Ibidem.

Барроу, английский синолог, специалист по Китаю начала XIX в., полагает, что можно привести еще одно доказательство успехов Вивальди:

«На карте, составленной под руководством венецианского путешественника [Марко Поло] и хранившейся с тех пор в церкви Сан Микеле-де-Мурано

Рис. 6. Карта Санудо от 1320 г.
См. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1878, S. 191.

в Венеции, отчетливо изображена южная часть Африканского континента. Могла ли она быть вставлена только после того, как португальцы обогнули мыс Доброй Надежды?»[1]

---

[1] J. Barrow, Travels to China, London, 1804, p. 47.

Автор этих строк не смог выяснить, какую именно карту имел в виду Барроу. Может быть, он говорил о карте Санудо?[1] Утверждение английского исследователя, будто в работе над картой принимал участие Марко Поло, во всяком случае, представляется сомнительным. Ведь в 1298 г., когда Марко Поло продиктовал свою замечательную книгу, ему определенно ничего еще не было известно о юге Африки, иначе он об этом что-нибудь сказал бы.

Бесспорно, достоин внимания тот факт, что после 1300 г. или даже после 1291 г. (года плавания Вивальди) никогда уже больше не сомневались в том, что Африку можно обогнуть с юга. Боккаччо, например, считал (около 1300 г.) возможность такого плавания чем-то само собой разумеющимся, когда писал:

«Западное [Атлантическое] море является частью Эфиопского» [*Hesperium mare ethiopici Oceani pars est*][2]. На современном языке это означает, что Атлантический океан является частью Индийского.

Фра Мауро в своей знаменитой Карте мира от 1459 г. изобразил Африку как материк, который можно обогнуть с юга, и этим значительно укрепил надежду найти «морской путь в Индию» в век открытий. Однако эту карту ни в коем случае нельзя рассматривать как возможный результат экспедиции Вивальди, ибо фра Мауро совершенно ясно заявляет, что он почерпнул свои сведения из рассказа Страбона о плаваниях Эвдокса (см. т. I, гл. 31)[3]. Следовательно, его карта опирается на изучение литературных источников и, сверх того, на сообщения арабских путешественников (см. гл. 162), а не на географические разведки средневековых европейцев. Все же не исключено, что в 1315 г. во время своей разведки в Восточной Африке Сорлео не Вивальди, дойдя почти до Могадишо, также мог получить какой-то материал о том, как далеко на юг простирается Африканский материк.

Ученые последующих поколений в своем стремлении пролить свет на экспедицию Вивальди высказали так много соображений, что теперь проявляется вполне закономерное недоверие ко всем подобным гипотезам. Ведь утверждали же, что на Канарских и Азорских островах, а также в устье Сенегала будто бы были обнаружены следы морской экспедиции XIII в., конечным пунктом плавания которой было именно одно из этих мест. Одновременно эта экспедиция якобы дала материал о Южной Африке для карты Санудо и для карты мира фра Мауро. Все эти гипотезы совершенно не обоснованы и представляются маловероятными. Но, отбросив недоказуемые предположения, мы должны с разочарованием констатировать, что все попытки узнать что-нибудь о судьбе экспедиции Вивальди, состоявшейся в 1291 г., до настоящего времени терпели крах и, видимо, обречены на провал в будущем. Мы не можем приподнять завесу, скрывающую от нас дальней-

---

[1] Это предположение вполне вероятно, ибо в Венеции, по Сантарену, есть рукопись Санудо, в которой отчетливо сформулирована и цель его работы: «pro facienda commode passagia ad recuperationem terrae sanctae Jerusalem» [«для того, чтобы облегчить пути к возвращению святой земли Иерусалима»]. См. M. F. de Santarem, op. cit., t. III, p. 175.

[2] Цитату см. Bartolomé de las Casas, Historia de las Indias, t. I, p. 16; «Collection de documentos ineditos para la historia de la España», Madrid, 1875—1876, t. 62—66, p. 124.

[3] Placido Zurla, Il mappamondo di Fra Mauro, Venézia, 1806 p. 63.

шие события, и должны ограничиться только констатацией Пешеля, «что смелые мореплаватели пропали у берегов Марокко»[1].

Плавание братьев Вивальди было «преждевременным и рискованным предприятием, которое потерпело неудачу»[2]. Им принадлежит слава совершения первой попытки открыть морской путь в Индию[3]. Это достаточно большая слава, но что касается самой попытки, то она потерпела фиаско!

Жуан ди Фрейташ Рибейру в 1939 г. высказался против предположения Маньяги, будто братья Вивальди еще в 1291 г. предвосхитили попытку Колумба достигнуть Азии (Индии), плывя в западном направлении[4].

Маньяги выступил вторично[5] и занял в отношении *portuguesismo exagerado* [чрезмерного португализма] позицию, которую Фрейташ охарактеризовал как *nimiamente italianista* [итальянская мелочность]. При столь пристрастном подходе нельзя получить исторически устойчивого суждения. Маньяги ссылается на то, что в 1291 г. Генуя находилась в состоянии войны с Марокко. Генуэзский флот под командованием Бенедетто Заккарии 18 марта 1291 г., за два месяца до Вивальди, покинул порт Генуи и 20 августа при Марсамусе одержал победу над марокканским флотом, после чего война на море продолжалась еще целый год. Эта война «опровергает предположение, что Вивальди хотели плыть в Индию вдоль побережья Африки»[6]. Возможно, что такой довод имеет известный вес. Но следует ли отсюда, что Вивальди плыли через океан? Ведь гораздо вернее и проще было бы, пожалуй, подождать с плаванием в Индию, пока не будет закончена короткая война с Марокко! Хроники сообщают только, что оба корабля в последний раз видели у мыса Джуби в Марокко. Возможно, что позднее они были перехвачены марокканскими судами или при попытке обойти район военных действий вышли слишком далеко в открытый океан и погибли. Можно строить какие угодно догадки. Почему же именно самое неправдоподобное предположение, будто Вивальди хотели плыть на запад через океан, предположение, которое не подтверждается ни одним источником, следует считать единственно правильным? Уже один тот факт, что Сорлеоне Вивальди, сын пропавшего без вести Уголино, в 1315 г. добрался по суше до Могадишо в Восточной Африке, чтобы узнать подробности о судьбе отца и дяди (см. стр. 125), доказывает, пожалуй, что он знал только о плане плавания вокруг Африки, а не на запад через океан. В противном случае его действия были бы совершенно непонятны.

---

[1] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 198.

[2] H. Wuttke, Zur Geschichte der Erdkunde in der letzten Hälfte des Mittelalters, «Jahresbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden», Dresden, 1870, B. VI, VII, S. 10.

[3] G. Pertz, Der älteste Versuch zur Entdeckung des Seewegs nach Ostindien im Jahre 1291, Berlin, 1859.

[4] J. de Freitas Riheiro, Ligeiro comentario a tentativa de viagem dos genoves irmaos Vivaldos, «Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa», 1939, ser. 57, № 11, 12.

[5] A. Magnaghi, Il tentativo di viaggio transatlantico dei fratelli Vivaldi (1291) secondo un recente giudizio portoghese, «Atti della R. Accademia delle Science di Torino», t. 75.

[6] Ibidem, p. 8 (примечание 3).

Автор поэтому считает в данном случае обоснованными возражения португальского исследователя против гипотезы Маньяги.

Хроники действительно сообщают по поводу путешествия Вивальди, что они преследовали цель «плыть через океан в индийские страны и купить там прибыльные товары» (*ut per mare Oceanicum irent ad partes Indiae mercimonia utilia inde deferentes*). Однако, по мнению автора, это можно истолковать только как желание Вивальди найти «морской путь в Индию», следуя вдоль берегов Африки. О таком плавании прямо через океан, какое позднее предпринял Колумб, хроники должны были бы сообщить, приведя более определенные и конкретные данные о западном курсе кораблей. Автор считает также невероятным, чтобы в конце XIII в., когда все европейцы, кроме норманнов, умели плавать только вдоль берегов, кто-нибудь мог уже решиться на столь необычайное и отважное приключение, о котором к тому же никогда еще ничего не сообщалось в литературных источниках.

ГЛАВА 131

ДЖОВАННИ МОНТЕКОРВИНО — АРХИЕПИСКОП КИТАЯ

(1292—1328 гг.)

От Николая Хубилаю (Кобла)-хану, великому государю татар, прежде всего привет, да приведет он к грядущей славе! Мы ликуем во Господе, благородный государь, и приносим Ему нашу смиренную и великую благодарность, ибо Он, который держит в руке своей сердца земных государей, как мы с радостью услышали, в знак своей милости одарил тебя кротким благочестием и вложил в грудь твою столь высокие чувства, что душа твоя жаждет расширения границ христианского мира. Недавно, вскоре после нашего избрания, мы приняли доверенных послов великого государя Аргуна, славного царя татар, которые нам открыто заявили, что твое величество относится с большой благосклонностью к нашей особе, к церкви Рима и к его народу, то есть к народу латинскому; и названные послы, по царскому поручению, горячо настаивали, чтобы Мы направили к тебе нескольких латинских священников. А Мы по получении столь радостного известия от такого великого и высокого государя возликовали во Господе, ибо мы горячо желаем умножения твоего благополучия и славы Его имени. Мы смиренно молим Отца света, от которого исходит все лучшее на земле и всякий высший дар, дабы Он из милости своей озарил глубины твоей души еще более ярким сиянием и наполнил ее росой своей милости во хвалу и честь своего прославленного имени. Поэтому Мы охотно идем навстречу твоему царскому желанию в этом отношении и хотим к тому же, чтобы ты тотчас подготовился к принятию христианской веры, той, о которой печется и которую хранит римская церковь.

И прими ты этого моего представляемого тебе здесь сына, брата Иоанна Монтекорвино, с его спутниками из Ордена миноритов, избранного нами и посланного к тебе подателем сего письма, и пойди ревностно ему навстречу, ибо никто не может быть угоден Всевышнему без сопроводительного ходатайства.

Он присоединяет к сему просьбу, чтобы встретили его приветливо и чтобы ты для достижения вечного блаженства принял к сердцу его учение. Дано в Реале 13 июля во 2-й год[1].

[Далее следует помещенное ниже письмо.]

---

[1] Письмо папы Николая IV к великому хану Хубилаю от 13 июля 1289 г. См. «Odorici Raynaldi Continuatio Annalium Caesaris Baronii», Köln, 1694, t. XIV, p. 419 (и след.).

* * *

Брату во Христе Бартоломе из Санто-Конкордио здравия и мудрости желает во всем преданный брат Менентилл из Сполето. И ведая, что великий интерес проявляете Вы к науке и к тому, чтобы много знать, и знать обо всем, особенно о вещах еще Вам неведомых, я кое-что переписал для Вас в том виде, как об этом сообщил из Верхней Индии один брат минорит, который был спутником Николая из Пистои, умершего в Верхней Индии, на пути к двору властителя всей Индии.

Я видел и говорил с посланцем [который доставил это письмо], и на его руках преставился названый брат Николай [1].

* * *

В Индии всегда жарко, и нет там ни зимы, ни чрезмерного зноя, а причиной тому постоянные ветры, которые умеряют жар воздуха. А причина, почему не может быть тут зимы, в том, что страна эта лежит под Зодиаком, о чем я хотел бы поведать следующее. Когда солнце начинает входить в знак Девы, то есть с 24 августа, то оно, как это я сам видел воочию и особо отметил, посылает свои лучи почти отвесно, так что не падает от него тень в стороны. И точно так же бывает, когда оно входит в знак Овна, в конце марта. Когда же оно следует дальше к северу через знак Овна, тень падает на юг... Когда же оно пройдет знак Девы, то отбрасывает тень к северу... Когда солнечные лучи падают отвесно, не давая никакой тени, день длится 15 часов, ночь — 9 часов. Когда же солнце во время солнцестояния стоит под знаком Рака, день немногим меньше 14 часов, а ночь немногим меньше $10^1/_4$ часа. Когда же солнце в декабре месяце стоит под Козерогом, день длится 11 часов, а ночь — 13 часов... Кроме того, звезда, которую мы называем Полярной, опустилась здесь так низко, что она едва заметна. И поэтому когда я стоял на очень высоком месте, то мог наблюдать другую Полярную звезду, которая лежала в противоположной стороне неба[2]. Я много раз наблюдал ее. Я наблюдал также некоторые созвездия, которые ходят вокруг Полярной звезды, и из этих наблюдений вывел,

---

[1] Сообщение о пребывании в Индии Джованни Монтекорвино в письме доминиканского монаха Менентилла из Сполето к его собрату Бартоломе из Санто-Конкордио. Рукопись, хранящаяся в библиотеке Медичи во Флоренции, под названием «Lettera di Frate Menentillus di Spoleto allo in Christo Frate Bartholomeo da santo Chonchordio, ove lo ragguaglia de luoghi dell' India superiore l'anno MCCCXX (?) scritta in Mabar città dell'India superiore»

[2] Представление, будто звездное небо в южном полушарии должно выглядеть так же, как и северное небо, было широко распространено еще до начала XVI в. На севере тогда уже начали часто пользоваться как путеводным знаком Альфой Малой Медведицы, то есть нашей Полярной звездой.

что они к ней близки. Но поскольку горизонт в этой части неба из-за ветров и жары всегда скрыт дымкой, а звезды стоят низко, убедиться в этом я не мог... [Следует подробное описание населения, растительности и животного мира страны, а также религиозных обрядов.]

В приморских землях много сарацин, и они пользуются большим влиянием, но внутри страны их мало. Христиане и иудеи встречаются редко и имеют ничтожное значение. Местное население преследует христиан и все, что носит христианское имя.

[Следуют сведения о сжигании трупов, о величине Индии, о языках, обычаях и т. д.]

Об Индийском же море надо вот что сказать. Море это весьма обильно рыбой; в некоторых местах ловят жемчуг и собирают драгоценные камни. Гаваней здесь мало и они плохие. Знайте, что это море—срединное море Океана. Если пройти его в южном направлении, там не будет материка, а только острова, но в том море их очень много — больше 12 000. Многие из них обитаемы, многие же безлюдны... [Следуют сведения о расстояниях на море, о муссонах, об обычаях моряков.]

Письмо написано в Маабаре, городе провинции Ситии в Верхней Индии, в 22-й день декабря, в год Господа нашего 129...[1]

* * *

Я, брат Иоанн Монтекорвино из Ордена миноритов, выехал из Тауриса (Тебриза), персидского города, в год Господен 1291 и направился в Индию. В индийской земле пробыл я 13 месяцев там, где стоит церковь Святого апостола Фомы, и в различных местах этой страны крестил около 100 человек. Спутником моим в этом путешествии был брат Николай из Пистои от Ордена проповедников, скончавшийся там и похороненный в названной церкви.

Потом я отправился в дальнейшее странствие и пошел в Китай, в царство императора татар, называемого великим ханом. Ему я доставил письмо моего господина папы и призвал его принять католическую веру нашего господа Иисуса Христа. Однако он уже закоснел в язычестве [*nimis inveteratus est idolatria*]. Но он относился к христианам весьма радушно, и я, выжидая, провел с ним два года.

---

[1] Из письма Джованни Монтекорвино к папе, написанного из Маабара (Индия) 22 декабря 1291 г. (?) См. H. Y u l e, Cathay and the way thither, ed. H. Cordier, London, 1911, v. III, p. 59 (и след.).

Дату письма трудно разобрать. Можно различить только цифры MCCX. Поэтому исследователи не пришли к единому мнению. Кетиф считает, что должен был стоять 1320 г., но это, безусловно, неправильно. См. Q u é t i f, Scriptores Ordinis Praedicatorum, Paris, 1719. См. также комментарии автора к первоисточникам на стр. 152, 153.

Несториане, некое сообщество, которое утверждает, что носит христианское имя, но весьма сильно отличается от христианского учения, в этих краях стали столь влиятельными, что они не хотят позволить христианам других верований иметь хотя бы маленькую церковь или защищать мнение, отличное от их собственного. В эти земли никогда не приходил ни один из апостолов или их последователей.

Названные несториане подвергли меня жестоким гонениям, частично непосредственно, частично через других, подкупленных ими людей. Они распространяли слухи, что я вовсе не посланец нашего господина папы, а большой обманщик и шпион. Некоторое время спустя они принесли поддельные документы, в которых можно было прочитать, что некий посланец якобы был отправлен с подарками огромной ценности для императора, однако я будто бы убил его в Индии и украл его подарки. Целых пять лет продолжались эти козни и клевета. Так случилось, что меня многократно волокли к суду, позорили и угрожали смертью. Но с Божьей помощью император наконец из признаний некоего человека узнал о моей невиновности и о позоре моих врагов. И он выслал их с женами и детьми.

В течение 11 лет я оставался один в своей миссии и без помощников. Но два года назад ко мне присоединился брат Арнольд, немец из-под Кёльна. Я построил церковь в городе Камбалек [Ханбалык] — резиденции правителя. Там я оставался в течение шести лет. Я построил для церкви также колокольню и в ней повесил три колокола. За это время, насколько я могу определить, я крестил приблизительно 6000 человек. Если бы не указанные козни против меня, я смог бы крестить более 30 000 человек. Крещение все еще продолжается. Я также купил у родителей язычников одного за другим 150 мальчиков в возрасте между 7 и 11 годами, не наставленных еще ни в какой религии. Этих мальчиков я крестил и обучил по нашему обычаю греческому и латинскому языкам. Я переписал также для них наш псалтырь вместе с 30 гимнами и двумя бревиариями[1]. По этим пособиям 11 мальчиков знакомятся с нашим богослужением, поют в хоре и проводят еженедельно обязательный курс в собраниях, в которых я тоже иногда принимаю участие. Кроме того, некоторые мальчики заняты переписыванием псалмов и прочих подобающих песен. Его Величество император очень доволен, когда слушает их пение. Ко всем каноническим часам я велю звонить в колокола и провожу богослужение в присутствии детей и грудных младенцев. Так как я не располагаю никакими нотами, нам приходится петь по слуху.

---

[1] Бревиарий — католическая церковная книга, используемая при богослужении.—*Прим. ред.*

В первый год моего пребывания здесь пришел ко мне некий властитель из этой части света, по имени Георгий, принадлежавший к секте несториан и происходивший из знаменитой семьи великого индийского царя-священника Иоанна. Он был обращен мною в католическую веру, принял низшие посвящения и имел обыкновение помогать мне при отправлении мессы, облаченный в свои царские одежды. Поэтому некоторые несториане обвинили его в отступничестве, однако он привел большую часть своего народа к католической вере и в честь нашего Бога, Святой Троицы и нашего господина папы построил большую церковь невиданного великолепия и дал ей название Римской церкви[1]. Этот царь Георгий шесть лет назад ушел к Господу как верный христианин и оставил после себя наследником сына, который тогда едва вышел из колыбели и которому теперь девять лет. После смерти царя Георгия его братья, неверные последователи несторианского лжеучения, снова переубедили всех, кого он привел в нашу церковь, и вернули к еретическому исповеданию.

Так как я одинок и не могу покинуть Его Величество, то не удалось мне посетить названную церковь, находящуюся в 20 днях пути. Если бы у меня было несколько хороших помощников! Полагаясь на Бога, я надеюсь, что все еще можно исправить, ибо имею полномочия действовать в нашу пользу, предоставленные мне названным почившим царем Георгием. Если бы не последовали упомянутые клеветнические обвинения, то теперь — я еще раз это заявляю — могла бы созреть обильная жатва. Да, если бы у меня было все же два-три помощника, которые смогли бы, стараясь изо всех сил, поддержать меня, чтобы склонить великого хана к крещению! Потому я прошу о том, чтобы такие братья, если они изъявят свое желание, направились сюда. По моему мнению, это принесет большую пользу, если только они ведут примерную жизнь и не пекутся о личном благополучии.

В отношении путешествия сюда я хотел бы заметить, что самый короткий и самый безопасный путь — через Страну готов [Крым], подданных императора северных татар; по нему братья вместе с письмоносцами могут добраться сюда за пять-шесть месяцев. Второй путь, наоборот, весьма длинен и весьма опасен, ибо он включает два морских плавания; первое из них такое дальнее, как от Акки до Прованса, второе — как от Акки в Англию. И возможно, что им понадобилось бы более двух лет, чтобы пройти этот путь. Однако первый путь в течение долгого времени не использовался, когда там разразились войны.

Ныне прошло уже 12 лет с тех пор, как я в последний раз слышал о папском дворе и о моем ордене, а также об общем поло-

---

[1] Видимо, эта церковь находилась в Датуне. См. H. Yule, Cathay and the way thither, London, 1866, p. 199.

жении дел на Западе. Два года назад сюда прибыл ломбардский врач-хирург, распространявший здесь у нас самые невероятные сплетни о римском дворе, моем ордене и положении дел на Западе. Поэтому я весьма охотно получил бы надежные сведения. Я прошу братьев, до которых дойдет это письмо, сделать все возможное, чтобы уведомить о его содержании нашего господина папу, его кардиналов и представителей ордена при римском дворе.

Я прошу магистра нашего ордена снабдить меня книгой антифонов, житиями святых, градуалем [1] и списком псалтыря с нотами, ибо у меня нет ничего, кроме карманного молитвенника с *lectio brevis* и маленького требника. Если у меня будет по одному списку с них, то упомянутые мои помощники смогут изготовить затем другие. Как раз теперь я собираюсь соорудить вторую церковь, чтобы иметь возможность распределить своих помощников на большее количество мест.

Сам я стал стар и сед, скорее из-за трудов и притеснений, чем по годам своим, ибо мне не более 58 лет. Я приобрел совершенное знание обиходного у татар языка и их письма. На этот язык и письмо я перевел Новый завет и псалтырь, позаботившись, чтобы они были записаны самым красивым шрифтом, какой здесь у нас есть.

Так, занимаясь письмом, читая и молясь, я открыто возвещаю учение Христа всему миру. С покойным царем Георгием я договорился перевести весь латинский ритуал, и в случае, если бы царь остался в живых, ритуал можно было бы петь во всем государстве. Пока он был жив, я имел обыкновение служить обедню в его церкви по латинскому обряду, причем слова вступления и Канона я читал на вышеназванном языке и в присущем ему строе.

Сын упомянутого царя носит по мне имя Иоанн. Я уповаю на Бога, что он пойдет по стопам своего отца. Насколько я могу судить по всему, что довелось мне видеть и слышать, не думаю, что в целом мире можно какого-нибудь короля или князя сравнить с Его Величеством ханом в отношении размеров его державы, численности населения и обилия всяких богатств. Этим я хочу закончить.

Дано в городе Камбелек царства Катан [Катай] в год Господа нашего 1305, 8 января [2].

---

[1] Антифоны — в данном случае книга с нотными письменами для католических церковных песнопений; градуаль — книга песнопений для мессы. — *Прим. ред.*

[2] Письмо Джованни Монтекорвино к главному викарию Францисканского ордена в орденской провинции Крым, данное в Пекине [Камбалеке] 8 января 1305 г. [1306 г., см. стр. 152]. См. H. Yule, Cathay and the way thither, London, 1866, p. 197 (и след.).

* * *

Обязанности, налагаемые на нас благословенной братской любовью, требуют, чтобы те, кто разлучен дальними и обширными расстояниями, и особенно проповедники христианской веры в далеких странах, хотя бы в письмах поддерживали друг друга, если лишены они возможности встретиться лицом к лицу.

Думал я, что есть у Вас причины дивиться тому, что не получили от меня ни единого письма за все время моего длительного пребывания в столь отдаленной стране.

Но и я не меньше дивился тому, что до нынешнего года не получил ни единого письма от какого-либо друга или собрата по ордену, ни единого знака о том, что кто-то помнит обо мне; видно, все обо мне позабыли. Особенно я в этом уверился, когда узнал, что дошел до вас ложный слух о моей смерти.

Теперь же сообщаю, что в начале января минувшего года послал я отцу викарию и братьям провинции Газарии [Крым] через одного из друзей при дворе Газан-хана[1] письмо, в котором коротко сообщил о том, как обстоят здесь дела.

Я просил викария в этом письме, чтобы копия с него была передана вам. Теперь же узнал я от добрых людей, которые недавно прибыли с послами названного Газан-хана к Его Величеству Великому хану, что письмо мое дошло до вас и что тот же посланец, который доставил его, отбыл через некоторое время из города Сарай в Тебриз. И поэтому, думаю я, не следует снова подробно повторять содержание того письма. Хочу лишь напомнить, что писалось в нем... о преследованиях со стороны несторианан, а кроме того, о церквах и домах, которые я построил.

Я должен был изготовить шесть картин, дабы помочь несведущим понять Ветхий и Новый завет, и написал к ним пояснения на латинском, тарсийском[2] и персидском языках, с тем чтобы любой мог бы прочесть их на том или ином языке.

В-третьих, хочу сообщить о том, что некоторых из помощников, которых я вразумил и крестил, Господь взял к себе. В-четвертых, что после моего прибытия в Татарию я крестил более 5000 человек.

В том же 1305 г. я начал постройку нового Божьего храма перед воротами дворца Великого хана, так что его дворец и наш храм разделяет только ширина улицы. Там нас отделяет от ворот дворца Его Величества расстояние, на которое можно забросить камень. Господин Петр из Лукалонго, который был спутником моим из Тебриза, сам купил участок земли для указанного строения и передал его мне во славу Божию. Я полагаю, что по мило-

---

[1] Газан-хан был монгольским правителем Персии.
[2] По Ремюза: на уйгурском.

сти Божьей во всем царстве Его Величества Великого хана нет более удобного и выгодного места для возведения католической церкви. К началу августа я заложил фундамент и с помощью благодетелей и доброжелателей к празднику Святого Франциска [4 октября] были закончены, кроме стен дома, службы, дворы и капелла на 200 человек. Но из-за наступившей зимы не смог я закончить церковь; впрочем, я собрал в доме своем лес и надеюсь завершить постройку летом. И скажу вам, что всем, кто приходит сюда из города и из других мест, это кажется настоящим чудом, ибо ничего об этом они раньше не слышали. Когда же видят они новое строение с красным крестом и нас в нашей капелле, отправляющих богослужение во всем великолепии, то дивятся еще более [1].

[Конца нет.]

* * *

К своему сообщению от минувшего года добавляет брат Иоанн Монтекорвино во втором письме от этого года, что важное посольство прибыло к нему из Эфиопии с просьбой, чтобы он пришел туда проповедовать или чтобы послал хороших проповедников, ибо со времен святого апостола Матвея и его прямых учеников не было у них проповедников, которые наставляли бы их в вере христовой, а они горят желанием приобщиться к истинной вере Христа.

Брат Иоанн говорит также, что после праздника Всех Святых он крестил 400 человек, и что, как он позднее слышал, многие братья обоих орденов пришли в Персию и Газарию [Крым], и что он призывает их ревностно проповедовать веру Господа нашего Иисуса Христа и собрать жатву спасенных душ. Письмо написано им в Камбалеке, городе Катая, в год Господа нашего 1306, в воскресенье, в канун великого поста[2].

* * *

Несколько лет спустя после описанных событий брат из Францисканского ордена, родом из северных частей Германии, с большим трудом первым попал в земли язычников, чтобы проповедовать учение Христа. Я читал длинное и подробное письмо, которое он написал через викариат Севера своему магистру. Там он действовал похвально и добился богатой жатвы душ. Как я заключил и извлек из его письма, он в государстве великого

[1] Второе письмо Джованни Монтекорвино к генеральному викарию Ордена миноритов, к магистру Ордена проповедников, к братьям орденской провинции Персии.

[2] Вероятное содержание конца предыдущего письма, по записям неизвестного, в новом издании книги Юла. См. H. Yule, Cathay and the way thither, ed. Cordier, London, 1926, v. III, p. 57. См. также стр. 152,153.

хана, императора татар, обратил много народу в христианскую веру водой крещения и святым словом Евангелия. Да, он добился бы еще большей жатвы душ, если бы ему не противодействовали проживающие там многочисленные несториане — еретики и лжехристиане. Ибо из зависти к благим успехам прибегали те к силе. Всяческой клеветой, разобщением и угодничеством они восстановили против него могущественных людей той страны. Они побуждали власть имущих бичевать его, заточать в тюрьму, причинять разные мучения и в течение многих дней и лет старались, чтобы те совершали против него преступления. Все это он терпеливо перенес во имя Христа. Его заключили в башню и при содействии тюремной стражи обращались, как с рабом. Наконец, великий хан, ибо он искренне ценил его, признал его невинным, сам с состраданием вывел из заточения, избавил от всех мучений, вернул ему свободу и пригрозил суровым наказанием тем, которые осмелились бы оскорблять его далее словом или делом.

Как он сообщает в своем письме, в тех местах, где он проповедовал, раньше никогда не возвещали Евангелия Христа... Он обратил также к Христу священника Иоанна—богатого, могущественного царя, о котором можно много прочитать в одной из наших книг, и весь его народ [1].

* * *

В этом году папа назначил архиепископом Камбалека в земле Катай Иоанна Монтекорвино, воодушевленного рвением распространять веру и склонившего в Татарии многих язычников к крещению. Дабы разделить с ним в будущем его труды и славу, папа прислал некоторых других духовных лиц, подчиненных ему как архиепископу Камбалека, и предписал, чтобы они были рукоположены в сан епископский. Этими мужами, которым доверили задачу озарить великую провинцию светом веры для темного Востока, были Андрей из Перуджи, Николай из Бантри, Герард, Ульрик, Сайфуст, Перегрин из Кастелло и Гуйлельм из Виллановы, братья Ордена францисканцев, имена которых достойны бессмертия, так что мы не могли обойти их молчанием. Некоторым из них были вручены письма... Названный Одорик подготовил также папское посольство к великому хану Татарии, с тем чтобы призвать его к отказу от старой веры и к принятию святого христианства и поблагодарить его за благосклонность к христианским священникам[2].

[1] Из хроники Иоганна Винтертурского (Иоанна Витодуранского). См. «Monumenta Germaniae historica», Nova series, Berlin, 1924, t. III, p. 233.

[2] Odoricus Raynaldus, Annales ecclesiastici, ad annum 1307, Roma, 1667, p. 29.

* * *

Брат Андрей из Перуджи, из Ордена братьев миноритов, промыслом Господним призванный быть епископом, достопочтенному отцу братьев и настоятелю общины в Перудже — мир во Господе во веки веков!

Из-за громадного расстояния по суше и по морю, разделяющего нас, я питаю лишь слабую надежду на то, что посланное мною письмо попадет в ваши руки... Вы уже знаете, каким образом я с блаженной памяти братом Перегрином, моим собратом епископом и неразлучным спутником в странствованиях, после многих трудов, болезней, лишений и разных тягот и опасностей, испытанных как на море, так и на суше, где нас ограбили и лишили всего, даже верхней и нижней одежды, в конце концов прибыл с Божьей помощью в город Камбелек [Пекин], столицу империи Великого хана; было это, как я полагаю, в год Господа нашего 1308.

Здесь, после того как в соответствии с велением апостольского престола состоялось рукоположение в сан архиепископа, мы пробыли около пяти лет; в течение этого времени мы получали вспомоществование от императора на прожитие и на одежду для восьми человек...

А о богатстве, блеске и славе этого великого императора, несказанной обширности его империи, множестве народов, ему подвластных, многочисленности и блеске его городов и упорядоченности управления его империей, в которой никто не осмеливается поднять меч на своего соседа, я говорить не стану, ибо долго описывать все это, да и невероятным покажется всякому, кто услышит сие. Ведь слышал же я сам, побывавший в этих местах, многое, чему с трудом мог поверить.

Есть здесь близ океана большой город, который на персидском языке называется Зайтоном, и в этом городе одна богатая армянская госпожа построила большую красивую церковь, которая, по указанию самого архиепископа, была сделана кафедральной. Когда же он (епископ Герард) умер и был погребен здесь, пожелал архиепископ сделать меня его преемником. Но поскольку я тогда не мог принять такого назначения, архиепископ назначил преемником упомянутого брата епископа Перегрина. Тот, как только представился случай, проследовал сюда и, пробыв несколько лет главой этой церкви, 7 июля 1322 г. испустил последний вздох.

Года за четыре до его кончины, чувствуя себя по ряду причин плохо в Камбалеке, добился я милостивого разрешения императора выдавать мне вспомоществование в Зайтоне, который лежит в трех месяцах пути от Камбалека[1].

[1] Это указание расстояния в месяцах пути ошибочно, в действительности оно значительно больше.

...И в этом месте нахожусь я постоянно и живу на упомянутое вспомоществование императора, которое в генуэзских деньгах составляет около 100 золотых флоринов в год. И большую часть этого вспомоществования истратил я на сооружение церкви и думаю, что ни одна обитель во всей нашей провинции не сравнится с ней по благолепию и удобству.

Вскоре после смерти брата Перегрина я получил декрет от архиепископа, который поставил меня во главе упомянутой церкви, и теперь у меня были веские основания принять это назначение. И ныне я живу то дома, то в городской церкви, то в обители, смотря по желанию. Здоровье у меня хорошее, и, поскольку мне дано судить о сроке моей жизни, я вполне смогу потрудиться на этой ниве еще несколько лет.

А в этой громадной империи воистину есть люди любой нации, какие только существуют на земле, и люди любой секты. И каждому дозволено свободно исповедовать свою веру, ибо держится тут мнение, или, лучше сказать, заблуждение, будто каждый найдет спасение в своей религии. А посему и мы можем проповедовать свободно и без опаски. Никого из иудеев и сарацин не удалось нам обратить, но из язычников очень многие были крещены. Правда, немногие из крещеных идут по правильному христианскому пути...

Обо всех этих делах я, достопочтенный отец, кратко написал, чтобы осведомить вас. Моим духовным братьям и личным друзьям я не пишу, ибо неведомо мне, кто из них скончался, а кто еще жив, и прошу за это извинить меня. Но всем шлю привет свой и хотел бы, чтобы сохранили обо мне добрую память...

Все епископы, назначенные господином папой Клементием в Камбалек, мирно почили, в живых остался лишь я один. Братья Николай из Бантри и Андруций из Ассизи и еще одни епископ умерли сразу же по прибытии в Нижнюю Индию, в одном мрачном, гиблом месте (Ормуз?), где скончались и погребены многие другие братья. Да сохранит вас Господь ныне и вовеки во здравии.

Писано в Зайтоне, в год Господа нашего 1326 [вероятно, 1327] в январе месяце[1].

* * *

Местопребыванием [великого хана] чаще всего бывает провинция Катай. Его предки горячо желали вступить в сношения с христианами. Около 200 лет назад направили они послов к святому отцу и просили о присылке мудрых духовных мужей, дабы

---

[1] Письмо Андрея из Перуджи, епископа Зайтона, к общине францисканского монастыря в Перудже. См. L. Wadding, Annales Minorum, Quaracchi, 1932, t. VII, p. 61 (и след.).

те наставили их в своей вере. Но из-за некоторых препятствий эти посланцы должны были вернуться[1].

* * *

«...в этом же месяце я осведомил Ваши Высочества о землях Индий и об одном государе, который зовется «великий хан», что означает на нашем языке «царь царей». Этот государь и предки его много раз отправляли послов в Рим с просьбой направить к ним людей, сведущих в делах веры [*doctores en nuestrasancta fé*], дабы они наставляли в ней; святой же отец [папа] никогда не удовлетворял [эти просьбы], и много народов [поэтому] впало в ничтожество, приобщилось к гибельным вероучениям и обратилось к идолопоклонству[2].

Францискаиского монаха и архиепископа Джованни Монтекорвино можно с полным основанием назвать примерным посланцем веры и проповедником среди язычников. В 1288 г., когда ему исполнилось 36 лет, Джованни, по предложению магистра своего ордена Бонаграции, был послан папой Николаем IV (1288—1292) к монгольскому правителю в Персии и к великому хану. Последние 40 лет своей жизни францисканец безвыездно прожил в Азии, из них 36 лет — в Пекине, где и скончался в преклонном возрасте. При первом путешествии в Азию Монтекорвино действовал только в Персии. Хотя уже в то время вынашивались планы установить связи с Китаем, папский легат, после того как он долго пробыл в Тебризе у тогдашнего правителя Персии Аргуна, племянника Хубилая, вернулся оттуда в Рим для доклада. Сама причина поездки Джованни Монтекорвино в Персию была довольно своеобразной. Уже 6 июля 1274 г. монгольские послы (лицо, направившее их, в источнике не названо) прибыли в Рим к папскому двору[3]. Как это ни странно, через несколько дней после приезда их поспешно крестили. Об этой попытке монголов установить связи с апостольским престолом мы больше ничего не знаем[4]. Вероятно, она исходила от правителя Персии, ведь, как известно, завоеватель Багдада Хулагу, отец Абаги и брат Хубилая, еще в 1260 г. направил посольство к тогдашнему папе Урбану IV (1261—1264)[5]. Весьма возможно, что на сей раз Персия шла по уже проторенному пути.

---

[1] Из письма Паоло дель Поццо Тосканелли от 25 июня 1474 г. к канонику Фернану Мартиншу ди Рориш в Лиссабон (см. т. IV, историческое введение к гл. 188—190). См. «Publications of the Hakluyt Society», London, 1893, v. 86, p. 1.

[2] Пролог к дневнику первого путешествия Колумба. См. «Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы», М., 1956, стр. 76.

[3] L. W a d d i n g, Annales Minorum, Quaracchi, 1931, t. IV, p. 447.

[4] Ibidem, p. 449.

[5] O. R a y n a l d u s, Annales ecclesiastici, ad annum 1260, No. 29.

Как бы то ни было, тогдашний правитель Персии Абага, как доказал Ремюза[1], был весьма заинтересован в установлении хороших отношений с христианскими государствами, поскольку его монгольскому царству больше всего угрожало нападение сарацин. На этот раз обстановка сложилась иначе, чем в 1145, 1117 и 1221 гг. (см. т. II, гл. 115 и 119). Христиане и монголы как бы поменялись ролями. Теперь монгольский правитель искал поддержки у христиан, и его больше всего устроило бы, если бы папа Николай III (1277—1280) начал призывать к новому крестовому походу против сарацин в Египте[2]. Из политических соображений Абага стремился к дружбе с папой и, дабы расположить в свою пользу главу христианского мира, просил его о посылке миссионеров, с тем чтобы они начали действовать в Персии, а затем в Китае. В письме Абаги содержалось сообщение, несомненно обрадовавшее папу, но определенно не соответствовавшее действительности, будто великий хан уже принял крещение[3]. Вряд ли это сообщение было продиктовано искренним заблуждением, вероятно, мы имеем дело с преднамеренной мистификацией, чтобы добиться благосклонного отношения к стремлениям Абаги. Но у папы не было основания не доверять столь желанному известию, видимо возбудившему в Риме честолюбивые надежды. Он поспешил удовлетворить просьбу Абаги о посылке миссионеров и направил к персидскому ильхану пять францисканских монахов: Джерардо из Прато, Антонио из Пармы, Джованни из Санта-Агаты, Андреа из Флоренции и Маффео из Ареццо. Им были вручены письма как к ильхану Абаге, так и к великому хану. Оба письма датированы 1 апреля 1278 г.[4] В первом из них говорилось, между прочим, и следующее: «По усмотрению твоей мудрости они должны при подходящем случае лично отправиться к названному великому хану, дабы и там трудиться для спасения душ»

В письме к великому хану, которое, к сожалению, так и не попало в руки адресата, было написано, что до Рима дошел слух о его крещении. Поэтому и монахи должны были заняться в империи Катай дальнейшим распространением христианства.

Однако и над этой миссией нависло несчастье. Когда францисканцы уже были в Персии или вскоре после их приезда, 1 апреля 1282 г. умер Абага, дружелюбно относившийся к христианам, а его преемник хан Ахмед (1282—1284), перейдя в мусульманство, стал врагом христиан. Он разрушал христианские церкви и преследовал приверженцев этого вероучения. Что стало с францисканцами, неизвестно. Возможно, они были убиты Ахмедом, во всяком случае, в Китай они не попали. Не исключено, что они тоже «из-за неко-

---

[1] A. R é m u s a t, Mémoires sur les relations politiques des Princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs Mongols. См. «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres», 1822, t. VI, p. 466 (и след.).

[2] A. R e m u s a t, op. cit., t. VII, p. 340 (и след.).

[3] Это письмо опубликовано Ваддингом. См. L. W a d d i n g, op. cit., t. V, p. 39. См. также F. K u n s t m a n n, Die Missionen in Indien und China im 14. Jahrhdt., «Historisch-politische Blätter», ed. Görre, B. 37, S. 266 (и след.).

[4] Письма опубликованы Ваддингом. См. L. W a d d i n g, op. cit., t. V, p. 40 (и след.).

торых препятствий должны были вернуться», как говорится в письме Тосканелли от 1474 г. Неизвестно, откуда дошли эти сведения до Тосканелли.

Этот великий флорентийский ученый, живший 200 лет спустя и правильно охарактеризованный в эпитафии на его памятнике как «*iniziatore della scoperta dell' América*» [инициатор открытия Америки], на основе своих тесных связей с папским двором имел, очевидно, возможность хорошо ознакомиться со всеми рассмотренными выше взаимоотношениями между монгольскими правителями и римской курией. Это дало ему основание посоветовать португальскому королю организовать плавание на запад через океан в Восточную Азию (см. т. IV). От Тосканелли узнал позднее и Колумб о событиях минувших лет, и это вдохновило его на отважный замысел предпринять свой исторический подвиг 1492 г. Об этом свидетельствует приведенная в начале главы цитата из «Пролога» Колумба к его «Дневнику».

Как бы то ни было, но враждебное отношение хана Ахмеда к христианским проповедникам помешало им попасть в Китай около 1284 г., когда там еще находились Поло. Это в известной мере расстроило планы христианизации Китая, для которой тогда открывались широкие перспективы.

Вскоре после этого, 10 августа 1284 г., хан Ахмед был убит, а его преемник Аргун возобновил попытки восстановить связи с папой. Аргун до самой своей смерти (7 марта 1291 г.) неизменно относился доброжелательно к западной культуре и христианской религии. Этот правитель также руководствовался политическими расчетами: «Он намеревался покорить Палестину и Сирию и поэтому хотел завоевать благосклонность христианских правителей»[1]. По той же причине Аргун покровительствовал христианским купцам, торговавшим в его государстве, о чем свидетельствуют некоторые документы того времени[2].

Как раз в течение семилетнего царствования Аргуна (1284—1291) в Тебризе вел постоянную торговлю один купец из Пизы, по имени Иол или Одзол.

Письмо Аргуна было написано 18 мая 1285 г., когда престол святого Петра занимал папа Гонорий IV (1285—1287). Доставило это послание в Рим посольство, состоявшее из несторианского епископа Раббена Каумы, одного персидского вельможи и толмача Угетаса[3]. Но поскольку документы, относящиеся к понтификату Гонория IV, ни слова не сообщают о прибытии таких послов, следует полагать, что их путешествие по неизвестной причине затянулось и что они попали в Рим, как предполагал еще Ремюза, только в период между смертью папы Гонория IV (3 апреля 1287 г.) и вступлением на престол Николая IV (20 февраля 1288 г.)[4].

На новую просьбу персидского правителя прислать к нему христианских миссионеров папа ответил в апреле 1288 г. отправкой Джованни Монтекор-

---

[1] H. Yule, Cathay and the way thither, ed. H. Cordier, London, 1915, v. I, p. 120.

[2] Ch. Kohler, Recueil des Historiens des Croisades, «Documents arméniens», Paris, 1906, p. CC.

[3] F. Kunstmann, op. cit., S. 228.

[4] A. Rémusat, op. cit., t. VII, p. 359.

вино в государство ильхана Аргуна, о котором очень часто упоминал также Марко Поло.

Письмо папы, которое Джованни Монтекорвино доставил ильхану Аргуну, по своему содержанию аналогично письму к Хубилаю, цитировавшемуся выше. В хрониках Райнальда и Ваддинга буквальный текст этого документа приведен перед письмом к Хубилаю.

В 1289 г. Монтекорвино снова вернулся в Рим[1].

Во второй раз Монтекорвино отправился в Азию, видимо, в 1290 г. Но и теперь у этого путешественника не было причин к особой спешке. Монтекорвино через Персию проследовал прежде всего в Индию, где провел 13 месяцев преимущественно на Коромандельском берегу в общине христиан-фомистов. Отметим кстати, что несколько позднее в одном источнике об этих христианах упоминается как о владельцах большинства индийских перечных плантаций[2]. Монтекорвино заручился сотрудничеством богатого купца Пьетро из Лукалонго, позднее сопровождавшего его в Китай. Располагая большими средствами, Пьетро очень облегчил деятельность Монтекорвино. Помогал ему также брат Никколо из Пистои, но тот умер еще в Индии и похоронен в церкви христиан-фомистов.

Еще из Индии Монтекорвино отправил папе помещенное выше важное письмо о собранных им сведениях.

Письмо было написано 22 декабря, но в каком именно году, в оригинале, как уже отмечалось, точно разобрать нельзя. Прежде обычно его датировали 1291 или 1292 г. Но поскольку автор письма указывает, что до 1291 г. он находился в Тебризе, а затем еще 13 месяцев пробыл в Индии, мы могли бы предположить, что подходит только 1292 г.[3] Однако это противоречило бы хронологии других событий. Ведь в следующем письме, от 1306 г., Джованни Монтекорвино подчеркивает, что он прожил в Пекине два года еще при правлении Хубилая. Но Хубилай скончался в 80-летнем возрасте в феврале 1294 г. Если письмо было написано уже в декабре 1292 г., то Монтекорвино не мог прожить в Пекине два года до кончины Хубилая. Ведь только путешествие из Индии в Пекин должно было отнять целый год. Следовательно, Монтекорвино мог прибыть в Китай не раньше конца 1293 г., то есть только за два месяца до смерти Хубилая.

Трудно разрешить это противоречие. Самое большее, что нам остается, это строить различные предположения. Вероятно, дата смерти Хубилая — февраль 1294 г., проставлена по тогдашнему летосчислению Ватикана (об этом см. ниже) и соответствует февралю 1295 г. по нашему календарю. В таком случае Монтекорвино жил при Хубилай-хане в Пекине приблизительно 15 месяцев, что в крайнем случае еще можно считать за два года. Верно ли это толкование, следует еще выяснить.

---

[1] T. K ü l b, Geschichte des Missionsreisen nach der Mongolei, Regensburg, 1860, B. III, S. 84.

[2] F. G. M e i n e r t, Johann von Marignola's... Reise in das Morgenland von 1339 bis 1354, Praha, 1820, S. 57.

[3] H. Y u l e, Cathay and the way thither, London, 1914, p. 67 (примечание 2).

Оба письма, посланные Джованни Монтекорвино в Европу из Китая, имеют гораздо более важное значение, чем его отчет из Индии. Они относятся к числу важнейших документов по истории христианских миссий, и поэтому выше дается их полный дословный текст в том виде, как он дошел до нас.

Наряду с тяжелыми, даже отчаянными жалобами на враждебное отношение христиан-несториан в Китае к представителям римской церкви в этих письмах сквозят явная радость и удовлетворение хотя и тягостной, но все же успешной деятельностью миссионера в Срединной империи. Но какими же незначительными представляются успехи, о которых сообщает Монтекорвино: за 12 лет он крестил всего 5 тыс. человек — при колоссальной численности населения страны. А какие широкие возможности открылись бы перед ним, если бы он смог опереться на влияние Поло или на сильную волю благосклонного к христианству императора! Но Хубилай был слишком стар, чтобы оказать необходимую поддержку Монтекорвино. Рихтгофен полагает даже, что Хубилай уже умер к тому времени, когда Джованни Монтекорвино прибыл в Китай[1]. Но дословный текст письма противоречит этому заключению Рихтгофена, так как великим ханом, который, как говорит Монтекорвино, «уже закоснел в язычестве», мог быть только Хубилай.

И все же те успехи, которых добился Монтекорвино при наблюдавшихся тогда неблагоприятных для него условиях, были всецело его заслугой.

В течение многих лет этот миссионер вместе со своим спутником Пьетро из Лукалонго, очевидно, были единственными христианами-европейцами в Пекине. Монтекорвино удалось склонить к принятию католичества христианского государя Тендука[2] придерживавшегося несторианского вероучения, и он нашел в нем искренне преданного и благочестивого помощника, который обратил в католическую веру и весь свой народ. Но когда этот государь скончался (в 1299 или 1300 г.) в очень молодом возрасте, все эти преимущества отпали. Его преемники не хотели и слышать о римской церкви и привели к отступничеству свой народ.

К Джованни Монтекорвино вскоре присоединился францисканский монах Арнольд из Кёльна и некий хирург ломбардец, имя которого неизвестно. Это был очень дурной человек, создавший в Китае плохую славу христианской вере. Но кёльнский брат, о котором, к сожалению, мы мало знаем, был действительно весьма ценным помощником[3]. Кунстман, видимо, прав, когда отождествляет его с не названным по имени францисканским монахом, который впервые упоминается в опубликованной в 1856 г.[4] летописи Иоганна Винтертурского, жившего в XIII в. (см. цитату в начале главы). Несомненно,

---

[1] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 616.

[2] У Монтекорвино названия Тендук нет. Марко Поло пишет об области Тендук, которой от имени великого хана правит «царь... из роду попа Ивана... а зовется Георгием». — *Прим. ред.*

[3] F. Kunstmann, Die Missionen in Indien and China im 14. Jahrhdt, «Historisch-politische Blätter», ed. Görre, 1859, B. 43, S. 677 (и след.).

[4] «Archiv für schweizerische, Geschischte», Zürich, 1856, B. XI, S. 208.

личности Джованни Монтекорвино и Арнольда из Кёльна смешались у этого летописца. Имени первого он вообще не знает, но то, что он сообщает о тяжелых временах, последовавших из-за ссор с несторианами, о заключении в тюрьму и освобождении христианских миссионеров и прежде всего об обращении мнимого «священника Иоанна», то есть Георгия, государя Тендука, в католическую веру,— все эти события произошли задолго до прибытия в Китай Арнольда из Кёльна, и их следует отнести только к Джованни Монтекорвино. Поэтому Кунстман правильно говорит об этом летописце: «Если бы ему была известна эта деятельность [Монтекорвино], то он не смог бы приписать своему собрату по ордену из Южной Германии первую проповедь христианства в Китае, обращение священника Иоанна и предпринятую сразу же борьбу с несторианами»[1].

Отсюда можно, пожалуй, сделать вывод, что Иоганн Винтентурский был введен в заблуждение. Вероятно, в каком-то еще не известном письме Арнольда из Кёльна содержался отрывок из письма Джованни Монтекорвино или выдержка из него, а летописец позднее ошибочно принял события, о которых в нем сообщалось, за приключения самого Арнольда из Кёльна.

Первое пекинское письмо Джованни Монтекорвино отчетливо датировано 8 января 1305 г. Тем не менее его следовало бы отнести только к 8 января 1306 г. по нашему летосчислению, ибо авторы деловых бумаг в Ватикане с 1145 по 1582 г. придерживались, за случайными, сравнительно редкими исключениями, так называемого «*calculus Florentinus*» [«флорентийское счисление»], согласно которому новый год начинался только 25 марта[2]. При папе Николае IV, который направил в чужие края Монтекорвино, везде применялся этот «*calculus Florentinus*». Разумеется, и миссионеры, посланные папой, приноравливались к этому обычаю. При таком летосчислении январь и февраль 1305 г. следовали за декабрем 1305 г. и соответствовали нашему январю — февралю 1306 г. Лишь допустив это предположение, мы справимся с хронологией. Так как Монтекорвино сообщает, что он действовал в Китае в одиночестве только 11 лет, а затем еще два года вместе с Пьетро из Лукалонго, то ко дню составления письма он, вероятно, прожил в Пекине ровно 13 лет. Если в конце декабря 1292 г. Джованни находился еще в Индии, то к началу января 1305 или 1306 г. он не мог бы прожить в Пекине 13 лет. Если же индийское письмо было написано еще в 1291 г., то можно считать вероятным, что Монтекорвино прожил в Пекине 13 лет к январю 1306 г., но не к январю 1305 г. Поэтому, пожалуй, верно, что индийское письмо было составлено в декабре 1291 г., а пекинское — в январе 1306 г.

Еще сложнее установить хронологическую последовательность событий, изложенных во втором письме. Даты этого письма мы не знаем, так как не сохранился его конец. Только из сообщения неизвестного лица (см. стр. 143) вытекает, что письмо это было составлено спустя год после первого, в феврале, в последнее воскресенье перед великим постом. Исходя из предположения, что первое письмо было составлено 8 января 1305 г., второе без коле-

[1] F. Kunstmann, op. cit., S. 680.
[2] A. Capelli, Chronologia e Calendario perpetuo, Milano, 1906, t. XVII.

баний всегда относили к 13 февраля 1306 г., так как пасха в 1306 г. начиналась 3 апреля. Но если первое письмо по нашему счету было составлено только 8 января 1306 г., то второе относится к 1307 г. В этом году пасхальное воскресенье пришлось на 26 марта, а последнее воскресенье перед великим постом, когда составлялось письмо,— на 5 февраля 1307 г. по нашему счету.

Если верно предположение, что письма относятся не к 1305 и 1306 гг., а к 1306 и 1307 гг., то и старая хронология, исходившая из первого предположения, требует некоторых исправлений. При новой гипотезе брат Арнольд из Кёльна стал помощником Монтекорвино не в 1303 г., а в 1304 г., а государь Тендука, оказавший поддержку Монтекорвино, умер не в 1299 г., а в 1300 г. Вероятность предположения, что первое письмо из Китая было написано не в 1305 г., а в начале 1306 г., велика также и потому, что оно прибыло к папе в 1307 г. При быстроте передвижения по Центральной Азии, которую обеспечивала монгольская почта, нет необходимости предполагать более длительный срок доставки, чем один год. Так как назначение Монтекорвино архиепископом и семи других францисканских монахов епископами в 1307 г. подтверждено источником (см. цитату из Райнальда в начале главы), то отсюда также можно заключить, что письмо Монтекорвино прибыло в Европу в 1307 г. и, следовательно, относится к 8 января 1306 г.

Как бы то ни было, весьма важное письмо Джованни Монтекорвино от в 1306 г. было доставлено в Европу монахом Томасом из Толентино и тотчас вручено папе. На престоле святого Петра сидел тогда Климентий V (1305—1314), который в полной мере оценил великие заслуги Монтекорвино и захотел придать еще более важное значение его неустанной деятельности. Вот почему в 1307 г. состоялось рукоположение Монтекорвино в сан архиепископа «всей империи Катай» с местопребыванием в Пекине. Одновременно были посвящены в епископы девять францисканских монахов, которых отправили в Китай, чтобы возглавить епархии, подчиненные новому архиепископу[1]. Трое из них умерли в пути, другие, видимо, достигли цели. В 1308 г. Джованни Монтекорвино получил известие о своем назначении. Епархия в Зайтуне [Цюаньчжоу] была основана в 1323 г.[2] Там позднее найдены некоторые христианские памятники[3]. Вследствие этого предположение, выдвинутое Штанге в 1941 г., что эта епархия находилась в Ханчжоу[4], видимо, можно объяснить заблуждением или небрежностью. Где были центры других епархий, неизвестно.

Однако о епархии в Зайтуне мы узнаем из помещенного среди первоисточников поучительного письма третьего епископа — Андрея из Перуджи, который сделал весьма ценные дополнения к сообщениям Джованни Монте-

---

[1] A. B z o v i u s, Annalium ecclesiasticorum, Köln, 1621, t. XIII, p. 63.

[2] H. F r a n k e, Europa in der ostasiatischen Geschichtsschreibung des 13. und 14. Jahrhunderts, «Saeculum», 1951, S. 74.

[3] A. C. M o u l e, Christians in China, London, 1930. (Изображение этих памятников дано перед стр. 80.)

[4] Статья Штанге. См. «Journal of the American Oriental Society», 1941, v. 69, p. 120 (и след.).

корвино; значение этого письма особенно убедительно подчеркнул Мосгейм[1].

Теперь Монтекорвино с усиленным рвением мог целиком отдаться достижению цели всей своей жизни. В 1310 г. ему удалось склонить к крещению даже самого великого хана У-цзуна (Хай-хана). Но и тут злой рок спутал все карты: единственный император-христианин, когда-либо правивший в Китае, умер спустя несколько месяцев, а его преемники относились к попыткам обращения их в христианство либо отрицательно, либо безразлично.

Да и единственный китайский император У-цзун, приобщившийся к католической религии, не был для нее ценным приобретением. Он был пьяницей с отнюдь не привлекательным моральным обликом.

Монголы всегда отличались «большой веротерпимостью, и все религии процветали при монгольских императорах»[2], но одновременно они проявляли глубокое равнодушие к религиозным проблемам. В этом отношении весьма характерно сообщение Андрея из Перуджи, который в приведенном выше письме от 1326 г.[3] отмечает, что в Китае каждый находит спасение в своей вере.

И все же отношение монгольских императоров к христианству было настолько благосклонным, что папа Иоанн XXII (1316—1334) в личном письме из Авиньона к «Елчигадану, императору татар», датированном 2 ноября 1329 г., выразил благодарность за радушный прием, оказанный доминиканцам[4].

Архиепископ Султании Иоанн де Кора, который, правда, жил не в Китае, а в Персии, писал даже через несколько лет в своей «Книге об империи великого хана», несомненно допуская сильные преувеличения, что можно было бы обратить в католичество весь китайский народ, если бы не зависть христиан-несториан, число которых он определял в 30 тыс.[5]

Точная дата смерти Джованни Монтекорвино неизвестна. В 1328 г. епископ был еще жив, но, видимо, вскоре скончался. Мейнерт считает, что Монтекорвино умер в 1329 г.[6], Гамс — в 1330 г.[7], а другие исследователи относят дату смерти даже на 1333 г.[8] Наиболее достоверным представляется 1328 г., так как в письме китайских христиан от 1336 г. подчеркивается, что архиепископ умер в июле 8 лет назад.

---

[1] J. Mosheim, Historia Tartarorum ecclesiastica, Helmstedt, 1741, p. 118. См. также Anastasius van den Wyngaert, Sinica Franciscana, t. I. «Itinera et Relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV», Quaracchi, 1929.

[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 615.

[3] Так как это письмо тоже написано в январе, снова возникает сомнение, нельзя ли и его отнести к январю 1327 г. по нашему летосчислению.

[4] A. Bremond, Bullarium ordinis praedicatorum, Roma, 1730, t. II, p. 187.

[5] H. Yule, op. cit., v. III, p. 102.

[6] F. G. Meinert, Johann von Marignolas Reise in das Morgenland vom Jahre 1339 bis 1355, Praha, 1820, S. 26.

[7] Prius Bonifatius Gams, Series episcoporum ecclesiae catholicae, Regensburg, 1873, p. 126.

[8] В частности, Томас Берне. См. «Encyclopaedia of religion and ethics», Edinburgh — New York, 1918, v. 27.4

Этот заслуженный деятель католической церкви, которого Пешель правильно называет «одним из самых интересных явлений в истории католических миссий»[1], судя по его сообщению (см. стр. 141), родился, вероятно, около 1247 г., то есть дожил до 81 года. В результате 35-летней деятельности Монтекорвино к моменту его смерти было создано три францисканских монастыря в Пекине и по одному в Цюаньчжоу, Ханчжоу и Ямцу (по Кунстману — Янчжоу на реке Янцзы).

Как мало значило для самого Китая дело, которому Монтекорвино посвятил всю свою жизнь, вытекает из того, что в китайских хрониках вообще нигде не упоминается о христианах, хотя число китайцев, принявших крещение, временами достигало нескольких сот тысяч[2]. Если бы Монтекорвино успел еще склонить к принятию христианства великого хана Хубилая, то результат был бы, пожалуй, иным. Как легко было тогда уговорить не разбиравшийся в этом народ на принятие религии своего государя, видно из сообщенного Монтекорвино поучительного примера с «царем Георгием», правителем Тендука[3], о котором уже упоминалось выше: весь народ этой страны в течение нескольких лет дважды менял веру!

О христианском правителе Тендука, считавшемся потомком «священника Иоанна», сообщал еще Марко Поло, правда до того, как царь Георгий, начавший править только в 1297 г., перешел в римско-католическую веру[4]. Где находилась резиденция этой своеобразной личности, упоминавшейся Поло, точно не установлено. Юл полагает, что ее нужно искать в Датуне[5]. Согласно Опперту, речь шла о весьма дальнем и позднем прообразе «священника Иоанна» — Елюташи (см. т. II, гл. 115), властвовавшем над древней землей своего народа, за Китайской стеной, и над последними скудными остатками каракитаев[6]. Последовавшая, очевидно еще в юношеском возрасте, смерть истинного христианина Георгия, правившего недолго — с 1297 по 1299 или 1300 г.,—явилась крайне тяжелым ударом для Монтекорвино.

Особого рассмотрения заслуживает сообщение в последнем письме о неких прибывших из Эфиопии послах, которые пригласили Монтекорвино заняться проповедью христианства на их родине. Как правило, эту Эфиопию отождествляли с современным государством, носящим то же название. Так, например, Пешель полагал, что посольство из Эфиопии действительно прибыло в Китай, чтобы передать приглашение Монтекорвино[7]. Но для того времени (около 1300 г.) подобная возможность исключается, не говоря уже о том, что в Африке вряд ли могли тогда что-либо узнать об усердной, но все же

---

[1] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, S. 126.

[2] A. C. M o u l e, Christians in China before the year 1550, London, 1930, p. 216 (и след.).

L e m m e n s, Heidenmission des Spätmittelalters, «Franziskanische Studien», Münster, 1919, B. 5, S. 67.

[4] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 94.

[5] H. Y u l e, op. cit., p. 47 (примечание 2).

[6] G. O p p e r t, Der Presbyter Johannes, Berlin, 1864, S. 164.

[7] O. P e s c h e l, op. cit., S. 128, 164, 193.

скромной деятельности христианского миссионера в Китае. Это странное сообщение требует другого объяснения, и, кажется, Кунстман его нашел[1].

Видимо, эти сведения сообщались в конце второго письма Монтекорвино, который утерян и дошел до нас в пересказе другого лица. Недалеко от того места, на котором внезапно обрывается сохранившийся текст, речь идет о деятельности Монтекорвино в Индии. Сообщение о приглашении Монтекорвино в Эфиопию относится к тому времени, и францисканец получил его, находясь еще в *Индии*. Это вполне вероятно, так как между Восточной Африкой и Индией поддерживались постоянные и довольно оживленные сношения.

Согласно другой гипотезе[2], неопределенное понятие «Эфиопия» в данном случае следует, вероятно, отнести не к этой стране, а к большому острову Сокотре[3], Диоскориду древних (см. т. I, гл. 32), где вплоть до XVII в. находили следы очень давнего христианства несторианского толка. Ведь еще около 550 г. сообщалось, что духовный пастырь Сокотры прибыл будто бы в Ессину (Вассин) в Африке[4]. А вот что рассказывает о ее жителяхПоло: «Живут тут христиане крещеные, и есть у них архиепископ... Архиепископ их не сносится с римским апостолом [папой], а подчинен архиепископу в Бодаке [Багдаде]; бодакский архиепископ назначает его на остров и других архиепископов в разные страны света совершенно так же, как то делает римский апостол»[5].

При зачастую весьма небрежном пользовании географическими наименованиями, характерном для средневековых авторов, вполне возможно, что Монтекорвино назвал «Эфиопией» неизвестный ему остров, лежавший на пути к этой стране. В таком случае не было бы ничего необычного в приглашении, посланном оттуда в Индию. Ведь остров Сокотра находился в то время на перекрестке оживленных торговых путей, ведущих из Красного моря в Индию.

Впрочем, о пребывании Монтекорвино в Индии гораздо точнее, чем его собственное донесение папе от 22 декабря 1291 г. (1292 г.), нас информирует письмо доминиканского монаха Менентилла из Сполето (Спалато)[6], написанное только в 1310 г. (см. первоисточники в начале главы). Появление в Индии европейских христиан и их проповедническая деятельность не были чем-то необычным после 1300 г., то есть после того, как монголы уничтожили преграды, созданные ранее исламом. Но 36-летнее пребывание христианского миссионера в Китае имеет большое значение с точки зрения истории культуры.

---

[1] «Historisch-Politische Blätter», ed. Görre, B. 37, S. 236.

[2] J. S. A s s e m a i, Bibliotheca apostolica Vaticanensis, Roma, 1736—1739, p. 516.

[3] Согласно Потту и Болену, название «Сокотра» происходит от индийского слова «сукхадара», что означает «Земля счастливых». См. P o t t, Ethymologische Forschungen in Gebiete der indogermanischen Sprachen, Lemgo, 1833, S. 80; B. B o l l e n, Das alte Indien, Königsberg, 1830, B. II, S. 139. Видимо, отсюда происходит распространенная в древности легенда о каком-то восточном острове Блаженных. См. R. H e n n i g, Sokotra als östliche Insula Fortunata des Altertums, «Petermanns Mitteilungen», 1948, S. 89 (и след.).

[4] W. T o m a s c h e k, M. B i t t n e r, Die topographischen Capitel des indischen Seespiegels Mohit, Wien, 1897.

[5] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 201.

[6] Более подробно см. Q.u é t i f, Scriptores ordinis praedicatorum, Paris, 1719, t. I, p. 541.

ГЛАВА 132

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ПЛАВАНИЕ АФРИКАНСКОГО СУЛТАНА В АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ

(между 1300 и 1307 гг.)

Мы происходим из семьи, в которой монарший сан передается по наследству. И вот предшествовавший мне правитель решил, что нет ничего невозможного в том, чтобы убедиться в наличии противоположного берега у моря ал-Мухит [Атлантический океан]. Одержимый этой мыслью и воодушевленный желанием доказать свою правоту, он приказал снарядить несколько сот судов, набрал для них команды и присоединил к ним также много других судов, снабженных золотом, съестными припасами и водой в таком изобилии, что все это могло удовлетворять потребности команды в течение многих лет. При отплытии он обратился к командирам со следующей речью: «Не возвращайтесь, прежде чем вы не достигнете самой крайней границы океана или прежде чем не будут исчерпаны ваши съестные припасы или питьевая вода».

Они отплыли и долго отсутствовали; прошло много времени, но никто не возвращался. Наконец вернулось одно судно. Мы спросили кормчего этого судна, что же случилось. Он ответил: «Государь, мы долго плыли, пока не встретили мощного течения, подобного реке. Я шел последним за другими судами. Все суда, шедшие впереди, продолжали плавание, но едва подошли к этому месту, как начали исчезать одно за другим, и мы так и не узнали, что же с ними случилось. Я же не захотел оказаться во власти этого водоворота и потому вернулся».

Султан не захотел поверить этому сообщению и не одобрил поведения командира. Затем он приказал снарядить две тысячи судов, из которых одна половина была предназначена для него самого и его спутников, а другая — для припасов и питьевой воды. Он доверил мне правление и со своими спутниками вышел в море ал-Мухит.

При таких обстоятельствах мы видели его и других в последний раз. Я остался неограниченным властелином государства[1].

---

[1] Сообщение африканского султана Мусы, переданное Ибн-Фадлаллах ал-Омари (XIV в.). См. «Bulletin de l'Institut d'Egypte», 1919—1920, t. II, p. 58 (и след.). [Об ал-Омари см. И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 405-411.—*Ред.*

Уже сообщение Геродота о разведывательном путешествии юных насамонов через Сахару (см. т. I, гл. 17) свидетельствовало о том, что в отдельных случаях даже у полукультурных и первобытных народов может появиться настоящая потребность в географических исследованиях. Еще более характерно в этом отношении событие, происшедшее в африканском мире в начале XIV в. Оно достаточно хорошо засвидетельствовано и вполне правдоподобно.

Мы узнаем об этой странной истории из труда каирского ученого Ибн-Фадлаллаха ал-Омари (1301—1348), составившего обширную энциклопедию «Масалик ал-абсар фи мамалик ал-амсар». [По Крачковскому,— «Пути взоров по государствам крупных центров».— *Ред.*]

В ней содержится, между прочим, и сообщение тогдашнего вали Каира египтянина Ибн-Амир Хаджиба о его приключениях в год 724 хиджры (1324 г. н. э.). В этом году ему довелось повстречаться со «знаменитым»[1] султаном (*Mença*) Муссой, или Мусой, правителем большого и богатого негритянского государства Мали в бассейне Нигера. Муса, как благочестивый магометанин, предпринял предписываемое исламом паломничество в Мекку, во время которого посетил также и Каир. Ведь оживленный путь паломников из мусульманских стран Западной Африки в Мекку проходил через столицу Египта[2]. Эти паломничества из Западного Судана в Мекку, продолжающиеся и по сей день, широко практиковались в средневековье. Еще за 100 лет до султана Муссы один из его предков, султан Муса Аллакой (1200—1218), совершил путешествие к святым местам в Мекку не менее четырех раз![3] Именно от этого султана, самого выдающегося из правителей Мали, вали Ибн-Амир Хаджиб лично узнал удивительную историю, сообщенную в первоисточнике.

В Западном Судане, видимо, около 300 г. н. э. было основано государство Гана, или Ганата. Когда это государство в XI в. подчинило своей власти живших в районе мыса Бланко мусульман-азанагов, порабощенные около 1076 г. склонили завоевателей к принятию магометанства. Как прославленная Страна золота, Гана пользовалась широкой известностью в европейском мире и считалась своего рода сказочным государством. Позднее Гана попала в зависимость от возникшего на верхнем Нигере государства Мали, Мелли, или Мандинго, территория которого распространялась примерно от Бамако вверх по течению Нигера через «богатый золотом район Буре» и такие же золотоносные области Фалеме и Бамбук[4]. С 1250 по 1500 г. она простиралась «почти через весь Западный Судан»[5]. Столицей этого государства была сначала Джариба, а позднее Ниани, основанный около 1238 г. на левом берегу реки Санкарани[6].

---

[1] Статья Делафосса. См. «Enzyklopädie des Islam», 1934, B. 4, S. 528.
[2] О средневековых путях сообщения между Каиром и Тимбукту. см. «Geographische Zeitschrift», 1897, S. 136.
[3] Статья Лабуре. См. «Enzyklopädie des Islam», B. 3, S. 261.
[4] Ibidem, S. 259.
[5] Ibidem, S. 261.
[6] Ibidem, S. 221.

Этим государством с середины XI в. правила династия Кейта, первый царь которой Барамендана был обращен в мусульманство около 1050 г.[1] Правителем этой династии был и султан Муса. В его царствование государство Мали достигло зенита своего могущества и, как богатая золотом страна, приобрело широкую известность, нашедшую отражение на картах мира христианских народов XIV—XV вв. (см. гл. 146 и рис. 12).

Государство Мали и его главные центры находились в 1000 *км* от моря. Ко времени достижения зенита своего могущества оно простиралось от долины Бани до долины Фалеме и от пустыни до границы тропического леса[2]. Итак, до Гвинейского залива это государство не доходило; ислам тоже не проникал на юг дальше Сьерра-Леоне. С учетом этих обстоятельств многое остается не совсем понятным в истории, сообщенной ал-Омари.

Всем народам тропической Африки мореплавание было почти чуждо. У них не было стимула для дальних морских плаваний, и, насколько нам известно, они ограничивались довольно скромным каботажным рыболовным промыслом. Тем непостижимее для нас, что африканский султан послал сразу 2 тыс. судов в океанское плавание. Прежде всего совершенно непонятно, откуда мог достать правитель удаленной от моря страны такой мощный океанский флот и где ему удалось набрать такое количество опытных моряков, необходимых для предполагавшегося разведывательного плавания по «глубокотекущим водам Океана»[3].

В сообщении говорится, однако, только о посланных «судах» (*markab*), без их характеристик. Двух тысяч морских судов у султана Мали, видимо, никогда не было; гораздо вероятнее, что он не располагал ни одним таким судном. Его 2 тысячи судов на самом деле были, очевидно, простыми речными лодками для сообщения по Нигеру. Если экспедиция «для определения протяженности океана» действительно предпринималась на такого рода судах, то нас не должен удивлять ее трагический исход и гибель самого султана, одержимого страстью к исследованиям. Между имевшейся в его распоряжении флотилией и масштабами поставленной задачи было такое баснословное несоответствие, что только при полном незнании океана и таящихся в нем опасностей могла возникнуть мысль об этом самоубийственном предприятии.

Тот факт, что при этом плавании действительно были использованы обычные весельные лодки, вытекает из следующих соображений. Насколько нам известно, у коренных народов Западной Африки никогда не было парусных судов, но если бы африканцы действительно отважились выйти в море на парусниках, они, попав в зону пассатов, безусловно, не могли бы вернуться на родину. Но как далеко ушли на гребных лодках африканцы, незнакомые с морем, остается только гадать!

В этом отношении автор согласен с Гумбольдтом, и он поэтому выступал против утверждения, что африканские мореплаватели могли добраться до

---

[1] Статья Лабуре. См. «Enzyklopädie des Islam», B. 3, S. 261.
[2] Ibidem, S. 262.
[3] «Одиссея», песнь XI.

Америки, либо занимаясь пиратством, либо отнесенные туда штормом. Вскоре после открытий Колумба такую гипотезу выдвинул Петр Мартир[1], и, когда Бальбоа на Дарьенском перешейке обнаружил аборигенов с почти черным цветом кожи, к этому предположению присоединился Гомара[2]. В противоположность этому Гумбольдт указывал, что «африканские негры никогда не занимались пиратством в открытом море и пользовались только маленькими челноками для рыбной ловли у берегов»[3].

Поэтому положительно непостижимо, как может говорить комментатор ал-Омари, Ахмед Зеки-паша, о «попытке достигнуть Америки» или даже поставить следующий несколько наивный вопрос: «Нельзя ли отважиться на очень рискованное предположение, что некоторые из этих храбрых исследователей, унесенные волнами, могли достигнуть Америки, а затем или слились с аборигенами, или основали первую черную колонию в Новом свете?»[4]

На этот вопрос, конечно, возможен только один ответ: да, это предположение весьма рискованное и даже *слишком* рискованное! Если первая мнимая попытка мусульман достигнуть Америки, предпринятая в XII в. (см. т. II, гл. 110), при глубокой повторной проверке оказалась всего-навсего прогулкой примерно до Канарских островов, то к экспедиции султана Мали даже при самом благосклонном суждении следует применить гораздо более скромные масштабы. Непостижимо, как один немецкий исследователь[5] согласился с гипотезой, что африканская экспедиция могла достигнуть Америки[6]. Как бы то ни было, плавание султана оказалось попыткой с абсолютно негодными средствами, интересно задуманным, но из-за незнания условий просто отчаянным предприятием, которое не могло закончиться иначе, чем оно кончилось. И все же, несмотря на все эти соображения, широкие замыслы султана достойны похвалы и весьма интересны с культурно-исторической точки зрения.

В каких водах плавали его суда, точно сказать нельзя. Если это в самом деле были лодки с Нигера, то они могли спуститься по этой реке примерно от Гао и, по всей вероятности, нашли гибель еще у устья. Единственное судно, вернувшееся из первой экспедиции, якобы «долго отсутствовало». Но это сообщение ни в малейшей степени не может помочь нам при дальнейших рассуждениях: как недели, так месяцы и годы можно назвать «долгим отсут-

---

[1] Petrus Martyr Anglerius, De rebus Oceanicis, Sevilla, 1511 dec. III, lib. I, cap. 45. [Петр Мартир из Ангьеры — испанский хронист XV—XVI вв. (современник Колумба), по происхождению итальянец. Мартир оставил огромное эпистолярное наследство, незаменимый источник для изучения истории Испании его времени.— *Ред.*]

[2] Франсиско Лопес Гомара (1510–1560)— испанский историк Конкисты (завоевания Америки) и автор «Истории Индий». См. F. L. de Gomera, Historia de las Indias, Zaragoza, 1553.— *Прим. ред.*

[3] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 344.

[4] Ahmed Zéki Pascha, Une seconde tentative des Musulmans pour découvrir l'Amérique, «Bulletin de l'Institut d'Égypte», 1919—1920, t. II, p. 57 (и след.).

[5] E. Zechlin, Das Problem der vorkolumbischen Entdeckung Amerikas, «Historische Zeitschrift», 1935, S. 46.

[6] В своей новой работе Цехлин уже не повторил этого утверждения. См. E. Zechlin, Maritime Weltgeschichte, Hamburg, 1947.

ствием». Ведь одно лишь гипотетическое плавание по Нигеру вниз, а затем вверх по течению должно было продолжаться очень долго. Катастрофа могла произойти, пожалуй, вскоре после выхода в море.

Имя предприимчивого африканского султана не названо в труде ал-Омари, да и дату происшествия можно определить только приблизительно. Сообщил об этом событии Муса, великий султан Мали, которого Ла-Ронсьер очень метко называет «Наполеоном пустыни»[1]. Правил он с 1307 по 1332 г.[2] Предшественником Мусы был его отец султан Абу Бакари, который правил очень недолго. Но султан Муса едва ли мог сообщать о своем отце, не упомянув об этом родстве. Вероятно, в сообщение ал-Омари вкралась незначительная ошибка. Предшественником Абу Бакари был некий Мамаду[3], о котором мы больше ничего не знаем.

Во всяком случае, можно считать, что единственное плавание, предпринятое африканцами с исследовательскими целями, о котором знает история, состоялось незадолго до 1307 г., вероятно между 1300 и 1307 гг.

---

[1] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique an moyen-âge, Caire, 1929, t. 1, p. 115.

[2] «Enzyklopädie des Islam», B. 3, S. 262.

[3] Ibidem.

ГЛАВА 133

МОНГОЛЬСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦИЮ И АНГЛИЮ (1305 г.)

Мы, ильхан Олджайту, говорим Иридуверенсу [королю Франции]:

Все вы, султаны франкских народов, почему забываете вы, что долгое время были в дружественных отношениях с Нашим высоким прадедом, с Нашим высоким дедом, с Нашим высоким отцом, с Нашими высокими старшими братьями? Подумайте, если бы вы были близки Нам, то, хотя и находитесь далеко, посылались бы вам временами пожелания здоровья и сообщения, чтобы осведомлять вас о разных новостях.

Вступив ныне на престол, Мы никоим образом не хотим изменять или отменять предписания и распоряжения Наших предшественников — Нашего высокого деда, Нашего высокого отца и Наших высоких старших братьев относительно того, что было договорено с прежними наместниками наилучше организованных провинций, но хотим их подтвердить и, как раньше, оставаться в дружественных отношениях, обмениваясь посольствами.

Старшие и младшие братья, Мы все стали жертвой несправедливости, оклеветанные дурными людьми. Теперь Мы, а также Темур-каган, Тохога, Чабар, Тога и другие потомки Чингисхана, озаренные свыше, положили с помощью Неба конец взаимным обвинениям, длившимся 45 лет, объединили наши государства от восхода солнца до моря Талу и слили наши почтовые службы. Мы связали себя обещанием, что если кто-нибудь из нас подумает иначе, то все Мы сообща будем защищаться против него.

И подумали Мы: почему же должны Мы забывать о вашем обычае поддерживать дружественные связи с Нашим высоким дедом, с Нашим высоким отцом и с Нашими высокими старшими братьями? Поэтому Мы послали к вам Мамали и Томана.

Нас уведомили, что все вы, многочисленные султаны франкских земель, живете между собой в мире и согласии. В самом деле, что может быть лучше согласия? Если кто-либо не захотел поддерживать согласия с Нами или Вами, то Мы — пусть знает об этом Небо! — будем вместе защищаться против него с помощью Неба.

Наше письмо дано в год 704, год змеи [1305 г. н. э.], в 8-й день последней декады первого летнего месяца, когда Мы находились в Алияне[1].

В гл. 118 и последующих главах этого тома мы уже говорили о том, что в середине XIII в. западные государи, включая папу, неоднократно пытались установить связи с могущественной Монгольской империей в Азии. Великий хан Хубилай несколько раз обменивался письменными посланиями с папой (см. гл. 126). Посольство, которое Хубилай направил к папе, не достигло места назначения, так как посол заболел во время путешествия (см. стр. 97). Все же монгольские послы из Персии, как уже говорилось (см. гл. 131), еще в 1287—1288 гг. появлялись при дворе папы в Риме. Монгольский правитель в Персии Олджайту, второй сын и наследник часто упоминаемого Марко Поло ильхана Аргуна, в 1305 г. принял решение направить послов с письмами одновременно к королям Франции и Англии, к султану Египта, а возможно, даже к папе и к королю Австрий Альбрехту I, чтобы предложить всем им дружественный союз. Какие политические цели он этим преследовал, точно установить нельзя.

До нас дошло только письмо, адресованное французскому королю Филиппу Красивому (1285—1314). В начале XIX в. этот документ обнаружил Ремюза и опубликовал в оригинале[2]. Русский ученый Я. И. Шмидт попытался сделать первый перевод[3]. Позднее принц Ролан Наполеон Бонапарт проверил оригинал и внес исправления в текст[4]. Наконец, Котвич на Варшавском конгрессе историков в 1933 г. предложил новый, более надежный перевод, который положен в основу приведенного выше текста.

Неизвестно, ответил ли на это письмо король Филипп, но можно предположить, что такой ответ последовал, ибо через два года во Францию было направлено второе монгольское посольство. До нас дошел только ответ английского короля, но он имеет менее важное значение, и поэтому мы воздержались от его передачи. Ответное письмо исходило от короля Эдуарда II, вступившего на престол 7 июля 1307 г., вслед за своим отцом Эдуардом I, которому адресовано послание Олджайту, и было написано в конце 1307 г. Эдуард II не высказывал в нем своего мнения относительно предложения о союзе, ограничиваясь

---

[1] Письмо монгольского правителя Персии ильхана Олджайту к французскому королю Филиппу IV Красивому. См. W. K o t w i c z, Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle, «La Pologne au VII-e Congrès International des Sciences Historiques», Varsovie, 1933, t. I, p. 201 (и след.).

[2] «Mémoires de l'Académie des Inscriptions», t. VII.

[3] I. J. S c h m i d t, Philologisch-kritische Zugabe zu den zwei mongolischen Texten, Petersburg, 1824. [Яков (Исаак) Иванович Шмидт (1779—1847)— востоковед, научный сотрудник Петербургской академии наук, по происхождению голландец. Его работы большей частью изданы на немецком языке, но некоторые из них позднее переведены на русский. Шмидт специализировался в области калмыцкого, монгольского и тибетского языков.— *Ред.*]

[4] R o l a n d B o n a p a r t e, Documents de l'époque mongole, Paris. 1895.

двумя-тремя любезными фразами. Другие ответы не сохранились. Неизвестно также, как отнесся к предложению Олджайту султан Египта.

«Что может быть лучше согласия?»— спрашивает монгольский правитель, потомок грозного Чингис-хана, который со своими наследниками уничтожил 13 млн. человеческих жизней, чтобы утвердить *Pax mongolica*[1]! Как обстояло дело с «согласием» в самой Монгольской империи, показывают не только рассказы Марко Поло о войнах монгольских правителей Персии против своих ближайших родственников[2], но и тот факт, что сам ильхан Олджайту, автор письма, в 1307 г. был изгнан восставшим вассалом и, вероятно, убит[3]. Что касается превозносимого в письме согласия, якобы царившего в Западной Европе, то весьма красноречивым комментарием к нему являются войны короля Филиппа против Англии, Арагона и Фландрии, его резкие споры с римским престолом, закончившиеся пленением папы Бонифация VIII в Ананьи (7 сентября 1303 г.), жестоким, продиктованным корыстолюбием короля преследованием Ордена тамплиеров и сожжением последнего великого магистра этого ордена Жака Бернара де Моле (11 марта 1314 г.). Итак, переписка ильхана Олджайту и посылка им различных миссий в Западную Европу неприятно напоминают облеченные в красивую форму, но отнюдь не безобидные по своему содержанию ноты и речи дипломатов нашего времени.

---

[1] *Pax mongolica* — Монгольский мир (ср. *Pax romana* — Римский мир), то есть мир, основанный на покорении всех соседних и более отдаленных стран.— *Прим. ред.*

[2] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 215—224.

[3] W. K o t w i c z, op. cit., p. 204.

ГЛАВА 134

ПОВТОРНОЕ ОТКРЫТИЕ ВОСТОЧНЫХ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ

(1312 г.)

Туда [к Счастливым островам], по преданию отцов, пристал вооруженный флот генуэзцев[1].

Теперь уже не приходится сомневаться в том, что древним были известны Канарские острова, разумеется за исключением Ферро и, вероятно, также Пальмы[2]. Хотя подобная возможность в свое время отрицалась различными исследователями, уже Гумбольдт довольно твердо выступил в поддержку предположения о том, что древним был знаком этот архипелаг, включая острова Мадейрской группы[3]. Рассказы Гомера о Елисейских полях на самом дальнем Западе[4], повторные сообщения во времена Гесиода[5] о μακάρων νῆσοι (первоначально, вероятно, острове Макар, то есть острове Мелькарта[6]), а также о *fortunatae insulae* [«Счастливых островах»] нельзя было бы понять, не допуская знакомства древних с Канарскими островами[7].

---

[1] P e t r a r c a, De vita solitaria, lib. II, cap. 3.

[2] Упоминания названий этих двух островов в античной литературе найти нельзя. Правда, Марин Тирский и после него Птолемей построили свою градусную сеть на «меридиане Ферро», сохранявшем до недавнего прошлого свое значение исходного меридиана. Тем не менее отсюда нельзя делать вывод, что сам Ферро был уже известен древним географам. Карл Риттер, во всяком случае, утверждает, «что наш меридиан Ферро финикийского происхождения». См. C. R i t t e r, Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen, Berlin, 1861, S. 120 (примечание). Это утверждение, вероятно, правильно, так как Марин занимался посреднической деятельностью.

[3] A. H u m b o l d t, Ansichten der Natur, Stuttgart, 1871, S. 86.

[4] Г о м е р, «Одиссея», песнь IV, стихи 561 — 569.

[5] Г е с и о д, Теогония, 168—173.

[6] H. K i e p e r t, Lehrbuch der alten Geographie. Berlin, 1878, S. 222.

[7] О знакомстве древних с Канарскими островами см. т. I, гл. 6. См. также S a l m a s i u s, Plinianae exercitationes; C. S o l i n i, Polyhistoria, Paris, 1629, t. II, p. 1313; P. F. J. G o s s e l i n, Recherches sur la géographie sistématique et positive des anciens, Paris, 1788, t. I, p. 146; C. M a l t e-B r u n, Précis de la géographie universelle, Paris, 1812, p. 192 (и след.); K. M a n n e r t, Geographie der Griechen und Römer, Leipzig, 1925, B. X, 2, S. 621 (и след.); E. H. B u n b u r y, A history of ancient geography, London, 1879, v. I, p. 202 (и след.); K. K r e t s c h m e r, Geschichte der Geographie, Berlin, 1892, S. 170; C. M ü l l e r, Die Kunde des Altertums von den Kanarischen Inseln, «Festschrift des Geographischen Seminar der Universität Breslau zum 13. Deutschen Geographentag, Breslau, 1901, S. 38 (и след.).

Лучший специалист по Канарским островам англичанин Джордж Глас еще в XVIII в. с полной уверенностью утверждал:

«Не подлежит сомнению, что древние кое-что знали об островах Мадейрских, Канарских, Зеленого Мыса, а также о противолежащем побережье Африки... Скоро ученые убедятся, что они знали *все* острова»[1].

Что касается островов Зеленого Мыса, то это утверждение спорно, но в остальном оно правильно.

Но не подлежит также сомнению, что после крушения Римской империи и упадка эллинской науки на 1000 лет были забыты и Канарские острова (см. т. I, гл. 6). Сохранились, пожалуй, лишь *названия*, данные Канарским островам Плинием[2] и Птолемеем[3], хотя зачастую в неузнаваемо искаженной форме. Во всяком случае, их старые латинские названия встречаются у многих средневековых писателей. Ирландский монах Дикуил упоминал, например, в 825 г. три острова: Юнонию, Ниварию (Тенерифе) и Канарию (Гран-Канария). Он даже привел следующую деталь, заимствованную из античной литературы: *in ea aedificiorum durant vestigia* [на нем сохранились следы зданий][4]. Но плавали к Канарским островам так редко, что в XIV в. они, безусловно, были открыты заново, хотя даже Венсан Бове около 1260 г. знал еще их старые названия[5].

Между тем Канарские острова, разумеется, не были необитаемыми. Там жили загадочные гуанчи, принадлежавшие к северной расе. Чистый антропологический тип этой народности исчез еще в XVII в., но его черты проявляются и теперь у потомков смешанных браков. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах попали на Канарские острова эти северные люди. Коссинна полагает, что они могли быть занесены туда еще в III в. до н. э. мощным потоком северян, который докатился тогда до Северной Африки. Гумбольдт, например, считает, что гуанчи, очевидно, «с давних пор» осели на Канарских островах[6]. Но весьма возможно также, что мы имеем дело с потомками готов, вандалов или других германских племен, занесенных на Канарские острова только во время великого переселения народов в начале средневековья.

Когда мавританский царь Юба II основал в древности свои фактории на Канарских островах (см. т. I, гл. 6), они были необитаемы (но все ли?). Однако там были обнаружены следы древних строений, свидетельствовавшие о более раннем заселении[7]. Хотя эти древнейшие жители чаще всего ютились

---

[1] G. Glas, Geschichte der Entdeckung und Eroberung der Kanarischen Inseln, Leipzig, 1777 (начало).

[2] Plin, N. H., VI, 202 (и след.).

[3] Ptolemäus, IV, 6, 14.

[4] Dicuil, VII, 43, ed. G. Parthey, Berlin, 1870, p. 58.

[5] Vincentius Bellovacensis, Speculum naturae, Douai 1624, lib. XXXII, cap. XVII, p. 2411 (и след.). [Венсан де Бове, иначе Винцент из Бове (ум. ок. 1264 г.) — французский ученый-энциклопедист, автор многотомного «Великого Зерцала». Этот доминиканский монах одно время был советником короля-крестоносца Людовика IX.— *Ред.*]

[6] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 131.

[7] Plin, N. H., VI, 36.

в пещерах, установлено, что они уже были знакомы также с каменными жилищами[1]. Ранняя история Канарских островов все еще в значительной степени остается загадкой (см. гл. 143). Во всяком случае, гуанчи, антропологические признаки которых еще и теперь часто обнаруживают у жителей островов, вероятно, когда-то раньше находились «на более высоком уровне жизни», чем теперь, «когда их общество в результате длительной изоляции деградировало до убожества диких племен»[2]. Как бы то ни было, вплоть до XIV в. нигде ничего не знали о гуанчах. А сами Канарские острова свыше 1000 лет ассоциировались в памяти людей только с названиями, встречавшимися в античных литературных источниках.

Объясняется такое забвение тем, что европейские народы, за небольшим исключением (ирландцы, норманны), примерно до XIII в. разучились плавать в открытом океане.

В открытое море осмеливались выходить только на короткий срок в знакомых водах и, как правило, держались у побережий. Фогель очень удачно подметил, что в течение многих столетий в европейских морях связи поддерживались «в строго обособленных районах» незначительного размера и что отважные норманны были теми людьми, которым было суждено положить новое начало дальним морским плаваниям: «Роль норманнов в истории мореплавания заключается прежде всего в том, что они связали в единый судоходный район все атлантическое побережье Европы от Невы до Гибралтара. Плавания норманнов, несомненно, были первым шагом в том направлении, которое привело в конечном счете к пересечению Атлантики и к овладению этим океаном»[3].

Прекрасной иллюстрацией к этому утверждению служит история ознакомления с Канарскими островами. Правда, мы можем прочесть у Идриси, что западнее Сафи в океане лежит остров, над которым при ясной погоде время от времени поднимается дым[4]. Не подлежит сомнению, что здесь речь идет о вулканическом острове Тенерифе. Идриси рассказывает даже, что один флотоводец Ахмеда Ибн-Омара намеревался приблизиться к этой дымящейся диковинке со своей эскадрой, чтобы исследовать ее. Но об исполнении этого замысла нигде не сообщается, и мы ничего не знаем о посещении этого острова с II по XIV в., если не рассматривать как его повторное открытие плавание арабских «смельчаков» около середины XII в. г. (см. т. II, гл. 113), что тоже не исключается. Впрочем, все рассказы арабов об островах Атлантического океана почерпнуты ими из особенно почитавшихся классических авторов. Так, ал-Бакри в XI в. называл даже Канарские острова их латинским наименованием *Fortunatash*! И если 100 лет назад португальский ученый высказал предположение о личном знакомстве арабов с Канарскими остро-

---

[1] R. Verneau, Cinq années de séjour aux îles Canariques, Paris, 1891, p. 47 (и след.).

[2] O. Peschel, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Leipzig — Meersburg, 1930, S. 44 (издание, переработанное Гёдекке).

[3] W. Vogel, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 98 (и след.).

[4] Edrisi, ed. Jaubert, Paris, 1840, t. II, p. 200.

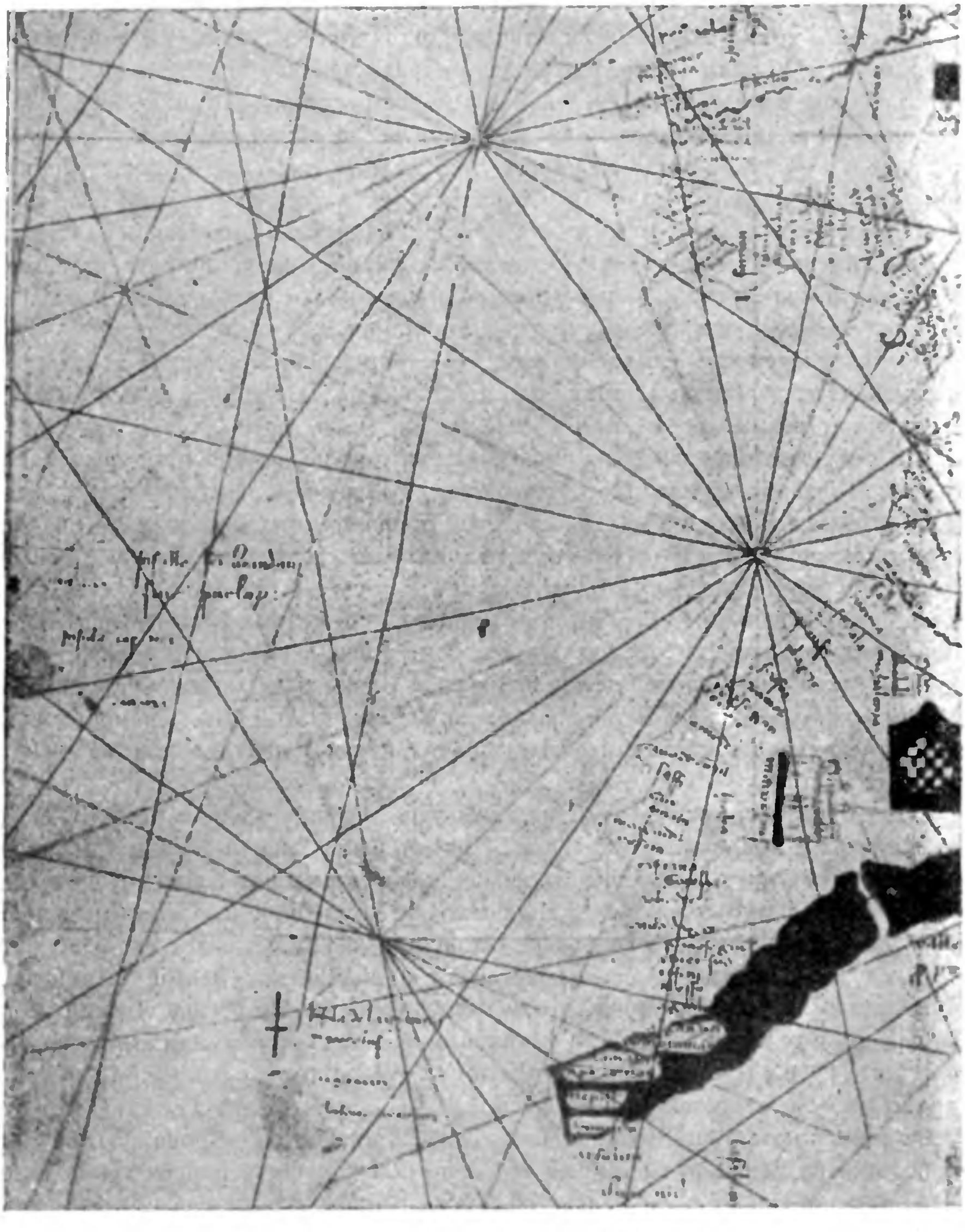

Рис. 7. Карта Дульсерта от 1339 г., на которой впервые показаны восточные острова Канарской группы.

См. Y. Kamal, Monumenta Cartographica Africae e Aegypti, 1937, t. IV, fasc. 2, № 1222.

вами[1], то это объясняется ошибочным выводом, который он сделал из упоминания этих островов в арабской литературе. Ла-Ронсьер показал, какое абсолютно неправильное, фантастическое представление имел об этих островах даже Идриси.

«По Идриси, один из островов Лака сделался необитаемым, так как там расплодились змеи; другой остров был опустошен драконом, которого позднее убил Александр... на Раке будто бы жили гигантские птицы со страшными когтями».

Лучшее знакомство с этой островной группой мы обнаруживаем только у араба Ибн-Халдуна около 1350 г., то есть в то же самое время, когда и христианские народы Европы уделяли вновь открытому архипелагу особенное внимание (см. гл. 143).

Общего представления о том, при каких обстоятельствах в первой половине XIV в. были постепенно повторно открыты Канарские острова, нам не дает ни один первоисточник. Об этом приходится судить только по отдельным фактам. Нельзя ни достоверно указать на народ, которому удалось сделать это повторное открытие, ни определить его точную дату. Мнения современных исследователей по этому вопросу довольно значительно расходятся, поскольку сообщения источников очень скудны. Самый выдающийся португальский хронист века открытий Барруш сообщает только, что, «согласно молве, сведения об этих островах получены от моряков английского или французского судна, отнесенного к ним штормом»[2]. Основываясь на сообщении Барруша, Престейдж без доказательств пытается отнести это открытие к 1270 г.[3] Такое предположение вряд ли приемлемо. Попытка дать гораздо более правильное толкование представляется нам отнюдь не безнадежной.

Прежде всего некоторые заключения можно сделать из морских карт и карт мира, составленных в XIV в. Две карты Висконти, от 1311 и 1318 гг., карта Санудо от 1321 г. и карта Далорто, дата составления которой долго вызывала сомнения, но теперь отнесена Винтером к 1330 г.[4], еще не содержат никакого намека на острова, расположенные к западу от Гибралтарского пролива. На карте Санудо есть даже своеобразная запись: «По ту сторону Гадеса, в государствах Испании, Португалии и Галисии, нет сколько-нибудь ценных островов» (*ultra Gades, per regna Ispaniae, Portugaliae et Galitiae,*

---

[1] J. J. da Costa de Macedo, Memoria em que se pertende provar, que los Arabes hao conferecao as Canarias antes dos Portuguezes, «Historia e Memoria da Academia de Lisboa», Lisboa 1844, t. I, part II.

[2] J. de Barros, Da Asia, Lisboa, 1652, dec. I, liv. XII, cap. 23. [Жуан Барруш (ок. 1496—1570) — выдающийся португальский историк, автор труда «Азиатские декады» («Décadas da Asia»), I том которого был издан в Венеции в 1551 г. Этот труд представляет собой историю португальских открытий и завоеваний в Африке и Азии начиная с принца Генриха Мореплавателя. В IV томе «Неведомых земель» Хенниг чаще всего ссылается именно на этого историка.— *Ред.*]

[3] E. Prestage, Die portugiesischen Entdecker, Leipzig, S. 10. [О Прейстейдже см. стр. 371, примечание 6.]

[4] H. Winter, Das Katalanische Problem in der älteren Kartographie, «Ibero-Amerikanisches Archiv», 1940, B. XIV, 2, 3, S. 101.

non inveniuntur insulae alicuius valoris). Сантарен правильно замечает по этому поводу: «Если бы Канарские и Азорские острова были известны во времена Санудо, он не смог бы дать такой легенды»[1].

Только на карте каталонца Дульсерта, составленной на Мальорке в августе 1339 г., найденной в 1885 г. в Париже и приобретенной Национальной библиотекой[2] (см. рис. 7), впервые отчетливо показаны два больших Канарских острова: Лансароте и Фуэртевентура. Тождествен ли этот Дульсерт упомянутому выше Далорто или нет, вопрос спорный. И Дульсерт, и Далорто — оба каталонцы, а не итальянцы, как недавно доказал Винтер[3]. Этот исследователь считает, что мы имеем дело с двумя разными людьми, но его аргументация не слишком убедительна. Если два картографа со сходными фамилиями жили и работали в одно и то же время, причем оба были каталонцами и, кроме того, носили редкое имя Анжелино, то вероятность их тождества все же велика, тем более что в их картах обнаруживается заслуживающее внимания сходство. Предположение Маньяги, что Далорто принадлежал к древнему генуэзскому роду даль Орто[4], трудно доказать.

Довод Винтера, что Канарские острова, показанные впервые на карте Дульсерта от 1339 г., отсутствовали на карте Далорто, составленной на девять лет раньше, только потому, что его карта на западе не включала меридиан Канарских островов, мало убедителен[5]. Автор все же придерживается своего прежнего утверждения, что в 1330 г. эти острова еще не могли быть известны картографам. Ведь иначе Далорто при любых обстоятельствах показал бы их на своей карте, расширив ее по направлению на запад. Автор по-прежнему придерживается своего вывода из упомянутых различий в карте Далорто и Дульсерта: сообщение о Канарских островах могло попасть в Европу только между 1330 и 1339 гг.

Это предположение можно, пожалуй, даже развить. Барруш сообщил, что некое английское или французское судно впервые было отнесено бурей к Канарским островам. Ла-Ронсьер утверждает, что речь будто шла о судне из Шербура, не указывая, впрочем, откуда он почерпнул эти сведения[6].

---

[1] M. F. de Santarem, Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie, Paris, 1849, t. I, p. 35.

[2] E. T. Hamy, La mappemonde d'Angelino Dulcert de Majorque (1339), «Bulletin de géographie historique et descriptive», Paris, 1886, p. 354 (и след.); E. T. Hamy, Etudes historiques et géographiques, Paris, 1896 (с репродукцией карты); G. Marcel, Note sur une carte catalane de Dulcert antérieure à l'atlas catalane de 1375, «Comptes Rendus de la Société de Géographie de Paris», 1887, p. 38; F. Duro, Los cartografos mallorquinos Angelino Dulcert-Jefuda Cresques, «Bolletino de la Sociedad Geografica de Madrid», 1891, t. XXXI, p. 283; L. Gallois, Sui mappamondi del Dalorto e del Dulcert, «Rivista Geografica Italiana», 1905.

[3] H. Winter, op. cit., S. 98 (и след.).

[4] A. Magnaghi, La carta nautica costruita nel 1325 da Angelino, «Rivista Geografica Italiana», Firenze, 1897, p. 5; A. Magnaghi, Angelino Dalorto, «Atti del 3. Congreso geografico italiano», Firenze, 1899, t. II, p. 506.

[5] H. Winter, op. cit., S. 108.

[6] Ch. de la Roncière, Histoire de la marine française, Paris, 1901, t. II, p. 103.

В качестве довольно шаткого предположения с рассказом Барруша можно было бы связать сообщение, сделанное в 1513 г. турком Пири Реисом, что какое-то генуэзское судно на обратном пути из Фландрии в Геную было отнесено штормом к безымянному острову в океане. Этот вопрос будет подробнее рассматриваться в IV томе (см. гл. 180). Пири Реис считает, что судно было отнесено к Азорским островам. Однако автору этих строк представляется, что скорее напрашивается мысль о Канарских островах, тем более что другой генуэзец на основе этого сообщения решил лично предпринять плавание к неизвестным островам.

Вероятность того, что именно генуэзцам удалось заново открыть Канарские острова, подтверждается и следующим. На карте Дульсерта от 1339 г., где впервые показаны Канарские острова, рядом с ними помещен герб Генуи. Этот герб фигурировал иногда и на более поздних морских картах. К тому же в некоторых источниках остров Лансароте обозначается как «*Insula de Lancirotus Malocelus*». В «Книге познания» сказано также, что остров Лансароте открыл «генуэзец, носивший это имя» [Лансароте].

Об этом генуэзце мы осведомлены несколько точнее. Предположительно он был провансальцем, жившим тогда в Генуе. Имя Ланселот, видимо, было дано ему в честь рыцаря Ланселота Озерного—героя знаменитой саги об Артуре, оказавшей значительное влияние на культуру Прованса XIV в. В Генуе это имя было переделано на итальянский лад в Лансароте и сохранилось до наших дней как название одного из островов Канарской группы. Фамилия Ланселота передается по-разному: Марочелли, Малочелли, Малочелло, Марочелло, Мароселло. Произошла ли и тут итальянизация, остается неясным. Возможно, что фамилия Малуазель, принятая позднее открывателем острова, после того как он в 1338 г. поступил на службу к французскому королю[1], была его настоящей первоначальной фамилией. Однако итальянцы всегда считали Лансароте своим соотечественником. Уже в 1455 г. он называется в «Космографии» Бартоломео Парето «*Maroxello Lanzerotto Januensis*», то есть генуэзцем. Одновременно Парето приводит в качестве доказательства своего утверждения тот факт, что некий носитель подобной фамилии упоминался в генуэзских архивных документах еще в 1348 и 1391 гг.[2] Подобно этому, в более поздней статье Эррары, помещенной в «Итальянской энциклопедии», мореплаватель «Ланчеллотто Малочелли» назван «выходцем из знатной генуэзской семьи».

Один генуэзский документ от 25 октября 1306 г., опубликованный Дезимони[3], сообщает о нашем Лансароте, что он вместе с двумя купцами, братьями Эмануэле и Леонардо Пессаньо, нанял в Генуе две хорошо оснащенные галеры для торгового плавания в Англию, откуда они собирались привезти шерсть.

---

[1] Ch. de la Roncière, La déconverte de l'Afrique au moyen-âge, Caire, 1929, t. II, p. 3.

[2] M. G. Canale, Nuova istoria della republica di Génova, Génova, 1860, t. III, p. 343.

[3] «Atti della Società Ligure», t. XV, p. 10.

Более важное значение имеет другое сообщение, опубликованное в 1632 г. потомками открывателя Малочелло (Малуазеля)[1] и брошенное на чашу весов для решения этой проблемы Ла-Ронсьером[2]. В этом сообщении говорится, что в 1312 г. Лансароте Малочелло достиг одного острова в океане и там поселился. Он будто бы прожил на этом острове почти 20 лет и присвоил ему свое имя, а затем вернулся в Геную. Как бы то ни было, теперь доказано, что Лансароте 1 апреля 1330 г. находился в Генуе. На самих Канарских островах существует предание, что остров Лансароте открыт французом, занесенным туда между 1326 и 1334 гг.[3]

На основании преданий, пересказанных в рукописях, которые хранятся в парижской Национальной библиотеке, Ла-Ронсьер дал следующее изложение хода событий в своем уже цитировавшемся выше труде: «По сообщению шербурских моряков, отнесенных непогодой далеко от берегов Испании и открывших неизвестные острова, генуэзец Лансарото Малочелло, или Ланселот Малуазель, в 1312 г. предпринял их завоевание. Он высадился на остров Тит-Руа-Гатра, построил укрепленный замок и прожил там более 20 лет, пока общее восстание местных жителей, объединившихся с соседями, не вынудило его к отбытию».

Надежно ли это изложение хода событий и в какой мере, установить теперь нельзя. Следует принять во внимание, что оно исходит от потомков Малочелло, которые хотели этим опровергнуть, к чести своих предков, претензии Жана де Бетанкура на открытие Канарских островов. Опыт показывает, что такие сообщения часто бывают пристрастными и ненадежными. Уместно ли в данном случае проявлять к ним доверие, доказать нельзя.

Если предание верно, то повторное открытие Канарских островов было случайно совершено моряками из Шербура незадолго до 1312 г. В этом случае Малуазель сделал первую попытку их заселения в этом же году.

Известие об открытии островов дошло до Европы только около 1330 г. Возможно, что оно вначале хранилось в тайне в самой Генуе, пока к новым островам не направилась другая генуэзская экспедиция, обеспечившая там генуэзским купцам значительные привилегии, причем на длительное время. Разумеется, подтвердить документально это предположение нельзя, но долго хранить тайну не удалось. После того как в 1338 г. Малочелло перестал служить Генуе и нести ответственность за сохранение тайны, известие об островах должно было распространиться и в других местах. С этим предположением хорошо согласуется тот факт, что карта Дульсерта, впервые письменно засвидетельствовавшая открытие островов, относится к 1339 г. У нас нет оснований сомневаться в том, что открытие восточных Канарских островов

---

[1] «Inventaire généalogique, baillé par leurs prédécesseurs (et ancêtres) aux eslus de Constances, l'an 1453, lequel fit une ample mention de l'entreprise de ce Lancelot», Caen, 1632.

[2] Ch. de la Roncière, Histoire de la Marine française, Paris, 1901, t. II, p. 105.

[6] G. Glas, History of the discovery and the conquest of the Canary Islands, London, 1764, l. I, ch. I; Fr. Kunstmann, Die Entedeckung Americas, München, 1859, S. I.

удалось совершить именно итальянцам. Ведь «Тюлений остров» Лобос, лежащий к северу от Фуэртевентуры, на карте каталонца Дульсерта обозначен итальянским названием *Vecchi marini* (то есть остров Морского старца, или Тюлений остров).

Видимо; Южная Европа проявляла тогда большой интерес к новым океанским островам. Ведь уделялось же им много внимания в одной рукописи 1341 г. (см. гл. 143). Еще важнее тот факт, что с 1341 г. одна за другой быстро снаряжались различные экспедиции, открывшие также и другие Канарские острова, о существовании которых, очевидно, не знали ни Малочелло, ни Дульсерт.

Дульсерт явно не имел никакого представления о том, что два острова, открытых Лансароте, были теми самыми островами, которые еще Плиний назвал Капрарией и Канарией. Поэтому на его карте, *кроме* новых островов Лансароте и Фуэртевентура, фигурирует еще два названия, найденные у Плиния и переданные им в искаженном виде,— Каприция и Капрация. Дульсерт поместил эти острова Плиния севернее вновь открытых островов, случайно на том самом месте, где действительно находится группа островов Мадейра, еще *не известная* в те времена. Этим он дал первый толчок к картографической небрежности, приводившей в течение многих столетий к величайшей путанице. Заключалась эта небрежность в том, *что любое название океанского острова, услышанное где-нибудь картографом, помещалось им на карте в каком угодно районе океана*. Вследствие этого возникло ошибочное представление, сохранившееся и до наших дней, будто отдельные островные группы, например Азорская, были известны еще в середине XIV в., хотя на самом деле о них вплоть до XV в. не имели ни малейшего представления (см. т. IV, гл. 161). Так, Капрария, или Козий остров, Плиния, идентичный вновь открытому Лансароте острову Фуэртевентура, позднее довольно часто появлялся на морских картах в самых различных местах как таинственный остров «*de las cabras*» [коз], и, наконец, его стали считать островом Сан-Мигел из Азорской группы (см. гл. 147). Однако при открытии этого острова в 1432 г. здесь не обнаружили ни коз, ни других млекопитающих, и, следовательно, название «Козий» совсем ему не подходит.

Кроме того, Дульсерт совершенно произвольно связал с двумя названиями островов, заимствованными у Плиния, еще два где-то услышанных им названия из ирландских саг: остров Святого Брандана и остров Дев (*insula puellarum*). Первый остров является плодом фантазии и фигурирует в ирландской легенде о святом Брандане (см. т. II, гл. 79). Хотя Венсан Бове еще в XIII в. указывал на то, что легенда о святом Брандане носит сказочный характер[1], остров, носящий это название, не пропускается почти ни на одной карте Атлантики, относящейся к XIII—XV вв. Остров Дев тоже выдуман сказителями ирландских саг; первоначально его отождествляли с островом Бразил, на чем мы подробнее остановимся в IV томе (см. гл. 190). Позднее мы

---

[1] Vincentius Bellovacensis, Speculum historiale, Nürnberg, 1483, lib. XXI, cap. 81; hujus peregrinationis historiam propter apocrypha quaedam deliramenta... penitus ab opere isto resecavi.

еще не один раз будем возвращаться к отдельным сказочным островам Атлантики, но уже здесь следует обратить внимание на тенденцию средневековых картографов помещать в любом месте океана какие угодно острова, нисколько не считаясь с тем, правилен ли их выбор. Для картографа того времени было важно только *внести* соответствующее название. Нужно также указать на то, что при чтении источников допускались еще бесчисленные искажения и довольно часто неправильно прочитанное *новое* наименование наносилось на карту *вместе* со старым названием того же объекта и считалось уже другим островом. По поводу такого «размножения островов путем деления» автор написал специальную статью, в которой привел ряд примеров[1]. Еще древним географам не были чужды эти быстрые метаморфозы островов Атлантического океана, часто тоже из-за ошибочного прочтения названия, чему прекрасные примеры приводит Лелевель[2].

Главная причина чудовищной путаницы на морских картах XIV—XV вв., а частично и XVI в. в количестве, положении и названиях островов Атлантики, путаницы, отражающейся на исследованиях и по сей день, заключалась в следующем. Картографы не сразу распознавали идентичность различных островов, вторично открывавшихся начиная с 1312 г., с островами, названия которых восходили к Плинию и Птолемею и были заимствованы из литературных источников древнего мира. Случилось так, что перепутанные античные и новые названия островов в конечном счете были все вместе помещены в Атлантическом океане усердными картографами. Вот почему уже к 1350 г. на картах фигурировали названия гораздо большего числа островов Атлантического океана, чем их было открыто до того времени или чем их имелось в действительности к западу от Гибралтарского пролива. В гл. 147 мы подробнее остановимся на том, к каким нелепым заблуждениям и ошибочным толкованиям, не искорененным и по сей день, привели многочисленные фантастические надписи на старинных картах.

Для правильного суждения о психологических причинах этих своеобразных ошибок следует учесть еще одно обстоятельство. Составителями карт позднего средневековья были не ученые в современном смысле этого слова, да и сами карты зачастую составлялись только в практических целях в помощь мореплавателям, для которых была важна не столько абсолютная точность, сколько примерная ориентировка. Мы не должны допускать исходной ошибки и подходить к оценке старых карт с требованиями нашего времени, рассматривая их как документальное доказательство того, что любые части океана, где на этих картах нанесены соответствующие названия, действительно были тогда уже исследованы. Рассматривая старые карты мира, хотя бы Каталонскую карту 1375 г. (см. рис. 12), мы видим, сколько запутанных представлений о чужих *землях* чистосердечно преподносилось людям того времени

[1] R. Hennig, Grundsätzliche Bemerkungen zur Bewertung alter Erdbeschreibungen und mittelalterlicher Erdkarten, «Geographische Zeitschrift», 1931, S. 339.

[2] J. Lelewel, Die Entdeckungen der Carthager und Griechen auf dem Atlantischen Ozean, Berlin, 1831, S. 140. [О Лелевеле см. стр. 369, примечание 2.]

в качестве апробированной истины и как нелепо переплетаются достоверные сведения с фантастическими вымыслами. К заметкам о малознакомых или совсем не исследованных *морях* мы должны относиться еще более критически. Об этом нередко забывают современные исследователи. Тем полезнее здесь еще раз подчеркнуть весьма относительную достоверность морских карт XIV и XV вв.

Наконец, для выяснения проблемы, затронутой в этой главе, нелишне напомнить, что ландшафт Канарских островов в XIV в., вероятно, был совсем иным, чем теперь.

Большей частью эти острова были еще покрыты густыми лесами; на Тенерифе, кроме современных пересохших русел, наполняющихся водой только после сильных ливней, были еще постоянные реки, приводившие в движение не менее пяти мельниц[1].

---

[1] D. J. W ö l f e l, Die Hauptprobleme Weiss-Afrika, «Archiv für Anthropologie», N. F., 1941, B. 27, S. 97.

ГЛАВА 135

ГИЛЬОМ АДАН В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

(около 1315 г.)

Следуя своему намерению, добавляю я к сему мною самим виденный и проверенный факт. Ибо когда я странствовал среди других народов, чтобы проповедовать Евангелие, то находился под экватором, в чем можно точнее убедиться по трем подтверждающим это признакам. Во-первых, в том месте ни в одно время года нет заметной в часах или даже в минутах разницы в продолжительности дня и ночи; во-вторых, в полдень тень там падает отвесно, если Солнце находится в созвездии Овна или Весов; в-третьих, звезды, вращающиеся вблизи полюса мира, я видел в определенные часы ночи одновременно на севере и на юге на одинаковой высоте над горизонтом. Многие другие доказательства я пропущу ради краткости изложения, хотя они достойны внимания слушателей.

Затем я прошел еще дальше на юг до местности, где наш северный полюс неба уже не был виден; но зато я хорошо видел южный полюс на высоте 23 градусов. Дальше этого места я не пошел. Но торговцы и другие заслуживающие доверия лица иногда заходили еще дальше на юг, до местностей, где, по их уверению, южный полюс стоит на высоте 54 градусов. Если сравнить меньшую широту в 22 градуса от экватора, за которой примерно начинается первый климат, с теми 54 градусами, под которыми поднимается южный полюс в названной точке, достигнутой вышеупомянутыми торговцами, то из этого можно сделать следующие четыре вывода: во-первых, к востоку и югу за климатическими зонами заселена еще большая территория, чем все пространство между меньшей и большей климатическими широтами; во-вторых, площадь Азии значительно больше, чем обычно думают; в-третьих, предположение об антиподах отнюдь не святотатство и не ложь; в-четвертых, и это больше отвечает моим догадкам, мы, истинные христиане, не заселяем ни десятой, ни даже двадцатой части мира[1].

---

[1] Сообщение от 1332 г. французскому королю Филиппу VI. См. Brocardus, Directorium ad Passagium faciendum, «Recueil des Historiens des Croisades, Documents arméniens», Paris, 1906, t. II, p. 383 (и след.).

* * *

Говорят, что в давние времена корабли франков ходили в Комр [Мадагаскар], а также к побережью зинджей[1] [близ Софалы] и в Индию, как рассказывают франки[2].

* * *

На море нельзя плыть за Софалу зинджей. Ни одно судно, осмелившееся на это отважное приключение, не вернулось и не смогло сообщить о случившемся[3].

Как установил К. Колер, комментатор «Армянских документов» из эпохи крестовых походов[4], хранящихся в Национальной библиотеке в Париже, один доминиканский монах, долгое время подвизавшийся в качестве миссионера в Азии и Африке, передал в 1332 г. французскому королю Филиппу VI (1328—1350) отчет о своих приключениях «Directorium ad passagium faciendum» [«Руководство к намеченному путешествию»], сохранившийся только в рукописи. Автором этой рукописи раньше считался монах Брокард, или Брохард (Бурхард)[5], совершивший начиная с 1283 г. много путешествий по Передней Азии и Египту в качестве паломника.

Используя свои дорожные впечатления, он составил путеводитель, который относился к «*peregrinationes in terram sanctam*» [«Паломничества

---

[1] Зинджами в арабской средневековой географической литературе назывались жители приморской полосы Восточной Африки к югу от полуострова Сомали, «соответствующей приблизительно Занзибару». См. И. Ю. Крачковский, Соч., М.—Л., 1957, т. IV, «Арабская географическая литература, стр. 143. На стр. 568 Крачковский отождествляет занзибарцев с зинджами.—*Прим. ред.*

[2] Из рукописи Ибн-Маджида, хранящейся за № 2292 в арабском отделе Национальной библиотеки в Париже (фл. 100 V°, датированный 18 du'l hijja 866, то есть 13 сентября 1462 г.). См. «Journal Asiatique», 1918, ser. XI, t. XII, p. 167. [Ахмед Ибн-Маджид — знаменитый арабский кормчий второй половины XV в., ученый-мореплаватель, автор ряда работ по морской географии и навигации. Это его рекомендовал мореплавателю Васко да Гаме шейх города Малинди, когда португальская флотилия впервые прошла вдоль восточного берега Африки в поисках морского пути в Индию. Ибн-Маджид привычным для него путем, следуя вдоль берегов Сомали, Аравии, Ирана и Индостана, довел португальские суда до юго-западной Индии (переход Малинди — Каликут, 24 апреля— 20 мая 1498 г.). О происхождении и о дошедших до нас рукописях Ибн-Маджида см. И. Ю. Крачковский, указ. соч., гл. XX.—*Ред.*]

[3] Из «Хронологии восточных народов», составленной Бируни. См. al-Biruni, al-Athar al-Bakiya cani'l Kurun al Khaliya (Chronologie orientalischer Völker), ed. Sachau, Leipzig, 1878.

[4] Ch. Kohler, Recueil des Historiens des Croisades, «Documents arméniens», Paris, 1906.

[5] J. C. M. Laurent, Peregrinatores medii aevi quatuor: Burchardus de Monte Simon, Leipzig, 1873, p. 36, 52, 61, 89 (и след.); Ch. Kohler, op. cit., p. CVLIII (и след.).

в Святую Землю»], «невероятно»[1] многочисленным в те времена и вызванным крестовыми походами. Как правило, эти путеводители были заполнены занимательными историями и пользовались необычайной популярностью. Однако предположение, что Брокард был автором «*Directorium ad passagium faciendum*», неверно. Гораздо вероятнее, что этот путеводитель написан доминиканским монахом Гильомом Аданом[2], который составил также и другую рукопись, входящую в «Армянские документы» и озаглавленную «*De modo Sarracenos extirpandi*» [«О способе искоренения сарацин»][3]. Адан при папе Клементии V (1305—1314) был миссионером в Персии в 1313—1314 гг., а позднее отправился в Индию и Восточную Африку. Доминиканец провел 20 месяцев в плаваниях в различных районах западной части Индийского океана и 9 месяцев на острове Сокотра, обошел также Персидский залив и Красное море, а затем через Аден попал в Эфиопию[4]. Отсюда наиболее вероятным представляется предположение, что именно Гильом Адан посетил страны, находящиеся в южной части Восточной Африки по ту сторону экватора, как это описывается в отчете о путешествии. Теперь уже почти доказано, что именно он был автором приведенного выше описания, необычайно толкового и весьма ценного с научной точки зрения, хотя и не свободного от ошибок.

Во всяком случае, определение географических широт в южном полушарии у автора неверно. Как известно, самая южная точка Африканского материка — мыс Доброй Надежды — лежит под 34,5° ю. ш., между тем, согласно Адану, купцы доходили в Африке до 54° ю. ш. Отсюда уже ясно, что этим цифрам нельзя придавать никакого значения. Сильное сомнение вызывает также сообщение, что сам Адан определил в наиболее южной из посещенных им местностей высоту южного полюса над горизонтом в 23°. Так как на южном полюсе нигде нет сравнительно яркой звезды, которую можно считать Полярной, то просто непонятно, как мог наблюдатель определить южный полюс неба. Довольно значительные неточности в определении широт как в древности, так и в средневековье были обычным явлением (см. т. I, гл. 64). Самые южные пункты, названные Птолемеем, почти все были отодвинуты слишком далеко к югу: на 10—15°, а иногда и на 20°. Даже после изобретения астролябии в XV в. ошибки в определении географических широт в южном полушарии на 10° и более были обычным явлением. Итак, на основании сообщений Адана можно только констатировать, что путешественник, находясь в Восточной Африке, перешел за экватор и попал в южное полушарие. Как далеко он прошел, установить нельзя. Арабские моряки, насколько нам известно, не заходили дальше мыса Корриентес под 23°58′ ю. ш.[5], что подтверждается

---

[1] C. Ritter, Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen, Berlin, 1861, S. 193 (и след.).

[2] Ch. Kohler, op. cit., p. CLIV (и след.).

[3] H. Omont, Guillaume Adam (1316), auteur du manuscrit De modo Sarracenos extirpandi, «Histoire littéraire de la France», Paris, 1921, t. XXXV, p. 277.

[4] Ch. Kohler, op. cit., p. CXCI.

[5] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 279 (и след.).

цитатой из Бируни (см. т. II, гл. 108). Между тем Адан заставляет их плавать до 54° ю. ш. Отсюда можно приблизительно определить величину допущенной им ошибки. Маловероятно, что Гильом Адан прошел на юг далее Софалы. Но и в этом случае его подвиг был беспримерным для европейца того времени и, пожалуй, никем не повторялся в течение 170 лет.

Сильное Мозамбикское течение во все времена мешало арабским судам по доброй воле пускаться в плавание на юг за мыс Корриентес. Но по суше арабы доходили до этого пункта еще в 932 г.[1] Этот мыс назывался у них Джебель-эн-Надама, то есть мыс Раскаяния[2], ибо мореплаватели, заходившие за него, скоро раскаивались в своем поступке, так как не могли плыть в обратном направлении против течения. Несколько далее к северу от мыса Корриентес, под 23°50′ ю. ш., находился самый южный город Африки, известный арабам,— Дахута, идентичный современному Иньямбане[3].

Важнейшим для арабов пунктом на побережье Восточной Африки была Софала. Эта гавань открывала выход к морю для богатых золотых рудников Родезии, которые в тот период начали снова усиленно разрабатываться[4]. Приблизительно к этому столетию относятся, вероятно, и некоторые загадочные развалины, которые обнаружены в Зимбабве. Согласно новым исследованиям[5], эти сооружения были воздвигнуты самими африканцами в средневековье, причем самые старые относятся к IX или X в., а самые поздние — к XVI в.[6] Разумеется, последнее слово о возникновении и возрасте этих сооружений, а также об их строителях еще не сказано.

Основание Могадишо в X в. вызвало к жизни Софалу, возникшую примерно в XII в. Это было верным признаком того, что примерно к тому времени золотые сокровища глубинных районов страны снова начали привлекать к себе многочисленных иноземных купцов, в основном арабов.

Софала расположена точно под 20° ю. ш., то есть значительно севернее мыса Корриентес. Итак, ничто не говорит за то, что арабские мореплаватели до XIV в. когда-либо по доброй воле заходили южнее 24° ю. ш., хотя Миллер и полагает, что они были знакомы с побережьем до бухты Делагоа (см. т. II, стр. 419).

Возможно, что арабские купцы по *суше* продвигались еще дальше на юг, за 24° ю. ш. Адан утверждает, что купцы обычно доходили до 54 ° ю. ш. Это означает, что либо купцы, определяя широту, ошибались приблизительно на 30°, либо Адан стал жертвой их бахвальства[7].

[1] M. Chr. Sprengel, Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen, Halle, 1783, S. 20.

[2] Сообщение Ибн-Саида. См. Ch. Guillain, Voyage à la côte orientale d'Afrique, Paris, 1856, t. I, p. 250.

[3] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, B. III, S. 111.

[4] R. Pöch, Zur Simbabwe-Frage, «Mitteilungen der Königlich-Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft zu Wien», 1911, B. LIV, S. 432.

[5] G. Caton-Thompson, The Zimbabwe Culture, Oxford, 1931.

[6] Chr. Rohr, Neue Quellen zur 2ten Indienfahrt Vasco da Gama's, Leipzig, 1939, S. 92.

[7] О знакомстве арабов с Восточной Африкой см. F. Storbeck, Die Berichte der arabischen Geographen des Mittelalters, Tübingen, 1913; Die

Пожалуй, можно согласиться с предположением Гумбольдта, что разведка крайнего юга Африки осуществлялась путем расспросов аборигенов или на основе «какого-либо отважного предприятия, подобного тому, которое фра Мауро относит примерно к 1420 г.»[1] (см. т. IV, гл. 162). Мореплаватели, отнесенные на юг за мыс Корриентес, могли вернуться на север благодаря противотечению, начинающемуся примерно под 37—40° ю. ш., обойдя Мозамбикское течение восточнее Мадагаскара[2].

Как бы то ни было, нельзя полагаться на приведенные Аданом данные о географических широтах. Но во всем остальном его сообщение было чрезвычайно зрелым и объективным для путешественника XIII в., когда все так увлекались различными чудесами, и стояло на необычайно высоком научном уровне. Во всяком случае, доказано, что около 1315 г. один французский монах проник в Восточную Африку значительно южнее экватора. Некоторое подтверждение этого факта можно найти в приведенной выше цитате из рукописи Ибн-Маджида от 1462 г.

Ферран полагает, что сообщение Ибн-Маджида о «кораблях франков», которые будто бы в давние времена ходили к побережью зинджей, относятся именно к плаванию Гильома Адана[3].

Для подтверждения своей гипотезы Ферран ссылается на следующее место из Колера:

«С согласия и с помощью монгольского правителя хана Аргуна (см. гл. 126) генуэзцы построили в Багдаде две галеры, которые они хотели переправить через Евфрат в Индийский океан, чтобы захватить в свои руки всю торговлю на этом океане. Несомненно, это предприятие увенчалось бы успехом, если бы не раздоры, которые вспыхнули среди них»[4].

Нет ничего невероятного в том, что запись Ибн-Маджида действительно относится к путешествию Адана. Правда, это ничем не доказано, а христианские миссионеры так часто плавали на судах мусульманских мореходов, что вряд ли целесообразно делать исключение для Адана. Но этот вопрос имеет второстепенное значение.

В остальном о жизни Адана мы знаем очень мало. В 1318 г. он находился в Авиньоне при папе Иоанне XXII, а позднее был архиепископом во Франции[5]. Больше нам ничего не известно об этом, несомненно, выдающемся путешественнике. Во всяком случае, усердие и мужество французского монаха заслуживают очень высокой оценки.

Berichte der arabischen Geographen des Mittelalters über Ostafrica, «Mitteilungen des Berliner Seminar für Orientalische Sprachen», 1914, B. XVII, S. 97 (и след.).

[1] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. I, S. 279 (и след.).

[2] Renell, Inventary of Currents, p. 98, 138

[3] «Journal Asiatique», 1922, sér. VI, t. XX, p. 309.

[4] Ch. Kohler, op. cit., p. CC.

[5] J. Quétif, Scriptores ordinis praedicatorum, Paris, 1719, t. I, p. 537.

ГЛАВА 136

ДАНТЕ УЗНАЛ СОЗВЕЗДИИ ЮЖНОГО КРЕСТА

(около 1318 г.)

Я вправо, к остью поднял взгляд очей,
И он пленился четырьмя звездами,
Чей отсвет первых озарял людей.
Казалось, твердь ликует их огнями;
О северная сирая страна,
Где их сверканье не горит над нами![1]

(*Jo nu volsi a man destra, e posi mente*
All' altro polo, e vidi quattro stelle
Non viste mai fuor ch'alla prima gente,
Goder pareva il ciel di lor fiammelle,
O settentrional vedovo sito
Poi che privato se'di mirar quelle!)

В величественной эпической поэме Данте встречается одно странное место, уже не раз обсуждавшееся и вызвавшее многочисленные споры. Мы тоже должны остановиться здесь на этих стихах, ибо из них можно сделать вывод о знакомстве с условиями в далеких южных зонах Земли. Непонятно только, откуда Данте мог получить эти сведения[2].

Приведенный выше отрывок из «Чистилища», несомненно, дает описание созвездия Южного Креста, которое теперь больше не появляется над горизонтом севернее 30° с. ш. Только южнее, примерно у 15° с. ш., его сияние можно довольно отчетливо увидеть на небе. Впрочем, в европейской литературе об этом созвездии ничего не сообщалось до 1455 г., когда его «открыл» на южном небе Кадамосто во время своего первого плавания (см. т. IV). Поэтому нас поражает тот факт, что Данте знал о Южном Кресте за 140 лет до Кадамосто. Мало того, ему было известно также, что это созвездие в давно прошедшие времена было когда-то видно на небе Средиземноморья, но вследствие прецессии [предварения равноденствий.— *Ред.*] исчезло за горизонтом еще до наступления нашей эры.

---

[1] Данте Алигьери, Божественная комедия, пер. М. Лозинского, М.—Л., 1950, Чистилище, песнь первая, стр. 147.

[2] Истолкование этих стихов Данте с астрономической точки зрения пытался дать Гумбольдт. См. A. Humboldt, Examen critique de l'histoire de la géographie, Paris, 1836, t. IV, p. 319 (и след.).

В стихах Данте великолепие знаменитого созвездия Южного Креста сильно преувеличено. В действительности оно значительно уступает нашей Большой Медведице или царственному Ориону. Поэту, разумеется, дозволены гиперболы, но небо «северной сирой [буквально: вдовой] страны» представляет более прекрасное зрелище, чем чрезмерно превозносимое Данте звездное небо южного полушария. Однако не в этом дело: нас интересует здесь вопрос, как мог Данте узнать о созвездии Южного Креста, которое в его времена нельзя было увидеть над теми водами, где плавали суда средиземноморцев.

Прежде чем сделать попытку ответить на этот вопрос, нужно твердо знать следующие обстоятельства.

Примерно около 3000 г. до н. э. Южный Крест можно было еще наблюдать на небе Балтики. Во времена Гомера он был виден на всем Средиземном море, но, очевидно, стоял низко над горизонтом и как мало примечательное созвездие не упоминался великим поэтом. Однако возможно, что созвездие «Палаты Юга», упоминаемое в книге Иова[1], идентично нашему Южному Кресту[2]. Во времена Птолемея на небе Александрии, где он жил, самая яркая звезда Южного Креста — Альфа — поднималась над горизонтом только до 6°10′. Поэтому великий географ не уделил Южному Кресту внимания и присоединил его звезды к соседнему созвездию Кентавра.

Но все эти факты не могли быть известны Данте! Откуда же он узнал о четырех звездах, «чей отблеск первых озарял людей»?

В средние века люди были более склонны к мистике, чем в наши дни, и считали поэтому, что великий поэт был наделен сверхъестественным даром предвидения. Но таким простым толкованием, основанным на вере в чудеса, наших современников не удовлетворишь. Нам приходится искать другие объяснения. При этом, конечно, мы не идем дальше предположений.

Возможно, что Данте узнал кое-что о Южном Кресте из трудов арабских ученых, с которыми он был хорошо знаком. Так, например, это созвездие показано на глобусе звездного неба араба Каисара бен Абукасана, изготовленном еще до 1225 г. в Египте[3]. Другой такой же арабский глобус звездного неба, изготовленный в 1279 г., то есть в пору юности Данте, хранится в Дрездене[4]. Возможно, в XIII в. существовали и другие глобусы. Далее следует обратить внимание на тот факт, что император Фридрих II из династии Гогенштауфенов (1215—1250), возвращаясь из крестового похода на Ближний Восток, предпринятого в 1228—1229 гг., привез в Италию искусно сделанный

---

[1] «Книга Иова», 9,9. [Книга Иова — одна из самых поздних книг Ветхого завета (III в. до н. э.), в которой высказываются сомнения в справедливости бога. В ней повествуется о том, как благочестивый Иов разоряется, теряет всех своих детей и, наконец, заболевает проказой. В указанном месте книги прославляется всемогущество бога, сотворившего «Медведицу, Орион и Плеяды и внутренние чертоги Юга».— *Ред.*]

[2] R. H e n n i g, Die Kenntnis des Sternhimmels in ihrer Bedeutung für die Nautik vor der Einführung des Kompasses, «Marine-Rundschau», 1930, S. 500, 546.

[3] F. A r t a u d d e M o n t o r, Histoire de Dante Alighieri, Paris, 1841.

[4] Статья Г. Винклера. См. «Alter Orient», Jg. 3, H. 2—3, S. 46.

арабский шатер, на куполе которого было изображено звездное небо, причем звезды приводились в движение скрытым часовым механизмом[1]. К сожалению, о местонахождении этого своеобразного планетария и его особенностях больше ничего не сообщается. Итак, из приведенных выше фактов видно, что во времена Данте имелись различные возможности познакомиться с теми сведениями о звездном небе, которыми располагали арабы.

Из этих источников Данте не мог, разумеется, узнать о необычайной красоте созвездия Южного Креста или о том, что его раньше можно было увидеть на небе северного полушария. Отсюда, по мнению автора этих строк, неизбежно напрашивается гипотеза, что Данте основывался на описании очевидца. Это предположение подкрепляется еще и следующим соображением. Поэт сразу же после процитированных в начале главы стихов вспоминает, что там, где видны четыре прекрасные звезды, нельзя наблюдать созвездия Большой Медведицы:

Покинув оком эти пламена,
Я обратился к остью полуночи,
Где Колесница не была видна;
И некий старец мне предстал пред очи...

Факт исчезновения с неба Большой Медведицы, ставшей путеводным созвездием еще в древности, весьма занимал северных мореходов при их посещении тропических стран. Еще воины Александра Македонского сетовали на то, что их завели в такую страну, где больше не видно Большой Медведицы[2], а Плиний в своих сообщениях о южных землях каждый раз особенно подчеркивает, где нельзя уже увидеть Большой Медведицы или где это созвездие можно наблюдать только в определенные дни года[3].

Стихи Данте, рассказывающие о том, что Большую Медведицу нельзя увидеть там, где пламенеют четыре звезды, по мнению автора, еще убедительнее, чем описание самого Южного Креста, доказывают, что Данте воспользовался рассказом *очевидца*. Но кто мог быть этим очевидцем?

Арабские и еврейские купцы XIII—XIV вв. довольно часто могли наблюдать звездное небо южного полушария, посещая Индию, Цейлон, Восточную Африку, Зондские острова и другие места. Эти купцы посещали также итальянские города, и Данте мог соприкасаться с ними. Итальянцы Поло, современники Данте, тоже могли наблюдать звезды южного неба на Зондских островах и в Индии. Сам Марко Поло не проявлял особенного интереса ни к естествознанию, ни к навигации и поэтому в своей книге совсем не упоминает о созвездиях[4]. Не уделил он внимания и Южному Кресту. Однако другим европей-

---

[1] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd-und Völkerkunde, Leipzig, 1877, B. I, S. 60.

[2] C u r t i u s R u f u s, De rebus gestis Alexandri Magni, IX, 4.

[3] P l i n, N. H., II, 70; VI, 69, 83, 98.

[4] Только один раз Марко Поло кратко отмечает, что на Суматре «Полярная звезда совсем невидима, ни мало, ни много». См. «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 177.

цам к 1300 г. уже случалось так далеко заходить на юг, что они могли видеть Южный Крест и узнать о весьма большом значении этого созвездия для мореходства, ибо оно служило ориентиром, указывавшим на южное направление. Такой вывод можно сделать из гл. 131 этой книги, где речь идет о различных европейцах, с которыми соприкасался Джованни Монтекорвино в Южной Индии и особенно из предыдущей главы, в которой рассказывается о французском путешественнике, достигшем южного полушария. Другой современник Данте — Сорлеоне Вивальди — тоже мог видеть созвездие Южного Креста под 2° с. ш. в Могадишо (см. гл. 130). Достаточно предположить, что Данте хотя бы *один раз* встретился с кем-нибудь из путешественников, заходивших так далеко на юг, чтобы найти простое объяснение его мнимому дару предвидения.

Впрочем, нам известны и другие аналогичные случаи, свидетельствующие о знании южных звезд. Так, еще за 500 лет до Данте ирландский монах Дикуил, живший в гораздо более северной стране, знал о звезде Канопус[1], второй по яркости на всем небе. Между тем эту звезду можно было увидеть тогда только в самых южных районах Средиземного моря, ибо ее склонение в настоящее время составляет 52,5° ю. ш. Птолемею тоже уже была известна звезда Ахернар из созвездия Эридан, которое в его времена в Александрии, где жил этот ученый, стояло на 9° ниже горизонта. Никто из исследователей вполне правильно не усматривал в этих фактах ничего сверхъестественного, ибо Птолемей и Дикуил могли узнать о существовании этих ярких звезд южного неба от людей, которые побывали в гораздо более южных районах. Подобно этому, Данте тоже мог встретиться с человеком, который достиг экваториальной зоны или прошел еще дальше на юг.

Склонение четырех главных звезд Южного Креста теперь колеблется в пределах 56—63°. О том, что созвездия этих поясов очень давно были хорошо знакомы арабам, убедительно свидетельствует следующий факт. Находящуюся лишь немного севернее Южного Креста (теперь под 52°38′ ю. ш.) самую яркую звезду южного неба — Канопус арабские мореходы использовали для определения стран света[2].

Звезда, носившая у арабов название Сохайл, согласно одному безусловно неправильному указанию португальской морской карты, составленной в 1503 г., стояла даже в зените (!) в тех самых южных странах, которые посещали арабские купцы. Это неправильное указание согласуется с утверждением Гильома Адана, будто арабы плавали до 54° ю. ш. (см. стр. 176), что, разумеется, невероятно. Мы ссылаемся здесь на эту карту только для того, чтобы показать, как хорошо в эпоху Данте уже знали все яркие звезды южного неба арабы, а благодаря им также и многие христиане того времени.

Что «четыре звезды» Данте были Южным Крестом, не подлежит сомнению, хотя поэт не упоминает о крестообразной форме созвездия. Как благочестивый христианин, Данте, несомненно, не упустил бы этой детали, если бы она была ему известна. Итак, поэт, вероятно, ничего не знал о крестообразной форме

[1] Dicuil, De mensura orbis terrae, VII, 29, ed. G. Parthey, Berlin, 1870, p. 51.

[2] M. Rainaud, Géographie d'Aboulfeda, Paris, 1848, p. CXCIV.

созвездия, которую можно заметить только тогда, когда оно находится в плоскости меридиана. Еще Кадамосто в XV в.[1] и Веспуччи в начале XVI в.[2], описывая созвездие, не давали ему название «Крест». Веспуччи, например, называет его «Ромбом» (*mandorla*). Раньше полагали, что неизвестный португальский моряк, описание путешествия которого опубликовал Рамузио, впервые около 1510 г. указал на «четыре звезды поразительной величины и яркости, расположенные в виде креста»[3]. Считали также, что в письме Андреа Корсали[4], написанном в Кочине 6 января 1515 г., впервые встречается меткая характеристика «чудесный крест» южного неба; Андреа писал также, что этот крест «такой дивной красоты, что его нельзя сравнить ни с одним созвездием». Однако автор этих строк доказал, что еще более раннее упоминание этого созвездия встречается в письме, которое послал в Лиссабон 27 апреля 1500 г. бакалавр мештри [ученый] Жуан, лейб-медик короля Португалии Мануэла Великого[5]. Это письмо было отправлено из только что [22 апреля] заново открытой Бразилии в качестве приложения к датированному тем же днем подробному отчету Перу Ваш ди Каминья об этой новой земле. В конце письма мештри Жуана, в котором излагаются общие проблемы навигации и астрономии, сообщается также о звездах вблизи южного полюса неба и прилагается схема их расположения, довольно неточно воспроизведенная в печати. Затем Жуан пишет:

«Эти звезды, особенно звезды Креста (*principalmente las de la crus*), так же велики, как звезды Колесницы[6]. Но звезда, которая стоит ближе всего к южному полюсу, мала, как та, что находится у северного полюса, и еще менее яркая. Довольно мала и звезда в вершине Креста»[7].

Эта цитата доказывает, что название созвездия Южный Крест было не только известно в 1500 г., но, видимо, и общепринято. Андреа Корсали

---

[1] A. C a d a m o s t o, Navigatio ad terras incognitas, «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, p. 39.

[2] A m e r i g o V e s p u c c i, Navigatio, «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, p. 127.

[3] G. B. R a m u s i o, Della navigationi e viaggi, Venézia, 1588, t. I, p. 117. [Джованни Баттиста (Джанбаттиста) Рамузио — венецианский издатель XVI в., составитель известного трехтомного сборника «О плаваниях и путешествиях», весьма ценного источника по истории географических открытий. Во II том вошла, в частности, «Книга» земляка Рамузио — Марко Поло.— *Ред.*]

[4] Ibidem, p. 178.

[5] «Marine-Rundschau», 1939, S. 270; «Terrae Incognitae», Leiden, 1939, B. IV, S. 420.

[6] Колесницей древние греки называют Малую Медведицу:

«Сон на его не спускался
очи, и их не сводил он с Плеяд, с
нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в
людях еще Колесницы
Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
Круг свой, себя никогда не купая в водах океана» (О д и с с е я, песнь V, 1—275).

[7] «Algunos documentos do Archivo Nacional da Torre de Tombo», Lisboa, 1892, p. 123.

в своем сообщении от 1515 г. писал: «Мы *назвали* их [четыре звезды] Крестом». Это привело Гумбольдта к выводу, будто мы имеем здесь дело с первым упоминанием названия «Крест» в литературном источнике. Все приведенные выше факты говорят о том, что этот вывод неправилен. Кем было дано впервые это название, остается неизвестным. Позднее Южный Крест служил мореплавателям южного полушария «своего рода часами»[1]. Интересно, что из всех созвездий *только* Южный Крест носит название, связанное с христианской идеологией[2].

Данное нами толкование проблемы «четырех звезд», упомянутых Данте, тем надежнее, что поэт в другом месте своего величавого произведения[3] упоминает также «*tre facelle*», то есть о трех других самых ярких звездах южного неба — Канопусе, Ахернаре и Фомальгауте. Данте даже знает, что эти три звезды можно увидеть только тогда, когда Южный Крест стоит за горизонтом. Отсюда следует, что поэт получил от какого-то неизвестного, но авторитетного лица чрезвычайно точное описание звездного неба южного полушария. Это предположение в свете всех рассмотренных выше фактов представляется вполне правдоподобным.

Однако совершенно непостижимым остается тот факт, что Данте знал о последствиях прецессии. Само это явление, правда, было уже знакомо Гиппарху, и за его последствиями наблюдали гораздо раньше еще в Египте. Но нигде в литературных источниках не встречается какого-нибудь указания на то, что в минувшее тысячелетие «отсвет четырех звезд» можно было видеть в странах Средиземноморья. Как мог что-либо узнать об этом Данте, остается нерешенной загадкой[4]. Нам, людям сегодняшнего дня, этот факт стал известен только благодаря позднейшим вычислениям.

---

[1] A c o s t a, Historia natural y moral de las Indias, Sevilla, 1590, lib. I, cap. 5.

[2] «Zeiss-Nachrichten», Beitrag zur kulturgeschichtlichen Bedeutung der Sternbilder, August, 1937, S. 42.

[3] Д а н т е А л и г ь е р и, Божественная комедия, М.— Л., 1950, стр. 178.

[4] O. P e s c h e l, op. cit., B. I, S. 57.

ГЛАВА 137

ПУТЕШЕСТВИЕ ОДОРИКО ИЗ ПОРДЕНОНЕ В КИТАЙ И ТИБЕТ

(1318—1330 гг.)

Из Халдеи мы пришли в Великую Индию, которая оказалась не островом, а сушей, сильно опустошенной татарами... Из Индии мы достигли океана. Первый город, который нам встретился, назывался Оренасом [Ормуз] и был весь окружен стенами. Там много растений и вдоволь воды. В этой стране так жарко, что кожа у людей отстает от тела и свисает вниз до колен или до икр. И если они хотят остаться в живых, то должны смазываться какой-то холодной мазью, изготовленной для этой цели, иначе они погибли бы от зноя...

В царстве Маабар [Малабар] находятся останки Святого апостола Фомы. Но церковь Святого Фомы полна идолов. В этой церкви есть роскошное изображение из золота и драгоценных камней, которое столь же велико или даже еще больше, чем Святой Христофор в нашей земле [Падуя]. На шее у него золотая цепь, весьма богато разукрашенная драгоценными камнями, и он хранится в золотой дарохранительнице. Этот идол и все, что к нему относится, столь драгоценны, что невозможно оценить стоимость золота, камней и труда. Этого идола заставили сделать местные еретики-христиане, которые почитают его вместе с другими идолами и для этой цели предпринимают далекие паломничества, как это делаем мы, христиане, поклоняясь Святому Иакову в Галисии[1] или Святым Петру и Павлу в Риме...

Вблизи Фаны [Ява] есть другой остров, по названию Натем [или Пантен], который иначе называется также Каламаси [Таламасин]. Царю этого острова подвластны многие большие города. В этой земле есть деревья, приносящие муку; другие деревья дают также мед и вино... Муку названных деревьев добывают следующим образом: деревья большие, высокие и широкие, их надрезают и бьют топором около основания. Из раны вытекает клееобразная жидкость. Этой жидкостью они наполняют мешки,

---

[1] В Галисии в соборе города Сантьяго-де-Компостела хранятся мощи просветителя Испании апостола Иакова. С XII в., несмотря на сопротивление других церквей и монастырей, эти мощи стали одной из самых почитаемых святынь католического мира.—*Прим. ред.*

сделанные из листьев, и ставят их затем на две недели на солнце. Через две недели жидкость высыхает и становится мукой. Тогда они берут эту муку и кладут в морскую воду. Потом они черпают питьевую воду и делают из нее [муки] шарики, которые удивительно вкусны. Из шариков они приготовляют хлеб или другую пищу, как им угодно, по обычаю их земли. Я, брат Одорико, ел тот хлеб, и он казался мне очень хорошим; снаружи он несколько черен, но внутри весьма хорош и совсем белый.

На одной стороне этого острова море, мертвое море... В камыше находят драгоценные камни такого свойства, что того, кто их носит при себе, нельзя порезать железом или ранить; местные жители обычно носят эти камни при себе.

...Я достиг весьма знаменитого города Картан, или Катан [Зайтун, то есть Цюаньчжоу]. Он изобилует всеми необходимыми человеку вещами; менее чем за полгроша там можно получить, например, 4 фунта и 8 унций сахару. Город этот весьма красив и построен на море; он вдвое больше Рима, и там есть монастыри, в которых все монахи идолопоклонники...

Я пришел в город Катусай [Кинсай, то есть Ханчжоу], что значит Небесный город. Катусай — самый большой город в мире. Он имеет 100 миль в окружности, и на этом большом пространстве нет ни одного пустого клочка земли, не заселенного людьми. В иных домах живут 10 семей и более. У этого города много предместий, и в нем больше жителей, чем в любом другом городе. В городе 12 главных ворот, и в любую сторону от этих ворот стоят большие города, больше Венеции... В нем 12 000 мостов, и на каждом из них стоит стража великого хана. Его дворец самый красивый и самый богатый в мире. В зале этого дворца стоят 24 колонны из чистого золота; стены сплошь покрыты мехами красного зверя, и драгоценнее их нет на целом свете...

Я направился в другую очень обширную провинцию, носящую название Тибот [Тибет] и лежащую на пути в Индию. Это царство подвластно великому хану (*magno Cani*). Здесь можно найти хлеб и воду в таком величайшем изобилии, как нигде на свете. Жители этой страны живут в шатрах из черного войлока. Их главный город очень красив и построен весь из белого камня, а его улицы хорошо вымощены. Он называется Гота [Лхасса]. Никто в этом городе не осмеливается пролить кровь человека или даже животного из благоговения перед идолом, которому здесь поклоняются. В этом городе живет Обасси [далай-лама]— так называют они на своем языке местного папу. Он глава всех идолопоклонников и по своему усмотрению распределяет доходы страны... У них считается красивым иметь длинные ногти, и они отпускают их столь длинными, что те покрывают им все руки.

Красота женщин определяется маленькими ножками. Когда у матерей рождаются дочери, они стягивают им ноги так, что те совсем не могут вырасти[1]...

С тех пор как в начале XIII в. были основаны два нищенствующих ордена — доминиканцев и францисканцев, миссионерская деятельность в языческих странах, для которой использовали этих братьев, стала такой оживленной, какой никогда раньше не была. Благодаря совету, данному папой в 1267 г. магистру Доминиканского ордена Жану де Версей, послать христианских проповедников к монголам [татарам], индусам, эфиопам, нубийцам и сарацинам и особенно благодаря личным стараниям папы Николая IV, который в 1289 г. послал одновременно письма к «*Armeniae, Georgiae, Hiberiae, Aethiopiae et Tartariae reges*» [«К царям Армении, Грузии, Иберии, Эфиопии и Татарии»][2], начался сильный подъем миссионерской деятельности во внеевропейских странах. Правда, ее конечный результат отнюдь не соответствовал проявленному усердию, мужеству и самопожертвованию. Около 1300 г. число путешествий, совершенных миссионерами, значительно увеличилось[3]. Однако лишь немногие из них имели такое же большое культурно-историческое и географическое значение, как замечательные, уже рассмотренные нами путешествия миссионеров Монтекорвино и Гильома Адана. Для оценки многих других таких же путешествий следует обратиться к специальной литературе[4].

Одним из самых выдающихся представителей этих христианских проповедников был францисканский монах Одорико Маттиусси ди Порденоне, называемый также Одерих из Парданоне (в области Фриули)[5]. Родился Одорико в 1286 г. В апреле 1318 г. он отправился миссионером в Азию, продолжительное время действовал в Китае вместе с Монтекорвино, а на обратном пути по суше, видимо первым из европейцев, посетил Тибет и даже долго прожил в священном городе Лхассе. Целых пять лет затратил Одорико на обратное путешествие, длившееся с 1325 по 1330 г. Возвратившись в Италию «изнуренным и больным человеком»[6], он по требованию главы своего

---

[1] «Les voyages en Asie au XIVe siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, religieux de St. François», ed. H. Cordier, Paris, 1891.

[2] «Odorici Raynaldi continuatio Annalium Caesaris Baronii», Köln, 1694, t. XIV, p. 418.

[3] Кунстман посвятил деятельности миссионеров того времени на Дальнем Востоке ряд превосходных исследований. См. F. Kunstmann, Die Mission in China, «Historisch-politische Blätter», ed. Görre, 1856, B. 37, S. 225 (и след.), 1859, B. 43, S. 677 (и след.); «Die Mission in Indien und China», loc. cit., B. 38, S. 507 (и след.); 701 (и след.), 793 (и след.).

[4] F. Kunstmann, op. cit.; см. также «Ausland», 25. November, 1860 (статья Пешеля).

[5] Порденоне, город в области Фриули, на северо-востоке Италии, населенной реторомanской народностью — фриулами, или фурланами. В XIII в., когда Одорико совершил свое путешествие, графство Фриули входило в состав «Священной Римской империи».—*Прим. ред.*

[6] F. Kunstmann, op. cit., B. 38, S. 511.

ордена Гуйлельмо Соланья с мая 1330 г. диктовал в Падуе своему собрату отчет о своих путевых приключениях. Умер Одорико несколько месяцев спустя, 14 января 1331 г., в своем монастыре в Удине в 44-летнем возрасте, не успев закончить свой труд[1].

Труд Одорико[2], которому дали весьма условное название, мало отвечающее содержанию, «De mirabilibus mundi» («О чудесах мира»)[3], служит во многих отношениях очень ценным и полезным дополнением к «Книге Марко Поло». Но он не может идти ни в какое сравнение не только с этим замечательным образцом, но и с книгой Рубрука. Одорико недоставало критического подхода к материалу, и труд его изобилует сказками и фантастическими вымыслами. Так, слухи о хлопке, например, дошли до него в виде нелепой сказки, которая позднее неоднократно повторяется во многих сенсационных рассказах о чудесах в течение ряда столетий. Хлопок у него превращается в дерево, в спелых плодах которого находят живых овец! Пешель считает, что Одорико был «самым доверчивым из всех известных нам путешественников»[4]. А ведь люди его века были чрезвычайно падкими на чудеса! Индию издавна считали страной чудес *par excellence*, и бесчисленные арабские сказки[5] немало способствовали укреплению этого представления. Итак, старинные истории о различных чудесах соответствовали духу того времени. Все же у Одорико нет *сознательных* вымыслов и лжи. То, о чем он рассказывает как очевидец, можно без колебаний считать вполне достоверным. Одорико не находился под влиянием Поло. Количество домов в Кинсае [Ханчжоу]—городе, прославлявшемся также и Поло,— он определяет в 850—890 тыс.

Установлено, что Одорико, как и Монтекорвино, в начале своего путешествия следовал через Константинополь, Трапезунд [Трабзон] и Эрзурум, а затем, вероятно, черз Йезд попал в Багдад и далее в Басру. Продолжая путешествие на корабле, он побывал в Ормузе, а также на Малабарском и Коромандельском берегах Индии. Отсюда 50-дневное плавание под парусами привело Одорико к Зондским островам. Точно установить все острова Зондского архипелага, на которых побывал Одорико, нельзя. Он определенно посетил Суматру и Яву. Первый остров у него называется Ламмори, второй — Фана. Ламмори — это, в сущности, название той части Суматры, которую Поло именует царством Лабрин[6], а Рашид-ад-дин — островом Ламури, то есть местности, богатой камфарным деревом и породами, дающими красящие вещества. Это впервые убедительно доказал Дюлорье[7]. Юл

---

[1] H. Y u l e, Cathay and the way thither, London, 1866, v. II, X, I.

[2] Английский, латинский и итальянский тексты приведены в книге Юла. См. H. Y u l e, Cathay and the way thither, London, 1903, v. II.

[3] O d o r i k o d i P a r d e n o n e, De mirabilibus mundi, ed. Basilio Arsquini, Udine, 1737.

[4] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, S. 163.

[5] «Livre des Merveilles de l'Inde», Texte arabe par P. A. van der Lith. Traduction française par L. Marcel Devic, Leiden, 1883.

[6] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 179.
«Journal Asiatique», 1846, p. 131 (и след.).

со своей стороны доказал, что название Ламмори первоначально было в ходу у малайских летописцев, а позднее арабы перенесли его на весь остров. Ведь арабы чаще всего соприкасались с тем особенно выгодным торговым районом, который мы должны искать, по всей вероятности, южнее Дайа[1]. Название Фана, видимо, появилось в результате ошибки переписчиков, исказивших слово «Ява»[2]. Ведь это название было известно еще Птолемею в индианизированной форме Явадвипа, переданное им как Ябадиу[3].

В течение нескольких десятилетий к описанию путешествия, составленному Одорико, относились с необоснованным скептицизмом. Между тем непосредственно после смерти великого путешественника ему оказали высокую честь. Так, Кунстман пишет, например: «Современники в своих воспоминаниях отмечали, что память об Одорико чтится как память о святом, хотя римский престол канонизировал его несколько позднее»[4]. Без сколько-нибудь веской причины в середине XVIII в., главным образом во Франции и в Англии, возникло мнение, будто Одорико был обманщиком и либо совсем не предпринимал тех путешествий, о которых писал, либо придумал главные из них[5]. Во всяком случае, его пребывание в Китае и на Зондских островах отрицалось[6]. Даже к середине XIX в. в Германии надежность сообщений Одорико казалась весьма сомнительной[7].

Однако этот скептицизм не обоснован. В рассказе Одорико приводится ряд безусловно правдивых сведений, которые в те времена мог приобрести только очевидец, ибо в литературных источниках их нельзя было найти. Правда, описание саговой пальмы, сделанное Одорико (см. отрывок из первоисточника в начале главы), могло быть заимствовано у Марко Поло, который тоже сообщает об этом дереве[8]. Однако описание Одорико так оригинально и правдиво, что оно, пожалуй, может служить неопровержимым доказательством посещения им Зондских островов. Пребывание Одорико в Китае подтверждается тем, что он был единственным средневековым автором, который описал распространенный там способ лова рыбы с использованием бакланов, судоходство по Императорскому каналу и уродование ног китайских девушек[9]. Изображение кипучей жизни Гуанчжоу, который Одорико называет Синкаланом, также свидетельствует о том, что миссионер лично побывал

---

[1] H. Y u l e, Cathay and way thither, London, 1866, v. I, p. 184 (примечание), CCXIII.

[2] «Les voyages en Asie au XIVe siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone», ed. H. Cordier, Paris, 1891, p. 161 (примечание).

[3] P t o l e m ä u s, VII, 2, 29; VIII, 27, 10.

[4] F. K u n s t m a n n, op. cit., B. 38, S. 507.

[5] «Histoire générale des voyages», Paris, 1749, t. VII.

[6] F. A d e l u n g, Geschichte der Schiffahrt, Halle, 1768; статья Ла-Ренодьера. См. «Biographie universelle», Paris, 1822, t. XXXI, p. 500; «Allgemeine Historie der Reisen», Leipzig, 1750, B. VII, S. 500.

[7] M. W i t t m a n n, Allgemeine Geschichte der Katholischen Mission, Augsburg, 1847, B. I, S. 113.

[8] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 180.

[9] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, S. 163.

в этом городе. Сообщение Одорико о том, что Гуанчжоу в три раза больше Венеции и что там в гавани всегда можно увидеть больше кораблей[1], чем во всей Италии, вероятно, принимали раньше за невероятное бахвальство. Теперь мы знаем, что эти сведения вполне достоверны, так как Ибн-Баттута приводит совершенно аналогичные сообщения о Гуанчжоу, а Марко Поло, не видевший этого города своими глазами, описывает другую гавань, Ханчжоу, еще более яркими красками. Итак, сообщения Одорико, видимо, вполне соответствовали той картине, какую можно было наблюдать в крупнейших китайских гаванях его времени.

Рихтгофену принадлежит заслуга блестящей реабилитации человека, подвергшегося несправедливым нападкам, а также его «живого и верного» описания[2]. Какие из Зондских островов, кроме Явы и Суматры, действительно посетил Одорико, точно установить нельзя. Он сообщает, что с «Фаны» направился в царство Натем, или Пантен, или Каламаси. Это название не поддается расшифровке. Однако гипотеза, выдвинутая Мурреем[3], что речь, видимо, идет о Калимантане, была в значительной мере подкреплена Кордье[4]. Этот исследователь связывает название Каламаси с наименованием современной области Банджармасин на юге Калимантана. На эту мысль наводит нас сообщение Одорико о драгоценных камнях этого острова, предохраняющих от ранения. Это напоминает об амулетах, сделанных из знаменитого безоара, или безоарового камня, с Калимантана[5], которые, наверно, изготовлялись уже в те времена. Марко Поло тоже имел случай познакомиться с этим «чертовским колдовством» на Яве[6].

С Зондских островов Одорико отправился в Китай. Его отчет о приключениях в этой стране значительно уступает описаниям других, более ранних и современных ему путешествий по Китаю. В противоположность красочным описаниям Поло язык Одорико бледен и сух. Только его рассказ о гаванях Цюаньчжоу и Ханчжоу представляет интерес с культурно-исторической точки зрения (см. отрывок из первоисточника в начале главы). В записях Одорико есть детали, весьма ценные для истории торговых связей. Так, он сообщает, например, что в Ханчжоу постоянно проживает 40 тыс. одних только сарацинских купцов и что в Венеции он встречался со многими людьми, которые, исходя из личных наблюдений, могут подтвердить его сообщения о великолепии главных городов Китая.

---

[1] H. Yule, op. cit., v. I, p. 105.

[2] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 617 (и след.).

[3] Murray, An historical account of discoveries and travels in Asia, v. I, p. 190.

[4] H. Cordier, op. cit., p. 177.

[5] D'Herbelot, Bibliothèque orientale, Maestricht, 1776, p. 154. [Безоар — минерал (эгагропил), отлагающийся в желудке или кишечнике некоторых млекопитающих, в том числе безоарового козла, дикого горного животного, встречающегося главным образом на Иранском нагорье и в некоторых прилегающих к нему горных районах Средней Азии, Кавказа и Малой Азии. Безоаровый камень считался амулетом от бесплодия и ценился очень дорого.—*Ред.*]

[6] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 172.

Рис. 8. Скульптурное изображение Одорико из Порденоне на его надгробии в Удине.

См. «Publications of the Hakluyt Society», ser. 2, v. 33 (титульный лист).

Зак. 1277

Рис. 9. Наскальные рисунки на Канарских островах.
Воспроизводится с фотографии, приложенной к сообщению д-ра Вейкмана из Реалехо-Альто, Тенерифе.

Чрезвычайно интересен обратный путь Одорико через Центральную Азию. То, что он рассказывает о своем посещении Тибета и Лхассы, столицы страны, доступ в которую был запрещен европейцам вплоть до 1904 г., имеет огромное культурно-историческое значение, хотя описания его несколько скудны. Установлено, что Одорико попал из Китая в Тибет, следуя через провинции Шаньси, Шэньси и Сычуань. Однако какой путь избрал этот миссионер, чтобы вернуться из Тибета в Италию, точно выяснить нельзя, так как скоропостижная кончина наступила прежде, чем ему удалось продиктовать до конца свое описание. Видимо, обратный путь Одорико проходил через Бадахшан, Хорасан, Тебриз и Армению[1].

Путешествие Одорико по Китаю в общих чертах проходило в направлении противоположном тому, каким следовал Марко Поло. И хотя его описания бледнеют по сравнению с шедевром венецианца, все же нельзя не признать, что в противоположность Марко Поло, посетившему уже известные до него страны, Одорико фактически сделал географическое открытие новой для европейцев страны. Одорико заслуживает признания хотя бы как первый европеец, посетивший Тибет[2]. Правда, в арабской литературе эта страна упоминается еще в труде Масуди под названием Тхибет почти за 400 лет до Одорико[3].

Впервые описание путешествия Одорико было напечатано еще в 1513 г.[4] Однако это первое издание относится к величайшим библиографическим редкостям. Последние монографии, посвященные путешествию Одорико, принадлежат перу итальянских исследователей Эллеро[5] и Пулле[6], а также живущему в Англии русскому ученому Комрову[7]. Биографию Одорико написал Моул[8].

Наблюдается поразительное сходство между описанием путешествия Одорико и произведением «знаменитого» путешественника того времени сэра Джона Мандевиля (см. гл. 138). Это сходство так сильно бросается в глаза, что раньше полагали, будто Одорико проделал первую часть своего путешествия в обществе Мандевиля. Кстати, первая фраза рукописи Одорико, хранившейся в Майнцском соборе, как бы подтверждала это предположение! «Здесь начинается описание путешествия по Индии честного брата Одорико, спутника рыцаря (*militis*) Мандевиля; один описал странствования раньше, другой — позднее». В действительности же фальсификатор, назвавшийся Мандевилем, несомненно, ограбил произведение Одорико и выдал приклю-

[1] H. Cordier, op. cit., p. XXIX.

[2] Оценку роли Одорико см. также L. Tinti, Vita e missioni nell Indo-Cina del B. Odorico da Pordenone, Roma, 1901.

[3] Masudi, Les prairies d'or et les mines de diamants, ed. Barbier de Meynard et Pavet de Couteille, Paris, 1861, t. 1, p. 350 (и след.).

[4] Odoricus, De rebus incognitis, Pesaro, 1513.

[5] G. Ellero, Beato Odorico de Pordenone e il Libro dei suoi viaggi, Udine, 1914.

[6] G. Pullé, Viaggo del Beato Odorico da Pordenone, Milano, 1931.

[7] M. Komroff, Contemporaries of Marco Polo, London, 1928.

[8] A. C. Moule, A life of Odoric of Pordenone, «T'oung Pao», 1921, p. 275 (и след.).

чения этого миссионера за свои собственные. Пешель очень верно подметил, что Мандевиль, за исключением описания Ближнего Востока, который он, возможно, сам посетил, «все свои остальные описания заимствует у Одорико»[1]. Многие описания францисканца под фальшивой вывеской находили некогда обширный круг читателей.

Поэтому нам кажется крайне несправедливым, что имя Одорико с XIV по XVI в. не пользовалось такой славой и не упоминалось так часто, как имя плагиатора Мандевиля. К этим двум людям особенно подходит афоризм Геббеля:

«Jeglichem Heros steht ein winziger Affe zur Seite,
Der den Kranz sich erschnappt, welchen sich jener verdient».

(«Каждому герою подражает ничтожная обезьяна, и ей достается венок, который тот заслужил»[2].)

Сделав этот вывод, обратимся теперь к Мандевилю, «великому путешественнику, объехавшему вокруг света».

---

[1] O. P e s c h e l, op. cit., S. 164 (примечание 1).

[2] Фридрих Геббель (Hebbel) (1813—1863)—немецкий драматург.—*Прим. ред.*

ГЛАВА 138

МНИМОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ СЭРА ДЖОНА МАНДЕВИЛЯ

(1322—1355 гг.)

Здесь покоится благородный господин Иоанн де Мандевиль, именуемый также де ла Барб, рыцарь, владелец Кампди[1], рожденный в Англии, профессор медицины, красноречивый оратор, весьма одаренный человек, благодетель для бедняков, объехавший почти весь свет и закончивший свою жизнь в Льеже в год Господен 1372[2] 17-го дня месяца ноября.

(*hic jacet vir nobilis Dominus Johannes de Montevilla, miles, alias dictus ad Barbam, Dominus de Campdi natus de Anglia medicinae professor devotissimus orator et bonorum largissimus paupribus erogator qui toto quasi orbe lustrato leodii diem vitae suae clausit extremum anno Domini MCCCLXXII mensis novembris die XVII*)[3].

* * *

Простой человек отказывается верить тому, что под землей [то есть у антиподов] можно ходить, не падая в небосвод (*Symple men of cunming trowe noyt that men may ga under the erthe bot if thai fall unto the firmament*)[4].

* * *

Благородный рыцарь Джон Мандевиль из Англии не лгал, когда рассказывал, что из Индии серов[5] он проехал на один

[1] Это название не поддается расшифровке. В другом источнике оно дается как Компреди, что тоже непонятно.

[2] В тексте Ортелия и Вивиана стоит 1371 г. Но это, вероятно, описка или опечатка, так как всегда назывался 1372 г.

[3] Надгробная надпись на могиле мнимого рыцаря Мандевиля в Льеже. См. A. Ortelius, J. Vivianus, Itinerarium per nonnullas Galliae Belgicae partes, Antwerpen, 1584, p. 15 (и след.). 7 февраля как день смерти указан в древнейшей, относящейся к 1462 г. копии с надгробной надписи, которую сделал с некоторыми отклонениями от изложенного выше текста Якоб Пютерих из Рейнертсхаузена. Она была напечатана в 1725 г. См. Raimundus Duellius, Excerptorum genealogico-historicum libri duo, p. 281 (и след.). Во всех других источниках стоит 17 ноября, что, наверное, и будет правильной датой.

[4] Из описания путешествия сэра Джона Мандевиля. См. Sir John Mandeville, Travel, ed. G. F. Warner, Westminster, 1889, p. 183.

[5] Напомним, что серами, или «людьми шелка», античные авторы называли сначала жителей Западного Китая, а затем всех китайцев, иногда выделяя из них синов, то есть жителей Южного Китая. «Индия серов» — Китай.— *Прим ред.*

норвежский остров (*qui dixit se de Seres Indie navigasse versus unam insulam Norvegiae*)[1].

В первой половине XIV в. связи христианской Европы с Китаем достигли такого оживления, которое никогда более не повторялось вплоть до нового времени. Это стало возможным благодаря благосклонному отношению монгольских правителей азиатских государств к христианам. Деятельность католических миссионеров в Азии в тот период также достигла расцвета, какого она позднее не знала до наступления XIX в. Замечательные путешествия Джованни Монтекорвино, Одорико из Порденоне, Джованни Мариньолы, а также их помощников и сподвижников могут служить самыми характерными примерами этого культурного обмена, в котором принимали участие и многие другие люди. В этой связи следует упомянуть доминиканского монаха Иордана из Северака, именуемого также Журденом Каталани, об интересных индийских письмах которого мы уже говорили в гл. 125. Иордан доехал до Тебриза и около 1320 г. намеревался отправиться в Китай, но буря отнесла его судно в Тхану (у Бомбея), где он и остался после рукоположения в сан епископа (1330 г.). Сам Иордан охотнее пошел бы в Эфиопию, чтобы там, в мнимом царстве «царя-священника Иоанна», служить своей церкви в качестве миссионера[2].

Многочисленные путешествия в Азию, совершавшиеся купцами и духовными лицами в 1245—1368 гг., чрезвычайно способствовали возрождению интереса европейцев к далеким странам чудес — Индии и Катаю [Китаю]. Теперь нам кажется странным, что это модное тогда увлечение, эта загорающаяся географическая страсть к путешествиям возродилась главным образом благодаря мошеннической подделке, считавшейся повсюду подлинным отчетом о путешествии, написанным в стиле, соответствовавшем духу времени. Этот мнимый отчет гораздо больше способствовал расширению географического кругозора тогдашнего европейца, чем рассказы о подлинных путешествиях того времени, за исключением, возможно, «Книги» Поло. Но эту книгу, напротив, принимали за фантастическое произведение, хотя она была вполне правдива.

В 1355 г. в Льеже впервые появилась написанная на французском языке книга о путешествии, которая в последующие 200—250 лет переписывалась чрезвычайно часто и была переведена почти на все европейские языки. Долгое время эта книга пользовалась огромной популярностью у читателей, живших в период перехода от средневековья к новому времени. В ней рассказывалось о замечательных путешествиях английского рыцаря сэра Джона Мандевиля [Мандевила, Маундевила, Мондевиля и т. д.]. Родился этот рыцарь в Сент-Олбансе, в Англии, но был вынужден покинуть родину, видимо из-за совер-

---

[1] Легенда на карте Клавдия Клавуса от 1427 г. См. A. A. B j ö r n b o, C. P e t e r s e n, Fyenbøen Claudius Clausson Swart, «Kgl. Dansk Videnskabs Selskabs Skriften», hist. fil. Afd. 6, R. VI, 2; Köbenhavn, 1904, S. 179.

[2] «Description des merveilles d'une partie de l'Asie, publiée par la Société de géographie», Paris, 1839.

шенного им там убийства, и 29 сентября 1322 г. отправился в большое кругосветное путешествие. Мандевиль якобы посетил Турцию, Сирию, Аравию, Египет, Ливию, Эфиопию, Армению, Русь, Персию, Халдею, Татарию, Индию, Зондские острова, Китай, а позднее еще вдобавок Брабант, Германию, Чехию, Литву и Сарматию[1]. Все это путешествие растянулось на 33 года с лишним. Это произведение, неоднократно издававшееся и в более позднее время, часто подвергалось критическому разбору[2]. Теперь можно считать доказанным, что оно принадлежало перу мистификатора. Видимо, его автором был бельгийский врач Жеан де ла Барб, или Жан де Бургонь. С 1327 г. он долго жил в Египте, а затем с 1343 г. поселился в Льеже, где и умер 17 ноября 1372 г.[3] На смертном ложе он выдал себя за сэра Джона Мандевиля. О том, что побудило Жеана к мистификации, мы знаем так же мало, как и о том, почему он принял имя Мандевиля. Во всяком случае, в Англии XIV в. рыцаря с такой фамилией не было. В то время там жил рыцарь Жоан Манжевилен, но о нем вряд ли может идти речь, так как ничего не известно о том, предпринимал ли он длительное путешествие. Отсюда можно предположить, что никакого сэра Джона Мандевиля вообще никогда не существовало. Согласно одному более старому преданию, Мандевиль—подлинная фамилия автора, а Жан де Бургонь, прозванный а ла Барб [Бородатым],— его псевдоним[4]. Однако в действительности дело обстояло, наверное, как раз наоборот: Жан де Бургонь, по всей вероятности, подлинное имя автора, а Мандевиль — его псевдоним.

Самая старая Льежская рукопись 1355 г. не сохранилась; первая из известных рукописей появилась в Париже в 1371 г.[5] Больших выдержек из этой рукописи в начале главы не приводится, так как фамилию Мандевиль следует вычеркнуть из перечня средневековых путешественников. Цитируется здесь только одно предложение, ибо о нем нужно кое-что сказать.

Автор весьма смело заимствовал из тех описаний подлинных путешествий, какие попадали ему в руки. В двух ценных специальных исследованиях Бовеншен дал обзор многих источников, откуда черпал свои описания Мандевиль[6]. Он использовал Плиния и Эратосфена, описание путешествия

---

[1] Халдея (по Мандевилю)— Месопотамия, Татария — Северная Азия, Сарматия — Польша.— *Прим. ред.*

[2] Более новые издания этого сочинения см. S. B o r m a n s, Bruxelles, 1866; H a l l i w e l l, London, 1883; G. F. W a r n e r, Westminster, 1889; N. A. C r a m e r, Leiden, 1908; J. B r a m o n t, London, 1928.

[3] H. C o r d i e r, Jean de Mandeville, «T' oung-pao», 1891, v. II, p. 3. В этой работе перечислены также все известные издания произведения Мандевиля.

[4] S. B o r m a n s, Chronique et geste de Jean des Reis dit d'Outremeuse, Bruxelles, 1887, p. CXXXIII (и след.).

[5] «Encyclopaedia Britannica», t. 17—18, p. 560.

[6] A. B o v e n s c h e n, Die Quellen für die Reisebeschreibung des Johann von Maundeville, 1888 (диссертация, защищенная в Лейпцигском университете); «Untersuchungen über Johann von Mandeville und die Quellen seiner Reisebeschreibung». См. «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1888, B. 23, S. 177 (и след.). Во второй работе дается подробный перечень исследований, посвященных Мандевилю.

Карпини, книгу Венсана де Бове («Speculum historiale»), труд Марко Поло и, как уже отмечалось в предыдущей главе, очень много заимствовал у Одорико из Порденоне. Особенно много материала позаимствовал Мандевиль из относящегося к 1336 г. путеводителя, описывающего странствия рыцаря Вильгельма Больдензейле в 1331 г.[1] Вот что пишет по этому поводу Бовеншен: «Отдельные произведения, например описания Больдензейле и Одорико, включены Мандевилем в его книгу почти целиком, при этом переписаны чуть ли не дословно»[2].

Однако Мандевиль, не стесняясь, ограбил еще много более старых источников. Этот автор, видимо, был чрезвычайно начитанным человеком, но «недобросовестные заимствования» и «наглая ложь» (Бовеншен) превращают его в крайне сомнительную личность.

Ряд фантастических историй, которые в использованных Мандевилем источниках рассказываются только на основании слухов, он выдает за лично им увиденное и пережитое. Как некритично и необдуманно поступал Мандевиль, видно хотя бы из того, что имена татарских государей, живших за 100 лет до него, он приводит как имена людей, правивших, «когда я был там»[3].

Среди историй Мандевиля о различных чудесах и ужасах, которые он якобы сам пережил, фигурирует и сказка о магнитной горе, которую он для пущего эффекта превратил в алмазную гору. Мандевиль утверждает, будто алмазные горы притягивают к себе железо из обшивки проходящих мимо кораблей, что приводит к их гибели. Эта история, как и многие другие, могла быть заимствована из письма «священника Иоанна», в котором говорится: «Сгущенное море увлекает корабли в бездну, ибо дно его покрыто алмазными камнями, обладающими свойством притягивать железо»[4]. Следует, однако, отметить, что точно такие же представления о воздействии алмазов на железо можно найти у арабских авторов XIII в. [Казвини][5] и у христианского путешественника Карпини[6] (см. гл. 119).

Интересно, что описание фантастического путешествия Мандевиля, в основном построенное на плагиате, имело необычайный успех на закате средневековья. С точки зрения истории культуры этот успех показывает, как сильна была в XIV—XV вв. тяга к рассказам о далеких, неизвестных

---

[1] Опубликовано Гротефендом в его исследовании о дворянском роде Больдензейле. См. «Zeitschrift des Historischen Vereins für Niedersachsen», 1852, S. 209 (и след.).

[2] A. Bovenschen, Die Quellen für die Reisebeschreibung des Johann von Mandeville, 1888, S. 305.

[3] Sir John Mandeville, Travel, ed. G. F. Warner, Westminster, 1889, p. 209.

[4] G. Oppert, Der Presbyter Johannes, «Sage und Geschichte», Berlin, 1870, S. 182 (и след.).

[5] Quazwini, Athar al Bilad wa Akbar («Памятники городов и сообщения о родах Аллаха»), ed. Wüstenfeld, Göttingen, 1848, I, p. 239.

[6] «Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 42: «Горы же эти [Каспийские] в той стороне, к которой они пришли, состоят из адамантова камня, почему и притянули к себе их стрелы и железное оружие».

странах. Бовеншен сообщает, что известно около 300 списков рукописи Мандевиля: «Почти все европейские народы считали это произведение достоянием своей национальной литературы»[1]. Авторы некоторых копий и переводов внесли в рукопись свои собственные дополнения. Английские рукописи сообщают, например, что рыцарь по возвращению из своего путешествия, примерно около 1355 г., посетил Рим и показал там папе свое произведение. При этом они, разумеется, упустили из виду, что папы с 1305 по 1379 г. пребывали не в Риме, а в Авиньоне!

Кроме уже названных исследователей, выяснению личности Мандевиля способствовали прежде всего Шёнборн[2] и Николсон[3], а Риттер составил библиографию работ, посвященных этому автору и написанных до начала XIX в.[4] Полностью разрешить эту загадку теперь, пожалуй, нельзя. По самыми правдоподобными из всех толкований, безусловно, представляются объяснения Бовеншена. Этот исследователь считает, что хороший врач Жан де Бургонь, прозванный Бородатым, добавил к собственным приключениям в Египте описания путешествий, заимствованные из других источников, и издал книгу под псевдонимом Джона Мандевиля. При этом Жан де Бургонь первоначально сообщил, что рукопись он получил от английского рыцаря, с которым раньше встречался в Каире, когда тот прибыл в Льеж, чтобы лечиться у него от подагры. Когда же Жан убедился в огромном успехе своего произведения, в нем заговорило авторское тщеславие, и поэтому на смертном ложе он выдал себя за Мандевиля. Это объяснение было бы, пожалуй, самым правдоподобным, если бы оно не предполагало, что современники не заметили одной детали: путешествие Мандевиля было закончено только в 1355 г., в то время как Жан де Бургонь после 1343 г. не покидал больше Льежа на длительное время.

Полная недостоверность произведения «сэра Джона Мандевиля», этого явного плагиата, все же не снижает необычайно высокого культурно-исторического значения всей мистификации. Свой весьма добросовестный критический анализ этой проблемы Бовеншен заканчивает меткими словами:

«Под прикрытием фальшивого имени пробивалось через поток нескольких столетий это жалкое сочинение, которому падкая на сенсации публика дивилась, как яркому проявлению отважного и сильного духа»[5].

Одно место из лживой книги Мандевиля заслуживает того, чтобы на нем кратко остановиться, так как оно приобрело важное культурно-исто-

---

[1] A. Bovenschen, Untersuchungen über Johann von Mandeville und die Quellen seiner Reisebeschreibung, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1888, B. 23, S. 194 (примечание 1).

[2] Schönborn, Bibliographische Untersuchungen über die Reisebeschreibung des sir John Mandeville, «Festschrift des Gymnasiums zu St. Maria-Magdalena», Breslau, 1840, S. 23 (и след.).

[3] «The Academy», 1884, April 12, No. 613, p. 261 (приложение).

[4] C. Ritter, Erdkunde, Berlin, 1817—1818, Asien, B. VIII, Kap. XV, S. 1, 23 (и след.), Kap. XVI, 1, S. 302 (и след.).

[5] A. Bovenschen, Untersuchungen über Johann von Mandeville und die Quellen seiner Reisebeschreibung, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1888, B. 23, S. 206.

рическое значение. Мандевиль сообщает, что в юности он слышал об одном человеке, который объехал всю Землю[1]. Отправившись из Англии, он прибыл в Индию и Китай, а оттуда, плывя прямо на восток по морю, вернулся в Норвегию. Следовательно, этот человек как бы путешествовал «под землей», не «падая в небосвод» (см. цитату, стр. 195, 196). Раньше правдивость Мандевиля не подвергалась сомнению, и это место в его книге оказало сильное влияние на людей XV в., укрепив убеждение в том, что из Европы можно попасть непосредственно в Восточную Азию, если плыть на запад через океан. Это могло бы служить Колумбу важным аргументом в пользу его проекта. Впрочем, нельзя доказать, что Колумб был основательно знаком с книгой Мандевиля. В первой половине XV в. благодаря Клавдию Клавусу [Клавдий Клауссен Сварт], основывавшемуся на сообщении Мандевиля, возникла сказка, будто рыцарь Мандевиль *сам* возвратился из Китая в Европу через Атлантический океан (см. цитату из первоисточника в начале главы)! Клавдий Клавус не имел никакого другого основания для этого утверждения, кроме уже рассмотренного выше места из книги Мандевиля, а остальное дополнил сам.

Фактически Мандевиль писал о пересечении океана между Китаем и Норвегией только как о слухе, который когда-то давно до него дошел. В связи с этим он замечает, что как «наверху», так и «внизу», то есть как в северном, так и в южном полушарии, можно объехать весь мир на судне. Это замечание определенно было самым удачным во всей его лживой книге, не имеющей в остальном никакой цены. Ведь при большой популярности книги Мандевиля именно это его свидетельство сильно повлияло на географические воззрения людей XV в. Поэтому семена Колумба попали в не совсем бесплодную почву. И только за это *одно* нечаянно совершенное доброе дело можно было бы простить «гуманисту Мюнхаузену»[2] XIV в. все его прочие лживые рассказы.

---

[1] Sir John Mandeville, Travel, ed. C. F. Warner, Westminster, 1889, p. 183.

[2] Статья Мурриса. См. «Ibero-Amerikanisches Archiv», 1943, B. XVII, S. 56.

ГЛАВА 139

ПУТЕШЕСТВИЕ ИБН-БАТТУТЫ

(1325—1349 гг.)

(Том I, стр. 12) ...Я был один, без спутника, на которого мог бы положиться, без каравана, к которому мог бы присоединиться. Но меня подгоняли твердая решимость и страстное желание увидеть глубокочтимые святыни. Поэтому я решил расстаться со своими близкими — мужчинами и женщинами — и покинул свою родину, как птица покидает гнездо. Отец и мать были еще живы, но все же я решился покинуть их, убитых горем. Мне было тогда 22 года...

(Том II, стр. 191) ...И вот у города Макдахаон я сел на судно, направляющееся к Стране санахилей и к городу Кулуа [Килва] в Стране зинджей. Мы прибыли на остров Манбас [Момбаса]— большой остров, лежащий в двух днях плавания от Страны санахилей... На этом острове мы провели одну ночь. Потом снова вышли в море и поплыли к Кулуа, большому городу, на побережье, где проживают в основном зинджи, отличающиеся необычайно черной кожей... Один купец рассказал мне, что город Софала стоит от Кулуа на расстоянии 15 дней пути по суше, а от Софалы до Йоуфи в Стране лимиинов нужно еще идти целый месяц... Из Йоуфи привозят в Софалу золотой песок. Кулуа — прекраснейший и благоустроенный город. Он весь построен из дерева.

...В Кулуа мы сели на судно, направлявшееся к городу Зафар [Джаухари]...Он находится на окраине Йемена у Индийского океана; оттуда вывозят лошадей в Индию. При попутном ветре плавание длится целый месяц. Я сам однажды плавал на корабле от индийского города Каликут до Зафара, и это заняло 28 дней...

(Том II, стр. 398) ...Я слышал рассказы о городе Болгар, и мне захотелось отправиться туда, чтобы собственными глазами узреть то, о чем мне рассказывали, чтобы увидеть в этом городе необычайно короткую ночь в одно время года и короткий день — в другое... В этот город я прибыл в месяц рамадан. Пост окончился после прочтения утренней молитвы. Во время обеда верующих снова стали созывать к молитве... В этом городе пробыл я три дня.

[Здесь следует отрывок, приведенный во II томе «Неведомых земель», см. стр. 257.]

...Мех горностая — самый красивый из всех. За одну шкурку платят в Индии 1000 динаров, соответствующих при обмене 250 марокканским дирарам...

(Том III, стр. 118) ...Правителем Мултана[1] был Кутб ал-Мулк, один из самых выдающихся и заслуженных эмиров. Когда я посетил его, он взял меня за руку и посадил рядом с собой. Я принес ему в дар раба, коня, немного изюма и миндаль. Это самые ценные из всех подарков, которые можно преподнести жителям данной страны, ибо изюм и миндаль здесь не встречаются и их привозят из Хорасана... Расстояние между Мултаном и столицей [Дели] составляет 40 дней пути, протянувшегося среди сплошь возделанных земель. Придворный эмира и проводник, посланный с ним... взяли с собой из Мултана 20 поваров. Чтобы приготовить еду и все необходимое, придворный ночью выезжал к следующей нашей стоянке... Однажды я решил посетить шейха Сихаб ад-Дина, сына шейха ал-Джама, в пещере, которую он сам для себя выкопал в окрестностях Дели. Я намеревался при этом осмотреть ее. Когда султан заключил шейха в тюрьму, он спросил его сыновей, кто посещал его. Они назвали ряд лиц, среди них и меня. Тогда султан приказал четырем рабам сторожить меня в приемном зале. Если он кем-либо недоволен, то тот вообще очень редко остается в живых. Пятница была первым днем, когда меня так сторожили. Тогда вразумил меня Всевышний произносить следующие слова: «Бог внемлет нашим мольбам. Он наша надежная защита!»[2]

Эти слова я произнес в тот день 33 000 раз, ночь провел в приемном зале и постился в течение пяти дней. Каждый день я читал Коран с начала до конца, прерывая пост, только чтобы выпить немного воды. На шестой день я принял пищу, а затем постился еще четыре дня. После смерти шейха я получил свободу. Хвала Всевышнему за это!

(Том IV, стр. 71) ...Малабар простирается на расстоянии двух месяцев пути от Синдапура до Каулема. Дорога проходит все время в тени деревьев. Через каждые полмили стоит деревянный дом с нарами; их занимают все странники — как неверные, так и мусульмане... Вдоль этой дороги, путешествие по которой, как уже было сказано, продолжается два месяца, нет даже малых клочков невозделанной земли, не говоря уже о больших участках... У каждого свой сад, посередине которого стоит дом... Чаще всего жители путешествуют в паланкинах, которые несут на плечах рабы или наемные слуги. У кого нет паланкина, тот идет пешком независимо от положения, которое занимает...

---

[1] Мултан по Каннингэму — древний Каспапир, по-санскритски — Касиапапура (см. т. I, гл. 15), находится в Пенджабе, под 30°12′ с. ш. и 71°31′ в. д.

[2] Коран, сура III, стих 167.

Я никогда не видел дороги более безопасной, чем эта, ибо индийцы убивают всякого, кто осмелится взять хотя бы один орех... Там [в Факанауре] принято, чтобы каждый корабль, проходящий мимо города, становился на якорь, а главе города следует преподнести подарок. Это называют торговой пошлиной. Кто не соблюдает этого обычая, того преследуют жители города на своих кораблях и насильно доставляют в порт. Потом они накладывают на него двойную пошлину и не пускают плыть дальше столько времени, сколько им заблагорассудится.

(Том IV, стр. 99) ...Мы прибыли в Кунджи-Кари [вероятно, Кранганур], находящийся высоко в горах. Здесь живут иудеи, которые платят подушную подать султану Каулема; над ними властвует эмир из их же среды. Здесь вдоль реки растут только коричное и красное деревья. Их используют там на дрова. Из них мы обычно разводили огонь, чтобы готовить себе пищу в пути.

(Том IV, стр. 110) ...Я решил предпринять путешествие на Мальдивские острова, о которых много слышал. Мы достигли острова Дибат-ал-Хахаль спустя 10 дней после того, как сели на корабль в Каликуте... Все жители этих островов мусульмане, люди набожные и добропорядочные... От меда из кокосового молока и особого вида рыбы, служащих им пищей, жители приобретают удивительную, ни с чем не сравнимую половую силу. В этом отношении островитяне творят чудеса. У меня самого здесь было четыре законные жены, не говоря уже о наложницах. Я ежедневно находил время для каждой из них и, кроме того, проводил ночь с той, чья очередь наступала. Так я жил полтора года...

(Том IV, стр. 166) ...Все побережье страны Цейлон [у Путталама] покрыто стволами коричного дерева[1], которое приносят сюда горные реки. Великое множество стволов громоздится у берега. Жители Мабара[2] и Малабара берут их на дрова и ничего за это не платят, только преподносят султану ткани для одежды в качестве ответного подарка... На лбу белого слона я видел семь рубинов, из которых каждый был больше куриного яйца, а у султана Аири Сакарвати—ложку из драгоценного камня величиной с ладонь, в которой находилось масло алоэ. Я очень удивился этому, но он сказал мне: «У нас есть вещи еще большей величины»[3].

---

[1] Это место до сих пор считается самым древнейшим упоминанием о корице, произрастающей на Цейлоне.

[2] Мабар, или Маабар,— юго-восточный, Коромандельский берег полуострова Индостана (не смешивать с Малабаром — юго-западным берегом Индостана).— *Прим. ред.*

[3] «Книга Марко Поло», М., 1952, стр. 182. «Самый красивый в свете рубин у здешнего царя; такого никто не видел, да и увидеть трудно; он вот какой: в длину он с пядь, а толщиною с человеческую руку. На вид самая яркая в свете вещь без всяких крапин...»

В этой местности мы видели «летающую» пиявку, которую местные жители называют зулу [*Haemobdella ceylanica*]. Она встречается на деревьях и в траве вблизи воды. Если человек приблизится к ней, то она бросается на него. Большое количество крови вытекает из той части тела, в которую она впивается. На случай нападения держат наготове лимон и выжимают его на пиявку, отчего она отваливается...

Гора Серендиб одна из высочайших в мире [Адамов Пик, 2250 *м*]. Мы увидели ее с моря, хотя расстояние до нее составляло 9 дней пути. В давние времена сделали в горе нечто вроде ступеней, по которым взбираются наверх, и вбили железные стержни, укрепив на них цепи; за них можно держаться, поднимаясь вверх. Таких цепей там десять... След ноги[1] нашего глубокочтимого отца Адама можно увидеть на высокой черной скале в укромном месте, где он отпечатался. Длина ступни достигает 11 пядей. Жители Китая с глубокой старины совершают к скале паломничество...

Когда мы остановились у маленького острова [остров Пиджин] между Хинауром и Факанауром, на нас напали язычники. Они яростно сражались с нами и одержали победу. Они отняли у меня все, что у меня было и что удалось мне сохранить на черный день, похитив жемчуг и драгоценные камни, которые подарил мне царь Цейлона, а также платье, дорожные припасы, находившиеся при мне, и ничего не оставили из одежды, кроме штанов...

В море мы провели 43 ночи, а затем прибыли в Бенгалию — обширную страну, богатую рисом. Нигде в мире я не видел страны с более низкими ценами, и все же это страна несчастья; жители Хорасана называют ее «адом, полным богатств». Мухаммед ал-Масмуди, человек правдивый, живший ранее в этой стране и скончавшийся у меня в Дели, рассказывал, что у него была жена и слуга, содержание всех троих в течение года обходилось всего 8 диргемов. На эту сумму он покупал в Дели 8 фунтов неочищенного риса... Я видел, как в Бенгалии продавали молочную корову за 3 серебряных динара, а 8 откормленных кур—только за 1 диргем; 15 молодых голубей отдавали тоже за 1 диргем. В моем присутствии за жирного барана заплатили 2 диргема, за фунт сахара — 4 диргема, за фунт сока из сахарного тростника — 8 диргемов, за фунт сливочного масла — 4 диргема, за фунт кунжутного масла — 2 диргема. Я видел, как были проданы за 2 динара 30 локтей тонкой хлопчатобумажной ткани

---

[1] Этот мнимый отпечаток ноги прародителя Адама длиной 5 футов и шириной 2,5 фута, созданный причудами природы, напоминает такой же мнимый след конского копыта на Гарце. Скала, где он «отпечатался», была издавна излюбленным и часто посещавшимся местом паломничества мусульман, буддистов и индусов.

высшего сорта и как за 1 золотой динар предлагалась молодая прелестная рабыня в качестве наложницы. Приблизительно за такую же цену и я сам купил молодую рабыню поразительной красоты, по имени Асура, а один из моих товарищей приобрел за 2 динара красивого молодого раба, по имени Лулу...

(Том IV, стр. 269)...Гавань Зайтуна [см. гл. 131] одна из самых больших в мире, правильнее сказать, самая большая. Я видел в ней около 100 больших джонок, а маленьким и счету не было. Это обширный морской залив, вдающийся в сушу, где он соединяется с многоводной рекой [Янцзы]... По этой реке плыли мы 27 дней. Ежедневно в полдень мы бросали якорь у деревни, где закупали все необходимое и совершали обеденную молитву. Вечером мы выходили на берег в другой деревне...

За Синкаланом [Гуанчжоу] уже нет ни одного города — ни языческого (буддийского), ни мусульманского. Между Синкаланом и стеной Гога и Магога [см. т. II «Неведомых земель», гл. 89] 69 дней пути.

Китай мне не понравился, хотя в нем есть много прекрасного. Наоборот, я был очень опечален, что там царит неверие... Если мне удавалось повстречаться в Китае с мусульманином, то мне казалось, что я встретился с кем-то из своей семьи или из своих родичей ...Когда рабу великого хана исполняется 50 лет, он освобождается от всяких работ и содержится за счет государства. Точно так же обеспечивается каждый, кто уже достиг или приближается к этому возрасту. Те, кому исполняется 60 лет, у китайцев переходят на правовое положение детей: к ним не могут применяться наказания, предусмотренные законом. Старики в Китае пользуются большим почетом. Каждого из них называют ата, что означает отец[1].

...В Зайтуне я застал джонки, готовые к отплытию в Индию, и среди них одну, принадлежащую царю эз-Захиру, властелину Явы [Суматры][2], ее экипаж состоял из мусульман... В течение 10 дней мы не видели солнца, а затем вошли в незнакомое море. Команда джонки испугалась и хотела повернуть обратно в Китай, но сделать этого не удалось. Мы провели 42 дня, не зная, в какой части океана находимся[3]. На рассвете 43-го дня появилась в море гора, удаленная от нас на расстояние примерно 20 миль; на эту гору гнал нас ветер. Матросы удивлялись и говорили: «Мы находимся здесь далеко от земли, и в море тут нет никакой скалы.

---

[1] Ата (отец) — не китайское, а тюркское слово.— *Прим. ред.*

[2] Явой иногда называли остров Суматру и другие средневековые авторы, в том числе Марко Поло («Малая Ява», см. стр. 177 «Книги Марко Поло»).— *Прим. ред.*

[3] Не знал об этом, вероятно, только сам Ибн-Баттута. Ведь вслед за этим утверждением он пишет, что команде было известно об отсутствии каких-либо земель в этой части океана.

Мы погибнем, если ветер погонит нас туда». Все искали утешения в смиренных молитвах и в покаянии; люди по нескольку раз исповедовались в своих грехах. Мы смиренно молились Аллаху и просили защиты у его Пророка. Я составил список подаяний, которые купцы обещали раздать бедным. Ветер несколько утих, и тут при восходе солнца мы увидели, как гора поднялась высоко в воздух[1] и между нею и морем блеснул дневной свет. Мы очень этому удивились. Я видел, как плакали и прощались друг с другом матросы, и спросил их: «Что случилось?» Они ответили: «Мы приняли за гору птицу Рох[2]. Она погубит нас, если увидит». Расстояние между нами и горой составляло теперь менее 10 миль. Но тут послал нам Аллах попутный ветер, который увлек нас в другую сторону. Больше мы ее не видели, так и не узнав, чем же она была в действительности. Через два месяца мы достигли Явы [Суматры]... На этом острове я оставался два месяца. Потом сел на джонку... Я пустился в путь и через 40 дней прибыл в Каулем... Из Каулема мы отправились в Каликут, где провели несколько дней... Через 28 дней мы достигли Зафара. Это произошло в месяц мохаррем 748 года [апрель — май 1347 г.][3].

Живший в XIV в. марокканец Ибн-Баттута[4], несомненно, должен быть признан величайшим из всех путешественников, которых знали древний мир и средневековье. Даже достижения Марко Поло бледнеют (если не по их значению для истории культуры и литературы, то по широте охвата и дерзновению) в сравнении с поразительным трудом, которому была посвящена вся жизнь этого любителя путешествий. За 26 лет он объездил почти все нехристианские страны, известные в XIV в., и оставил после себя самый ценный из всех географических трудов средневековья. Фанатический приверженец мусульманской религии, Ибн-Баттута преднамеренно избегал христианских стран и только в двух местах — в Константинополе и на Сардинии — более или менее близко соприкасался с ними.

Ибн-Баттута родился 24 февраля 1304 г. в Танжере. Он совершил два путешествия в области, которые до него редко посещались или куда совсем

---

[1] Здесь, видимо, мы имеем дело не с явлением фата-морганы, так как «гора была видна еще до восхода солнца». Вероятно, то был просто обман зрения и люди в полумраке приняли облако за гору.

[2] Страшная птица Рох играет видную роль в приключениях героев «1001-й ночи», она упоминается также у Марко Поло. Эта история — поучительный пример суеверий, распространенных среди моряков. См. «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 202, 203.

[3] «Voyages d'Ibn Batoutah», ed. Defrémery, Sanguinetti, Paris, 1854.

[4] Имя этого путешественника правильнее транскрибировать Ибн-Баттута, а не Ибн-Батута, как оно писалось раньше. См. арабский словарь «Венец невесты», а также A. F i s c h e r, Battuta, nicht Batuta, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländische Gesellschaft», 1918, B. LXII, S. 289.

не ездили. Первое путешествие, несомненно, было самым важным. Из паломничества в Мекку, которое впоследствии неоднократно повторялось, оно переросло в 24-летнее странствие неслыханного масштаба. На востоке Ибн-Баттута доходил до Тихого океана, на юге — до современного Мозамбика, на севере — до 55° с. ш., то есть до города Болгар, стоявшего у впадения Камы в Волгу. Только непредвиденное препятствие помешало Ибн-Баттуте продлить свои странствия до Северного полярного круга. Второе путешествие (см. гл. 148) было значительно короче и продолжалось немногим более двух лет; но зато оно проходило по странам Западной Сахары и на Нигере. Эти страны Ибн-Баттуте не удалось посетить при первом путешествии. Кроме того, он побывал еще в испанских областях, подвластных маврам[1].

Ибн-Баттута предпринял эти длительные странствия в основном на свой страх и риск. Он предстает перед нами то в образе благочестивого паломника, то опытного купца, то чиновника, действуя в различных мусульманских странах. Но ко всему этому Ибн-Баттута был еще настоящим исследователем. Он жадно впитывал все впечатления и оставил нам, к счастью, очень подробный, можно даже сказать, объемистый труд, настоящую географическую сокровищницу. Ибн-Баттута видел, пожалуй, в три раза больше чужих земель, чем Марко Поло. В некоторых случаях объективности суждений Ибн-Баттуты заметно мешают его религиозный фанатизм и несомненное пристрастие ко всему, что связано с исламом. Он проявляет большую склонность, чем Марко Поло, к передаче различных неправдоподобных слухов и рассказов о чудесных происшествиях, не имеющих никакого значения. И все же труд этого путешественника стоит на недосягаемой высоте, и Ибн-Баттута вполне заслуженно считается мусульманским Марко Поло. Пешель с полным основанием называет его «величайшим сухопутным странником всех времен, который прошел больше земель, чем Марко Поло и Генрих Барт, вместе взятые»[2].

Подобно Марко Поло, Ибн-Баттута продиктовал свои воспоминания писцу. Однако на это его толкнула не скука во время плена, а воля его властелина — марокканского султана Маринида[3] Абу Инана. Ибн-Джузайа, высокообразованный секретарь султана, был тем человеком, который записал в Фесе рассказы Ибн-Баттуты, а затем обработал их стилистически и придал им соответствующую литературную форму. Так дошла до нас книга, которая, хотя и уступает творению великого венецианца по широте взглядов, тонкости наблюдений, ясности и достоверности, вместе с тем позволяет дать

---

[1] Во время посещения Ибн-Баттутой Испании (середина XIV в.) «маврам», то есть мусульманам, принадлежала еще юго-восточная часть Пиренейского полуострова — Гранадский эмират, который был тогда самым богатым и культурным пиренейским государством.— *Прим. ред.*

[2] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1815, S. 95. [Генрих Барт (1821—1865)—немец, находившийся на английской службе, совершил в 1849—1855 гг. большое путешествие по Северной и Центральной Африке, причем дважды пересек пустыню Сахару (с севера на юг и в обратном направлении).— *Ред.*]

[1] Мариниды — марокканская династия, правившая всем Марокко с 1269 по 1470 г. — *Прим. ред.*

се автору ту высокую оценку, которую правильно высказал Мжик: «Если среди писателей-географов средневековья Марко Поло занимает первое место, то Ибн-Баттута, несомненно, стоит на втором»[1].

Пешель в одной из своих статей дал меткое определение: «Масуди — великий географ и путешественник X столетия был «арабским Геродотом», а Ибн-Баттута — «арабским Марко Поло»[2].

В общем, территории, по которым путешествовал Ибн-Баттута, совпадают со сферой распространения ислама и магометанских общин. Маршрут главного путешествия и хронология событий, достоверная только для некоторых эпизодов, выясняются из следующих фактов:

Отъезд из Танжера 14 июня 1325 г.

Путешествие через Северную Африку до Александрии и Каира, затем по Нилу до Асуана и выход к Красному морю.

Возвращение в Нижний Египет, так как из-за военных действий в тот период нельзя было попасть в Аравию Красным морем, а затем путешествие через Палестину в Медину и Мекку.

Переход через северную Аравию в Басру и Персию и возвращение в Мекку через Мосул и Диярбакыр.

Пребывание в Мекке в 1328—1330 гг.

Путешествие через Йемен в Восточную Африку до города Килва на юге.

Возвращение в Аравию и третье паломничество в Мекку из северной Аравии.

Путешествие через Египет, Сирию и Малую Азию до Крыма.

Прибытие в Астрахань и выход в Сарай[3] по льду замерзшей Волги.

Кратковременная поездка в Константинополь, возвращение в Сарай и путешествие вверх по Волге до города Болгар.

Составление маршрута путешествия в торговых целях (которое не состоялось) в богатые пушниной северные области на Печоре.

Путешествие через Нижнее Поволжье севернее Каспийского моря и мимо Аральского моря в Хиву, Фергану, Бухару.

Путешествие через Хорасан и Афганистан в Индию и прибытие в эту страну 12 сентября 1333 г.

Поездка в Дели и многолетнее пребывание в этом городе.

Отъезд из Дели в Китай в качестве посла султана Мухаммеда 22 июля 1342 г.

Пленение «язычниками» (индийскими буддистами) и бегство от них при весьма занимательных обстоятельствах.

Плавание из Камбейского залива в Гоа, Онор [?], к Малабарскому побережью, в Каликут.

Посадка на корабль, отплывающий в Китай, кораблекрушение в тот момент, когда сам Ибн-Баттута находился на суше, и потеря всего имущества.

---

[1] H. M ž i k, Die Reisen des Arabers Ibn Batuta durch Indien und China, Hamburg, 1911, S. 13.

[2] «Ausland», 14. Mai, 1862.

[3] Речь идет о городе Новом Сарае, тогдашней столице Золотой Орды.— *Прим. ред.*

Поездка через Каулем и Каликут к султану Хинаура и участие в покорении Синдапура.

После многочисленных поездок по стране отплытие из Каликута на Мальдивские острова; исполнение там в течение полутора лет обязанностей судьи.

Плавание на Цейлон и восхождение на Адамов Пик.

Возвращение на Малабарский берег, затем новое кораблекрушение и многолетнее пребывание в Мадуре и Каулеме.

Ограбление пиратами у острова Пиджин, возвращение в Каликут и вторичное посещение Мальдивских островов.

Полуторамесячное плавание в Бенгалию.

Кратковременное путешествие в горы Кхаси[1] до границы Китая.

Возвращение в Бенгалию и отплытие на Суматру.

Плавание в Китай на джонке, возможно, пребывание на полуострове Индокитай в течение 3—4 месяцев и прибытие в Зайтун.

Поездка в Гуанчжоу, возвращение в Зайтун и путешествие через Ханчжоу в Пекин.

Возвращение в Зайтун на речных судах.

Плавание на Суматру и двухмесячное пребывание на этом острове.

Плавание через Каликут в Зафар и в северо-восточную Аравию, прибытие туда весной 1347 г.

Путешествие через Персию, Месопотамию, Сирию и Палестину в Египет.

Четвертое паломничество в Мекку.

Плавание к Сардинии по Средиземному морю.

Возвращение в Марокко и прибытие в Фес в начале ноября 1349 г.

Эти достижения великого путешественника производят на нас тем большее впечатление, что Ибн-Баттута странствовал в сопровождении целого обоза, в котором следовали его жены и дети, рабы и рабыни, а также различные товары и подарки. До века машин все его путешествия в целом представляются неповторимым подвигом. Труд, посвященный описанию этих путешествий, с культурно-исторической точки зрения является чрезвычайно ценным источником. Об этом достаточно ярко свидетельствуют отрывки из него, приведенные в начале главы.

Следует, пожалуй, обратить внимание на тот факт, что в хороших и основательных описаниях многочисленных плаваний по морю Ибн-Баттута нигде не упоминает о применении компаса, хотя последний, видимо, уже имелся на всех крупных судах, которыми пользовался марокканец. Да и у других средневековых путешественников, например у Фа Сяня, Масуди, Марко Поло, Одорико и т. д., мы не находим никаких упоминаний о магнитной стрелке, которая, надо полагать, имелась на китайских судах еще до начала средневековья. Но следует иметь в виду, что в пределах Индийского океана применение компаса долгое время оставалось своего рода профессиональной

[1] Кхаси — возвышенность на северо-востоке Индии, в штате Ассам, к югу от долины Брахмапутры, иначе называемая плато Шиллонг по одноименной вершине (1961 *м*). — *Прим. ред.*

тайной кормчих, причем ни матросов, ни пассажиров обычно не посвящали в эту тайну[1].

В связи с многочисленными дальними плаваниями Ибн-Баттуты по морю следовало бы напомнить еще об одном факте, на который обратил внимание Валькенер[2]. Ибн-Баттута сообщает в одном месте своего труда, что он целых 34 дня плыл по совершенно спокойному морю. Речь в этом месте шла о водах Тихого океана, и поэтому мы можем предположить, что это название величайшего из океанов земного шара, которое, как полагают, дал ему Магеллан, не было чуждо и арабам.

Хотя великие мореплаватели XVI—XVIII вв. в общей сложности проделали большие расстояния, чем живший в XIV в. Ибн-Баттута, не будет преувеличением, если мы назовем этого марокканца величайшим *путешественником всех времен до Магеллана.*

Замечательная книга Ибн-Баттуты очень долго оставалась неизвестной западноевропейским ученым. Для современной науки она была открыта Козегартеном[3] только в 1818 г.; ранее обычно из этого труда лишь изредка приводились небольшие отрывки.

---

[1] R. Hennig, Die Frühkenntnis der magnetischen Nordweisung, «Die Beitrage zur Geschichte der Technik und Industrie», 1931—1932, B. 21, S. 30 (и след.).

[2] M. Walckenaer, Mémoire sur la chronologie de l'histoire des Javanais, Paris, 1842, p. 24.

[3] G. Kosegarten, De Mohammedano Ebn Batuta, Arabe, Tingitano, eiusque itineribus, Jena, 1818 (диссертация). [Готфрид Козегартен (1792—1860)— немецкий востоковед. Относительно его диссертации «О магометанине Ибн-Баттуте, арабе, танжерце, и его путях» И. Ю. Крачковский говорит: «Пионером в изучении его (Ибн-Баттуты) явился Козегартен со своим учеником Апецем. Первый дал (в 1818 г.) общую характеристику Ибн-Баттуты и извлечения... из трех частей его труда: *iter Persicum, iter Maldivicum, iter Africanum* (пути Персидский, Мальдивский и Африканский). Второй произвел такую же работу (1819 г.) относительно описания Малабара». См. И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 429. — *Ред.*]

ГЛАВА 140

КУПЦЫ И МИССИОНЕРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В РАЙОНЕ КУЛЬДЖИ

(1330—1340 гг.)

...Из Таны [Азов] в Джутархан [Астрахань] нужно сначала ехать 25 дней в повозке, запряженной волами, и 10—12 дней — в повозке, запряженной лошадьми. В пути в большом количестве встречаются морколы [монголы?], и притом вооруженные. Из Джутархана в Сару [Сарай] нужно затратить один день плавания по реке, от Сары в Сараканко [Сарайчик][1] — 8 дней, также по реке[2]. Здесь можно передвигаться как по суше, так и по воде; но по воде легче перевозить взятые с собой товары.

Из Сараканко в Органчи [Ургенч][3] едешь 20 дней в повозке, запряженной верблюдами. Любому, кто везет с собой товары, рекомендуется навестить Органчи, ибо в этом городе они очень легко продаются. Из Органчи в Отрарре [Отрар] нужно ехать 35—40 дней в повозке, запряженной верблюдами. Но если после выхода из Сараканко направляешься прямо в Отрарре, путешествие длится около 50 дней. Если нет при себе товаров, предпочтительней пользоваться этим путем, чем тем, который проходит через Органчи.

Из Отрарре в Армалек [близ Кульджи] путешествие с вьючными ослами длится 45 дней, и при этом ежедневно встречаешь морколов. Из Армалека в Камексу [Ганьчжоу] с вьючными ослами 70 дней пути и от Камексу до реки под названием...[4] — 45 дней на лошадях. Затем можно идти вниз по реке в Кассай [Кинсай, Ханчжоу] и там распорядиться имеющимися при себе серебряными монетами, ибо это весьма оживленное торговое место. Если ты достиг Кассая, то с деньгами, которые выручил за проданные там серебряные монеты, можешь ехать дальше. Эти деньги сделаны из бумаги и называются балиши. Четыре таких денежных знака стоят в стране Катай столько же, сколько одна серебряная монета.

---

[1] Главный город Ногайской Орды на реке Урал.

[2] Волга, включая Каспийское море.

[3] Древний Ургенч (Гургандж, ал-Джурджания арабских авторов, современный Куня-Ургенч) в первой половине XIV в. был богатейшим городом Хорезма.— *Прим. ред.*

[4] Название разобрать нельзя. Вероятно, подразумевался Великий Китайский канал. См. H. Y u l e, Cathay and the way thither, ed. H. Cordier, London, 1914, p. 148 (примечание 3).

Путешествие из Кассая в Гамалек [Ханбалык, Пекин], главный город страны Катай, длится 30 дней...[1]

* * *

Возлюбленные братья! Когда расставались с Вами, пошел я, как о том известно Вашему высокопреподобию, в Авиньон в обществе дорогого брата Гонсальво Трансторны. С благословения Его высокопреподобия магистра ордена мы направились оттуда в Ассизи, чтобы получить отпущение грехов. Потом в Венеции мы сели на борт так называемой караки [вооруженное трехмачтовое судно] и поплыли по Адриатическому морю. Дальше мы прошли Понт [Мраморное море], оставив слева Славянскую землю[2], а справа — Турецкую, и сошли на берег в Византийской империи в Константинопольской области, где встретили отца викария Катая в викариате Востока. Затем мы перешли на другое судно, поплыли по Черному морю, глубину которого нельзя измерить, в Газарию [Крым] в викариате Севера, лежащую в Стране татар. Потом мы плыли по другому бездонному морю [Азовское] и высадились в Тане [Азов].

Оттуда я выбрался раньше своего спутника и в повозке вместе с несколькими греками избрал путь на Сарай, тогда как мой провожатый с некоторыми другими братьями пошел в Ургант [Ургенч]. Я бы охотно пошел с ним, но на основании наведенных справок решил прежде изучить язык страны. С Божьей помощью я изучил чаманский язык[3] и уйгурское письмо, ибо этот язык и письмо наиболее употребительны во всех царствах и империях татар, персов, халдеев, медов[4], а также в Катае. Потом мой спутник вернулся из Урганта и направился назад к вам. Но я не мог снести мысли о том, чтобы, подобно собаке, возвратиться к своим испражнениям, и, дабы быть достойным милости, оказанной мне Его Святейшеством папой, решил не возвращаться. Знайте же, что все наши братья, направляющиеся в здешние страны, удостаиваются тех же привилегий, что и паломники, следующие в Иерусалим, а именно — полного отпущения грехов, а тот, кто выдержит испытание до конца, — венца вечной жизни.

---

[1] Francesco Balducci Pegolotti, Libro di Divisamenti di Paesi e di misure di mercatanzie. Английский перевод, см. H. Yule, op. cit., v. III, p. 143 (и след.).

[2] Под славянской землей подразумевается, вероятно, Сербия, которая при Стефане Душане (1331—1355) владела большей частью Балканского полуострова.— *Прим. ред.*

[3] То есть команский язык, относящийся к тюркской семье.

[4] Неправильное обозначение, вытекающее из непонимания иногда применявшегося термина *Imperium Medium* [Срединное государство], которое относилось к промежуточному государству, расположенному между Персией и Китаем. Оно, собственно, называлось Джагатайским улусом и соответствовало Трансоксании. [См. примечание 3 на стр.28 — *Ред.*]

Достойные отцы, с тех пор как изучил я их язык, с Божьей милостью проповедовал, часто без толмача, как среди сарацин, так и среди вероломных еретиков-христиан[1]. Потом мой викарий обязал меня по получении его письма, соблюдая целительную покорность по отношению к нему и верность своему долгу, ехать дальше и довести до конца начатое путешествие.

В названном Сарае я пробыл более года. Это сарацинский город в Татарском царстве, расположенный в викариате Севера. Здесь три года назад один из наших братьев, по имени Стефан, принял славный мученический конец от рук сарацин[2]. С несколькими армянами сел я на судно и отправился оттуда по реке Тигрис [Волга, см. гл. 126] и далее вдоль побережья моря Ватук [Бакук или Баку, следовательно, Каспийское море], пока через 12 дней не прибыл в Сарайчик [см. начало этой главы]. От этого места я ехал на повозке, запряженной верблюдами (ехать на этих животных просто отвратительно!), и на 50-й день достиг Урганта, города на границе царства татар и персов. Он называется также Хусом, и там находятся останки Святого Иова (?!)[3].

Затем я опять сел в повозку, запряженную верблюдами, и ехал со слугой, по имени Зингуо, в обществе нескольких заклятых еретиков и приверженцев Мухаммеда, среди которых я был единственным христианином, пока не достигли мы с Божьей помощью царства медов. Какие муки я здесь претерпел, как много и тяжко страдал, знает один Бог, но скучно рассказывать об этом в письме. Император татар был убит своим родным братом[4], и караван, с которым я ехал, отказался от дальнейшего путешествия в сарацинские города, опасаясь войны и грабежа.

Я долгое время жил среди сарацин и в течение очень многих дней открыто перед всем народом прославлял имя Иисуса Христа и проповедовал его учение. Я разоблачил и вскрыл мошенничества, ошибки и промахи их лжепророка; их богохульство отражал я громогласно и публично; веруя в Господа нашего Иисуса Христа, я сего не убоялся, и Святой дух подкрепил и просветил меня. Они обращались со мной обходительно и во время их пасхи[5] поставили меня перед своей мечетью. По случаю пасхи в мечети находились их кадини [кади], то есть их епископы[6], и их талисмани (?), то есть

---

[1] То есть среди несториан.

[2] Брат Стефан из Петервардейна — молодой монах, перешедший в 1334 г. в магометанскую веру и позднее убитый фанатиками, когда он раскаялся в своем отступничестве и открыто отрекся от мусульманства.

[3] Библейский Иов жил, согласно традиции, в земле Уц (к югу от Палестины), не имевшей ничего общего с Ургантом (Хусом).— *Прим. ред.*

[4] Хан Газан (см. заключительный раздел этой главы).

[5] Байрам.

[6] Кадини (кади) — судьи, решающие дела на основании мусульманского права, как феодального, так и обычного (шариата и адата). Монах, разумеется сильно ошибался, сравнивая их с католическими епископами.— *Прим. ред.*

некоторые их священнослужители из различных кварталов города. Озаренный Святым духом, я в течение 25 дней на той же самой площади перед мечетью вел с ними богословские споры о их лживом Коране и их учении. Посему у меня едва доставало времени, чтобы хоть один раз в день вкушать хлеб и воду. С Божьей помощью им было изложено и разъяснено учение Святой Троицы, и, в конце концов, они были вынуждены прекратить сопротивление и признать его истину. Я одержал победу — Слава Всемогущему Богу! — во всех пунктах во хвалу и честь Иисуса Христа и его святой церкви.

Тогда дети дьявола задумали искусить и погубить меня подарками, суля мне жен и служанок, золото и серебро, землю, лошадей, скот и другие сокровища сего мира. Но, преисполненный презрения, я каждый раз отвергал все их посулы. Тогда в течение двух дней они забрасывали меня камнями, прижигали голову и ноги огнем, вырывали волосы из бороды и долго осыпали всяческими оскорблениями и поношениями. Всемилостивый Бог, по воле которого я способен радоваться и ликовать во Господе Иисусе Христе, знает, что только благодаря принятым им на себя тяжким страданиям я удостоился перенести такое во имя Его.

И вот, к счастью, доставили меня в Армалек[1] — город, стоящий посередине земли медов в викариате Катая. От Урганта, последнего города персов и татар, на всем пути до Армалека находился я постоянно один среди сарацин, но словом, действием и поведением открыто славил имя Господа Иисуса Христа. Названные сарацины неоднократно пытались меня отравить; меня бросали в воду, и я принял больше ударов и оскорблений, чем об этом можно рассказать в одном письме. Но все же я благодарю Бога и надеюсь во имя Его принять еще больше мук, чтобы были отпущены мне грехи мои и чтобы Его милосердием я надежно достиг царствия небесного. Аминь.

Мир вам во Господе Иисусе Христе, молитесь за меня и за всех, кто теперь или в будущем отправится в странствие как проповедники. Такие паломничества с Божьей помощью оказываются весьма полезными и позволяют собирать жатву из многих душ. И не надейтесь снова когда-либо увидеться со мной, по крайней мере на земле; мы встретимся, может быть, в раю, где наш покой, наша крепость, наше возрождение и наше будущее, наш Господь Иисус Христос.

Ибо Он сказал, если его Евангелие будет проповедоваться во всем мире, наступит конец; и цель моя — возвещать его разным народам, разъяснить грешникам, в чем их вина, показать им путь к спасению, влить в их души благодать обращения ко Всемогущему Богу.

---

[1] Армалек (столица Джагатайского улуса) тождествен старой Кульдже.

В Армалеке в праздник Святого Лаврентия, в год Господа нашего 1338, в царстве медов[1].

* * *

Мы прибыли в Армалек в царство медов. Там мы построили церковь, купили земельный участок, выкопали колодцы, отслужили обедню и крестили несколько человек. Мы проповедовали свободно и открыто, не убоявшись того, что всего год назад епископ и шесть братьев миноритов приняли там за дело Христа славную мученическую смерть, ознаменовавшуюся лучезарными чудесами. Имена этих мучеников: епископ брат Рикард из Бургундии[2], брат Франциск из Алессандрии, брат Пасхалий из Испании (был пророком, видел, как отверзались небеса, и предсказал мученическую кончину себе и своим братьям, разрушение татарского Сарая наводнением и разорение Армалека в наказание за их мученичество, а также убийство императора на третий день после их мученической кончины и много других славных дел), брат Лаврентий из Анконы, брат Петр, индиец, служивший им толмачом, и купец Гилотт[3].

* * *

В викариате татар — Катае, в городе Армалеке в Срединном царстве татар, умерли в 1340 г. за свою веру следующие минориты: епископ Армалека брат Рикард, брат Франциск из Алессандрии, брат Пасхалий из Испании, брат Раймунд из Прованса — эти четыре были священниками, а также оба бельца — Лаврентий из Алессандрии и Петр из Прованса — и еще Иоанн из Индии, черный, принадлежавший к третьему ордену Святого Франциска и обращенный нашими братьями. Все они были хорошо приняты правившим тогда императором. Именно он был исцелен от раковой язвы братом Франциском из Алессандрии больше молитвой, чем врачебным искусством, и потому император обычно называл брата Франциска своим отцом и врачом. Потому он подарил братьям земли и предоставил им привилегии и полную свободу проповеди, он даже доверил им крестить собственного сына, достигшего тогда семилетнего возраста и нареченного при крещении Иоанном.

---

[1] Письмо францисканского монаха Пасхалия из Виттории, написанное на родину в свой монастырь из Армалека в районе Кульджи 10 августа 1338 г. См. H. Yule, op. cit.

[2] Рикард из Бургундии был единственным епископом Армалека. См. Pius Bonifatius Gams, Series episcoporum, Regensburg, 1873, p. 454.

[3] Из отчета о путешествии Джованни Мариньолы (см. гл. 142) от 1340 г.

Но Бог допустил, что сам император по пути на охоту был отравлен ядом, и таким же образом были умерщвлены четыре его сына. Царство захватил негодяй сокольничий, сарацин царской крови, по имени Алисольда. Так как братья своими молитвами обратили в веру многочисленных неофитов, новый император повелел, чтобы все христиане стали сарацинами и чтобы каждый, кто не послушается третьего приказа, карался смертью. Когда братья отказались повиноваться этому приказу, их заковали в кандалы и привязали всех к одной веревке, которую тащила по земле разъяренная чернь, причем их били и оплевывали, отрезали им носы и уши и наносили другие увечья, пока они в конце концов не погибли от меча и ликующие не пришли к Господу.

Но вскоре после этого был убит сам названный император, а его дом испепелил пожар. Братья пострадали в упомянутый год накануне праздника Иоанна Крестителя, когда магистром ордена был Герард Одо[1].

* * *

В том же году [1343 г.] после Троицына дня к папе Клементию VI в Авиньон пришел викарий Татарии от Францисканского ордена и испросил у него канонизацию шести францисканских братьев, которые незадолго до этого погибли в Татарии мученической смертью, причем они удостоились творить многие лучезарные и явные чудеса. Когда папа услышал сие, он преисполнился великой радостью, восхвалял и прославлял этот орден и сказал: «Именно с помощью этого ордена воссияет церковь истинным светом веры в различных частях мира и укрепится в силе своей; и с его помощью будет собрана неоценимая жатва бесчисленных душ»[2].

Передвижение европейцев] по транзитным дорогам Центральной Азии, начавшееся в XIII в. с путешествий Карпини, Рубрука, Марко Поло и т. д., в XIV в. неуклонно расширялось вплоть до рокового 1368 г. В этом году в Китае было свергнуто чужеземное монгольское господство, но одновременно начался возврат к самой крайней «китайщине», то есть к принципиально враждебному отношению к иностранцам и к торговле с ними. Это нанесло тяжелый удар культурной жизни Китая, который не смог наверстать упущенное в течение ряда столетий[3]. В XIV в. до 1368 г. сухопутное сообщение начи-

---

[1] Bartholomäus Pisanus (ум. 1347 г.), De Conformitate vitae B. Francisci ad vitam Domini Jesu, Milano, 1510, libri tres, cap. LXXX.

[2] Летопись Иоанна Витодуранского. См. «Monumenta Germaniae historica, Scriptores», nova series, Berlin, 1934, t. III, p. 208.

[3] Автор преувеличивает, когда говорит о «возврате к самой крайней «китайщине», то есть к принципиально враждебному отношению к иностранцам и к торговле с ними» в Китае после 1368 г. Конечно, при китайской императорской династии Мин (1368—1644), основатель которой Чжу Юань-чжан

налось главным образом у Черного и Азовского морей, между тем как Поло начинали свой путь от побережья Сирии и Армении. Египет, имевший тогда самое важное транзитное значение, в 1171 г. был закрыт для христиан в результате подчинения этого государства султану Саладину[1]. Перемены, наступившие позднее, были связаны с тем, что генуэзские купцы заняли главенствующее положение в торговле понтийских стран в XIII и XIV вв. С 1261 по 1381 г. генуэзцы могли бы называть Черное и Азовское моря «*Mare nostro*» [«наше море»][2]. Главной опорой этого господствующего положения Генуи были ее цветущие торговые колонии в Крыму, и особенно Каффа (Феодосия). Эта колония, основанная только в 1269 г., уже спустя два десятилетия приобрела большое значение[3]. Поэтому генуэзские гавани в Крыму стали важнейшими отправными пунктами сухопутных маршрутов, проходивших через Центральную Азию. В противоположность старым караванным дорогам этот новый путь обладал тем преимуществом, что избавлял от преодоления труднодоступных перевалов Памира. Он проходил севернее Каспия, вдоль Аральского моря, примерно по трассе, использованной в свое время Зимархом (см. т. II, гл. 75), Карпини (см. гл. 119) и Рубруком (см. гл. 121), которые шли через Джунгарские Ворота. Однако в XIV в. путешественники, направлявшиеся в Китай, обычно отклонялись от этого пути, шли в область Или и следовали через долину реки Или в Восточный Туркестан. Во времена монгольского господства эти пути сообщения, как правило, были более безопасными, чем позже.

До нас дошли сведения только о немногих путешествиях в Центральную Азию, совершенных в тот период через Илийский край, который едва ли был раньше известен европейцам. В путеводителе итальянского купца Пеголотти, относящемся примерно к этому времени, и в письме испанского монаха-францисканца Пасхалия, адресованном собратьям по ордену в Виттории, случайно сообщается о событиях, происшедших в 1330—1340 гг. на торговом пути между Азовским морем и Китаем. Несколько позднее папский легат Джованни Мариньола (см. гл. 142) прибыл в Китай, следуя тем же путем.

сверг монгольскую династию Юань, страной правили китайские феодалы и их китайские агенты, а не чужеземцы. Однако Китай вовсе не был тогда закрыт для иностранных торговцев. Напротив, в XV в. для внешней торговли было открыто несколько десятков крупнейших населенных пунктов, которые посещались купцами из многих азиатских стран. Когда португальцы во втором десятилетии XVI в. проникли в китайские воды, они тоже получили разрешение торговать в Китае. Только после того как выяснились их колонизаторские цели, китайское правительство впервые закрыло свои порты для европейцев, но все же разрешало въезд в страну католическим миссионерам.— *Прим. ред.*

[1] Саладин, правильнее Салах-ад-дин, позднее, в 1187 г., завоевал бóльшую часть Иерусалимского королевства.— *Прим. ред.*

[2] В 1261 г. генуэзцы помогли Михаилу VI Палеологу захватить Константинополь и восстановить Византийскую империю, за что получили от него ряд привилегий и добились господствующего положения на Черном море.— *Прим. ред.*

[3] K. Neumann, Die Hellenen im Skythenlande, Berlin, 1855, S. 4 (и след.).

Об авторах обоих упомянутых выше сообщений мы знаем относительно мало. Пеголотти был флорентийцем, в юности служившим в знаменитом торговом доме Барди во Флоренции. С 1315 по 1317 г. он находился, видимо, в Антверпене, затем уехал в Лондон, а с мая 1324 по август 1327 г. жил на Кипре[1]. В последующие годы, путешествуя по Азии, он, вероятно, хорошо изучил страну и ее население и свои знания изложил в путеводителе[2]. Если судить по содержанию этой книги, Пеголотти предпринял в то время торговое путешествие через всю Азию, которое довело его до Китая, хотя нигде прямо об этом не говорится[3]. О дате этого путешествия можно только строить догадки. Во всяком случае, в 1335 г. Пеголотти уже вернулся на Кипр. Больше о нем ничего не известно: ни год, ни место его смерти. Мы знаем о Пеголотти, как и о подобном ему путешественнике древнего мира Месе Тациане (см. т. I, гл. 57), только благодаря его довольно хорошему путеводителю, состоящему из 63 глав. Среди первоисточников приведено начало этого путеводителя, которое только и представляет интерес для данного исследования.

Испанский монах Пасхалий, письмо которого дает нам наглядное представление о деятельности христианских миссионеров в Центральной Азии и об опасностях, связанных с этой деятельностью, шел от Таны до Кульджи примерно тем же путем, каким незадолго до него следовал Пеголотти. Как известно, именно в мусульманских странах деятельность христианских миссионеров во все времена была почти безуспешной, ибо религиозные убеждения набожных приверженцев ислама едва ли можно поколебать. И те области, в которых действовал Пасхалий и которые только около 1270 г. были завоеваны мусульманами, оказались совершенно недоступными для проповедования христианского учения. Поэтому и миссия Пасхалия, несмотря на все его благие намерения, потерпела полное фиаско. Учитывая создавшиеся условия, трагическая гибель посланца веры не представляется нам чем-то неожиданным. До известной степени в ней можно, пожалуй, винить самого Пасхалия, так как из одного его письма со всей очевидностью следует, что религиозным рвением этот проповедник обладал в значительно большей степени, чем тактом. Само собой разумеется, что неуклонно возобновлявшиеся попытки в чисто мусульманской среде публично разоблачать «лжеучение» Корана и «мошенничества» «лжепророка» Мухаммеда должны были неизбежно привести к катастрофе. И она действительно наступила, как только миссионер лишился покровительства благосклонного к христианам хана Газана и правителем страны стал мусульманин. В «пророчестве» Пасхалия, предсказавшего свою мученическую кончину, что позднее изображалось откровением свыше, при ближайшем рассмотрении нет ничего поразительного. Насильственная смерть этого миссионера, погибшего вместе со многими дру-

---

[1] H. Yule, op. cit., p. 138 (и след.).

[2] Впервые был напечатан в 1766 г. См. «Della decima e delle altre gravezze», London(?), 1766.

[3] По мнению других исследователей (Бейкера), Пеголотти никогда не бывал в Восточной Азии.— *Прим. ред.*

гими христианами в 1339 г., вероятно, была неизбежным следствием оскорблений и вызовов, постоянно бросавшихся исламу[1].

Однако вскоре после этого был убит также и мусульманский султан Алисольда. Поэтому Джованни Мариньоле удалось в более спокойной обстановке снова создать в Армалеке маленькую христианскую общину, когда он примерно через год после смерти мученика Пасхалия проходил через этот город, следуя в Китай (см. гл. 142). Но результаты этой новой попытки добиться доступа в Центральную Азию для римско-католической церкви оказались весьма недолговечными.

---

[1] По этому вопросу см. «Historisch-politische Blätter», ed. Görre, B. 38, S. 717 (статья Кунстмана); H. H o l z a p f e l, Handbuch der Geschichte des Franziskaner ordens, Freiburg, 1909, S. 258.

ГЛАВА 141

КИТАЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ЕГИПТЕ

(1338—1342 гг.)

В год хиджры 743 [1342 г. н. э.] в Каире видели послов, прибывших от китайского императора. Они выехали из своей страны в 739 г. [1338 г.] и доставили письма, адресованные султану Мухаммеду бен Калавуну. В них было написано, что один факир, путешествовавший по Китаю, задержался там надолго и поставил целью отвратить местных жителей от культа восходящего солнца и побудить их к принятию ислама. Об этом услышал правитель, захотел побеседовать с факиром, был убежден его доводами и согласился стать мусульманином. Поэтому он направил послов в Египет, чтобы те испросили присылки богословских книг, а также ученого мужа, способного обучить жителей мусульманским обычаям, если смерть унесет факира, которому они обязаны знанием этой религии. Султан принял послов с большими почестями, приказал одеть их в почетные одежды и вручить им книги, из которых можно получить полезное наставление в религии[1].

Китай был одной из старейших арен деятельности мусульманских проповедников. Еще легендарное предание, начертанное на стеле главной мечети в Сиане, свидетельствовало о том, что ислам стал впервые известен в Китае в эру Кай-хуан. Эта эра включает 589—600 гг., когда основатель религии Мухаммед был еще юношей. Отсюда ясно, что сообщение стелы неправдоподобно с исторической точки зрения. Она будто бы поставлена лишь в 1-м году эры Тянь-бао, то есть в 742 г.[2], но эта дата может относиться только к самой колонне, тогда как неправдоподобная надпись была начертана только в XIV в. при восстановлении мечети. Этот неудачный подлог был рассчитан на «некритичность» китайцев того времени[3].

Тем не менее учение Мухаммеда впервые проповедовалось в Китае еще при его жизни. Как говорят, Мухаммед в 628 г. послал морем в Гуанчжоу своего дядю Вахаба ибн Аби Кабшаха, чтобы он вербовал там сторонников

---

[1] Из анналов Макризи. См. E. Q u a t r e m è r e, Memoires géographiques sur l'Egypte, Paris, 1811, t. II, p. 286 (и след.).

[2] L. B r o o m h a l l, Islam in China, Shanghai, 1912, p. 86.

[3] Статья Гартмана. См. «Enzyklopädie des Islam», Leiden — Leipzig, 1913, B. I, S. 875.

новой религии[1]. В этот «год посланий» Мухаммед писал письма правителям Египта, Эфиопии, Йемена, Сирии, Персии, Китая и других стран, призывая их к принятию ислама[2]. Среди посланцев, доставивших эти письма, был и упомянутый выше дядя Мухаммеда, «спутник» («сахаби») пророка, которого китайцы переделали на свой лад в Са-ка-ба, или Ваккус [Вахаб] Баба. Предание, бытующее и по сей день среди китайских мусульман, свидетельствует о том, что посланец остановился в тогдашней столице Чанъане и получил разрешение на сооружение мечети в Гуанчжоу[3].

В деталях это предание кажется малоправдоподобным, так как трудно себе представить, чтобы еще при жизни Мухаммеда его учение распространилось от Аравии до Китая. Все же нити мусульманства, видимо, протянулись в Восточную Азию очень давно, так как еще задолго до Мухаммеда арабские мореплаватели посещали эту страну, как сообщает хроника, посвященная истории города Гуанчжоу.

Судебный переводчик с китайского языка Б. Грейзер (Вена), 37 лет проживший в Китае и работавший главным образом в Гуанчжоу, любезно сообщил автору этих строк 6 апреля 1941 г., что ислам мог проникнуть в Китай уже около 650 г., ибо считающаяся подлинной грамота императора Гао-цзуна (650—683) от 672 г. разрешала арабским поселенцам в Гуанчжоу построить там мечеть [«цзяотан», то есть храм]. Самые старинные части этого сооружения сохранились до наших дней. Кроме того, у северных ворот города возвышается мавзолей, построенный в арабском стиле, который, согласно новому сообщению Грейзера от 1 октября 1943 г., поныне почитается мусульманами как святыня и считается могилой Ваз-Казима, дяди Мухаммеда (или его жены). Поэтому весьма возможно, что «Ваккус Баба» прибыл в Китай еще при императоре Тай-цзуне, умершем только в 649 г. (см. т. II, гл. 78). Вполне допустимо, что этот великий и дальновидный правитель, всемерно покровительствовавший христианству, относился благосклонно и к новому мусульманскому учению.

Мусульманское предание утверждает, что дядя Мухаммеда, получив разрешение на постройку мечети в Гуанчжоу, морским путем вернулся в Аравию, но прибыл туда лишь вскоре после смерти пророка (8 июня 632 г.). Затем он, собрав 40 благочестивых мусульман и захватив один экземпляр Корана, возвратился в Китай, где и скончался в следующем 633 г.

Как бы то ни было, но учение Мухаммеда в скором времени закрепилось в Китае. К мечети в Гуанчжоу сразу же добавилась другая —в Ханчжоу. Как известно, ислам начал быстро распространяться в области между двумя главными китайскими реками. Очевидно, после того как две великие империи — арабская и китайская — стали соседями на Сыр-Дарье (см. т. II, гл. 78), для мусульманского учения открылись широкие ворота в Китай благодаря весьма оживленному в то время движению на сухопутных дорогах, которые вели в эту страну.

---

[1] H. A. G i l e s, Religions of Ancient China, London, 1918, p. 66.

[2] M o h a m m e d S u l e i m a n, Ying Kwang Yu, Der Islam in China, «Moslemische Revue», Berlin-Wilmersdorf, April, 1937, S. 3.

[3] Ibidem.

Отношения между Китаем и мусульманскими государствами Юго-Западной Азии были вначале скорее враждебными, чем дружественными. Нашествие сарацин, правда, было приостановлено у границ Китайской империи. Но в VIII в., после 750 г., мощь Китая быстро ослабела. В битве при Атлахе на реке Таласс в июле 751 г. (см. т. II, стр. 138) китайцы потерпели тяжелое поражение от арабов. Позднее, когда в Срединной империи начались страшные внутренние раздоры, Су-цзун (756—762) смог удержаться на троне только благодаря тому, что в ответ на его просьбу халиф Мансур послал ему на помощь 10-тысячное войско.

После этих событий между Арабским халифатом и Китаем развились дружественные отношения и в Срединную империю прибыли многочисленные мусульманские поселенцы, занимавшиеся одновременно распространением учения Мухаммеда. Даже если в дальнейшем связи между этими государствами поддерживались главным образом морскими судами, все же рассказ Саллама Переводчика о его путешествии к Великой Китайской стене (см. т. II, гл. 89) доказывает, как сильно был распространен ислам в Центральной Азии. Само собой разумеется, что весьма оживленная деятельность арабских купцов в приморских провинциях Китая также способствовала закреплению в них мусульманства[1]. Этот факт подтверждается многими арабскими источниками (см. гл. 139). Еще и поныне в одном Гуанчжоу сохранилось семь мусульманских мечетей!

В связи с этими фактами вполне возможно, что при монгольском императоре Шунь-ди (1333—1368) мусульманских правителей просили о присылке миссионеров и богословских книг, что не мешало одновременно обращаться с просьбой к папе о распространении христианской религии (см. гл. 142). Однако сообщение Макризи, будто император сам дал согласие «стать мусульманином», разумеется, вызывает большие сомнения. Вероятно, китайские послы здесь слишком сгустили краски, чтобы обеспечить себе лучший прием. Император Шунь-ди, как мы в этом убедимся из следующей главы, был столь ограниченным, психически неустойчивым и слабым правителем, что вряд ли мог серьезно интересоваться религиозными проблемами. В этой связи следует еще раз напомнить о том, какое своеобразное и путаное представление имели монголы о религиозных учениях Запада (см. гл. 121).

Что касается китайского посольства, направленного в Каир, то оно достигло своей цели. Нам неизвестна дальнейшая судьба послов. Китайские хроники об этом событии вообще ничего не сообщают. Нигде не упоминается о том, вернулось ли посольство в Китай и каким путем оно туда добралось. Макризи[2] (1364—1442) мог, разумеется, сообщить только о том, что произо-

---

[1] P. Dabry de Thiersant, Le mahométisme en Chine et dans le Tourkestan Oriental, Paris, 1878; J. Edkins, Chinese Buddhism, London, 1893; G. Devéria, Origine de l'Islamisme en Chine, Paris, 1895; H. Cordier, Mélanges d'histoire et de géographie orientales, Paris, 1914—1923, ch. «L'Islam en Chine».

[2] Макризи (Ибн-ал-Макризи) — египетский историк, автор «знаменитых «Хитат», которые имеют одинаковое отношение к истории и к исторической географии». См. И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 467.— *Прим. ред.*

шло в Каире[1]. После 1342 г. след посольства теряется. Но если даже мусульманские миссионеры и отправились тогда в Китай, что вполне возможно, то они могли добиться там только весьма недолговечных успехов. Великий национальный переворот 1368 г. (см. гл. 142), разумеется, значительно ослабил позиции ислама. И все же в 1419 г. в Пекине еще стояли две мечети (возможно, они были заново восстановлены)[2].

---

[1] Новейший перевод текста Макризи начал Бурьян и продолжил Казанова. См. M a q r i s i, Description topographique et historique de l'Egypte, Paris, 1900; C a s a n o v a, «Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire», 1906, t. III, 1926, t. IV.

[2] «Notices et extraits», t. XIV, p. 411.

ГЛАВА 142

ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ ПАПСКОГО ЛЕГАТА ДЖОВАННИ МАРИНЬОЛЫ

(1338—1353 гг.)

В начале этого года (1338 г.) в Авиньон пришли послы великого императора татар, называвшего себя императором императоров [ибо в Стране татар было много императоров[1], среди которых он был первым], чтобы заключить союз с папой или завязать с ним более тесную дружбу путем частого обмена посольствами, установив такой обмен на длительный срок. Он просил папу о его благоволении... Бенедикт выслушал этих послов весьма благосклонно и любезно и оказывал им всяческий почет, чтобы через них снискать дружбу самого могущественного императора и его бесчисленного народа и обеспечить более легкий доступ в страну для миссионеров[2].

* * *

Силою Всемогущего Бога Император императоров приказывает! Мы посылаем нашего посла франка Андрея с 15 спутниками через 7 морей к папе, христианскому повелителю, в Страну франков, где заходит солнце, для продолжения пути, по которому Мы папе и папа Нам могли бы чаще направлять посольства, чтобы выпросить Нам благословение папы, чтобы он молился за Нас и Наших верных слуг, аланов, его христианских сыновей. Также следует прислать нам из Страны захода солнца лошадей и другие ценные дары.

Дано в Камбалеке в год крысы, в 6-й месяц на 3-й день новолуния[3].

* * *

Вашему Святейшеству должно быть известно, что мы уже давно осведомлены о католической вере вашим легатом, братом

---

[1] Это утверждение ошибочно было придумано для того, чтобы скрасить истинное положение вещей. На самом деле великий хан считался главой всех государей Земли, как светских, так и духовных, и поэтому иногда назывался даже повелителем «всего великого народа Земли» (см. стр. 42).

[2] L. W a d d i n g, Annales Minorum Fratrum Ordinis a S. Francisco, Quaracchi, 1932, t. VII, p. 247 (и след.).

[3] Письмо великого хана к папе от июля 1336 г. См. L. W a d d i n g, op. cit., p. 247. Так как новолуние в 1336 г. падало на 11 июля, то это письмо, как и следующее, было написано, вероятно, 14 июля.

Иоанном [Монтекорвино], наставлены им ради нашего блага и много утешены сим сильным, святым и терпеливым мужем, умершим восемь лет назад. С того времени остались мы без главы и без духовного утешения. Мы порадовались бы известию, что Вы позаботились о новом легате; но таковой сюда еще не пришел. Поэтому мы умоляем Ваше Святейшество направить к нам доброго, терпеливого и умного легата, который мог бы позаботиться о наших душах, и прислать его нужно спешно, ибо мы в тяжелом положении без руководства, наставления и утешения.

Просим мы также Вашу Мудрость любезно ответить нашему господину императору, ибо, что отвечает его желанию, этим мог бы быть проложен от Вас к нему и от него к Вам путь, удобный и пригодный для частых посольств, которые столь необходимы, чтобы установить дружбу между Вами и им...

Оттуда неоднократно, три или четыре раза, приходили вестники к названному императору, нашему господину, и он их благосклонно принимал, оказывал им почести и вознаграждал. Но с того времени упомянутый император больше не получал ответа ни от Вас, ни от апостольского престола, хотя отдельные посланцы заверяли, что они принесут от Вас ответ названному властелину. Поэтому пусть Ваше Святейшество позаботится о том, чтобы было учтено это обстоятельство и послан определенный ответ и посольство, как это подобает Вашему Святейшеству, ибо в этих частях земли христианам оказывается большое уважение, хотя кое-где о них распространяется также клевета.

Дано в Камбалеке в год крысы, в 6-й месяц на 3-й день новолуния[1].

* * *

Прибывшее к Нам недавно посольство Твоего Высочества Мы приняли охотно и с радостью, выслушав его благосклонно и доброжелательно. Из того, что передали Нам посланцы через надежного толмача, и из тона врученного нам письма Твоего Преосвященства Мы узнали и выяснили, что Ты оказываешь большой почет святой римской католической и апостольской церкви, вверенной Нашему правлению, и Нам самим, ибо Мы являемся недостойным наместником Бога на земле, и смиренно вверяешь себя Нашим молитвам. Из почтения к Нам и к этой церкви Ты с благосклонной добротой и благодарной милостью относишься к избранным благородным мужам и сыновьям, именуемым Фодим Иовенс, Хианса Тонги, Хембога Венсии, Иоанн Иохой и Рубей Пинзан, князьям аланов, и к другим аланам, живущим в землях Твоего царства, населенных христианами, и неизменно обращаешься с ними так и поныне.

---

[1] Письмо аланских князей к папе от 14 июля 1336 г. См. L. W a d d i n g, op. cit., p. 248; A. E. M o u l e, Christians in China, London, 1930, p. 252 (и след.)

Через этих легатов, а также через желанное нам Твое посольство, принося Тебе искреннюю благодарность, Мы просим и призываем Твое Высочество хорошо и милостиво относиться к князьям аланским и к другим христианам, живущим в Твоем царстве, и умножать свои милости из почтения к Нам и к названной церкви; и чтобы священники и верующие католики и другие христиане могли свободно основывать, строить и содержать в упомянутом царстве церкви и молитвенные дома, в которых они хотят, согласно ритуалу и обычаю названной римской церкви, совершать богослужение и приносить очистительные жертвы за проступки и грехи во имя спасения общины; да будет угодно также Твоему Высочеству разрешить тем священникам и другим верующим христианам свободно проповедовать слово Божие и истины католического учения, без которого никто не может достигнуть блаженства.

Но Мы молимся и будем смиренно и преданно молиться за Тебя и Твое благополучие, чтобы тот, который освещает каждого приходящего в мир человека, удостоил озарить Твой дух светом своей любви и доброты, с тем чтобы Ты признал истинным и принял свет веры, с помощью которой Ты в этой жизни удостоишься величайшей милости, а в грядущей жизни приобретешь в награду вечное блаженство. Поскольку Твое Высочество, как Мы полагаем, искренне предлагает Нам дружбу и домогается Нашей дружбы, Ты просишь, чтобы Твои послы впредь направлялись к Нам, а Наши к Тебе. Пусть Твое Высочество знает, что это Нам угодно и приятно. Когда бы ни пришли к Нам Твои послы, мы примем их благосклонно и с радостью. Мы прикажем, чтобы в Твои земли пошли от Нас вестники и посланцы, которые подробнее изложат Тебе Наше благосклонное отношение и другие дела во спасение твоей души. А посему Мы просим Тебя этих наших послов, если они придут к Тебе, принять приветливо, выслушать терпеливо и обращаться с ними милостиво, ибо они должны посеять на ниве Твоего сердца семя жизни и снять с нее богатый плод, сладость которого Ты вкусишь и тогда насытишься им навеки, когда сможешь быть причислен к тем, которые спасены драгоценной кровью Христа.

Дано в Авиньоне 13 июня в 4-й год[1].

* * *

Мы, брат Иоанн из Флоренции, из Ордена миноритов, недостойный епископ Бизинии, в год Господен 1334 (?)[2] были посланы святым отцом Бенедиктом XII с письмами и дарами апостольского пре-

[1] Письмо папы Бенедикта XII к великому хану от 13 июня 1338 г. См. L. Wadding, op. cit., p. 249 (и след.).

[2] Описка или опечатка: должен стоять 1338 г.

стола в качестве легата к кааму, великому императору всех татар, господство и власть которого простираются почти на половину восточных стран и на совершенно невероятное множество земель, городов, народов, языков и богатств. Мы покинули Авиньон в декабре [1338 г.], в начале праздника пришли в Неаполь и ждали там до пасхи, наступившей в конце марта[1], прибытия генуэзского судна с послами татарскими; их направил к папе каам Камбалека, величайшего города этого народа, чтобы испросить себе легатов, открыть путь и заключить союз с христианами, ибо он любит и почитает нашу веру. К тому же 30 тысяч высочайших в его государстве князей, называемых аланами и управляющих всей империей, являются также христианами — истинными или только по названию.

1 мая мы морем пришли в Константинополь и прибыли в Пера[2] до праздника Иоанна Крестителя, однако не без пользы. После 8-дневного плавания по Мавританскому [Черному] морю мы прибыли в Каффу [Феодосию]... [Следует описание дальнейшего путешествия по «старому торговому пути в Китай» через Тану [Азов] в Сарай, где Мариньола проводит зиму 1339/40 г.]

Через три года после того, как покинули папский двор, прибыли мы к границе Армалека и к Циоллоскагону, то есть к песчаным горам, которые образует ветер и по ту сторону которых татары считают землю необитаемой и даже полагают, что там уже совсем нет земли. Но сами татары с Божьей милостью перешли через эти горы и оказались на огромной равнине, называемой философами жарким поясом Земли и считающейся непроходимой. Однако татары и я сам проникали туда дважды... Преодолев ее, мы пришли в Камбалек, столицу Восточной империи. О невероятной величине, населении и военной мощи этого города я умолчу.

Когда великий каам увидел наши шатры и другие подарки вместе с папскими буллами и позолоченным письмом короля Роберта[3], а также и нас самих, он выразил большую радость, счел все хорошим, или, скорее, отличным и оказал нам всевозможные почести. Я же выступил перед каамом, восседавшим в прекрасном покое, в облачении священника, приказав нести впереди себя очень красивый крест, свечи и ладан, и запел гимн «Верую в Бога»; когда же пение кончилось, я дал тому кааму свое благословение, которое он смиренно принял... [Следует описание продолжительного пребывания в Пекине, длившегося три года; сообщение об этом не представляет особого интереса.]

Император неохотно согласился на мой отъезд, и только лишь тогда, когда увидел, что я на этом настаиваю, он дал мне в дорогу

---

[1] В 1339 г. пасхальное воскресенье приходилось на 28 марта.

[2] Пера (теперь Бейоглу) — часть Нового города в Константинополе, где останавливались иностранцы.— *Прим. ред.*

[3] Король Сицилии (см. ниже).

съестных припасов на три года и очень ценные подарки для папы, однако при условии, чтобы я возможно скорее вернулся в Камбалск или чтобы прибыл туда другой кардинал с надлежащими полномочиями и стал в его стране епископом — сан, перед которым благоговеют все жители Востока, христиане они или нет. И епископ этот также должен быть из Ордена миноритов. Это единственные христиане, которых они знают...

Я хотел вернуться в Европу через Индию, ибо другой путь по суше был прегражден военными действиями и по нему никак нельзя было пройти. Поэтому император приказал ехать через страну Манчжи, которая некогда называлась Великой Индией — именование, сохранившееся еще в названии Цинкалан, ибо калан означает великий[1]...

Я переправился через Янцзы на судне. На берегах этой реки расположены весьма большие красивые и чрезвычайно богатые золотом города. Но и на самой реке в деревянных домах постоянно живут искуснейшие мастера, главным образом ткачи, изготовляющие шелковые и золотые ткани в столь огромном количестве, какого нельзя найти во всей Италии. Они плавают со своими домами, не меняя в них ничего, и со своми семьями, чтобы перерабатывать шелк, который на этих берегах изготовляют в большем количестве, чем во всем остальном мире. Это я видел... [Описание путешествия через Ханчжоу и Зайтун, где легат увидел три христианские церкви. В Зайтуне он садится на судно 2 августа 1346 г.] В Вербное воскресенье (25 марта 1347 г.) через Индийское море я прибыл в Колумбо (см. стр 93) — знаменитейший город Индии, где произрастает весь перец мира... Перец не обжигает, как об этом неверно пишут, растет вовсе не в пустынях, а в огородах, и хозяевами его являются не сарацины, а христиане Святого Фомы, которые взимают пошлину с каждого фунта перца, отправляемого во все страны мира. От них, в соответствии с моей должностью папского легата, я каждый месяц получал сто, а напоследок тысячу фан[2] золота. Там есть латинская церковь Святого Георгия, в которой я и остановился, украсив ее прекрасными картинами и наставляя людей христианской вере. Наконец, проходя мимо, я увидел колонну, которой увековечил свою память Александр Великий. На вершине мира, напротив рая, я сам воздвиг камень как веху и окропил его маслом. Это мраморный столб, на котором покоится каменный крест, и он будет стоять здесь до светопреставления. Я его соорудил, освятил и благословил, так сказать, в присутствии бесчисленных народов. На том камне высечены гербы

[1] Но Цинкалан — это Цзинькалань, то есть Великий Китай, а не Великая Индия.

[2] Согласно Мейнерту, фан — это мелкая индийская золотая или серебряная монета. См. F. G. Meinert, Johann von Marignola's Reise in das Morgenland von Jahre 1339 bis 1353, Prahaa, 1820, S. 60.

папы и мой собственный, а также надпись на индийском и латинском языках. Знатные люди страны несли меня на своих плечах в паланкине, или соломоновых носилках...

Накануне праздника Святого Георгия (22 апреля 1348 г.) мы сели на джонки и из Нижней Индии пришли в Мираполис (Мелиапур у Мадраса) — город с гаванью в Верхней Индии, где добывают больше всего жемчуга и где был убит Святой Фома... [Следует описание дальнейшего путешествия в «Сабу» и сообщение о длительной болезни, которую перенес там папский легат, якобы в результате попытки отравления.][1]

В этой стране солнце восходит со стороны, прямо противоположной той, что у нас, и в полдень тень там падает направо, а не налево, как у нас. Южный же полюс стоит на 6 градусов выше горизонта, а северный — на столько же градусов ниже... [Следует описание дальнейшего плавания на Цейлон при сильном шторме и прибытия туда 3 мая 1349 г. Подробно описываются такие местные растения, как кокосовая пальма, банан, хлебное дерево и т. д. Мариньола совершает восхождение на Адамов Пик.]

...Этим тираном был проклятый сарацин, кастрат, по имени Коза Джоан, который, располагая бесчисленными сокровищами, восстал против законного правителя и захватил бóльшую часть его царства. При моем прибытии он оказал мне для вида все почести. Но потом, сохраняя изысканную вежливость, он отнял у меня 60 000 марок в золоте, серебре, шелке, парче, драгоценных камнях, жемчуге, камфаре, мускусе, мирре и пряностях, которые я получил в качестве подарков от великого хана и других государей частью для себя, частью для папы, и четыре месяца я был его пленником, хотя обращались со мной с изысканной вежливостью.

[В сентябре 1350 г. Мариньола отбыл в Месопотамию через Персидский залив, посетил Иерусалим и на корабле, видимо из Яффы, вернулся через Кипр в Италию. Возвратился он в Авиньон только в 1353 г.][2]

После смерти Джованни Монтекорвино (см. гл. 131) созданная им в Китае христианская община долгие годы оставалась без духовного главы. Известие о смерти пекинского архиепископа дошло до папского двора в Авиньоне еще

---

[1] «Саба», где Мариньола пробыл 11 месяцев, чаще всего отождествляется с Явой. Но если это так, то последовательность посещения Мариньолой различных земель оказалась бы запутанной. Пешель отождествлял «Сабу» с Мальдивскими островами. См. O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, B. I, S. 158. Но эти острова расположены южнее экватора. Проф. Штехов (из Мюнхена) полагает, что здесь речь идет об архипелаге Чагос, как он сообщил автору этих строк в адресованном ему письме.

[2] Из отчета о путешествии Джованни Мариньолы. См. F. G. M e i n e r t, Johann von Marignola's Reise in das Morgenland vom Jahre 1339 bis 1353, Praha, 1820.

при папе Иоанне XXII. Этот папа решил тотчас же послать туда преемника и направил в Китай францисканского патера Николая. Францисканец отправился в Китай с 26 братьями, однако умер по пути в государстве Джагатая[1]. После смерти Николая его спутники, очевидно, дальше не поехали; во всяком случае, ни один из них в Китай не попал.

Христиане в Китае забеспокоились и в июле 1336 г. написали святому отцу, что они уже восемь лет живут без епископа и поэтому просят его о помощи. Письмо пришло в Авиньон в начале 1338 г. Оно было доставлено папе китайским посольством, состоявшим из 15 человек. Папа Иоанн XXII умер 4 декабря 1334 г.; его преемником был Бенедикт XII (1334—1342). Мы, к сожалению, не располагаем сведениями о том, каким маршрутом следовало китайское посольство. Однако до нас дошли письма великого хана и христианских аланов к папе, доставленные посольством; они приведены среди первоисточников в начале этой главы. По всей вероятности, посольство прибыло в Европу морским путем, ибо в письме великого хана сказано, что к франкам оно должно было плыть через семь морей. Это тем вероятнее, что, как мы знаем из труда Ибн-Баттуты, сообщение между Китаем и Индией через Персию было в тот период весьма оживленным и превосходно организованным.

В письме императора обращает на себя внимание одно место, где говорится о «франке Андрее» как главе посольства, направленного к папе. Об этом Андрее нам ничего не известно. Юл высказал и интересно обосновал довольно заманчивую гипотезу о том, что «франк Андрей», вероятно, тождествен упоминавшемуся выше Андрею из Перуджи, епископу Зайтуна (см. гл. 131), посланному в Китай в 1307 г. «Для пожилого человека было естественно желание перед смертью еще раз увидеть латинский мир, а Андрей в 1338 г. достиг поистине довольно преклонного возраста»[2].

Если бы это предположение было правильным, то Андрей из Перуджи должен был еще раз возвратиться в Европу после 31-летнего отсутствия. Но гипотеза Юла, безусловно, неприемлема по двум причинам. Если бы речь действительно шла о епископе Зайтуна, то документы Ватикана и Францисканского ордена непременно должны были бы отразить такое необычайное событие, но этого не случилось. Далее, в сопроводительном письме папы, врученном возвращающемуся на родину китайскому посольству, точный текст которого нам известен, было бы, несомненно, упомянуто об епископском сане Андрея. Но в письме говорится только следующее: «Это письмо пишется как охранная грамота для Андрея Гуйлельмо де Нассио и алана Тогая из Катая, послов татарского императора, приезжавших к Апостольскому престолу, чтобы выяснить некоторые вопросы католического учения, и возвращающихся с верительными грамотами этого престола. Дано в Авиньоне 19 июня в год 4-й (1338 г.)»[3].

---

[1] H. Holzapfel, Handbuch der Geschichte des Franziskanerordens, Freiburg, 1909, S. 257.

[2] H. Jule, Cathay and the way thither, London, 1914, v. III, p. 28, 180.

[3] Ch. de la Roncière, Léon Dorez, Lettres inédites de Marino Sanudo l'ancien, «Bibliothèque de l'Ecole des Chartes», 1895, t. XVI, p. 29.

Следовательно, не подлежит никакому сомнению, что «франк Андрей» не был ни епископом Зайтуна, ни вообще каким-либо духовным лицом.

В июле 1338 г. китайское посольство тронулось в обратный путь на Восток. Папа Бенедикт 30 октября поручил францисканцу патеру Джованни Мариньоле отправиться в качестве папского легата в Пекин (Камбалек), однако с повелением возвратиться назад. Следовательно, сам Мариньола еще не назначался епископом Китая, а должен был прощупать, насколько целесообразно такое назначение. Король Роберт Сицилийский (1309—1343) принимал участие в организации этого посольства и, подобно папе, поручил своему личному уполномоченному передать великому хану Шунь-ди письмо и ценные дары[1].

Кроме письма к великому хану, папа Бенедикт направил послания аланским князьям и правителю «Срединного государства» Джагатаю. Буквальный текст этих посланий можно найти у Ваддинга[2], но приводить их здесь не стоит, так как они не представляют особого интереса.

Поездка Мариньолы в Китай была одним из самых продолжительных дипломатических путешествий, известных в истории. Началось оно в декабре 1338 г. в Авиньоне и закончилось возвращением в этот город в 1353 г. Обратное путешествие заняло более трех лет, что было тогда общим правилом, причем Мариньола зимовал в Сарае и в Армалеке. Пребывание в Пекине длилось также года три-четыре. Однако на возвращение морем легат затратил слишком много времени. Отплытие из Зайтуна последовало в день святого Стефана (26 декабря), но в каком именно году, точно не установлено. Кунстман полагает, что речь может идти только о 1345 г.[3], однако чаще считают, что Мариньола покинул Китай в 1346 г. Прибытие в «Колумбо»[4] (в Индии) последовало в среду на страстной неделе, то есть либо 12 апреля 1346 г., либо 28 марта 1347 г. Вторая дата представляется более вероятной. От Индии до Неаполя путешествие продолжалось целых шесть лет. Почему Мариньола потерял так много времени на обратном пути, зная, что при папском дворе в Авиньоне с нетерпением ждали его возвращения, выяснить нельзя.

Больших успехов в Китае папский легат не добился. Это объясняется как характером тогдашнего монгольского императора, так частично и личными качествами самого легата. Великим ханом и китайским императором был в то время Токалмут-хан, названный китайцами Шунь-ди. Этот правитель, родившийся в 1319 г., не обладал ни одним из достоинств своего великого предка Хубилая. Правда, он также благосклонно относился к христианам и даже своим письмом побудил папу послать в Китай Джованни Мариньолу. Но Шунь-ди был слабым и равнодушным правителем, трусливым и сладострастным человеком, который проводил свое время либо с куртизанками, либо в увеселительных прогулках на лодке, либо в играх с заводными игруш-

---

[1] Статья Кунстмана. См. «Historisch-politische Blätter», ed. Görre, B. 37, S. 244.

[2] L. W a d d i n g, op. cit., p. 250 (и след.).

[3] См. F. K u n s t m a n n, op. cit., B. 37, S. 147 (и след.).

[4] В данном случае Колумбо, видимо, сильно искаженное название одного из городов Южной Индии.—*Прим. ред.*

ками и других детских забавах. Шунь-ди обескровил страну непомерно высокими налогами, не принял никаких мер, когда в 1334 г. разразился страшный голод, унесший 13 млн. его подданных, и неограниченным выпуском бумажных денег вызвал роковую инфляцию. Вряд ли мысль о посольстве к папе исходила от самого императора. Однако мы очень слабо осведомлены об обстоятельствах, которые привели к этому шагу.

Столь же мало соответствовал своему назначению и избранный папой легат — Джованни Мариньола, который был лишен величия духа и стремления к самопожертвованию, свойственных Джованни Монтекорвино. Несомненно, Джованни Мариньоле нельзя отказать в мужестве, ибо не так-то легко провести более 14 лет среди совершенно чуждых народностей и смотреть в лицо различным опасностям. Но в остальном этот легат был человеком ограниченным, малопривлекательное тщеславие которого проявлялось неоднократно. Оказанные ему почести он описывает с видимым удовольствием и весьма подробно, зато совсем умалчивает о гораздо более важных вещах. В своих описаниях Мариньола чаще всего либо останавливается на явных пустяках, либо рассказывает детские сказки, которые он где-то слышал или сам придумал. С точки зрения истории культуры представляют, пожалуй, интерес его сообщения о положении христианских общин в Китае. Что касается трехлетнего пребывания в Пекине, то папский легат почти ничего о нем не сообщает, кроме описания театрального приема, оказанного ему при дворе императора (по китайским источникам, прием состоялся 19 августа 1342 г.)[1]. Во время этого приема Мариньола заботился главным образом о том, чтобы показать помпезные ритуалы католической церкви. В остальном он проявил какие угодно качества, кроме дипломатического такта, и, как говорят, «рубил с плеча». Сверх этого мы узнаем еще, что он вел несколько довольно никчемных бесед на религиозные темы «с иудеями и другими сектами», что в Пекине было «великолепное здание епископской резиденции и много церквей с колоколами», в том числе и построенный еще Монтекорвино собор, находившийся рядом с императорским дворцом, и во что обходилось содержание посольства, состоящего из 32 человек. И это все!

По сравнению с описаниями путешествий, оставленными Рубруком или Марко Поло, рассказы Мариньолы выглядят убого. Как великолепно изобразил Поло все важные пункты, через которые он проезжал или о которых он слышал! Мариньола же рассказывает о всяческих вздорных выдумках, примером чему может служить следующая цитата:

«Самая высокая гора в стране Сабе [то есть на Яве] называется Гибет, то есть Благословенная. На этой горе, как говорят местные жители (?), скрывался пророк Илья[2] до своего вторичного появления в Израиле; здесь молились также три волхва в ту ночь, когда родился Христос и им явилась звезда.

---

[1] A. E. M o u l e , op. cit., p. 252 (и след.).

[2] Мифический пророк Илья, согласно библейской традиции, скрылся во время голода, наступившего при царе Ахаве (IX в. до н. э.), в долине Иордана, а позднее бежал в финикийский город Сарепту, то есть места, не имеющие ничего общего с Явой, о которой древние израильтяне не имели никакого представления.— *Прим. ред.*

Гора эта почти недоступна, ибо выше ее середины воздух так сух, что немногим удается подняться на ее вершину, и то не иначе, как держа влажную губку у рта».

А о Кипре, который Мариньола посетил на обратном пути, он не может сообщить ничего другого, как только следующий пустяк:

«Остров Кипр, называемый в прежние времена Хетимом, Ной, распределив землю среди своих сыновей, оставил для себя, чтобы в покое провести на нем старость, и заложил там виноградник, принадлежащий теперь епископу Никозии»[1].

Вдобавок к этим запутанным представлениям Мариньола отличался чрезмерно живой фантазией и некритичным восприятием слухов. Пишет же он, например, что однажды в Азии находился так близко от библейского рая, что слышал даже журчание рек, берущих там свое начало!

Не удивительно, что историки отзываются о Джованни Мариньоле не очень лестно. И им трудно возразить, когда они иногда обзывают его «кичливым папским легатом»[2] и «болтуном»[3].

Чего бы только не достиг в переговорах с Хубилаем в Пекине такой человек, как Джованни Монтекорвино, будь у него подобные полномочия!

Однако на этот раз появление папского легата в Пекине показалось событием достаточно важным для того, чтобы китайские хронисты внесли его в свои летописи. Среди папских даров великому хану особенное внимание привлек к себе европейский боевой конь, глубоко поразивший китайцев, так как он по своим размерам значительно превосходил мелких лошадей Центральной Азии. Этому коню поэты посвятили несколько хвалебных од, а придворный живописец Чжоу Лан написал с него картину. Изображение коня было помещено в каталоге императорского собрания от 1815 г. и, возможно, сохранилось даже до наших дней. Согласно китайским сообщениям, Джованни Мариньола прибыл из государства Фулан. Так как Фулан, несомненно, означает «Франк», то это указание правильно, ибо папский двор находился в то время в Авиньоне, то есть действительно во Франции[4].

Хотя путешествие Мариньолы никак не может быть отнесено к великим деяниям средневековья, все же папскому легату нельзя отказать и в некоторой заслуге. Он был «одним из первых миссионеров и, вероятно, последним из тех, кому удалось пройти через пустыню Гоби до Китая»[5]. К тому же Мариньола, видимо, был одним из последних европейских христиан, пребывание которого в Китае засвидетельствовано средневековыми китайскими хрониками.

---

[1] Мифический библейский праотец Ной считался первым человеком, насадившим виноградник и изготовившим вино. Однако библейская традиция ничего не говорит о пребывании его на острове Кипр. — *Прим. ред.*

[2] Статья Шумана. См. «Petermanns Mitteilungen», 1883, S. 52 (дополнительный выпуск).

[3] «Religion in Geschichte und Gegenwart», B. 3, S. 218.

[4] H. F r a n k e, Europa in der asiatischen Geschichtsschreibung des 13. und 14. Jahrbunderts, «Saeculum», 1951, S. 75.

[5] F. G. M e i n e r t, op. cit., S. 7.

Миссия Джованни Мариньолы не привела к достижению тех целей, которые были перед ней поставлены. Однако Мариньола не был повинен в том, что распространение христианства в Китае не достигло нового подъема, или даже в том, что архиепископский престол в Пекине остался вакантным. Виной этому были скорее исторические события той эпохи.

Когда Мариньола наконец вернулся в Авиньон, папский престол занимал Иннокентий VI (1352—1362). Этот папа был весьма озабочен воссозданием церковного государства и другими европейскими делами, поэтому он уделял весьма мало внимания архиепископскому престолу в далеком Пекине. Правда, он обратился с просьбой к магистру Францисканского ордена в Ассизи и попросил его порекомендовать подходящих братьев, которых можно было бы рукоположить в епископский сан для дальнейшей деятельности в Китае. Некоторое время спустя епископ Козьма из Сарая был назначен даже архиепископом Пекина. Однако Козьма в Китай не поехал и по его просьбе был возвращен на старое место[1]. Преемник Иннокентия VI папа Урбан V (1362—1370) в конце своего правления снова проявил повышенный интерес к Дальнему Востоку и в 1370 г. послал своим легатом в Китай парижского профессора теологии Гильома из Прато (Гильома Дюпре)[2]. Гильом отправился в Китай с 20 спутниками, но все члены этого посольства пропали без вести[3]. Тем временем в Китае произошел великий переворот 1368 г., о котором уже неоднократно говорилось.

Еще до возвращения Джованни Мариньолы в Европу, а именно в 1351 г., в Китае вспыхнуло национальное восстание против недостойного и безвольного правителя Шунь-ди и против чужеземного господства монголов, мощь которых ослабела. Выходец из крестьян, странствующий монах Чжу Юань-чжан, став затем солдатом, поднял народ против императора, занял в 1356 г. Нанкин и поднял там знамя борьбы, призывая всю страну выразить свое недовольство плохим правлением. После длительной гражданской войны повстанцы 25 августа 1368 г. взяли столицу Пекин, бежавший император Шунь-ди был низвергнут, а Чжу Юань-чжан вступил на императорский престол, приняв храмовое имя Тай-цзу (1368—1398), и стал основоположником национальной династии Мин (1368—1644). Как это очень часто случается в период таких национальных движений, к победе доброго дела присовокупилась острая враждебность ко всему иностранному. Это чувство было так сильно, что привело, как и в IX в., к уничтожению предпосылок для дружественных сношений с европейским Западом и искоренению христианских общин и церквей. Дольше всего христианство, видимо, продержалось в Зайтуне, где епископская епархия прекратила свое существование только в конце XIV в.[4] Истории христианства в Китае, а также в Южной и Восточной Азии посвящено специальное исследование Янна.

---

[1] H. Holzapfel, Handbuch der Geschichte des Franziskanerordens, Freiburg, 1909, S. 288.

[2] O. Raynaldus, Annales ecclesiastici, ad annum 1370, No. 91.

[3] F. G. Meinert, op. cit., S. 16.

[4] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Volkerkunde, Leipzig, 1877, B. I, S. 159.

В 1938 г., когда первое издание этого тома вышло в свет, имелись все основания предполагать, что назначение Гильома Дюпре архиепископом в Пекин было последней попыткой Ватикана сохранить самую восточную из своих епархий. Но в том же 1938 г. Антон Керн при составлении нового каталога собрания рукописей Университетской библиотеки в Граце обнаружил относящуюся к 1404 г. рукопись архиепископа Султании Иоанна Галлифонтского из Францисканского ордена, который был известен как автор биографии Тимура. Эта недавно обнаруженная рукопись носит название «*Libellus de notitia orbis*» [«Книга познания Земли»]. Она была написана Иоанном Галлифонтским, французом по происхождению, который уже с 1377 г. был епископом Султании [Судака], когда он в 1404 г. по служебным делам находился на своей родине. В этой рукописи дается обзор положения на Востоке, сложившегося в начале XV в., с упором на религиозные проблемы. Уже одно это имеет очень важное значение и служит ценным дополнением к одновременным сообщениям Клавихо (см. гл. 155) и Шильтбергера (см. гл. 154), но «самым неожиданным»[1] из всего, о чем рассказал Иоанн, явилось его сообщение о том, что незадолго до этого в Пекине служил архиепископом еще некий Карл, о котором до тех пор никто не знал. Вероятно, он был преемником Гильома Дюпре, но о его назначении нет никаких сведений. Как будто архиепископ-францисканец Карл и во времена Иоанна еще жил в Пекине. Если это сообщение Иоанна соответствовало действительности, то христианство в Китае не подверглось такому полному искоренению, как полагали раньше. Вот что пишет об этом Иоанн Галлифонтский: «В этой стране [Катай — Китай] архиепископом Камбалеха [Пекина] был почтенный и благочестивый муж из Францисканского ордена, по имени Карл, француз, которого я знал в своей юности. Он пребывал в тех краях и сделал многое для распространения веры и во славу ее, но уже давно умер, и никто больше не пошел в те страны... И если это угодно Всевышнему, то я сам отправился бы в те края, ибо там проживает значительное число католиков»[2].

Следовательно, искоренение христианской религии не приняло такого размаха в Китае после 1368 г., какой предполагали исследователи, да и обращались с китайскими христианами более снисходительно, чем думали раньше. Иоанн Галлифонтский дожил до осуществления желания стать архиепископом Китая. Папа Иоанн XXIII (1410—1415) 29 декабря 1410 г. назначил его главой архиепархии Камбалеха[3]. 12 февраля 1412 г. Иоанн Галлифонтский находился во Львове и отпускал грехи клиру местной доминиканской церкви. В этом документе он называет себя легатом святого отца: *Johannes Dei et Apostolicae Sedis gratia archiepiscopus Solthaniensis et adminnistrator ecclesiae Gambaliensis et in legatione dicte Sedis numpcius.* [Иоанн милостью Божьей и Апостолического Престола архиепископ Солтанский и правитель Камбалехской церкви и вестник в посольстве названного престола.] Отсюда

---

[1] A. K e r n, «Libellus de notitia orbis», «Archivum Fratrum Praedicatorum», 1938, t. VIII, p. 92.

[2] Ibidem, p. 119 (и след.)

[3] K. L o e n e r t z, La Société des Frères Pérégrinants, «Etudes sur l'Orient dominicain», Roma, 1937, t. I, p. 111 (и след.).

следует, что он, видимо, должен был передать императору Китая письмо папы, которое тогда было принято вручать лицу, получавшему подобное назначение. После появления во Львове Иоанн Галлифонтский бесследно исчезает с исторической арены. Мы не знаем, предпринял ли он путешествие в Китай, удалось ли завершить его и что там произошло с этим архиепископом. В 1412 г. Иоанн, вероятно, был в весьма преклонном возрасте, так как стал архиепископом еще в 1377 г. Вряд ли он был еще в состоянии перенести лишения длительного путешествия. Мужество, с которым Иоанн в таком преклонном возрасте решился посвятить себя выполнению новой миссии, достойно восхищения. Интересно, что патер-иезуит Мартин, живший в XVII в., обнаружил в Китае латинскую библию, переписанную полностью на пергаменте готическим шрифтом. Эта библия, по достоверным сведениям, была привезена миссионерами Францисканского ордена в XIV в. и принадлежала китайскому ученому, который хранил ее как семейную реликвию и не захотел расстаться с ней ни за какие деньги[1].

Только после 1600 г. благодаря энергичной деятельности миссионеров-иезуитов христианское учение в третий раз начало распространяться в Срединной империи. Этот последний период деятельности христианских проповедников в Китае начался 24 января 1601 г., с прибытием в Пекин патера-иезуита Маттео Риччи[2]. После того как в 1384 г. была упразднена старая архиепископская епархия в Пекине, новая была создана лишь папой Александром VIII (1689—1691) 10 апреля 1690 г. Однако того процветания христианских общин, которое наблюдалось в Китае около 780 и 1330 гг., достигнуть уже не удалось.

Папскому легату Джованни Мариньоле после его возвращения на родину выпала на долю важная и почетная деятельность в Европе. В 1354 г., когда император Карл IV (1346—1378) находился в Италии, он, видимо, познакомился там с Мариньолой и взял его в Прагу в качестве одного из своих придворных капелланов[3]. Через некоторое время папа назначил Мариньолу епископом Бизиньяно в Калабрии и в дальнейшем не раз использовал его при дипломатических переговорах. К тому же, как это ни странно, император Карл поручил Мариньоле составить историю Богемии [Чехии], хотя францисканец прожил там всего несколько месяцев, никогда раньше не интересовался страной и писал на очень скверной латыни. Вот что пишет по этому поводу Юл:

«Его латынь относится к самому скверному из плохих сортов... Латынь Мариньолы плоха еще и потому, что служит для неточного выражения его путаных мыслей»[4].

---

[1] J. B. du Halde, Description de la Chine, Paris, 1735, t. I, p. 171.

[2] J. Trigaltius (Trigaut), De christiana expeditione apud Sinas suscepta a societate Jesu, ex Matthaei Ricii comentariis libri 5, Augsburg, 1515; Opere Storiche del P. Matteo Ricci S. I, edite a Cura del Comitato per le Onoranze Nationali con Prolegomeni, Note e Tavole dal Pietro Tacchi Venturi S. I, Nacerata, 1911—1913.

[3] H. Yule, Cathay and the way thither, ed. Cordier, London, 1914, v. III, p. 199.

[4] Ibidem, p. 203.

В качестве образца такой латыни достаточно привести одно предложение: *ferculum fecit sibi Salomon de lignis Lybani, id est lectulum portatilem, sicut portabar ego in Zayton, et in India.* [Ложе сделал себе Соломон из стволов древесных Ливана, это значит переносное ложе, так меня переносили в Зайтоне и в Индии.]

А о «путаных мыслях» можно получить представление из следующего предложения:

«Отнюдь нельзя верить, как говорил святой Августин, что есть антиподы, люди, которые повернуты к нам пятками. Ибо Земля основана *над* водами и делит, в чем мы точно убедились на опыте, Мировой океан в виде креста. Две четверти его судоходны, две — совсем несудоходны, ибо Богу не угодно, чтобы человек мог объехать весь мир».

Справедливости ради все-таки следует признать, что Мариньола иногда высказывал довольно здравые суждения и проявлял отрадную трезвость мысли. В качестве интересного примера можно привести его, видимо, правильное объяснение появившейся еще в древности сказки об «одноногих» обитателях Индии. Эта легенда часто оживала в течение падкого на чудеса средневековья, причем на картинах неоднократно изображалось[1], как одноногие защищаются от солнечных лучей своей исполинской конечностью. Вот что пишет Мариньола по этому поводу:

«Нет также ни одного народа, устраивающего тень при помощи ноги, как это некоторые представляют. Напротив, все индийцы обычно ходят нагими и всегда держат в руке трость с маленьким козырьком, которую они называют *циатир*; один экземпляр этой трости я привез с собой во Флоренцию; они применяют ее по своему усмотрению, защищаясь от солнца или дождя. Это и есть «нога», выдуманная некоторыми сочинителями»[2].

Мариньола действительно написал историю Чехии по приказанию императора Карла, но ценность этого труда весьма незначительна, и в самой Чехии ему не придавали никакого значения[3]. В основном хроника Мариньолы интересна тем, что в ней содержится описание его путешествия, которое он первоначально, без особой связи, вставил в историю Чехии. Джованни Мариньола, видимо, достиг довольно преклонного возраста. Точная дата его смерти неизвестна.

---

[1] Многочисленные изображения таких людей есть, например, у Конрада Ликосфена (Вольфхарта). См. K. L y c o s t h e n e s, Chronicon prodigiorum ac ostentorum, Basel, 1557. В удивительных приключениях, описанных в легенде о герцоге Эрнсте, относящейся примерно к 1200 г., также фигурируют сциоподы, или одноногие, которым герцог устраивает прием. См. «Herzog Ernst-Saga», «Volksbücher», ed. G. O. Marbach, Leipzig, 1842, H. 34., S. 34 (и след.).

[2] F. G. M e i n e r t, op. cit., S. 93 (и след.).

[3] Позднее эта рукопись была напечатана. См. P a t e r G e l a s i u s D o b n e r a S. C a t h a r i n a, Monumento Historica Boëmiae nusquam antehac edita, Praha, 1768, t. II. Более новое исследование см. «Fontes Rerum Bohemicarum», Praha, 1882, t. III, p. 492 (и след.).

ГЛАВА 143

ОТКРЫТИЕ ОСТАЛЬНЫХ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ

(1341 г.)

В год Господа нашего 1341-й во Флоренцию пришли письма, написанные 14 ноября названного года некими флорентийскими купцами в Севилье, городе во внешней Испании[1]. Они сообщали следующее:

1 июля этого года вышли в плавание два корабля, которые оснастил всем необходимым португальский король, и с ними хорошо снаряженное маленькое судно из города Лиссабона с экипажем из флорентийцев, генуэзцев, кастильцев и других испанцев. Все эти суда достигли открытого моря. Они везли с собой лошадей, оружие и различные военные машины, чтобы можно было захватывать города и замки, и направились на поиски тех островов, которые, согласно общему мнению, следовало открыть заново. Благодаря попутному ветру они на пятый день пристали там к берегу. В конце ноября они возвратились домой и привезли с собой следующий груз: четырех местных жителей с тех островов, а также большое количество козьих шкур, сало, рыбий жир, тюленьи шкуры, красящую древесину красного дерева, дающую почти такой же цвет, как *verzino*[2], хотя те, которые разбираются в этом, утверждают, что это сравнение неудачно, далее — древесную кору для производства красной краски, красную землю и тому подобные вещи.

Кормчий экспедиции, Никколозо да Рекко из Генуи, разъяснил, отвечая на вопросы, что этот архипелаг отстоит почти на 900 миль от города Севильи. Но считая от того места, которое теперь называется мысом Сан-Висенти, острова находятся значительно ближе к материку [Европы]: первый из открытых островов — примерно в 140 милях. Это необработанная каменистая громада, изобилующая, однако, козами и другими животными и заселенная обнаженными мужчинами и женщинами, своими обычаями и привычками походящими на дикарей. Кормчий добавил, что он вместе со своими спутниками погрузил здесь большую часть кож и жира, но не отважился проникнуть в глубь страны. Они прошли еще мимо другого острова, который был гораздо больше первого,

---

[1] Внешней Испанией здесь называется Андалузия.— *Прим. ред.*

[2] См. комментарии, стр. 248, 249.

и увидели там многочисленных жителей, спешивших к берегу им навстречу. Эти мужчины и женщины тоже были почти нагими; некоторые из них, очевидно, повелевали остальными и были одеты в козьи шкуры, выкрашенные в шафранно-желтый и красный цвета. Издали эти шкуры казались весьма изящными и тонкими и были очень искусно сшиты нитками из кишок. Насколько можно судить по поведению островитян, у них есть государь, которого они высоко чтут и которому повинуются. Все эти островитяне жестами давали понять, что они хотят вести торговлю и вступить в сношения с моряками. Однако, когда шлюпки приблизились к берегу, моряки совсем не поняли их языка и не осмелились сойти на сушу. Их язык очень мягок, а речь у них живая и очень торопливая, как у итальянцев. Когда островитяне заметили, что моряки не хотят пристать к берегу, некоторые из них пытались добраться до судна вплавь. Четырех островитян задержали на борту, это те люди, которых моряки привезли с собой.

Когда моряки поплыли вдоль берега, чтобы объехать остров, они нашли, что северная сторона возделана гораздо лучше, чем южная. Они увидели много хижин, фиговые и иные деревья, пальмы, на которых, однако, не было плодов, и еще другие деревья, а также огороды, где росла капуста и прочие овощи. Моряки решили пристать здесь к берегу. На берег высадились 25 вооруженных моряков, они обыскали дома и в одном нашли около 30 совершенно нагих людей, испугавшихся при виде оружия и тотчас убежавших. Моряки проникли в глубь острова...

Остров показался им густо населенным и хорошо возделанным. На нем растут травы, злаки, плодовые деревья, главным образом фиговые...

Отплывая от этого острова, моряки видели много других островов на расстоянии 5, 10, 20 и 40 миль. Они направились к третьему острову, на котором увидели много высоких, поднимающихся прямо к небу деревьев. Затем они прошли мимо другого острова, на котором было множество птиц и отличная вода. Там было также много деревьев и диких голубей, которыми они питались, убивая их палкой или камнями. Голуби были больше наших, однако вкус имели такой же или даже лучший. Моряки видели там много соколов и других хищных птиц. Однако они не пытались сойти на берег, ибо он казался им совсем необитаемым.

Затем они увидели перед собой еще один остров, скалистые горы которого поднимались на огромную высоту и почти все были покрыты снегом. Но та часть острова, которую можно разглядеть при ясной погоде, показалась им очень приятной, и они считают, что она обитаема. Моряки видели еще много островов, из которых одни были населены, другие безлюдны; всего их было 13. И чем дальше плыли моряки, тем больше островов они видели. Море между островами спокойнее, чем у наших берегов, а грунт удобен

для якорной стоянки, хотя у этих островов мало гаваней; однако все они хорошо обеспечены водой. Среди 13 островов, на которые они заходили, 5 были обитаемы, но не все заселены одинаково густо. Моряки сообщили также, что язык местных жителей столь странный, что они ровно ничего не поняли, и на островах нет никаких судов. Только вплавь можно добраться от одного острова к другому.

На одном из открытых ими островов моряки обнаружили нечто столь поразительное, что они не высаживались на берег. Они говорят, что на этом острове есть гора, которая, по их расчетам, возвышается на 30 миль, если не больше, и видна на очень большом расстоянии. На вершине горы виднелось что-то белое, и это было похоже на крепость, а вся гора усеяна скалами. На вершине весьма остроконечной скалы установлена мачта такой же величины, как на корабле, а на ней рея с большим латинским парусом. Этот парус, надуваемый ветром, по форме напоминает обращенный вверх щит с гербом, и он быстро развертывается. Сама же мачта то медленно опускается, как на галерах, то выпрямляется, опять запрокидывается и вновь поднимается. Моряки объехали этот остров и со всех сторон видели, как повторялось это чудесное явление. Уверенные, что имеют дело с каким-то колдовством, они не отважились сойти на берег.

Они уведели там еще многое другое, о чем не хотел рассказывать названный Никколозо. Но острова эти, видимо, не богаты, ибо морякам едва ли удастся покрыть расходы по плаванию[1].

* * *

...Из письма, пересланного Вашим Святейшеством, узнали мы, что для искоренения пагубных ростков неверия, недостойно завладевших всей страной островов Фортуны [*insularum Fortunae!*], и для насаждения вертограда Господня Вами избран наш родственник принц дон Луис. Приняв к сведению это письмо, Мы с подобающей почтительностью ответили на него, что первооткрывателями названных островов были жители Нашего королевства.

Принимая во внимание то обстоятельство, что эти острова расположены к Нам ближе, чем к любому другому государю, и что они могут быть покорены Нами легче всего, Мы обратили на них Наше внимание, и так как мы желаем осуществить Наш план, то послали туда многих Наших людей и некоторые суда, чтобы ознакомиться с природой страны. Они высадились на острова и насильно увезли оттуда людей, животных и различные ценные вещи, которые они с большой радостью доставили в Наше королевство. Но Наши

---

[1] Из так называемой Рукописи Боккаччо, опубликованной Чампи. См. C i a m p i, Monumenti d'un manoscritto autografo di Messer Gio, Boccaccio da Certaldo, Firenze, 1827, p. 55 (и след.).

намерения в тот момент, когда Мы уже снарядили флот и многочисленное войско, были расстроены войной, которую мы должны были вести сначала с королем Кастилии и потом с сарацинами[1].

* * *

Я, Луис Испанский, владетель Фортунии, сознаю и признаю, что выше названные острова, а именно Канария, Нингария, Плювиария, Капрария, Юнония, Эмбронея, Атлантия, Гесперидь, Цернент, Горгониды и Галета, со всеми правами и постоянными повинностями я принял от Вас, моего господина Клементия VI, папы по Божьему предопределению, для меня и моих католических, законных потомков мужского и женского пола, до той поры, пока они сохранят почтение к римской церкви, в качестве вечного лена Ваших преемников — канонических римских пап. Я получил их и принял в свое владение за ежегодную сумму в 400 монет хорошего чистого золота флорентийского веса, которую обязан платить Вам, моему Господину Клементию VI, папе по Божьему предопределению, Вашим преемникам в римской церкви каждый год на праздник святых апостолов Петра и Павла[2].

Историю вторичного открытия в средние века Канарских островов, которые были уже известны древним (см. т. I, гл. 6), а затем полностью исчезли из поля зрения европейцев (если не считать упоминаний в литературных источниках), сейчас можно восстановить только с большим трудом и не полностью. Около 1350 г. все Канарские острова стали, несомненно, известны европейцам. Но как протекало их повторное открытие и когда это произошло, можно выяснить лишь в общих чертах. Выше, в гл. 130 и 134, мы уже кое-что говорили о повторном открытии этого архипелага. Как бы то ни было, теперь установлено, что в старинных исторических источниках, сообщающих главным образом об открытиях островов Канарской группы, состоявшихся после 1400 г.[3], много серьезных ошибок и заблуждений. Лишь некоторые документы, обнаруженные в XIX в., позволяют нам теперь нарисовать общую картину открытия, довольно близкую к истине.

---

[1] Письмо короля Аффонсу IV Португальского папе Клементию VI от 12 февраля 1345 г. См. O d o r i c u s R a y n a l d u s, Annales ecclesiastici, Köln, 1691, t. XVI, p. 212.

[2] Из письменного обязательства Луиса де ла Серды, «короля Фортунии», к папе Клементию VI, данного в Авиньоне 28 ноября 1344 г. См. O d o r i c u s R a y n a l d u s, op. cit. p. 211.

[3] B o n t i e r, L e v e r r i e r, Première descouverte et conqueste des Canaries, Paris, 1620. Позднее эта книга опубликована под названием «Le Canarien, livre de la conquête et conversion des Canaries (1402—1422), par Jean de Béthencourt (écrite par Pierre Bontier et Jean Le Verrier), ed. G. Gravier, Rouen, 1874. См. также «Publications of the Hakluyt Society», London, 1872, v. 46.

Насколько известно, экспедиция Лансароте, состоявшаяся в 1312 г. (см. гл. 134), привела лишь к повторному открытию двух самых восточных из крупных островов — Фуэртевентуры и Лансароте. Только эти острова были известны европейцам, когда Дульсерт в 1339 г. начертил свою карту. Но к 1350 г. были известны уже *все* Канарские острова, как об этом свидетельствует «Книга познания» (см. гл. 144). Следовательно, за это время были сделаны дальнейшие открытия. Однако долгое время ученые ограничивались лишь догадками о тех событиях, которые произошли в океане.

Раньше часто высказывали предположение, что открытие всех Канарских островов удалось сделать случайно экспедиции Вивальди, состоявшейся в 1291 г. Эту гипотезу защищали, в частности, Авезак[1], Кунстман[2], Амат ди Сан-Филиппо[3], Гаффарель[4], Фишер[5] и Норденшельд[6]. Но по причинам, рассмотренным нами выше (гл. 130 и 134), согласиться с этим предположением теперь никак нельзя. Иногда, тоже без достаточных оснований, первооткрывателями Канарских островов называли испанских моряков[7]. Но и это предположение совершенно неприемлемо. Известно, что каталонцы издавна плавали на Мальорку. Ведь еще в 1227 г., как мы знаем, сообщалось о пиратах с Мальорки, захвативших купеческое судно, направлявшееся из Барселоны в Сеуту[8], а 13 ноября 1184 г. целая эскадра каталонских кораблей появилась перед Бужи[9]. Тот факт, что каталонцы с Мальорки еще до 1350 г. выходили в открытый океан, подтверждается, помимо прочего, и плаванием Феррера (см. гл. 146). Но ведь именно на Мальорке была изготовлена карта Дульсерта от 1339 г. Следовательно, если на этой карте не показаны другие крупные острова Канарской группы, кроме Фуэртевентуры и Лансароте, то это служит надежным доказательством того, что они тогда еще не были известны.

Один документ того времени, исходящий из такой важной инстанции, как канцелярия короля Португалии, и помещенный выше среди первоисточников, приписывает, как это ни странно, честь открытия Канарских островов португальцам. Этот документ вызывает тем большее удивление, что даже 75 лет спустя, как доказано, португальцы еще весьма слабо владели искусством плавания в открытом море. Поэтому трудно поверить, чтобы они могли до 1345 г. предпринять разведывательное плавание в океане. Здесь следует

---

[1] P. d'A v e z a c, Esquisse générale de l'Afrique et de l'Afrique ancienne, «L'univers pittoresque», Paris, 1844, t. 47, cap. IV, p. 2

[2] F. K u n s t m a n n, Die Entdeckung Amerikas, München, 1859, B. I.

[3] «Bolletino della società geografica», Génova, 1880, p. 64.

[4] P. G a f f a r e l, L'ile des sept cités, «Actas de la reunion del Congresso Internationale de Americanistas», 1881, t. I, p. 170 (и след.).

[5] T. F i s c h e r, Sammlung mittelalterlicher Welt- und Seekarten italienischen Ursprung, Venedig, 1886, S. 11.

[6] A. E. N o r d e n s k j ö l d, Periplus, Stockholm, 1897, S. 114.

[7] E r s c h, G r u b e r, Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste, B. 15—16, S. 75; «Notices des manuscrits», 1839, t. XIV, 2, p. 66.

[8] A. S c h a u b e, Storia del commercio dei populationi del Mediterrano, Torino, 1915, p. 381.

[9] G. d e R e p a r a z, Catalunya a les mars, Barcelona, 1930, p. 195.

также напомнить о том, что в 1551 г. выдающийся португальский летописец Барруш не только подчеркивал недостаточное навигационное мастерство своих соотечественников даже в 1400 г.[1], но и ничего не знал об открытии Канарских островов португальцами. Вот что передает он нам как «молву» того времени:

«Согласно молве, сведения об этих островах [Канарских] получены от моряков английского или французского судна, отнесенного к ним штормом»[2].

Как же мог при этих обстоятельствах португальский король Аффонсу IV утверждать, что первооткрывателями Канарских островов были «*nostri regnicolae*»? [жители Нашего королевства]

Это противоречие легко разрешается. В утверждении короля есть некоторая доля истины, хотя и приукрашенная в национальных интересах. Кроме того, Аффонсу умалчивает о важных побочных обстоятельствах. Мы хорошо знаем об океанской экспедиции, на которую намекает письмо короля к папе. Отсюда по меньшей мере можно сделать вывод о заключительном этапе в истории открытия Канарских островов. Однако и это, разумеется, только с большой натяжкой можно поставить в заслугу португальцам[3].

Открытие Лансароте двух океанских островов было, разумеется, к 1340 г. так же хорошо известно португальскому королю Аффонсу IV, как и другим его современникам. Так как в этом письме правильно утверждалось, что «эти острова расположены к Нам ближе, чем к любому другому государю», то в Португалии, видимо, особенно сильно ощущалась потребность заняться их дальнейшим открытием. Но осуществить это предприятие только своими силами они не могли.

Подобно английскому королю Альфреду Великому, который в IX в. взял к себе на службу опытных норманских мореплавателей, чтобы обучить свой народ навигационному искусству (см. т. II, гл. 93, 94), португальские короли начала XIV в. в этих же целях старались привлечь итальянских моряков. В те времена итальянцы значительно превосходили в искусстве мореплавания все другие народы Средиземноморья. Во всем христианском мире славилась процветавшая в Амальфи мореходная школа. Итальянцы были также составителями большинства морских карт и карт мира. Венецианские корабли поднимались до Фландрии[4] уже в 1273, а не в 1314 г.,

---

[1] João de Barros, Da Asia, Venézia, 1551, dec. I, liv. I, cap. 2—3, p. 7. Моряки [португальские] того времени не имели обыкновения выходить далеко в открытое море, все их плавание ограничивалось короткими однодневными переходами, при которых они не теряли из виду земли.

[2] João de Barros, Dos feitos que os Portugueses..., liv. I, XII, fol. 23 recto, col. 1.

[3] P. de Azevedo, Sobre a Expediçao à Canarias em 1341, «Bolletino da segunda classe da Academia das Ciencias de Lisboa», 1913, t. VI, p. 210 (и след.).

[4] Статья М. Г. Томаса. См. «Abhandlungen der Königlich-Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1875, B. XVIII, S. 142.

как полагали прежде[1]. А генуэзские суда ходили туда, пожалуй, еще раньше[2] и поэтому уже до 1300 г. могли регулярно посещать португальские гавани. Португальский король Диниш I (1279—1325) по договору, заключенному в Сантарене 1 февраля 1317 г., нанял на службу итальянцев в качестве учителей навигации[3], так как в те времена, среди народов Южной Европы, очевидно, только итальянцы и каталонцы умели водить суда в открытом океане. Позднее в португальском военном флоте служил адмиралом генуэзец Маноэль Пезаньо, а офицерами — 20 других генуэзцев[4]. Вербовка этих моряков была поручена одному испанскому дворянину, согласно договору, заключенному с ним королем Динишем[5].

Нет ничего удивительного в том, что и король Аффонсу IV, когда он захотел побольше разузнать о Канарских островах, привлек к решению этой задачи почти одних итальянцев. Аффонсу приказал снарядить экспедицию на *португальские* деньги, и на кораблях развевались *португальские* флаги, но матросами, а главное, офицерами были преимущественно *итальянцы*, к которым присоединилось несколько испанцев; как это ни странно, среди моряков не было ни одного португальца. Флорентиец Ангелино де Теггиа де Корбицци был командиром, генуэзец Николлозо да Рекко – главным кормчим и т. д. Экспедиция была задумана, очевидно, итальянцами, которых было немало в Португалии, особенно с 1317 г. Вот что пишет по этому поводу Престейдж:

«С адмиралом прибыли в Португалию родственники правящих в Генуе семей, и, вероятно, они были теми людьми, которые оказались инициаторами первого океанского плавания, подтвержденного документами»[6].

Отсюда видно, как неуместна была попытка из этого португальского разведывательного плавания без португальцев сделать вывод о том, что якобы уже в 1340 г. в Португалии было развито океанское судоходство[7]. Современные португальские исследователи склонны к чрезмерному преувеличению

---

[1] L. Guicciardini, Descrittione di tutti Paesi Bassi, Antwerpen, 1567, p. 119; R. Brown, Calendar of State Papers I, London, 1864, p. LXI, LXXII, CXXVII. В марте 1314 г. целая флотилия венецианских *государственных* галер впервые направилась во Фландрию, чтобы завязать регулярные торговые сношения. См. A. Schaube, Die Anfänge der venetianischen Gafeerenfahrten nach der Nordsee, «Historische Zeitschrift», 1908, B. 101, S. 28 (и след.).

[2] J. E. Wappäus, Untersuchungen über die geographischen Entdeckungen der Portugiesen unter Heinrich dem Seefahrer, Göttingem, 1842, B. I, S. 330.

[3] Статья Корнело Дезимони. См. «Atti della Società Ligura di Storian Patria (Alessandria)», 1896, p. 13.

[4] G. Gravier, Recherches sur les navigations européennes faites au moyen-âge aux côtes occidentaux d'Afrique, Paris, 1878, p. 13 (и след.).

[5] I. da Costa Quintella, Annales da marinha portugueza, Lisboa, 1839, t. I, p. 19.

[6] E. Prestage, Die portugiesischen Entdecker, Berlin — Leipzig — Wien, S. 10 (перевод с английского).

[7] H. Fitzler, Die portugiesischen Handelsgesellschaften des 15. und beginnenden 16. Jahrhdts, «Vierteljahrsschrift für Handels- und Wirtschaftsgeschichte», 1932, S. 2; E. Zechlin, Das Problem der vorkolumbischen Entdeckung Amerikas, «Historische Zeitschrift», 1935, B. 152, S. 35.

достижений своих средневековых соотечественников, что особенно отчетливо проявляется в утверждении, будто бы в XIV и XV вв. португальцы были «единственной нацией, обладавшей опытом мореплавания» (!). В противовес этому нужно со всей определенностью подчеркнуть, что подобное утверждение представляет собой не что иное, как передергивание исторических фактов в угоду национальному тщеславию. Как правильно констатировал Шомбург «мастерами навигации в позднем средневековье были итальянцы»[1].

О разведывательном плавании 1341 г. стало известно в 1827 г. благодаря одному источнику того времени, автором которого сочли великого Боккаччо. Правильна ли эта догадка или нет, вопрос спорный. Точный текст этого сообщения почти полностью приведен в начале главы. В нем говорится, что моряки открыли тогда 13 островов, из которых только 5, видимо, были обитаемыми. На самом деле 7 больших островов заселены издавна, возможно еще с доисторических времен. Безлюдными были, пожалуй, только 6 более мелких скалистых островов — Лобос, Рокете-дель-Эсте, Рокете-дель-Оэсте, Грасьоса, Монтанья-Клара и Алеграпса[2]. Вызывает серьезные сомнения и предположение, что в древности первооткрывателями этих островов были критяне или финикияне (см. т. I, гл. 6). Доктор Вейкман, долго живший на Тенерифе, сообщил 16 мая 1937 г., что на Канарских островах обнаружены многочисленные наскальные надписи неизвестными письменами. До сих пор не установлено, кем они сделаны. На рис. 9 дан их образец. Гуанчи, населявшие Канарские острова, ко времени их открытия моряками XIV в., вероятно, были народом северного происхождения, хотя они и одичали. Описание Боккаччо, в котором упоминается о их «длинных белокурых волосах», едва ли позволяет в этом сомневаться.

Опирается это описание на самый надежный источник, а именно на рассказ участника плавания Никколозо да Рекко. Сразу же после окончания плавания этот рассказ был приведен в письме флорентийских купцов из Севильи от 14 ноября 1341 г. Письмо это ясно доказывает, что утверждение португальского короля, будто бы острова открыли «*nostri regnicolae*», было слишком смелым. Ведь португальцы вообще не принимали участия в этом плавании!

Описание Боккаччо особенно интересно тем, что из него мы узнаем, почему названия «Счастливых островов» древнего мира так причудливо и часто изменялись, что мы на разных картах XIV и XV вв. каждый раз принимаем их за новые, не отождествляя с островами, открытыми в 1312 и 1341 гг. Мы без труда узнаем в этом описании, автор которого сам воздерживается от каких бы то ни было названий, «Козий остров» (Капрария, *de las cabras* и т. д.), острова Плиния — Нивалис и Плювиалию[3] (Эмбрион), а также «Голубиный остров» (*de columbis*) средневековых морских карт и т. д.

---

[1] H. Schomburg, Iberische Steuermannskunst im Entdeckungszeitalter, «Geographischer Anzeiger», 1944, S. 203.

[2] P. Barker-Webb, S. Berthelot, Histoire naturelle des îles Canaries, Paris, 1842, p. 33.

[3] *Nivalis* (*лат.*) — «снежный»; *Pluvialia* (*лат.*, множественное число среднего рода) — от *pluvialis*, что означает «дождливый».— *Прим. ред.*

Донесения португальцев и итальянцев об экспедиции 1341 г. дополняются, видимо, сообщением арабского ученого о состоявшейся в то время продаже султану Марокко рабов, захваченных европейцами на океанских островах[1].

«Книга познания», свидетельствующая об уровне новых географических знаний об океане, приобретенных к 1345 г., отражает путаницу, возникшую потому, что вторично открытым островам Канарской группы тотчас же присваивались на разных языках самые различные названия. А позднее часто уже не знали того, что переданные в древности Плинием и другими географами названия океанских островов относились к тем же самым объектам, которые были вторично открыты в средние века. Так возникло представление, что число океанских островов, находящихся сравнительно недалеко от Гибралтарского пролива, гораздо больше, чем оказалось на самом деле. Эта ошибка усугублялась еще и тем, что названия мельчайших островов и отдельных скал воспринимались как наименования крупных островов.

Вот почему в «Книге познания» указывается слишком большое число островов Канарской группы. Два названия острова — Тенерифе-дель-Инферно (Адский остров, из-за находящегося на нем вулкана) и Тенерифис — были восприняты как наименования двух различных островов; острову Фуэртевентура было присвоено даже четыре различных названия — Фортевентура, Де-лас-Кабрас (Капрария Плиния), Колумбария и Вентура. Все они точно переписаны автором «Книги познания» и отнесены к четырем разным островам. Незначительный островок к северу от Фуэртевентуры, который и по сей день носит свое старинное название Лобос (Тюлений остров), превращен сразу в три острова; крошечные скалистые островки Канарской группы — Грасьоса около Лансароте, Алегранса и Рокка — преображаются в значительные острова Греса, Алегранка и Рахан. Появляется еще один мифический остров Бразил и др. Вопрос о чудовищной путанице, вызванной этими неправильными представлениями и продолжающейся по сей день, будет подробнее рассмотрен нами далее.

Были ли открыты два самых западных острова Канарской группы Ферро и Пальма еще в 1341 г. или несколько позднее? На этот вопрос ответить трудно. Название Ферро в форме «Феро» появляется только на Каталонской карте 1375 г.

Открытия 1341 г., после того как о них стало известно в Европе, тотчас привлекли к себе значительное внимание и привели к политическим последствиям. Уже в письме от 14 ноября 1341 г., послужившем основой для сообщения Боккаччо, встречается следующая фраза: «О Канарии и других островах, недавно открытых в океане за Испанией» (*de Canaria et insulis reliquis ultra Hispaniam in Oceano noviter repertis*).

Та же фраза «недавно открытые острова» встречается и в документе от 16 апреля 1342 г., в котором три гражданина с Мальорки—Бартомеу Морагес, Пере Жижес и Франсеск Альбусса — обязались пойти с двумя кораблями

---

[1] Сообщение Ибн-Халдуна. См. A b u ' l F i d a, Géographie (Takwün al-Bülldan), ed. Reinaud, Paris, 1848, p. 264 (примечание 1).

«Санта-Крус» и «Санта-Мадалена» к этим островам в «Западное море»[1]. Уже, через девять дней такое же разрешение было дано кораблю «Сан-Жоан», принадлежавшему некоему господину Гуалю с Мальорки[2].

15 ноября 1344 г. папа Клементий VI, находясь в Авиньоне, передал новые острова Луису де ла Серда, правнуку кастильского короля Альфонса X, в качестве ленного владения под названием «государство Фортуния»[3]. В 1345 г. на Мальорке была снаряжена на собственные средства морская экспедиция нового «короля Канарских островов», которая, однако, по неизвестным причинам не состоялась. Видимо, новый «король» Луис так и не увидел своего государства Фортунии[4], ибо год спустя он пал в битве при Креси (26 августа 1346 г.)[5].

Испанский король в послании к папе, написанном в Алькале 13 марта 1345 г., принял пожалование[6]. Однако против решения папы протестовал король Португалии. В своем письме, помещенном среди первоисточников в начале главы, он выражает недовольство тем, что «его» острова через его голову переданы другому в качестве ленного владения. Подчеркнем здесь, что в те времена папа, как наместник бога в этом мире, имел право распоряжаться всеми вновь открытыми землями. Этот взгляд был распространен еще и в XV в., что мы покажем на ряде весьма поучительных примеров. Протест повис в воздухе, так как «королю» Луису не пришлось вступить во владение своим новым государством.

Вопрос о том, кому должны принадлежать Канарские острова, долго оставался неясным (см. ниже). Впрочем, при папском дворе, как и при дворе португальского короля, это дело упростили. Очевидно, там не знали ни числа переданных островов, ни их названий. Для подтверждения своих притязаний король Аффонсу послал папе карту вновь открытых островов, разумеется еще далеко не совершенную. Эта карта за последнее время неоднократно становилась объектом научных исследований[7]. Было твердо установлено, что мы имеем здесь дело с «*Insulae fortunatae*» древних авторов, причем названия отдельных островов сильно изменялись и часто причудливо искажались как

---

[1] G. de Reparaz, Catalunya a les mars, Barcelona, 1930, p. 229.

[2] M. Bonet, Expediciones de Mallorca a las Islas Canarias (1342 y 1352), «Boletin de la Sociedad Arqueologica Luliana», 1896, t. VI, p. 286; E. Serñes y Rafols, El descubrimiento y los viajes medievales de los Catalones a las Islas Afortunadas, 1926.

[3] O. Raynaldus, Annales ecclesiastici, Köln, 1691, p. 21.

[4] G. de Reparaz, op. cit., p. 230.

[5] O. Raynaldus, op. cit., p. 211. [В битве при Креси войска французского короля Филиппа VI были разгромлены англичанами.— *Ред.*]

[6] O. Raynaldus, op. cit., p. 212. Письмо датировано 1344 г., так как в романских странах год начинался тогда с пасхи.

[7] A. da Fonseca, A Carta de D. Afonso IV ao Pápa Clemente VI, «Anais das Bib. e Arquivos», 1916, p. 57 (и след.); P. de Azevedo, O Traslado da Carta de D. Afonso IV ao Papa Clemente IV sobre as Canarias, existente em Roma, «Boletim da segunda classe da Academia das Ciencias de Lisboa», 1918, t. XI, p. 66 (и след.); J. de Freitas, A carta de D. Afonso IV ao Pápa Clemente VIe a Honestidade literaria de Jodo da Rocha, «Portucale», Porto, 1929, t. II, No. 2.

античными географами, так и авторами раннего средневековья. Не географические открытия, а литературные произведения были источником, откуда заимствовали те названия островов, которые должны были войти в состав нового королевства Фортунии. Эти названия перечисляются в приведенном выше письменном обязательстве Луиса де ла Серды, из которого следует, что пожалование признано папой.

Так как в Канарской группе насчитывается только 7 крупных островов, из которых два — Ферро и Пальма — были, пожалуй, не известны древнему миру, то приведенные названия 10 островов представляют интерес скорее с психологической, чем с географической, точки зрения. Канария — это Гран-Канария; Нингария, или Нивалис (Снежный остров) римских географов[1], соответствует Тенерифе; Капрария — это Фуэртевентура; Эмбронея — название, восходящее к греческому слову ὄμβρος [дождь] и соответствующее латинскому Плювиалис (Дождливый) — Лансароте; Юнонию нельзя точно отождествлять с каким-либо островом (см. стр. 254). А пять последних названий — это чистейший вымысел.

Темпераментные португальцы недавно утверждали[2], что участники морской экспедиции короля Аффонсу от 1341 г. открыли не только Канарские, но и Азорские острова и даже Бразилию. Это утверждение ни на чем не основано. Как будет показано ниже (см. гл. 147), до сих пор нет никаких доказательств, подтверждающих, что кокой-либо остров Азорской группы был открыт до 1431 г.

Что касается Бразилии, то эта гипотеза явно нелепа и обоснована слишком слабо, вернее, даже легкомысленно. Это предположение можно было бы игнорировать при серьезной научной дискуссии, как и многие другие гипотезы, порожденные слишком кипучей фантазией, если бы в последние годы за рубежом не забили в барабан, создавая широкую рекламу этой новой португальской сказке. Поэтому, пожалуй, следует все же подробнее рассмотреть те «доказательства», которые приводятся для подкрепления столь сенсационного утверждения.

Мнимое открытие португальцами Бразилии в 1341/42 г. выводится *только* из того незначительного обстоятельства, что в 1342 г. на лиссабонском рынке появилось «бразильское дерево»[3]. При этом упускается из виду, что Бразилия получила свое название только в 1507 г.[4], так как там обнаружили в большом количестве бразильское дерево с красящей древесиной, известное на протяжении многих столетий. Увидев это дерево, мореплаватели решили, что они попали на сказочный атлантический остров Бразил (см. т. IV, гл. 190). Само бразильское дерево было «известно арабам под этим названием еще

[1] Этот вопрос подробнее разбирается в другой работе автора. См. «Geographische Zeitschrift», 1933, S. 341 (и след.).

[2] A. Cintra, O Brasil foi descoberto em 1342, «Arquivo das Colonias», 1929, p. 86; C. R. M. de Faria e Maia, O Planisferio luminoso da Exposiçao de Paris de 1931 e as descobertas maritimas dos pilotos portugueses, «A Terra», № 14.

[3] C. R. M. de Faria e Maia, op. cit., p. 3.

[4] E. Renaudot, Anciens relations des Indes et de la Chine, de deux voyageurs Mahométans, Paris, 1718, p. 5.

задолго до открытия Нового света»[1] и не позднее чем с IX в. стало излюбленным товаром, вывозившимся преимущественно с Зондских островов. Уже еврейский путешественник Солиман упоминал о нем в 851 г. как о товаре, который можно найти на Суматре[2]. Масуди спустя 100 лет называл это дерево боккамом[3]. С ним был знаком также Марко Поло[4]. Венецианец писал об этом товаре, вывозящемся с Зондских островов, как о дереве «венцино», идентичность которого бразильскому дереву давно доказана[5]. Брат Иордан тоже знал об этом дереве примерно в 1320 г. и писал о нем как о ценном товаре, который вывозят из Индии[6]. В XIII и XIV вв. бразильское дерево было ходким товаром на рынках Южной Европы. В одном итальянском документе 1306 г. оно упоминается как «браксилис»[7]. Согласно Гумбольдту, этот товар можно было найти в Испании с 1221 по 1243 г.[8] Отсюда совершенно ясно, что в 1342 г. бразильское дерево должно было быть известно и в Лиссабоне. Делать из этого незначительного факта вывод о вероятном открытии Бразилии в тот период более чем смело и недостойно настоящего ученого. Бразилия, несомненно, оставалась неизвестной до конца XV в.[9] Шухгардт в одном месте пишет «о безобразных гибридах, которые всегда дают пышные побеги при роскошной растительности[10]. Акробатические трюки с историей землеведения, которые позволяют себе учинять португальцы,— яркий пример таких «безобразных гибридов».

В Португалии, к сожалению, развилась также и склонность рассматривать любое важное географическое открытие XIV и XV вв., в том числе и открытие Америки, как славный подвиг, совершенный первоначально португальцами. Уже в 1875 г. португалец Кордейру начал выдавать подобные фан-

---

[1] M. Ch. Sprengel, Geschichte der wichtigsten geographischen Entdeckungen, Halle, 1783, S. 89.

[2] См. «Неведомые земли», т. II, гл. 92.

[3] Masudi, Meadows of gold and mines of gems, ed. Sprenger, London, 1841; t. I, p. 353; Masudi, Murudj al-Dhahab wa Ma'adin al Djawahir (Les prairies d'or et les mines des diamants), ed. Barbier de Meynart et Pavet de Couteille, Paris, 1861, t. I, p. 338.

[4] «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 179.

[5] Petrus Martyr, De rebus Oceanicis, Köln, 1574, p. 50: «*quarum lignum vestri mercatores Itali verzinum, Hispani brasilium appellant*» [«древесину которых ваши итальянские купцы называют «верцин», а испанские — «бразиль»].

[6] Frater Jordanus, Mirabilia descripta, «Relation des voyages et mémoires», 1839, t. IV, p. 49.

[7] J. N. Bischoff, Versuch einer Geschichte der Färbekunst, Stendal, 1780, S. 70.

[8] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. 1, S. 441.

[9] Исторически доказанное открытие европейцами Бразилии, то есть восточного выступа Южноамериканского материка, было совершено не ранее 1500 г. В этом году берега Бразилии независимо друг от друга посетили три экспедиции в такой последовательности: 1) испанская (начальник Висенте Пинсон); 2) испанская (Диего Лепе); 3) португальская (Педру Кабрал).— *Прим. ред.*

[10] K. Schuchhardt, Vorgeschichte von Deutschland, München — Berlin, 1935, B. IV.

тазии за научно установленные факты[1]. Хотя испанец Салос сразу же довольно убедительно опроверг Кордейру и призвал его к порядку[2], воздействие этого португальца на умы своих соотечественников оказалось чем-то в роде эпидемии. Португальцы даже в начале XV в. были еще крайне неопытными мореплавателями и в августе 1415 г., во время похода на Сеуту, едва смогли преодолеть Гибралтарский пролив[3]. Между тем, по мнению их нынешних «историков», они еще в 1341 г. впервые открыли Азорские острова и Бразилию, в 1447 г.— вторично Бразилию (см. т. IV, гл. 177), в 1452 г.— Ньюфаундленд, в 1475 г. — Кубу, в 1491 г.— Флориду, а затем — Австралию, Берингов пролив, залив Сан-Франциско и преодолели даже Северо-восточный и Северо-западный проходы[4]. Все эти утверждения зарвавшихся исследователей взяты с потолка. Их «доказательства» при проверке оказались поразительно убогими или совершенно вздорными. Мы имеем здесь дело с массовым проявлением чрезмерно развитого и ложно понимаемого «национального чувства», с игрой необузданного воображения, а не с результатами добросовестного и объективного исторического исследования[5]. К ним подходит поговорка: «*Qui trop embrasse, mal étreint!*» [«Нельзя объять необъятное!»]

Португальские мореплаватели, безусловно, не принимали еще участия в открытиях, сделанных в западных морях в XIII—XIV вв. Ведь Барруш определенно утверждает, что его соотечественники до 1415 г. «не имели обыкновения выходить далеко в открытое море»[6]. Фридерици правильно пишет о португальцах эпохи Генриха Мореплавателя, что они были «весьма робкими и боязливыми каботажными мореходами, лишенными подлинной отваги»[7]. При решении вопроса о том, представители какого народа первыми исследовали ранее неизвестные районы океана западнее Гибралтара, мы будем ближе к истине, если остановим свой выбор на итальянцах и каталонцах. И те и другие нашли своих сторонников, разумеется среди нынешних своих соотечественников: Маньяги защищает приоритет итальянцев[8], а де

---

[1] «Comptes rendus du Congrès des Americanistes, tenu a Nancy», 1875, t. I, p. 233.

[2] J. de Salos, Del descubrimiento de America por el Sr. Luciano Cordeiro, «La Academia», 1877, t. I, p. 131.

[3] H. Schäfer, Geschichte von Portugal, Hamburg, 1830, B. II, S. 287.

[4] C. R. M. de Faria e Maia, Prioridade dos Portugueses no descobrimiento da America da Norte e ilhas de America central, Lisboa, 1931; R. Beltran y Rozpida, Cristobal Colon, Genoves, Lisboa, 1925; статья А. Ф. де Серпа. См. «Republica», 22 mai, 9 juni 1935; J. Cortezão, A viagem de Diego de Teive e Pero Vesquez de la Frontera ao Banco de Terra Nova en 1452, «Arquivo Historico de Marinha»; A. Cintra, O Brasil foi descoberto em 1342, «Arquivo das Colonias», 1929 и т. д.

[5] Опровержения этой гипотезы см. R. Hennig, Die These einer vorcolumbischen portugiesischen Geheimkenntnis von America, «Historische Vierteljahrsschrift», 1936, S. 548 (и след.).

[6] J. de Barros, Da Asia, Venézia, 1551, dec. I, lib. I, cap. 2, p. 7.

[7] G. Friedrici, Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer, Stuttgart, 1936, B. II, S. 23.

[8] A. Magnaghi, Sulle origini del Portolano normale nel Medio Evo e della Cartografia dell'Europa occidentale, Firenze, 1909.

Репарас — каталонцев[1]. Трудно решить, на каком предположении должен остановиться беспристрастный судья.

Плавание по Атлантическому океану никогда полностью не прекращалось. Не говоря уже о замечательных успехах, достигнутых норманнами в северных морях, совершались также каботажные плавания на весьма большие расстояния. Так называемая «Схолия» Адама Бременского, которая вряд ли действительно принадлежит перу этого гамбургского каноника, даст довольно точное указание о плавании от Ютландии до Палестины[2]. По другому сообщению, целый флот фландрских и фризских пиратов в 1097 г. прибыл в гавань Тарс вместе с войском крестоносцев и действовал с ними заодно при завоевании Лаодикеи[3]. Позднее многочисленные транспортные суда прокладывали путь из западноевропейских гаваней в Святую землю[4].

В одну только Яффу прибыло в 1102 г. 200 судов с паломниками из Западной Европы. В 1107 г. 7 тыс. паломников из стран Западной и Северной Европы попали в Палестину морским путем и по морю же вернулись обратно[5]. Большие флотилии с крестоносцами из Германии, Фландрии, Англии и других стран, направлявшимися в Святую землю, бороздили воды Атлантики и Средиземного моря, особенно в 1147, 1189/90, 1197 и 1217/18 гг.[6]. Инициатива в организации последнего из перечисленных плаваний, предпринятого германцами, принадлежала кёльнскому соборному схоласту[7] Оливеру. Оно заслуживает особого рассмотрения. Как проходило это плавание, мы подробно узнаем от одного из его участников, сообщение которого передал Эмо[8].

Следовательно, в прибрежной зоне Западной Европы относительно оживленное судоходство никогда не прекращалось. Но представители какого народа по доброй воле решились посетить и разведать Западный океан, какую еще не открытую землю они там искали? Капмани полагал, что итальянцы плавали по Атлантическому океану раньше каталонцев, так как итальянские моряки еще в XIII в. ходили во Фландрию, причем «эту торговую связь следовало бы поставить в заслугу смелым и ловким генуэзцам и венецианцам»[9]. Маньяги тоже утверждает[10], что еще в 1240 г. были налажены морские

---

[1] G. de Reparaz, op. cit., p. 228 (и след.).

[2] Adam von Bremen, Scholion, p. 96. [Об Адаме Бременском см. стр. 375, примечание 3].

[3] Albertus Aquensis, III, 14, 59; Wilhelm von Tyrus, III, 23. [Тарс — город в Киликии, приморской области Армянского государства (так называемой Малой Армении), на юго-востоке Малой Азии; Лаодикея — византийский город на юго-западе Малой Азии.— *Ред.*]

[4] R. Röhricht, Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1874, B. II.

[5] Albertus Aquensis, IX, 11; XI, 27.

[6] W. Vogel, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 125 (и след.).

[7] Соборный схоласт — заведующий школой при соборе.— *Прим. ред.*

[8] Летопись Эмо. См. «Monumenta Germaniae historica», ed. Pertz, SS. XXIII, p. 478 (и след.).

[9] A. de Capmany, Memorias historicas sobre la marina, comercio etc., Madrid, 1779, t. I, p. 126.

[10] A. Magnaghi, op. cit., p. 173 (и след.).

связи между Венецией и Фландрией. В противоположность этому Ами считает, что в брюггских документах от 1281 г. говорится скорее о немецких, французских и каталонских купцах, совершавших морские плавания, чем об итальянцах[1]. Ведь побывал же в 1299 г. в Дордрехте каталонский банкир Жауме Виласека[2].

Однако с помощью таких доказательств нельзя точно решить вопрос, кто же именно совершил первые открытия в Атлантическом океане — итальянцы или испанцы. Следует, впрочем, упомянуть о том, что самые ранние из новых названий островов были даны на итальянском языке.

Политические последствия открытия Канарских островов в 1341 г., остававшиеся некоторое время довольно запутанными, вскоре потеряли всякое значение. «Король» Луис, как уже говорилось выше, не вступил во владение своим государством Фортунией, а Португалия потеряла интерес к островам по причинам, указанным в письме к папе.

Все же вторичное открытие Канарских островов в 1341 г., вероятно, вызвало большую сенсацию в Южной Европе. Об этом свидетельствует интерес к новым островам, проявленный Боккаччо, и то исключительное внимание, которое сразу же было оказано им мореходами Мальорки. Как уже отмечалось, в 1342 г. с Мальорки на Канарские острова отправились две экспедиции, причем такие плавания повторялись неоднократно в последующие десятилетия[3]. Так, например, 14 мая 1352 г. на эту островную группу отправился каталонский капитан Арнау Рожер, которого сопровождали два соотечественника: Жауме Сегарра и Гиллем Фузер, а также, что следует особо отметить, генуэзец Джоан Дориа[4]. Вероятно, эта экспедиция была предпринята с целью колонизации Канарских островов[5]. В 1353 г. был подобран даже епископ — некий Бернард, которого хотели направить на эти острова, но и этот план потерпел крушение[6]. 2 сентября 1369 г. снова была организована экспедиция к Канарской группе. До нас дошло также известие, что в 1377 г. баск капитан Мартин Руисс де Авендано против своей воли был отнесен бурей к острову Лансароте[7]. Поэтому не совсем понятно, как мог Бизли утверждать[8], что после 1341 г. никто не интересовался Канарскими островами до тех пор, пока 5 июня 1382 г. испанец Франсиско Лопес не был прибит штормом к острову Гран-Канария. Это утверждение не соответствует действи-

[1] E. Th. Hamy, Etudes Historiques et Géographiques, Paris, 1896, p. 17 (и след.).

[2] G. de Reparaz, op. cit., p. 235.

[3] E. Serra i Ràfols, El descubrimiento y los viajes medievales de los catalanes a las Islas Afortunadas, Sta. Cruz, Teneriffa, 1926.

[4] M. Bonet, Expediciones de Mallorca a las Islas Canarias (1342 y 1352), «Boletin de la Sociedad Arqueologica Luliana», 1896, t. VI, p. 286.

[5] G. de Reparaz, op. cit., p. 231.

[6] Pius Bonifatius Gams, Series episcoporum, Regensburg, 1873, p. 474.

[7] P. Barker-Webb, Sabin Berthelot: Histoire naturelle des îles Canaries, Paris, 1842, p. 41.

[8] G. E. de Azurara, Cronica de descobrimento e conquista de Guiné. Английский перевод см. «Publications of the Hakluyt Society», London, 1899, v. 100, p. LXXXII.

тельности. Сравнительно недавно Вёльфель документально доказал, что «засвидетельствована постоянная связь между Мальоркой и Канарскими островами, поддерживавшаяся с 1344 г. до середины XV в.»[1]. Итак, Канарские острова с 1341 г. всегда находились в поле зрения европейцев.

Как бы то ни было, интерес к этим островам значительно повысился и не ограничивался уже только коммерческими соображениями после того, как письмо короля Педро IV Арагонского (1336—1387) от 22 февраля 1386 г.[2] побудило папу Урбана VI (1378—1389) заняться насаждением христианства на архипелаге. Папа поручил это дело королю Кастилии. На Канарские острова в качестве миссионеров направили 13 орденских братьев, которых, однако, в 1391 г. убили местные жители[3]. Это послужило поводом к войне, во время которой кастильцы проявили большую жестокость и истребили значительную часть гуанчей, коренных жителей Канарских островов. В 1393 г. король гуанчей и его жена в качестве пленников были доставлены в Испанию[4]. Трудно понять, почему в ватиканских летописях случайно отмечена только эта дата как год открытия Канарских островов[5] и игнорируются события 1344 г., когда папа создал «королевство Фортунию».

В 1402 г. нормандский дворянин Жан де Бетанкур под покровительством кастильской короны сделал первую попытку колонизации Канарских островов[6]. Этот вопрос в данной связи не должен нас интересовать. Здесь следует только заметить, что благодаря деятельности Бетанкура на островах был обнаружен «замок», якобы построенный их первооткрывателем Ланцароте Малочелло[7]. Разумеется, эта история представляется нам не слишком правдоподобной.

В 1404 г. на острове Лансароте была учреждена епархия, и в 1406 г. место епископа занял Альберто де лас Касас[8]. Колония Бетанкура просуществовала, однако, только 15 лет. «После 1418 г., когда Столетняя война разгорелась с новой силой и оккупация Нормандии англичанами не позволила снабжать продовольствием маленькие гарнизоны, Бетанкур снял с себя титул «короля Канарских островов» и продал свое королевство, которое с тех пор превратилось в ленное владение Кастилии. Однако в конце XV в. на трех островах еще говорили на нормандском наречии»[9].

---

[1] Письменное сообщение Вёльфеля от 24 октября 1938 г., адресованное автору.

[2] R u b i ó i L l u c h, Documents per la història de la cultura catalana medieval, Barcelona, 1921, t. II, p. 289.

[3] B o n t i e r, L e v e r r i e r, Première descouverte et conqueste des Canaries, Paris, 1620, ch. 40.

[4] «Chronica del rey D. Enrique III». См. «Chronicas de los reyes de Castilla», Madrid, 1780, t. II. cap. 20, p. 493.

[5] A. B z o v i u s, Annalium ecclesiasticorum, Köln, 1622, t. XV, p. 159.

[6] A. S u p a n, Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien, Gotha, 1906, S. 13.

[7] M. G. C a n a l e, Storia civile commerciale e letteraria dei Genovesi, Génova, 1846, t. IV, p. 487; A. S u p a n, op. cit., S. 12.

[8] P i u s B o n i f a t i u s G a m s, op. cit., p. 22.

[9] Ch. d e l a R o n c i è r e, Histoire de la découverte de la terre, Paris, 1938, p. 87 (и след.).

Заявленная в 1345 г. португальским королем претензия на Канарские острова поддерживалась, впрочем, еще более 100 лет. Принц Генрих Мореплаватель в 1424—1425 гг. сделал новую тщетную попытку завладеть Гран-Канарией и некоторыми другими Канарскими островами для Португалии[1]. Через три года он попытался откупить у испанского ленника Касио де Бетанкура его право на владение[2]. Только по Толедскому договору (6 марта 1480 г.) Португалия окончательно отказалась от Канарских островов[3], которые до наших дней остаются испанским владением.

В заключение автору хотелось бы дать сводную таблицу, чтобы показать поразительное разнообразие названий, под которыми фигурируют на средневековых морских картах и картах мира отдельные острова Канарской группы. При этом названия, присвоенные одному и тому же острову, чаще всего рассматривались картографами как названия разных островов.

Остров Фуэртевенура	**Остров Лансароте**
Junonia (Юнония) (?)	*Purpurariae* (Пурпурариэ)
Hera (Гера)	*Autolala* (Аутолала)
Ventura (Вентура)	*San Zorzi* (Сан-Дзордзи)(?)
Bentusta (Бентуста)	*Pireon* (Пиреон)
De columbis (Де-Колумбис)	*Pluvialia* (Плювиалия)
Aventura (Авентура)	*Pluviaria* (Плювиария)
Colonis (Колонис)	*Pluitana* (Плюитана)
Capraria (Капрария)	*Ombrios* (Омбриос)
Cabras (Кабрас)	*Embrios* (Эмбриос)
Casperia (Каспериа)	*Embronea* (Эмбронея)
Capricia (Каприция)	*Membrion* (Мембрион)
Cabrera (Кабрера)	*Membriona* (Мембриона)
Pireon (Пиреон)	*Lansaroto* (Лансарото)
Guatrilla (Гуатрилла)[4]	*Lansalot* (Лансалот)
	Lancilote (Ланчилоте)
	Lanserana (Лансерана)
	Maloxelo (Малоксело)
	Marogelo (Марожело)
	Maroxello (Мароксело)

[1] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Caire, 1929, t. II, p. 25.

[2] Vierra y Calvijo, Noticias de la Historia General de las Islas de Canaria, Madrid, 1772, t. I, p. 396 (и след.).

[3] «Alguns documentos do archivo nacional da Torre do Tombo», Lisboa, 1892, p. 42 (и след.).

[4] Это название, встречающееся на карте Вальсекуа от 1439 г., согласно Мюллеру, возникло в результате неправильного прочтения слова «*guanilla*», как называют на Фуэртевентуре дикую козу. В этом случае название по смыслу идентично Капрарии древних. См. C. Müller, Die Kunde des Altertums von den Canarischen Inseln, «Festschrift des Geographischen Seminars der Universität Breslau zur Begrüssung des XIII. Deutschen Geographentages», Breslau, 1901, S. 51.

Остров Тенерифе

Tenerefiz (Тенерефис)
D'Inferno (Д'Инферно)
Dinferno (Динферно)
Nivalis (Нивалис)
Invallis (Инваллис)
Convallis (Конваллис)
Ningaria (Нингария)
Nivaria (Нивария)
Pintuaria (Пинтуария)
Nincaria (Нинкария)
Vinaria (Винария)
Vingaria (Вингария)

Остров Ферро

Fero (Феро)
Offero (Офферо)
Senga Ventura (Сенга-Вентура)

Остров Грасьоса

Gresa (Греса)
Gracioxa (Грасиокса)
Isla Bela (Исла-Бела)
Isabella (Изабелла)

Скалы Селважен

Selvagem (Селважен)
Salvis (Салвиш)
Sa. Lvis-St. Luis (Санто-Луис)
Salvagio (Сальваджо)
Santo Atanagio (Санто-Атанаджо) [1]
Satanaxio (Сатанаксио) [1]

Остров Гран-Канария

Canaria (Канария)
Caninaria (Канинария)
Planaria (Планария)
Planasia (Планазия)
Azanasia (Адзаназия)

Остров Пальма

Junonia (Юнония) (?)
Parme (Парме)
Aragania (Арагания)
Benahoare (Бенаоаре)
San Miguel. (Сан-Мигель)

Остров Лобос

Vecchi marini (Векки-Марини)
Vegimari (Вежимари)
Bezimarin (Бедзимарин)
Lobo (Лобо)
Lono (Лоно)
Lovo (Лово)
L'uovo [яйцо!] (Л'уово)

Скалы Дезерташ

Deserta (Дезерта)
De sperta (Де-Сперта)

---

[1] В настоящее время трудно установить, появились ли эти названия в результате неправильного прочтения слова «*salvagio*» или были даны самостоятельно. Дело в том, что названия на старинных картах часто писались крайне неразборчиво. Во всяком случае, вполне *возможно*, что и тут сыграла роль фантазия картографа. Ведь превратила же она «*De Salvis*» в «*Sa. Lvis*», что привело к появлению на картах нового острова Санто-Луис. И в данном случае, согласно предположению, впервые высказанному Авезаком, первоначальная надпись на карте Беккарио от 1435 г., где можно было прочесть только «*Sa. a. o.*», что означало *Salvagio*, превратилась в *Sana-*

Скалы Дезерташ
Salvajes (Сальвахес)
Saravagio (Сараваджо)
Sarastrago (Сарастраго)
Salicosa (Саликоза)
Isla Vacca (Исла-Вакка)[1]

Когда во время научной дискуссии автор обращал внимание исследователей на то, как легкомысленно обращались раньше картографы с названиями океанских островов, многие сомневались в его правоте. Еще и поныне широко распространено мнение, будто любое дошедшее до нас название, вероятно, было как-то связано с реальным географическим объектом. Чтобы дать еще один классический пример беспечного отношения старых картографов к передаче названий новых островов, ссылаются на опубликованное в 1537 г. описание плавания Кадамосто, составленное в 1455 г.[2] Здесь мы обнаруживаем некоторые совершенно новые названия островов Канарской группы: *Fracta lancea* [Сломанное копье], *Magna sors* [Великий жребий], *Grenera*, *Ferrum* [железо] (!), *Grancamaria*. По существу, мы имеем здесь дело с плохой латинизацией давно известных названий или ошибочным их чтением. *Fracta lancea* — это перевод на латынь названия Лансароте, а *Magna sors* — такой же перевод слова Фуэртевентура; *Grenera* появилась в результате неправильного чтения слова *Gomera*; *Ferrum* произошло от *Ferro*, а *Grancamaria* — от *Gran Canaria*. *Sapienti sat!* [Умный поймет!]

---

tanagio, то есть остров Святого Афанасия. Затем это название было переделано в *Satanagio*, *Satanaxio*, то есть в остров Сатаны. Необычайное влечение ко всяким ужасам и сенсациям, свойственное той эпохе, привело к тому, что такое название быстро породило легенду о руке сатаны, ежедневно появляющейся из пучины у этого острова и увлекающей на дно проходящие мимо корабли. См. P. G a f f a r e l, Histoire du Brésil français au XVIe siècle, Paris, 1878, p. 210 (и след.); A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 415 (и след.); статья Гельциха, см. «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1899, S. 109. Впрочем, возможно, что название *Atanagio*, давшее повод к возникновению легенды о руке сатаны, появилось в результате искажения слова *Azanasia* (см. в таблице под рубрикой Гран-Канария). Путаница в названиях на старых картах поистине беспредельна!

[1] Это название, означающее Бычий остров, встречается на турецкой карте Пири Реиса от 1513 г. Очевидно, оно появилось из-за того, что турок прочел *sal vaga* как *isla vacca*.

[2] «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, p. 8.

ГЛАВА 144

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И «КНИГА ПОЗНАНИЯ»

(около 1345 г.)

Я родился 11 сентября в королевстве Кастилии в правление благороднейшего короля дона Фернандо[1], сына благороднейшего короля дона Санчо[2], в 5065 г. по еврейскому летосчислению, в 4047 г. после потопа, в 2502 г. эры Навуходоносора Халдейского, в 1617 г. эры Александра Великого, в 1343 г. эры императора Цезаря Римского, в 1304 г. христианской эры и в 706 г. арабской эры[3]. В королевстве названного короля насчитывается 28 городов и много замков, крепостей и местечек... [Следует краткое перечисление городов и рек Кастилии.]

...Я выехал из королевства Кастилии и направился в королевство Португалию, где обнаружил много крупных городов... [Следует краткое описание Португалии.]

[Далее дается шаблонное описание кругосветного путешествия, проходившего через Галисию, Наварру, Францию, Фландрию, область Роны, Придунайские земли, Кёльн, Фрисландию, Восточно-Фризские острова, Данию, южное побережье Балтики, Чехию, Польшу, Швецию, Центральную Норвегию, острова Балтийского моря, Копенгаген, Южную Норвегию, Шотландию, Англию, Ирландию, Испанию, Италию, Сицилию, Адриатическое море, Далмацию, Венгрию, Грецию, Малую Азию, Сирию, Египет, Киренаику, Тунис, Алжир, Марокко, острова Атлантики, Северо-Западную Африку, область Сенегал, Судан, Лунные горы[4], Гвинею, Голубой Нил, Эфиопию, Красное море, Аравию, Месопотамию, Персидский залив, Индию, острова Индийского океана, Зондские острова, Туркестан, Китай, Татарию[5], Фергану, Монголию, Тибет,

---

[1] Фердинанд IV (1295—1312).

[2] Санчо IV (1284—1285).

[3] Эры установлены в «Книге познания» весьма произвольно. Так, например, Навуходоносор II Халдейский правил в 604—562 гг. до н. э.; Александр Македонский умер в 323 г.; «эра императора Цезаря» почему-то начинается с 39 г. до н. э.— *Прим. ред.*

[4] Лунные горы — покрытые вечными снегами горы широтного простирания в верховьях Белого Нила, которые Птолемей поместил примерно под 12° ю. ш. Об их отождествлении с массивом Рувензори см. т. I, гл. 64.— *Прим. ред.*

[5] Татария — в данном случае Северная Азия. — *Прим. ред.*

острова в Тихом океане, Индокитай, Каспийское море, Персию, Константинополь, северную Грецию, Черное море, Поволжье, Русь, южную Швецию.]

...Потом я повернул во Фландрию и оттуда в Севилью — город, из которого отправился в свое путешествие[1].

Во все времена люди, интересовавшиеся географией, пытались составить себе представление об общей картине мира, известного в ту или иную эпоху, и ознакомить с ней своих современников. При этом в большинстве случаев пользовались научными методами, прибегая либо к литературному описанию, либо к изобразительным средствам — картам мира и глобусам. Достаточно назвать такие имена, как Агриппа, Птолемей, Помпоний Мела, Идриси, Мартин Бехайм, чтобы стало понятно, как это стремление дать географическое описание мира находило самые целесообразные формы.

Но наряду с этим люди нередко обращались к вспомогательным средствам, излагая все, что они знали о мире, в художественной форме — то в виде эпической поэмы, то в виде романа. Древнейшим и величайшим поэтическим произведением такого рода была «Одиссея». В этом эпосе отчетливо проявляется стремление поэта последовательно передать своему слушателю или читателю все, что довелось ему разузнать о негреческом мире. Такие же сведения об отдельных частях Земли сообщают нам сказки о Синдбаде Мореходе из «1001-й ночи», «Легенда о святом Брандане», «Сказание о герцоге Эрнсте Швабском» и тому подобные произведения.

Иногда автор сам превращался в героя своего романа, которому удалось постепенно ознакомиться со всеми странами известного в его время мира. К этим географическим романам принадлежит и странное произведение безымянного испанского монаха, жившего в середине XIV в., известное в научной литературе под названием «Книга познания» («*Libro del Conoscimiento*»).

Эта книга была написана, вероятно, в 1345—1350 гг., так как самое позднее событие, которое в ней упомянуто, относится к 1345 г.[2] Она дает очень сжатый и суховатый обзор всех самых важных стран и городов, о которых знали в Испании примерно к 1350 г. Для нас, современных исследователей, это произведение представляет большую ценность, так как из него мы узнаем, о каких областях земного шара имелись тогда более или менее надежные сведения. Но эти сведения были получены автором от других лиц или вычитаны из литературных источников, причем он принял на веру различные мистификации. Разумеется, не может быть и речи о том, что автор сам совершил кругосветное путешествие, как он это утверждает. Еще в 1620 г.

---

[1] «Libro del Conoscimiento de todos los reynos e tierras e señorios que son per el mundo, e de las señales e armas que han cada tierra e señorio», ed. M. J. de la Espada, Madrid, 1877; английский перевод см. C. M a r k h a m, Book of the knowledge, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1912, ser. 2, No. XXIX.

[2] «Libro del Conoscimiento», ed. Espada, Madrid, 1877, p. 16.

было установлено, что в книге так «много всякого вздора», что автор ее не может претендовать на доверие[1].

До нас дошли три рукописи «Книги познания», из которых две находятся в Мадридской национальной библиотеке и одна — в Лондонской. Оригинальным, скорее занимательным, но все же представляющим интерес дополнением к книге являются цветные иллюстрации. На них в огромном количестве изображены гербы и флаги описываемых стран и городов. Надежность этих иллюстраций довольно сомнительна, как вытекает хотя бы из того, что наряду с другими автор дает изображение герба мифического «царя-священника Иоанна»: черный крест на белом фоне с двумя золотыми епископскими жезлами по бокам[2]. Подобные доказательства заставляют нас усомниться не только в правдоподобности утверждений автора, но и в его «*bona fides*» [добросовестности].

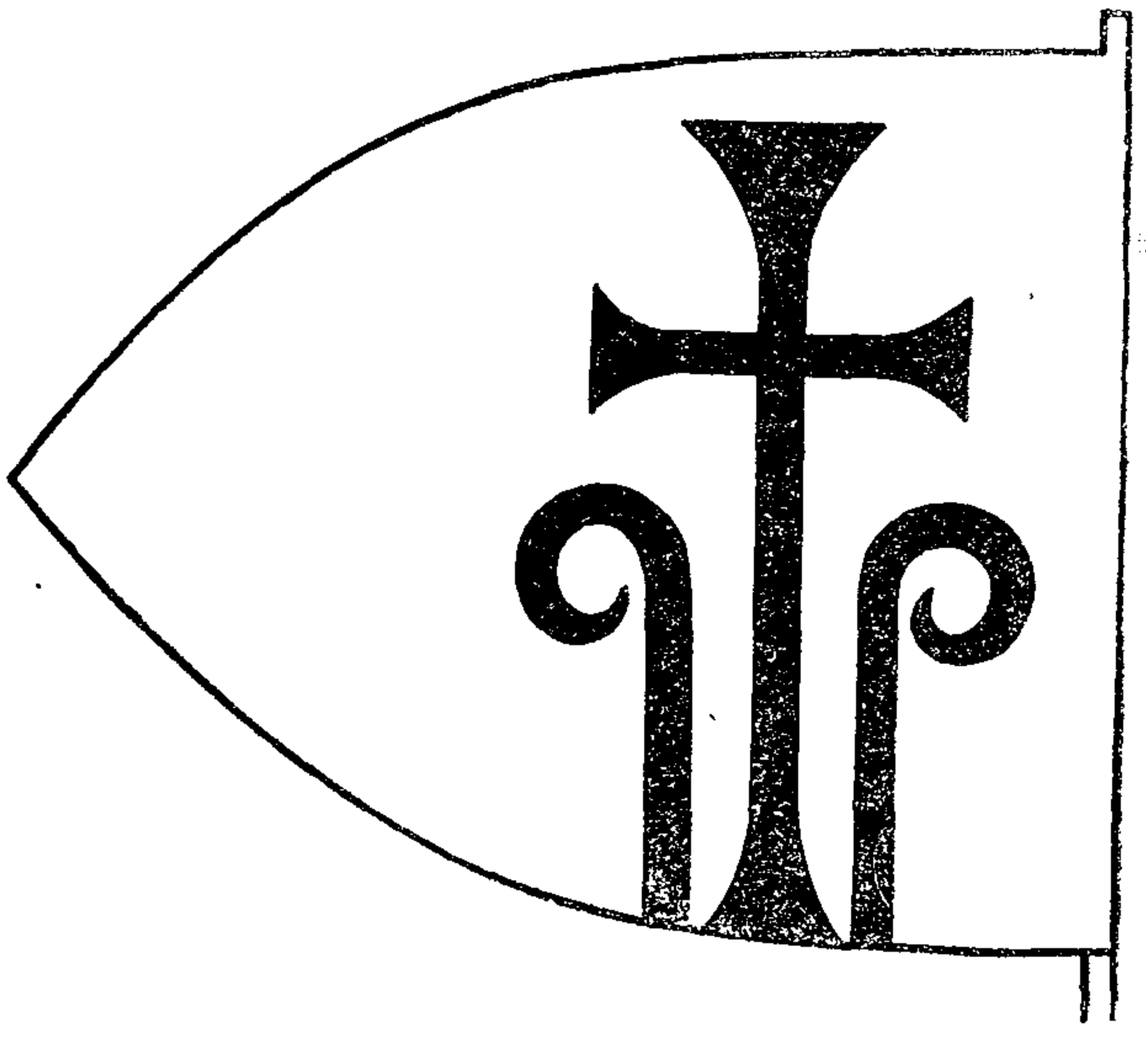

Рис. 10. Мнимый герб «священника Иоанна».
Из «Книги познания» (оригинал в красках).

Несмотря на это, исследователи довольно часто высказывали предположения, что «Книга познания» в целом или хотя бы в значительной части посвящена описанию подлинного путешествия, совершенного ее автором. Между тем нельзя не признать, что маршрут его странствий, особенно по Азии, был задуман крайне нелепо. Трудно также понять, какие причины заставили нищенствующего монаха предпринять требующее больших затрат путешествие, которое в общей сложности вряд ли могло занять менее 20 лет. И все же подлинность этого путешествия отстаивалась не только испанским издателем книги Хименесом Эспадой и его географом-консультантом Франсиско Коэльо, но наряду с прочими также и Авезаком[3] и в основном Мейджором[4]. В противовес этим исследователям Пешель еще в 1865 г. нашел в книге испанского монаха «так много нелепостей, что нельзя считать себя гарантированным от мистификации»[5]. Еще определеннее высказался по этому поводу 10 лет

---

[1] Bontier, Leverrier, Première découverte et conqueste des Canaries, Paris, 1620.

[2] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, London (дополнение с изображениями гербов № 71).

[3] M.A.P. d'Avezac, Afrique, «L'univers pittoresque», Paris, 1848, t. 47.

[4] H. Major, The Canarian, «Publications of the Hakluyt Society» London, 1872, No. 46. [О Мейджоре см. стр. 371, примечание 4.]

[5] O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München, 1865, p. 174 (примечание 3).

спустя Морель-Фатио[1]. Он считал, что мы имеем здесь дело с фантастическим путешествием, так как иначе нельзя объяснить некоторые странности и непостижимые загадки. Бизли также наотрез отказал в доверии «Книге познания», не признав ее описанием подлинного путешествия[2].

Норденшельд был склонен к компромиссу, когда писал: «Нельзя поверить, что францисканец действительно совершил все путешествия, о которых рассказывается в «Libro del Conoscimiento»[3]. Маркем, который в 1912 г. перевел эту книгу на английский язык, также поддерживал предположение о достоверности путешествия, по меньшей мере в значительной его части. Он задает вопрос: «Из каких источников мог монах составить компиляцию?.. Эта книга действительно является одним из самых ранних географических трудов средневековья, если вообще не самым ранним из всех»[4].

Маркем, недолго думая, не преминул даже присвоить автору этой книги почетное звание «великого путешественника»[5]. Однако результаты нового исследования компетентного французского ученого Ла-Ронсьера заставляют нас вторично прийти к выводу, что мы имеем здесь дело с «псевдопутешествием»[6] и что «нельзя считать «Libro del Conoscimiento» рассказом о подлинном путешествии»[7].

Ла-Ронсьер, по мнению автора этих строк, дает более правильную оценку «Книги познания», рассматривая ее как «*учебник географии*, построенный на картографических данных».

В противоположность этим столь сильно расходящимся предположениям следует со всей решительностью подчеркнуть, что мы имеем здесь дело с *романом*, с попыткой дать общую картину известного в то время мира в виде описания путешествия, причем автор «использовал в качестве оригинала какую-нибудь *Mappamundi* [карту мира]»[8]. Это утверждение можно подтвердить вескими доказательствами.

Прежде всего возникают большие, даже непреодолимые сомнения чисто психологического порядка. Автор «Книги познания», пытающийся установить дату своего рождения как некоего чрезвычайно важного исторического события при помощи всех европейских календарей, не называет ни времени совершения своих мнимых путешествий, ни повода для них. Его описание начинается сразу же с фразы: «Я выехал из королевства Кастилии». Купец мог бы покрыть крупные издержки такого путешествия торговой прибылью, как это сделали Ибн-Баттута, Конти и др. Но на какие средства жил бедный францисканский монах в течение нескольких десятилетий, откуда он брал деньги, чтобы покрыть расходы путешествия по всем районам земного

[1] См. «Revue critique de l'histoire et de la litérature», 12 Juin, 1875.
[2] Ch. Beazley, The dawn of modern geography, London, 1906, v. III, p. 10, 416, 421 (и след.).
[3] A. E. Nordenskjöld, Periplus, Stockholm, 1897.
[4] C. Markham, op. cit., p. X (и след.).
[5] Ibidem, p. XI.
[6] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Caire, 1929.
[7] Ibidem, t. I, p. 117 (и след.).
[8] J. Mees, Histoire de la découverte des îles Açores, Gent, 1901, p. 38.

шара? Кроме того, можно ли серьезно поверить, чтобы настоящий путешественник о всех своих приключениях в тех странах земного шара, которые до него большей частью не посещались, не сообщил абсолютно ничего, кроме стереотипных фраз: «Я посетил то или другое место; герб или флаг этого места выглядит вот так-то!» Представим себе современного путешественника, который, допустим, побывал на Мадейре, на Цейлоне и на Новой Зеландии и ограничился бы только тем, что написал: «Я был на Мадейре, на Цейлоне, на Новой Зеландии». Автор «Книги познания» утверждает, что он посетил местности и острова, до него совершенно не известные европейцам, и все же вместо ценных сведений, которые он должен был бы о них сообщить, ограничивается скучной фразой: «Я был там»! Можно ли в это поверить?

Можно ли, далее, представить, себе, что в XIV в. странствия по всем странам мира, известного тогда в Южной Европе, обошлись без каких-либо инцидентов, без задержек и приключений, совсем гладко и без осложнений, как в этом хочет уверить нас рассказчик?

Автор книги пишет, что посетил не менее 25 островов в Атлантическом океане, которые до него почти все были неизвестны (см. гл. 143). Но если об атлантических островах не сообщается ничего другого, кроме названий, то это кажется верным доказательством, что автор ничего больше о них *не знал*. Другими словами, он где-то *слышал* названия островов, и этим исчерпывались все его сведения. Среди названий 25 островов Атлантики, якобы посещенных путешественником (см. гл. 147), *многие* в различные времена были присвоены *одному и тому же* острову, что мы еще покажем в дальнейшем. Другие названия относятся к мифическим островам, никогда не существовавшим в действительности, вроде острова Бразил (см. гл. 143). Но автор «Книги познания» и на нем побывал. Из литературных источников явно заимствовано и название *Mare Sericum* (см. т. II, гл. 67) со следующим разъяснением: «Так называется море, которое соединяет *Montes Caucasos* [Кавказские горы— иными словами, Каспийское море] с Океаном на востоке»[1]!

Далее следует обратить внимание на то, как в одном месте книги описывается путешествие с Явы в глубь Центральной Азии. Вот что говорится в книге по этому поводу: «Покинув Яву, я вернулся в царство Оксанап [Бирма?] и направился оттуда в царство Армалек [Кульджа!], где имеются большие провинции и много городов. Здесь я посетил следующие города. Первым был столичный город Биабакр [Камбалек, то есть Пекин], один из величайших в мире. Другой — Орга [Урга]»[2].

Можно ли серьезно предполагать, что с первым путешествием с Явы через Бирму в Кульджу, Пекин и Ургу, с путешествием, которое даже при самом быстром передвижении едва ли в то время занимало менее 1½ лет, автор разделался бы тремя такими фразами.

Да и кто поверит тому, что он сообщает в другом месте: «Из Катая [побережья Китая] я поехал в северном направлении, следуя по течению реки

---

[1] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, «Publications of the Hakluyt Society, London, 1912, ser. 2, v. XXIX, p. 49.

[2] Ibidem, p. 46.

Магот [Хуанхэ], и плыл по ней 65 дней. Я не нашел там ни укрепленных, ни открытых городов»[1].

Явный вымысел обнаруживаем мы и в той поразительной быстроте, с какой «путешественник» из страны Сенегал добрался до Нубии [Эфиопии]. В те времена еще господствовало представление о том, что у Нила есть второе устье на Атлантическом океане (см. т. I, гл. 11). Поэтому *мнимый* путешественник мог весьма просто добраться от западного устья Нила в Западный Судан, для чего *настоящему* путешественнику потребовалось бы примерно два года. Но наш мнимый странник в нескольких фразах[2] описывает скачок от побережья Атлантического океана, в область Верхнего Нила, в царство мифического «священника Иоанна»[3].

Окончательно разоблачает себя автор «Книги познания» как сочинитель фантастического путешествия, когда он неоднократно жонглирует понятиями «Гог и Магог» или рассказывает сказки о «царе-священнике Иоанне». Что название «Гог и Магог» не относится ни к народам, ни к странам, уже разъяснялось во II томе «Неведомых земель» (см. гл. 89). Однако в «Книге познания» мы читаем: «Эта страна известна как Моголин [Монголия], страна Тагохар, страна Гота и Магота... Я остался на некоторое время в замке Магота, так как ежедневно слышал и видел там поразительные вещи... Городами Катая, которые я знаю, являются Золин, Годиана, Магодиана и т. д... Две провинции — Иркания и Готия [по-шведски — Йоталанд] — населены годами, пришедшими из внутренней Татарии, из крепости Гота и Магота, в ту пору, когда они совещались по поводу ее осады Александром и о завоевании им большей части мира». Еще более удивительные вещи сообщает «путешественник» о стране «священника Иоанна»:

«Я пришел к большому городу Грасиона, столице царства Ардеселиб. Это слово означает «Слуга креста». И действительно, Ардеселиб защищает церковь Нубии и Эфиопии, а ее защитник — священник Иоанн, патриарх Нубии и Эфиопии, властвующий над весьма обширными землями и многими христианскими городами. Но у этих людей кожа черного цвета, и они выжигают на теле знак креста как символ крещения... Они рассказали мне, что генуэзец, потерпевший кораблекрушение у Аменуана[4], но спасенный ими, был доставлен сюда»[5].

Здесь особенно отчетливо проявляется сказочный характер книги. Думается, что приведенных примеров достаточно, чтобы доказать следующее: автор «Книги познания» *свои сведения* черпал не из личного опыта, а заимствовал из источников, притом частично из довольно сомнительных или сов-

---

[1] «Libro del Conoscimiento», ed C. Markham, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1912, ser. 2, v. XXIX, p. 35.

[2] C. R o s s i n i, Il «Libro del Conoscimiento» e le sue notizie sull'Etiopia, «Bolletino della R. Società Geografica Italiana», 1917, p. 656 (и след.).

[3] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, p. 45, 48, 61.

[4] Эта сказка навеяна экспедицией Вивальди от 1291 г. (см. гл. 130). Она позволяет нам узнать, какие фантастические истории рассказывали об этой экспедиции около 1350 г., разумеется, в Европе, а не в Эфиопии!

[5] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, p. 35.

сем неправильно понятых. К тому же он со своей стороны довольно беззастенчиво их приукрасил.

Итак, мы можем с полной уверенностью дать отрицательный ответ на вопрос о том, совершил ли действительно автор «Книги познания» те путешествия, о которых он пишет.

Впрочем, такие подробные описания мнимых путешествий, никогда не совершавшихся в действительности и являвшихся плодом фантазии, не представляют собой исключительного явления. Вспомним хотя бы о кругосветном путешествии сэра Джона Мандевиля (см. гл. 138) или о путешествии Дзено (см. гл. 153), достоверность которого неоднократно оспаривалась. К ним можно добавить путешествие, якобы совершенное в X в. в Туркестан, Китай и Индию арабом Ибн-Дулафом. Рор-Зауэр, составивший обстоятельные комментарии к книге Ибн-Дулафа, считает, что этот араб совершил подлинное путешествие[1]. Однако Мжик, основываясь на множестве «невероятных и нереальных» сообщений, содержащихся в книге Ибн-Дулафа, разоблачил ее как построенную на слухах «фальшивку»[2]. В заключение напомним еще о том, что в нашем веке в приключенческом романе о путешествии, написанном Карлом Маем[3], рассказ ведется от первого лица. Однако автор не намеревался убедить этим читателя, будто он сообщает о своих личных переживаниях.

Если мы отбросим фантастическое облачение «Книги познания», то ее можно без колебаний поставить в один ряд с другими средневековыми путеводителями и географическими обзорами, какие нам подарили, например, Ибн-Хордадбех, Идриси, Чжао Ю-гуа, Марко Поло и др.

Подходя к «Книге познания» с этой точки зрения, мы прежде всего получаем о ней правильное представление. Ведь никто не упрекнет Идриси или Чжао Ю-гуа за то, что они не сами посетили все те земли, описание которых помогло создать великолепную картину современного им мира. Достаточно подробная оценка их произведений была дана во II томе «Неведомых земель» (см. гл. 112). Итак, несомненно, значительные заслуги автора «Книги познания» нисколько не снижаются тем, что, облачив свое произведение

---

[1] A. Rohr-Sauer, Des Abu Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien, «Bonner Orientalische Studien», ed. P. Kahle, W. Kirfel, Stuttgart, 1939, H. 26. [Ибн-Дулаф (правильнее — Абу Дулаф) — арабский географ X в., родом из хиджазского портового города Янбо на Красном море (теперь — в Арабском Саудовском государстве). Первая обстоятельная работа об этом авторе принадлежит русскому исследователю Григорьеву. См. В. В. Григорьев, Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии, СПБ, 1872. Григорьев нашел у Абу-Дулафа «образцовую путаницу изложения» и пришел к выводу, что он вовсе не совершал далекого путешествия по Азии, а его сказания — «только компиляция из вычитанного и услышанного от других». Однако Крачковский, опираясь, в частности, на работу А. Рор-Зауэра, считает, что путешествие Абу-Дулафа в Китай и Индию представляет, несомненно, реальный факт. См. И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 188—189.— *Ред.*]

[2] «Orientalistische Literaturzeitung», 1942, S. 240 (и след.).

[3] Май Карл (1842—1912) — немецкий писатель, автор нескольких десятков приключенческих романов.— *Прим. ред.*

в форму рассказа, ведущегося от лица путешественника, он дал повод к двусмысленным его толкованиям. Высокая ценность этой книги заключается в следующем. Она является доказательством того, что около 1350 г. в Европе уже имелись сведения о местностях, которые, как полагали раньше, были якобы не известны людям того века. Каким образом автор получил эти сведения, вопрос не столь существенный. Возможно, что в Испании XIV в. было нетрудно навести справки об обширных областях Африки, не посещавшихся европейцами, но издавна хорошо знакомых мусульманам. Ведь в те времена мавританская культура и наука достигли пышного расцвета, и собрать такие сведения в Испании было легче, чем в любой другой европейской стране, за исключением Италии, которая была тогда первой торговой державой Европы. Не было тогда недостатка и в возможностях приобрести путем тщательного сбора сведений обширные знания о глубинных районах Африки. Особенно это было легко для францисканца. Мы знаем, например, что еще в 1219 г. итальянские купцы постоянно ездили в Тунис, хотя путь туда христианским миссионерам был прегражден. Когда папы предпринимали попытки обратить в христианство тунисских мусульман и францисканский монах Эгидий еще при жизни Франциска Ассизского (ум. 1226 г.) хотел направиться туда в качестве миссионера[1], то этому воспротивились как раз христианские купцы, боясь, что такая деятельность затруднит торговые сношения[2]. Однако против заботы проповедников о душах многочисленных христианских рабов и военнопленных никто не возражал[3]. Поскольку из Южного Туниса к Нигеру вел караванный путь, имевший важное значение[4], мы вправе предполагать, что в XIII в. им иногда уже пользовались чужеземные европейские, и особенно итальянские, купцы (см. стр. 114). Ведь был же в декабре 1320 г. заключен договор между Венецией и тунисским беем, причем, согласно этому договору, проезд через Тунис разрешался венецианским караванам[5].

Но то, что можно было делать в Тунисе, несомненно, в какой-то мере дозволялось и в других мусульманских странах Северной Африки[6].

Поскольку в 1290 г. уже был заключен торговый договор между Генуей и султаном Египта о торговом судоходстве на Ниле, то сообщение «Книги познания» о том, что в Нубийской Донголе жили генуэзские купцы, представляется вполне правдоподобным[7]. Кроме того, из описания путешествия Ибн-Баттуты к Нигеру (см. гл. 146) мы узнаем об оживленном караванном сообщении, которое было налажено повсюду в Северо-Западной Африке как

---

[1] «Analecta Franciscana», Quaracchi, 1906, t. IV, p. 499.
[2] «Analecta Franciscana», Quaracchi, 1885, t. III, p. 78.
[3] B. Altaner, Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts, Habelschwert, 1924, S. 98 (и след.).
[4] «Enzyklopädie des Islam», B. 4, S. 63.
[5] O. Peschel, Das Zeitalter der Entdeckungen, Meersburg — Leipzig, 1930, S. 46 (примечание 4).
[6] M. Latrãe, Relations et commerce de l'Afrique septentrionale avec les nations chrétiennes au moyen-âge, Paris, 1886.
[7] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, p. 32.

раз в те годы, когда писалась «Книга познания». Возможно, что географические детали, о которых сообщается в приведенном ниже отрывке из «Книги познания», вполне достоверны.

«Отправившись в путь от мыса Бохадор, мы очутились в пустыне Сахаре с караваном мавританских верблюдов, который должен был доставить золото из королевства Гвинеи. В глубине Сахары мы увидели очень большую и очень высокую гору, которую арабы называют Зикилальхамера. После весьма длительного путешествия по Сахаре мы пришли к другой горе, которую они называли Исфурент. Там я покинул мавров и примкнул к другим путникам, которые шли на запад; их я сопровождал через Сахару до Маскароты, города племени бени-мерин у подножия гор Суса. Потом я направился в богатый город Сугульменсу»[1].

Поразительным, хотя, возможно, и достоверным, представляется утверждение, будто путешествие началось от мыса Бохадор. Насколько нам известно, в то время еще не существовало торгового судоходства южнее Уэд-Дра (см. т. II, гл. 113). Широко использовавшийся мусульманами торговый путь, который вел в бассейн Нигера, в богатую страну Мали и другие области, начинался на севере далеко от мыса Бохадор, на «Золотой реке» Уэд-Дра, известной европейцам только по названию. Об этом свидетельствует описание разведывательного путешествия к этой реке, предпринятого Феррером в 1346 г. (см. гл. 146). Поскольку арабские авторы также пишут о том, что судоходство было развито только на расстоянии четырех дней пути к югу от Сафи (см. т. II, гл. 113), представляется маловероятным, что торговые караваны действительно ходили от мыса Бохадор в Сахару и даже в «королевство Гвинею». Однако автор «романа» о путешествии мог себе позволить такую поэтическую вольность и придумать это караванное сообщение, чтобы включить в свое описание Земли мыс Бохадор и перейти затем к рассказу о странах на Нигере.

Мальтебрун обращает внимание на то, что самым ранним упоминанием о мысе Бохадор было появление этого названия на Каталонской карте мира от 1346 г.[2] Отсюда вдвойне достойно внимания то обстоятельство, что это название упоминается также в «Книге познания», современной Каталонской карте мира. Это как будто говорит о том, что именно тогда в первый раз за все средневековье удалось достигнуть мыса Бохадор во время какой-то неизвестной нам экспедиции.

Не менее интересным, чем перечисление атлантических островов в книге христианского автора-европейца, написанной примерно в 1350 г., представляется и тот факт, что мы встречаем в ней названия Сигильмесса [Сугульменса], Гана [Ганахк], многие наименования действительно существующих оазисов и даже название Гвинея [Гуйноа][3]. Нигер называется Нилом, а

[1] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, p. 31.

[2] K. Malte brun, Précis de la géographie universelle, ed. Huot, Paris, 1812, p. 521.

[3] Название Гвинея, которое приобрело исключительно важное значение для истории географических открытий, относилось первоначально к стране, не имевшей выхода к морю и расположенной в Западном Судане. Более точ-

Тимбукту нет. В «Книге познания» есть даже сообщение, свидетельствующее о наличии сведений о Сенегале, хотя устье этой реки было открыто лишь в 1445 г. (см. т. IV, гл. 172). Ведь только Сенегал можно отождествить с рекой Тимер, о которой говорится, что «здесь жители на речных отмелях собирают много золота. В каком количестве, я указать не могу, но очень много».

Главная Страна золота, поставлявшая преимущественно свои сокровища государству Мали, которое достигло большой мощи к 1250 г.[1], действительно лежала на верхнем Сенегале, причем много золота добывалось в реке описанным выше способом.

В Атласе Медичи, составленном в 1351 г., примерно тогда же, когда была написана «Книга познания», мы уже встречаем название Сенегани, более близкое к Сенегалу, которого нет в «Книге познания».

С точки зрения истории культуры весьма интересен тот факт, что около 1350 г. в Южную Европу уже просочились сведения подобного рода. Однако нужно окончательно отказаться от предположения, что автор «Книги познания» якобы видел собственными глазами все то, что он описал.

Достойно внимания то обстоятельство, что францисканец переносит в Эфиопию царство «священника Иоанна», которое он, разумеется, тоже будто бы посетил. До конца XIII в. считали, что это «индийское» сказочное государство должно находиться *только* в Центральной или Южной Азии. Лишь после того как в результате поисков, продолжавшихся целых 100 лет, его в Азии нигде не обнаружили взоры европейских христиан, которые не могли отказаться от заветной мечты о «священнике Иоанне», обратились к «Африканской Индии», то есть к Эфиопии. Ведь здесь действительно существовало христианское государство. Первым, кто обратил внимание на Эфиопию, был уже упоминавшийся в гл. 125 доминиканский монах Иордан. Он был склонен считать здешнего правителя «священником Иоанном» и в своих посланиях писал как-то о негусе, как о том, «*quem vos vocatis presbyterum Johannem*» [кого вы называете священником Иоанном]. Это представление, вероятно, было тогда широко распространено, ибо через 25 лет его разделяет не только испанский автор «Книги познания», но и живший примерно в то же время Джованни Мариньола. Здесь уместно поставить следующий вопрос: не способствовало ли смешению понятий Индия и Эфиопия то обстоя-

---

ное описание ее территории дал Лев Африканец: с севера она была ограничена Валатой, с востока — Тимбукту, с юга — Мали. См. Leo Africanus, Descrittione dell'Africa, lib. VII, cap. 3, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1896, v. 92—94. Согласно Баррушу, эта страна получила свое название от большого города Дженни, или Джинни (Диенн, Гине), стоявшего у места впадения Бани в Нигер. См. J. de Barros, Da Asia, Venézia, 1551, dec. I, lib. III, cap. 8. Однако позднее это название присваивалось самым различным районам Западной Африки, расположенным южнее Сенегала, иногда до мыса Доброй Надежды. Как бы то ни было, понятие «Гвинея» было таким же расплывчатым и географически неопределенным, как и понятие «Индия». В «Книге познания», где Гвинея встречается впервые, мы должны придавать ему первоначальное самое ограниченное значение.

[1] «Enzyklopädie des Islam», B. III, S. 261.

тельство, что океан, который мы называем Индийским, у арабов X в., современников Масуди, именовался «Эфиопским морем»[1].

---

[1] M a s u d i, Medows of gold and mines of gems, ed, Sprengér, Longon, 1841, cap. 10, p. 260. Как бы то ни было, следует отметить, что Ватикан, глава которого еще за 150 лет до описываемых событий послал негусу Эфиопии послание, адресованное «священнику Иоанну», позднее долго воздерживался от присвоения титула «царя-священника» правителю этой страны. В уже упоминавшемся письме папы Иоанна XXII к негусу Эфиопии (см. гл. 125) последний именуется «*Magnifico viro imperatori Aethiopum*» [«величайшему мужу императору Эфиопии»]. Первое свидетельство того, что Ватикан стал отождествлять правителя Эфиопии с «царем-священником», мы находим в документе, который был написан на 110 лет позже. Папа Евгений IV (1431—1447) направил в 1439 г. письмо негусу, адресованное «*Presbytero Johanni imperatori Aethiopum*» [«священнику Иоанну, императору Эфиопии»].

ГЛАВА 145

ОТКРЫТИЕ ГРУППЫ ОСТРОВОВ МАДЕЙРА

(около 1345 г.)

...и еще остров Сальвахе, и еще Дисьерта, и еще Лекнаме, и еще Порто-Санто[1]...

* * *

...Остров Мадейра был открыт около этого времени англичанином, по имени Машам [Мечем], плывшим на парусном судне из Англии в Испанию вместе со своей женой. Он сбился с курса из-за бури, прибыл на этот остров и бросил якорь в гавани, которая теперь называется Машику. Так как его жена страдала морской болезнью, он со своими спутниками высадился на берег. Тем временем корабль начал дрейфовать, был унесен в море, и они остались на острове. С горя жена его умерла. Машам, очень любивший свою супругу, построил на острове часовню, или склеп, назвал ее часовней Иисуса и написал или вырубил на надгробном камне имя своей жены и свое собственное, а также сообщил причину того, почему они прибыли на остров. Потом он сам сделал лодку из цельного ствола, так как тамошние деревья очень велики в окружности, и вышел в море со своими соотечественниками, которые оставались с ним на острове. Без паруса и руля он достиг африканского побережья. Тамошние мавры сочли это за чудо и доставили их к властелину той страны. А властелин удивился этому происшествию и отправил их к королю Кастилии[2].

* * *

Когда в Португалии правил Жуан I, а в Англии — Эдуард III[3], жил там знатный английский рыцарь, по имени Машим. Он пожелал взять в жены знатную даму Анну Арфет. Но так как их роди-

---

[1] «Libro del Conoscimiento», ed. C. Markham, London, 1912, p. 29.

[2] Antonio Galvano, Tratado dos diversos e desvayrados caminhos, «Publications of the Hakluyt Society», v. 30, p. 58 (и след.).

[3] Эта датировка двух царствований уже заставляет нас усомниться в достоверности всей истории, так как она не отвечает действительности. Жуан I, король Португалии, правил с 1385 по 1433 г., тогда как Эдуард III, король Англии, царствовал с 1327 по 1377 г.

тели на это не соглашались, они решили уехать во Францию, которая тогда воевала с Англией. Они так торопились, что доверились морю и сели на судно, отплывавшее из Бристоля, не дождавшись кормчего.

На них обрушилась сильная буря, и так как у них не было кормчего, умевшего вести судно, то они много дней проблуждали в море, не зная, где находятся, до тех пор, пока не прибыли к косе, по которой сбегал с суши в море резвый ручей. Тогда дама Арфет попросила Машима сойти там на берег хотя бы на два дня, чтобы исцелиться от морской болезни. Машим сделал это вместе с шестью сопровождавшими его друзьями. Но на третью ночь снова разразилась буря и разбила их корабль. Теперь они вынуждены были остаться на этой земле и почувствовали себя еще более затерянными, чем на судне в море. Через три дня дама Арфет умерла, не перенеся несчастья, в котором она себя обвиняла... Машим же попросил своих верных друзей не покидать его и остаться при его невесте, а на пятый день сам скончался. Спутники позаботились о том, чтобы вырыть покойным общую могилу и похоронить их там. Над могилой они воздвигли большой каменный крест и написали на нем эту печальную историю.

После того как этот труд, к которому они приступили с великим почтением, был завершен, пораженные горем спутники Машима решили оставить землю, которая оказалась превосходной, но безлюдной, и довериться морю. Они сделали это при помощи сохранившейся лодки от их судна или (как рассказывают другие) челна, изготовленного из ствола большого дерева. Сев в лодку, они покинули остров и через несколько дней[1] достигли побережья Берберии, где все попали в плен к маврам[2].

Если историю открытия Канарских островов еще удается восстановить, хотя и с некоторым трудом, то обстоятельства, при которых примерно в то же время были обнаружены острова Мадейрской группы, покрыты глубоким мраком. Никак нельзя согласиться с обычным представлением, которое исходит от португальских ученых, что эти острова, забытые с древности, были вторично открыты португальскими моряками только в 1419 г. Мы находим, хотя и в несколько искаженной форме, названия всех четырех островов, сохранившиеся до наших дней, уже в «Книге познания» испанского нищенствующего монаха, написанной, вероятно, около 1350 г., а также на Карте мира из Атласа Медичи, относящегося к 1351 г. Фигурируют они и на неко-

[1] И здесь снова проявляется недостоверность рассказа. Расстояние от Мадейры до Марокко составляет 800 *км*, и его никак не могли покрыть за «несколько дней» (*em poucos dias*) потерпевшие кораблекрушение и неискушенные в мореплавании люди, которые располагали только ничтожной лодкой без паруса.

[2] Antonio Cordeyro, Historia Insulana, Lisboa, 1717, p. 67.

торых других картах мира и морских картах второй половины XIV в. Так как местонахождение четырех островов показано довольно правильно, не остается никакого сомнения в том, что они были открыты до появления «Книги познания».

Но и утверждение, что острова Мадейрской группы были вторично открыты более ранними арабскими мореплавателями, представляется крайне спорным и недоказуемым. Кунстман пишет, например, что «эта островная группа, несомненно, была уже известна арабам»[1].

Правда, рассмотренное в гл. 113 (см. т. II) плавание арабских смельчаков приключений можно еще как-то связать с Канарскими островами. Однако нельзя доказать, что сведения об этих островах арабы почерпнули из личного опыта, а не из античных источников, в которых приведены их древние названия.

Упоминание этих островов в «Книге познания» можно было бы легко увязать с историей о какой-то английской влюбленной парочке или супружеской чете, случайно совершившей открытие Мадейры или Порту-Санту по пути в Испанию. О ней рассказывали еще Валентин Фердинанд (1507 г.)[2] и Галвану (1563 г.).

Однако между рассказами Валентина Фердинанда, Галвану и Кордейру наблюдаются значительные разногласия. Один рассказчик заставляет своих героев высадиться на Порту-Санту, другой — на Мадейре, третий — сразу на обоих островах. У одного рыцарь Машим был вероломно покинут своими спутниками на произвол судьбы, у другого он плывет вместе с ними к побережью Африки. Несмотря на такие противоречия, можно было бы еще согласиться с достоверностью этой истории хотя бы в общих чертах. Поскольку иногда указывается и дата открытий — 8 мая 1344 г., то как будто следовало бы удовлетвориться этим описанием открытия Мадейры в XIV в. И действительно, такие маститые ученые, как Кунстман[3] и Руге[4], не видели оснований сомневаться в том, что Мадейру открыл рыцарь Машам, или Машим. Эта история была известна еще в XV в., о чем свидетельствует пересказ ее Алкуфараду, современником Генриха Мореплавателя[5].

Однако мы приходим к другому выводу, когда знакомимся с этим рассказом в передаче Кордейру. У него вся эта история обременена неправдоподобными деталями (см. примечание на стр. 268) и самыми поразительными эпизодами, не оставляющими никаких сомнений в ее недостоверности. Рассказ приобрел у Кордейру столь поэтический и трогательный оттенок, что

---

[1] F. Kunstmann, Die Entdeckung Amerikas, München, 1859, S. 6.

[2] F. Kunstmann, Valentin Ferdinands Beschreibung der Westküste Afrikas bis zum Senegal, «Abhandlungen der historische Klasse der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», München, 1856.

[3] F. Kunstmann, Die Entdeckung Amerikas, München, 1859, S. 4.

[4] S. Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, S. 24.

[5] F. M. de Mello, Epanaphoras de varia historia portugueza, Lisboa, 1660, p. 273.

не приходится удивляться его превращению в сентиментальную поэму в 1806 г. под пером одного португальского автора[1].

О том, как сильно печальная история рыцаря Машима и его возлюбленной повлияла на возникновение местной легенды, убедительно рассказывает Вернер[2]. Во время прусской морской экспедиции в Восточную Азию (1859—1862 гг.), в которой принимал участие Вернер, в гавани Машику на Мадейре еще хранился кусок деревянного креста, якобы стоявшего на общей могиле влюбленных.

Однако если мы даже совсем отбросим явно приукрашенное и безусловно неправдоподобное изложение событий, которое дает Кордейру, то все же и более простой рассказ Галвану вызывает большие сомнения в его надежности. Исследователям не удалось обнаружить в Англии XIV в. ни рыцаря Мечема, или Машима, ни «дамы Арфет». Это по меньшей мере странно, так как нам хорошо известны все важнейшие английские дворянские роды того века.

Правдоподобность всей истории о рыцаре Машиме и его возлюбленной опровергается современными английскими исследователями, в частности автором статьи, помещенной в «Словаре национальных биографий». В этом словаре дается превосходный обзор всей литературы, посвященной Машиму[3], а все его приключения объявляются «чистейшим вымыслом». Возможно, что само название гавани Машику на Мадейре дало повод к возникновению этой небылицы. Валентин Фердинанд писал примерно в 1507 г., что «Порто-Мачико» (Машику) назван по имени рыцаря «Махин»[4]. Однако здесь мы имеем дело с произвольным и в лингвистическом отношении не слишком достоверным умозаключением. Более правдоподобно, что имя Машим произошло от названия гавани Машику. Следует еще упомянуть о том, что при короле Фердинанде I (1367—1383) жил некий португальский мореплаватель Машику, которому за неизвестную заслугу 12 апреля 1379 г. был пожалован дом на Руа-Нова в Лиссабоне. Больше об этом моряке мы ничего не знаем. В этой связи напрашивается предположение, что Машику, возможно, открыл остров и в награду за это получил дом, а гавань была названа его именем. Но дата получения подарка опровергает такую гипотезу. Вряд ли можно допустить, чтобы какой-нибудь португалец отважился выйти так далеко в открытое море задолго до эпохи Генриха Мореплавателя.

Еще *одно* обстоятельство решительно опровергает достоверность рассказа о Машиме. Как можно объяснить тот факт, что уже к 1350 г. испанскому нищенствующему монаху и составителю Атласа Медичи были известны не *только Мадейра, но и все четыре острова этой группы?* Ведь Машим мог принести в Европу только известие об *одном* острове. Но почему же тогда

---

[1] Z e r g u e c i d a, Descobrimiento de la Isla de Mádeira, Lisboa, 1806, p. 24.

[2] R. W e r n e r, Die preusische Expedition nach China, Japan und Siam, Leipzig, 1863, B. I, S. 3.

[3] «Dictionary of National Biography», v. 12, p. 554.

[4] J. A. S c h m e l l e r, Über Valentin Fernandez Alemão, «Abhandlungen der I Klasse der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 1847, B. IV, Abt. III, S. 65.

в итальянских и испанских источниках, относящихся примерно к 1350 г., встречаются названия всех *четырех островов Мадейрской группы?*

Кроме того, стоит задуматься и над следующим вопросом. Если *английские* мореплаватели около 1344 г. действительно открыли Мадейру, то как же тогда объяснить, что примерно через год в *испанской* рукописи этот остров фигурирует под *итальянским* названием (Лекнаме или Леньяме, что означает Мадейра, то есть Лесной остров)? Из этого известного до 1350 г. итальянского названия, по мнению автора, определенно вытекает, что открыть этот остров и дать ему название могли только *итальянские* моряки. Современное название Мадейра появилось лишь после повторного открытия острова португальцами в 1419 г., в результате перевода на португальский язык более старого итальянского названия Леньяме. Зарку, открывший Мадейру в 1419 г., первоначально назвал этот остров Санту-Лоуренсу. Однако принц Генрих Мореплаватель отверг это название и приказал назвать остров Мадейрой. Видимо, он как-то выяснил, что открытый остров тождествен старому Леньяме, показанному на морских картах.

Еще в 1870 г. Вутке высказал предположение, что Мадейру открыли итальянцы, видимо, около 1344 г.[1] Более поздняя гипотеза Маньяги[2], что название Леньяме приводит к заключению об открытии итальянцами около 1350 г. одного из Азорских островов, кажется не совсем понятной и по меньшей мере натянутой.

Недавно Винтер выступил с предположением, что Мадейрская группа была открыта до 1344 г.[3] Этот исследователь ссылается на одну «Лондонскую карту», которая, по его крайне необоснованному мнению, была составлена каталонцами «между 1327 и 1330 гг.». На этой карте будто бы «довольно правильно» показано географическое положение «Мадейрской группы с названиями (сверху вниз): П(ри)мария, Инсула-де-Колумбис, Канария и с собирательным названием Инсулс-де-Санбрандам [острова Святого Брандана]». Очевидно, эту же карту имел в виду Цехлин, сделавший из нее вывод, что Мадейра была открыта, вероятно, «до 1325 г.» и именно итальянскими моряками, которые, однако, не придали никакого значения найденным островам, «так как они были необитаемы и, следовательно, не представляли интереса для торговли»[4]. Однако автор этих строк не понимает, почему же в таком случае остров получил название «Лес». К тому же древесина уже была в то время ценным товаром, вывоз которого оправдал бы посещение острова. Видимо, эти исследователи поддались самовнушению. Не говоря уже о том, что время составления карты неизвестно, перечисленные названия, по мнению автора, нельзя связать с Мадейрской группой. Канарию всегда относили к Канарским островам (см. гл. 147); Голубиный остров («Де-Колумбис») — второе

---

[1] H. Wuttke, Zur Geschichte der Erdkunde der zweiten Hälfte des Mittelalters. Die Karten der seefahrenden Völker Europas, «Jahresbericht des Vereins für Erdkunde zu Dresden», Dresden, 1870, No. VI, VII, S. 20 (и след.).

[2] A. Magnaghi, Precursori di Colombo? Roma, 1935, p. 67.

[3] H. Winter, Das Katalanische Problem in der älteren Kartographie, «Ibero-Amerikanisches Archiv», 1940, B. XIV, No. 2, 3, S. 109.

[4] E. Zechlin, Maritime Weltgeschichte, Hamburg, 1947, S. 358.

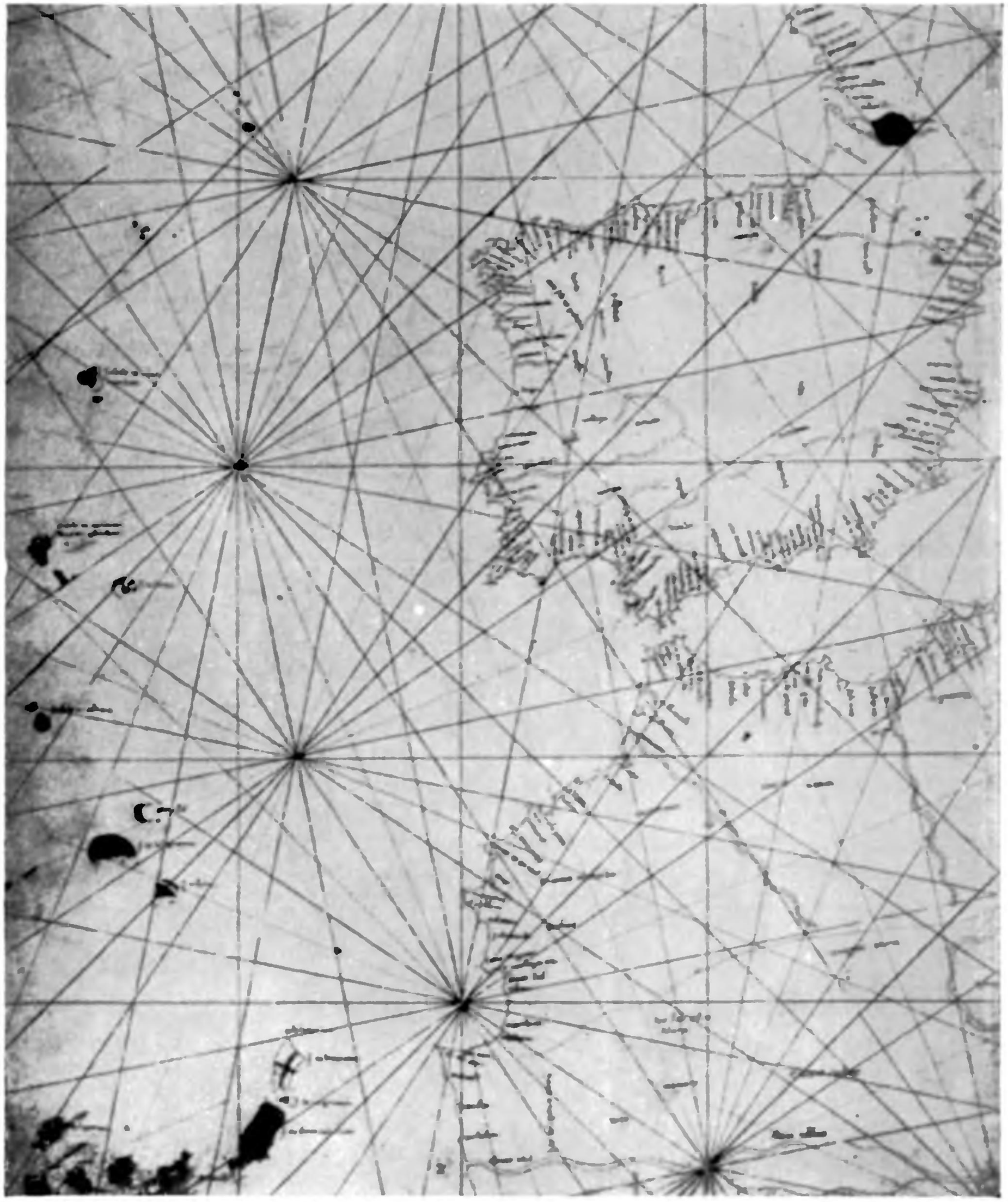

Рис. 11. Океанские острова на Атласе Медичи от 1351 г.
См. Y. Kamal, Monumenta Cartographica Africae e Aegypti, 1937, t. IV, fasc. 2.—No. 1247.

название Фуэртевентуры, следовательно он тоже относится к Канарской группе. Еще Мес в 1901 г. предостерегал исследователей от вывода о знании европейцами Мадейры и Порту-Санту около 1339 г. только на основе ошибки Дульсерта, который поместил Канарские острова в районе Мадейрской группы (см. гл. 134). Но именно такой вывод сделали Винтер и Цехлин. Их предположение, что Мадейрские острова были открыты, вероятно, до 1344 г., никак нельзя назвать обоснованным.

Автор этих строк сомневается в том, что Мадейра когда-либо носила другое название, кроме «Лес», будь то на итальянском (Леньяме или Лекнаме) или на португальском языке (Мадейра, Мадрера и т. д.). Так как весь этот остров в средние века был покрыт густым лесом (см. т. IV, гл. 159), то это название было когда-то весьма метким. Теперь уже нельзя выяснить, ни кто был первооткрывателем Мадейры, ни в каком году она была открыта. Возможно, что участники экспедиции 1341 г., рассмотренной в предыдущей главе, наряду с Канарскими островами обнаружили также и группу островов Мадейры. Однако с равным успехом к этому открытию могло привести любое другое океанское плавание, совершенное между 1340 и 1350 гг.

Итак, история открытия Мадейрской группы по-прежнему покрыта мраком. В XIX и XX вв. по истории открытия островов Атлантики были написаны замечательные работы. Особенно следует отметить исследования Канале[1], Эррары[2], Понса[3], Альмаджи[4], Маньяги[5], Миранды[6] и др. Но многие загадки остаются еще неразрешенными. Их можно будет разрешить более надежно только в том случае, если найдут новые, достаточно убедительные документы. Как бы то ни было, но печальную историю о рыцаре Машиме мы должны вычеркнуть из ряда реальных исторических фактов.

---

[1] Кроме уже цитировавшегося труда Канале, здесь следует перечислить другие его работы: «Degli antichi navigatori e scopritori genovesi», Génova, 1846; «Storia del Commercio...», Génova, 1866; «Tentativo dei navigatori e scopritori genovesi per riuscire all'India lunghesso le coste occidentali dell' Africa», Génova, 1881.

[2] C. E r r e r a, L'epoca delle grandi scoperte geografiche, Milano, 1926.

[3] G. d i P o n s, I grandi Navigatori italiani, Firenze, 1929.

[4] R o b e r t o A l m a g i à, Recenti publicazioni su Viatori e Navigatori italiani dell'Epoca delle grandi Scoperte, «Archeion», 1930, t. XII, p. 60 (и след.).

[5] A. M a g n a g h i, Navegadores portugueses e Navigatori italiani, «La Cultura», Milano — Roma, 1930, p. 168 (и след.).

[6] D. d e M i r a n d a, Navigatori italiani del Medio Evo. Primi precursori in Terra d'Africa, «L'Oltremare», 1931, p. 368 (и след.).

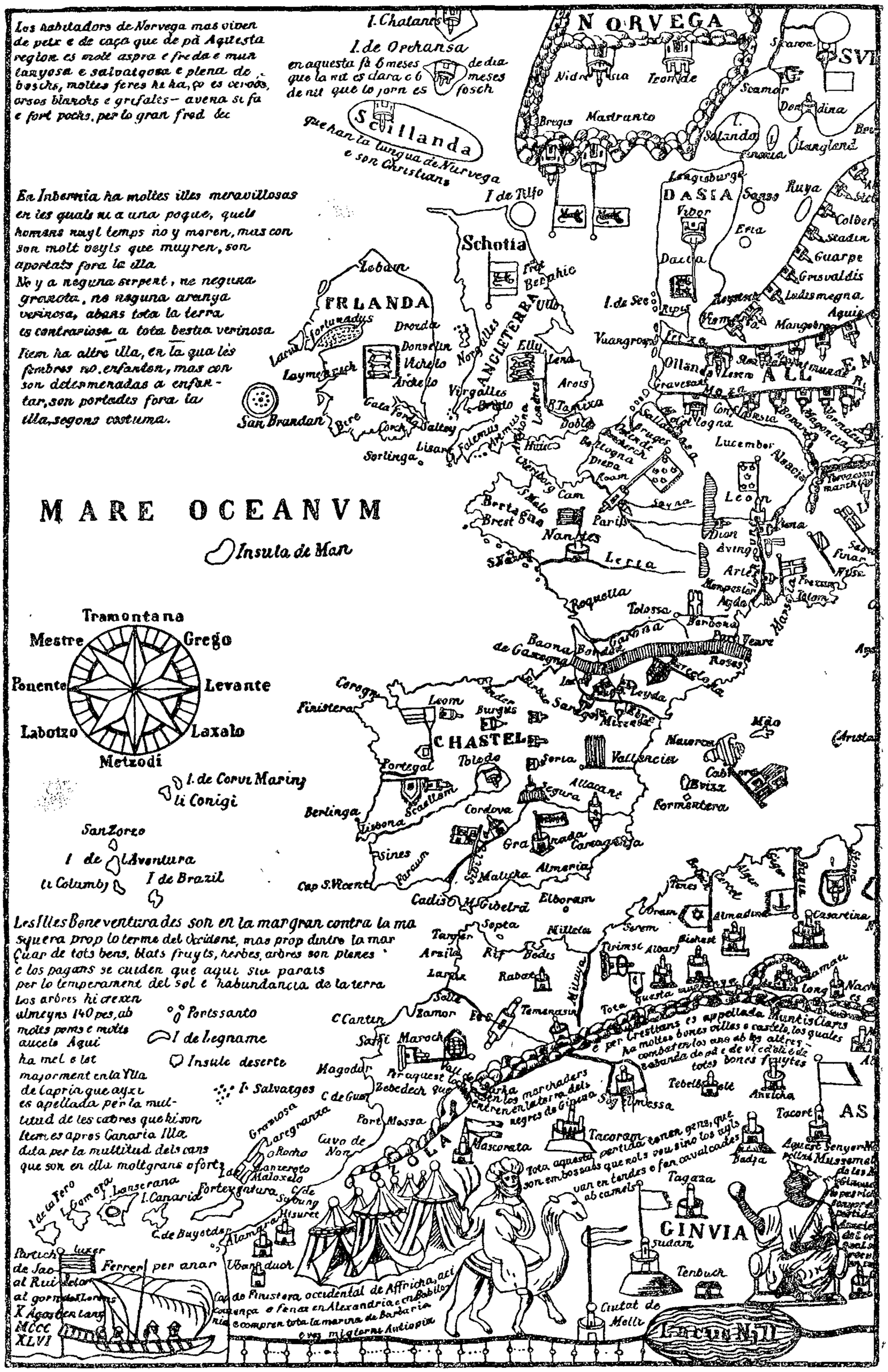

Рис. 12. Западная часть Каталонской карты мира.

На карте показаны Канарские острова, группа Мадейры, мнимые Азоры и даны сведения об экспедиции Феррера (внизу слева), а также о негритянском государстве Мали и его правителе султане Мусе (внизу справа).

ГЛАВА 146

ПЛАВАНИЕ ФЕРРЕРА К ЗОЛОТОЙ РЕКЕ

(1346 г.)

В день Святого Лаврентия, 10 августа 1346 г., транспортное судно Жакме Феррера вышло в плавание к Золотой реке[1].

* * *

... *partic l'uxer d'en Jacme Ferrer per anar al riu d'Or, al jorn de Sant Llorenç, que es a lo d'agost, i fóu en 1346*[2].

* * *

В праздник Святого Лаврентия, в год Господа нашего 1346, с земли Мальорки (*de civitate Majorigarum*) вышла в плавание галера каталонца Иоанна Ферне, чтобы направиться к Золотой реке (*Rujaura*, то есть Рио-де-Оро), и об этом судне больше ничего не слышали. Та река называется Ведамель (река в Мали)[3].

В конце средневековья негритянское государство Мали (мы уже говорили о нем в гл. 144), простиравшееся от Нигера до Сенегала, славилось как сказочно богатая золотом страна. В христианском мире о нем знали лишь то немногое, что просачивалось время от времени из мусульманских источников. Все же, как показывает Каталонская карта мира, к 1375 г. в Европе уже знали о великом султане Мусе. Хотя этот правитель умер еще за 40 с лишним лет до составления карты, он изображен на ней как властелин Страны золота под именем Муссемелли (Муса из Мали). На Каталонской карте мира, самой лучшей из всех, какие были созданы в средневековье, приводятся поразительно разносторонние сведения о глубинных районах Африки, очевидно на основе арабских источников[4].

Самые крупные золотоносные районы Северо-Западной Африки были расположены между верхним Нигером и бассейном Сенегала, к востоку от верхнего отрезка Фалеме, притока Сенегала, а также в Верхней Вольте. Эти два района имели важнейшее значение для средневековых арабских купцов,

---

[1] Надпись в Атласе Медичи от 1351 г. (?)

[2] Та же надпись на Каталонской карте мира от 1375 г., сделанная на каталанском языке.

[3] Письмо Уздимаре от 12 декабря 1455 г. (см. гл. 136 и т. IV, гл. 176). См. «Annali di geografía», Génova, 1802, t. I, p. 290.

[4] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 173.

торговавших в государстве Мали. В легенде к Моденской круговой карте, составленной около 1450 г., видимо, правильно сообщается, что весьма нуждавшиеся в соли жители Мали готовы были расплачиваться за этот продукт равным по весу количеством золотого песка (см. т. IV, гл. 171). Даже если молва, охотно преувеличивая все слухи, изображала золотые богатства Мали в слишком ярких красках, тем не менее они, вероятно, были чрезвычайно велики. Это видно хотя бы из того, что в золотоносных районах Гвинеи, как некогда в Древнем Египте, золото ценилось меньше, чем серебро. В XVI в. Валентин Фердинанд сообщил, что 1 унция серебра в Гвинее обменивалась на 1,5 унции золота[1].

Государство Мали иногда называли также Мандинго или Сонго. Столицей его была первоначально Джариба, стоявшая у места впадения Санкарани в Нигер, а с 1240 г.— Ниани на левом берегу Санкарани. После 1250 г. территория этого государства включала весь Западный Судан. Еще около 1050 г. его правитель Барамендам перешел в ислам и даже совершил паломничество в Мекку, как и многие его преемники, в том числе султан Муса (1200—1218), побывавший в священном городе четыре раза[2]. Сведения о негритянском государстве «Сенегани» сообщались еще в 1351 г. в «Портовой книге Медичи».

Но как это ни странно, название Золотой реки (Рио-де-Оро) получил не Сенегал, а река Уэд-Дра, берущая начало на Высоком Атласе и известная в древности под названием Ликсос (см. т. I, гл. 12). Между тем на этой реке никогда не было золота. Почему ей было присвоено название Золотой реки, раскрывает нам Каталонская карта мира от 1375 г. в следующей надписи:

«Долина Дера (Уэд-Дра). Через эту область проходят купцы, направляющиеся в страну негров Гвинеи (de Gineua)»[3].

Следовательно, «Золотая река» получила свое неподходящее название по той же причине, по какой в древности По и Рона назывались Янтарной рекой, Эриданом, хотя янтаря в них никогда не было[4]. Все перечисленные реки стали называться янтарными и золотыми не потому, что там были найдены эти высоко ценившиеся товары, а потому, что они *привозились* туда купцами[5].

Торговля золотом на Уэд-Дра велась, вероятно, с довольно отдаленных времен. Очень возможно, что на этой реке находилось то самое место, где,

---

[1] F. Kunstmann, Valentin Ferdinands Beschreibung der Westküste Afrikas bis zum Senegal, «Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften, III Klasse», 1856, B. 8, Abt. III, 1, S. 278.

[2] «Enzyklopädie des Islam», B. III, S. 261.

[3] K. Kretschmer, Die Katalanische Weltkarte der Biblioteca Estense zu Modena, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1897, S. 91.

[4] R. Hennig, Von rätselhaften Ländern, Leipzig, 1945. [Рона называлась древними авторами Эриданом потому, что янтарь, добывающийся на берегах Балтийского моря, доставлялся вниз по этой реке в эллинскую колонию Массилию (современный Марсель), расположенную в западном бассейне Средиземного моря. В восточный же бассейн Средиземного моря янтарь шел вниз по реке По к Адриатике, почему и ее отождествляли с мифическим Эриданом.— *Ред.*]

[5] По той же причине в конце средневековья все рейнские вина называ-

согласно Геродоту, карфагеняне вели немую торговлю золотом с местными жителями в каком-то пункте атлантического побережья южнее Марокко[1]. Сообщение Идриси о том, что арабские купцы обычно ездили по побережью на расстояние не более четырех дней пути от Сафи, очевидно, также относится к путешествиям к «Золотой реке» Уэд-Дра[2]. Через долину этой реки купцы обычно попадали в золотоносные глубинные районы Африки. Еще ал-Бакри (около 1068 г.) знал об этом пути[3]. Однако около середины XV в. в надписи на Моденской круговой карте из библиотеки Эстенсе сообщается, что через долину Дра «ходят купцы, направляющиеся к Мали», а о правителе этой страны говорится:

«Здесь властвует король Муссемелли, он богат и является самым могущественным правителем всей этой страны из-за изобилия золота, добываемого им в своей земле»[4].

Но, видимо, в средние века долгое время в этой торговле золотом принимали участие только *мусульманские* купцы, причем и для них Уэд-Дра была самым южным из регулярно посещавшихся мест на побережье Северо-Западной Африки[5]. Хотя ее берега были известны географам *христианских стран* еще до XV в., моряки избегали регулярных рейсов в этом направлении. В данной связи знаменательно, что принц Генрих Мореплаватель, прежде чем издать в 1416 г. указ о начале плавания для открытия новых земель, постарался собрать для кормчих своих кораблей все сведения, которыми располагали арабские моряки[6]. Так «Золотая река», сведения о которой были получены только от мавров, превратилась в легендарную реку, окутанную мистическими тайнами. Слухи о «Золотой реке», разумеется, привлекли внимание европейских моряков XIV в. Но в их представлении она была, конечно, совсем иной, чем настоящая Уэд-Дра. Об этом свидетельствует тот факт, что путешественники более позднего времени, чаще посещавшие районы Уэд-Дра, не найдя золота на этой реке, перенесли заманчивое название Рио-де-Оро на местность, расположенную дальше к югу, хотя и там золота не было. Они стали называть так единственный маленький залив у более южного пустынного берега, несколько напоминающий устье реки и находящийся почти точно на тропике (у Вилья-Сиснерос). Так случилось, что не имеющая почти никакой ценности, безотрадная, пустынная местность

лись бахарахскими, так как для обхода Бингер-Лоха вино с верхнего Рейна перевозилось по суше в повозках до Бахараха, где оно опять перегружалось на суда. [Бингер-Лох — теснина на среднем Рейне у хребта Таунус (южная часть Рейнского Сланцевого массива), ниже города Бинген. — *Ред.*]

[1] Геродот, IV, 196.

[2] Edrisi, ed. Jaubert, Paris, 1836, t. I, p. 220.

[3] El-Bekri, Description de l'Afrique septentrionale, Mac Gukin de Slane, Alger, 1913.

[4] K. Kretschmer, op. cit., S. 94, 96.

[5] E.G.R. Taylor, Pactolus, river of gold, «Scottisch Geographical Magazine». 1928, v. 44, p. 129 (и след.).

[6] G. E. de Azurara, Cronica de descobrimento et conquista de Guiné, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1899, v. 100, p. LVI (и след.) (английский перевод).

до наших дней носит романтическое название «Золотой реки» (испанская колония Рио-де-Оро!).

Слухи о «Золотой реке» побудили одного каталонца предпринять разведывательное плавание в этот район. Звали этого моряка Феррер. Мы не знаем о Феррере ничего другого, кроме того, что сообщает Атлас Медичи от 1351 г. и Каталонская карта мира, а именно, что он отправился туда 10 августа 1346 г. Неизвестно, достиг ли Феррер «Золотой реки». Вот что пишет по этому поводу Гумбольдт: «Каталонские моряки... в день Святого Лаврентия, 10 августа 1346 г., за 86 лет до португальского адмирала Жила Ианиша, побывали на «Золотой реке»[1]. Однако Гумбольдт, несомненно, ошибается: он принял сообщение об *отправлении* экспедиции в плавание за известие *о достижении цели*, которое, однако, нигде не подтверждается.

С экспедицией Феррера дело обстоит точно так же, как и с экспедицией братьев Вивальди (см. гл. 130): в первоисточниках сообщается лишь о том, что моряки покинули родину, и больше ничего. Несомненно, это не может служить доказательством того, что цель не была достигнута. Возможно, что плавание закончилось благополучно. Ведь и о плавании к Канарским островам в 1342 г. (см. гл. 143) первоисточники сообщают только, что моряки вышли в море, однако в документе, появившемся позднее, упоминается один из участников этой экспедиции — «господин Гуаль», который, видимо, вернулся на родину целым и невредимым! Нет ничего невозможного в том, что так же обстояло дело и с экспедицией Феррера. Однако полное отсутствие каких-либо упоминаний о плавании Феррера в позднейших хрониках позволяет сделать вывод, что либо результаты были совершенно неудовлетворительными, либо участники этой экспедиции пропали без вести, как и спутники Вивальди. Последнее предположение более вероятно, так как оно подтверждается приведенным в начале главы письмом Уздимаре. И хотя это письмо было написано через 100 лет после экспедиции Феррера, все же вполне возможно, что до того времени еще сохранилось устное предание. Хронисты вряд ли молчали бы о возвращении Феррера, особенно если предположение Репараса о том, что Крескес, автор Каталонской карты мира, был другом детства Феррера[2], соответствует истине.

Поэтому более правдоподобной представляется гипотеза о трагическом исходе плавания Феррера к «Золотой реке». Можно с полной уверенностью утверждать, «что эта река была уже известна»[3] к тому времени, когда Феррер собирался в свое плавание, но в христианских странах о ней знали только по слухам. Достоверность этих слухов и хотел, вероятно, выяснить Феррер. Какая молва ходила в XIV—XV вв. о «Золотой реке» и ее мнимых истоках в царстве «священника Иоанна», то есть в Эфиопии, показывает нам надпись на Моденской круговой карте, составленной около 1450 г.: «Эти горы сарацины называют Джебель-Камар, что на нашем языке означает Лунные горы»

---

[1] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 243.
[2] G. de Reparaz, Catalunya a les mars, Barcelona, 1930, p. 230.
[3] G. Gravier, Recherches sur les navigations européennes faites au moyen-âge aux côtes occidentaux d'Afrique, Paris, 1878, p. 15.

(см. т. I, гл. 64). Они находятся за экватором и так высоки, что с самой высокой их вершины видны оба полюса (!). Из этой горной страны вытекают реки, образующие озеро, в котором добывают золото. Это и называется Золотой рекой». Достигнуть цели, к которой тщетно стремился Феррер, удалось, видимо, только через 70 лет португальским морякам. Первое достоверное посещение «Золотой реки» европейцами состоялось не ранее 1416 г., а плавание в Страну золота (Мали) по морю — только в 1483 г. (см. т. IV, гл. 185).

Однако, судя по «Книге познания», это не мешало европейским географам собрать более обширные сведения о богатом негритянском государстве, наводя справки у мавританских купцов. Впрочем, плавание Феррера вряд ли способствовало приобретению этих знаний, так как, вероятно, ни один из его участников не вернулся на родину.

Каталонцы и особенно жители острова Мальорки сыграли необычайно важную роль в развитии мореплавания в XIV в. После итальянцев, ставших «в средневековье учителями мореходного искусства почти для всех европейских народов»[1], жители Мальорки, несомненно, добились самых решительных практических и теоретических успехов в навигации. Мы уже упоминали о карте, составленной Дульсертом на Мальорке в 1339 г. Большинство «каталонских карт мира», имевших чрезвычайно важное значение в XIV—XV вв.[2], о чем еще придется не раз говорить, были также составлены на Мальорке или на основании данных, полученных от ее моряков. Жители Мальорки уже с XII в. играли важную роль в судоходстве Западного Средиземноморья (см. гл. 143). Следовательно, экспедиция Феррера от 1346 г., потерпевшая, видимо, неудачу, несомненно, опиралась на долгий и превосходный опыт кораблевождения. Отважный сын острова имел, пожалуй, право рассчитывать на более блестящие результаты задуманного им смелого предприятия, чем те, которые выпали ему на долю.

Что же касается неоднократно упоминавшейся Каталонской карты мира от 1375 г., представлявшей собой шедевр средневекового картографического искусства, то нужно сказать следующее. Эта карта была составлена по инициативе португальского инфанта, ставшего позднее королем Жуаном I (1385—1433) и отцом принца Генриха Мореплавателя. Такая инициатива была им проявлена в 1373 г.[3] Со слов самого инфанта Жуана, составителем этой карты был живший на Мальорке еврей Авраам Крескес[4], умерший в 1387 г. Работа над картой продолжалась, очевидно, без перерыва с 1375 по 1377 г. Сын Авраама—Яфуда в связи с преследованием евреев в Португалии перешел в 1391 г. в христианство, получил при крещении имя Жауме Рибес и продолжил дело своего отца. Позднее он служил Генриху Мореплавателю.

---

[1] S. R u g e, Die Entdeckung des Seewegs nach Ostindien, Vortrag für die Gehe-Stiftung vom 9. Oktober 1897, Dresden, 1898, S. 3.

[2] H. W u t t k e, Das Katalanische Problem in der älteren Kartographie, «Ibero-Amerikanisches Archiv», 1940. B. XIV, № 2, 3, S. 89.

[3] A. R u b i ó i L l u c h, Documents per la historia de la cultura catalana medieval, Barcelona, 1908—1921, t. I, p. 251.

[4] G. d e R e p a r a z, Catalunya a les mars, Barcelona, 1930, p. 50, 82.

ГЛАВА 147

КАЖУЩЕЕСЯ ЗНАКОМСТВО С АЗОРСКИМИ ОСТРОВАМИ В XIV в.

(около 1350 г.)

Я плыл морем к Потерянным островам[1], которые Птолемей называл островами Милосердия[2]. Нужно знать, что первый остров удален от мыса Бохадор на 110 миль. Я сел в галеру с несколькими маврами, и мы пришли к первому острову, называемому Гресой, и после него к острову Лансароте, который называется так потому, что местные жители убили здесь генуэзца, носившего это имя (?). Потом я направился к следующему острову, по названию Бедзимарин, и к другому, называемому Рачан. Там есть еще остров, который называется Алегранса, и еще Вехимар, и еще Фортевентура, и еще Канария, и другой, который называется Тенерефис, и другой, называемый Исла-дель-Инфьерно, и другой, который называется Камера, и еще Ферро, и еще Арагания, и еще Сальвахе, и еще Дисьерта, и еще Лекнаме, и еще Пуэрто-Санто, и еще Лобо, и еще Кабрас, и еще Бразил, и еще Колумбария, и еще Вентура, и еще Сан-Хорхе, и еще Конехос, и еще Куэрвос-Маринос,— всего, таким образом, 25 островов[3]...

---

[1] Относительно названия «Потерянные острова», не встречающегося ни у Птолемея, ни у арабов, см. т. IV, гл. 190.

[2] Это заблуждение! Не Птолемей, а арабы присвоили этому острову название «Калидат», которое автор «Книги познания» отождествил со словом «Каридад» (Милосердие). Между тем в действительности Калидат означает «Вечные (khuld) острова». См. «Enzyklopädie des Islam», B. II, S. 944. Интересно отметить здесь ссылку на Птолемея; ведь в те времена греческих классиков на Западе почти не знали, тогда как арабские ученые были знакомы с ними гораздо лучше, чем христианские. Писал же в 1267 г. великий Роджер Бэкон папе, что в латинском христианском мире нет и четырех ученых, которые владели бы греческим, арабским и еврейским языками. Самому Бэкону якобы потребовалось 20 лет, чтобы получить одну копию трудов Сенеки, и он уплатил более 2000 фунтов за его работы по естествознанию. См. B a c o, Inedita, opus tertium, c. 10, p. 33; c. 15, p. 56. Древнегреческие авторы только после 1200 г. окольным путем через арабских ученых снова начали постепенно приобретать известность. См. O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 181.

[3] «Libro del Conoscimiento de todos los reynos e tierras e señorios que son per el mundo e de los señales e armas que han cada tierra e señorio por sy e de los reyes e señores que los proveen», ed. J. de la Espada, Madrid, 1877, p. 50.

* * *

«Генуэзская кука, вышедшая из Фландрии, попадает в бурю, которая ее уносит. Затем, осторожно продвигаясь дальше, она достигает этих островов. Так стало известно об этих островах»[1].

Выше мы полностью привели все, что сказано в «Книге познания» об островах Атлантического океана, которые были действительно известны к 1350 г. или только считались известными. В книге определенно говорится, что западнее Гибралтарского пролива в океане находятся 25 островов. Поскольку в Мадейрской группе только четыре острова, а в Канарской, кроме островков-утесов,—всего семь, то неизбежно напрашивался вывод, что около 1350 г. в Южной Европе было уже кое-что известно и о последней островной группе, находящейся к западу от Гибралтарского пролива по направлению к Америке, а именно об Азорских островах.

Античный мир еще не знал Азорских островов, хотя с ними однажды довелось соприкоснуться карфагенским морякам, отнесенным в этот район бурей (см. т. I, гл. 19). Предположение Фишера, в остальном трезвого комментатора «Перипла» Ганнона (см. т. I, гл. 12), что под Плювиалией Плиния, пожалуй, можно подразумевать остров Азорской группы Санта-Марию, а под Юнонией — Сан-Мигел[2], было, конечно, неудачным. Впрочем, эту гипотезу никто не поддержал, и она, несомненно, ошибочна.

Однако предлагалось еще немало гипотез, столь же смелых, сколь и ошибочных, согласно которым Азорские острова были якобы открыты еще задолго до XIV в. Фернан Колон, ученый сын Колумба, распространял путаные представления, утверждая, что Касситериды древности идентичны Азорским островам: «Карфагеняне открыли Касситериды, ныне называемые Азорскими островами»[3].

Лишенный критической жилки и склонный к фантазиям Теве, ученый XVI в., хотел сделать первооткрывателями Азорских островов даже древних израильтян[4]. В новое время честь первого открытия приписывали попеременно норманнам, арабам, ирландцам, фламандцам, итальянцам, грекам, каталонцам и португальцам. При этом наиболее серьезными претендентами на открытие считались норманны и арабы. Даже такие крупные авторитеты, как Гумбольдт и Риттер, безоговорочно считали их самыми достоверными первооткрывателями[5]. Риттер без колебаний полагал, что Азорские острова были открыты норманнами, не приводя, однако, никаких доказательств для под-

---

[1] Легенда на карте турка Пири Реиса от 1513 г. См. P. K a h l e, Die verschollene Columbuskarte von 1498, Berlin — Leipzig, 1933, S. 18.

[2] C. F i s c h e r, De Hannonis Carthaginiensis Periplo, Leipzig, 1893, S. 73.

[3] F. C o l ó n, Vida del Almirante, cap. 9.

[4] A. T h e v e t, Cosmographie universelle, Paris, 1575, t. II, p. 1022.

[5] A. H u m b o l d t, Kosmos, Stuttgart, 1877, B. II, S. 184; B. IV, S. 34.

утверждения своей гипотезы[1]. Однако позднее португальцы Омен[2] и Канту[3] выставили веские доводы против этой гипотезы, которые значительно подкрепил в новейшее время бельгиец Мес[4]. Это дает нам теперь основания утверждать, что Гумбольдт ошибался, хотя мы уже не в состоянии полностью выяснить, как возникла легенда об открытии Азор норманнами и арабами.

Предположение о том, что норманские викинги, видимо, достигли Азорских островов, впервые выдвинул португалец Гоиш в XVI в. Эта гипотеза понадобилась ему, когда он искал объяснения для легенды, принятой им за подлинный факт, будто на острове Корву раньше стояла статуя всадника, указывающего рукой на запад[5]. История возникновения этой странной легенды подробно изложена в I томе (см. гл. 19), где она разоблачается как чистейший вымысел. Позднее эта гипотеза была поддержана и перенесена в немецкую литературу Мурром[6]. Это, видимо, повлияло даже на Гумбольдта, который вопреки своему прежнему более осторожному суждению выдвинул ошибочную гипотезу о том, что «норманны, несомненно, первыми прибыли на Азорские острова еще в IX в.».

Однако о таком подвиге не может быть и речи. Если бы викингам IX—X вв. действительно удалось открыть Азоры, то они, несомненно, не отказались бы от этих благословенных островов и позаботились о том, чтобы создать здесь постоянные поселения. Ведь, испытывая крайний земельный голод, они не сочли плохими даже такие негостеприимные земли, как Исландия и Гренландия, и основали там свои колонии. Кроме того, мы не располагаем никаким, хотя бы самым слабым намеком на то, что норманны знали об Азорских островах. Все это без колебаний можно причислить к чистейшему вымыслу.

Еще более шаткой оказалась гипотеза об открытии Азорской островной группы арабами. Мы уже говорили (см. т. II, гл. 113) об ужасе, который испытывали все арабы при мысли о плаваниях по Атлантическому океану. Объяснялось это, вероятно, их суеверием, как можно заключить из одного места в труде Идриси[7]. И эти-то арабы, не решавшиеся на самое скромное прибрежное плавание в водах Атлантики, якобы открыли далекие Азорские острова! Вся эта гипотеза в целом неправдоподобна, но для ее опровержения остановимся и на некоторых деталях.

Согласно сообщению Ибн-ал-Варди, в океане якобы расположена группа островов, населенных бесчисленными ястребами и другими птицами. От-

[1] C. Ritter, Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen, Berlin, 1861, S. 198.

[2] «Archivo dos Açores», t. III, p. 105 (и след.).

[3] Ibidem, p. 113 (и след.)

[4] J. Mees, Histoire de la découverte des îles Açores et de leur dénomination d'îles Flamandes, Gent, 1901, p. 25 (и след.).

[5] D. de Goes, Cronica de Serenissimo Principe D. João, Lisboa, 1567, p. 9.

[6] C. G. Murr, Diplomatische Geschichte des Portugiesischen berühmten Ritters M. Behaim, Nürnberg, 1798.

[7] Edrisi, ed. Dozy, de Goeje, Leiden, 1866, S. 1.

сюда делался вывод о раннем знакомстве арабов с Азорами, поскольку португальское название Азоры (*açores*) означает Ястребиные острова. Ибн-ал-Варди был известным арабским поэтом и грамматиком, жившим с 1260 по 1349 г.[1] Поэтому предположение о том, что Азоры были, вероятно, открыты арабами еще в его время, казалось вполне логичным. Однако это заключение неверно. Тот Ибн-ал-Варди, который упоминал о кишевших ястребами островах, был вовсе не знаменитым поэтом, а его однофамильцем и жил на 100 лет позднее. Он оставил незначительный географический труд «Харидат ал-аджаиб ва фаридат алгараиб» [«Жемчужина чудес и перл диковинок».— *Ред.*] и умер в 1457 г.[2] Знание Ястребиных островов этим Ибн-ал-Варди было только результатом их открытия португальцами в 1432 г. Этим подтверждается несостоятельность теории о предоткрытии Азор арабами. Гаффарель еще в 1892 г. опроверг вымысел об открытии Азорских островов арабами[3]. К сожалению, этот французский исследователь высказал еще более дикие предположения. Из ирландской саги о святом Брандане он сделал вывод, что ирландцы, видимо, до появления этой легенды открыли не только Азоры, но и Мадейру, Канарские острова, даже Ян-Майен и к тому же еще Америку[4]. Какие небрежности допускал в своих научных трудах Гаффарель, явствует хотя бы из того, что, узнав о находке черепа неандертальского человека, придумал тут же некоего исследователя «господина Неандерталя»![5]

Уподобляясь Гаффарелю, многие исследователи и остров Бразил (см.т.IV, гл. 190) незаконно относили к Азорским островам. Название Бразил, с которым мы впервые встречаемся на карте Далорто от 1330 г., согласно Кречмеру[6], фигурирует на 26 картах мира, составленных только в 1351—1571 гг. Теперь нам известно, что название Бразил заимствовано из ирландских саг. Впервые это установил Ами в 1887 г.[7] Но во времена Гумбольдта об этом еще не знали, и исследователи склонялись к тому, чтобы отождествлять Бразил с одним из Азорских островов, чаще всего с островом Терсейра. Разумеется, о такой идентификации не может быть и речи! Но нам все же хотелось бы найти какое-то объяснение тому факту, что автор «Книги познания» около 1350 г. знал о 25 островах Атлантического океана, которые он якобы сам видел. Из этого сообщения напрашивался вывод, что первооткрывателями Азорских островов были итальянцы. Эту гипотезу особенно рьяно отстаивали

[1] «Enzyklopädie des Islam», B. II, S. 455.

[2] Ibidem. [См. также И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 490—496.—*Ред.*]

[3] P. Gaffarel, Histoire de la découverte de l'Amérique depuis les origines jusqu'à la mort de Christophe Colomb, Paris, 1892, t. I, p. 232.

[4] P. Gaffarel, Les Irlandais en Amérique avant Colomb, «Revue de la géographie», Paris, 1890, p. 15.

[5] Неандерталь — название поселка в Западной Германии (к востоку от города Дюссельдорфа, на реке Дюссель, притоке Рейна), возле которого в 1856 г. были найдены части скелета ископаемого вида человека.— *Прим. ред.*

[6] K. Kretschmer, Die Katalanische Weltkarte der Biblioteca Estense zu Modena, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1877, S. 66.

[7] Hamy, Les origines de la cartographie de l'Europe Septentrionale, «Bulletin de géographie historique et descriptive», Paris, 1888, p. 333 (и след.).

итальянцы, например Сан-Филиппо[1] и Альбертис[2]. Сан-Филиппо сделал даже смелую попытку отождествить с Азорами океанские острова Канарию, Капрарию и *insula Sti. Brandani sive puellarum* [остров святого Брандана или Дев], показанные на карте Дульсерта от 1339 г. Но и немецкие ученые Пешель[3], Руге[4] и особенно Кречмер[5], а также бельгиец Мес[6] неоднократно высказывали предположение, что Азорские острова были открыты в 1350 г. Если бы это было так, то первооткрывателями следовало бы считать только генуэзцев или каталонцев. За каталонцев высказались Норденшельд[7] и Мес[8], между тем как в поддержку итальянцев, кроме Альбертиса, убедительно выступил Руге. Открытие Азор генуэзцами засвидетельствовано или по меньшей мере подтверждено недавно найденной картой мира, составленной турком Пири Реисом в 1513 г. Отрывок из легенды этой карты приведен в начале главы. Пири Реис поместил свою надпись, несомненно, у Азорских островов, но действительно ли генуэзцы были отнесены туда бурей и когда это произошло, выяснить нельзя. Разве не должны были великолепные картографические шедевры второй половины XIV в. несколько точнее отразить предполагаемое открытие Азор генуэзцами, если им действительно удалось открыть эти острова?

Маркем в 1912 г. безоговорочно отнес к Азорам восемь островных названий, перечисленных в «Книге познания»[9], а в последнем переработанном издании труда Пешеля без долгих размышлений утверждается, что «примерно к тому же времени [1350 г.] Азорские острова были полностью открыты итальянцами»[10]. Кречмер еще в 1935 г. без малейших сомнений утверждал, что в «Книге познания» перечисляются «восемь Азорских островов»[11]. Однако автор этих строк уже в 1932 г. высказал по данному поводу серьезные сомнения и обосновал свои возражения[12].

При этом, следуя Маркему, Кречмер произвольно отождествлял Санта-Марию с Лобосом, Сан-Мигел с Кабрасом, Терсейру с Бразилом, Пику с Колумбарией, Фаял с Вентурой, Сан-Жоржи с Сан-Дзордзи, Флориш с Конильи и Корву с Корби-Марини.

[1] A. di San Filippo, I veri scopritori delle isole Azore, «Bolletino della Società geografica Italiana», 1892, p. 529 (и след.).

[2] E. A. d'Albertis, Priorità dei Genovesi nella scoperta delle Azore, «Atti III. Congreso Geografico Italiano», Firenze, 1899, t. II, p. 423 (и след.).

[3] O. Peschél, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Leipzig, 1865.

[4] S. Ruge, Valentin Ferdinands Beschreibung der Azoren, «Jahresbericht des Dresdener Vereins für Erdkunde», 1901, № 27, S. 153 (и след.).

[5] K. Kretschmer, Die italienischen Portolane des Mittelalters, Berlin, 1909, S. 687.

[6] J. Mees, op. cit., p. 35 (и след.).

[7] A. E. Nordenskjöld, Periplus, Stockholm, 1897, S. 114.

[8] J. Mees, op. cit., p. 39.

[9] C. Markham, Book of the Knowledge, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1912, ser. 2, No XXIX, 68.

[10] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Meersburg — Leipzig, 1930, S. 41.

[11] «Petermanns Mitteilungen», 1935, S. 52.

[12] Ibidem, 1932, S. 180 (и след.).

Доказательства, приводившиеся для обоснования гипотезы о знакомстве с Азорскими островами около 1350 г., никак нельзя признать убедительными. Руге писал, что название Бразил должно будто бы указывать на Азорские острова, так как слово *brasile* означает «цвет раскаленного угля». Между тем на Азорах в изобилии произрастала когда-то высоко ценившаяся трава орсель (лишайник — *Roccella tinctoria*), как это ясно подтвердил после 1500 г. Валентин Фердинанд, процитированный Руге:

«На этом острове (Сан-Жоржи), как и на других островах, растет много орсели. Орсель — растение, которое, подобно мху, встречается на утесах, и, если море временно покрывает его, оно окрашивается в красный цвет... До открытия этих островов орсель стоила 40 крузадо, а теперь — только 15, и говорят, что без этой орсели нельзя изготовить изящную кожу»[1].

Но если итальянские мореходы действительно открыли богатые орселью Азоры до 1350 г. и поэтому дали название Бразил главному острову, то можно ли серьезно поверить в то, что обладающие коммерческой жилкой итальянцы никогда больше не ездили на эти острова за высоко ценившимся красным красителем орселью — «травой оризелло», или «ориколу» Кадамосто[2]. Могли ли они так забыть об этих островах, что в 1432 г. их должны были заново открыть португальцы? Автор этих строк полагает, что именно изобилие орсели на Азорских островах убедительно говорит за то, что они *не могли* быть открыты до 1432 г. В противном случае итальянцы непременно уже раньше *регулярно* посещали бы и эксплуатировали эти острова.

Кречмер полагал, что легенду к карте Пицигано от 1367 г., на которой в районе Азор будто бы стоит слово «*açules*», следует считать за доказательство открытия этих островов в 1367 г. Этот исследователь считал, что «*açules*» тождественны Азорам. Но название «Ястребиные острова» (то есть Азоры) появилось в литературных источниках не ранее 2 июля 1439 г. (см. т. IV, гл. 165). Кроме того, в дополнении к гл. 19 (см. т. I, стр. 465) автор разъяснил, что название на карте Пицигано[3] нужно читать не «*açules*», а «*arculis*», и, следовательно, оно означает «Геракл». Этим опровергается главный довод в пользу знакомства с Азорскими островами в XIV в.

В качестве еще одного доказательства того, что Азоры были уже известны около 1350 г., Кречмер приводит тот факт[4], что, хотя географическое положение островов на картах XIV в. показано неверно и они помещены слишком далеко к востоку, правильное деление на три группы не могло быть случайным. Но автор этих строк не смог обнаружить такого деления на большинстве карт XIV в. Нечто подобное можно было бы, пожалуй, еще найти на карте Солери от 1385 г., на которой показана группа островов к северу от Мадейры. Здесь еще можно различить деление на три или на четыре груп-

---

[1] S. Ruge, op. cit., S. 168 (и след.).

[2] A. Cadamosto, Navigatio ad terras incognitas, «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, p. 3.

[3] Новейшее исследование, посвященное карте Пицигано, принадлежит Марио Лонгене. См. M. Longhena, La carta dei Pizigani, «Atti X. Congr. Geogr. Italiano», Milano, 1927.

[4] «Petermanns Mitteilungen», 1935, S. 52 (и след.).

ны. Однако средняя группа состоит не из пяти, а из шести островов, а южная — не из двух, а из пяти. К тому же острова простираются не в направлении с запад-северо-запада на восток-юго-восток, как в действительности, а с севера на юг. Как уже отмечалось, они все без исключения помещены к северу от Мадейры, где нет никаких островов. Кречмер пытается объяснить это неправильное размещение «недостатком места (!) на карте». Но *все* картографы 1350—1430 гг.[1] помещают свои фантастические острова к северу от Мадейры. Действительно ли они выбрали слишком маленькие масштабы и поэтому были вынуждены надпись «Азоры» поместить между Канарскими островами и Ирландией? Даже такой превосходный знаток Азор, как Мартин Бехайм, проживший несколько десятилетий на одном из этих островов, изобразил их на своем глобусе не очень-то правильно. Хотя Мартин Бехайм показал все девять островов, но никакой разбивки на три группы на его глобусе нет, да и расположение островов не соответствует действительности. Кроме того, Бехайм, как правильно отметил Вагнер еще в 1894 г.[2], показал в два раза больше островов, чем их насчитывается на самом деле. К подлинным островам он добавил мифические, якобы открытые в XIV в. Все это подкрепляет наше предположение, что Кречмер поддался самовнушению, когда он увидел Азоры на картах XIV в. Почему же все-таки фантастические острова к северу от Мадейры, которые средневековые картографы, подражая друг другу, неизменно без всякой критики показывали на своих картах, не исчезают с них даже после 1431 г., когда были открыты и правильно нанесены на карты подлинные Азоры? Почему, например, на карте Солиго, составленной около 1485 г., к северу от Мадейры показан несуществующий остров Сан-Дзордзи, который Кречмер отождествляет с современным островом Сан-Жоржи из Азорской группы, хотя на той же самой карте можно найти все Азорские острова, в том числе и Сан-Жоржи под его первоначальным названием Сан-Пьеро? Почему Солиго, правильно показав положение всех Азорских островов, поместил, *кроме них*, между Канарской группой и Ирландией все старые островные названия XIV в., которые Мес, Руге и Кречмер хотели связать с Азорами: *Corbi marini*, *Li conigli* (Кроличий остров)[3], *San Zorzi*, *La venture*, *Colonbi*, *Bacil* (Бразил), *Caprara* и *Luovo*[4]. В те времена все были так твердо убеждены в существовании этих островов *наряду* с уже известными Азорами, что в 1462 г. португальский король подарил одному своему фавориту два последних из перечисленных островов (см. т. IV, гл. 184)!

Однако Кречмер так сильно поддался самовнушению, что продолжает настаивать на том, будто бы восемь островов, фигурирующих на картах

[1] J. M e e s, Les Açores des portulans, «Boletino de sociedade de geografia de Lisboa», 1898—1899, ser. 17.

[2] H. W a g n e r, Die Reconstruktion der Toscanelli-Karte vom Jahre 1474, «Göttinger Nachrichten, philologisch-historische Klasse», Göttingen, 1895, S. 289.

[3] В этой связи следовало бы напомнить о том, что еще Гартман фон Ауэ около 1200 г. говорил в 2003-м стихе своего «Бедного Генриха» о «Кроличьем острове» — «Коннеланде», на котором якобы есть ценные кроличьи шкурки.

[4] Правильное толкование этих восьми островных названий см. на стр. 244 (и след.)

XIV в., были Азорами. Он несогласен с мнением автора этих строк, опровергающего его гипотезу тем фактом, что на открытых в 1432 г. Азорах, как доказано, не было ни людей, ни домашних животных. Между тем это, несомненно, подтверждает, что Азоры нельзя связывать с названиями Кроличий остров (*Conigli*), Голубиный остров (*Colonbi*), Козий остров (*Caprara*). Мы знаем, что, согласно королевскому указу от 2 июля 1439 г., на вновь открытые Азоры предлагалось доставить представителей всех видов домашних животных (см. т. IV, гл. 165). Как же могли изобиловать на Азорских островах в XIV в. кролики, голуби и козы, которых обычно разводят люди, если в XV в. понадобилось специально их туда завозить? Против этого довода Кречмер выдвинул довольно странное опровержение[1]. В своем письме от 26 февраля 1932 г., адресованном автору этих строк, он пишет, что остров Флориш, который Кречмер больше всего склонен отождествлять с Капрарией, вполне мог получить такое название, даже если на нем не было никаких коз. Для этого было достаточно скудной растительности, которая могла прокормить только коз. Но на каком же из островов Азорской группы можно найти скудную растительность? *Все* Азорские острова ко времени их открытия (1432 г. и позже) отличались не только «изобилием деревьев», но и столь тучными пастбищами, что, по свидетельству Валентина Фердинанда, около 1500 г. оттуда «ежегодно вывозили в Португалию» крупный рогатый скот[2]! Но если бы даже объяснение Кречмера оказалось правильным для Козьего острова, на котором не было ни одной козы, то почему же все-таки другой остров, на котором не водилось голубей, был назван Голубиным, а тот, на котором нельзя было найти ни одного кролика,— Кроличьим? Почему надпись на Каталонской карте мира от 1375 г., которую Бизли правильно охарактеризовал как «шедевр средневековой картографии»[3] и которую особенно хорошо изучил Кречмер, категорически настаивала на том, что Козий остров «назван так из-за большого количества встречающихся здесь коз»[4]? Почему, наконец, Кадамосто в 1455 г. определенно утверждает, что с «Козьим островом» можно отождествить только остров Фуэртевентуру из Канарской группы «*caprina, quibus abundant*» [на котором изобилуют козы][5]?

По мнению автора этих строк, все гипотезы о том, что какой-нибудь из фантастических островов, столь многочисленных на картах мира XIV в., может иметь отношение к Азорам, не выдерживают критики. Единственные названия,

---

[1] «Petermanns Mitteilungen», 1935, S. 53.

[2] S. Ruge, op. cit., S. 174.

[3] C. R. Beazley, The dawn of modern geography, London, 1897—1906, v. III, p. 527.

[4] Козий остров средневековых карт не мог быть не чем иным, как только Капрарией Плиния. Это неопровержимо доказывает тот факт, что название Капрария было известно в 1200 г., когда о Канарских островах еще ничего не знали. Так, например, Исидор Севильский называет один из островов *de Capria*, а Венсан Бове — Капрарией! См. Isidorus Hispaliensis, Originum sive et etymologiarum, lib. XIII, p. 193; Vincentius Bellovacensis, Speculum historiale, Nürnberg, 1483, lib. XXXII, cap. XVII.

[5] A. Cadamosto, Navigatio ad terras incognitas, «Novus orbis regionum ac insularum», Basel, 1537, cap. 7, p. 8.

которые можно как-то связать с Азорской группой,—это Сан-Дзордзи и Корби-Марини. Их легко узнать в современных наименованиях Сан-Жоржи и Корву. Но названия Сан-Жоржи и Корву были просто *заимствованы* португальцами из *более старых карт* много времени спустя после открытия Азор. Они были присвоены тем островам, которые первоначально после их открытия носили совсем иные названия, а именно Сан-Пьеро и Санта-Эйриа! В одном весьма надежном документе—завещании принца Генриха Мореплавателя от 1460 г.—перечисляются все Азорские острова (см. т. IV, гл. 182), но названий Сан-Жоржи и Корву в нем еще нет. Они появляются только после 1480 г., и это верный признак того, что новые наименования были даны на основе произвольных отождествлений или заимствованы из старых карт.

Автор вынужден категорически возразить Кречмеру, полагая, что его утверждение представляет собой чистейший вымысел и не выдерживает проверки историческими фактами. К сожалению, это так, хотя Кречмер продолжает настаивать на правильности своей гипотезы, будто «на основании их карт никак нельзя сомневаться в том, что итальянцы еще до португальцев знали все без исключения Азорские острова»[1].

При отождествлении слишком многочисленных островов, фигурирующих на картах XIV и XV вв., нужно всегда иметь в виду, что, кроме действительно открытых островов, картографы стремились разместить на них названия, заимствованные из античных литературных источников или известные им из легенд. Как легко могли возникнуть ошибочные представления при плавании в незнакомых морях, недавно убедительно продемонстрировал такой опытный моряк, как Морисон: «Возникновение призрачных островов и исчезающих побережий—обычное явление при плаваниях по океану. Легкая дымка, облако на горизонте (особенно при заходе солнца) часто походят на острова и вводят в заблуждение даже опытных моряков, знающих, что там нет земли»[2].

Ведь были же обмануты таким миражем 25 сентября 1492 г. Колумб и его спутники во время их первого плавания. Им показалось, что земля уже близка, но на следующее утро они поняли, что приняли за остров низкое облако! Каждое островное название, о котором узнавали картографы, они тут же записывали, а затем *произвольно помещали его в любой части океана* или попросту там, где имелось свободное место! Как осторожно нужно подходить к отождествлению этих островов, весьма убедительно показывает Мес. Выступая против попытки отождествить с Азорами четыре острова, показанные на карте Дульсерта от 1339 г., Мес замечает: «Четыре острова Дульсерта расположены

---

[1] K. Kretschmer, op. cit.

[2] S. E. Morison, Admiral des Weltmeers, Bremen-Horn, 1948, S. 59. [Сэмюэл Элиот Морисон — американский историк и военный моряк, автор ряда крупных работ, в том числе двухтомного исследования о Христофоре Колумбе, вышедшего в 1942 г. под названием «Адмирал Океана-Моря». Научно-популярная переработка этой книги была опубликована Морисоном в 1955 г. См. С. Э. Морисон, Христофор Колумб, мореплаватель, М., 1958. Готовя свой капитальный труд, Морисон повторил на небольших парусниках основные маршруты всех четырех плаваний Колумба.— *Ред.*]

вовсе не там, где Азоры, а по чистой случайности на месте Мадейрских островов, которые точно так же не были известны картографу»[1].

Между тем как легко можно было бы в данном случае прийти к заключению, что четыре острова Дульсерта, частично заимствованные из Канарской группы, частично вымышленные, несомненно, тождественны четырем островам Мадейрской группы и что, следовательно, Мадейра была открыта еще до 1339 г.!

Приведем несколько весьма поучительных примеров, чтобы показать, как легкомыслие картографов способствовало размножению островов Атлантики. Марциан Капелла, живший в V в., дает одному острову Канарской группы название Теоде[2]. Позднее у Равеннского географа он превращается в остров Театрум. Еще Сальмазий установил, что причиной появления этого названия была: «*ridicula ac jocularis Mart. Capellae hallucinatio*» [«странная и забавная галлюцинация Марциана Капеллы»][3], то есть неправильное понимание одного места из труда Солина. В этом труде говорится: «*tertia autem proximat eodem nomine*» [«третий же (остров) напоминает его по названию»][4], что Марциан Капелла прочитал как «*proxima teode nomine*»! [«ближайший называется Теоде»]. Так появился на свет остров Теоде[5]! Спустя целых 900 лет после Марциана Капеллы мы встречаем этот плод его фантазии как реальный географический объект в труде Венсана Бове[6]. Только название Теоде переделано на греческий лад (*Theode*) и подогнано к слову «Теос» (*theos*). Приведем другой пример: из надписи «*esto Tile*» [это должен быть Туле], встречающейся на некоторых старых картах, в апокрифической книге Дзено, написанной в 1558 г. (см. гл. 153), возник некий остров Эстотиланда, который этот автор превращает в арену, где разыгрываются различные события. Такое же странное недоразумение было причиной появления на свет острова Палакер, встречающегося в поэме «Виллехальм» Вольфрама фон Эшенбаха. Этот остров якобы находился в «застывшем», или в «студенистом» (*Lebermeer*), море. Вот что написано в «Виллехальме»:

sô wunschte in âne wer
ûf den wert ins lebermer
der Palaker ist genant[7].

Конрад Гофман установил, что название Палакер, не встречающееся нигде, кроме как в поэме Эшенбаха, появилось в результате ошибочного истолкования провансальского слова «*palaker*», или «*palaigre*», происшедшего от «*pelagus*» и не означающего ничего другого, как «море»[8]. Вольфрам фон

[1] J. Mees, op. cit., p. 34.
[2] Martianus Capella, VI, 702.
[3] Cl. Salmasii, Plinianae exercitationes, Paris, 1629, t. II, p. 1313 B.
[4] Solinus, 56, 15.
[5] Приводим дословный текст Марциана: «quorum prima Ombrion nominatur, secunda Junonia, tertia Teode, quarta Capraria».
[6] Vincentius Bellovacensis, Speculum naturale, Douay 1624, lib. XXXII, cap. XVII, p. 2411 (и след.).
[7] «Willehalm», 141, 20.
[8] C. Hofmann, Ueber das Lebermeer, «Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 1865, B. 1.

Эшенбах произвольно превратил его в название острова. Только то обстоятельство, что это стихотворение осталось неизвестным средневековым картографам, помешало, вероятно, появиться острову Палакер на картах Атлантики того времени.

Наконец, в качестве последнего примера приведем еще следующий факт. Турок Пири Реис, увидя на карте Колумба название острова Санта-Мария-Галанта, которое из-за длины было написано в две строки, принял его за два наименования. Соответственно этому он нанес на свою карту два острова: Санта-Марию и Галанду[1].

Следовательно, к толкованию средневековых карт мы должны подходить с величайшей осторожностью! Автор решительно присоединяется к мнению Ларсена, высказанному в письме от 8 апреля 1937 г.:

«Эти карты, как правило, лишь весьма неудачно отражают фантастические гипотезы картографов... Первостепенное и решающее значение имеют полученные ими *сообщения*, а не то, как они поняты (вернее, неправильно истолкованы) или переведены более или менее склонными к фантазированию картографами». Этот трезвый и совершенно правильный взгляд совпадает со следующим мнением Гумбольдта, которое недостаточно ясно усвоили современные защитники достоверности средневековых карт:

«В течение продолжительного времени каждая новая карта включала все фантастические объекты, показанные на предшествовавших ей картах, ибо ничто не сравнится с упрямством географов, когда им хочется сохранить и сделать как бы стереотипными и остров со старинным названием, и водораздельный хребет, и озеро, из которого вытекает большая река»[2].

Даже Кречмер, хотя он и убежден в достоверности старых морских карт, когда речь идет об Азорских островах, писал как-то, что «картографам всегда недоставало критичности при отборе материала и в силу рутины, ставшей привычной, один копировал другого, не принимая в соображение вновь установленное географическое положение открытого или исследованного объекта»[3].

Но ко всем этим вымышленным островам, горам и прочим географическим объектам, появились ли они в результате ошибочного толкования, слухов или явились плодом фантазии, как нельзя более подходит следующий обобщающий вывод Руге: «Сказочные существа весьма долговечны»[4].

Исследователи более позднего времени пытались как-то связать такие сказочные существа с реальной действительностью. В области географии это сказалось в том, что мифические острова чаще всего связывали с Азорами.

Те исследователи, которые наперекор фактам по-прежнему выступают за действительное знакомство с Азорами около 1350 г., пусть приведут хоть

[1] P. Kahle, Die verschollene Columbus-Karte von 1498, Berlin — Leipzig, 1933, S. 22.

[2] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. I, S. 401.

[3] K. Kretschmer, Die Entdeckung Amerikas in ihrer Bedeutung für die Geschichte des Weltbildes, Berlin, 1892, S. 220 (и след.).

[4] S. Ruge, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Berlin, 1881, S. 211.

одно название, упомянутое в «Книге познания» или нанесенное на карты XIV в., которое действительно имеет отношение *хотя бы к одному* Азорскому острову!

Автор категорически утверждает, что ни в «Книге познания», ни на любой морской карте или карте мира, составленной в XIV в., нельзя найти какого-нибудь указания, которое позволяло бы сделать вывод о действительном открытии Азор до 1431—1432 гг. Названия 25 островов, известные около 1345 г. испанскому нищенствующему монаху, по мнению автора этих строк, не относятся к Азорам, и их появление нельзя истолковать сколько-нибудь удовлетворительно, иначе, чем это будет показано ниже. Но прежде чем дать такое толкование, напомним еще об одном обстоятельстве, которое, как нам кажется, помогает выяснению причины появления слишком большого числа островов на картах того времени.

Немногим действительно открытым тогда островам давали по два-три названия, а то и больше. Моряки, разумеется, определяли характерные особенности некоторых островов, пользуясь своим обиходным языком. Но если та же самая типичная особенность обозначалась иноземными моряками другим словом, с которым первые не были знакомы, то они, естественно, легко поддавались заблуждению, что речь идет о совсем другом острове. К названиям, данным моряками, присоединялись еще и те, которые были присвоены в древности островам Канарской и Мадейрской группы. Их просто не поняли и потому отнесли к другим островам. Но картографы, которые, вероятно, редко владели более чем одним языком, старались отнести каждое ставшее им известным новое название к *особому* острову. Так без стеснения создавали они все новые и новые острова, чтобы разместить на карте все известные им названия.

Здесь мы ограничимся только двумя из многочисленных примеров. Маленький остров Канарской группы к северу от Фуэртевентуры, называемый теперь Лобосом, впервые на карте Дульсерта от 1339 г. был назван по-итальянски *Vecchi marini*, что, собственно, означает морские старцы. «Морской Старец» — народное название одного из видов тюленей — морского монаха[1]. Итальянское название *Vecchi marini* означает, следовательно, не что иное, как Тюлений остров, то есть идентично испанскому названию Лобос. Но испанцы и португальцы не понимали, что означает по-итальянски *Vecchi marini*, а итальянцы не знали испанского слова «Лобос». Поэтому уже в конце 1350 г. испанский автор «Книги познания» перечисляет *три* атлантических острова: Лобос, Вехимар и Бедзимарин. Вот классический образец чисто кабинетной эрудиции!

---

[1] Согласно разъяснению проф. Штехова от 17 апреля 1937 г., у Канарских островов морской монах (*Monachus albiventur* Bodd) встречался раньше значительно чаще, чем теперь. Тюлений остров (по-испански «Лобос-Маринос» означает «морские волки») находится также в бухте Рио-де-Оро, о которой Диогу Гомиш сообщил около 1457 г., что «на середине реки они нашли песчаный остров, на котором встретили множество тюлéней» (*multitudinem luporum marinorum*). Поэтому они назвали тот остров Илья-де-Лобос. Статья Шмеллера. См. «Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wis-

Приведем второй пример. В Атласе Медичи от 1351 г. мы находим остров с названием *Ventura sive de columbis*. Более поздние картографы, не долго думая, сделали из одного острова целых два — Вентуру и Де-Колумбис! Это случалось весьма часто, как видно из помещенного ниже списка. Можно решительно утверждать, что новые острова размножались на тогдашних картах «путем деления»[1]. Поэтому нередко следует относить к одному острову два-три названия, а иногда и больше.

Шмеллер правильно отмечает по поводу одной морской карты, относящейся ко второй половине XV в. и обнаруженной им в Мюнхенской библиотеке рукописей: «Чаще всего встречаются причудливо переплетающиеся латинские, итальянские, португальские и испанские названия — признак того, что как раз не ученые, а практики — кормчие и моряки — создавали такого рода пособия»[2].

К неправильному толкованию иноязычных названий многими невежественными составителями старинных карт присовокуплялись их зачастую граничившая с легкомыслием беспечность и «широта натуры», проявлявшиеся при передаче неразборчиво написанных или непонятных слов. Так, Корби-Марини превратилось в Корпс-Марис, а Сальвис — в Са-Лвис (см. гл. 143), Сан-Атанаджу (Св. Афанасий) — в Сатанаксио, а Исла-Бела — в Изабеллу[3]. И картограф считал себя обязанным каждый возникший в результате ошибки остров показать где-нибудь на океане; при этом географическое положение зачастую играло гораздо меньшую роль, чем упоминание названия.

Из весьма поучительного исследования Фишера также следует, что новые острова действительно возникали «путем деления», когда невежественные картографы принимали разноязычные обозначения *одного* острова за названия *многих* островов и затем помещали их где-нибудь в океане. Фишер пишет, что на открытой им карте Николая Германца, кроме Исландии (*Islanda*), показан далеко к северу от нее еще один остров — *Insula glacialis*, который обязан своим призрачным существованием только латинскому переводу названия «Ледяная страна»[4]. Нанесенный на различные кар-

---

senschaften», 1847, B. IV, Abt. I, S. 20. В своем письме от 13 мая 1937 г. живший на Тенерифе отставной чиновник Вейкман сообщает, что Канарский остров Лобос был некогда «тюленьим раем», однако тюленье стадо здесь с давних пор полностью истреблено. Особенно усердствовал в этом Гадифер, участник экспедиции Бетанкура от 1402 г., который «без отдыха» преследовал тюленей на Лобосе. См. также A. S. Brown, Madeira, Canary Islands and Azoren, London, 1926.

[1] R. Hennig, Grundsätzliche Bemerkungen zur Bewertung alter Erdbeschreibungen und mittelalterlicher Erdkarten, «Geografische Zeitschrift», 1931, S. 342.

[2] J. A. Schmeller, Über einige ältere handschriftliche Seekarten, «Abhandlungen der 1. Klasse der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 1847, B. IV, Abt. I, S. 245.

[3] E. Oberhummer, Eine türkische Karte zur Entdeckung Amerikas, «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, philologisch-historische Klasse», 1931, S. 104 (и след.).

[4] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg, 1902, S. 89.

ты XV в. загадочный остров *Insula viridis*, или *Illa verde*, и помещенный к западу от Ирландии даже на карте Вальдземюллера от 1507 г.[1], представляет собой не что иное, как перевод названия Гренландия, то есть Зеленая Земля. Итак, даже Исландия и Гренландия не избежали раздвоения с помощью картографов. На некоторых картах Исландия превратилась даже в три острова, так как появилось еще название Фрисланда, или Фиксланда. Из-за ошибки чертежников делению на две части подвергся также Хеллуланд[2], а Бразил по меньшей мере утроился (см. т. IV, гл. 190). Из Фуэртевентуры сделали даже пять островов (Вехимар, Бедзимарин, Вентура, Фортевентура и Капрария)[3].

Из-за этой чрезмерной беспечности многих картографов XIV—XVI вв. возникла чудовищная путаница, продолжающаяся в значительной мере и в наши дни. Некоторые ученые критики наших дней *a limine* [сразу же] готовы подводить реальную основу под каждую надпись на старинной карте и находить для нее объективное оправдание, даже вопреки фактам. В результате этого появились почти непостижимо ошибочные толкования.

В противовес таким исследователям автор этих строк хотел бы особенно подчеркнуть всю правоту Меса, который пишет о «тенденции картографов того времени *без всякой критики* помещать где попало различные данные, имевшиеся у них под руками»[4].

Автор считает совершенно недопустимыми попытки, довольно часто наблюдающиеся и в наши дни, строить смелые гипотезы о великих открытиях, не подтвержденные литературными источниками и основывающиеся только на каких-нибудь путаных островных названиях из старых карт.

Особого рассмотрения заслуживает очень часто встречающееся на старых картах название Лобос, Лобо, Лоуо, Лово, Ловос, Лоно, Лана и т. д., давшее повод для странных толкований. Этот остров почти всегда упоминался вместе с Козьим островом (Капрарией) и, следовательно, должен был находиться с ним в самом близком соседстве. Как мы уже знаем, название «Лобос» на испанском языке означает «Тюлений остров». И поныне один скалистый островок около «Козьего острова», то есть возле Фуэртевентуры, носит это название. Отсюда не может быть сомнения в том, что под Лобосом всегда подразумевали не что иное, как этот маленький «Тюлений остров», тем более что его итальянское название *Vecchi marini* идентично по смыслу. В конце средневековья моряки всегда с интересом отмечали постоянное наличие тюленей, морских львов и других животных в том или ином месте и охотно использовали этот признак при присвоении названий. На Мадейре, например, есть местность, носящая] название «*Cambra de Lobos*». Раньше это название ошибочно переводили как «Логово волков». Но поскольку на Мадейре нет волков, то, видимо, прав Шефер, считавший, что это название свидетельствовало о многочисленных стадах тюленей (*loups marins*), обитавших здесь ко време-

[1] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg, 1902. S. 99 (примечание 3).
[2] Ibidem, S. 47.
[3] R. Hennig, Grundsätzliche Bemerkungen zur Bewertung alter Erdbeschreibung, «Geographische Zeitschrift», 1933, S. 341 (и след.).
[4] J. Mees, op. cit., p. 23 (примечание 4).

ни открытия острова[1]. Присвоение названия «тюлений» различным местам, где водятся эти животные, не чуждо и современной топонимике. Так, например, в Южной Африке есть остров Сил-Айленд в бухте Фолс-Бей; у побережья Уругвая остров, являющийся настоящим раем для морских львов, тоже носит название *Isla de Lobos*. На нем различают *Lobos ordinarios*, настоящих морских львов, и *Lobos finos*, более мелких котиков[2]. На этом острове год за годом убивают более 10 тыс. *lobos*, чтобы получить шкуры и жир. Разумеется, наличие тюленей часто служило поводом к присвоению географического названия. Еще в «Королевском Зерцале», книге XIII в., встречается Тюленье море (*arcnsaelar*); название Оркнейских островов также произошло от древнего слова «оркн», то есть «тюлень»[3]. В свете этих фактов мы должны отбросить предположение, что название Лобо или Лово на старых картах происходило от слова «*l'ovo*» (яйцо) и относилось к острову Санта-Мария из Азорской группы, названному так «из-за его яйцеобразной формы»[4]. Это кабинетная мудрость! Живя в Италии, нельзя заметить, что Апеннинский полуостров напоминает по форме сапог. Точно так же, находясь на Санта-Марии, острове площадью 154 *кв. км* путешественник не заметит, что этот остров напоминает своими очертаниями яйцо. Да это и не отвечает действительности. Такое толкование напоминает нелепую этимологию турка Пири Реиса, полагавшего, что итальянцы называют океан «Здоровым яйцом», ибо слово «*oceanos*» он воспринял как «*ovo sano*»[5]. Испанские слова «*lobos*» и «*lobo*» произносились всегда, как «Ловос» и «Лово», и, разумеется, не имели ничего общего с итальянским «*l'ovo*».

После этих отступлений мы уже, пожалуй, вооружены необходимым скептицизмом, чтобы не впасть в слишком грубые ошибки и сделать попытку критически разобраться в некоторых загадочных названиях островов Атлантического океана, упоминающихся в «Книге познания». Дальнейших пояснений не требуют такие названия, как Лансароте, Фуэртевентура, Гомера, Тенерифе (Тенерефис), Канария и Пуэрто-Санто. Нам остается рассмотреть 19 названий. Автор считает возможным только следующее их толкование (острова называются в той последовательности, в какой они перечислены испанским нищенствующим монахом в его «Книге познания»):

1. Греса — Грасьоса к северу от Лансароте;
2. Бедзимарин — название, объясняющееся неправильным чтением слова «Вехимарин», идентичного «Лобосу»;
3. Рачан — скалы Рокетте (Рокка), севернее Лансароте;
4. Алегранса — скалистый остров Алегранса, севернее Лансароте (см. стр. 246);

[1] Ch. Schefer, Relation des voyages à la côte occidentale d'Afrique, Paris, 1895, p. 24.

[2] E. Schuhmacher, Auf der Insel der Seelöwen, «Aus der Natur», 1938, S. 109 (и след.).

[3] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 318, 380 (примечание 68).

[4] K. Kretschmer, Die Entdeckung Amerikas, Berlin, 1892, S. 179.

[5] P. Kahle, Die verschollene Columbus-Karte von 1498, Berlin — Leipzig, 1933, S. 20.

5. Вехимар (*Vecchi marini* Дульсерта) — Лобос;
6. Дель-Инфьерно (Адский остров) — Тенерифе;
7. Ло-Феро — Ферро;
8. Арагания — Пальма (?);
9. Сальвахе — скалы Селважен[1];
10. Дисьерта — скалы Дезерташ;
11. Лекнаме, или Леньяме («Лес»), — Мадейра;
12. Лобо — Лобос;
13. Де-лас-Кабрас (Капрария)[2] — Фуэртевентура;
14. Бразил — сказочный остров ирландских саг (см. т. IV, гл. 190);
15. Колумбария — второе название Фуэртевентуры;
16. Вентура — либо Фуэртевентура, либо «*Senza ventura*» (Ферро);
17. Сан-Хорхе (Сан-Дзордзи)— название, не поддающееся толкованию Это название только после 1480 г. произвольно перенесено на Азорские острова;
18. Де-лос-Конехос (Кроличий остров) — непонятное название. Его можно отнести к любому острову, на который когда-то были завезены кролики, позднее здесь сильно расплодившиеся (см. сообщение Кадамосто, т. IV, гл. 165);
19. Де-лос-Куэрвос-Маринос (Остров морских ворон) — название, не поддающееся толкованию. Только после 1480 г. это название произвольно перенесено на Азорские острова (Корву).

Такое разъяснение автор дал еще в 1938 г. в первом издании своего труда. Однако Винтер, который счел его рассуждения «сплошь ошибочными», продолжал утверждать, что Азоры были известны с 1351 г.[3], а названия Кабрера, Сандзордзо, Салважес, Капрария и Лово на картах XIV в. следует отнести к этим островам. В качестве возражения автор этих строк сошлется только на данное выше разъяснение. Винтер, как превосходный исследователь и знаток карт, не может освободиться от предвзятого мнения, будто любое место, на котором в старых картах показаны острова, должно быть неприкосновенным. Остается только порекомендовать ему еще раз перечитать высказывания Гумбольдта и Ларсена, приведенные выше. Что же касается автора этих строк, то он с полной уверенностью к ним присоединяется.

Острова Канарской и Мадейрской групп, открытые в XIV—XV вв., иногда появлялись на морских картах того времени то под итальянскими,

---

[1] Согласно Диогу Гомишу, который сам посетил этот скалистый остров около 1463 г. и назвал его «*Ilha Salvagem*», сообщив, что на нем в изобилии рос ценный лишайник урселла, то есть орсель, из которого изготовлялся высоко ценившийся в те времена красный краситель. Отсюда можно понять, почему этот в остальном ничем не примечательный остров привлек к себе тогда большое внимание. См. «Abhandlungen der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», 1847, B. 37 (статья Шмеллера).

[2] Отсюда на Каталонской карте мира от 1375 г. появился новый остров — Каприя, а на карте Дульсерта от 1339 г.— даже остров Каприция.

[3] H. W i n t e r, Die Kontroverse Hennig-Zechlin im Lichte der Kartographie, «Historische Vierteljahrsschrift», 1937, B. XXXI, S. 116.

то под испанскими или португальскими названиями. Этого не заметил автор «Книги познания» и превратил *один* остров в два или даже *три*, причем все эти острова он будто бы сам посетил! Более поздние картографы неоднократно впадали в ту же самую ошибку и заполнили Атлантический океан островами, которых никогда там не было!

К этой ошибке картографов присовокупилась еще другая, на которую хотелось бы обратить особое внимание, так как она повинна в бесчисленных недоразумениях, и в частности в том, что распространилось мнение, будто Азорские острова были открыты еще в XIV в. *Многие острова*, фигурирующие на старинных картах, начали «передвигаться на запад»! Чтобы это доказать, приведем следующие примеры:

1. Остров под названием Бразил впервые появляется на карте Дульсерта от 1325 г. к западу от Ирландии (см. т. IV, гл. 190). Позднее он перекочевывает сначала в воды к западу от Испании, затем примерно к Азорской группе и наконец попадает в Южную Америку (Бразилия).

2. Остров Дев, который как *insula puellarum* впервые встречается на карте Дульсерта от 1339 г., где он помещен примерно в районе еще не открытой Мадейрской группы, под влиянием сообщений Колумба передвигается в Американское Средиземное море, где и теперь сохранилось название Виргинские острова (прежний архипелаг Одиннадцати Тысяч Дев).

3. Название Фортунате [Счастливые], которое, как известно, в древности было дано Канарским островам, переносится на карте Бианко от 1448 г. на Азорскую группу.

4. Название мифического острова Антилия, встречающееся впервые в 1424 г. на одной из морских карт, хранящихся в Веймарской библиотеке (см. гл. 189), позднее передвигается все дальше на запад и наконец присваивается группе Антильских островов.

5. Название «Адский остров» (*D'inferno*), которое вначале в «Книге познания» относилось к вулканическому острову Тенерифе, на карте Вальсекуа от 1439 г. и на Каталонской карте мира от 1450 г. перекочевало на Азорские острова.

6. Название «Тюлений остров» (на итальянском языке *Vecchi marini*) первоначально на карте Дульсерта от 1339 г. было правильно присвоено островку, находящемуся к северу от Фуэртевентуры, который еще и сегодня на испанском языке называется Лобос. Однако это название передвигается сначала на север и около 1385 г. на карте Солери присваивается мифическому острову к северу от Мадейры, а затем переносится на запад и в 1448 г. на карте Бианко уже появляется на Азорских островах.

7. Название Селважен, или Сальвадос, присвоенное группе скал между Мадейрой и Канарскими островами, постепенно перекочевывает и становится островом «*De salvis*» на Азорах, где из «*salvis*» возникает название «*Sa. Lvis*» (Санто-Луис). Под таким названием современный остров Пику фигурирует, например, в 1460 г. в завещании принца Генриха Мореплавателя.

8. Название скал Дезерташ Мадейрской группы также перекочевывает в район Азор, причем около середины XV в. остров Дезерта показан на различных картах в этом районе.

9. Самые причудливые трансформации претерпело, пожалуй, название одного из Канарских островов — Грасьоса. Как «Греса» или в переводе на испанский «Бела (Хелла)», то есть «прекрасный», название это странствует по различным районам океана и попадает на Азоры, где оно задерживается. Поэтому в настоящее время остров Грасьоса есть как в Канарской, так и в Азорской группе. Однако позднее название «*Isola bella*» передвигается еще дальше на запад и как Изабелла переносится, наконец, Колумбом на один из островов Вест-Индии[1].

Герман высказал как-то очень меткое суждение:

«Есть много географических названий, сменивших свое положение на карте без ведома и воли их носителей; чаще всего они появлялись в результате ошибки, допущенной исследователем во время его плавания, или кабинетным ученым, перенесшим давно известное название на совсем другой объект»[2].

Примеры такого произвольного перенесения названий приведены в гл. 33 (Касситериды) и в гл. 54 (Туле) (см. т. I), а также в гл. 146 (Рио-де-Оро) и в гл. 147 (Лобос). Но можно было бы привести еще много других примеров. Рассматривая передвижение на запад названий островов Атлантики на рубеже между средневековьем и новым временем, мы встречаемся все с тем же произвольным переносом наименований или неправильным отождествлением географических объектов.

Из «Книги познания» можно с полной уверенностью сделать следующее важное заключение: около 1350 г. уже были известны *все* острова *Канарского* и *Мадейрского* архипелагов. Но ни «Книга познания», ни какая-либо морская карта, составленная до 1430 г., не дают ни малейшего основания считать, что Азоры были открыты в XIV в. Правда, недавно Фридерици снова утверждал, что открытие Азор итальянцами около 1350 г. «не подлежит сомнению»[3]. Однако он заблуждается. *Мы должны отвергнуть гипотезу о том, что в XIV в. уже имелись какие-либо сведения об Азорских островах.*

Несмотря на то что автор этих строк неоднократно предостерегал исследователей от произвольных отождествлений с реальными объектами любых фантастических названий островов, фигурирующих в источниках XIV в., Цехлин недавно снова писал: «Несколько позднее в морском Атласе Медичи

---

[1] E. Oberhummer, op. cit., S. 164 (и след.). Современный остров Крукед-Айленд, открытый и окрещенный Колумбом, вероятно, был назван «*Isla Bela*», а не Изабелла, хотя и это наименование вполне возможно. В пользу такого предположения говорят следующие факты. Колумб однажды упомянул о том, что назвал этот остров «*la isla bella*» (прекрасный остров). Собственное имя Изабелла было бы дано без артикля «la». Турок Пири Реис, мельком видевший карту Колумба от 1498 г., также назвал этот остров «*Izla Bela*», а в самой старой немецкой листовке от 1493 г., оповещающей об открытии Колумба, он именуется «*hübsche Insel*», то есть «прекрасным островом».

[2] A. Hermann, Irrtümliche Namenversetzungen; Die Herkunft der Namen Rotes Meer, Aegyptens und Phönizien aus dem tritonischen Kulturkreis. См. H. Mžik, Beiträge zur historischen Geographie, Leipzig—Wien, 1929, S. 112 (и след.).

[3] G. Friederici, Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer, Stuttgart, 1936, B. II, S. 26.

от 1351 г. тоже показаны Азорские острова; следовательно, они были открыты до этого года»[1].

Соответствующая часть карты из Атласа Медичи приведена в гл. 145. Автор просит проф. Цехлина указать, где именно изображены на ней Азорские острова. Что касается автора, то он смог обнаружить на этой карте только старые, достаточно подробно им проанализированные названия фантастических островов, которые картографы тех времен помещали к северу от Мадейрской группы. Ни названия, ни количество, ни географическое положение этих островов не дают какого-либо основания отождествлять их с Азорами, которые к тому же расположены значительно дальше к западу, чем острова в Атласе Медичи.

---

[1] E. Zechlin, Maritime Weltgeschichte, Hamburg, 1947, S. 358.

ГЛАВА 148

ИБН-БАТТУТА В БАССЕЙНЕ НИГЕРА

(1352—1353 гг.)

В начале божественного месяца мохаррема 753 года хиджры [18 февраля 1352 г.] я отправился в путь, присоединившись к одному каравану... После 25 дней пути мы достигли Тагхазы... Совершив двухмесячное путешествие от Сигильмессы, мы прибыли к городу Джуалатен в начале месяца раби [апрель]. Джуалатен — первый город в стране негров... Из-за дурного воспитания негров и недостаточного уважения к белым я в ту пору сожалел, что отправился в страну негров. Я разыскал Ибн-Бедду, уважаемого в городе Сале человека, которому писал, чтобы он нанял для меня дом, что тот и сделал... Одежда местных жителей красива, ее ввозят из Египта...

Решив предпринять путешествие в Мелли, город, лежащий в 24 днях скорой езды от Джуалатена, я нанял проводника из племени мессуфах. Да и нет необходимости в том, чтобы следовать по этому пути с большим числом спутников, ибо он весьма безопасен. Я же отправился с тремя спутниками; вдоль всей дороги росли могучие столетние деревья. Одного такого дерева достаточно, чтобы укрыть в тени целый караван... В этих местах путнику не нужно заботиться о съестных припасах, а также о чеканных деньгах — дукатах или драхмах. Достаточно, если он имеет при себе куски каменной соли, или стеклянные украшения, или мишуру, которую называют *nazhm* [нитка], и некоторые ароматические вещества... Как только путник попадает в селение, тотчас появляются негритянки с просом, кислым молоком, курами, мукой из лотоса (*rhamnus nabeca*), рисом, *foûni* (?), похожим на зерна горчицы, из которого приготовляют клецки, к тому же с густой кашей и мукой из бобов. И путешественник может купить себе любой из этих продуктов, какой он захочет...

После 10 дней пути от Джуалатена мы пришли в большой город Загхари, населенный черными купцами, так называемыми ванджаралахами... Там проживает и некоторое число белых... Мы отправились в Загхари и прибыли к большой реке — Нилу, или Нигеру, в местность около поселка Карсакху... Отсюда река течет к Кабаре, потом к Загхаху... и от Загхаха к Тимбукту и Каукау [и далее к Мули и Юфи]. Ни один белый человек не ходит в Юфи, ибо негры убили бы его, прежде чем он туда попал. Нил вступает в стра-

ну нубийцев-христиан и течет к их главному городу Донголе...

В город Мелли я прибыл 14 джумада 753 г. [28 июля 1352 г.] и покинул его 22 мохаррема 754 г. [27 февраля 1353 г.]. Выехал я в обществе Якуба, сына купца Абу Бекра. Мы направились в Мимах. Я ехал на верблюде, ибо лошади в этой стране очень дороги, каждая стоит 100 дукатов. Так мы прибыли к большому каналу, который ответвляется от Нила; переправиться через него можно только на барке. Там великое множество москитов, поэтому переправляются только ночью... Я пришел в Каукау [Гао], большой город на Ниле, один из прекраснейших негритянских городов, очень богатый и в изобилии снабжаемый продовольствием. Там много риса, молока, кур и рыбы... Я прожил в Каукау ровно месяц...

Из Каукау с большим караваном, принадлежавшим уроженцам Гадамеса, я направился по проселочной дороге в Такадду... Жители Такадды не знают другого занятия, кроме торговли. Ежегодно они предпринимают путешествия в Египет, откуда привозят в свою страну красивые ткани. Население Такадды живет весело и зажиточно. Из Такадды вывозят медь в город Кубер, находящийся в стране негров-язычников, а также в Загхай и в страну Берну. Она находится в 40 днях пути от Такадды; жители ее мусульмане. У них есть правитель, по имени Идрис, который никогда не показывается народу и говорит со своими подданными только из-за занавеса. Из Берну вывозят в различные местности красивых рабов, евнухов и пропитанные шафраном ткани...

За $37^1/_3$ дуката я купил двух нагруженных солью верблюдов и отправился в Танат. Я взял с собой припасы на 62 дня, ибо между Такаддой и Танатом нет никаких злаков. Там можно купить только мясо да снятое молоко, за которые расплачиваются тканями. Покинул я Такадду 11 шабана 754 г. [12 сентября 1353 г.]...

Мы шли 10 дней и достигли страны берберского племени хаггаров, носящих покрывало. О них можно сообщить мало. Они бездельники... [Следует описание дальнейшего путешествия через Буду и Сигильмессу, где в конце декабря Ибн-Баттута наблюдает необычайно сильный снегопад.]

В своих странствиях я видел много снега в Бухаре, Самарканде, Хорасане и в Стране турок, но никогда не знал более неприятного пути, чем этот. [Возвращение в Фес в начале 1354 г.]

Просмотр этого труда был закончен 3 джулахиджа 756 г. [10 декабря 1355 г.][1].

В 1349 г. Ибн-Баттута вернулся в Марокко из своего грандиозного 24-летнего странствия (см. гл. 139). Ему было тогда 45 лет и в нем еще не угасла

[1] Ibn Batuta, Tuhfat al Nussar fi Chara'ib al-Amsar wa Adra-ib al-Asfar (Voyages d'Ibn Batuta), ed. Defrémery et Sanguinetti, Paris, 1854, IV, p. 377 (и след.).

страсть к путешествиям. Уже в 1350 г. или в 1351 г. Ибн-Баттута снова объехал мавританские земли Пиренейского полуострова, причем он в этот раз намеренно избегал христианских областей. Позднее, в начале 1352 г., великий путешественник по повелению своего султана направился в мусульманские страны Северо-Восточной Африки, которые не успел посетить во время первого путешествия. Уже в тот период ислам пустил довольно глубокие корни в негритянских странах (см. гл. 131). Весьма оживленная торговля богатого золотом государства на Нигере, столицей которого с 1336 по 1433 г. был Тимбукту[1], велась только с мусульманскими странами — с Египтом, Малой Азией, Тунисом, Марокко и с районом «Золотой реки» (Уэд-Дра). До христианских народов Европы о стране на Нигере доходили чаще всего лишь смутные слухи.

Об этой торговле и хотел разведать Ибн-Баттута. Новое путешествие не идет ни в какое сравнение с его первым подвигом. Оно длилось не более двух лет, но все же явилось весьма ценным дополнением к предыдущим странствиям, так как проходило целиком в совсем других странах, причем в таких, которые в то время были почти полностью закрыты для христиан.

Отправившись в путь в феврале 1352 г., Ибн-Баттута прошел через Сигильмессу, чрезвычайно важный город к востоку от Тафилалета, основанный в 757—758 гг. на краю пустыни[2], и далее через Андагхост в Тагхазе и Судам в Уалате попал в Тимбукту[3]. Султаном в государстве Мали был тогда Сулейман (1336—1359), брат умершего в 1332 г. великого Мусы. Ибн-Баттута провел в столице Тимбукту семь месяцев, посетил еще Каукау (Гого, Гао) и Туат, а затем через пустыню, мимо нагорья Ахаггар, вернулся в Сигильмессу и далее в Фес, куда он благополучно прибыл в начале 1354 г.

Если в приведенном выше тексте Ибн-Баттута отождествляет Нигер, с которым он познакомился в Тимбукту, с Нилом, то этим он отдает дань заблуждению, типичному для всех средневековых географов, принявших на веру утверждение античных авторов, будто Нил берет начало на дальнем западе Африки или имеет там второе устье. В том обстоятельстве, что верхний Нигер течет в восточном направлении, арабские географы усмотрели подтверждение этого ошибочного предположения. Недавно Вёльфель выступил

---

[1] Еще Мунго Парк говорит о Тимбукту, что это «рынок золота, добываемого народом мандинго, откуда оно купцами из Туниса, Триполи, Феццана и Марокко доставляется на север Африки». См. M u n g o P a r k, Travels in the interior districts of Africa, London, 1799 (приложение LXXXV).

[2] Статья Колина. См. «Enzyklopädie des Islam», Leiden, 1927, B. IV, S. 433.

[3] Сигильмесса, иначе Сиджилмас,— город на юго-восточном склоне Высокого Атласа; в средние века он был крупнейшим торговым центром группы оазисов Тафилалет и вообще всей Марокканской Сахары; Тагхаза, или Техазза,— оазис в Западной Сахаре, где до XVI в. разрабатывались месторождения каменной соли; после их истощения основная добыча каменной соли передвинулась в оазис Тауденни; Уалата, Дахар-Уалата,— цепь оазисов в Южной Сахаре к западу от Тимбукту. В поселках Уалаты и в Тимбукту во времена Ибн-Баттуты плиты каменной соли обменивались на местные товары, хлопчатобумажные ткани и зерно. См. О. Б е р н а р, Северная и Западная Африка, М., 1949, стр. 342.— *Прим. ред.*

в защиту гипотезы, согласно которой Нигер в древности якобы действительно был связан с Нилом[1]. Однако нет ни малейших оснований защищать такую смелую гипотезу, тем более что в древности, как мы знаем (см. т. I, гл. 17 и 64), Нигер, безусловно, не был известен, а свой «Западный Нил» географы искали гораздо севернее, на марокканской территории.

Сообщения Ибн-Баттуты о положении в бассейне Нигера во многих отношениях очень ценны для истории культуры. Наряду с прочим он рассказывает и о том, что в больших городах на Нигере жили христиане, содержавшие там гостиницы. Их называли назарени[2].

Ибн-Баттута дает нам только самый блестящий пример сочетания коммерческой предприимчивости с любовью к путешествиям. Но это было, вероятно, свойственно многим мусульманам. Сам Ибн-Баттута сообщает нам интересные факты о том, что его единоверцы то и дело совершали очень далекие путешествия, которые, несомненно, достойны особого рассмотрения. Самым поразительным из этих фактов, вызвавшим удивление даже у Ибн-Баттуты, была его встреча в глубинных районах Китая с соотечественником из Сеуты, по имени ал-Бушри, который достиг в Срединной империи значительного благосостояния[3]. Отправившись в новое путешествие, Ибн-Баттута встретился в Сигильмессе с братом ал-Бушри и был в этом городе его гостем[4]. Для характеристики необычайной предприимчивости мусульманских купцов того времени эти две встречи весьма показательны. Не менее интересен и другой рассказ Ибн-Баттуты о том, как один имам в Александрии просил его передать привет своим братьям, если путешественник встретится с одним из них в Индии, с другим — в Синде, с третьим — в Китае[5].

Сообщения Ибн-Баттуты и других мусульман о глубинных областях Африки дошли до европейцев того времени. Сведения составителя замечательной Каталонской карты мира от 1375 г. о глубинных областях «Черного континента», наверное, почерпнуты преимущественно из этих источников[6]. Но возможно, что о них рассказывали и христианские путешественники, поскольку в договоре, заключенном республикой Венецией с правителем Туниса еще в 1320 г., предусматривался свободный проход через этот султанат[7].

Такой же договор был заключен в 1339 г. между Каталонией и султаном Тлемсена. В нем оговаривалось, что «путешественники из обоих договорившихся государств могут проходить и проезжать по другому государству...

---

[1] D. J. W ö l f e l, Die Hauptprobleme Weissafrikas, «Archiv für Antropologie», 1941, B. XXVII, S. 9.

[2] Христиане именовались так по названию города Назарета в северной Палестине, откуда, согласно евангельской традиции, происходил Иисус Христос.— *Прим. ред.*

[3] I b n B a t u t a, Tuhfat al-Nussar fi Chara' ib al-Amsar wa Adra-ib al-Asfar (Voyages d'Ibn-Battuta), ed. Defrémery, Sanguinetti, Paris, 1854, IV, p. 282.

[4] Ibidem, p. 377.

[5] Ibidem, I, p. 38.

[6] O. P e s c h e l, Geschichte der Erdkunde, Berlin, 1865, S. 173.

[7] Ibidem, S. 174 (примечание 2).

им обеспечивается личная безопасность... на суше и на воде, в гаванях и в любом другом месте»[1].

После возвращения с Нигера Ибн-Баттута, видимо, больше не предпринимал значительных путешествий. По повелению своего властелина он продиктовал все сведения, накопленные за почти 30-летние странствия, и рассказы о своих приключениях писцу султана Мухаммеду бен Мухаммед бен Джузайа (Ибн-Джузайа), обработавшему их стилистически[2]. Эта работа была завершена в декабре 1355 г., и мы получили великолепную книгу о путешествии, сохранившуюся до наших дней. Величайший путешественник средневековья в последующие десятилетия, видимо, постоянно жил в Фесе и умер там в 1377 г., достигнув 73 лет[3]. Следует еще кое-что добавить о пересечении Сахары путешественниками более отдаленных времен.

Сахара начала постепенно превращаться в пустыню только примерно с IV тысячелетия до н. э. При этом когда-то хорошо орошавшаяся и покрытая богатой растительностью местность начала перерождаться в степь на востоке[4]. Во II тысячелетии до н. э. процесс превращения Сахары в пустыню затронул все ее районы до Атлантического океана. Однако до наступления нашей эры местность эта была гораздо приветливее, чем теперь. Дикие оливы в большом количестве произрастали там, где теперь простираются зыбучие пески[5]. Южнее заливов Большой Сирт и Габес, а также на юге Туниса и Алжира еще можно было преодолеть Сахару пешком или по крайней мере проникнуть далеко в глубь пустыни, а «в районах, где теперь даже верблюд не найдет себе пищи, паслись многочисленные стада крупного рогатого скота»[6]. О наличии здесь стад крупного скота, овец и коз свидетельствуют наскальные изображения[7]. Процесс пересыхания почв, чаще всего вызывавшийся вырубкой лесных массивов, затем непрерывно продолжался в течение средневековья и в новое время. Даже теперь территория пустыни ежегодно расширяется примерно на 1 *км* по всей ее гигантской периферии. Как бы то ни было, но в средневековье пересечение Сахары, наверняка, не считалось таким трудным делом, как в наши дни.

---

[1] Champollion-Figeac, Reinaud, Chartes inédites en dialecte catalan, dec. IV, cap. 55.

[2] Статья де Слана. См. «Journal Asiatique», 1843, t. 1, p. 244. [Мухаммед Ибн-Джузайа был испанским арабом, уроженцем Гранады. В декабре 1355 г. он закончил только запись под диктовку, а «стилистическая обработка» была завершена в феврале 1356 г. Крачковский писал: «Работа его была выполнена очень поспешно —в три месяца... Он недолго пережил ее окончание и в том же 757 (1356) г. умер. Все эти обстоятельства литературного оформления путешествия надо всегда иметь в виду и, судя строго Ибн-Баттуту, никогда не забывать, что многое, в чем его обвиняют, может принадлежать Ибн-Джузайа». См. И. Ю. Крачковский, Соч., т. IV, стр. 422.— *Ред.*]

[3] «Enziklopädie des Islam», Leiden — Leipzig, 1927, B. II, S. 391.

[4] O. Spengler, Untergang des Abendlandes, München, 1922, B. II, S. 33.

[5] S. Gsell, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, Paris, 1913, t. I, p. 166.

[6] D. J. Wölfel, Die Hauptprobleme Weissafrikas, «Archiv für Anthropologie», 1941, B. 27, S. 91.

[7] Ibidem, S. 94.

ГЛАВА 149

ПЛАВАНИЕ ОКСФОРДСКОГО СВЯЩЕННИКА ПО СЕВЕРНОЙ АТЛАНТИКЕ И ПРОБЛЕМА МАГНИТНОЙ ГОРЫ

(1360 г.)

Свидетельство ученого математика Джона Дэ о путешествии Николаса де Линна. В 1360 г. оксфордский монах, который был хорошим астрономом, поплыл вместе с другими монахами к самым северным островам мира, оставил там своих спутников, один отправился дальше и по порядку описал все северные уединенные острова с прилегающими морями. Возвратившись, он посвятил рукопись королю Англии[1].

* * *

Николас де Линна, минорит, англичанин, математик из Оксфорда, в правление Эдуарда III озаглавил свое превосходное произведение «*Inventio fortunata*»; там он дал описание северных островов и их морских водоворотов от 53° до полюса, согласно сообщению брата Франциска из Санта-Клары в приложении к фрагментам его «Англиканской провинции» на стр. 227[2].

* * *

В книге «*De inventione fortunata*» можно прочитать, что у северного полюса возвышается высокая скала из магнитного камня окружностью в 33 немецкие мили. Ее омывает текучее янтарное море (*mare sugenum*), из которого вода там, как из сосуда, изливается вниз через отверстия. Вокруг расположено четыре острова, из коих два обитаемы. Пустынные обширные нагорья высятся вокруг этих островов на протяжении 24 дней пути, и на них совсем нет человеческих жилищ[3].

* * *

«Магнитные горы по ту сторону Альп [то есть на севере] сообщают воздуху свою способность притягивать железо, а магнит

---

[1] R. Hakluyt, The principal navigations, voyages and discoveries of the English nation, Glasgow, 1903, p. 249.

[2] Johannes a Santo Antonio, См. «Bibliotheca universalis Franciscana», Madrid, 1732, t. II, p. 388.

[3] Легенда к карте мира Пири Реиса от 1508 г.

взывает к помощи весьма отдаленного камня, чтобы проявить свое свойство направлять иглу на Полярную звезду».

(*In quelle parti dotto tramontana*
Sono li monti della calamita,
Che dan virtute all'aere
Di trarre il ferro ma perche lontana
Vole di simil pietre havere aita
A farla adaperare
Et dirizare l'ago inver la stella)[1].

«Счастливое открытие, добровольно осуществленное от 54° вплоть до полюса» («*Inventio fortunata qui liber incipit a gradu 54 usque ad polum*»),— такое название носило написанное в XIV в. сочинение, к сожалению, не дошедшее до нас в оригинале. Мы знаем о нем только из книг более поздних авторов. Вероятно, это был выдающийся географический труд, и его потеря достойна сожаления. В книге описывалось плавание на Крайний север францисканца из Оксфорда в 1360 г. Имя этого мореплавателя не установлено. Некоторые комментаторы предполагали, что то был Николас из Линна, преподававший богословие в Оксфорде во второй половине XIV в. и составивший в 1386 г. календарь, доведенный позднее до 1462 г. Джон Дэ, напротив, предполагал, что этим мореплавателем был минорит Гуго из Ирландии, живший около 1360 г. и, как доказано, любивший путешествовать[2]. И то и другое вполне правдоподобно. Как бы то ни было, имя автора «Счастливого открытия» точно установить нельзя.

Самое раннее сообщение об этом плавании и его утерянном описании восходит к некоему Джеймсу Кнойену из Буа-ле-Дюк, автору сочинения «*Belga Linguiça*», которое тоже, к сожалению, пропало. Однако оно было использовано великим Меркатором. От него мы узнали, что путеводитель «*Jacobi Cnoxen Bucoducensis*» опирался на «рассказ священника, который имел астролябию» и был «математиком из Оксенфурта [Оксфорда]», а также, что мореплаватель 1360 г. «описал все чудеса этих островов»[3]. Сочинение «Счастливое открытие», написанное им для английского короля, будто бы в 1364 г. попало также в руки норвежского короля. Это вполне вероятно, если соответствует действительности сообщение Меркатора, что при помощи астролябии мореплаватель определил точную широту всех посещенных мест, в частности многочисленных пунктов на норвежском побережье.

К 1500 г. оригинал книги «Счастливое открытие», вероятно, еще не был утерян, так как на карте мира Пири Реиса, составленной в 1508 г., есть

---

[1] Из Гвидо Гвиничелли (ум. в 1276 г.).

[2] J. D é e, (1527—1607), Description, historique et géographique des pays découverts pur les Anglais dans les diverses parties du globe (рукопись из Коттонианской библиотеки).

[3] G. M e r c a t o r, Atlas minor, Amsterdam, 1606, p. 27.

на нее ссылка. Сторм первым обратил внимание на запись Рейса, текст которой приведен в начале главы[1].

Нельзя установить, как далеко на север зашел сам мореплаватель. Есть основания предполагать, что в своем разведывательном плавании он удалился лишь на незначительное расстояние от обитаемой зоны; возможно даже, что это плавание проходило вообще только в издавна посещавшихся водах и в виду знакомых побережий. Хотя сам мореплаватель и утверждал, будто он посетил «самые северные острова в мире», все же нужно учесть, что на этих островах были оставлены его спутники. Следовательно, несомненно, речь идет не о слишком негостеприимных и тем паче не об арктических островах. Маршрут и цель экспедиции теперь установить нельзя, и самые тщательные исследования не дали дополнительных материалов по этому вопросу[2].

Тем не менее есть, пожалуй, отправная точка для некоторых догадок. В процитированном среди первоисточников сочинении испанца Иоанна из Санто-Антонио говорится, что в книге были описаны «северные острова и их морские водовороты». Последние, вероятно, и послужили поводом к рассказам о различных «чудесах» этих островов. Ведь морские водовороты не так уж часто встречаются в северных морях. С ними сталкиваешься прежде всего сразу же к северу от Британских островов. В Пентленд-Фёрте, между Оркнейскими островами и Шотландией, при плохой погоде становятся иногда довольно опасными два водоворота — Мерри-Мэн-оф-Мой и Свелки-оф-Суоана. Об этой «поразительной морской пучине» еще в XII в. упоминал Джиралд Кембрийский: «Если случается, что через нее идет корабль, то его увлекает сила потока»[3]. Более слабый водоворот, которого порой боялись, пожалуй, сильнее, чем следует, встречается дальше к югу от Фарерского острова Сюдерё, у скалы Сумбё-Мунк[4].

Но посещенные оксфордским монахом «острова с морскими водоворотами» мы должны, видимо, искать среди норвежских островов, где встречаются самые сильные и знаменитые водовороты, а именно когда-то всем известный Мальстрем, или Мускенстраумен, между Лофотенскими островами Мускенесёия и Верёй. Этот водоворот Павел Диакон еще в VIII в. считал прообразом

---

[1] G. Storm, Studier over Vinlandsrejserne, Vinlands Geografi og Ethnografi, «Aarbog for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1887», København, 1888, S. 75.

[2] B. F. de Costa, Arctic Exploration, «Journal of the American Geographical Society of New York», 1880, v. XII, p. 173 (и след.). Arctic exploration with an account of Nicolaus of Lynn, «Bulletin of the American Geographical Society», New York, 1881, p. 36; A. Gebhardt, Entdeckungsfahrten der alten Norweger, «Münchener Allgemeine Zeitung», 14. August, 1903, S. 308.

[3] Giraldus Cambrensis, Topographia hibernica, ed. James F. Dimock, London, 1867, dist. II, cap. XIII.

[4] L. Jacobson Debes, Faerøernes oc Faerøeske Indbyggeris Beskrivelse, København, 1673; Hans Rudolphi, Munken, «Mitteilungen der Islandfreunde», 1920, S. 68.

Харибды и причиной отлива и прилива[1]. Далее следует самый опасный из всех европейских водоворотов — Сальстрём в Сальт-фьорде у Будё, между островами Стрёмо и Гудё, который, разумеется, не может идти в сравнение по своей известности с более безобидным Мальстремом. Объясняется это тем, что Сальстрём находится не на широкой морской магистрали, а в начале незначительного и редко посещавшегося Шерстад-фьорда. Еще дальше на севере есть лишь один значительный и очень опасный водоворот. Он находится возле

Рис. 13. Старинное изображение Мальстрема.
По Олаю Магнусу.

Святого Носа у Мурманского берега и упоминается в скандинавской средневековой литературе[2], а также Герберштейном[3]. Но этот водоворот мы, безусловно, должны исключить, рассматривая плавание оксфордского священника, так как он находится слишком далеко от морских путей, которыми обычно пользовались в XIV в.

В «Счастливом открытии», как уже отмечалось, описываются главным образом «северные острова и их морские водовороты»; видимо, можно считать доказанным, что мореплаватель предпринял «научную экспедицию в Норве-

---

[1] Paulus Diaconus, Historia Langobardum, t. I, 6. [Павел Диакон (род. около 720 г., ум. в конце VIII или начале IX в.) — лангобардский историк, писавший свои труды в 80—90-х годах VIII в. в монастыре Монтекассино, на юге Папской области (современная область Лацио).— *Ред.*]

[2] «Хеймскринсла». См. «Thule», Jena, 1922, B. II, S. 235; Сага о Хоконе сыне Хокона. См. «Fornmanna-Sögur», B. IX, S. 319.

[3] S. Herberstein, Rerum moscovitarum commentarii, Basel, 1571, p. 117. [Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) — германский посол, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг. В 1549 г. издал книгу, где, пользуясь русскими источниками, обобщил очень ценный географический и картографический материал о Русском централизованном государстве. См. С. Герберштейн, Записки о московитских делах, СПБ, 1908.— *Ред.*]

гию»[1]. Отсюда вполне закономерен вывод, что он столкнулся главным образом с норвежскими водоворотами, в частности с наводившим ужас Мальстремом. В этом водовороте, кстати сказать, несколько десятилетий спустя, 5 января 1432 г., потерпел кораблекрушение Кверини, который, кажется, был первым итальянцем, побывавшим в Норвегии[2]. К такому заключению приводит нас и то обстоятельство, что Меркатор непосредственно после упоминания об оксфордском монахе рассказывает историю о колоссальном водовороте, затягивающем в пучину все корабли, плывущие на значительном расстоянии от него (см. т. II, гл. 105 и 107). Однако Меркатор относится к этой истории весьма скептически и полагает, что она, пожалуй, похожа на «правдивый рассказ Лукиана»[3], поскольку голландским судам неоднократно удавалось благополучно добираться через Норвежское море до 81° с. ш. Хотя в «Счастливом открытии» описаны все моря «до полюса», из этого никак не следует, что сам оксфордский монах заходил в своем плавании севернее Лофотенских островов и, во всяком случае, севернее района Будё. В действительно неизвестные тогда области суши и незнакомые воды он, наверняка, не проник. Но, очевидно, этот мореплаватель, помимо собственных наблюдений, сообщал о Крайнем севере то, что можно было узнать по слухам или толкам. Такое заключение можно сделать из надписи на карте Реиса, сообщающей, что в «Счастливом открытии» упоминалось и о магнитной горе у Северного полюса. В этой связи следует кратко остановиться на проблеме магнитной горы.

Легенда о такой горе возникала, видимо, всегда там, где какому-либо народу доводилось в первый раз сталкиваться с непонятным свойством магнитной стрелки неизменно указывать на одно и то же направление. Насколько известно автору, эту культурно-историческую взаимосвязь впервые выявил Фальконе в 1717 г.[4] Пожалуй, еще в древности люди уже кое-где знали об этой особенности магнитной стрелки. Во всяком случае, известно, что древние китайцы были знакомы с «направлением стрелки» в очень отдаленные времена, что подтверждено источниками не позднее 121 г. н. э.[5] С этим ранним

[1] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg, 1902, S. 105.

[2] Описание путешествия Кверини. См. G. Ramusio, Navigationi e viaggi, Venézia, 1583, t. II, p. 144 (и след.).

[3] Лукиан Самосатский (II в.) — древнегреческий сатирик-атеист, родом из города Самосаты на верхнем Евфрате (теперь поселок Самсат в юго-восточной части Турции). Борясь в своих диалогах со всевозможными религиозными суевериями, Лукиан выводит в них легковерных людей и шарлатанов, которые утверждают, будто сами были свидетелями необыкновенных происшествий. другому жанру относится его «Правдивая история»—пародия на приключенческий роман.—*Прим. ред.*

[4] Falconet, Dissertation sur l'aimant (доклад, прочитанный в Академии надписей и изящной литературы 6 апреля 1717 г.). См. «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et des Belles Lettres», t. IV, p. 630.

[5] Ю Цзинь, Шувэнь (Словарь, 121 г.). См. H. J. Klaproth, Lettre à M. le baron de Houmboldt sur l'invention de la boussole, Paris, 1834, p. 116. Сомнения в столь раннем знакомстве китайцев с компасом, высказанные Липпманом, неосновательны и объясняются его стремлением приписать изобретение компаса северным народам. См. E. Lippmann, Geschichte der Magnetnadel bis zur Erfindung des Kompasses, Berlin, 1932.

знакомством китайцев со свойствами магнитной стрелки связаны, вероятно, сообщения о магнитных горах на Дальнем Востоке[1], встречающиеся уже у Плиния[2] и Птолемея[3]. Так как у китайцев и средневековых арабов компасные стрелки всегда указывали на юг, то и свою таинственную, внушавшую ужас магнитную гору, которой они приписывали «южное направление» магнитной стрелки, они тоже искали где-нибудь на *юге* посещавшихся ими морей. Народы, населявшие Северную и Западную Европу, очевидно, независимо от жителей Востока открыли свойство магнитной стрелки не позднее, но, вероятно, и не на много раньше XII в.[4] У них магнитная стрелка указывала на *север* (ведь на какой стороне сделать «острие», зависит, разумеется, от произвольного выбора). Поэтому европейцы и причину этого явления — магнитную гору тоже искали где-нибудь на севере. Об этом свидетельствуют стихи болонского поэта Гвиничелли, старшего современника Данте, приведенные среди первоисточников в начале главы.

Первоначально полагали, что магнитная гора относительно безобидна и находится где-то недалеко в доступных водах, как это следует из описания встречи флотилии хегелингов с магнитной горой в «Песне о Гудрун»[5]. Но скоро в Европе (как и у арабов[6]) мифическая магнитная гора превратилась в одну из самых ужасных опасностей, грозящих мореходу, и ей приписывали гибель бесчисленных кораблей. Особенно сильно ужас, который она внушала, проявляется в странном народном сказании о герцоге Эрнсте[7]. Сказители заставляют своего героя в течение одного плавания столкнуться со всеми опасностями, созданными богатой фантазией восточных народов, и испытать чудесные приключения. Между тем пасынок императора Конрада II, герцог Эрнст Швабский, павший в битве 17 августа 1030 г., несомненно, никогда не видел моря. Согласно исследованиям Уланда, сказание это было известно еще в 1188 г., то есть через 150 лет после смерти его героя[8]. Следовательно, в то

---

[1] R. Hennig, Ein Zusammenhang zwischen der Magnetberg-Fabel und der Kenntnis des Kompasses, «Archiv für Kulturgeschichte», 1930, S. 350; Die Magnetberg-Sage und ihr naturwissenschaftlicher Hintergrund, «Geographische Wochenschrift», 1935, S. 583; см. также R. Hennig, Rätselhafte Länder, Berlin-Tempelhof, 1950 (проблема магнитной горы рассматривается в главе «Где находится рай?»).

[2] Plin., N. H., II, 98.

[3] Ptolemäus, VII, 2.

[4] R. Hennig, Die Frühkenntnis der magnetischen Nordweisung, «Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie», 1931—1932, B. 21, S. 25.

[5] «Gudrunlied» (стихи 1126—1135). [«Песнь о Гудрун» — немецкая поэма XIII в., главная героиня которой девица Гудрун, дочь короля хегелингов (вымышленный народ), была похищена викингами.— *Ред.*]

[6] «1001 ночь», рассказ третьего календера. См. также R. Basset, Notes sur les mille et une nuit, I: La montagne d'aimant, Paris, 1894, p. 377 (и след.).

[7] «Herzog Ernst-Sage», ed. K. Bartsch, Wien, 1869, S. XVII (и след.), S. 87 (и след.).

[8] L. Uhland, Über die Sage vom Herzog Ernst (вступительная лекция, прочитанная 22 ноября 1832 г. в Тюбингенском университете). [Людвиг Уланд (1787—1862) — немецкий поэт-романтик и историк литературы.— *Ред.*]

время страх перед магнитной горой в европейских странах был, вероятно, уже довольно велик.

Так как в известных водах до Нордкапа и далее магнитной горы нигде обнаружить не удалось, то ее мнимое местонахождение отодвигалось все дальше на север; причем таинственную силу, заставлявшую компас указывать на север, либо приписывали самой Полярной звезде, как это видно из поэмы Данте, либо предполагали, что эта гора находится на крайнем севере Гренландии, если не на самом Северном полюсе[1]. Так, на карте мира Вальспергера от 1448 г. у северных морей стоит надпись: «В этом большом море нет судоходства из-за магнита» [«*in hoc mari magno non est navigatio propter magnetes*»].

То же самое сообщает карта Реиса от 1508 г., ссылаясь на книгу «Счастливое открытие». Именно в этой книге, возможно, впервые было приведено странное сообщение, которое помещено в виде легенды на карте Реиса у северной Гренландии: «Здесь начинается Янтарное море. Судовой компас здесь уже ненадежен, и корабли, в которых есть железо, не могут повернуть назад». Надпись, помещенная у самого полюса, которая приведена в начале главы, также, видимо, заимствована из этого источника[2].

Насколько прочно укоренилось это заблуждение относительно магнитной горы, находящейся в гренландских водах, особенно хорошо видно из того обстоятельства, что еще в 1567 г. неудача экспедиции в восточногренландских водах, руководимой Могенсом Хейнессеном, была приписана действию магнитной горы.

Эгеде, сообщающий об этом заблуждении, добавляет столь же трезво, сколь и метко: «Подлинными «магнитными утесами», задержавшими корабли Хейнсона [Хейнессена], были, несомненно, либо страх, что он не пройдет среди устрашающей массы льда, которая виднелась впереди, либо противное течение, обнаруженное около Статенхука и столь сильное, что корабль даже на всех парусах не мог двигаться дальше»[3].

В связи с этой историей невольно вспоминается рассказ персидского царевича Сатаспа (см. т. I, гл. 18), которому такой же суеверный страх, показавшийся Эгеде «смешным», помешал выполнить царский приказ.

Мы знаем также, что Мандевиль с присущей ему «наглой лживостью» (Бевеншен) утверждал даже в своей полной сенсаций книге, что во время его мнимых странствий он якобы сам видел магнитную гору, разрушающую корабли[4].

---

[1] Данте Алигьери, Божественная комедия, Рай, песня 12, стр. 30.

[2] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, B. I, S. 44.

[3] H. Egede, Beschreibung der Naturgeschichte von Grönland, Berlin, 1763, S. 50 (и след.). [Ханс Эгеде (1686—1758) — норвежский миссионер, исследователь юго-западной Гренландии. В 1721—1736 гг. он возглавлял датскую миссию, положившую начало вторичной скандинавской колонизации Гренландии и ее захвату Данией.— *Ред.*]

[4] Sir John Mandeville, Travel, ed. Warner, London, 1889, ch. 15, 27.

Если подобные вымыслы действительно были навеяны книгой «Счастливое открытие», а такой вывод напрашивается из карты Реиса, то оксфордский священник отдал дань духу времени и, очевидно, более охотно рассказывал различные сказки и чудесные истории, чем излагал подлинные факты.

Такой вывод подкрепляется и соображениями, высказанными Нансеном, который считает, что всевозможные вымыслы и ошибочные представления об островном мире северных широт, видимо, ведут свое происхождение от книги «Счастливое открытие»[1]. Это относится, в частности, к разделявшемуся почти всеми учеными XV и XVI вв. заблуждению, будто Гренландия представляет собой полуостров Европы. Такое ошибочное представление настойчиво внушал своим современникам Клавдий Клавус[2] (около 1427 г.), но его придерживались также Бехайм (1492 г.) и Реис (1508 г.), и оно просуществовало до 1600 г. Уже в «Королевском Зерцале» (около 1240 г.) высказывается мнение[3], что Гренландия не может быть островом, так как там встречаются северные олени, полярные зайцы и песцы, которые не водятся на островах и, следовательно, могли переселиться туда сами только из других областей Европейского материка (см. гл. 151 и 157). Открытие Шпицбергена, гигантские ледяные поля Северного Ледовитого океана и легенда о некоем путешественнике, якобы добравшемся пешком от Гренландии до Норвегии и питавшемся в пути молоком захваченной им козы, для которой нашлось там достаточно корма[4], могли значительно укрепить такое ошибочное представление. Этому способствовала, вероятно, книга «Счастливое открытие», которая перенесла место действия из Северного мира в более низкие широты. Наконец, Клавдий Клавус, так сказать, санкционировал сообщение книги, подкрепив его своими авторитетными суждениями. Этот датчанин был первым ученым, который сообщил средиземноморским народам более точные сведения о Крайнем севере. Он нанес на известный в его время вариант карты Птолемея арктические районы. И все же Клавдий Клавус, пожалуй, больше всех виноват в продержавшемся несколько столетий заблуждении, будто существует перешеек, соединяющий Гренландию с Северной Европой или Северной Азией. Фишер[5], впрочем, правильно указал на то, что сам Клавдий Клавус, вероятно, был введен в заблуждение древнескандинавскими источниками XII и XIII вв.[6] и прежде всего «Историей Норвегии» (XII в.)[7]. Но этот датчанин некогда слыл лучшим знатоком Гренландии, и его сообщения были приняты всеми за истину. Утверждению Клавуса, будто он сам побывал в Гренландии примерно

---

[1] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 221, 241.

[2] О датском картографе Клавдии Клавусе Нигере (Клавдий Клауссен Сварт) см. гл. 153.— *Прим. ред.*

[3] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 327 (и след.).

[4] T. Torfaeus, Groenlandia antiqua, Köbenhavn, 1706, S. 25 (и след.).

[5] J. Fischer, op. cit., S. 58 (и след.). Нансен полагает, что Клавус мог заимствовать свои сведения у Николаса из Линна. См. F. Nansen, op. cit., B. II, S. 411 (примечание 459).

[6] E. T. Hamy, Les Origines de la cartographie de l'Europe, Septentrionale, «Etudes Historiques et Géographiques», Paris, 1896, p. 1 (и след.).

[7] G. Storm, Monumenta historica Norwegiae, Christiania, 1888, S. 75

между 1425 и 1430 гг. (см. гл. 153), и в нашем веке верили такие авторитетные исследователи, как Фишер и Мадсен[1]. Между тем сообщение Клавуса «ничем не подтверждается»[2], и, как полагает автор этих строк, можно даже доказать, что такое путешествие было фактически невозможным (см. гл. 153).

Хотя это и нельзя доказать, все же представляется вполне вероятным, что пропавшая книга «Счастливое открытие» оказывала значительное влияние на географические воззрения в течение двух последующих столетий. Тем больше у нас оснований сожалеть о ее потере. Несомненно, эта книга не была выдающимся географическим трудом. Тем не менее она, видимо, значительно способствовала расширению географических знаний, а заодно, к сожалению, и различных заблуждений. Ранее утверждали, что автором «Счастливого открытия» был Николас из Линна, но доказать этого нельзя, с чем согласны в настоящее время и английские исследователи[3]. Поэтому мы должны считать, что автор книги неизвестен. Но если даже случайно будет найдена рукопись книги «Счастливое открытие» (эта возможность маловероятна, но не исключается), у нас все же мало надежды получить ясный ответ на то, кто был ее автором, какие плавания он совершил и какие литературные произведения написал.

---

[1] M a d s e n, De vigtigste af danske i arktiske Egne udførte Reiser og Forskninger, «Geografisk Tidskrift», 1915, B. 19, S. 34.

[2] Статья Людвига Бриннера. См. «Hansische Geschichtsblätter», 1912, S. 352.

[3] «Dictionary of National Biography», v. XIV, p. 418.

ГЛАВА 150

НОРМАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ГЛУБЬ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ И ЗАГАДКА КЕНСИНГТОНСКОГО РУНИЧЕСКОГО КАМНЯ

(1362 г.)

[Нас] 8 готов [то есть шведов] и 22 норвежца [участников] разведывательного плавания из Винланда на запад. Мы остановились у двух шхер в одном дне пути к северу от этого камня. Мы [ушли] на один день и ловили рыбу. Потом мы вернулись, нашли 10 [наших] людей окровавленными и мертвыми. *Ave virgo Maria* [Благоденствуй Дева Мария], избавь нас от зла[1]!

* * *

Десять человек из нашего отряда остались у моря[2], чтобы присматривать за нашими кораблями [или за нашим кораблем], в 14 днях пути от этого острова. Год 1362[3].

* * *

Магнус, Божьей милостью король Норвегии, Швеции и Схонии, желает всем, кто увидит это письмо или услышит об этом, доброго здоровья и счастья.

Мы хотим сообщить вам, что вы поведете мужей, которым надлежит плыть на «Трещотке»[4], как названных по имени, так и не названных из нашей личной стражи или из вассалов и других лиц, которых вы захотите взять с собой в плавание, и что Пауль Кнутсон будет командиром «Трещотки». Он наделен всеми полномочиями отбирать людей, которых сочтет самыми подходящими для совместного плавания, как офицеров, так и матросов. Мы требуем, чтобы вы приняли этот наш приказ, проявив истинно добрую волю к выполнению этого дела, ибо мы совершаем его во славу Божию, во спасение наших душ и в память наших предшественников, кото-

---

[1] Надпись на Кенсингтонском руническом камне, найденном в августе 1898 г. в США (штат Миннесота). См. H. R. H o l a n d, The Kensington Stone, Ephraim (Wisconsin), 1932, p. 6 (издание автора).

[2] Начертанное на руническом камне слово *se* (сё) может означать и «море» и «озеро».— *Прим. ред.*

[3] Надпись на ребре того же камня.

[4] «Трещотка» — прозвище судов, которые в XIV в. по возможности ежегодно посылались датским правительством в Гренландию для связи с колонистами-скандинавами.— *Прим. ред.*

рые ввели христианство в Гренландии и сохранили его до наших дней; а мы не хотим, чтобы оно погибло в наше время. Знайте твердо, что, если кто-нибудь нарушит наш приказ, того ждет наша немилость и суровая кара.

Дано в Бергене в понедельник после Симона и Иуды в 36-й год нашего правления. Заверено нашим канцлером Ормом Эстейнсоном[1].

* * *

...От Эстербюгда до Вестербюгда тоже 12 дней плавания и кругом безлюдье. А в Вестербюгде стоит большая церковь, которая называется Стейнеснес; эта церковь некогда была кафедральной, и здесь жил епископ [?]. Ныне скрелинги разграбили весь Вестербюгд. Там есть еще лошади, козы, рогатый скот и овцы, но все они одичали; однако людей там нет — ни христиан, ни язычников.

Все, что здесь рассказывается, сообщено нам гренландцем Иваром Бардсеном, который многие годы управлял Гарденской епархией в Гренландии. Он сам видел все это и был одним из тех людей, которым их законный правитель повелел отправиться в Вестербюгд, чтобы выступить против скрелингов и изгнать их оттуда. При прибытии моряки не нашли там ни одного человека — ни христианина, ни язычника,— а только одичавший скот и овец. Они питались мясом одичавшего скота и взяли с собой столько голов, сколько могли вместить их корабли. Потом они поплыли домой, и с ними был упомянутый Ивар[2].

* * *

Жители Гренландии по доброй воле отпали от истинной веры и христианской религии и после того, как отказались от всех праведных обычаев и истинных добродетелей, обратились к народам Америки (*ad Americae populos se converterunt*). Полагают, что Гренландия расположена совсем близко от западных стран. Поэтому-то и случилось так, что христиане воздерживались от плавания в Гренландию[3].

---

[1] Указ норвежского короля Магнуса Эйриксона от 3 ноября 1354 г. См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 120 (и след.).

[2] Сообщение священника Ивара Бардсена о его экспедиции в Вестербюгд (1342 г.) в передаче датских хроник (оригинал утерян). См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 259; F. J ó n s s o n, Grønlands gamle Topografi efter Kilderne «Meddelelser om Grønland», København, 1899, B. XX, S. 328.

[3] Исландские анналы Гисле Оддсона [переработанные в XVII в.— *Ред.*], запись к 1342 г. См. G. S t o r m, Om Biscop Gisle Oddsons Annaler, «Arkiv for Nordisk Filologi», Lund, 1890, B. VI, S. 355 (и след.).

* * *

Тогда пришел также корабль из Гренландии, меньший по размерам, чем малые исландские суда. Он пришел во внешний Страумфьорд и не имел якоря. На нем было 17 человек; и плыли они в Маркланд (*det havde faret til Markland*), но потом море пригнало их сюда[1].

* * *

Отъезд Йона Гутхормсена и гренландцев[2].

* * *

Здесь в Гренландии живут пираты, которые пользуются лодками из шкур... они нападают на торговые суда и пытаются сделать пробоину в корпусе судна, вместо того чтобы вступать в абордажный бой. В 1505 г. я сам видел две такие лодки за западным порталом собора. Говорили, что король Хокон захватил эти лодки, когда со своим военным флотом плыл вдоль побережья Гренландии, а они собирались потопить его корабль в море[3].

* * *

[Здесь] нашли недавно некоторые древности, которые позволяют сделать вывод, что либо Америка была раньше населена народом, более сведущим в науках, чем тот, который обнаружили прибывшие туда европейцы, либо в эту часть света была некогда предпринята большая военная экспедиция из известных стран земного шара.

Это подтверждается сообщением, полученным мною лично от г-на Ла-Верандри, руководителя экспедиции к Южному морю [Тихий океан], о которой я и хочу рассказать. Я неоднократно слышал этот рассказ от других лиц, которые сами были свидетелями всех событий.

За несколько лет до моего прибытия в Канаду тогдашний генерал-губернатор шевалье[4] де Боарнуа поручил г-ну Ла-Верандри отправиться с группой спутников в исследовательское путешествие

---

[1] «Скальхольтские анналы», запись к 1347 г. См. G. S t o r m, Islandske Annaler, Christiania, 1888, S. 213.

[2] «Готтскалькские анналы», запись к 1348 г. См. G. S t o r m, op. cit., S. 228.

[3] O l a u s M a g n u s, Historia de Gentibus septentrionalibus, II, 9, Roma, 1955; см. «Historia om de Nordiska folken, Upsala — Stockholm, 1909—1916, B. II, S. 92.

[4] Шевалье (*chevalier*) — низший феодальный титул во Франции, шестой по счету во французской дворянской иерархии (исключая членов королевской семьи). — *Прим. ред.*

из Канады через Северную Америку до Южного моря, чтобы узнать, на каком расстоянии друг от друга находятся эти страны, и выяснить, какую пользу можно извлечь для Канады или Луизианы из сообщения с этим океаном.

Продвигаясь в глубь страны через территории некоторых племен, они не раз в течение многих дней шли по широким безлесным равнинам, покрытым какой-то высокой травой... Пройдя еще дальше на запад — в края, где, насколько мы знаем, никогда не побывал ни один француз или англичанин, они нашли среди лесов, где-то на обширной равнине, прислоненные один к другому большие каменные столбы. Каждый из этих столбов был сделан из одного камня. Француз все же не мог себе представить, что они были воздвигнуты человеческой рукой. Иногда такие же камни лежали один на другом, сложенные наподобие стены...

Наконец они обнаружили большой, похожий на столб камень, в который был вделан камень меньшего размера, покрытый с обеих сторон неизвестными письменами. Камень был длиной примерно в 1 французский фут, шириной 4—5 дюймов. Они выломали этот камень и взяли с собой в Канаду, откуда он был отослан во Францию министру графу Морепà. Что стало с этим камнем позднее, им не известно, но они полагали, что в данный момент (1749 г.) он находится в архиве.

Некоторые иезуиты, видевшие тот камень в Канаде и державшие его в руках, единодушно утверждают, что письмена на нем соответствуют тем письменам, которыми написаны книги о событиях в Татарии и которые по этой причине называются татарскими письменами. При сопоставлении они якобы обнаружили между ними полное сходство. Несмотря на расспросы туземцев членами французской южноморской экспедиции, в какое время и каким народом были воздвигнуты эти столбы, какие предания связаны с ними, что они сами думают об этом, какими письменами и на каком языке они составлены и т. д., французы не смогли получить никакого объяснения, ибо индейцы знали об этом так же мало, как и они сами. Туземцы могли только сообщить, что эти камни стояли здесь с незапамятных времен. Местность, где были обнаружены столбы, находится примерно на расстоянии 900 французских миль к западу от Монреаля[1].

* * *

Господин Ла-Марк и я бродили по окрестностям, чтобы исследовать состояние их форта и укреплений. Я решил пересчитать их хижины и насчитал 130. Все улицы, площади и хижины были

---

[1] Сообщение Ла-Верандри о камне с надписью, найденном в ноябре 1738 г. в Северной Дакоте. См. J. R. F o s t e r, Kalm's Travels into North America, London, 1771, v. III, p. 122 (и след.).

похожи одна на другую. Некоторые из нас, французов, ходили туда и увидели, что улицы и площади довольно чистые, а крепостные валы — ровные и широкие. Жерди были прибиты к поперечным брусьям, прикрепленным к столбам, вкопанным в землю на расстоянии 15—30 футов один от другого. В некоторых местах для защиты были натянуты невыделанные шкуры, а где это было особенно необходимо, они были прибиты; так, на бастионе было четыре шкурки, плотно облегавшие столбы. Форт построен на холме в открытой прерии и окружен рвом глубиной 15 футов и шириной 15—18 футов. Через ров может пройти только пеший по столбам, которые убирают в случае угрозы нападения. Если все их форты так устроены, то их можно считать неприступными для индейцев. Их укрепления совсем не похожи на индейские.

Среди этого племени встречаются люди как с белой, так и с темной кожей. Женщины хороши собой, особенно белые, у многих из них прекрасные белокурые волосы. Как мужчины, так и женщины этого племени очень трудолюбивы. Их широкие и просторные хижины разделены толстыми досками на множество помещений; они ничем на загромождены; все имущество туземцев развешано в больших мешках на столбах; их спальни похожи на пещеры, завешанные шкурами.

В их форте много кладовых, в которых хранятся зерно, корм для скота, сало, скроенная одежда, медвежьи шкуры и др. Они хорошо снабжены такими вещами — это деньги страны...

Мужчины сильны и храбры, в большинстве очень деятельны, выглядят хорошо и имеют приятную внешность. В женщинах нет ничего индейского. Мужчины охотно занимаются игрой в мяч на площадях и крепостных сооружениях[1].

* * *

Этот путешественник (Ла-Верандри) нашел на равнине огромные воздвигнутые рукой человека каменные глыбы и на одной из них обнаружил нечто, принятое им за татарскую надпись[2]... Многие иезуиты в Квебеке уверяли господина Кальма, что держали надпись в руках. Она была вырезана на маленькой плитке, которая была вставлена в обтесанный столб. Я просил многих своих друзей во Франции отыскать этот монумент[3].

* * *

Насколько я мог установить, по языку, нравам, обычаям и образу жизни все манданы отличаются от остальных американских

---

[1] Из дневника сьера Ла-Верандри. Английский перевод Бримпера. См. «Report on Canadian Archives», Ottava, 1889—1890, p. 3 (и след.).

[2] См. «Archaeologia or miscellaneous tracts, published by the Society of Antiquarians of London», v. 8, p. 304.

[3] A. H u m b o l d t, Ansichten der Natur, Stuttgart, 1808, S. 79 (и след.).

индейцев, а я довольно хорошо знаком с большинством здешних племен. Кроме языка и обычаев, манданы отличаются одной физической особенностью: волосы у них большей частью пепельные, глаза голубые или светло-карие, а тип лица еврейский[1].

* * *

Манданы — несомненно, чрезвычайно интересное и симпатичное племя, которое как своим внешним обликом, так и своими обычаями, как наружностью, так и нравами во многом отличается

Рис. 19. Белые индианки, по Кетлину.
См. G. Catlin, Letters and Notes on the Manners, Customs and Conditions of the North American Indians, London, 1841, v. I, p. 92 (и след.).

от всех других известных мне [индейских] племен... Меня поразили удивительная беззаботность и изящество этого народа. Сопоставив все это с необычным цветом лица, своеобразием языка, странными и загадочными нравами, я пришел к такому убеждению: манданы — *иного происхождения, чем все остальные племена Северной Америки; они, видимо, произошли от смешения туземцев с цивилизованным народом... Это не индейцы*[2]!

---

[1] Сообщения директора департамента по делам индейцев Д. Д. Митчелла (около 1830 г.). См. H. R. Schoolcraft, History, condition and prospects, Philadelphia, 1851, v. III, p. 253 (и след.).

[2] G. Catlin, Letters and Notes on the manners, customs and conditions of the Noth American Indians, London, 1841, v. I, p. 93.

* * *

Если они [манданы] как следует умоются, то среди них можно обнаружить людей с почти белой кожей и даже с румянцем на щеках[1].

В верховьях Миссисипи, на территории, поделенной теперь между штатами Висконсин, Миннесота и Дакота, жили когда-то манданы, пожалуй, самое необычное из всех индейских племен. Это племя пользуется несравненно меньшей известностью, чем какое-либо другое, которому отводилась большая роль в романах об индейцах. Объясняется это тем, что населенные манданами земли начали становиться ареной деятельности приходивших с востока белых пионеров только после 1850 г. Однако манданы уже на протяжении 200 лет привлекали к себе внимание этнографов в связи с тем, что они очень сильно отличались от всех остальных индейских племен внешним обликом, обычаями и религиозными воззрениями. Занимались эти индейцы земледелием и около 1773 г., когда их посетил Мак-Интош, проживали в девяти хорошо укрепленных городах[2]. Притом в их физическом облике, особенно у женщин, проявлялись признаки, наводившие на мысль о смешении с какой-то северной расой, ибо у «одной пятой или одной шестой всех индейцев была почти белая кожа и светло-голубые глаза»[3]. Среди них часто встречались люди с белокурыми волосами и таким необычным для индейцев выражением лица, что хороший знаток индейских племен Кетлин 100 лет назад категорически заявил по поводу этого «более чем наполовину белого народа», что «это не индейцы»[4]. Он утверждал это с тем большей уверенностью, что жилища манданов сильно напоминали древние строения североевропейских народов. В одном предании манданов к тому же говорилось, что героем племени был *белый человек*, прибывший в их страну в каноэ. В те времена, когда еще ни один чужеземец, будь то переселенец или миссионер, не нашел к ним пути, манданы рассказывали о добром спасителе, о непорочном зачатии, муках и смерти от вражеской руки. Они знали также одну историю о Христе, которая, очевидно, была пересказом библейской притчи о чудесном насыщении 5 тыс. человек[5], верили в дьявола, рассказывали о грехе прародительницы рода человеческого, о потопе, о спасшемся ковчеге и посланном из него голубе, который принес ветку ивы, и т. д.

---

[1] Maximilian Prinz zu Wied-Neuwied, Eine Reise in das innere Nordamerika, Coblenz, 1841, B. II, S. 107.

[2] H. R. Schoolcraft, History, conditions and prospects, Philadelphia, 1851, v. III, p. 253 (и след.).

[3] G. Catlin, O-Kee-Pa, a religious ceremony, Philadelphia, 1867, p. 5.

[4] G. Catlin, Letters and notes on the manners, customs and conditions of the North American Indians, London, 1841, v. I, p. 92 (и след.). Работа Кетлина была издана в 1924 г. в Берлине-Фриденау под названием «Индейская Северная Америка», в обработке Бергхауза и Зоммерфельда.

[5] В евангелии от Матфея (гл. 14) рассказывается, что Иисус Христос накормил в пустыне 5 тыс. человек пятью хлебами и двумя рыбами, причем все насытились, а остатками наполнили 12 корзин.— *Прим. ред.*

Подобные представления еще 200 лет назад поразили первого европейского исследователя, проникшего в эти отдаленные области,— француза сьера Ла-Верандри[1]. Этот исследователь в 1738 г., по поручению французского генерал-губернатора, предпринял путешествие по суше из Канады до Тихого океана. Он захотел воспользоваться этим случаем, чтобы лично познакомиться со странными «белыми индейцами», слухи о которых дошли до него. Как сообщает швед Кальм[2], встретившийся с Ла-Верандри во время своего путешествия по Северной Америке в 1748—1751 гг., француз был убежден, что на территорию мандан, которая как будто никогда раньше не посещалась белыми людьми, все же когда-то давно была предпринята «большая военная экспедиция из известных стран земного шара», так как иначе он не мог объяснить загадку, связанную с манданами. В 1780 г. англичанин Данбар также заявил, что из наблюдений Ла-Верандри, сделанных им в тех районах Северной Америки, становится «несомненным существование древних народов, о которых история ничего не сообщает»[3].

Позднее французский ученый Вольней утверждал, что дети манданов будто бы рождались совсем белокожими, а у женщин была белая кожа на бедрах и животе[4]. Вольней, правда, писал с чужих слов, и принц Вид, посвятивший манданам большой специальный раздел своего объемистого описания путешествия по Северной Америке, считает его утверждение преувеличенным и неправдоподобным[5]. Однако сам принц Вид (см. цитату в начале главы)

[1] Варенны де Ла-Верандри — семья французских привилегированных торговцев пушниной, исследовавших Центральную Канаду и плато Миссури во второй четверти XVIII в. В тексте идет речь не об основателе торгового предприятия Пьере Варенне де Ла-Верандри старшем, который умер в 1749 г., а об одном из двух его младших сыновей: либо о Франсуа, либо, что вероятнее, о Луи Жозефе, прозванном «географом».— *Прим. ред.*

[2] P. K a l m, En resa till Norra Amerika pa K. Svenska Acad. befallning och publici kest nad förrartad, Stockholm, 1753, 1756, 1761.

Кроме сделанного Форстером английского перевода работы Кальма, изданного в Лондоне в 1771 г., в Утрехте в 1772 г. был опубликован полный голландский перевод (под названием «Reise door Noord America»). На немецком и французском языках опубликованы отдельные части этой работы, изданные в виде отдельной книги (в Гёттингене — в 1764 г., в Париже — в 1768 г.). Главные части сообщения Кальма дословно переданы Лортом и Варденом. См. M. L o r t, Account of an ancient Inscription in North America, «Archeologia», London, 1787, v. VIII, p. 300 (и след.); W a r d e n, Recherches sur les antiquités des Etats-Unis de l'Amérique septentrionale, «Recueil de voyages et de mémoires», Paris, 1825, т. II, p. 372 (и след.).

[3] J. D u n b a r, Essays of the history of Mankind in rude and uncultivated ages, London, 1780, p. 165 (и след.).

[4] C. F. C h a s s e b œ u f, c o m t e d e V o l n e y, Tableau du climat et du sol des Etats-Unis, Paris, 1803, t. II, p. 435. [Константин Франсуа Шасбёф граф де Вольней (1757—1820) — французский востоковед и путешественник, который в 1795—1798 гг. жил в Северной Америке. Его труд «Картина климата и почв Соединенных Штатов», на который ссылается Хенниг, написан в основном по личным впечатлениям.— *Ред.*]

[5] P r i n z M a x i m i l i a n z u W i e d, op. cit., B. II, S. 102—210 («Nachricht vom dem Stamme der Mandan-Indianer»). [Максимиллиан принц Вид-Нёйвид (1782—1867) — немецкий этнограф, путешественник по Бразилии (1815—1817 гг.) и по Северной Америке (1832—1834 гг.)— *Ред.*]

подчеркивает, что многие манданы отличаются поразительно светлым цветом кожи. Художник Кетлин, американский исследователь, специально занимавшийся изучением индейцев, категорически утверждал (см. цитату на стр. 318), что манданы «произошли от смешения туземцев с цивилизованным народом». Но дальше этого чисто теоретического умозаключения исследователи не шли, ибо они не представляли себе, как в эти отдаленные местности, находящиеся на расстоянии более 1500 *км* от Атлантического океана и заселенные белыми только во второй половине XIX в., в давние времена, задолго до Ла-Верандри, могли попасть европейцы, да к тому же в таком числе, что их смешение с индейцами дало столь заметные результаты.

Кетлин высказал предположение, что валлийцы, продвигаясь от устья Миссисипи вверх по течению этой реки, возможно, попали на территорию племени мандан[1]. Это мнение разделяли также Мейджор[2] и Бауэн[3], пытаясь объяснить, как произошло смешение различных рас. Однако такое толкование исходило из ошибочных предпосылок. Ведь валлийцы — кельты и, следовательно, при смешении с манданами не могли передать своим потомкам типичные признаки североевропейской расы. В настоящее время нет нужды в таких предположениях, так как мы располагаем теперь возможностью дать более правильное объяснение. Понятно, что утверждение о проживании людей смешанной расы в области, населенной до 1850 г. только одними индейцами, вызвало сильное недоверие.

Однако с течением времени появлялись все новые доказательства того, что несколько сот лет назад в верховьях Миссисипи, несомненно, побывали европейцы и что они были скандинавами. В разных уголках штатов Висконсин, Миннесота и Дакота были найдены в земле средневековое оружие и утварь, типичные для скандинавов и определенно указывавшие на то, что жители Северной Европы побывали в этих краях в очень отдаленные времена. Постепенно в различных местах было обнаружено много скандинавских секир, топор, железный наконечник копья, огниво. Все эти предметы никогда не изготовлялись индейцами и не ввозились колонистами более позднего времени (см. рис. 16, 17)[4]. Гипотеза Кетлина получила очень веское подтверждение благодаря этим находкам, хранящимся в настоящее время в музее в Милуоки. Однако исследователи по-прежнему стояли перед неразрешенной загадкой и не могли объяснить, когда, как и с какой целью прибыли сюда скандинавы, которые в конце средневековья пользовались таким же оружием и утварью, какие были найдены в верховьях Миссисипи. И в более раннее и в новое время исследователи часто утверждали, не ссылаясь при этом на индейцев-мандан, что скандинавы еще в доколумбов период оказали влияние на американские племена. Не кто иной, как Гуго Гроций, пытался объяснить некоторые

---

[1] G. Catlin, op. cit.
[2] H. Major, Columbus Letter's, London, 1847.
[3] Bowen, America discovered by the Welsh in 1170 A. D., Philadelphia, 1876.
[4] Статья Холанда. См. «Minnesota History», 1936, p. 186.

особенности культуры Центральной Америки влиянием скандинавов[1]. В XIX в. Гравье особенно горячо доказывал наличие норманских истоков культуры ацтеков[2], а Леланд заявил, что между многими преданиями «Эдды» и мифами индейцев-алгонкинов якобы наблюдается поразительное сходство[3]. Несомненно, к подобным утверждениям следует относиться весьма скептически и с такой же осторожностью, как и к мнимому языковому сходству, о котором шла речь выше (см. цитату на стр. 316). Однако именно некоторые расовые особенности индейских племен с давних пор рассматривались как веское доказательство того, что североевропейская и индейская кровь действительно не раз смешивались в отдаленные времена. Но никто из ученых не мог прийти к простому решению, что такое смешение произошло в средние века, считая это невероятным.

Самая поразительная находка прошлого века как будто должна была приподнять завесу над этой тайной, хотя и задала новые загадки, которые долгое время значительно затрудняли работу исследователей.

В 1891 г. швед Олаф Оман приобрел ферму у Кенсингтона в штате Миннесота и добился значительных успехов. В августе 1898 г. он срубил на своей земле осину, достигшую примерно 70-летнего возраста. При выкорчевке корней оказалось, что они обвились вокруг огромного серого камня, который, несомненно, уже находился в земле, когда примерно в 20-х годах XIX в. начало расти дерево. Почти прямоугольный камень весил 91 *кг*. Когда камень очистили от земли, маленькому сыну Омана бросились в глаза странные царапины на его поверхности, оказавшиеся при внимательном рассмотрении руническими знаками.

Находка была тотчас отправлена скандинависту профессору Миннеаполисского университета О. Дж. Бреда, который подтвердил, что письмена действительно рунические, и опубликовал первую предварительную расшифровку довольно длинной и выполненной необычайно красивыми знаками надписи[4]. По инициативе Бреда Кенсингтонский рунический камень был направлен в Северо-Западный университет (в Чикаго), но там после поверхностной проверки заявили, что это довольно «неуклюжий подлог», так как на нем якобы обнаружены некоторые английские слова. Этого сурового приговора было достаточно, чтобы находка потеряла цену, и Оман, нашедший камень, в течение восьми лет пользовался им как... порогом у амбара своей фермы. Только в августе 1907 г. другой скандинавист, Холанд, который услы-

---

[1] H. Grotius, De origine gentium Americanarum, Paris, 1643. [Гуго де Грот, латинизированная фамилия Гроций (1583—1645) — выдающийся голландский ученый-юрист и историк, с 1621 г. живший во Франции. Важнейшие его работы: «О свободном море» (1609 г.) и «О праве войны и мира» (1625 г.). — *Ред.*]

[2] G. Gravier, Découverte de l'Amérique par les Normands, Paris, 1864; O. Moosmüller, Europäer in America vor Columbus, Regensburg, 1879.

[3] Ch. G. Leland, Mythology, legends and Folk-lore of the Algonquins «Royal Society of literature of the United Kingdom», London, 1888.

[4] «Minneapolis Journal», February 22, 1899; «Skandinaven» (Chicago), February 22, 1899.

шал о надписи, извлек камень из недостойного его места и подверг новому изучению (см. рис. 14, 15).

В дальнейшем Холанд посвятил свою жизнь решению загадки Кенсингтонского рунического камня. Он сообщил об этом камне всем сколько-нибудь известным американским и европейским специалистам, причем не только рунологам и скандинавистам, но прежде всего химикам и геологам, которые должны были высказать свое мнение о степени выветрелости камня.

Уже в 1920 г. цепь доказательств, приведенных Холандом, оказалась столь убедительной, что компетентное совещание в Англии высказало следующее мнение: «Эта надпись из дикой, необитаемой местности выдержала все атаки, которым она подвергалась в течение более 20 лет»[1].

Позднее, в 1932 г., Холанд опубликовал результат своих 25-летних исследований в весьма ценном для науки труде[2]. В нем приведен дословный текст всех более ранних заключений, а также данных под присягой подробных свидетельских показаний об обстоятельствах, при которых был найден камень, заключений экспертов о возрасте дерева, под корнями которого был обнаружен камень, и т. п. Холанд использовал любую представлявшуюся ему возможность для выяснения тайны камня и обобщил все материалы для своей образцовой и, безусловно, убедительной аргументации. Какими бы смелыми и даже неправдоподобными ни казались взгляды Холанда, они так хорошо и разносторонне обоснованы, что один из самых компетентных американских комментаторов, Ховгард, публично заявил: нельзя «не поддаться» решительности его доводов[3]. Разумеется, и теперь все еще возникают и высказываются сомнения в том, есть ли у нас достаточно оснований одобрить выводы, которые в корне меняют все более ранние представления о знакомстве с Америкой до Колумба[4]. В противовес этому один из самых авторитетных немецких специалистов по данному вопросу, патер-иезуит проф. Фишер (Фельдкирх), в своем письме к автору от 27 августа 1936 г. заявил: «*Contra facta non valent argumenta*» [«Против фактов аргументы ничего не стоят»].

К этому следует еще добавить, что упоминавшиеся выше поразительные находки скандинавского оружия и утвари после их обстоятельного изучения заставили проф. Хейгена, одного из известнейших американских скандинавистов (университет Южной Дакоты), прийти к следующему заключению: «В окрестностях Кенсингтона найдено много предметов, которые поразительно согласуются с фактами, сообщаемыми в надписи»[5].

Но и после опубликования книги Холанда некоторые исследователи еще утверждали, что руническая надпись *должна* быть подлогом, причем была

---

[1] «Geographical Review», 1920, v. 10, p. 108.

[2] H. R. Holand, The Kensington Stone, Ephraim (Wisconsin), 1932.

[3] «Geographical Review», 1932, v. 22, p. 509.

[4] Статья Фридерици. См. «Historische Zeitschrift», B. 148, S. 180; статья Норина, см. «Sydvenska Dagbladet», 26. Februar, 1932; статья Краузе, см. «Germanien», 1937, S. 231.

[5] «Reform», Eau Claire (Wisconsin), April 29, 1926; см. также H. R. Holand, op. cit., p. 59.

даже брошена фраза о «мифе Кенсингтонского камня»[1]. Но Холанд полностью опроверг эти новые возражения[2], и если даже подлинность рунического камня доказана не на все 100%, а только на 99,9%, то говорить о подлоге в данном случае уже неуместно. Удобный метод уклониться от всякой дискуссии—это заявить, что «мы не хотим стать жертвой столь грубого надувательства». Но такой метод уже больше не применим после исключительно обоснованных доводов Холанда в пользу подлинности камня.

В 1936 г. Холанд уже мог сообщить, что в Америке из 50 компетентных оценок его книги только в двух высказано мнение, что камень поддельный[3]. Итак, Холанд убедил в своей правоте более 90% всех американских специалистов. В Европе, насколько можно судить, наблюдается почти такое же соотношение. Совершенно непонятно, почему в хорошем учебнике по рунологии, изданном недавно Арнтцем[4], такой интересный памятник, как Кенсингтонский рунический камень, обойден молчанием.

В настоящее время установлено следующее. Камень с рунической надписью в 20-х годах XIX в., вероятно, уже был погребен наносами. В то время в этой местности жили только безграмотные люди, и, разумеется, рунологов среди них не было. Но и *до* того времени, когда выросшая над камнем осина начала пускать ростки, он, как показывает степень выветрелости надписи, уже несколько столетий подвергался воздействию субаэрального выветривания.

В заключении экспертов из Северо-Западного университета говорится, например, следующее: «Внешний вид Кенсингтонского рунического камня таков, что правильнее всего предположить 600-летнюю давность надписи»[5].

Два крупнейших геолога, написавшие специальное заключение для Исторического общества Миннесоты,— проф. Уинчел и д-р Уфам считают, что, судя по степени выветрелости, возраст камня определенно приближается к 500 годам[6]. К тому же руны иногда столь сложны и расшифровываются с таким трудом, что надпись была полностью понята и прочитана только через 10 лет после ее открытия, когда Холанд объяснил четыре последних знака как дату (1362 г.)[7], а рунолог из Осло Эссинг согласился с этим толкованием. Итак, мнимый «фальсификатор», видимо, был специалистом первого ранга, но как же он мог попасть в Миннесоту несколько столетий назад? Допущение подлога на деле приводит к гораздо бо́льшим историческим и логическим несуразностям, чем признание подлинности камня. Следовательно, при современном состоянии науки, пока не получены убедительные *доказательства* в пользу подлога, *подлинность* рунического камня и надписи следует

[1] M. M. Quaife, The myth of the Kensington Rune Stone, «New England Quarterly», December 1934; L. M. Larson, The Kensington Rune Stone, «Minnesota History», March 1936.

[2] Статьи Холанда. См. «New England Quarterly», March 1935; «Minnesota History», June 1936.

[3] «Minnesota History», 1936, p. 166.

[4] H. Arntz, Handbuch der Runenkunde, Halle, 1935.

[5] «Skandinaven» (Chicago), May 3, 1899.

[6] «Minnesota Historical Collections», v. XV, p. 223 (и след.), 828.

[7] «Skandinaven» (Chicago), January 17, 1908.

считать твердо установленной! В специальной литературе труду Холанда уделяется большое внимание[1]. Он действительно открывает перед нами необычайно своеобразную историческую перспективу.

О чем говорит сама спорная надпись? Она сообщает, что в 1362 г., следовательно за 130 лет до Колумба, в глубинной области Северной Америки уже побывало не менее 30 скандинавов, причем они были участниками «разведывательного плавания из Винланда на запад»! Такое сообщение, несомненно, на первый взгляд кажется мало правдоподобным. И все же мы должны в какой-то степени им удовлетвориться! Холанд к тому же указал нам пути к решению этой проблемы, которые представляются вполне приемлемыми в целом, если и не во всех деталях.

Холанд убежден, что можно допустить связь между «разведывательным плаванием от Винланда» и той экспедицией, которая, как доказано, была отправлена в Гренландию тогдашним королем Магнусом Эйриксоном[2]. Этой экспедиции, возглавлявшейся некогда весьма известным государственным деятелем Норвегии Паулем Кнутсоном, было поручено поддержать и укрепить пошатнувшуюся христианскую религию в гренландской колонии норманнов. Указ об этом плавании приведен среди первоисточников в начале главы. Датирован он 1354 г., понедельником после Симона и Иуды. Так как день Симона и Иуды (28 октября) в 1354 г. приходился на вторник, то указ, следовательно, был подписан 3 ноября, а не 28 октября, как ошибочно указывает Холанд. Экспедиция в Гренландию, возглавлявшаяся Паулем Кнутсоном, отправилась в путь в следующем, 1355 г., что было связано с своеобразными обстоятельствами. Связь событий следует установить точнее; это необходимо для понимания интересующих нас здесь проблем.

С конца XIII в. довольно оживленные связи европейских норманнов с их далекой колонией в Гренландии начали постепенно замирать. В 1294 г. норвежский король Эйрик VI (1286—1319) объявил королевской монополией торговлю с колониями, полагая, что это увеличит доходы казны. Но такой шаг оказался роковым и для метрополии и для колонии. Для Гренландии он был даже «началом конца»[3]. Ежегодно для поддержания связи в Гренландию должно было отправляться одно королевское судно. Но снаряжение такого судна, которое обычно называлось «Трещоткой», обходилось сравнительно дорого, и этот единственный корабль, предназначавшийся для плавания в Гренландию, на деле уходил в рейс после продолжительных и все больше затягивавшихся многолетних перерывов[4]. Прекратился когда-то крупный вывоз из Гренландии в Европу лучшего масла и сыра, а также «лучшего

[1] «Historische Zeitschrift», 1933, S. 181; «Geographical Review», 1932, p. 507 (и след.); «Geographical Journal», 1932, v. LXXX, p. 437; «Antiquity», 1932, p. 424.

[2] Магнус Эйриксон (1319—1371) — король Швеции (до 1343 г.) и Норвегии, передал последнюю своему сыну Хокону VI, родившемуся в 1339 г. Однако в качестве опекуна Магнус управлял Норвегией еще до 1355 г.

[3] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 38.

[4] Madsen, De vigtigste af danske i artiske Egne udforta Reiser og Forskninger, «Geografisk Tidskrift», B. 19, S. 34.

зерна»[1]. Хотя сообщение и культурные связи с Гренландией никогда полностью не прерывались в течение всего XIV в. и, как мы теперь знаем (см. гл. 157), также и в XV в., они стали настолько слабыми, что колония быстро отрывалась от своей метрополии, с которой она была объединена политически с 1251 г. Так как и в экономическом отношении Гренландия все более переходила на самообеспечение, то колонисты неизбежно должны были приспособиться к образу жизни эскимосов и добывать себе пропитание, занимаясь животноводством, рыбной ловлей и охотой.

Мы должны здесь напомнить, что основой экономики гренландской колонии в эпоху ее процветания наряду с вывозом пушнины было также животноводство. Колонисты «разводили лошадей, овец и крупный рогатый скот. Крупный рогатый скот регулярно вывозился в Норвегию»[2].

Ослабление связей с метрополией было причиной гибели колонии. Пример Гренландии является, пожалуй, самым убедительным подтверждением правильности высказывания Кронау:

«В малочисленной цивилизованной колонии, если она не поддерживает постоянных связей с метрополией, основная масса населения гибнет, и она исчезает так же бесследно, как речная вода в море»[3].

Чтобы сделать понятнее дальнейшие рассуждения, здесь необходимо остановиться на некоторых гипотезах о точном местоположении норманских поселений в Гренландии. Раньше по этому поводу часто высказывались довольно неправильные суждения, но теперь у нас есть все основания утверждать, что эта проблема полностью выяснена.

Фигурирующие в древних источниках названия «Восточное поселение» (Эстербюгд) и «Западное поселение» (Вестербюгд), естественно, могли способствовать предположению, что эти поселения находились соответственно на восточном и западном побережьях Гренландии[4]. Правда, исследователи никогда не сомневались в том, что оба поселения были расположены, вероятно, сравнительно близко к южной оконечности острова. Только в 1793 г. Эггерс впервые высказал предположение, что и «Восточное поселение», вероятно, находилось на юго-западе Гренландии, то есть западнее мыса Фарвель[5]. Этот исследователь полагал, что названия «Восточное» и «Западное» указывали только на то, как поселения были расположены одно по отношению к другому. И действительно, в результате исследований Гро на восточном побережье не было обнаружено никаких следов древних поселков[6].

---

[1] H. Egede, Beschreibung und Naturgeschichte von Grönland, Berlin, 1763, S. 67.

[2] J. Winsor, Narrative and critical history of America, Boston, 1889, v. I, p. 68.

[3] R. Cronau, Amerika, Leipzig, 1892, B. I, S. 145.

[4] K. Maurer, Grönland im Mittelalter, «Zweite deutsche Nordpolarfahrt, 1869—1870», Leipzig, 1874, S. 236 (и след.).

[5] H. P. Eggers, Om Grønlands Østerbygds sande Beliggenhed, Köbenhavn, 1794.

[6] W. A. Graah, Undersøgelses-Rejse til Østkysten af Grønland, Köbenhavn, 1832, S. 161 (и след.).

Такой высокоавторитетный исследователь, как Гумбольдт, со всей определенностью высказал предположение, что как Западное, так и Восточное поселения находились, видимо, «на западном побережье в южной инспекции Юлианехоба»[1]. Однако это не помешало отдельным исследователям во главе с Норденшельдом[2] снова и снова защищать свое мнение, что Восточное поселение следует искать на восточном побережье острова. Впрочем эту гипотезу теперь окончательно опроверг Мейджор своими литературными исследованиями[3], а Хольм, разделявший вначале взгляды Норденшельда, позднее подтвердил длительными проверками на месте[4], что в действительности *как Западное, так и Восточное поселения находились на юго-западном побережье Гренландии.* Правильнее было бы называть их Северным и Южным поселениями, поскольку теперь точно известно, как они были расположены. Одно поселение находилось на расстоянии примерно 12 дней пути от другого, причем идти надо было по безлюдной местности с север-северо-запада на юг-юго-восток. Заключение Хольма тотчас побудило Могка[5], Сторма[6] и Шмидта[7] выступить против гипотезы Норденшельда. Однако этот шведский исследователь даже в 1897 г. придерживался своего мнения и утверждал, что открытые у Юлианхоба руины старых зданий следует считать не древненорвежскими, а иными, относящимися к более раннему времени[8]. Норденшельда поддерживал Гельцих[9], но основательное исследование руин Бруном[10] устранило последние сомнения в том, что мы имеем здесь дело с древним Восточным поселением норманнов. Наконец, Йонссон в большом научном труде[11] привел карту, на которой точно показано размещение древних поселений. Карта была позднее подтверждена и дополнена в деталях всеми последующими исследованиями. В превосходной работе Фишера эскизы карт приведены на основе

---

[1] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1836, B. I, S. 353.

[2] A. E. Nordenskjöld, Studien und Forschungen, veranlasst durch meine Reisen im hohen Norden, Leipzig, 1885, S. 56.

[3] H. Major, The voyages of the Venetian brothers Nicolo and Antonio Zeno to the northern seas, London, 1873, p. LXIX (и след.).

[4] G. Holm, Forberedelser til undersøgelsen af ruinerne i Julianehaabs Districts 1880 og 1881, «Meddelelser om Grønland», 1883/84, B. VI; G. Holm, Undersøgelser paa Grønlands Østkyst indtil 66°25′ N.B. i Aarene 1883—1885, «Meddelelser om Grønland», 1888, B. IX, X; G. Holm, Den Østgrønlandske expedition: Harene 1883—1885, Köbenhavn, 1889.

[5] E. Mogk, Die Entdeckung Amerikas durch die Nordgermanen, «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig», 1892, S. 66.

[6] G. Storm, Nordenskjölds Periplus, «Nordisk Tidskrift for Vetenskap», 1899, S. 159.

[7] V. Schmidt, Situation géographique des anciennes colonies scandinaves, «Compte rendu du Congrès international des Américanistes», 1892, p. 203.

[8] A. E. Nordenskjöld, Periplus, Stockholm, 1897, S. 83 (и след.).

[9] E. Gelcich, Über die Materialien zur vorcolumbischen Entdeckung Amerikas, «Berliner Zeitschrift für Erdkunde», 1890, B. XXV, S. 99—127.

[10] D. Bruun, Undersøgelser i Julianehaabs Distrikt 1893 og 1894, «Meddelelser om Grønland», 1896, B. XVI, S. 479 (и след.).

[11] F. Jonsson, Grønlands gamle Topografi efter Kilderne, «Meddelelser om Grønland», 1899, B. XX, S. 265 (и след.).

исследований Йонссона[1]. В настоящее время у нас есть основания с достаточной уверенностью прийти к следующим выводам.

Древнейшее поселение Эйрика Рыжего находилось в Эйрикс-фьорде (Тунугдлиарфик). Его центром был Браттахлид. Местопребыванием первого епископа Эйрика Гнупсона считается Стейнеснес в Западном поселении[2]. Но в дальнейшем резиденцией епископа был Гардар, который стоял примерно на месте современного Игалико. Следовательно, Западное поселение нужно искать между 64 и 65° с. ш., с современным Готхобом в центре. В 1927 г. руины дворца епископа и собора были более детально исследованы при раскопках, произведенных Нёрлундом. Длина дворца равнялась 53 *м*, а вместе с подсобными помещениями он занимал 1½ *га*, причем в нем был большой парадный зал. Собор был длиной 32 *м* и почти так же велик, как кафедральный собор в Тронхейме.

Во всем Восточном поселении насчитывалось 190 строений, среди них 12 церквей, а в Западном — 90 строений и четыре церкви[3]. Местопребыванием епископа всегда был только Гардар, кроме нескольких первых лет, когда Гнупсон, очевидно, находился в другом месте[4]. Сообщение Циглера от 1532 г. о том, что в Гренландии было две епископские епархии (*episcopales ecclesias duas habet, sub ordinatione Nidrosiensis*)[5], основано на заблуждении. Вся гренландская колония была не так велика, как это иногда думали раньше, считая, что там проживало около 10 тыс. человек[6]. Однако она оказалась и не так мала, как полагал Гельцих[7], который думал, что ее население не могло превышать нескольких сот человек. В период процветания оба поселения могли дать приют 3—4 тыс., в лучшем случае 5 тыс. человек[8]. Нетрудно представить себе, что жители находившегося севернее, меньшего по размерам и располагавшего более слабой экономической базой Западного поселения должны были первыми попасть в тяжелое положение, когда ослабели связи с Европой и торговля с ней перестала приносить доход. Поселенцы вынуждены были приспособиться к образу жизни эскимосов. При этом, вероятно, возникли сильные раздоры с соседними эскимосами из-за рыболовных и охотничьих угодий, куда они, видимо, проникали. Гордые и воинственные норманны в этих случаях прибегали к насилию. Эскимосы защищались и нако-

---

[1] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg, i. B. 1902 (вклейки IX и X).

[2] T. Torfäus, Groenlandia antiqua, Köbenhavn, 1706, S. 217.

[3] «Grønlands historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 225 (и след.).

[4] Ibidem, S. 258 (и след.).

[5] Ziegler, Schondia (1532), Fol. XCII r. См. S. Larsen, The discovery of North America twenty years before Columbus, Köbenhavn—London, 1924, p. 56.

[6] L. Jelič, L'évangélisation de l'Amérique avant Christophe Colomb, «Compte rendu du Congrès scientifique international des catholiques», Paris, 1891, p. 177.

[7] E. Gelcich, Zur Geschichte der Entdeckung Amerikas durch die Skandinavier, «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1892, S. 184.

[8] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg i. B., 1902, S. 29.

нец изгнали из Вестербюгда численно значительно уступавших им норманнов Нет никаких надежных источников, подтверждающих это предположение Соответствующие выводы можно сделать из сообщения Ивара Бардсена, прибывшего между 7 и 24 августа 1341 г. на «Трещотке» из Бергена в Гренландию. Этот документ сохранился в более поздней датской редакции и приведен среди первоисточников в начале главы (см. стр. 314).

Согласно сообщению Ивара Бардсена, уже вскоре после его прибытия глава колонии в Эстербюгде, или «законный правитель», поручил ему направиться в Вестербюгд, чтобы осмотреться там и «изгнать скрелингов». Но, прибыв туда, Ивар нашел колонию безлюдной; только пасущийся без присмотра скот свидетельствовал о том, что здесь недавно жили люди. Совершенно немыслимо, чтобы в суровом климате Гренландии хотя бы одно животное, пасущееся под открытым небом, могло перенести арктическую зиму. Поэтому из наблюдений Ивара Бардсена непреложно следует вывод, что норманны недавно покинули Вестербюгд из-за нападений эскимосов и ушли в другое, более безопасное место. Они, вероятно, рассчитывали забрать оставленный скот, свое самое ценное имущество, как только найдут новое место для поселения и соорудят там необходимые строения. Как раз в это время Ивар Бардсен, видимо, и посетил Вестербюгд, а позднее описал свои впечатления.

Ховгард очень кратко резюмировал выводы современных исследователей об отношениях между эскимосами и норманнами в тот период на основании раскопок в Гренландии[1]. Он считает, что норманны в первые столетия нашей эры, вероятно, редко встречались с эскимосами, которые жили далеко на севере, чтобы быть поближе к тюленям, попадавшимся в большом количестве лишь на ледяных полях побережья.

Маттиассен писал: «Эскимосы западного побережья селились как можно дальше от его южной оконечности, насколько это позволял арктический климат, ибо им был необходим зимний лед как для охоты, так и для передвижения на собачьих упряжках»[2].

Поэтому, согласно Маттиассену, норманны могли прийти в соприкосновение с эскимосами не ранее 1200 г. Встречи с эскимосами, видимо, состоялись, когда норманны занимались охотничьим промыслом на северо-западе острова. Однако позднее климат изменился, что было, «пожалуй, самой важной причиной упадка и окончательной гибели норманской колонии в Гренландии».

В связи с этим «в XIII в. эскимосы... неустанно продвигались на юг, пока наконец примерно к середине XIV в. не захватили Западное поселение, которое, очевидно, разрушили» (Ховгард).

Что события разыгрались именно так, в значительной мере подтверждается приведенной выше записью из «Анналов» Гисле Оддсона, относящихся к 1342 г. Хотя эта запись была воспроизведена только в XVII в. в Исландии, она достаточно достоверна, так как, по всей вероятности, восходит к докумен-

---

[1] W. Hovgaard, The Norsemen in Greenland, «Geographical Review», 1925, v. 15, p. 613 (и след.).

[2] T. Matthiassen, The Eskimo Archeology of Greenland, «Antiquity», 1935, v. 9, No. 34.

там старого архива Скальхольтского собора в Исландии, который сгорел в 1630 г. вместе с архивом. Скальхольтский епископ Гисле Оддсон вскоре после пожара, видимо, записал по памяти те документы из погибшего архива, которые считал важными. Но поскольку епископа, естественно, интересовали главным образом церковные дела, ему, вероятно, было особенно больно, что выселившиеся в 1342 г. из Вестербюгда гренландские норманны оставили на произвол судьбы свои церкви и отказались от связи с Гардарской епархией. Отсюда оттенок укоризны в его записи, относящейся к 1342 г.

Вывод, что между событиями, описанными Иваром Бардсеном, и записью Гисле Оддсона имеется такая связь, представляется неопровержимым. Поражает точное совпадение дат в этих сообщениях и их сходство. Сопоставление записей проливает свет на те события, которые, вероятно, произошли в Вестербюгде в 1342 г. Отступающие перед эскимосами поселенцы Вестербюгда действительно перебрались позднее к «народам Америки». Таковы сообщения источника, а какое место в Америке предпочтет комментатор — Винланд, Лабрадор или Баффинову Землю,— зависит от его усмотрения. Из этого факта можно сделать далеко идущие выводы, которые мы и рассмотрим более подробно.

Детали борьбы за Вестербюгд между норманнами и эскимосами теперь восстановить нельзя. Здесь широкий простор для фантазии. И поныне рассказывают эскимосы о кровопролитной битве на Писигсарфике у Готхоб-фьорда между их предками и «бородатыми», как называли они древних норманнов»[1]. Однако следует принять во внимание, что в 1342 г. Ивар Бардсен на месте старого Вестербюгда не встретил никаких следов борьбы, ибо иначе он, разумеется, сообщил бы об этом. Вот почему представляется сомнительным, что «битва», о которой рассказывали эскимосы, действительно произошла в 1342 г. Вероятно, в предании речь идет просто о какой-то довольно большой кровопролитной стычке, возможно даже о событиях 1379 г., еще недостаточно исследованных. О них мы будем говорить в другом месте (см. гл. 157). Стычка, в которой было убито 18 норманнов, могла показаться миролюбивым эскимосам большим и достопамятным сражением. Уход жителей Западного поселения в 1342 г. протекал, видимо, без серьезных боев. Это в известной мере подтверждается позднейшим сказанием эскимосов, услышанным Хаммерихом в Гренландии[2]. Оно довольно определенно указывает на события того времени.

Вот что рассказывают современные эскимосы о переселении кавдлунаков (европейцев).

«Один кавдлунак и один инук [эскимос], дружившие между собой, договорились однажды о состязании на скале Писигсарфик, вышиной 1200 *м*, отвесно поднимающейся из моря в Готхоб-фьорде, чтобы выяснить, кто из них лучший стрелок. Побежденный должен был броситься со скалы вниз. Они стреляли в лежащую у подножия скалы шкуру тюленя. Норманн попал в край

[1] E r s c h, G r u b e r, Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften und Künste, Leipzig, 1872, B. I, S. 133.

[2] L. H a m m e r i c h, Aus nordischen Siedlungen in Grönland, «Kieler Blätter», 1941, S. 89.

шкуры, а эскимос пробил ее середину. Тогда норманн бросился со скалы вниз. Другие кавдлунаки были очень этим опечалены, но так как они не могли ни в чем упрекнуть инука, то собрали все свои пожитки, покинули свои дома и направились в другое место».

События, разумеется, протекали не так, но все же это сказание интересно как подтверждение вывода, напрашивающегося из рассказа Ивара Бардсена.

Как бы то ни было, можно с уверенностью предположить, что норманское поселение Вестербюгд перестало существовать в 1342 г., а более крупный Эстербюгд не мог предотвратить обрушившегося на норманнов несчастья, хотя одержавшие победу эскимосы, видимо, вовсе не намеревались осесть в покинутом норманнами поселении. Лишь примерно 100—200 лет спустя они начали постепенно там обосновываться[1].

Итак, можно предположить, что на основании сообщения «вполне надежного»[2] Ивара Бардсена о его наблюдениях в Вестербюгде жители Восточного поселения обратились с просьбой о помощи к норвежскому королю. Но эта просьба оставалась без ответа несколько лет, если судить по редким рейсам в Гренландию. Наконец, в 1346 г. «Трещотка» снова отправилась в плавание, причем она привезла из Гренландии много ценных выменянных там товаров, и только в 1348 г. было совершено плавание из Исландии в Норвегию, во время которого туда были доставлены гренландцы (см. ниже). Во всяком случае, в 1348 г. при дворе норвежского короля наверняка уже знали о событиях в Вестербюгде.

Норвегией в то время правил уже упоминавшийся выше шведский король Магнус Эйриксон[3], весьма набожный человек, самой заветной целью которого было распространить и укрепить христианство. Он, вероятно, готчас решил как можно быстрее вернуть в лоно истинной веры охладевших к ней переселенцев из Вестербюгда. Но осуществлению этого намерения в течение семи лет мешало грозное бедствие: в 1349 г. в Норвегии разразилась эпидемия черной оспы, принявшая поистине трагический размах. Эта болезнь за два-три года унесла две трети населения[4]. Не удивительно, что король в течение нескольких лет занимался более неотложными делами.

Лишь в 1355 г., то есть через девять лет после предыдущего рейса «Трещотки», можно было вновь подумать о плавании в Гренландию. В противоположность прежним рейсам, когда преследовались исключительно коммерческие цели, плавание 1355 г. было предпринято по политическим соображениям и отвечало церковной политике короля Магнуса. Возглавить эту экспедицию было поручено неоднократно упоминавшемуся и высоко чтившемуся государственному деятелю, Паулю Кнутсону из Онархейма, состоявшему в личной страже (*Hirdmand*) короля. Пауль Кнутсон был челове-

---

[1] Статья Апеля. См. «Hansische Geschichtsblätter», 1929, S. 172.
[2] J. Fischer, op. cit,. S. 22.
[3] См. стр. 325, примечание 2.
[4] «Gottskalks Annaler», ed. Storm. См. «Islandske Annaler indtil 1578», Christiania 1888, S. 354.

ком весьма состоятельным и знатным[1], к тому же ему было предоставлено право подбирать спутников по его усмотрению. Возможно, что, руководствуясь королевским указом от 3 ноября 1354 г., приведенным среди первоисточников в начале главы, Кнутсон взял с собой в Гренландию многочисленный отряд, поскольку ему было поручено не допустить гибели христианства в Гренландии. А это при сложившихся к тому времени обстоятельствах означало не только реорганизацию церкви, но и заботу о переселившихся в Гренландию норманнах, которых нужно было предварительно разыскать. К тому же предстояло изгнать эскимосов и предпринять даже военные действия против них.

Так, во всяком случае, понял задание, полученное Паулем Кнутсоном, исследователь Сторм, который пишет следующее: «До нас дошла копия королевского указа от октября 1354 г., в котором говорится о чрезвычайно важных подготовительных мерах. Задача экспедиции заключалась в сохранении христианства в Гренландии, то есть в борьбе с эскимосами и укреплении колонии, а возможно, и в *разведке новых земель*... Экспедиция вернулась на родину, вероятно, не ранее 1363 или 1364 г., так как в этом последнем году Ивар Бардсен вновь появляется в Норвегии, а не ранее 1365 г. получает посвящение новый гренландский епископ»[2].

Нёрлунд подчеркивал, что у нас нет никаких доказательств того, что «Трещотка» под командованием Пауля Кнутсона действительно вышла в рейс[3]. Однако это не играет никакой роли. Нёрлунд, как и любой другой исследователь, не сомневается в том, что плавание действительно состоялось. Его оговорка — это лишь замечание добросовестного историка. Отсутствие соответствующих документов в архивах позволяет *ceteris paribus* [при прочих одинаковых обстоятельствах] скорее сделать вывод о выполнении королевского указа, чем о том, что плавание не состоялось. Событие, помешавшее его осуществлению, было бы, пожалуй, отмечено, а осуществление указа — вряд ли. Присутствие гренладского священника Ивара Бардсена в Норвегии в 1363/64 г. подтверждается документами. Из этого косвенно вытекает, что рейс «Трещотки» состоялся раньше, ибо иначе непонятно, как мог Ивар возвратиться в Норвегию. Но в таком случае последний рейс «Трещотки» мог состояться только в 1355 г.

Насколько редким стало в то время сообщение между Гренландией и метрополией, видно из того подчеркнутого Нёрлундом[4] факта, что иногда события, происходившие в Гренландии девять лет назад, воспринимались в Европе как «новые».

Однако вряд ли можно сомневаться в том, что время от времени нелегальные плавания в Гренландию и другие западные земли все же совершались не то скандинавами, не то моряками других европейских стран (Англии?).

---

[1] Паулю Кнутсону и его служебной карьере посвящено интересное исследование Эспеланда. См. «Bergens Aftenblad», 18. November, 1922.

[2] G. S t o r m, Vinlandsrejserne, Köbenhavn, 1888, S. 73 (и след.).

[3] P. N ø r l u n d, Wikingersiedlungen in Grönland, Leipzig, 1937, S. 110.

[4] Ibidem, S. 23.

Точно так же никогда полностью не прерывались и запрещенные короной связи с Исландией (см. гл. 157).

О том, что такие случайные плавания из Европы в Северную Америку совершались даже через 100 лет, говорит очень интересное сообщение, содержащееся в одном документе, который исходит от немецких купцов, проживавших в Брюгге в 1434—1435 гг. В нем речь идет об указе шведского короля Эйрика XIII, запрещающем плавания в подвластные этому государю западные области, причем говорится, что «в иные времена также предписывалось, чтобы никто не пытался плавать в *Винланд*, к Оркнейским и Фарерским островам и т. д. Несмотря на это, корабли туда ходили».

С этими событиями как-то связано и странное сообщение Олая Магнуса, приведенное среди первоисточников в начале главы[1]. Однако, как это нередко случалось с Олаем Магнусом, он придал своему сообщению сенсационный характер, и оно в таком виде не заслуживает доверия. Эскимосов-пиратов, пожалуй, никогда не существовало, ибо у этого народа не было ни малейшего влечения к морскому разбою. Нигде не сообщается также о торговых судах, которые в XIV в. достигали населенных эскимосами берегов. Сообщение Олая Магнуса, несомненно, относится к экспедиции Пауля Кнутсона. Однако король Магнус не принимал участия в этом плавании, а хранившиеся в Тронхеймском соборе эскимосские каяки наверняка не были военным трофеем Пауля Кнутсона[2]. Скорее всего эти каяки море пригнало некогда к берегам Норвегии, а затем, как это случалось и в других местах, например на Оркнейских островах (см. т. I, гл. 35), они были выставлены напоказ в церкви, поскольку музеев в те далекие времена еще не было. Появление каяков могло позднее привести к возникновению легенды, переданной нам не совсем надежным Клавдием Клавусом и легковерным Олаем Магнусом, будто эти лодки были захвачены во время карательной экспедиции против эскимосов. Все сообщения о воинственных эскимосах Нансен считает «представлениями, возникшими главным образом из легенд и суеверий», хотя они передаются нам также Михелем Бехаймом (около 1450 г.), Якобом Циглером (1532 г.) и Павлом Иовием (1534 г.)[3].

---

[1] Олай Магнус (1490—1558) — шведский миссионер, путешествовавший в 1518—1519 гг. по северным областям Скандинавского полуострова. Известен как составитель карты Северной Европы (1539 г.), причем для ее восточной части он использовал в основном русские источники. В географических комментариях к своей карте Олай Магнус наряду с верными сведениями сообщает много нелепостей.— *Прим. ред.*

[2] G. S t o r m, Claudis Clavus, «Ymer», Stockholm, 1889, S. 140.

[3] F. N a n s e n, op. cit., B. II, S. 396 (примечание 325). [Михеля Бехайма не следует смешивать с его однофамильцем Мартином Бехаймом, известным картографом и мореплавателем, жившим примерно на 50 лет позднее. Павел Иовий Новокомский (1483—1552)— Паоло Джови из Комо-Нуово (Северная Италия) — епископ, итальянский географ, автор труда «Описание стран и островов, а также местностей» (издан посмертно, Базель, 1575). В этот труд полностью включена и небольшая работа «Книга о посольстве Василия Великого, государя Московского к папе Клементу VII» (Рим, 1525). В книге дается описание Русского централизованного государства, составленное Иовием со слов русского посла Дмитрия Герасимова,

Эскимосские саги, повествующие об истреблении норманнов эскимосами, были известны и гренландскому миссионеру Эгеде[1].

К сожалению, источники ничего не сообщают о результатах, которых добилась экспедиция Пауля Кнутсона за поразительно долгий срок ее отсутствия (восемь-девять лет). В этом отношении мы должны удовлетвориться одними предположениями. В свете описанных выше событий представляется почти бесспорным, что одна из главных задач экспедиции состояла в том, чтобы позаботиться о судьбе переселившихся из Вестербюгда норманнов и вернуть их в лоно церкви. Но если Пауль Кнутсон узнал в Эстербюгде от Ивара Бардсена или другого соотечественника, что исчезнувшие переселенцы ушли на запад «к народам Америки» (эта фраза могла, разумеется, возникнуть лишь в XVI или XVII в.), то он должен был посчитать своим долгом тоже отправиться туда на розыски.

Поразительно долгое отсутствие экспедиции Пауля Кнутсона вполне можно объяснить так, как это сделал Холанд: «Пауля Кнутсона и его спутников, как благочестивых католиков, должна была испугать мысль о поселенцах, отпавших от христианства, так как, по представлениям того времени, они этим самым добровольно отдались во власть дьявола. Король и исполнители его воли, как верные сыны средневековой церкви, считали своим долгом следовать за этими отщепенцами на край света и любыми средствами спасти их от высшей кары. Это несомненное самоотречение во имя веры вполне объясняет и долгое отсутствие экспедиции»[2].

Так весьма логично перебрасывается мост к высказанному Холандом предположению, что экспедиция Пауля Кнутсона направилась из Гренландии в Винланд. Ведь в этой стране, прославленной в сагах, можно было скорее всего рассчитывать на встречу с исчезнувшими поселенцами[3]. В этом случае причина плавания Пауля Кнутсона в Винланд была бы такой же, что и путешествия Эйрика Гнупсона. Но сейчас, разумеется, нельзя уже *доказать*, что плавание в Винланд было «продиктовано стремлением наставить колонистов на путь истины или удержать их в христианской вере»[4].

Пропавших, наверное, в Винланде не нашли; вполне возможно, что они предпочли уйти в более северные области Америки (см. гл. 157). Поэтому часть спутников Пауля Кнутсона, то ли по поручению своего руководителя, то ли на свой страх и риск, возможно, предприняла из Винланда дальнейшее «разведывательное плавание на запад» либо чтобы продолжить розыск пропавших соотечественников, либо действительно для географической разведки неизвестных стран.

посетившего Рим летом 1525 г. Русский перевод латинского текста см. С. Герберштейн, Записки о московитских делах, СПБ, 1908.—*Ред.*

[1] H. Egede, Beschreibung und Naturgeschichte von Grönland, Berlin, 1763, S. 40.

[2] H. R. Holand, op. cit., S. 76.

[3] Проблему плаваний в Винланд рассматривает также Херманссон. См. H. Hermansson, The Wineland voyages, «Ceographical Review», 1927, v. 17, p. 107.

[4] C. Ch. Rafn, Americas opdagelse i det tiende aarhundrede, Köbenhavn, 1841, S. 32.

Нельзя отрицать, что эти исторические взаимосвязи, выявленные Холандом, помогают нам понять, что произошло в 1362 г. в области, населенной индейцами-манданами. Даже если необычайная дальность этого «разведывательного плавания на запад» по-прежнему остается для нас психологической загадкой, все же такой факт когда-то имел место! «Военная экспедиция» небольшой группы, принадлежавшей к северной расе, которая была совершена в глубь Северной Америки, по предположению Ла-Верандри, за 200 лет до него, могла состояться *только* около 1362 г.— в связи с плаванием в Гренландию Пауля Кнутсона!

Прежде всего напрашивается вывод, что сами норманские переселенцы, прибывшие в 1342 г. из Гренландии, были занесены в район верховьев Миссисипи и воздвигли там рунический камень. Однако это невероятно и, более того, невозможно, так как в надписи на Кенсингтонском руническом камне определенно говорится, что в экспедиции участвовало также *восемь шведов*. Норманская колония в Гренландии была создана только норвежцами. Насколько нам известно, там никогда не было шведов. Но в экспедиции Пауля Кнутсона, видимо, норвежцы и шведы действовали совместно. Такое совместное плавание, вероятно, не было обычным явлением, но в то время его сочли необходимым, так как род, к которому принадлежал король, обитал в Вестерьётланде и «готы» (шведы) в XIV в. занимали при норвежском дворе высокие посты; два из них были даже канцлерами[1]. Пауль Кнутсон, следуя королевскому указу, набирал своих спутников «из нашей личной стражи» и не мог не включить шведов в состав экспедиции. Шведов насчитывалось, несомненно, меньше, чем остальных участников плавания, но они были самыми знатными и грамотными. Этим можно объяснить, почему именно шведы названы первыми в рунической надписи.

Один из шведов, очевидно, был автором рунической надписи, так как она составлена на древнеётландском диалекте. Этим объясняется и тот факт, который первоначально вызывал главные возражения против подлинности надписи, а именно, что пять слов казались заимствованными из английского языка. Вот эти слова — *fråm*, *mans*, *of*, *theth* (*ded*), *illy*. Однако Холанд убедительно доказал ссылками на соответствующие места из литературных источников XIV в., что эти пять слов были тогда весьма употребительны в ётландском диалекте[2]. Этим было опровергнуто *единственное* сравнительно веское возражение против подлинности надписи, что признано рядом скандинавистов[3].

Тем не менее немецкий рунолог Краузе недавно вторично попытался на основании уже опровергнутых сомнений лингвистов изобразить Кенсинг-

---

[1] H. R. Holand, op. cit., S. 79. [Вестерьётланд — историческая область на юго-западе Швеции.— *Ред.*]

[2] Ibidem, S. 98. Проблема в целом еще не ясна.

[3] В своем письме к автору этих строк Яльмар Линдрот из Готенбурга высказал правильную мысль: «Учитывая создавшееся положение, лингвисты должны не перекладывать всецело бремя дальнейших доказательств на «верующего», а со всем усердием принять участие в совместной работе над выяснением различных загадок и преодолением трудностей... Возможно, что исследование этого вопроса еще не доведено ими до конца».

тонский камень как современную фальшивку[1]. Краузе считает, что надпись на камне *мог* сделать только человек, «говоривший в повседневной жизни по-английски, но много и обстоятельно занимавшийся рунами и древними скандинавскими языками». Так как до 1860 г. такой человек никак не мог находиться в Миннесоте, Краузе доходит до нелепого вывода:

«Осмелится ли кто-нибудь еще утверждать, что камень не мог быть искусно запрятан между корнями дерева»?[2]

Да, автор данных строк утверждает это со всей определенностью, ибо корни дерева, как твердо установлено, *обвили* каменное препятствие. Камень, бесспорно, уже находился в земле раньше, чем начали развиваться корни дерева; все обстоятельства находки, подтвержденные многими сделанными под присягой свидетельскими показаниями, совершенно исключают возможность бессмысленного «запрятывания камня между корнями [живого!] дерева». К такому предположению нельзя отнестись серьезно. С таким же основанием Краузе мог бы утверждать, что различное скандинавское оружие и другие предметы, найденные в земле этих штатов, были захоронены тем же фальсификатором, чтобы усилить впечатление подлинности камня. Но скептицизм Краузе помешал ему учесть основное: руническую надпись, разумеется, еще можно подделать, но *степень выветрелости* знаков на камне—никогда. Далеко зашедший процесс выветривания, несомненно, подтверждает, что надпись *была нанесена* уже несколько столетий назад. Как же можно оставить без внимания этот решающий аргумент и, пренебрегая им, опрометчиво утверждать, что мы имеем дело с современной подделкой! Да и как в области, населенной одними индейцами, много столетий назад мог все же оказаться какой-то человек, «говоривший в повседневной жизни по-английски, но много и обстоятельно занимавшийся рунами и древними скандинавскими языками»? Скептицизм не должен приводить нас к совершенно нелепым выводам и заставлять увлекаться умозаключениями, неизмеримо более странными, неестественными и фантастичными, чем те, которые необходимы, чтобы доказать подлинность камня. Если полностью доказано, что всякая *возможность* подлога исключена, то допустимо ли, несмотря на это, по-прежнему настаивать на очевидности фальсификации, опираясь на весьма односторонние и спорные филологические доводы! Разумеется, легче всего объявить, что камень «должен быть» поддельным, и попросту игнорировать все веские аргументы, доказывающие противоположное[3]. Но на того, кто

---

[1] W. K r a u s e, Runen in Amerika, «Germanien», 1937, S. 231.

[2] Ibidem, S. 235.

[3] Чисто филологический метод опровержения, применяемый Краузе, кажется автору слишком неубедительным, чтобы считать его веской аргументацией *против* подлинности камня. Краузе ссылается на то, что некоторые из использованных в Кенсингтоне рунических знаков имеют необычную форму, а отдельные слова нельзя найти в древнешведском языке, например *from* (вместо *fro* или *frå*m), *ded* (вместо *döde*) и т. д. Кроме того, он считает, что трудно себе представить, чтобы в XIV в. год обозначался без дополнения словами «после Рождества Христова». Но, как полагает автор, *весьма* рискованно строить такие далеко идущие выводы на основании подобных чисто лингвистических возражений. Прибегая к такому методу, можно «доказать», что «Фауст» ни в коем случае не мог быть написан Гёте. Ведь в этом

в настоящее время еще утверждает, что камень подложный, падает и все бремя доказательств! Он должен либо дать более или менее ясное объяснение того, как, когда, кем и прежде всего с какой целью свыше 200 лет назад в области, населенной исключительно индейцами, был сфабрикован рунический камень, который затем по меньшей мере 150 лет спустя другой фальсификатор «искусно запрятал под корнями дерева», либо привести доказательство, как удалось современному мошеннику вместе с руническом надписью подделать степень выветрелости! Исследователь, защищающий такую точку зрения, обязан выполнить одно из этих двух условий или же согласиться с тем, чтобы другие, пренебрегая его возражениями, перешли к очередной повестке дня! Полагаем, что об эту неприступную скалу разобьются все дальнейшие попытки опровержения подлинности Кенсингтонского камня с «чисто лингвистических» позиций.

Скептицизм по отношению к неясным или непредвиденным результатам исследования, несомненно, разумен и необходим. Но преувеличенный скептицизм может стать тормозом, мешающим развитию науки, как показывает история Несторианской стелы (см. т. II, гл. 78), Хёненского рунического камня (см. т. II, гл. 107), Кенсингтонского камня. Односторонний скептицизм, при котором слишком много внимания уделяют второстепенным формальным признакам и игнорируют веские аргументы противников, представляется злом, даже если в его основе не лежит то, что Гумбольдт назвал «злорадным разрушением чар вдохновения»[1].

Скептикам *à tout prix* [во что бы то ни стало] типа Краузе достойно возразил Вагнер, который писал, что они занимаются «построением искусственных гипотез, подменяющих абсолютно правдоподобные события»[2].

Не менее правильную мысль высказал также американец Фиске. «Скептицизм, который обычно считают признаком большой проницательности, с таким же успехом может основываться на недостаточном понимании»[3].

В нашем случае речь идет о недостаточном понимании непреодолимой силы естественнонаучных доказательств, таких, как результаты химических исследований. Между тем, эти результаты неоспоримы, и на любое сомнение мы можем ответить пословицей «*contra facta non valent argumenta*!».

произведении встречаются некоторые ошибки и погрешности, которые не мог допустить хороший знаток немецкого языка. Вот примеры: «*Wer ruft mir*?» (вместо *mich*), «*Stell' deinen Fuss auf ellenhohe Socken*» (вместо *Sockel*), «*Bin weder Fräulein weder schön*» (вместо *weder — noch*), «*Die Augen täten ihm sinken*» (вместо *taten ihm sinken*, или правильнее: *sanken ihm*), «Wer darf sagen: ich glaub' ihm (вместо *an ihn*) и т. д. Ни в коем случае нельзя предположить, что подобные языковые погрешности допустил такой выдающийся мастер, как Гёте! Итак, для будущих лингвистов, наверное, уже доказано, что «Фауст» «должен быть» делом рук другого автора, возможно иностранца, который не совсем безукоризненно владел немецким языком.

[1] A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1852, B. I, S. 219.

[2] «Gottinger Nachrichten», 1902, S. 116.

[3] J. Fiske, Discovery of America, Boston, 1892. [См. также Дж. Фиске, Открытие Америки с кратким очерком древней истории Америки и испанского завоевания, М., 1892—1893 (2 тома).— *Ред.*]

Впрочем, даже при недостаточном знании *обстоятельств, побудивших* предпринять плавание, нельзя не считаться с тем *фактом*, что некогда (вероятно, в 1362 г.) вооруженная норманская экспедиция проникла в область, населенную индейцами-манданами, но по каким-то причинам не смогла оттуда возвратиться, и ее участники, видимо, осели там и смешались с коренными жителями в качестве носителей более высокой культуры!

Если 30 скандинавов действительно принадлежали к экспедиции Пауля Кнутсона, то можно с уверенностью предположить, что ни один из них не вернулся на родину. Как сообщает надпись, 10 человек погибли в бою, видимо во время нападения индейцев, а остальные 20, вероятно, остались в стране, лишившись возможности возвратиться на родину.

Они, видимо, поневоле остались на чужбине и слились с местными индейцами. Вероятность этого тем более велика, что манданы вплоть до XIX в. охотно принимали в свое племя чужеземцев. Принц Максимилиан писал: «Достаточно пленнику войти в деревню и поесть там маис, как он уже считается членом племени»[1].

Скандинавы, находясь на более высоком уровне развития, безусловно, могли научить индейцев различным ремеслам и, очевидно, это сделали[2]. Поэтому манданы, вероятно, считали норманнов весьма ценным приобретением для своего племени.

Если скандинавы действительно остались в стране манданов, то этим объясняется столь позднее возвращение участников экспедиции в Норвегию. Они, видимо, из года в год ждали возвращения своих ушедших в плавание товарищей и только тогда решили вернуться на родину, когда исчезла всякая надежда на возвращение пропавших. Руководителю экспедиции Паулю Кнутсону, очевидно, не суждено было вновь увидеть родину, ибо в дальнейшем его имя нигде не упоминается, хотя до 1355 г. он играл значительную роль в истории Норвегии.

Впрочем, о самом факте возвращения экспедиции из плавания ничего неизвестно. Мы знаем только, что Ивар Бардсен, который управлял Гардарской епархией, находился в Гренландии с 1341 г. и временно замещал умершего гардарского епископа Арне, скончавшегося в 1349 г.; в 1364 г. он находился еще в Норвегии. Отсюда можно сделать вывод, что «Трещотка» вернулась из Гренландии в том же 1364 г. или еще раньше, в 1363 г.[3] Другой записи об этом событии в источнике нет, если не считать сообщения о после-

---

[1] Prinz Maximilian zu Wied, op. cit., B. II, S. 198.

[2] Норманны могли передать индейскому племени и искусство градостроительства. Однако по этому поводу нужно заметить, что в Америке никогда не было обнаружено «норманских городов». Напомнить об этом необходимо, так как во второй половине XIX в. в Америке много писалось о мнимом норманском городе «Норумбеге», руины которого были якобы обнаружены. См. E. N. Horsford, The discovery of the ancient city of Norumbega, Cambridge, 1889. Сомнения, высказанные по этому поводу Бове, вполне основательны,—города Норумбега никогда не существовало. См. E. Beauvais, La Norumbègue, Bruxelles, 1889.

[3] G. Storm, Vinlandsrejserne, S. 74.

довавшем в 1365 г. посвящении в сан нового епископа Гренландии Альфа[1]. Это назначение можно считать свидетельством того, что незадолго до него, в первый раз после почти 16-летнего перерыва, вновь поступило известие из далекой колонии с сообщением о смерти епископа Арне. В 1367 г. «Трещотка» опять должна была посетить Гренландию и доставить при этом в Гардар нового епископа, однако судно разбилось немного севернее Бергена, откуда оно вышло в плавание. Лишь в следующем году плавание завершилось благополучно и Альф смог попасть в свою епархию. На обратном пути, очевидно, и эта «Трещотка» потерпела крушение[2]. Альф был вообще последним епископом, который лично проживал в Гренландии. После его смерти (1377 г.) последовали назначения нескольких епископов в Гренландию (см. т. IV, гл. 157), но ни один из них больше не отправлялся в свою епархию.

Перейдем к рассмотрению вопроса о том, плавали ли еще суда между Гренландией и Винландом в XIV в. Положительный ответ на этот вопрос является необходимой предпосылкой для принятия гипотезы Холанда. Здесь мы сошлемся на запись в «Скальхольтских анналах», относящуюся к 1347 г. (см. первоисточник на стр. 315). Эта запись служит бесспорным доказательством того, что около 1350 г. еще совершались регулярные рейсы из Гренландии к побережью Американского материка. Отсюда следует, что плавания в Маркланд за хорошим строевым и корабельным лесом[3] из безлесной Гренландии постоянно совершались на протяжении 350 лет со времени открытия этой земли в 1000 г. Но летописцы не считали нужным регулярно отмечать эти ставшие привычными рейсы. Приведенное среди первоисточников и имеющее важное значение сообщение о плавании в Маркланд в 1347 г. представляет для нас интерес не потому, что оно сообщает о самом рейсе, а *только* в связи с упоминанием о том, что на обратном пути судно сорвало «с якоря» штормом и оно вынуждено было искать укрытия в исландском Страум-фьорде. Экипаж, состоявший из 17 человек, не мог вернуться в Гренландию на своем судне, ставшем, очевидно, непригодным для плавания, и был доставлен в следующем 1348 г. из Исландии в Норвегию.

---

[1] G. Storm, Islandske Annaler, S. 227.

[2] F. C. Dahlmann, Geschichte von Dänemark, Hamburg, 1841, B. II, S. 382.

[3] Поскольку в источнике прямо сказано, что использованное для плавания в Маркланд судно было небольшим по своим размерам, Сторм предполагает, что оно шло не за лесом, а, видимо, доставило к побережью Америки рыболовов. Это произошло, вероятно, из-за враждебного отношения эскимосов к гренландским переселенцам, которые уже не могли заниматься прибыльным рыболовным промыслом в Нордсетуре. См. G. Storm, Vinlandsrejserne, S. 73. Это, конечно, допустимо. Впрочем, для нашего исследования причина, побудившая предпринять плавание, имеет меньшее значение, чем сам факт. По мнению автора, Фишер совершенно правильно подчеркивает: «Важное значение имеет и будет иметь тот факт, что в Гренландии к середине XIV в. Маркланд еще не был забыт и что в Исландии того времени говорили и писали о Маркланде как о всем хорошо известной земле». По этому вопросу см. J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Nordamerika, Freiburg, 1902, S. 46. См. также C. Chr. Rafn, Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1837, S. 261.

Об этом мы узнаем из записки в Готтскальских анналах (см. стр. 315). Из Норвегии гренландцы, если они только уцелели во время чумы, были в 1355 г. переправлены с «Трещотки» в Гренландию.

Эта экспедиция в Маркланд должна нас здесь интересовать как доказательство того, что плавания гренландских норманнов в Америку не прерывались в XIV в. Оставим в стороне спорный вопрос о местонахождении лесистого Маркланда. Этой страной мог быть как юго-восток Лабрадора (в пользу которого недавно снова высказался Херманссон[1], так и Ньюфаундленд. И там и тут норманны могли заниматься заготовкой леса. Где именно это делалось, не имеет значения при решении других, занимающих нас здесь проблем[2].

Во всяком случае, плавание в Маркланд в 1347 г. определенно свидетельствует о том, что рейсы из Гренландии к Американскому материку в то время не были чем-то необычным. Из сообщения от 1347 г. некоторые исследователи делали даже вывод, что в тот период в Маркланде, вероятно, существовала колония викингов[3]. Эта гипотеза слишком смела, но тот факт, что плавание совершалось по хорошо известному маршруту, едва ли следует оспаривать. В соответствии с этим весьма близкой к истине представляется нам и догадка о том, что доверенное лицо короля, Пауль Кнутсон, счел своей обязанностью после выполнения поручения в Гренландии позаботиться и о положении дел в «Винланде».

Может показаться странным и внушить подозрение относительно подлинности Кенсингтонского рунического камня тот факт, что 1362 г. обозначен на нем арабскими цифрами, хотя и переданными runическими знаками. Однако и это сомнение не обосновано. Арабским цифрам, изобретенным в X в., еще в 982 г. открыл путь в Европу ученый папа Сильвестр II (999—1002)[4]. С начала XIV в. арабскими цифрами пользовались также в Скандинавии и даже в Исландии, что можно доказать книгой «Хауксбок»[5], появившейся около 1320 г. Норвежский рунолог Ессинг при экспертизе Кенсинг-

---

[1] H. Hermannsson, The problem of Wineland, «Inslandica», 1936, B. XXV.

[2] Автор со своей стороны хотел бы высказать предположение, что все лесистые местности на восточном побережье Северной Америки обозначались как Маркланд (Лесная страна), независимо от того, шла ли речь о материке или острове. Уточнить это понятие, придать более узкое значение этому географическому термину почти так же невозможно, как слову «пустыня», которым называли все безлюдные местности Восточной Гренландии, или современному понятию «Левант». [Термином «Левант» в западноевропейской литературе обозначается не только Восточное Средиземноморье в неопределенных границах, но и Восточная Испания, с Каталонией или без нее.— *Ред.*]

[3] E. Beauvais, Les derniers vestiges du Christianisme prêchés du Xe an XIVe siècles dans le Markland et la Grande-Irlande, Paris, 1877; Les colonies européennes du Markland et de l'Estotiland au XIVe siècle et les vestiges qui en subsistèrent jusqu'aux XVIe et XVIIe siècle. См. «Comptes Rendus du Congrès des americanistes à Luxembourg», 1878, p. 469.

[4] «International Encyclopaedia», «Notation».

[5] «Annaler for Nordisk Oldkyndighed», 1848, S. 253 (и след.).

тонской надписи твердо заявил, что в применении арабских цифр в руни-ческих надписях XIV в. нет ничего удивительного[1].

Следует сказать несколько слов по поводу странного сообщения автора рунического текста, что он в момент составления надписи находился на «острове», между тем как камень был обнаружен на суше. Однако произведенными исследованиями установлено, что уровень воды близлежащего озера Корморант раньше был примерно на 3 *м* выше, чем в настоящее время[2]. Он был искусственно понижен в 1875 г., когда хозяйничавший по соседству фермер захотел использовать водную энергию для строившейся мельницы. Поэтому возможно, что раньше камень действительно находился на острове. На этот остров, лучше защищенный от нападений, возможно, отошли скандинавы в 1362 г. после атаки индейцев, стоившей жизни 10 их товарищам; здесь им представилась возможность тщательно, почти художественно нанести надпись на большой серый камень. Зато трудно вообразить, что какой-то современный фальсификатор рун сначала с трудом доставил на остров посреди озера камень весом почти 2 *ц* и там с еще большим трудом так обнажил корни огромного дерева, что смог «запрятать между ними» свою подделку, а затем вновь разровнял землю и начал ждать, не будет ли отведено озеро, свалено дерево и найден фальшивый рунический камень. Дураков среди фальсификаторов, насколько нам известно, никогда не водилось!

В заключение следовало бы еще остановиться на камне с надписью, найденном Ла-Верандри, которым так живо заинтересовался еще Гумбольдт. К сожалению, он, очевидно, исчез из-за непростительной небрежности. Кальм, сообщающий об этой находке со слов самого Ла-Верандри[3], отмечает, что на том камне надпись была сделана, видимо, «татарскими» письменами, как утверждали будто бы ученые иезуиты из Квебека. Между татарскими письменами и рунами действительно наблюдается значительное, хотя и поверхностное сходство, как убедительно доказал Холанд, приводя изображение рукописи с татарским шрифтом[4]. Поэтому вполне вероятно, что и камень, обнаруженный Ла-Верандри, был руническим. Его потеря тем более достойна сожаления, что он мог бы, пожалуй, содействовать окончательному решению загадки Кенсингтонской надписи. К несчастью, вероятность того, что камень Ла-Верандри, о котором ничего не сообщалось примерно с 1745 г., может быть еще найден в Парижском архиве или музее, ничтожна. Но его стоило бы еще раз хорошенько поискать.

Итак, Кенсингтонский камень по-прежнему остается единственным древним руническим памятником, который пока удалось обнаружить на Американском материке, причем его подлинность вряд ли можно опровергнуть.

---

[1] H. G j e s s i n g, Runestenen frå Kensington, «Symra», Decorah (Iowa), 1909, No. 3, p. 116 (и след.).

[2] H. R. H o l a n d, op. cit., p. 152.

[3] Об экспедиции Ла-Верандри см. L. J. B u r p e e, Journal an letters of P. G. de la Vérandrye and his Sons, Toronto, 1927.

[4] H. R. H o l a n d, op. cit., p. 184.

И раньше на территории США то там, то тут находили якобы несомненно подлинные рунические надписи[1]. К таким «находкам» относятся неоднократно обсуждавшийся открытый Дайтоном «камень с письменами» («*writing rock*») с Тонтон-Ривер[2], рунические камни из Портсмута (Род-Айленд), с острова Мартас-Вайнъярд из Суонси, Маттапойсетт-Нека (Индиана), Маунт-Хопа, Сэчнест-Пойнта (Род-Айленд), Тивертона и др. и, наконец, камень из Спокана (Вашингтон, 1926 г.). Впрочем, все эти находки не выдержали экспертизы на подлинность и зачастую обязаны своим призрачным существованием только легкомысленным сообщениям[3]. И все же последнее слово по всем этим проблемам еще не сказано. В земле Америки,

---

[1] H. R. Holand, op. cit., p. 396.

[2] Этот камень, найденный в 1680 г. у Тонтона (Массачусетс), был объектом нескончаемых научных дискуссий, подробно рассмотренных в объемистом труде Рафна. См. C. Chr. Rafn, Americas opdagelse i det tiende aarhundrede, Köbenhavn, 1841, S. 355. Он известен по многочисленным сильно расходящимся между собой изображениям. Однако, согласно более новым специальным исследованиям, на нем вообще нет рунических знаков. Лёффлер считает, что этот камень, «несомненно, индийского происхождения». См. E. Löffler, The Vineland-Excursions of the ancient Scandinavians, Köbenhavn, 1884, p. 70. Некоторые исследователи полагали, что знаменитая надпись на этом камне карфагенского происхождения, другие — сибирско-татарского, третьи принимали ее за руны и «пограничный столб» Торфинна Карлсефни. См. J. Dunbar, Essays of the history of Mankind in rude and uncultivated ages, London, 1780, p. 438 (и след.); Ch. Vallancey, Observations of the American Inscription, «Archeologia», 1787, v. VIII, p. 302; Baxter, Early voyages to America, «Collection of the Old Colony History Society», Taunton, 1889, v. IV. Однако, как это впервые предположил Форстер, письмена оказались просто индейскими каракулями, каких находили немало. См. J. R. Forster, Prehistoric races of the United States of America, Chicago, 1873.

Позднее проф. Делабар из Браунского университета в Провиденсе утверждал, что после 13-летнего изучения, фотографируя надпись «спереди», но при наклонно падающих лучах искусственного освещения, он установил, что это документ пропавшей экспедиции Мигела Кортириала. Делабар даже якобы разобрал дату «1511 г.». См. E. B. Delabarre, A Rocha de Dighton e Miguel Cortereal, «Bolletin da Agencia Geral das Colonias», 1937, № 30, p. 44 (и след.). Несомненно, что такое толкование — плод фантазии. Мы приводим его здесь в качестве курьеза.

[3] Действительным или мнимым находкам в Массачусетсе и соседних областях предметов норманского происхождения посвящена очень обширная литература, правда весьма разного качества и надежности. Особого упоминания заслуживают следующие работы: C. Chr. Rafn, op. cit., S. 343; R. Cronau, Amerika, Leipzig, 1892, B. I, S. 138; Warden, Recherches sur les antiquités des Etats-Unis de l'Amérique septentrionale, «Recueil de voyages et de mémoires», Paris, 1825, t. II, p. 275 (и след.); M. Lort, Account of an ancient Inscription in North America, «Archaeologia», London, v. VIII, p. 1787 (и след.); Ch. Vallancey, Observations on the American Inscription, «Archaeologia», London, v. III, p. 302 (и след.); C. Horsford, Vinland and its ruins, «Appletons's Popular Science Monthly», December 1899; R. Hennig, Von rätselhaften Ländern, München, 1925, S. 206 (и след.); «Mémoire de l'Académie des Arts et des Sciences de Cambridge», 1793, v. II, 1809, v. III; «Recueil de la Mémoire de la Société de la géographie», Paris, 1825, t. II, p. 438.

возможно, еще скрыто много неожиданностей, о которых и не мечтают исследователи. Очень возможно, что в Миннесоте или в соседних штатах где-либо будет обнаружен еще один рунический камень или найдено другое свидетельство пребывания здесь норманнов в XIV в.

К сказанному следует добавить, что у норманнов позднего средневековья был *весьма* распространен обычай в случае невозможности вернуться на родину или перед угрозой смертельной опасности сообщать о постигшей их судьбе при помощи рунических надписей.

Гренландский летописец Бьёрн Йонсон (1574—1656) сообщает, например, в одном месте своей хроники о трупах норманнов, попавших в «гренландские пустыни» и нашедших там свою гибель: «Почти всегда рядом с ними лежали высеченные руны, сообщавшие о всех происшествиях, приведших их к несчастью и страданиям»[1]. Кенсингтонский камень принадлежит, очевидно, к той же разновидности рунических памятников, что и найденные в «гренландских пустынях».

Как бы то ни было, но Кенсингтонский рунический камень пока остается единственным на Американском континенте, в отношении которого любые попытки изобразить его подделкой пока не удавались и, вероятно, потерпят крушение в дальнейшем. До тех пор пока не будут представлены неоспоримые доказательства в пользу противоположного мнения, *его подлинность должна быть принята за непреложный факт!*

Когда-то Мэллери полагал, что можно закончить любую дискуссию о рунических камнях, обнаруженных во внутренних областях Северной Америки, следующим удобным доводом: «При такой логике мы заставили бы викингов проникнуть очень далеко в Западную Виргинию»[2].

Поддерживать эту точку зрения теперь уже нельзя. Кенсингтонский камень доказал, что викинги проникли *значительно* дальше на запад, чем полагал Мэллери. Мы должны пока удовлетвориться теми выводами, которые неизбежно вытекают из этого факта, поскольку возражения филологов против подлинности камня опровергнуты.

Что касается индейцев-манданов, принадлежащих к группе племен сиу, то от этого некогда «многочисленного племени»[3] ныне сохранились лишь жалкие остатки. В заключительной части книги о путешествии принца Максимилиана недвусмысленно сказано: «Позднее инфекционная болезнь... якобы унесла бóльшую часть манданов»[4].

Этой инфекционной болезнью была оспа, тяжелая эпидемия которой в 1837 г. за короткое время сократила численность индейцев-манданов с 1600 до 37 человек. Оставшиеся в живых смешались позднее с соседними индей-

---

[1] «Grønland historiske Mindesmaerker», B. II, S. 656.

[2] Mallery, Picture-writing of the American Indians, Washington, 1893, p. 764.

[3] Prinz Maximilian zu Wied, op. cit., B. III, S. 103. [Сиу — индейская североамериканская группа, в которую, кроме манданов, входят ассинибойны, дакоты и другие известные племена.— *Ред.*]

[4] Ibidem, S. 687.

скими племенами, утратив при этом признаки «скандинавской» расы[1]. Итак Кетлин занимался изучением этого интересного индейского племени, которое Холанд назвал «величайшей этнологической загадкой среди североамериканских индейцев»[2], когда оно доживало свои последние часы.

Следует особенно подчеркнуть, что Кенсингтонский рунический камень и многочисленные находки в земле средневекового скандинавского оружия и утвари западнее Великих озер играют бо́льшую роль для вынесения окончательного суждения по этой проблеме, чем признаки скандинавской расы, обнаруженные у манданов. Эти признаки в настоящее время ставятся под сомнение. Американист Фридерици в своем письме от 2 августа 1937 г. сообщил автору этих строк, что нет необходимости привлекать скандинавскую экспедицию 1362 г. для разъяснения проблемы «белокожих» индейцев-манданов[3]. Вот что он пишет: «Манданы в языковом отношении ближе всего стоят к виннебаго, которые при вторжении французов проживали на Грин-Бее[4] и с 1634 г. посещались «лесными бродягами»[5]. Их сородичи манданы жили на северо-западе Висконсина в верховьях Миссисипи, как можно установить из их преданий и расспросов... Уже примерно к 1680 г., когда «лесные бродяги», почти все выходцы из Нормандии, давно проникли в эти места и «онемечили» здешние племена, женщины-индианки произвели от них на свет много детей-метисов. Когда Дюлут[6] достиг верхнего отрезка Миссисипи, чейены[7] уже населяли Миннесоту, будучи оседлым народом, занимавшимся земледелием».

Впрочем, по мнению Холанда, которому автор тотчас направил полученное им возражение, рассуждения Фридерици не затрагивают сущности проблемы.

Вот что писал по этому поводу Холанд 9 октября 1937 г.: «[Фридерици] недостаточно хорошо осведомлен о том, как далеко заходили ранние французские исследователи в своих путешествиях по Америке. Верно, что в 1634 г. первый француз Жан Николе проник так далеко в восточный Висконсин, как это было возможно в те времена[8]. Следующими пришли туда

[1] Письменное сообщение Холанда от 23 марта 1937 г.

[2] H. R. Holand, op. cit., p. 202.

[3] Георг Фридерици — немецкий филолог-американист и историк географических открытий.— *Прим. ред.*

[4] Грин-Бей — северо-западный залив озера Мичиган.— *Прим. ред.*

[5] «Лесными бродягами» («*Coureurs de bois*») в XVII — XVIII вв. назывались странствующие торговые агенты франко-канадских привилегированных пушных компаний, скупавшие меха у североамериканских лесных индейцев. Некоторые «лесные бродяги» совершили крупнейшие географические открытия во внутренних областях Северной Америки.— *Прим. ред.*

[6] Даниэль Грейзолон Дюлут (XVII в.) — французский торговец пушниной, исследователь Приозерной области Северной Америки, в частности озера Верхнего. Его именем назван город Дулут в штате Миннесота.— *Прим. ред.*

[7] Чейены, или шайены,— индейское североамериканское племя алгонкинской языковой группы.— *Прим. ред.*

[8] Жан Николе — французский «лесной бродяга». В 1634 г. он открыл озеро Мичиган и, возможно, был первым европейцем, достигшим верхнего отрезка Миссисипи.— *Прим. ред.*

в 1654 г. Радисон и Грозелье[1]. Они тоже пробыли там только несколько месяцев и затем ушли. «Лесные бродяги» начали появляться около 1670 г. Но область, населенная манданами, удалена от этой местности более чем на 1000 миль, и ни один француз или другой белый не проникал так далеко до 1738 г., когда сюда пришел Ла-Верандри... Они должны были пересечь территории племен сиу, а это очень опасно... Впрочем, если мнимые «лесные бродяги» Фридерици действительно оставили в XVII в. голубоглазое потомство среди манданов, то почему же они не оставили такого же потомства в Висконсине, где французские купцы появлялись довольно часто?.. К тому же обращает на себя внимание совсем особая архитектура жилищ манданов, подобие которой мы находим только в средневековой Норвегии и Швеции».

Этим опровержением, видимо, устраняются возражения Фридерици. Но даже если проблему манданов считать еще не совсем выясненной, то приведенные выше доказательства достаточно вески и убедительны, чтобы рассматривать их как достоверное свидетельство того, что экспедиция 1362 г. была историческим фактом. Признаки европейской расы наблюдались у американских индейцев также во многих других местах и уже привлекли к себе внимание Гумбольдта. Этот исследователь, например, писал о «беловатой, нередко голубоглазой тускарорской народности»[2]. Разумеется, нельзя считать виновниками таких расовых смешений только скандинавских или французских норманнов. Возможно, что неоднократно происходили и переселения в Америку других народов Европы, о которых мы ничего не знаем, например, ирландцев (см. т. II, гл. 83).

Антрополог проф. Гюнтер в своем письме к автору от 19 июля 1937 г. высказал такое мнение: «Следует предположить, что происходили многократные переселения групп северных европейцев, так как блондины в Калифорнии и Южной Америке, блондины доколумбова периода, едва ли могут вести происхождение от викингов».

Автор вполне с этим согласен. Между тем прежние догадки подкрепляются открытием нетронутой могилы викинга у Бирдмора в провинции Онтарио. Подлинность этого погребения викинга, относящегося примерно к 1000 г., никем еще не ставилась под сомнение. Обнаружено оно было 24 мая 1930 г., но только в 1935 г. первое сообщение о нем стало известно широкому кругу специалистов, и лишь в марте 1939 г. можно было сделать на эту тему первый доклад[3]. Имеются надежные научные доказательства того, что здесь к югу от Гудзонова залива был погребен норманский воин в полном вооружении и что его могила осталась нетронутой вплоть до ее обнаружения в 1930 г.

[1] Медар Шуар де Грозелье и Пьер Эспри Радисон—«лесные бродяги», выходцы из Франции (бретонцы). Они были первыми европейцами, совершившими в 1659—1660 гг. исторически доказанное плавание по верхнему отрезку Миссисипи. Позднее оба бретонца перешли на службу английской Компании Гудзонова залива.—*Прим. ред.*

[2] A. H u m b o l d t, Kosmos, Stuttgart, 1877, B. II, S. 292 (примечание 33).

[3] C h. T. C u r r e l l y, Viking weapons found near Beardmore, Ontario, «Canadian Historical Review», March 1939.

Место находки достойно тем большего внимания, что оно подтверждает предположение, высказанное Лёвенталем еще 30 лет назад, но раньше казавшееся маловероятным. Этот исследователь считал, что влияние древнескандинавской культуры распространялось, видимо, от побережья Гудзонова залива в область Великих озер. В научном докладе Левенталь закончил свои рассуждения следующим выводом: «Если согласиться с приведенными заключениями, то, следовательно, древнескандинавское влияние распространилось на материк северо-восточной Америки от южной оконечности Гудзонова залива, распространяясь от племени кри к племенам потаватоми и оттава. В этом случае отпадает посредничество ирокезов и атлантическое происхождение германского (древнескандинавского) влияния в Северной Америке»[1].

Следовательно, представляется неопровержимым вывод, что норманны побывали в той части Северной Америки, в которой их присутствие исследователи еще четверть века назад считали невозможным. Точно так же обстояло дело и в штате Миннесота. Даже если бы отнюдь не убедительные и большей частью уже опровергнутые возражения лингвистов и рунологов против подлинности Кенсингтонского рунического камня были правильными, все же за историческую достоверность проникновения норманнов в XIV в. далеко на запад говорят следующие факты:

1. Четко выраженные черты северной расы у представителей вымершего племени манданов.

2. Многочисленные находки средневекового скандинавского оружия и утвари в штатах, расположенных к западу от Великих озер. Эти находки частично были сделаны еще в самый ранний период заселения данных районов белыми, в 60-х и 70-х годах XIX в., то есть когда в этих краях еще никак не могли обосноваться мошенники, занимающиеся подделкой древних памятников.

3. Совсем не индейская своеобразная архитектура хижин манданов и фортификационные сооружения этого племени. Таких укреплений не было ни у одного другого индейского племени, и они повсеместно отличаются подлинно скандинавскими чертами.

К этому нужно добавить совершенно точное с естественнонаучной точки зрения доказательство того, что надпись на Кенсингтонском камне была сделана много столетий назад, следовательно здесь не может быть и речи о современной фальсификации. Геологи подтвердили также, что место находки, расположенное в наши дни далеко от всех озер, еще несколько столетий назад должно было лежать на берегу озера, как и указано в надписи. (Ни одному фальсификатору это никогда не могло бы прийти в голову!)

Учитывая все это, можно считать, что засвидетельствованная руническим камнем норманская экспедиция в Миннесоту, предпринятая в 1362 г.,

---

[1] J. Löwenthal, Irokesische Wirtschafts-Altertümer, «Zeitschrift für Ethnologi», 1920, S. 281. [Кри, потаватоми, оттава — северные индейские племена, принадлежащие к алгонкинской языковой группе; ирокезы — группа индейских племен, относящаяся к особой ирокезской языковой группе; ирокезы в XVII в. враждовали с алгонкинами.— *Ред.*]

была историческим фактом. После весьма тщательной проверки всех обстоятельств такой вывод был действительно сделан самым компетентным в этом вопросе американским научным учреждением — Смитсоновским институтом. По его инициативе Кенсингтонский рунический камень, хранившийся до того времени в торговой палате Александрии (Миннесота), 11 марта 1948 г. торжественно перевезли в вашингтонский Национальный музей, чем была официально признана его подлинность. Смитсоновский институт опубликовал следующее заявление, которое кладет конец всем разговорам рунологов и лингвистов, что рунический камень «должен быть» подделкой:

«Шаг за шагом вырисовывались все более правдоподобные предположения, позволяющие сделать вывод о вероятной подлинности... Хотя и нельзя привести неопровержимых доказательств того, что камень является подлинным свидетельством, все же возможность этого столь убедительна и велика, что археологи Смитсоновского института считают памятник одной из самых достойных внимания исторических находок, обнаруженных в Новом свете... Скандинависты с самого начала выражали серьезные сомнения в его подлинности. Они утверждали, что руны на камне были не теми письменами, которыми пользовались норвежские грамотеи [XIV в.].

В надписи говорится о лагере на озере... [но] камень найден на вершине холма вдали от озера. Не было известно также ни одного предания о норвежской экспедиции, предпринятой в 1362 г. куда-нибудь по соседству с Северной Америкой... Высказывалось одно возражение за другим.

Что касается самих рун, то выяснено, что хотя они и не соответствуют рунам профессиональных писцов, но все же походят на те, какими пользовался в XIV в. в Норвегии обыкновенный человек, не занимающий должности писца.

Геологи установили, что возвышенность, на которой в наше время нашли камень, в 1362 г. была на берегу озера.

Но самым убедительным аргументом представляется нам то, что примерно в это время норвежская экспедиция действительно могла оказаться в Северной Америке. Она состояла из нескольких избранных молодых придворных, посланных за тем, чтобы вернуть в лоно христианства пропавших гренландских колонистов.

Весьма вероятно, что участники этой экспедиции... найдя безлюдным Западное поселение в Гренландии, узнали от эскимосов, что его жители задолго до того двинулись дальше на юг, и последовали за ними по их предполагаемому маршруту.

Они прошли предположительно через Гудзонов залив и дальше к югу на лодках, следуя по различным водным путям в глубь Миннесоты...»[1]

Этим сказано, пожалуй, *последнее* слово и вынесено высшее суждение по данному вопросу вопреки всем возражениям рунологов и скандинавистов. Одно упоминание о близлежащем озере недвусмысленно свидетельствует о том, что надпись могла быть сделана только в то время, когда такое озеро действительно здесь еще существовало. Ни один фальсификатор нового

[1] «St. Paul Pioneer Press», March 12, 1948.

времени не допустил бы этой фразы, которая могла только вызвать сильные сомнения в правдоподобности надписи.

Исторически доказуемое переселение норманских викингов из Западного поселения в 1342 г. дает нам также ключ к пониманию того, почему скандинавские искатели приключений XIV в. достигли таких поразительных успехов.

Представляется вполне достоверным, что в средневековье с XI по XIV в. с Североамериканским материком и действительным расстоянием, отделяющим его от Гренландии, были знакомы гораздо лучше, чем в течение всего XV в. и отчасти несколько позднее. Ведь еще в XVIII в. такой превосходный знаток Гренландии, как Эгеде, полагал, что этот остров отделен от Америки только узким проливом, через который можно «метать дротики»[1]! Лишь ослабление транспортных и торговых связей с Гренландией после 1410 г. (см. гл. 157) было причиной того, что вместе со знанием острова был забыт также Винланд и тем самым утеряны сведения о Североамериканском континенте. Впрочем, о нем и без того знали только в Северной и Северо-Западной Европе. Слухи об этом континенте, очевидно, никогда не доходили до романских народов.

Первое дополнение

Эта глава уже в основном была подготовлена к печати для нового издания, когда в январе 1947 г. автор получил от Холанда его последнюю работу[2], совсем по-новому освещающую все проблемы, поставленные Кенсингтонским руническим камнем. Здесь следует подробнее остановиться на данной работе, поскольку это положит конец долгим спорам о том, в какой части Северной Америки находился Винланд.

Прежде всего в последней работе Холанда сообщается о новых находках древнескандинавского оружия и утвари, сделанных за последние годы в центральных районах США. Так, например, рукоятка скандинавского меча XIII — XV вв. найдена на ферме у Хиббинга (Миннесота) 3 июня 1942 г., норвежское огниво — у Детройт-Лейкс в 1940 г., железный крюк, обычно применявшийся викингами для швартовки,—на озере Латока. Были найдены и другие предметы, свидетельствующие о посещении средневековыми скандинавами этих районов страны.

Далее Холанд в одной только Миннесоте обнаружил десяток мест, где определенно находили причальные камни, которыми пользовались норвежцы. При помощи этих камней Холанд смог проследить за маршрутом плавания 1362 г. на протяжении сотен миль и нанести его на карту[3]. Такими причальными камнями (*mooring stones*) пользовались в течение 1000 лет

[1] H. Egede, Naturgeschichte von Grönland, Berlin, 1763, S. 30 (и след.)

[2] H. R. Holand, Amerika 1355—1364, a new chapter in pre-Columbian history, New York, 1946, p. 141, 178 (и след.).

[3] H. R. Holand, op. cit., p. 136.

только норвежцы и шведы. С этим обычаем был хорошо знаком Олай Магнус, живший в XVI в.[1] Но и в наше время подобными камнями пользуются еще в фьордах западного побережья и на внутренних озерах, как установил Холанд во время путешествия по Скандинавии в 1928 г.; Стюффе в 1911 г. посвятил особое исследование этому скандинавскому обычаю[2]. Чтобы суда не сносило течением, скандинавы обтесывают каменные глыбы на берегу, придавая им характерную форму, и на ночь привязывают к ним тросы. Индейцы не знали этого способа и, кроме того, не располагая железными инструментами, не могли бы быстро выдолбить в каменных глыбах характерные желоба, благодаря которым тросы не соскальзывают с камня. Отсюда следует неоспоримый вывод, что только скандинавы могли пользоваться причальными камнями в Миннесоте. Если 10 пунктов, где обнаружены «*mooring stones*», последовательно соединить на карте линиями, то отчетливо вырисовывается водный путь через штат Миннесоту. Холанд пишет: «Этот водный путь проходит не по мощной реке вроде Миннесоты, которая пересекает штат. Скорее он ведет через цепь маленьких связанных между собой протоков и озер»[3]. В общем, это плавание во внутренние районы проходило в юго-восточном направлении, хотя и с многочисленными отклонениями и петлями. Холанд дает этому следующее объяснение.

Он полагает, что участники этой поразительной экспедиции в поисках пропавших жителей из Западного поселения в Гренландии вышли в плавание из своей основной базы в Ньюпорте (Род-Айленд) (см. стр. 352, 353). Они прежде всего обследовали побережье, держа курс на север, обогнули при этом Лабрадор и проникли в Гудзонов залив за 250 лет до его «первооткрывателя» Гудзона! Следуя вдоль берега, они добрались до реки Нельсон. Эта мощная река должна была убедить норманнов в том, что новая земля была не большим островом, а огромным континентом и что обогнуть его было делом безнадежным. Поэтому они, вероятно, решили сразу же вернуться к своей базе. Но полагая, что плавание по Гудзонову заливу завело бы их слишком далеко на юг, они захотели избежать дальнего морского пути и правильно решили, что по суше быстрее доберутся до цели. Тогда норманны зашли, вероятно, в реку Нельсон и, стараясь пройти на юго-восток, начали искать подходящие водные пути, которые вели бы в этом направлении. Так они попали сначала в громадное озеро Виннипег, а затем, придерживаясь направления на Миннесоту — к Ред-Ривер. Отсюда по причальным камням, Кенсингтонскому руническому камню и остаткам норманского алтаря можно проследить маршрут экспедиции до Миссисипи, где он прерывается. Теперь уже нельзя установить, вернулись ли участники экспедиции на свою исходную базу в заливе Наррагансетт или остались в новой стране, растворившись в племени манданов, о чем позво-

---

[1] Olaus Magnus, Historia de gentibus septentrionalibus, Roma, 1555, lib. II, cap. XIII.

[2] C. G. Styffe, Scandinavien under Unionsperioden, Stockholm, 1911, S. 115.

[3] H. R. Holand, op. cit., p. 156

ляют сделать вывод антропологические особенности этого племени, а также его не индейские обычаи, привычки и архитектура.

Однако совсем неожиданным было сообщение Холанда об одном из самых загадочных сооружений в Северной Америке, а именно о Ньюпортской башне. Эта башня возвышается в Тауро-парке многолюдного морского курорта Ньюпорт у залива Наррагансетт на южном берегу острова Род-Айленд (штат Род-Айленд). Несмотря на старательные исследования, длившиеся более 100 лет, и на усердные поиски в восточных штатах, до настоящего времени не было найдено ни одного надежного доказательства пребывания викингов в этой части Северной Америки. Ряд находок как будто свидетельствовал о возможности такого посещения, но не хватало точки над «i». Теперь, она, очевидно, наконец, поставлена.

Рафн, высококомпетентный датский ученый, впервые издавший в 1837 г. основательное и удовлетворяющее современным научным требованиям исследование, посвященное проблеме Винланда, получил от проживающего в Ньюпорте доктора Томаса Эбба письмо, в котором впервые высказывалось предположение, что Ньюпортскую башню построили норманны. В 1839 г. Рафн в дополнении к своему труду писал, что Ньюпортская башня, пожалуй, действительно служит новым доказательством открытия Америки норманнами[1]. Это сообщение вызвало большой интерес, как и найденный в 1831 г. на реке Фолл-Ривер скелет вооруженного человека, который сочли за останки погребенного здесь норманского воина. Правильно ли было это предположение, теперь нельзя установить, так как неизвестны обстоятельства, при которых были обнаружены останки, и нет надежных сообщений об этом факте.

Ньюпортская башня и найденный скелет вдохновили американского поэта Лонгфелло, и он написал балладу «Skeleton in Armor» («Скелет в вооружении»), в которой несколько сентиментально рассказывает печальную историю норманского рыцаря, бежавшего со своей возлюбленной в Винланд. Содержание этой баллады интересует нас здесь только в связи с тем, что в ней упоминается Ньюпортская башня. Герой баллады говорит:

Three weeks we westward bore
And, when the storm was o'er,
Cloudlike we saw the shore
Stretching to leeward
There for my lady's bower,
Build I the lofty tower
Which to this very hour,
Stands looking seeward.

[Три недели длилось плавание на запад,
И когда прекратилась буря,
Мы увидели берег, похожий на облако,
Простирающийся с подветренной стороны.

[1] C. C. Rafn, Supplement to the Antiquitates Americanae, Köbenhavn, 1841.

Здесь я построил с любовью
Жилище моей госпожи,
Гордую башню, которая поныне
Смотрит на море.]

В предисловии к своей балладе Лонгфелло подчеркивает, что сюжет ее вымышленный, а связь между скелетом в вооружении и Ньюпортской башней он придумал сам. Поэт рассказывает также, что эту башню многие считают старой «ветряной мельницей», однако трудно поверить, что подобное сооружение «предназначалось первоначально для ветряной мельницы». Имея в виду, вероятно, труд Рафна, Лонгфелло указывает, что башню «датчане рассматривают теперь как творение их предков». Баллада Лонгфелло, вызвавшая в свое время сенсацию, появилась в 1841 г.

В дальнейшем по поводу Ньюпортской башни высказывались многочисленные догадки. В 1845 г. она была объявлена донорманским памятником, «храмом языческого культа»[1]. В 1847 г. популярная книга Дэвиса, выдержавшая ряд изданий, но спорная в научном отношении, способствовала распространению гипотезы о том, что башня построена норманнами[2].

Однако когда в 1850 г. было найдено завещание английского губернатора Арнольда, жившего в Ньюпорте в XVII в., мнение о башне изменилось. В документе от 24 декабря 1677 г. Арнольд пишет о Ньюпортской башне как о своей построенной из камня ветряной мельнице [«*my stone built windmill*»[3]]. В двух других документах, относящихся к тому же году, башню тоже называют ветряной мельницей. Губернатор Бенедикт Арнольд родился в Лимингтоне (Уоркшир, Англия), в местности, где тоже строили ветряные мельницы из камня в виде круглых башен (например, Честертонская мельница). Это сочли за доказательство того, что Арнольд приказал построить башню в Ньюпорте и что она, следовательно, относится к XVII в. и ее нельзя ставить в связь с экспедициями норманнов. Правда, в 1868 г. исследователь Чаннинг, уроженец Ньюпорта, признал это мнение неосновательным, так как «на этом континенте никогда не видели и следа подобного сооружения»[4]. Тем не менее гипотеза о том, что Ньюпортская башня была некогда ветряной мельницей, привлекала к себе все большее число сторонников, особенно после того, как она была поддержана американским историком Полфри, основывавшимся на завещании Арнольда[5]. После этого археологи все меньше и меньше интересовались руинами башни, хотя в специальной литературе она упоминалась довольно часто (только в Америке около 70 раз).

Даже относительно недавно Шартлеф утверждал, что башня могла быть построена только губернатором Арнольдом, так как с 1639 г. (начало английской колонизации побережья к юго-западу от полуострова Кейп-Код)

[1] «Scientific American», November 27, 1845.
[2] A. D a v i s, Antiquities of America, Buffalo, 1847.
[3] C. T. B r o o k s, Controversy concerning the old stone mill, Newport, 1851, p. 73 (и след.).
[4] G. G. C h a n n i n g, Early recollections of Newport, R. I., from the year 1793 to 1811, Newport, 1868, p. 270.
[5] J. G. P a l f r e y, History of New England, Boston, 1858—1864.

по 1677 г. о ней нигде больше не говорилось[1]. Подобные доказательства, основанные на умолчании, всегда бывают сомнительными и часто приводят к опасным и ошибочным умозаключениям. Ведь о Рейнском водопаде, например, тоже до 1415 г. в литературных источниках не говорится ни слова, а Ниагарский водопад не упоминался даже до 1683 г. Но можно ли сделать отсюда вывод, что оба они раньше не существовали? Ньюпортская башня с 1677 по 1730 г. тоже нигде не упоминается. Поэтому гипотеза Шартлефа представляется крайне сомнительной. Кроме того, американской архитектуре XVII в. чужды характерные особенности Ньюпортской башни. Двояко скошенные окна, такие, как в верхней части башни, «после вторжения норманнов в Англии уже не прорубались»[2], но в Скандинавии, вероятно, они просуществовали еще долгое время. После того как французский ученый Анлар в 1910 г. заявил, что он считает башню руинами норманской церкви[3],особенный вес приобрело суждение лучшего шведского специалиста по средневековым скандинавским церквам Фрелена, который писал в 1911 г.: «Ньюпортская башня, несомненно, была внутренней ротондой тщательно построенной круглой церкви»[4].

Однако и это авторитетное заявление не могло убедить сторонников гипотезы ветряной мельницы. Но американский ученый Минс во время второй мировой войны опубликовал свое исследование о башне[5]. Он проливает на это строение новый свет и приводит очень веские доказательства весьма древнего возраста башни.

Тщательное исследование Минса дополнено ценным трудом Холанда. В настоящее время не подлежит сомнению, что Ньюпортская башня — самое древнее строение в Северной Америке и что о XVII в. здесь не может быть и речи.

Первые английские колонисты пришли в залив Кейп-Код в 30-х годах XVII в. На северо-западном берегу этого залива они основали поселение Нью-Плимут. Это поселение показано на эскизе карты, сделанной в 1634 г. Вудом и воспроизведенной Холандом[6]. Но на этом же эскизе у залива Наррагансетт (к юго-западу от полуострова Кейп-Код, куда английские поселенцы прибыли только в 1639 г.) показан один-единственный населенный пункт, названный Олд-Плимут. Слово «Плимут» выбрано, очевидно, произвольно и не играет роли, но весьма показательно обозначение «олд» (старый). Оно говорит о том, что здесь обнаружили следы более древнего, доанглийского поселения, и можно предположить, что это были руины Ньюпортской башни.

---

[1] H. R. Shurtleff, The Log Cabin Myth, New York, 1939, p. 55.
[2] F. J. Allan, The ruined Mill or Round Church of the Norsemen, «Cambridge Antiquarian Society's Communications», Cambridge, 1921, v. XXII, p. 104.
[3] C. Enlart, Le problème de la vieille tour de Newport, «Revue de l'art chrétien», 1910, t. 60, p. 309 (и след.).
[4] H. Frölen, Nordens Befästa Rundkyrkof, Stockholm, 1911, B. I, S. 42.
[5] Ph. Means, Newport Tower, New York, 1942.
[6] H. R. Holand, op. cit., p. 35.

Рис. 14. Кенсингтонский рунический камень (Миннесота).

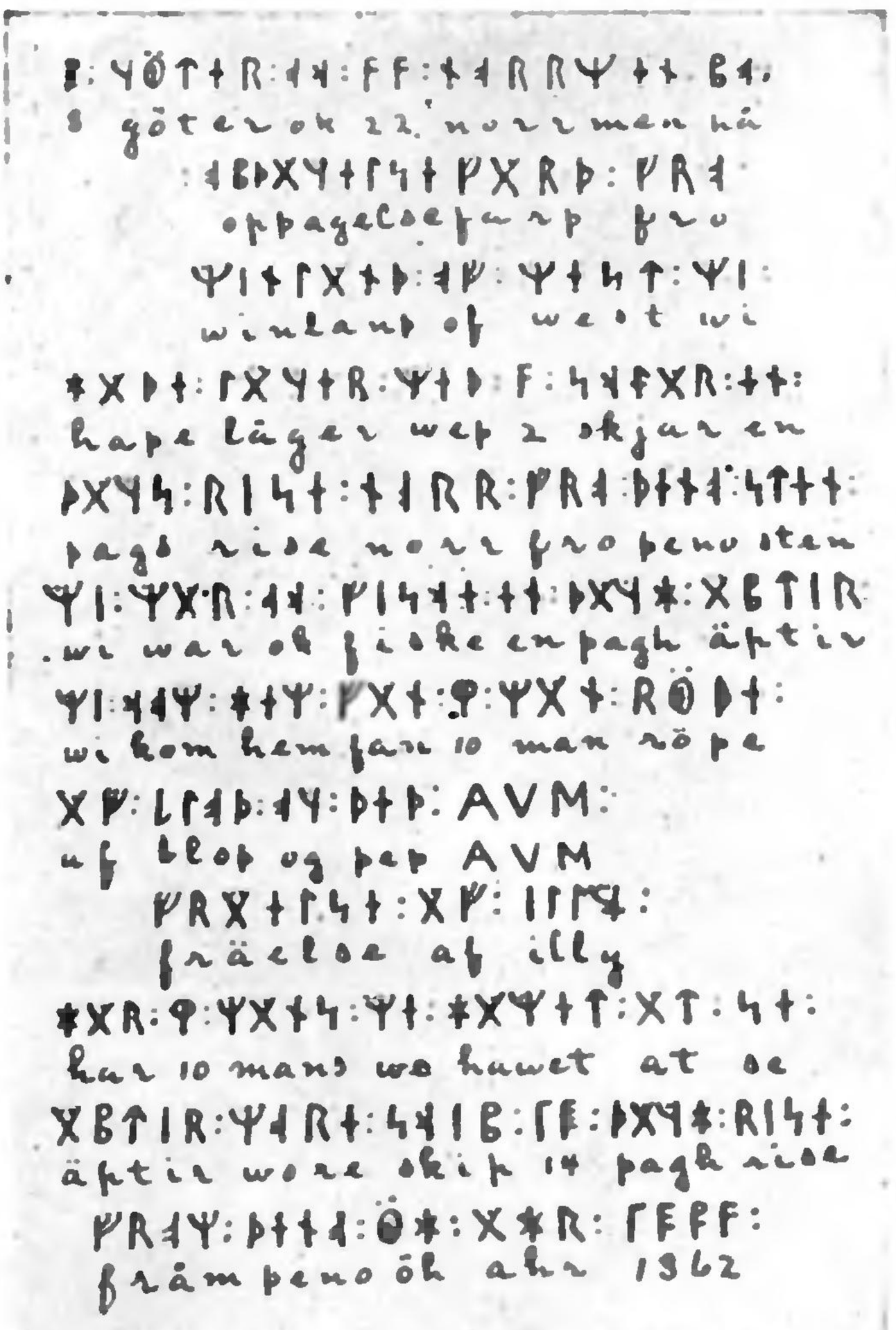

Рис. 15. Рунические письмена на Кенсингтонском камне.
Под каждой строкой передача знаков латинскими буквами.

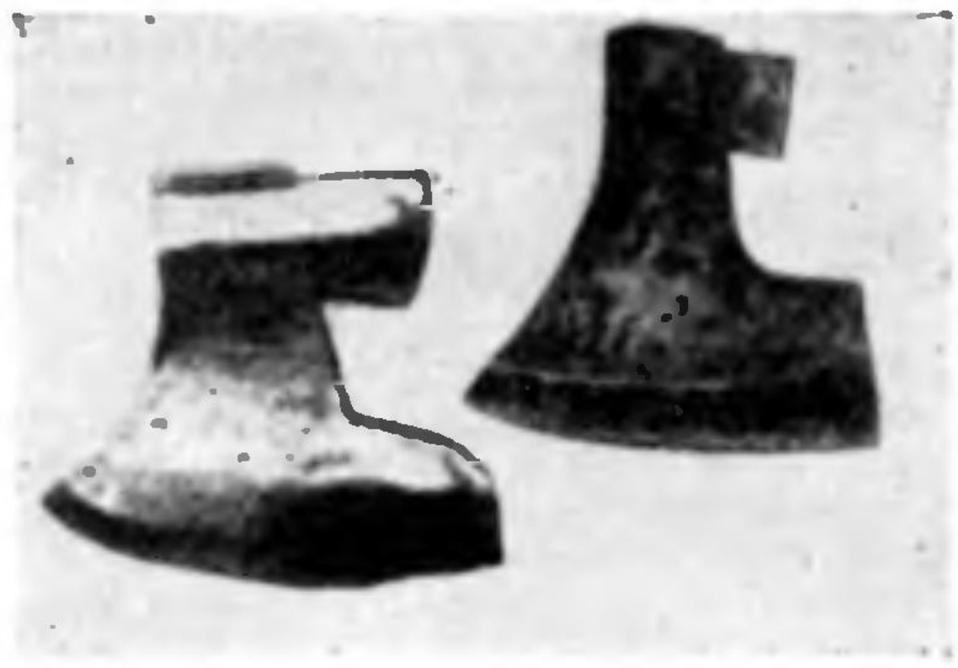

Рис. 16. Две шведские секиры, относящиеся примерно к XIV в.
Найдены около Эрдаля и Брандона (штат Миннесота).

Зак. 1277

Рис. 17. Стальной наконечник для копья, изготовленный средневековыми скандинавскими ремесленниками. Найден около Уайтхолла (штат Висконсин); хранится в Государственном музее города Милуоки.

Рис. 18. Ньюпортская башня.

Различные характерные особенности этой башни доказывают, что она действительно сооружена в XIV в. Обратимся к данным основательных исследований Минса и Холанда, проведенных в 1937—1942 гг.

Башня стоит на восьми каменных столбах, между которыми находятся арки, точно обращенные к восьми главным точкам горизонта. Такая точная ориентировка была всегда характерна только для культовых, а не для мирских сооружений, вроде ветряной мельницы. К тому же можно указать и место, на котором когда-то, вероятно, стоял алтарь.

Итак, Ньюпортская башня была вовсе не ветряной мельницей, а укрепленной церковью, построенной в память о совершенно такой же церкви св. Олафа в Тёнсберге (Норвегия). Последняя относится примерно к 1300 г. Следовательно, Ньюпортскую башню могли воздвигнуть лишь после этой даты. Итак, гипотеза о сооружении этого памятника первооткрывателями Винланда или же современниками Эйрика Гнупсона отпадает. Башня отличается характерными архитектурными особенностями, какие присущи лишь скандинавским церквам XIV в.: наличие только одного юго-западного входа на верхний этаж через стену, при отсутствии внутренней лестницы, весьма типичный дымоход и конструкция оконных карнизов на верхнем этаже. Все это определенно свидетельствует о том, что здание возникло именно в XIV в.[1]

Холанд считает, что здесь, у залива Наррагансетт, находилась, вероятно, главная база экспедиции Пауля Кнутсона. Оставшиеся там норманны должны были несколько лет ждать возвращения своих товарищей из отряда, ушедшего с кораблем на поиски гренландских переселенцев. Долгие годы ожидания норманны, видимо, использовали, чтобы соорудить каменную церковь, которая должна была служить им храмом, а на худой конец крепостью. Такое же двойное назначение характерно и для 21 церкви в южной Швеции. В этих укрепленных церквах также были верхние помещения, предназначенные для обороны. В большинстве из них, а именно в восемнадцати, тоже был наружный вход через стену на юго-западной стороне.

Что Ньюпортскую башню строили скандинавы, подтверждает также находка краткой рунической надписи на каменном валу, к западу от башни. В 1949 г. Холанд сообщил об этом следующие подробности[2]. На одной из каменных глыб рядом с Ньюпортской башней обнаружена руническая надпись, в которой упоминается имя Инги или Инки, очень распространенное у скандинавов в средние века. Можно, видимо, предположить, что один из строителей европейцев, называвшийся Инки, подобно современным любителям славы, которые, чтобы «увековечить» свои имена, расписываются на стенах, тоже высек рунами на камне свое имя. Едва ли можно истолковать эту находку по-другому.

Обстоятельные исследования Минса и Холанда твердо доказали, что Ньюпортская башня — это руина укрепленной норманской круглой церкви, относящейся к XIV в. Здесь в первую очередь нужно подчеркнуть, какое

[1] H. R. Holand, op. cit., p. 103.

[2] Статья Холанда. См. «Scandinavian Studies, Menasha (Wisconsin), May 1949, p. 87 (и след.).

важное значение имеет это новое сообщение для решения проблемы о местонахождении Винланда.

Крупный французский историко-географ Ла-Роncьер в 1938 г., незадолго до решающих исследований Минса и Холанда, высказал по этому поводу следующее мнение: «Если бы удалось установить, что Ньюпортская башня в Род-Айленде с ее круглыми сводами является средневековым сооружением, то проблема Винланда была бы решена»[1].

Это пожелание теперь выполнено, так как происхождение башни убедительно доказано. Поэтому наступило время сделать соответствующие выводы. Напрашивается следующее логичное заключение: в Ньюпорте в средние века находилось временное или постоянное поселение, которое могло быть только норманским, о чем свидетельствуют руины христианской церкви. Холанд разъяснил, что поисковая экспедиция Пауля Кнутсона, организованная в 1355 г. королем Магнусом Эйриксоном, вероятно, имела базу в Ньюпорте. Между тем в надписи на Кенсингтонском руническом камне указывается, что смелые искатели приключений отправились «*из Винланда на запад*». Отсюда определенно следует, что в XIV в. район полуострова Кейп-Код относили к Винланду. Этим положен конец всем уклончивым гипотезам. Винландом следует считать *Массачусетс* и *Род-Айленд*!

Как будто все историки католической церкви не сомневались в существовании христианской колонии в Винланде, хотя этот факт нигде не засвидетельствован.

О соответствующих высказываниях Елича и ошибочных воззрениях Гергенрётера речь уже шла выше. Однако Шмидинг еще в 1924 г. писал, что «из Исландии христианство перекочевало также в Гренландию, которая после ее открытия Эйриком Рыжим была христианизирована его сыном Лейфом (около 1000 г.), а потом в Винланд, в эту тоже открытую Лейфом полосу побережья Америки у Гудзонова залива»[2].

Последние слова свидетельствуют уже о легкомысленном подходе Шмидинга к этой проблеме в целом. Утверждение, что христианство было принесено в Винланд, также представляет собой плод вольной фантазии и недоказуемо, хотя возможность этого и не исключается.

Если согласиться с таким утверждением, то из него неизбежно вытекает следующий знаменательный вывод: в том месте, где была сооружена Ньюпортская башня, норманский поселок, пожалуй, просуществовал не только шесть-семь лет; норманны, видимо, жили в нем после этого, а возможно, даже и раньше. Такое большое каменное сооружение, как Ньюпортская башня, для создания которой было израсходовано около 500 *т* камня и 600 *куб. м* других строительных материалов[3], никто, пожалуй, не стал бы воздвигать, чтобы пользоваться им в течение нескольких лет или даже месяцев. К этому следует добавить, что строение тщательно ориентировано по странам света и

---

[1] Ch. de la Roncière, Histoire de la découverte de la terre, Paris, 1938, p. 55.

[2] I. Schmiding, Katholische Missionsgeschichte, Steyl, 1924, S. 159.

[3] H. R. Holand, op. cit., p. 29, 85.

отделано художественными украшениями. Наличие этой норманской круглой каменной церкви, построенной в XIV в., от которой остались такие интересные руины даже теперь, по прошествии почти 600 лет, по мнению автора, несомненно, *доказывает, что здесь когда-то долго существовала норманская колония*, независимо от того, восходила ли она к первооткрывателю Винланда Лейфу или к Эйрику Гнупсону, к экспедиции ли Кнутсона или какого-либо другого норманна. Нерешенным остается вопрос, когда возникло это поселение и что привело его к гибели. Когда после 1400 г. значительно ослабели связи между Гренландией и Европой (см. выше), естественно, должно было погибнуть и норманское поселение на Американском континенте, основанное выходцами из Гренландии. Однако в XVII в. Вуд еще знал о «старом» поселении на берегу залива Наррагансетт, которое он произвольно назвал Олд-Плимут. Этот факт наряду с сохранившейся башней позволяет сделать вывод, что здесь исследователь может найти ценный ключ к решению большой проблемы, именуемой нами Винландом!

Независимо от этого может быть одновременно разгадана и другая загадка более чем 400-летней давности, которая связана с названием *Норумбега*. Если разгадка считалась до сих пор только гипотезой, то эту гипотезу можно теперь признать неплохо обоснованной в свете приведенных выше рассуждений. Вот о чем здесь идет речь.

Когда в 1524 г. итальянец Верраццано, находясь на французской службе, впервые после Колумба, Кабота и братьев Кортириалов плавал у еще не известных восточных берегов Северной Америки[1], он особенно долго и охотно останавливался в большом заливе Наррагансетт, правда, видимо, только на подступах к его западной части. Североамериканцы и в наши дни считают залив Наррагансетт «превосходнейшей гаванью Америки»[2]. Здесь Верраццано завязал дружеские отношения с местными индейцами-наррагансеттами. Он восторженно отзывался о характере этих индейцев, их дружелюбии и относительно высокой культуре[3]. Кроме залива Наррагансетт, Верраццано выходил на берег еще в одном месте — на территории современного штата Мэн. Но там итальянец, очевидно, находился недолго, так как индейцы, с которыми он встретился, относились к белым явно недружелюбно и были негостеприимны. К тому же они стояли на более низкой ступени развития по сравнению с наррагансеттами. После возвращения Верраццано его брат Джироламо, нанесший на карту вновь открытые области, поместил на

---

[1] Здесь автор допускает неточности. Колумб никогда не посещал восточного побережья Северной Америки, а находившийся на французской службе итальянец Верраццано не был первым европейцем, плававшим у этих берегов после итальянцев Каботов и португальцев Кортириалов. Между Кортириалами и Верраццано восточные берега Северной Америки посетили по крайней мере две испанские экспедиции, организованные Понсе де Леоном (1513 г.) и Айльоном (1520 г.). — *Прим. ред.*

[2] H. R. Holand, op. cit., p. 17.

[3] «Giovanni da Verrazano and his discoveries in North America in 1524 according to the unpublished contemporaneous Cellere Codex of Rome». См. «15th Annual Report of the American Scenic and Historical Society», 1910, p. 192 (и след.).

побережье Мэна название Аранбега, не сообщая о нем никаких подробностей. Поскольку индейцы были кочевниками, трудно себе представить, чтобы у отсталых племен на побережье Мэна были постоянные поселения. Есть основания считать, что Веррацциано неправильно показал местонахождение населенного пункта, который на самом деле находился у залива Наррагансетт, где на ряде позднейших карт XVI в. показан поселок, ныне называемый Норумбега.

По сообщению Винтера,— пожалуй, лучшего знатока карт Западного океана, относящихся к XVI—XVII вв.,— название Норумбега прежде всего относится к местности, именуемой у Рибейры[1] (1529 г.) Тьерра-де-Эстеван-Гомес, через которую протекает его река Рио-де-лас-Гамас. Так, видимо, назывался район залива Пенобскот. Рио-де-лас-Гамас получила позднее название Норумбега. В португальском атласе, находящемся во Флоренции, упомянутый залив еще носил название Норобегуа (Аноробегуа). Впрочем, и из карты Томаса Гуда от 1592 г., на которую обратил внимание Кунстман[2], как будто следует, что Норумбега или Аранбега — это название не *населенного пункта*, а *целого района*, так как оно напечатано прописными буквами параллельно побережью, а не строчными и не под прямым углом к берегу, как было принято обозначать поселения.

Разумеется, Норумбега — не норманское название. Оно появилось, видимо, в результате искажения непонятного названия индейцами, а позднее романскими картографами. Как оно первоначально звучало, пусть попытаются разобраться скандинависты. Здесь мы вынуждены придерживаться дошедшего до нас начертания. В течение ряда столетий это таинственное название фигурирует в литературных источниках, и нельзя выяснить, о чем же идет речь,—то ли о пережитке, связанном с каким-то историческим событием, то ли о мифе. Норумбегой занимались многие исследователи, но приходили к крайне противоречивым результатам. Если француз Бове считал, что здесь не может быть речи о подлинном норманском поселении[3], то Хорсфорд, отличавшийся, правда, пылким воображением, пытался доказать, что Норумбега, вероятно, была поселением древних викингов[4]. Сообщения Холанда в значительной мере подкрепили вторую гипотезу.

Весьма своеобразным, более поверхностным и тем не менее достаточно веским подтверждением правдоподобности абстрактных рассуждений Холанда может служить следующий факт.

Норвежский король Магнус Эйриксон (1319—1355) был набожным человеком. Не подлежит сомнению, что уходившим в плавание норманнам, которые должны были провести ряд лет вдали от родины, этот король дал духов-

---

[1] Диогу Рибейра (на испанской службе Диего Риверо) — португальский картограф первой половины XVI в., давший на своих картах мира сводку материалов, полученных испанскими и португальскими мореплавателями начала эпохи великих открытий.— *Прим. ред.*

[2] F. Kunstmann, Die Entdeckung Amerikas, nach den ältesten Quellen geschichtlich dargestellt, München, 1859.

[3] E. Beauvais, La Norumbègue, Bruxelles, 1880.

[4] E. N. Horsford, The discovery of the ancient city of Norumbega, Cambridge, 1889.

ных наставников. Если эти священники несколько лет тесно соприкасались с язычниками-индейцами, населявшими побережье залива Наррагансетт, то, конечно, они действовали как миссионеры и крестили соглашавшихся на это индейцев. В таких случаях принято давать крестившемуся новое, христианское имя. Людям Кнутсона, видимо, особенно подходящим казалось имя их короля. Индейцы района Кейп-Код, дружелюбно относившиеся к белым и считавшие этих пришельцев высшими существами, очевидно, позднее в течение столетий давали имя Магнус новорожденным мальчикам и девочкам. Ведь дают же католики имя Мария младенцам обоих полов! Во всяком случае, в XVII в., а возможно, даже еще позднее, такое имя встречалось у индейцев. Нам это точно известно в связи с одним событием, происшедшим во времена английской колонизации. В июне 1675 г. вспыхнуло мощное восстание против английского господства, получившее название «войны короля Филиппа», по имени верховного вождя индейцев. 12 августа 1676 г. мятежники были разбиты в большом сражении губернатором Арнольдом, а «король Филипп» пал на поле брани. Многие вожди были захвачены в плен и казнены англичанами, в том числе и пожилая «предводительница» индейцев-наррагансеттов, которую звали Магнус! Никто не станет оспаривать, что это было не индейское, а европейское имя, распространенное только в Скандинавии. Трудно усомниться и в том, что оно могло стать известным наррагансеттам лишь во времена экспедиции Кнутсона. Следовательно, это имя дает нам еще один ключ для проверки и подтверждения надежности выводов Холанда[1]. Впрочем, деда этой предводительницы звали Кунноуне (*Qunnoune*), что Холанд с некоторой долей вероятности связывает с церковным термином «каноник». Индейцы, конечно, не различали имен от обозначений должностей у белых людей.

Холанд предполагает, что хотя бы некоторые из участников экспедиции Кнутсона, оставшиеся на базе у залива Наррагансетт, все же вернулись в Норвегию. Но это не более чем догадка. Вполне возможно, что ни одному из ее участников не было суждено возвратиться на родину. Нам неизвестно, действительно ли вернулись в Норвегию вместе с Кнутсоном отдельные участники его плавания, как это предполагает Холанд[2]. Автор считает более вероятным, что этого не произошло, иначе в государственных архивах сохрани-

---

[1] Распространенное только в Скандинавии имя Магнус могло стать известным индейцам-наррагансеттам к 1676 г. не только благодаря средневековым норманнам. Дело в том, что сравнительно недалеко от наррагансеттов на полуострове Делавэр шведская торговая компания основала в 20-х годах XVII в. колонию Новая Швеция, куда до ее захвата голландцами (1655 г.) направлялись шведские и финские крестьяне.— *Прим. ред.*

[2] Холанд в своем письме к автору от 20 марта 1948 г. сообщил, что он считает наиболее вероятным возвращение тех 10 человек, которые, согласно надписи на Кенсингтонском руническом камне, были оставлены у Гудзонова залива охранять корабль экспедиции. Ведь только в их распоряжении имелось судно. В 1362 г. эти люди, возможно, вернулись в Гренландию, а оттуда при удобном случае — в Норвегию. [В надписи на руническом камне говорится только, что 10 человек из отряда остались «у моря», но нет указания, что это «море» находится к северу. Следовательно, нет никаких прямых оснований отождествлять упомянутое в надписи море именно с Гудзоновым, а не каким-

лась бы по крайней мере краткая заметка о таком выдающемся событии. К тому же, если люди с залива Наррагансетт были вынуждены долго оставаться в Америке, понятнее становится и любовное оформление тамошнего храма.

Принимая в соображение эти догадки, следует допустить, что в двух районах Северной Америки — у полуострова Кейп-Код и в Миннесоте — католические священники были вынуждены долгое время проживать среди индейцев. Что они при этом пытались действовать в качестве миссионеров, вряд ли стоит оспаривать. Но допустив такое предположение, можно считать, что появление епископа Эйрика Гнупсона (см. т. II, гл. 109) было новым источником, откуда еще до Колумба христианские представления могли просачиваться к американским индейцам.

Высказанные выше соображения по поводу того, как *можно разрешить* неоднократно обсуждавшуюся проблему Норумбеги, следует считать только рабочими гипотезами. Они весьма спорны и, несомненно, недоказуемы.

Второе дополнение (1951 г.)

Лингвисты и рунологи все еще высказывают значительные сомнения, изображая Кенсингтонский рунический камень как подделку, сфабрикованную в XIX в. Шведский ученый Янссон опубликовал, например, в 1949 г. обширное филологическое исследование, чтобы придать вес этим подозрениям[1]. Вероятно, при содействии немецкого научного института, придерживающегося того же мнения, высказывания Янссона нашли широкий отклик в немецкой прессе. Тем более веской представляется точка зрения американского языковеда проф. Хагена, который, еще ничего не зная о работе Янссона, сам посвятил языку и рунам Кенсингтонского камня такое же вполне объективное исследование[2]. Однако Хаген пришел к прямо противоположным выводам.

Этот американский лингвист прежде всего вносит незначительные исправления в данное Холандом толкование рунической надписи. Но в общем он полностью присоединяется к выводам Холанда. «Как бы то ни было, Холанд прав в основном, утверждая, что речь идет о подлинном памятнике скандинавской экспедиции, совершенной в 1362 г. в глубь Северной Америки... Создавали мифы академики, а не Холанд»[3]. Хаген вовсе не оспаривает, что отдельные рунические знаки написаны в необычайной для того времени манере, и без оговорок допускает также своеобразие некоторых словообразований и их созвучие с современным английским языком. Однако он подчеркивает,

---

либо другим заливом, например с заливом Святого Лаврентия. Как уже отмечалось в редакционном примечании на стр. 313, слово «се», начертанное на «камне, можно с одинаковым основанием перевести и как «озеро» и как «море».— *Ред.*]

[1] S. B. F., J a n s s o n, Runestenen fråm Kensington i Minnesota, Nordisk Tidskrift», 1949, S. 377.

[2] S. N. H a g e n, The Kensington runic inscription, «Speculum» (Cambridge, Mass.), July 1950, p. 321—356.

[3] Ibidem, p. 349.

что швед, сделавший эту надпись, не обязательно должен был знать «официальный» рунический шрифт своего времени. Хаген считает также, что передачу отдельных «неправильных» гласных можно объяснить различиями в диалектах, и подтверждает это положение рядом примеров. Так, некоторое своеобразие формы слов, типичное для средневековья, встречается и в других старых литературных источниках.

Самые ранние отзывы лингвистов и рунологов, относящиеся примерно к 1900 г., авторы которых не сомневались, что текст Кенсингтонской рунической надписи «апокрифичен», Хаген опровергает следующим утверждением: «Теперь мы знаем гораздо больше об употреблении единственного числа глаголов вместо множественного в ранний период, чем это было известно в 1899 г. и даже еще в 1909—1910 гг... Форма *här* более вероятна для 1362 г., чем для 1880—1890 гг.»[1].

Хаген полностью присоединяется также к мнению, высказанному Фломом, «что английские слова в надписи нигде не встречаются»[2].

Известный датский лингвист Тальбитцер писал несколько лет назад, что «после всего сказанного своеобразная надпись, ее руны, язык и содержание могут быть признаны подлинными»[3].

Североамериканские скандинависты, согласно устному сообщению Холанда от августа 1950 г., тоже за последнее время отказались от 95% своих прежних возражений против подлинности рунической надписи ввиду убедительных доказательств в пользу противоположного мнения.

Все большее признание, пожалуй, завоевывает положение, высказанное еще в 1949 г. датским специалистом Брёндстедом, который был приглашен в 1948 г. в Америку для изучения оригинала: «О скандинавском языке XIV в. и его диалектах филологи в настоящее время знают больше, чем полвека назад»[4].

Из всего сказанного следует, что относящиеся к тому времени суждения Сторма, Олафа Рюгха и, видимо, также Бугге (около 1910 г.)[5] значительно устарели и не могут теперь считаться авторитетными. Хаген разъясняет, что составитель надписи неоднократно пользовался древними рунами, в то время уже вышедшими из употребления, а отдельные знаки, например для передачи «w», он, очевидно, сам сконструировал благодаря знанию латинского алфавита. Все это неудивительно для непрофессионального писца. Составитель надписи был, по всей вероятности, родом из шведской области Вестерьётланд, а так как тогда еще не существовало установившегося литературного языка, то, следовательно, диалектизмы неизбежны.

Относительно включенной в надпись мольбы христианина за своих товарищей, убитых индейцами, которая дала пищу для многочисленных аргу-

---

[1] S. N. Hagen, The Kensington runic inscription, «Speculum» (Cambridge, Mass.), July 1950, p. 333 (и след.).

[2] Ibidem, p. 326.

[3] W. Thalbitzer, To fjaerne runestene fra Grønland og America, «Danske Studier», 1946—1947, S. 40.

[4] «Politiken», Köbenhavn, 1949 (22 февраля).

[5] «Collections of the Minnesota Historical Society», v. XV, p. 291.

ментов против подлинности этого памятника, Хаген пишет следующее: «Каждое слово в этой молитве свидетельствует о том, что она была произнесена и начертана человеком, жившим в XIV в., а не в XIX в. »[1].

Между прочим, Хаген приводит ряд несомненно подлинных древних рунических надписей, в которых тоже есть отклонения от форм, принятых в те времена. На последней странице своего критического исследования Хаген приходит к выводу, что более ранние суждения языковедов «не были последним словом по этому вопросу. Грядущему поколению ученых будет трудно понять, как кто-либо из предшественников мог быть таким слепцом»[2].

В ценном исследовании Хагена исключительно хорошо изложены все мнения языковедов и рунологов, высказанные до выхода в свет его труда. И Хаген не раз соглашается со старыми доводами в пользу подлинности надписи.

Следует еще сказать о том, что датского археолога Брёндстеда (Копенгаген) пригласили в 1948 г. в США, чтобы проверить спорные доказательства. Брёндстед весьма добросовестно провел исследования и 18 ноября 1948 г. представил подробный отчет об их результатах пригласившему его обществу. Согласно отчету, датский исследователь сделал три важных заявления:

О могиле викинга в Бирдморе: что она «несомненно подлинная».

О Ньюпортской башне: «Если бы это простое и красивое сооружение стояло где-нибудь в Европе, то, по моему мнению, не было бы никаких сомнений в его средневековом происхождении».

О Кенсингтонском камне: «После долгого тщательного изучения я лично склонен считать этот знаменитый рунический памятник подлинным... С археологической точки зрения ничто не говорит против этого камня»[3].

---

[1] S. N. H a g e n, op. cit., p. 336.
[2] Ibidem, p. 351.
[3] См. «Nordisk Tidende», Brooklyn, November 25, 1948.

ГЛАВА 151

МНИМОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ПОБЕРЕЖЬЯ ГВИНЕИ НОРМАНДСКИМИ МОРЯКАМИ

(1364/65 г.)

Когда Франция в правление Карла V начала отдыхать от войн и ударов рока, которые она перенесла при его отце короле Иоанне[1], жители Дьеппа, всегда склонные к торговле благодаря удобному положению своей гавани, решились на дальние плавания через Канарские острова и вдоль побережий Африки. В ноябре 1364 г. они снарядили для этой цели в своей гавани два судна примерно по сотне тонн, которые и вышли в море по направлению к Канарским островам и под Рождество прибыли к мысу Верде[2], где бросили якорь на Рио-Фреско в бухте, называемой и поныне заливом Франции.

При отплытии от мыса Зеленого, названного ими так из-за всегда зеленой растительности, они взяли курс на юго-восток и прибыли в Булимбель, или Сьерра-Леоне, как позднее окрестили страну португальцы. Затем они обогнули мыс Мюль и очень удивили жителей двух селений, да и вообще всего побережья, ибо те раньше думали, что все люди черные. Наконец, они остановились в устье маленькой реки близ Рио-Сестос, так как гавань, находящаяся меж двух холмов, да и вся местность показались им очень похожими на родные места. Затем они завершили свое путешествие, приняв груз слоновой кости (*morphi*) и перца, называемого малагеттой.

На следующий год в конце мая они вернулись в Дьепп с таким большим барышом, что подсчитать его невозможно, хотя и отсутствовали всего шесть месяцев... В сентябре купцы из Руана объединились с дьеппскими. Вместо двух судов они снарядили четыре, из которых два должны были вести торговлю между мысом Верде и Малым Дьеппом, а два других — плыть еще дальше и исследовать берега. Но этот план не был полностью осуществлен, ибо одно из двух судов, которые должны были идти дальше, остановилось у названного Перцового Берега возле Гран-Сестре,

---

[1] Имеется в виду французский король Жан II «Добрый» (1319—1364), вступивший на престол в 1350 г. Во время Столетней войны он был разбит наголову англичанами и взят ими в плен в битве при Пуатье (1356 г.). Уступив англичанам часть своих владений в 1360 г., Жан II усилил разорение Франции, чтобы выплатить победителям громадный выкуп.— *Прим. ред.*

[2] То есть к мысу Зеленому.— *Прим. ред.*

поскольку там нашли так много перца, что решили взять этот груз. Ведь большей прибыли нигде нельзя было получить. Поэтому одно судно приняло тот груз, а другое продолжало плавание. В честь сердечного приема и дружелюбия, с которым встретили их местные жители, они назвали это место Парижем... Четвертое судно прошло мимо Берега Слоновой Кости к Золотому Берегу и оттуда доставило на родину некоторое количество золота и много слоновой кости...

В последующие годы они продолжали посылать туда экспедиции и основали там также факторию. В этом заключается причина, почему немногие понятные слова из языка этих народов — французские. Большой барыш от торговли перцем побудил другие народы предпринимать такие же плавания и самим добывать то, что раньше они получали лишь от жителей Дьеппа. Поэтому приблизительно в 1375 г., то есть через 10 лет после нашего туда прибытия, они начали также заниматься там торговлей. Но когда они увидели, что у французов были фактории на мысе Верде, в Сьерра-Леоне, на мысе Мюль, в Малом Дьеппе и в Гран-Сестре, причем черные оказывали им такое предпочтение, что не хотели ничего знать о других, они снова отказались от торговли, которую возобновили лишь позднее и с той поры продолжали постоянно...

В правление португальского короля Жуана I в Лиссабоне снарядили большое судно для плавания к африканским берегам, но туда оно прибыло в дождливое время. Из-за этого вспыхнули различные болезни, от которых вынуждены были страдать моряки. Когда они захотели воспользоваться попутным ветром для возвращения в Португалию, в день Святого Фомы[1], 23 декабря 1405 г., их отнесло на лежащий за экватором остров, который они по этой причине назвали островом Сан-Томе. Там они начали возделывать землю и сооружать маленькие дома, ибо они убедились, что нашли там все необходимое для жизни в щедром изобилии. Об этом они послали донесение королю Португалии, который ответил в 1407 г...

Начало было слишком счастливым, а барыш слишком велик, чтобы это могло долго продолжаться. Во время междоусобных войн, начавшихся в 1410 г., со смертью многих купцов захирела и торговля. Вместо трех или четырех судов, выходивших ранее ежегодно из гавани Дьеппа, теперь уже считалось хорошо, если раз в два года могли послать только по одному судну к Золотому Берегу и в Гран-Сестре. Наконец, с усилением бедствий, причиняемых войной, совсем прекратилась и эта торговля...

Из сказанного я делаю вывод, что именно французы первыми заселили эти земли и знали их раньше португальцев и что о жите-

---

[1] Днем святого Фомы считается не 23, а 21 декабря.

лях Дьеппа можно сказать, что они по праву некогда пользовались славой первых мореплавателей Европы[1].

* * *

...В сентябре 1364 г., по воплощении Господа нашего, горожане Дьеппа и Руана снарядили два судна и поставили их под командование господина Жеана Прюно из Руана, человека, известного во всей Нормандии. Они ушли далеко в море и на Рождество бросили якорь у города Овидеш (?), где еще проживали нормандцы, чтобы вести там торговлю в необычайно жаркой местности, называемой в настоящее время мысом Бужиадор[2] и лежащей в королевстве Гвинея. Джилофы (так называются жители этой местности, которые черны лицом и телом и ходят совершенно голыми, не прикрывая даже того, что принято прикрывать) еще никогда не видели белых и поэтому очень испугались, когда показались суда. В большом числе пришли они к морю, чтобы посмотреть на людей из Нормандии, но не отважились подняться на корабли, пока не убедились, что нормандцы не хотят причинить им вред и принести бедствия. Добрые моряки, которые все до одного были великодушными (!), дарили им маленькие игрушки и другие вещи, угощали хорошим красным вином, доставили им большую радость и завоевали их доверие. За это черные принесли им слоновую кость, шкуры диких зверей и другие диковинки своей страны. Когда корабль был так сильно нагружен ценными товарами и другим добром, что это можно было считать настоящим чудом, господин Жеан, его брат Лежье и другие спутники сообщили черным, что они вновь прибудут сюда на следующий год, и просили их запастись такими же товарами, что те и обещали сделать. Потом они подняли паруса, поставили их по ветру и вернулись в Нормандию...

Они снова поплыли туда с четырьмя судами и вели торговлю с черными. Однако они не могли долго оставаться там, так как их корабли были сильно повреждены ливнями и страшными мрачными шквалами с северо-восточными ветрами. Поэтому господин Жеан испросил у тех людей разрешения пожить там и построить много домов, чтобы разместить и хранить в них свои товары. Правители [!] дали свое согласие и помогли при постройке, между тем как экипаж вытащил суда на берег.

---

[1] Villault (escuyer) Sieur de Bellefonds, Relation des côtes d'Afrique, appelées Guinée, Paris, 1669; «Nouvelles Annales des Voyages», Mai 1846, p. 157 (и след.).

[2] «Мысом Бужиадор» мог быть только марокканский мыс Бохадор, так как на гвинейском побережье созвучного названия нет. Но в этом случае возникает еще одна веская причина сомневаться в подлинности документа, где некритично и беспорядочно перемешаны различные географические факты.

Местные жители весьма охотно общались с господином Жеаном, и в это время начался обмен товарами между нормандскими моряками и черными. Тогда господин Жеан собрал своих людей и спросил, не хотят ли они остаться там навсегда. Они ответили, что ни у кого из них нет никаких возражений и, если бы он захотел там поселиться, они признали бы его своим господином и сочли бы, что он достоин этого.

Однако вскоре вспыхнули раздоры, и стоило одному из них чего-нибудь захотеть, как другой начинал возражать, так что моряки, в конце концов, все же вернулись в Нормандию.

В 1379 г. капитан Жеан из Руана на свои средства снарядил очень большой и красивый корабль, который он назвал «Notre Dame de Bon Voyage» [«Богоматерь счастливых плаваний»]; корабль был богато украшен деревянной резьбой и чудесной росписью. Однако капитан приказал начать плавание только в сентябре, ибо он, как известно, уже знал, что бури с ливнями, наступающие на тех далеких побережьях на три месяца раньше, очень опасны: ведь много его людей умерло в тех домах от заразы и болезней, так как в это время года в воде и воздухе распространяются дурные испарения и непрерывно полыхают молнии. Поэтому там умерли (упокой, Господи, их души!), не найдя ничего ценного в стране, брат командира Лежье, а также Жервуа, Себиль, Эбьер, Торколь, Тьебо, Думар, Одон, Камбер, которые все были искусными нормандскими мореходами. Однако славный командир Жеан после Пасхи вернулся обратно и на своем судне доставил на родину моряков и большое количество золота, которое им дали черные.

В 1410 г. очень много моряков покинули Нормандию, а купцы потеряли свои богатства, которые поглотили тогдашние войны[1]. За 11 лет только два корабля ходили еще к Золотому Берегу и один в Гран-Сестре. Но вскоре после войн над сушей и морем пронеслось много бурь, и вследствие этого товары, принадлежавшие купцам, были развеяны и уничтожены[2].

* * *

Вскоре после разорения [из-за пожара] обнаружилось, что и враг не смог бы причинить жителям Дьеппа столь крупного убытка и что его не скоро и нелегко было бы возместить, если бы не счастливый случай (о котором свидетельствовала одна запись). Три больших корабля, посланные в Индию [!], вернулись в Дьепп с грузом золота, серебра и других драгоценностей, который был

---

[1] Имеется в виду возобновление Столетней войны с Англией в 1415 г.— *Прим. ред.*

[2] Отрывок из мнимой копии старинного документа, пропавшего в Англии. См. P. M a r g r y, Les navigations françaises, Paris, 1867, p. 56 (и след.).

достаточно велик (так там дословно сказано), чтобы вновь поставить на ноги половину жителей Дьеппа, собрать в его склады много товаров и вести новые дела[1].

Печальным примером наглой и преднамеренной фальсификации истории может служить басня, которая неоднократно фигурировала в научной литературе в течение более 250 лет. В основе этой басни лежит не что иное, как безрассудное национальное тщеславие и зарождающееся стремление дипломатической игрой добиться политических преимуществ в колониальной сфере, применяя бездоказательную историческую эквилибристику.

Француз Вийо де Бельфон предпринял в качестве контролера плавание к берегам Западной Африки на судне «Европа», принадлежавшем Голландской Вест-Индской компании. Это плавание продолжалось с 13 ноября 1666 г. до 4 сентября 1667 г.[2] После возвращения Вийо решил помочь проведению широко задуманной колониальной политики, которую наметил знаменитый французский министр Кольбер, преследуя свои пресловутые идеи меркантилизма. Вийо рассчитывал снискать благосклонность министра своей книгой «Сообщение о берегах Африки, называемых Гвинеей» («Relation des côtes d'Afrique, appelées Guinée»), напечатанной в 1669 г. и посвященной Кольберу. В этой книге автор утверждал, приводя конкретные имена и даты, что самые ценные для торговли берега Западной Африки между мысом Зеленым и восточной частью Гвинейского залива задолго до португальцев были уже открыты, заселены и использованы для организации регулярных торговых связей французскими моряками из Дьеппа.

Сообщенные в книге факты убедительно подкреплялись бесчисленными подробностями, однако при этом не делалось ни малейшей попытки привести документальные доказательства в пользу столь сенсационных утверждений, опровергающих все наши прежние представления об истории открытия Западной Африки. Так как автор (нельзя отказать ему в осторожности!) нигде не называет источников, предполагалось, что он почерпнул свои сведения из архива адмиралтейства города Дьеппа, который стал жертвой огня 22—23 июля 1694 г., во время сильной бомбардировки города англичанами. Но Вийо нигде не ссылается на этот архив, и, кроме того, Сантарен доказал, что в дьеппских хрониках, составленных до выхода в свет книги Вийо, нельзя найти ни одного слова о мнимых сенсационных плаваниях в Африку в течение десятилетий после 1364 г.[3] Уже один этот факт вызывает крайнее недоверие к сообщениям Вийо. Но с течением времени стали известны и другие обстоятельства, которые, бесспорно, доказывают, что все эти истории выдуманы самим Вийо и являются не чем иным, как наглой тенденциозной ложью. Совершенно определенно доказано следующее:

---

[1] D. Asseline, Les antiquités et chroniques de la ville de Dieppe, ed. Michel Hardy, Guérillon, Abbé Sauvage, Dieppe, 1874, t. I, p. 109.

[2] Michaud, Biographie universelle ancienne et moderne, Paris—Leipzig, t. 43, p. 438 (и след.).

[3] M. F. de Barros y Souza de Santarem, Prioridade dos descombriendos portuguezes, Paris, 1841, t. III, p. 43 (и след.).

1. Вийо де Бельфон и в других отношениях показал себя не слишком щепетильным. Так, например, он включил в свое сочинение почти дословно большие отрывки из книги Кадамосто (см. т. IV, гл. 175), не оговаривая, что приводит цитаты из чужого труда[1].

2. Ни в одном из документов того времени ничего не говорится о событиях, которые, как утверждает Вийо, произошли в 1364—1421 гг. На это можно возразить, что здесь речь идет о таких сведениях, которые моряки из Дьеппа и Руана хранили в тайне. Но ведь Вийо рассказывает о том, что с 1375 г. в Западную Африку ходили также моряки из других стран, которые лишь потому не добились успеха, что африканцы якобы воспылали сильной любовью к французам и хотели вести торговлю только с ними. Эта деталь типична для французских фальсификаторов истории. Но в таком случае *во всех странах* Западной Европы должны были бы кое-что знать о Западной Африке! Почему же тогда на многочисленных картах мира и морских картах, составленных после 1364 г., это открытие никак не отмечается? Почему на знаменитой Каталонской карте мира, составленной в 1375 г., уже у мыса Бохадор стоит надпись: «*caput finis occidentalis de Africa*» [самая западная оконечность Африки.— *Ред.*]? Даже в Реймсской копии рукописи Помпония Мелы от 1417 г. (которая была снята в самой Франции) за мысом Бохадор стоит надпись «terra incognita»[2]. Как раз Каталонская карта мира от 1375 г. *должна была* бы передать какие-то сведения о побережье Гвинейского залива, если бы плавание дьеппских моряков в 1364 г. действительно состоялось. Ведь эта карта была изготовлена по желанию французского короля Карла V, властителя Дьеппа, который «жаждал познать мир» и поэтому около 1375 г. обратился к каталонцам, «чтобы получить хорошо выполненную карту мира»[3].

3. Наиболее отчетливо проявляется обман Вийо в его сообщении об открытии португальцами гвинейского острова Сан-Томе в 1405 г. Весьма точные записи в португальских документах и хрониках ничего не сообщают об этом замечательном открытии. Между тем о таком событии, по поводу которого португальский король якобы послал официальное письмо, португальцы, вероятно, должны были быть осведомлены точнее, чем составители архива города Дьеппа! Кроме того, в 1405 г. португальцы еще не могли предпринимать таких дальних океанских плаваний, так как инициатору разведывательных морских экспедиций, принцу Генриху Мореплавателю, который, в сущности, вывел свой народ в море, было в 1405 г. всего 11 лет! Если в 1405 г. португальцы уже побывали в вершине угла Гвинейского залива, если уже тогда они нашли остров Сан-Томе, открытие которого их хроники относят только к 1471 г. (см. т. IV, гл. 187), зачем же принц Генрих на протяжении десятилетий с трудом и медленно продвигал все дальше на юг к берегам Западной Африки десятки дорогостоивших экспедиций, которые только через 10 лет после его смерти попали в воды, якобы посещавшиеся ими уже в 1405 г.! Здесь отчетливо проявляется тенденциозность выдумок Вийо.

[1] M. F. de Barros y Souza de Santarem, op. cft., p. 22 (и след.).
[2] Ibidem, p. 96.
[3] J. Lelewel, Géographie du moyen-âge, Bruxelles, 1852, t. II, p. 37.

4. Странно и подозрительно, что дьеппские мореплаватели 1364 г. предпочитали в основном Риу-Фреско, Рио-Сестос и Грап-Сестре, то есть *как раз* те места, где побывал сам Вийо в 1666—1667 гг. и которые он знал лучше других.

5. Чтобы проникнуть в Гвинейский залив, португальцам в XV в. пришлось предварительно 54 года заниматься разведкой, посылая в плавание многие десятки экспедиций и испытывая бесчисленные неудачи и разочарования. Но вот «французский гений» дьеппских моряков, уходивших ранее только в короткие рыболовные рейсы или в небольшие военно-морские экспедиции, помог им за «один прием» совершить настоящий навигационный подвиг. При этом они обошлись без предварительного накопления опыта. Мало того, в течение десятилетий французские моряки продолжали свои отважные плавания, а другие народы ничего об этом не подозревали. Никогда бури не расстраивали их расчетов, никогда им не надо было заходить по пути в чужие гавани, брать воду, бороться с враждебностью людей и стихий. А африканцы, которые позднее не раз враждовали с португальцами, всегда принимали французов с восторгом и отдавали им за ничего не стоившие безделки громадное количество золота, перца, слоновой кости и т. д. Нечего сказать, экспедиции дьеппских и руанских моряков действительно должны были бы привести к такому богатству, которому мог бы позавидовать сам Поликрат[1].

6. В XIV в. все считали, что южнее мыса Бохадор берега Африки совсем пустынны и безлюдны, причем там царит невыносимая, все усиливающаяся жара. *Только* жители Дьеппа знали, что там находятся сказачно богатые земли, изобиловавшие золотом, перцем и слоновой костью. В противовес этой чепухе следует с неумолимой трезвостью заявить: в XIV в. никто и не помышлял о том, что южнее мыса Бохадор можно найти земли с пышной растительностью и неисчислимыми сокровищами. Вожделенные богатства Индии доставлялись в Европу только через восточную часть Средиземного моря или по Черному морю. Как же могла в те времена прийти в голову мысль, что эти же сокровища можно найти в Западной Африке, которую считали пустыней?

7. Только открытия, совершенные португальцами на побережье Африки примерно с 1443 г., и в еще большей степени обнаружение растительности на берегах мыса Зеленого произвели огромную сенсацию во всей Европе (см. т. IV, гл. 170—173). Можно ли всерьез считать, что дьеппцы молчали бы, если бы эти факты были им уж давно известны в результате нескольких десятков плаваний?

Эти семь аргументов совершенно определенно доказывают, что сообщения Вийо были только вымыслом, рассчитанным на обман, Но, к сожалению, до недавнего времени они неоднократно вводили исследователей в глубокое заблуждение!

---

[1] Поликрат Самосский (VI в. до н. э.) —древнегреческий тиран, то есть единоличный правитель острова Самос на Эгейском море. Он славился как один из самых богатых и удачливых людей своего времени, но после 15-летнего правления по приказу своего союзника персидского сатрапа был предательски убит (около 522 г. до н. э.). — *Прим. ред.*

В течение 200 лет французские исследователи всегда чересчур охотно верили фантазиям Вийо, которые льстили их национальному честолюбию. Некоторые из них, добросовестно заблуждаясь, даже усиливали путаницу, распространяя вымыслы, жертвами которых стали сам . Так, в 1728 г. французский ученый Лаба утверждал, что в юности он сам видел у королевского адвоката в Дьеппе (фамилию которого он заменяет начальной буквой *M*) документ от сентября 1365 г., скреплявший союз дьеп ских и руанских моряков для плавания в Гвинею[1]. Лаба считается хорошим и надежным исследователем, тем не менее данное утверждение представляется сомнительным. Этот ученый родился в 1663 г. и действительно мог бы видеть документы дьеппского архива, погибшие позднее при пожаре. Но как документ, хранившийся в этом архиве, попал в дом адвоката, где Лаба его якобы видел? А если он действительно находился в доме этого адвоката, то как мог потом погибнуть при пожаре архива? И, наконец, если документ не сгорел, то где же он потом хранился? Кроме того, трудно поверить, что Лаба через 40—50 лет после ознакомления с документом безошибочно помнил его содержание. Ведь вначале он, вероятно, не обратил на него особого внимания, а затем в течение десятилетий никогда им больше не интересовался. Не правильнее ли будет предположить, что мы здесь имеем дело с капризами памяти? Допустим, что Лаба действительно попалась на глаза какая-нибудь старинная грамота. Но кто может поручиться, что в ней на самом деле говорилось о гвинейской экспедиции 1364 г., а не о каком-либо другом плавании? Ничем не подкрепленное свидетельство старого ученого, рассказывающего о мимолетном юношеском впечатлении, не может заменить отсутствующую грамоту, ибо человеку свойственно ошибаться! Да и желание привлечь к себе интерес не раз толкало на ошибки и ложные утверждения даже почтенных стариков.

Свидетельство Лаба, разумеется, льстило самолюбию французов. Гвинейские плавания 1364—1421 гг. с этого момента составляют неотъемлемую часть всех французских трудов по истории века открытий. Эти небылицы все снова и снова преподносятся в качестве не подлежащих сомнению исторических фактов, например в трудах Массевилля[2], Эстанселена[3], Вите[4], Маргри[5], Вивьен де Сен-Мартен[6], Бенжера[7].

---

[1] J. B. Labat, Nouvelle relation de l'Afrique occidentale, Paris, 1728, t. I, p. 7 (и след.).

[2] L. Levasseur de Masseville, Histoire sommaire de la Normandie, Paris, 1733.

[3] L. Estancelin, Recherches sur les voyages et découvertes des navigateurs Normands, Paris, 1832.

[4] L. Vitet, Histoire de Dieppe, Paris, 1844.

[5] P. Margry, Les navigations françaises et la révolution maritime du XIVe au XVIe siècle, Paris, 1867.

[6] Vivien de St. Martin, Histoire de la géographie, Paris, 1873, p. 306.

[7] L. G. Binger, Considérations sur la priorité des découvertes maritimes sur la côte occidentale d'Afrique au 13e et 14e siècles, Paris, 1900. [Перечисленные Хеннигом французские авторы, принадлежащие к разным поколениям, работали в различных областях. Луи Левассер де Массевиль (XVIII в.) — историк Нормандии; Луи Эстанселен (1777—1858) — публи-

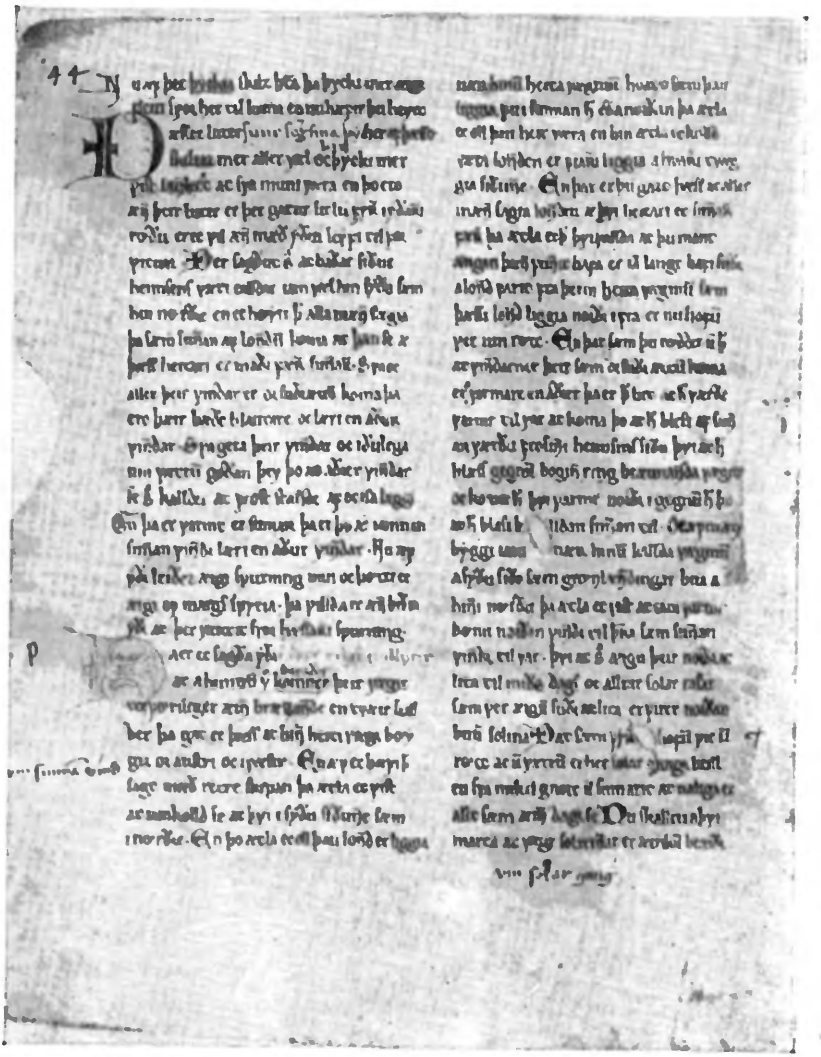

Рис. 20. Страница из рукописи «Королевское Зерцало».
На фото воспроизведена стр. 44 «Арнамагнейской рукописи», хранящейся в Копенгагенской университетской библиотеке, и перевод текста.

При этом не соблюдаются даже самые скромные требования в отношении критического подхода к источникам. Так, например, Вите в качестве доказательства надежности сообщений Вийо ссылается на мнение какого-то Редера из Дьеппа, человека «малообразованного», но хорошо знающего историю своего родного города: «Какое несчастье, что архивы адмиралтейства уничтожены бомбардировкой, иначе можно было бы совершенно точно доказать, что именно дьеппские горожане открыли Америку» (см. также т. IV, гл. 199)[1].

Только Лелевель, хотя и уделивший много внимания плаваниям дьеппцев в 1364—1410 гг., высказал удивление по поводу того, что до 1669 г. столь важные события нигде не отмечались[2].

Возобновлению слухов о дьеппских плаваниях больше всего способствовал Маргри. Именно в его труде был напечатан приведенный среди первоисточников документ, который на старофранцузском языке удостоверял правильность сообщений Вийо и даже существенно их расширял. В этом документе приведен ряд имен участников гвинейских экспедиций, которых нельзя найти у Вийо. Разумеется, происхождение этого документа вызывает сильные сомнения. Маргри сообщает, что он долго искал новые доказательства дьеппских плаваний и уже решил с этой целью поехать в Англию, чтобы там найти какие-нибудь документы, как вдруг весной к нему пришел Леон де Росни, известный французский ученый. Росни сообщил, что восемь лет назад он получил от некоего Вильяма Картера, с которым познакомился в Британском музее, старинный французский документ и скопировал его с разрешения этого англичанина. В такой копии Маргри увидел окончательное доказательство надежности сообщений Вийо де Белфона[3].

Однако мы не можем согласиться с мнением Маргри. Его документ как по своему происхождению, так и по содержанию вызывает те же подозрения, что и истории, рассказанные Вийо. Документ, с которого Росни снял копию, не обнаружен ни в одной английской библиотеке. Росни был весьма уважаемым ученым, и у нас нет никаких оснований подозревать его в подлоге, но он сам, видимо, стал жертвой мошенника, который за хорошую плату передал ему фальшивку. Фамилия лица, нашедшего документ (Картера), указанная Росни, вероятно, была вымышленной, ибо в заботливо сохраняющихся списках абонентов библиотеки Британского музея нельзя найти посетителя с такой фамилией.

цист; Луи Вите (1802—1873)—драматург и буржуазный политик; Луи Вивьен де Сен-Мартен (1802—1897) — выдающийся географ и историк землеведения; Пьер Маргри— историк средневековой навигации; Луи Бенжер — исследователь Западной Африки, путешествовавший в 1887—1892 гг. по заданиям французских колонизаторов. В честь этого исследователя бывший административный центр Берега Слоновой Кости был назван Бенжервилем. — *Ред.*]

[1] L. Vitet, op. cit., p. 195.

[2] J. Lelewel, op. cit., t. II, p. 12 (и след.). [Иоахим Лелевель (1786—1861) — польский прогрессивный деятель, видный историк, в частности основоположник польской исторической географии. В 1831 г., после поражения польского освободительного движения, эмигрировал. С 1833 г. жил в Бельгии, где и издал в 1852 г. на французском языке свою важнейшую историко-географическую работу, цитируемую Хеннигом.—*Ред.*]

[3] P. Margry, op. cit., p. 51 (и след.).

Сообщения Маргри тотчас после их опубликования привлекли к себе значительное внимание и в Германии[1], но также скоро они были объявлены «подозрительными»[2]. Содержание этого документа вызывает серьезные сомнения.

Как вытекает из заключительной части документа (которая нами не приведена), он мог быть написан только после 1435 г., когда мнимые дьепшские плавания, безусловно, давно прекратились и вряд ли кто-нибудь мог еще заняться составлением относящихся к ним документов. Кроме того, наряду с заметными совпадениями с сообщениями Вийо (укажем, например, на совсем неважную для дела дату 1410 г., упомянутую в обеих рукописях) в документе встречаются гораздо более серьезные расхождения. Они были бы невозможны, если бы мы имели дело с подлинником. Почему, например, Вийо, если он действительно был знаком с опубликованным Маргри документом, умолчал о многих фигурирующих в нем именах участников плавания и особенно о весьма важном в этой связи имени мнимого руководителя экспедиции Жеана Прюно из Руана? Почему он не упомянул, например, о «джилофах»? О других легких расхождениях мы уже не говорим. Итак, у нас есть весьма веские основания считать документ, переданный Маргри, фальшивкой, состряпанной с корыстными целями.

Подобная фальсификация исторических фактов в определенных целях, к сожалению, слишком часто встречается как раз в истории открытий и изобретений. У англичан есть фантастические рассказы о путешествиях Мандевиля (см. гл. 138), сэра Роберта Мечема (см. гл. 145), Джозуа из Брюгге (см. т. IV, гл. 165); у итальянцев — дерзкая фальшивка Дзено (см. гл. 153) и мнимый изобретатель компаса Флавио Джойа из Амальфи, которого, вероятно, совсем не было[3]; у датчан — выдумки Клавдия Клавуса (см. гл. 153); у немцев — сказка о пароходе Дениса Папина; у французов — такая же легенда о Саломоне де Ко[4] и бредовые фантазии об открытии Америки Кузеном еще до Колумба (см. т. IV, гл. 199); у португальцев — ряд выдуманных морских подвигов (см. т. IV, гл. 177 и 189). При этом главной побудительной причиной фальсификаций неизменно было национальное тщеславие, стремление незаконно приписать своему народу приоритет крупных открытий. Более чем вероятно, что плавания французов в Гвинею в XIV в. тоже были совершены только на бумаге. Это не помешало Парижскому географическому конгрессу в 1875 г. признать их не подлежащим сомнению, установленным фактом, подкрепленным точными данными[5].

---

[1] «Ausland», 1867, S. 1146.

[2] O. P e s c h e l, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1877, B. I, S. 199 (и след).

[3] Статья Брёйзинга. См. «Zeitschrift der Berliner Gesellschaft für Erdkunde», 1869, S. 46.

[4] R. H e n n i g, Abhandlungen zur Geschichte der Schiffahrt, Jena, 1928, S. 153.

[5] «Comptes rendus des Séances du Congrès International des Sciences Géographiques (1875)», Paris, 1878, p. 480 (и след.).

Однако за пределами Франции критически мыслящие исследователи чаще всего относились к этим утверждениям французских ученых весьма скептически.

Исключение составляют лишь Норденшельд, поверивший этим сказкам[1], да еще, как это ни странно, анонимный новейший комментатор «Истории века открытий» Пешеля, который даже в 1930 г. с оговоркой допускал возможность таких плаваний[2]. Но все известные нефранцузские исследователи серьезно сомневались в этом сообщении.

Первым против него выступил с чрезвычайно решительными и вескими опровержениями замечательный португальский исследователь Сантарен[3]; за ним последовали английский ученый Мейджор[4] и немецкий географ Зупан[5]. Последний прямо называет эти плавания «легендой» и метко добавляет: «Уже одно то обстоятельство, что она впервые появилась во время Кольбера, то есть в эпоху, когда Франция собиралась стать колониальной державой, делает ее весьма подозрительной».

Английские ученые Бизли и Престейдж раньше занимали примиренческую позицию и в своем издании хроники Азурары высказали следующую мысль: «Рассказ о Дьеппе сам по себе не представляется невероятным, причем из данных карты от 1351 г. и других морских карт мы можем видеть, каким правдоподобным он кажется по сравнению с еще более значительными событиями. Но при существующем положении вещей это плавание должно считаться недоказанным»[6].

Однако теперь мы можем сказать, что ни одна из карт мира середины XIV в. и ни одна морская карта не дают нам ни малейшего основания верить в мнимые плавания дьеппцев. Особенно решительно расправился с француз-

---

[1] A. E. Nordenskjöld, Periplus, Stockholm, 1897, S. 155 (и след.).

[2] O. Peschel, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, Meersburg, 1930, S. 47 (примечание 2.). [Оскар Пешель (1826—1875) — немецкий географ, историк землеведения и этнограф. Его «История эпохи открытий» после смерти автора несколько раз переиздавалась. Эта лучшая немецкая работа по истории великих открытий переведена на русский язык. См. О. Пешель, История эпохи открытий, М., 1884.—*Ред.*]

[3] Мануэл Франсишку ди Барруш-и-Соуза виконт ди Сантарен (1790—1856) — португальский политический деятель, литератор, националистический историк португальских географических открытий.—*Прим. ред.*

[4] R. H. Major, The life of Prince Henry, London, 1869. [Ричард Генри Мейджор— автор ряда трудов по истории географических открытий, изданных в Лондоне в 60-х и 70-х годах XIX в. — *Ред.*]

[5] A. Supan, Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien, Gotha, 1906, S. 12 (примечание 1). [Александр Зупан (1847—1920) — выдающийся, очень разносторонний немецкий географ, по происхождению словенец. Его труд по исторической географии «Территориальное развитие европейских колоний» до настоящего времени служит ценным пособием.— *Ред.*]

[6] Gomes Eannes de Azurara, Chrônica de Guiné, London, 1896, 1899, II, XV (английский перевод Бизли и Престейджа). [Раймонд Бизли и Эдгар Престейдж — английские историко-географы. См. их важнейшие работы: R. Beazly, The dawn of modern geography, London, 1897—1900; E. Prestage, The portuguese pioneers, London, 1933.—*Ред.*]

скими сказками и убедительно их опроверг в 1912 г. голландский адмирал Л'Онроре Набер[1].

Достойно внимания, что в недавнее время и французские ученые безоговорочно отказались от этой вымышленной истории. Раньше других это сделал Берлиу, подчеркнувший, что дьепписие претензии довольно неосновательны и что их следует «подвергнуть обстоятельной проверке». Впрочем, в 1925 г. Сабатье еще раз попытался вспомнить старую сказку[2]. Не позднее чем в 1929 г., после основательной проверки, Ла-Ронсьер сказал свое решительное слово: «Плавания моряков из Нормандии к побережью Гвинеи в 1364 г. относятся к легендам»[3].

Под влиянием Ла-Ронсьера на карте достижений французских мореплавателей, составленной в 1930 г. для Антверпенской всемирной выставки, плавания в Гвинею в 1364 г. не были показаны. В ведущем французском специальном журнале, воспроизведшем в 1931 г. антверпенскую карту, в связи с исторической эквилибристикой Вийо говорилось о «выдуманных путешествиях, заполнявших исторические труды в течение четырех последних столетий»[4]. В своем специальном исследовании, опубликованном в 1933 г., автор этих строк смог привести более точное доказательство, что мы имеем дело с чистейшим вымыслом[5].

Несмотря на это, в популярных изданиях и теперь еще фигурируют плавания в Гвинею в XIV в. Так, в «Энциклопедическом словаре» Мейера утверждается сразу в двух статьях, что Западная Африка была открыта «норманнами» в 1364 г.[6], а во французской «Большой энциклопедии» сообщается даже фантастическая история о том, будто во время первой экспедиции 1364—1365 гг. на мысе Зеленом был сооружен французский форт Пти-Дьепп[7]. В этом глубоком заблуждении повинна также «Британская энциклопедия»[8], которая еще к тому же ошибочно относит дату открытия к 1339 г.

Эта дата, еще более бессмысленная с исторической точки зрения, опирается на приведенную выше цитату из дьеппской хроники Асселина (1619—1703). Между тем полная несостоятельность этого источника доказывается хотя бы утверждением, что в 1339 г., когда только что были открыты первые острова Канарской группы, а острова Мадейры еще оставались неизвестными, дьеппские моряки уже пытались плавать «в Индию». Вдобавок это происхо-

---

[1] L'Honoré Naber, Beschrijving van de Goud-Kuste door P. de Marées, «Publikaties der Linschoten-Vereeniging», Gravenhage, 1912, B. XXIV—XLI.

[2] A. Sabatié, Le Sénégal, Sa conquête et son organisation (1364—1925), St. Louis (Senegal), 1925.

[3] Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique au moyen-âge, Caire, 1929, t. II, p. 17.

[4] «Revue Maritime», 1931, p. 746 (и след.).

[5] R. Hennig, Die angeblichen französischen Seereisen zur Guineaküste 1364—1421, «Marine-Rundschau», 1933, S. 458 (и след.).

[6] «Konversations-Lexicon», ed. Meyer, B. 4, S. 899; B. 18, S. 340 (издание 6).

[7] «Grande Encyclopédie», t. 14, p. 507.

[8] «Encyclopaedia Britannica», 14 ed., London — New York, 1929, v. 7, p. 347.

дило якобы в то время, когда вспыхнувшая в 1338 г. большая война с Англией нанесла, вероятно, очень сильный ущерб именно Дьеппу[1]. Свою версию Асселин, наверное, попросту заимствовал у Вийо, но из-за недосмотра или грубой небрежности отнес мнимое событие к 1339, а не к 1364 г. Тем не менее эта дата перешла затем в более поздние дьеппские хроники[2] и, как мы видели, даже в «Британскую энциклопедию».

В заключение хотелось бы обратить внимание тех исследователей, которые все еще хотели бы опереться на сгоревший в 1694 г. дьеппский архив, на то, что в Руане деловые бумаги XIV в. сохранились, а ведь жители этого города якобы действовали заодно с дьеппцами. Однако в руанских документах нельзя найти ни одного слова о плаваниях в Гвинею и о соглашениях с дьеппскими купцами по поводу совместных действий в Африке. На это обратил внимание еще Маргри, что, однако, не повлияло на его исторические фантазии[3]. Недавно и Ла-Ронсьер заявил, что это обстоятельство было бы непостижимым[4], если бы в вымыслах Вийо содержалось хотя бы малейшее зерно исторической правды. Итак, молчание руанского архива можно рассматривать как краеугольный камень аргументации в пользу того, что плавания французских моряков в Гвинею в 1364—1421 гг.—*чистая фантазия*.

Дополнение

В связи с проблемой, рассматривавшейся в этой главе, будет, видимо, уместно дать некоторое дополнение к высказанному в ней мнению, что до середины XV в. «все» были убеждены, будто южнее Марокко на побережье простирается безотрадная, необитаемая песчаная пустыня, где жара непрерывно усиливается. Это утверждение в основном вполне соответствует действительности. Но *одно* весьма примечательное исключение заслуживает особого рассмотрения.

Один литературный памятник, относящийся еще к первой половине XIII в., поистине поражает нас широтой географических представлений его автора, резко отличающихся от общераспространенных тогда ошибочных взглядов на западное побережье Африки как на необитаемую зону. Памятник этот — норвежское «Королевское Зерцало». Составленная в форме диалога между отцом и сыном эта книга появилась между 1230 и 1260 гг. Она поражает изобилием трезвых физико-географических наблюдений. Автор ее неизвестен. Раньше Рафн полагал, что она принадлежит перу Николауса Сигурдсона, близкого родственника короля Магнуса Эрлингсона (1161—1180)[5];

---

[1] Столетняя война началась не в 1338, а в 1337 г. — *Прим. ред.*

[2] C r o i s é, Histoire abrégée et chronologique de la ville, château et citadelle de Dieppe (рукопись 1723 г., хранящаяся в городской библиотеке Дьеппа); M. C. G u i b e r t, Mémoires pour servir à l'histoire de Dieppe (рукопись 1761 г. из той же библиотеки).

[3] P. M a r g r y, op. cit., p. 68.

[4] Ch. d e l a R o n c i è r e, op. cit., t. II, p. 13.

[5] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 264 (и след.).

Могк называл ее автором короля Сверре (1177 или 1180—1202)[1], а Доэ — придворного короля Хокона Старого (1217—1263), по имени Вильгельм[2]. Впрочем, твердо установлено, что ее автором мог быть только «норвежец, принадлежащий к высшему обществу»[3]. Наконец, Хеффермель привел веские доказательства в пользу того, что «Королевское Зерцало» написано священником Иваром Бодде[4], воспитателем короля Хокона Старого[5]. Впрочем, соответствует ли действительности это предположение или нет, вполне прав Нансен, называя «Королевское Зерцало» «мастерским произведением», а его автора «не имеющим себе равного, крупнейшим географом средневекового Севера»[6].

Оригинал «Королевского Зерцала», к сожалению, утерян. Но до нас дошла копия, снятая около 1280 г., так называемая «Арнамагнейская рукопись» Копенгагенской университетской библиотеки.

В этом превосходном труде есть одно место, которое пропустил даже такой чуткий исследователь, как автор замечательной «Германской астрономии» Рёйтер. Насколько нам известно, в первый раз на него обратил внимание Пастор только в 1937 г.

Мы имеем в виду тот абзац, в котором отец, поучая сына, дает ему верное представление о земном шаре и его климате (см. рис. 20), вполне соответствующее нашим современным воззрениям.

«Земля кругла, как шар [*at bollottur er iardar hrijngur*], и Солнце не всюду одинаково к ней приближается. Самой теплой она становится там, где ее выпуклость всего ближе подходит к пути Солнца. Некоторые страны, лежащие перпендикулярно под лучами Солнца, необитаемы. Но страны, лежащие так, что солнечные лучи падают на них косо, густо населены... По моему представлению, с востока на запад, подобно круглому кольцу, простирается жаркий земной пояс, охватывающий весь земной шар. Поэтому возможно, что холодные зоны расположены на крайнем севере и юге Земли... Я твердо считаю, что на южной стороне так же холодно, как и на северной... Если все рассказывают, что страны становятся тем теплее, чем дальше идешь на юг, то, на мой взгляд, причина лежит в том, что ты, наверно, не встретил еще никого, кто зашел бы так далеко в страны, расположенные к югу от теплого пояса, как лежат к северу от него ранее описанные страны [Гренландия и т. д.]... Если есть люди, живущие так близко к холодному поясу южной стороны, как гренландцы к холодному поясу северной стороны, то я считаю достоверным, что у них от северного ветра должно веять таким же теплом, как у нас от южного... Когда Солнце на своем косом пути пробегает южный конец, то у жителей крайнего юга лето и долгий солнечный путь; но у нас тогда зима

[1] E. Mogk, Die Entdeckung Amerikas durch die Nordgermanen, «Mitteilungen des Vereins für Erdkunde zu Leipzig», 1892, S. 68.

[2] L. Daae, Didrik Pining, «Historisk Tidskrift», 1882, B. II.

[3] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg i. B., 1902, S. 21 (примечание 2).

[4] A. V. Heffermehl, Presten Ivar Bodde, «Historisk Skrifter», Christiania, 1904.

[5] В «Претендентах на престол» Ибсена этот Ивар Бодде фигурирует в качестве придворного капеллана короля Хокона.

[6] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 191.

и короткий солнечный путь. Но если Солнце пробегает самую северную часть своего пути, то у нас много солнца, а у них холодная зима»[1].

Сведения о том, что Земля «кругла, как шар»,—это еще не самое поразительное в приведенном отрывке. Несмотря на то что церковь учила совсем другому, даже в средневековье, когда вера в библию была непоколебима, ученые мужи *уже* неоднократно утверждали нечто подобное, например Беда Достопочтенный[2] и даже каноник Адам Бременский[3]. Разумеется, в то время, когда появилось «Королевское Зерцало», было небезопасно признавать шарообразность Земли. Послала же церковь на костер во Флоренции как еретиков Пьетро ди Абано в 1316 и Чекко д'Асколи в 1324 г., учивших, что Земля — шар[4]. Но еще более, чем это объявленное вне закона учение, поражает нас в «Королевском Зерцале» точное знание того, что как в южном, так и в северном полушарии следуют одна за другой совершенно одинаковые климатические зоны.

Подобные представления мы, впрочем, встречаем приблизительно в то же время или несколько позже у крупного немецкого ученого Альберта Больштедского, или Альберта Великого, который в одном месте пишет: «Все жаркие зоны населены, и глупым простонародным заблуждением следует признать мнение, что те, ноги которых обращены к нам, должны обязательно упасть... По другую сторону экватора повторяются схожие климаты в нижнем полушарии Земли»[5].

Практические выводы из содержания приведенных текстов, к сожалению, никогда не делались; эти гениальные догадки остались неизвестными представителям «эпохи открытий», да и раньше, очевидно, тоже вряд ли принимались кем-нибудь во внимание.

---

[1] E. P a s t o r, Die Germanen kannten die Kugelgestalt der Erde, «Wacht im Osten», Danzig, 1937, S. 212.

[2] B e d a V e n e r a b i l i s, Historia ecclesiastica gentis Anglorum, ed. Holder, Freiburg-Tübingen, 1882, cap. 46. [Беда Достопочтенный (673—735) — «отец английской истории», ученый монах. Его «Церковная история англов», на которую ссылается Хенниг, доведена до 731 г. — *Ред.*]

[3] A d a m v o n B r e m e n, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum..., p. 37. [Адам Бременский (ум. около 1085 г.) — немецкий историк и «отец немецкой географии». Его «Описания северных островов» составляют последнюю, четвертую часть латинского труда «Деяния епископов гамбургской церкви», на который ссылается Хенниг.—*Ред.*]

[4] K. K r e t s c h m e r, Die Entdeckung Amerikas, Berlin, 1892, S. 132 (примечание 4).

[5] O. B r e n n e r, Speculum regale, München, 1881, p. 57. [Альберт Больштедский, «Великий» (ум. в 1280 г.) — немецкий граф, монах-доминиканец, богослов, философ, схоласт и алхимик.— *Ред.*]

ГЛАВА 152

МНИМОЕ ОТКРЫТИЕ АЗОРСКИХ ОСТРОВОВ ГРЕЧЕСКИМ МОРЕПЛАВАТЕЛЕМ

(около 1370 г.)

Некоторые утверждали, что около 1370 г. после Рождества Христова, за 70 лет до открытия португальцами острова Сан-Мигел, его нашел некий грек; попав в шторм у Кадиса и отнесенный им в другую сторону, он очутился на том острове. Открыв остров, он будто бы хотел его заселить и испросить себе во владение. Для этого он решил провести там опыты. Вот почему грек вернулся на остров и доставил туда много скота; но весь скот там сразу же погиб. Поэтому он отказался от мысли испросить остров в свое владение и заселить его. И остров, как и раньше, оставался неизвестным. Основанием для подобных утверждений выдвигается то, что там, где теперь расположен город Алагоа, после открытия нашли много скелетов животных, особенно баранов, и поэтому то место было будто бы названо гаванью Баранов. Но это (согласно Фруктуозу, кн. 4, гл. I) чистейший вымысел. Я полагаю, что скелеты появились потому, что принц Генрих после открытия острова Санта-Марии велел доставить туда много кобылиц. Корабль уже близко подошел к обоим островам, но был захвачен бурей, и, чтобы спастись, моряки выбросили кобылиц за борт. Поэтому долину, выходящую там к морю, называют Долиной Кобылиц, так как их скелеты прибило к расположенной ближе всего части острова Сан-Мигел. Это, вероятно, и послужило поводом к появлению басни[1].

Кордейру, один из известнейших португальских историков XVIII в., передал нам легенду о том, будто некий не названный им по имени грек около 1370 г. во время шторма был отнесен к Азорам и первым открыл остров Сан-Мигел. Учитывая язык того времени, под «греком» можно, пожалуй, подразумевать и византийца. Однако как в том, так и в другом случае это сообщение кажется совершенно невероятным, ибо нам не известно ни одного случая плавания греков или византийцев того времени в открытых водах Атлантики. Поскольку единственный автор, упоминавший о мнимом открытии,— Кордейру — сам считает эту историю басней (*este poderia fer o fundamento da fabula*), то ей нельзя придавать ни малейшего значения. Мы смело можем вычеркнуть из истории географических открытий этот мнимый подвиг, как и французские плавания, рассмотренные в предыдущей главе.

[1] Antonio Cordeyro, Istoria insulana, Madrid, 1717, p. 127.

ГЛАВА 153

СКАЗКА О ПЛАВАНИИ В ФРИСЛАНДУ БРАТЬЕВ ДЗЕНО

(около 1390 г.)

В 1380 г.[1] в Венеции жил рыцарь Николо Дзено, весьма уважаемый человек. Для завоевания славы и почета он приказал построить и оснастить корабль, прошел через Гибралтарский пролив, а затем держал все время курс на север, чтобы посетить Англию и Фландрию... [Корабль относит бурей, и он терпит крушение у острова «Фрисланда». Дзено поступает на службу к здешнему государю Дзихнми и посылает письмо своему брату Антонио, находящемуся еще в Венеции, приглашая его также прибыть на Фрисланду. Братья принимают участие в завоевательных походах Дзихнми. При этом Николо попадает еще и в Гренландию, где обнаруживает мужской монастырь, который он описывает очень подробно.]

Не привычный к сильному холоду, царящему в Энгроneланде, Николо Дзено заболел и вскоре после возвращения на Фрисланду скончался. Его брат Антонио унаследовал его богатство и почетные звания, но, несмотря на все просьбы, не мог получить разрешение возвратиться на родину, ибо Дзихнми решил задержать его на своей службе и послать с несколькими кораблями на запад—туда, где 26 лет назад четыре рыбачьи лодки, унесенные бурей, пристали к берегу некоего острова. Этот остров называется Эстотиланда и, должно быть, находится на 1000 миль с лишним к западу от Фрисланды... [Следует подробное описание вымышленных приключений рыбаков на этом острове. Оттуда рыбаки попали на землю, расположенную еще дальше к югу и населенную людоедами. Эти людоеды съели трех рыбаков, а четвертого оставили в живых, так как он научил их ловить рыбу. Рыбак прожил 30 лет среди дикарей, под которыми совершенно определенно подразумеваются индейцы.]

После долгого плена рыбаку удалось бежать через леса в страну Дроджо, куда он попал после многих трудностей и опасностей. Позднее он принимал там участие в качестве толмача в торговых плаваниях многочисленных кораблей, прибывавших с Эстотиланды, и так разбогател, что смог построить собственный корабль и оснастить его. После 26-летнего отсутствия он вернулся с ним

---

[1] Эта дата может быть отнесена только к пребыванию в Венеции, а не к самому плаванию. Документально доказано, что в 1388 г. Николо Дзено находился в Италии (см. стр. 379).

на Фрисланду, где рассказал государю Дзихнми о своих приключениях. Воодушевленный этими сообщениями на новые завоевания, Дзихнми решил подчинить себе все те земли... [Далее описывается отплытие флота, шторм, открытие острова Икария и посещение островов Птиц, яйца которых насыщают весь экипаж. Затем рассказывается о дальнейших приключениях и о возвращении флота под командованием Дзено на Фрисланду[1].]

Кроме мифа Платона об Атлантиде и, возможно, еще рассказа Пифея о Туле, пожалуй, ни одно другое письменное предание с географической подоплекой не вызвало так много научных споров и все новых толкований, как «Книга Дзено». Эта книга, опубликованная в Венеции в 1558 г., сообщает о чудесной истории из жизни двух венецианцев, которая будто бы происходила в пределах Атлантики около 1400 г. Краткий отрывок из этой книги приведен в начале главы. Оставшемуся в живых Антонио Дзено будто бы удалось в конце концов вернуться с «Фрисланды» в Венецию в 1405 г.

Но через год Антонио уже скончался. Написанная им книга, в которой рассказывалось о его приключениях, якобы осталась в его доме, но была предана забвению. Один из потомков, Николо Дзено, будучи ребенком, нашел эту рукопись и разорвал ее. Только в зрелом возрасте он осознал ценность рукописи, привел ее в порядок и в 1558 г. напечатал. Такова мнимая весьма достопримечательная предыстория «Книги Дзено».

Почти с первого года появления книги ее сенсационное содержание вызвало нескончаемые споры по поводу достоверности сообщений. Один из первых комментаторов «Книги Дзено», великий Меркатор, сразу же высказал некоторое сомнение в правдивости всей этой истории. Правда, в своем труде он приводит различные сообщения Дзено и даже дает карту мнимого острова Фрисланды с многочисленными подробностями[2]. Но даже Георг Хорн, высказавший в 1652 г. в своем труде, посвященном предыстории Америки, совершенно безрассудные суждения о многочисленных плаваниях на этот континент задолго до Колумба, якобы со времен финикинян, отнесся довольно скептически к путешествию Дзено: «Ни на океане, ни на суше нет и подобия земель, соответствующих описаниям Дзено»[3].

---

[1] Отрывок из так называемой «Книги Дзено». См. «Dei commentarii del Viaggio in Persia di M. Caterino Zeno... et dello scoprimento dell' Isole Frislanda, Estlanda, Engronelanda, Estotilanda e Icaria, fatto sotto il Polo Arctico, da due fratelli Zeni, M. Nicolo e M. Antonio, Venézia, 1558. Здесь приводится лишь очень маленький отрывок, чтобы дать представление об этой книге. Разумеется, это апокрифическое сочинение представляет интерес только с культурно-исторической точки зрения. Полный текст в английском переводе Мейджора, см. «Publications of the Hakluyt Society», London, 1873. Полный текст в немецком переводе Норденшельда, см. A. E. Nordenskjöld, Studien und Forschungen, Leipzig, 1885, B. 6. См. также R. Cronau, Amerika, Leipzig, 1892, B. I, S. 150.

[2] G. Mercator, Atlas minor, Amsterdam, 1609, S. 24 (и след.).

[3] G. Horn, De originibus Americanis, Haag, 1652, S. 156.

Многие другие исследователи также проявили значительное недоверие к «Книге Дзено», например Лаэт (1643 г.), Штювен (1714 г.), Шарльвуа (1744 г.), Ирвинг (1828 г.), Пешель (1858 г.), Фишер (1902 г.) и др. Особенно подробно эти сомнения изложил англичанин Льюкас[1], который привел также интересный, хотя и не совсем полный перечень всех работ, посвященных этой теме и вышедших в свет до конца XIX в.[2] Но, пожалуй, еще большее число крупных ученых выступило за достоверность рассказа Дзено; среди них встречаются такие прославленные имена, как Гумбольдт[3], Лелевель[4], Мейджор[5], Норденшельд[6] и др. В противовес этому датчанин Цартман еще в 1833 г. утверждал, что в книге Дзено не чувствуется даже элементарных знаний условий, господствующих на севере[7]. Вплоть до новейшего времени «за» и «против» достоверности рассказов Дзено высказалось примерно одинаковое число ученых. Однако в наши дни уже не может быть никакого сомнения, что «Книга Дзено» представляет собой не что иное, как «роман»[8], или, точнее, литературную фальсификацию, совершенную с целью отнять у генуэзцев и приписать венецианцам честь первого открытия Америки.

Главные герои романа, Николо и Антонио Дзено вместе с третьим их братом Карло, не вымышленные лица, что подтверждается историческими документами. В 1385 г. Николо был участником плавания в гавани Фландрии на венецианском государственном судне. (Такие рейсы с торговыми целями ежегодно совершались с 1317 по 1533 г.) Видимо, это плавание 1385 г. и дало повод к вымыслу. Протекало оно, очевидно, благополучно, и в венецианских архивах не сообщается о нем ничего такого, что заставляло бы думать о необычайных приключениях. Документально доказано, что Николо Дзено уже три года спустя, в ноябре 1388 г., снова жил в Италии[9]. Все же если искать хоть малейшее зерно исторической правды в «Книге Дзено», то нужно говорить только о плавании во Фландрию в 1385 г. При этом следует учесть, что

---

[1] F. W. Lucas, The Annals of the voyages of the brothers Nicolo and Antonio Zeno in the North Atlantic Ocean, London, 1898.

[2] Еще одну библиографию, в которой перечислено 69 работ, посвященных «Книге Дзено», составил в 1881 г. американский ученый Уотсон. См. P. B. Watson, Bibliography of the Pre-Columbian discoveries of America, «Library Journal», Boston, 1881, v. VI, No. 8. Ее дополнил Норденшельд. См. A. E. Nordenskjöld, Studien und Forschungen, Leipzig, 1885 (примечание 4).

[3] A. Humboldt, Examen critique, Paris, 1836.

[4] J. Lelewel, Géographie du moyen-âge, Bruxelles, 1852—1857, t. III, p. 87 (и след.).

[5] R. H. Major, The voyages of the Venetian brothers Nicolo and Antonio Zeno, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1873, v. 50.

[6] A. E. Nordenskjöld, Om Bröderna Zenos resor och de äldsta kartor äfer norden, «Studier och forskningar föranledda of mina resor i höga norden», Stockholm, 1884.

[7] C. C. Zahrtmann, Om Zeniernes Reiser, «Nordisk Tidsskrift for Oldkyndighed», Köbenhavn, 1833, B. II, S. 9.

[8] J. Fischer, Die Entdeckungen der Normannen in Nordamerika, Freiburg, 1902, S. 38.

[9] P. Zurla, Dissertatione intorno ai viaggi e scoperte settentrionali de Nicolo ed Antonio Fratelli Zeni, Venézia, 1808, p. 42.

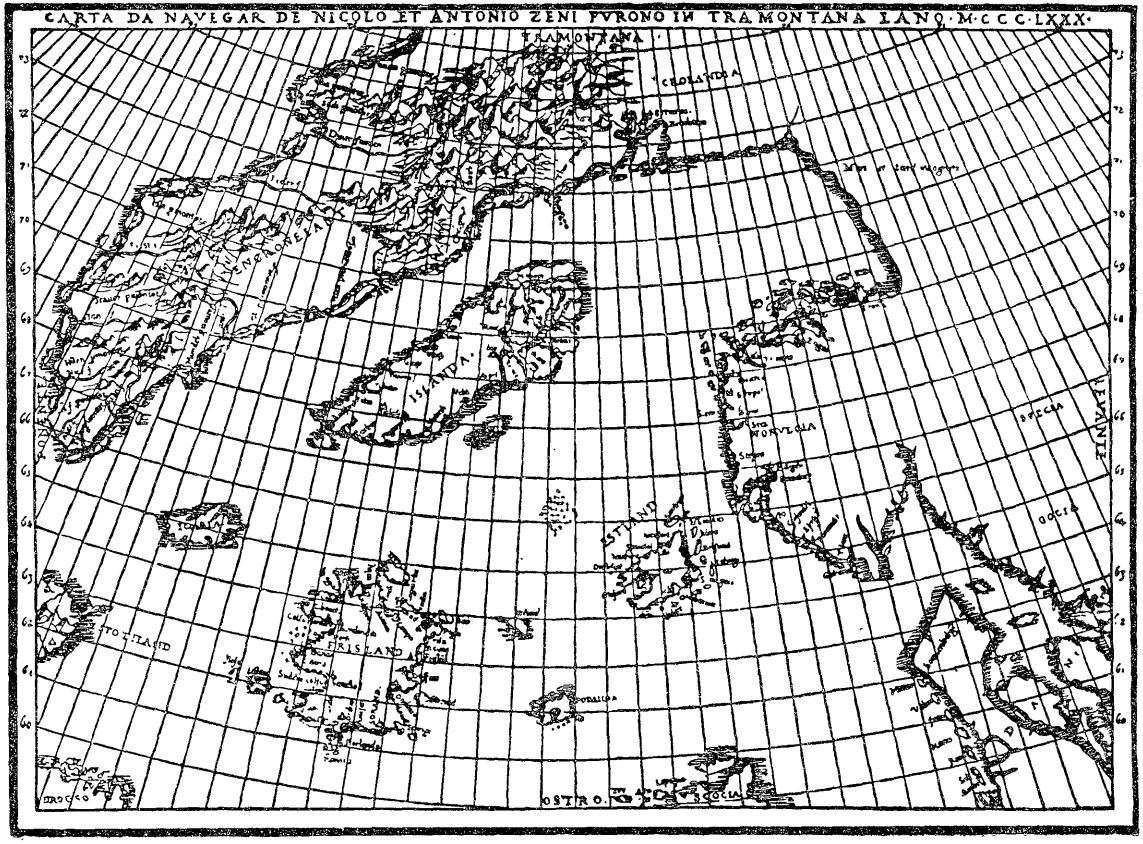

Рис. 21. Карта из «Книги Дзено».

в документах того времени нельзя найти никаких сообщений, позволяющих сделать вывод о более длительном отсутствии одного из трех братьев Дзено.

Впрочем, нельзя не признать, что «Книга Дзено» свидетельствует об отличном знании определенных географических объектов, а также о знакомстве с североамериканскими индейцами. Эти необычные для 1558 г. знания немало способствовали тому, что «Книгу Дзено» считали описанием подлинного путешествия. Странные названия, встречающиеся в книге, большей частью можно легко связать с существующими географическими наименованиями. Так, Фрисланду раньше обычно отождествляли с Фарерскими островами[1] (*Fär-Islanda*, то есть *Frislanda*). Такое толкование дал еще 250 лет назад первый исследователь проблемы Винланда Торфеус[2]. В последнее время исследователи охотнее отождествляют Фрисланду с Исландией, как это будет показано ниже. Эстланда—искаженное название Шетландии, а Энгроненланда—Гренландии[3]. О «государе Дзихнми» ничего не сообщает ни одна хроника атлантических стран и островов, а таких хроник, относящихся примерно к 1400 г., сохранилось очень много. Непроизносимое имя Дзихнми, весьма вероятно, было сильным искажением имени Вихман. Так звали одного из известных «братьев-продовольственников», товарища Клауса Штёртебекера — пирата, который с 1388 по 1401 г. часто посещал побережья Западной Европы и, в конце концов, 10 июля 1402 г. был обезглавлен в Гамбурге вместе с Штёртебекером и многими другими «братьями»[4]. Поскольку итальянец не знал буквы «*W*», имя *Wichmann* могло превратиться в *Zichnmi*. Как бы то ни было, истории неизвестно, что Вихман доходил когда-либо до Шетландских или Фарерских островов, не говоря уже о более дальних походах на запад. Между тем около 1400 г. не было никакого следа «государств» и «государей» на островах Северной Атлантики, если только не считать «государем» главаря пиратов.

---

[1] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1838, B. I, S. 145.

[2] T. Torfaeus, Historia Vinlandiae antiquae, Köbenhavn, 1705, S. 145.

[3] По Сторму, это название в форме Энгромеланди в XVI в. впервые употребил Клавдий Клавус для шведской области Ангерманланд, откуда оно потом перекочевало к западу и северу. См. «Ymer», B. XI, S. 35. На дополненной карте Птолемея от 1482 г., а также на карте Скандинавии Бенедетто Бордоне от 1547 г. и в других местах это название носит фантастическая страна, лежащая севернее Норвегии.

[4] «Братья-продовольственники» («*Vitalienbrüder*») — союз северных вольных мореходов, поставлявших в XIV в. продовольствие осажденным городам на Балтийском и Северном морях. Базой их был разоренный датчанами шведский остров Готланд. Вытесненные оттуда в 1395 г. Тевтонским духовно-рыцарским орденом, «братья» под начальством Клауса Штёртебекера превратились в пиратов, которые охотились главным образом за ганзейскими торговыми судами. Добычу делили на равные доли (согласно легенде, часть добычи братья раздавали бедным). В 1401 г. гамбуржцы разгромили «братьев» и в 1402 г. казнили тех, кто попал в их руки. В современной немецкой демократической литературе эта история отражена в книге Вилли Бределя «Братья-продовольственники» и в драме Кубы «Клаус Штёртебекер».—*Прим. ред.*

Несмотря на эти исторические несоответствия, обращают на себя внимание превосходные сведения, которые приводятся в «Книге Дзено» не только о североамериканских индейцах, но прежде всего о Гренландии.

После опубликования «Книги Дзено» в 1558 г. не только на различных итальянских картах Птолемея, но даже и на карте критически настроенного Меркатора от 1569 г. север Атлантики показан точно по карте Дзено[1]. Когда англичанин Фробишер во время трех своих экспедиций (1576—1578 гг.) разведывал Гренландию, он тоже имел при себе карту Дзено и категорически утверждал, что она ему очень пригодилась и оказалась вполне надежной[2]. Заявление Фробишера сыграло немалую роль в том, что и автор этих строк еще в 1925 г. высказывался за подлинность «Книги Дзено»[3], однако позже он отказался от этой точки зрения как от ошибочной[4]. В более позднем голландском переводе цитировавшегося выше труда он назвал «Книгу Дзено» бесспорной фальсификацией[5].

Критические исследования, проведенные сотрудником Кёльнской библиотеки Эркесом, который умер в 1933 г., не успев опубликовать систематизированные результаты своей работы, веско подтверждают апокрифический характер «Книги Дзено». Видимо, младший Дзено, который, вероятно, был зажиточным человеком, скупил всевозможные редкие издания скандинавских авторов, неизвестные тогда в Италии. При помощи скандинавских работ он сфабриковал свою, несомненно, весьма искусную литературную фальсификацию и дал карту, которая на первый взгляд кажется поразительно точной. Однако в настоящее время можно доказать, что *все* без исключения сведения Дзено, вызывающие наше крайнее удивление, были где-нибудь опубликованы еще до 1558 г., и поэтому он мог их просто собрать. Следующие факты недвусмысленно доказывают, что «Книга Дзено» представляет собой фальсификацию столь же изощренную, сколь и бессовестную:

1. Целые отрывки из «Книги Дзено», якобы написанной около 1405 г., а затем с 1406 по 1558 г. никому не попадавшейся на глаза, почти дословно заимствованы из сочинения Петра Мартира «*De nuper repertis insulis*» [«О недавно открытых островах»], опубликованного только в 1521 г. Другие места, а также иллюстрации, как уже подчеркивал Льюкас[6], заимствованы из большого труда Олая Магнуса о северных народах, опубликованного незадолго до «Книги Дзено». Описание чудесного доминиканского монастыря, якобы

[1] S. Ruge, Die Entwicklung der Kartographie von Amerika bis 1570, «Petermanns Mitteilungen», Ergänzungsheft 106, Gotha, 1892, S. 2.

[2] Статья Беста. См. R. Hakluyt, Voyages, navigations and discoveries, London, 1600, v. III, p. 62. Однако Фробишер, по авторитетному мнению Ханса Эгеде, рассказывал всякие сказки о своем плавании в Гренландию в 1577 г. См. R. Hakluyt, op. cit, p. 53. [Мартин Фробишер (1535—1594) был первым английским мореплавателем, возобновившим начатые в 1497 г. Каботом поиски Северо-западного прохода из Атлантического в Тихий океан. Фробишер открыл в 1567 г. юго-восточную часть Баффиновой Земли.—*Ред.*]

[3] R. Hennig, Von rätselhaften Ländern, München, 1925, S. 285 (и след.).

[4] «Petermanns Mitteilungen», 1928, S. 286.

[5] R. Hennig, R. Blijstra, Raadselachtige Landen, Amsterdam, 1932, S. 243 (и след.).

[6] F. W. Lucas, op. cit., p. 74 (и след.).

увиденного Николо Дзено в Гренландии, где кельи и церковь обогревались теплой водой, тоже плагиат. В «Описаниях Норвегии и Исландии» говорится именно о таком монастыре на севере Норвегии, как это установил Сторм, указавший на подозрительность такого совпадения[1].

2. Слово «Фрисланда» — результат искажения названия Исландия — появляется только с 1500 г. Иногда так называли и Фарерские острова. Еще Идриси около 1150 г. упоминал об острове Ресланда, находящемся к северу от Шотландии[2], который, видимо, можно отождествить с Исландией. Исландия выступает под следующими названиями: у фра Мауро в 1457/58 г. — Иксиланда; вскоре после этого в Каталонском атласе — Фрикланда; на портулане 1508 г.— Фисланда; на морской карте того же времени, описанной Шмеллером[3], и в 1553 г. у Пиннеса — Фикланда; на карте Сигурда Стефанссона в 1570 г.— Фрисланд; на глобусе Апиана в 1576 г.—Фрислант[4] и т. д. Так и некий итальянский копировщик создал свое название Фрисланда, которое заимствовал младший Дзено, чтобы облечь его затем различными вымыслами. Впервые это искаженное название появляется на карте Ла-Косы в 1500 г.[5] Оставим здесь в стороне вопрос о том, какую роль в этом словообразовании играло название Фареры.

3. Еще более несуразные названия изобрел младший Дзено из-за ошибочного чтения более старых карт, особенно карт Олая Магнуса от 1539 и 1548 гг. Вот что писал автору по этому поводу Эркес 16 июля 1927 г.: «Скандинавские числа, написанные буквами, были приняты за имена собственные. Прилагательное, например, в словосочетании «хорошая гавань» превратилось в самостоятельное существительное. Льдины на карте Магнуса от 1539 г. стали островами, показанная условными знаками китовая *амбра* — утесами. «*R'vk*» означает Рейкьявик, но на карте Олая Магнуса от 1539 г. вместо «*v*» по ошибке стоит «*o*» (*R'ok*). Из этого Дзено сделал название «*Rok*». Слово «*Flogascer*» встречается на карте Магнуса 1539 г. также в форме «*Foglasker*» (по-исландски *Fuglasker*). О птичьих яйцах говорится в легенде на карте Олая Магнуса от 1555 г. Каяки описаны еще в 1515 г.; Циглер упоминает о них в 1536 г., а Магнус —в 1539 и 1555 гг... «Эстотиланда» встречается в легенде, но не как название страны на двух картах, составленных до Дзено, а в виде

---

[1] G. Storm, Nye Efterretninger om det gamle Grønland, «Historisk Tidsskrift», Christiania, 1892, ser. 3, B. II, S. 406; Om Zeniernes Reiser, «Norske geografisk selskabs årbog», Christiania, 1891.

[2] Edrisi, ed. Jaubert, Paris, 1840, t. II, p. 426.

[3] «Abhandlungen der I Klasse der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», B. IV, Abt. I, S. 257. Оригинал карты хранится в Мюнхенской государственной библиотеке. См. «Cod. incongr.», No. 135. [Фра Мауро — итальянский картограф XV в. О нем см. т. IV, гл. 162, где дана и его «Карта мира» 1457 г.—*Ред.*]

[4] Ibidem, S. 263.

[5] Хуан де Ла-Коса — испанский мореплаватель, участник второй экспедиции Колумба (1493—1494 гг.), затем — экспедиции Охеды (1499 г.) и Р. Бастидаса (1501 г.). В ходе этих экспедиций были открыты побережья Гвианы и Венесуэлы, а также карибский берег Колумбии. Карта Ла-Косы составлена между 1499 и 1501 гг.—*Прим. ред.*

esto Tiland (то есть это остров Тиле, или Туле). Дзено превратил эти слова в название страны.

4. Названия «Дроджо» и «Икария» вообще не поддаются отождествлению, и они наверняка плод фантазии Дзено. Это следует из утверждения Дзено, рассчитанного на чрезмерное легковерие, будто короли Икарии носили титул икари и вели свой род от первого короля Икара, который был сыном «шотландского короля» Дедала[1]! Дальше Дзено утверждает, что монастырь, обнаруженный его предком в Гренландии[2], носил название Дзенобиум (!). Это, очевидно, придумано для прославления имени самого автора.

5. Самую грубую ошибку на карте Дзено — изображение Гренландии в виде громадного полуострова на севере Европейского континента,— пожалуй, нельзя отнести на счет этого автора. Ведь в течение долгого времени такое представление было широко распространено в Европе, о чем еще будет говориться в другом месте (см. т. IV, гл. 188).

Согласно исследованиям Вейнхольда, представление о связи Гренландии с Европой впервые возникло у исландского епископа Николая из Тингейри (около 1158 г.) приблизительно в одно время с предположением, что Белое море с населяющими его чудищами, видимо, было заколдовано[3].

После появления «Книги Дзено» в 1558 г. эти ошибки могли уже осознать, так как благодаря исследовательской деятельности Герберштейна примерно с 1549 г. уже стало известно, что подобные географические представления неверны. Показательно, что на картах Рушелли (1561 г.) и Молетия (1562 г.), хоть и очень близких к карте Дзено, незадолго до них опубликованной, Гренландия уже не показана в виде полуострова, а отделена морем от Северной Европы[4]. Однако, несмотря на это, первоначальное ошибочное представление продержалось еще долго.

6. Особенно забавны ошибки автора «Книги Дзено», допущенные при размещении на Гренландии чересчур многочисленных названий различных объектов. Названия эти, несомненно, заимствованы главным образом из карты Клавдия Клавуса, составленной между 1424 и 1427 гг. По поводу этой карты датчанина Клавдия Клавуса (Клавдия Клауссена Сварта) еще не сказано последнее слово. Она составлена в Италии, вероятно, по инициативе датского

---

[1] В греческой мифологии упоминается художник Дедал, построивший лабиринт для критского царя Миноса. Желая покинуть вопреки царской воле Крит, он изготовил для себя и своего сына Икара восковые крылья и перелетел в Сицилию, но Икар по пути погиб. Подробно этот мифический сюжет изложен Овидием в «Метаморфозах». В античном мифе нет никаких намеков на Шотландию.— *Прим. ред.*

[2] В эпоху расцвета гренландских колоний на этом острове находились августинский монастырь и женский монастырь Ордена бенедиктинцев. См. «Zweite Deutsche Nordpolarfahrt», Leipzig, 1874, S. 217 (статья Маурера). Однако доминиканского монастыря, о котором пишет Дзено, там никогда не было.

[3] K. Weinhold, Die Polargegenden Europas nach den Vorstellungen des deutschen Mittelalters, «Abhandlungen der Kaiserich-Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien philologisch-historische Klasse», 1871, S. 806.

[4] A. E. Nordenskjöld, op. cit., S. 24 (примечание).

короля Эйрика Померанского (1412—1439)[1] и по распоряжению кардинала Филластре. Сама по себе эта карта была весьма ценной, что не опровергается ни одним исследователем. В 1423—1424 гг. Клавдий Клавус находился в Риме, ибо только в Италии он мог в то время изучить карты Птолемея, превосходно дополненные им по Крайнему северу. Карты Клавуса стали источником для составителей ряда других интересных карт: города Нанси, замка Вольфегг, варшавских карт из библиотеки Замойского майората, карт Николая Германца, Иреника (Фридлиба), Шёнера и Дзено[2]. Все эти карты, восходящие к Клавдию Клавусу, отличаются поразительно «правильными очертаниями Гренландии»[3].

Однако нельзя не признать, что Клавдий Клавус стремился дать больше, чем это было ему по силам. Он уверяет, что сам жил в Гренландии, и даже пишет: «Полуостров Гренландия связан на севере с землей, недоступной и неизвестной из-за льда. Но язычники карелы, как я сам видел [!], ежедневно в большом количестве [*cum copioso exercitu*] приходят в Гренландию и, несомненно, как раз с другой стороны Северного полюса»[4].

Хотя этому утверждению поверил даже Бьёрнбо[5], оно никак *не может* соответствовать действительности. Даже если сделать уступку Клавусу, считая, что он мог ошибочно принять эскимосов за живущих в Финляндии карелов, все же его сообщение представляется сомнительным во многих отношениях. А для того времени, когда даже новые гренландские епископы не могли найти попутного судна, чтобы попасть в свою епархию (см. гл. 157), оно кажется прямо-таки невероятным. Особенно неправдоподобно утверждение Клавуса, что он на пустынном восточном побережье продвинулся к северу до 70°10′ с. ш. и увидел там, что земля простирается еще до 72° с. ш.

---

[1] F r a n c i s c u s I r e n i c u s, Totius Germaniae descriptio pulcherrima, Frankfurt, 1570. В гл. 21 своего труда «Прекраснейшее описание Германии» Франциск Иреник пишет по этому поводу: «*id autem, quicquid est, Claudio Nigro debetur, qui, precibus regis Danorum impulsus, totius Daniae descriptionem sibi desumpsit*» [«все, что здесь имеется, восходит к Клавдию Нигеру, который, уступая просьбам датского короля, взял на себя описание всей Дании»].

[2] A. A. B j ø r n b o, C. S. P e t e r s e n, Fyenboen Claudius Claussøn Swart, «Kgl. Danske Vidensk. Selskabs Skrifter, 6 R., hist.-fil. Afd.», Köbenhavn, 1904, B. VI, S. 2. Критику этой работы Фишером см. «Göttingische Gelehrte Anzeigen», 1910, B. 172, S. 661 (и след.); G. S t o r m, Den danske Geograf Claudius Clavus eller Nicolaus Niger, «Ymer», Stockholm, 1889—1891; F. R. W i e s e r, A. E. von Nordenskjölds Facsimile-Atlas, «Pettermanns Mitteilungen», 1890, S. 270. О нансийской карте кардинала Филластре от 1427 г., восходящей к Клавдию Клавусу, писали Бло и Томасси. См. «Mémoires de la société royale des sciences de Nancy», 1836; R. T o m a s s y m, De Guilleaume Fillastre, considéré comme géographe, «Bulletin de la Société de géographie», Paris, 1842, 2 sér., t. XVII, p. 144 (и след.). См. также «Historical Records and Studies», New York, 1911, v. VI, p. 73 (и след.); J. F i s c h e r, op. cit., p. 60 (и след.).

[3] Статья Фишера. См. «Göttingische Gelehrte Anzeiger», S. 663.

[4] B j ø r n b o, P e t e r s e n, op. cit., Köbenhavn, 1904, S. 179.

[5] A. A. B j ö r n b o, Der Däne Claudius Clausson Swart, der älteste Kartograph des Nordens, Innsbruck, 1909, S. 172 (и след.) (переведено на немецкий Лессером).

Вероятно, это утверждение побудило датчанина Крарупа выдвинуть странную гипотезу в подтверждение достоверности плавания Дзено. Краруп полагает, что это плавание вообще происходило в северо-западном районе Атлантики, что Дзено посетил не Гренландию, а Северную Россию, причем Эстотиланду он отождествляет с Биармией и т. д.[1]. Эта нелепая гипотеза не имела успеха и осталась единственной из догадок, которую никто всерьез не принял. Путешествие Дзено ни в коем случае нельзя толковать иначе, как плавание в Гренландию и т. д.

Но осуществить такое плавание, хотя оно и признается возможным Фишером, который относит его ко времени между 1425 и 1460 гг.[2], было почти немыслимо для датчанина XV в., когда гренландское судоходство считалось королевской монополией. К тому же и такое сообщение с Гренландией было прервано более чем на 100 лет (см. гл. 157). Следует упомянуть и о другом крайне подозрительном обстоятельстве, превращающем в остальном доброкачественную карту Клавуса по меньшей мере в несколько причудливое произведение.

Клавус действительно использовал искаженные датские имена числительные для обозначения гренландских рек, на что впервые обратил внимание Дальгрен. Но это еще на худой конец можно понять. Однако он позволил себе довольно сомнительную шутку, нанеся на карту в виде мнимых названий различных местностей Гренландии слова народной песни о «Короле-музыканте[3]», сочиненной на диалекте острова Фюн. (Здесь Клавус родился 14 сентября 1388 г.) Цель этой мистификации выяснить теперь нельзя. Видимо, Клавусу хотелось создать впечатление, что он располагает более точными сведениями о Гренландии, чем те, которые у него были. Однако нельзя не признать довольно своеобразным поступком использование в качестве географических названий гренландских местностей тех слов из первого стиха упомянутой народной песни, которые выделены курсивом:

Thaer boer eeynh manh ij eyn Groenen — landz aa
ooc spieldebedh *mundhe hanyd* heyde,
meer hawer *han aff nide* fillh
een *hanh hawer* flesk *hynth fey* dee
Nordh um *driwer sandhin naa new.*
[Живет человек в гренландском аду,
И зовут его Спьеллебод;
Больше у него вшивой шкуры, чем жирного сала,
С севера опять несется песок.]

Клавдия Клавуса, несомненно, нельзя лишить почетного звания «старейшего географа Севера». Однако сюда нужно внести поправку с учетом того, что было сказано на стр. 311 и 374, 375 об авторе «Королевского Зерцала». Несмотря на некоторые причуды Клавуса, его карта дает поразительно правиль-

[1] F. Krarup, Zeniernes Reise til Norden, et Tolksings-Forsök, Köbenhavn, 1878.
[2] J. Fischer, op. cit., S. 677 (и след.).
[3] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 203.

ное для XV в. изображение северных местностей. Но упрек в «мистификации», выдвинутый против него Нансеном[1], все же вряд ли можно снять. Названия гренландских местностей, несомненно, шутка весьма подозрительная.

И вот все эти мнимые названия наносятся также на карту Дзено. Этого факта, пожалуй, вполне достаточно, чтобы навсегда покончить со всем «делом о Дзено и Фрисланде». «Книга Дзено», появившаяся в 1558 г., была и остается не чем иным, как «грандиозной фальшивкой»[2].

Последствия путаницы, внесенной «Книгой Дзено» и его картой в географические представления людей XVI в., сказывались еще очень долго. Атлантический океан, каким его изобразил Абрахам Ортелий в 1587 г., не только изобиловал фантастическими островами всякого рода, но в его северной части картограф добросовестно разместил и все земли Дзено. Фрисланда появляется здесь как отдельный остров, находящийся к югу от Исландии, и, кроме того, изображены Дроджо, Эстотиланда и др. На Антверпенской карте 1585 г. тоже показан «Фрисланд» в виде крупного острова к югу от Исландии вместе с другим придуманным Дзено островом Икарией[3]. Даже в 1647 г. Ла-Пейрер[4] изображает Фрисланд как отдельный остров, находящийся к юго-востоку от Гренландии.

Здесь перед нами прямо-таки классический пример легкомыслия, проявлявшегося при изготовлении карт несколько столетий назад. Достаточно было услышать или придумать какое-нибудь название, чтобы тотчас на морских картах появилась новая земля, новый остров и т. д. Именно эта странная установка старых картографов способствовала тому, что Атлантический океан был некогда заполнен необычайным количеством фантастических островов. Фрисланда — иллюзия, созданная Дзено,— в настоящее время полностью разоблачена. Совершенно неприемлемо предположение Хоффа,[5] якобы Дзено хотел только дать «искаженное отражение мифа об Атлантиде». Здесь мы имеем дело не с вымыслом, а с сознательным обманом.

Недавно, впрочем, американский географ Хоббс в статье о братьях Николо и Антонио Дзено и о карте, опубликованной в 1558 г. одним из их потомков, снова отстаивал подлинность атлантического плавания, состоявшегося около 1400 г., и показал даже на картосхеме его предполагаемый маршрут[6]. Хоббс, прочитавший уже однажды 28 января 1939 г. в Гамбургском университете довольно странную лекцию об Атлантиде, очевидно, не обратил внимания на доказательства, приведенные в труде автора этих строк. Между тем его доказательства вряд ли оставляют сомнение в том, что все плавание Дзено *должно* быть признано апокрифическим.

---

[1] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 202.

[2] Статья Бриннера. См. «Hansische Geschichtsblätter», 1912, S. 326.

[3] «Theatri orbis Terrarum Enchiridion per Philippum Gallaeum et per Hugonem Favolium», Antwerpen, 1585.

[4] I. de la Peyrère, Relation du Groenland, Paris, 1647.

[5] K. A. Hoff, Geschichte der durch Überlieferung nachgewiesenen natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche, Gotha, 1821, B. I, S. 178 (и след.).

[6] W. H. Hobbs, Zeno and the cartography of Greenland, «Imago mundi», 1940, p. 15 (и след.).

Статью Хоббса нельзя даже оправдать добросовестным заблуждением, так как автор допускает дальнейшие совершенно произвольные догадки. Так, он утверждает, например, без малейшей попытки привести соответствующие доказательства, что Николо Дзено, видимо, начал свое плавание на Шпицбергене[1]. Это-де произошло через 200 лет после того, как первые норвежцы нашли названный архипелаг (см. т. II, гл. 117), и за 200 лет до повторного открытия голландским мореплавателем Барецем всей совокупности земель Крайнего севера, оставшихся дотоле неизвестными остальной Европе (1597 г.). И при этих обстоятельствах итальянец, по мнению Хоббса, добрался до арктического острова! На каком корабле и с какой целью он предпринял такое невероятное для средневековья плавание? Хоббс поясняет далее, опять без каких бы то ни было доказательств, что Дзено, вероятно, от Шпицбергена первоначально держал курс на север-северо-запад (!), а затем шел вдоль ледовой границы преимущественно на юго-запад к бухте Гел-Хамке в Восточной Гренландии. Здесь он увидел якобы эскимосское поселение, католический монастырь, действующий вулкан и горячие источники, которыми отапливались дома и церковь. Потом из Восточной Гренландии Дзено будто бы направился в Исландию, которую он, по мнению Хоббса, назвал Фрисландой. Позднее в Исландию прибыл его брат Антонио Дзено, и оттуда началось дальнейшее плавание, которое привело его далеко на север в Девисов пролив и, кроме того, в Новую Шотландию (Северная Америка). Оттуда Дзено повернул назад.

По мнению автора этих строк, нет никакого смысла останавливаться подробнее на этих гипотезах и подвергать их критическому разбору. Пока имеются прямые основания сомневаться в том, что плавание Дзено действительно состоялось, бессмысленно останавливаться на его деталях. Достоверность всей книги, несомненно, так сильно подорвана, а вероятность фальсификации с использованием различных источников так велика, что все географические толкования повисают в воздухе. Кроме того, утверждение Хоббса, якобы плавание началось именно на Шпицбергене, до такой степени произвольно и невероятно, что и все последующие попытки локализовать пункты, названные Дзено, должны быть признаны фантастическими. Кроме того, именно Восточная Гренландия, где Дзено якобы увидел поселения, дома, церкви, вулканы, горячие источники и т. д., еще и теперь весьма слабо заселена. А у норманнов эта часть Гренландии считалась областью «пустынь». Поэтому около 1400 г. обнаружить там следы культуры было невозможно. Толкования фактов, которые предлагает Хоббс, также представляют собой «грандиозную фальшивку». До наших дней все еще остаются в силе слова Хорна, который 300 лет назад открыто заявил: «Ни на океане, ни на суше нет и подобия земель, соответствующих сообщению Дзено»[2].

«Книга Дзено», очевидно, сочинена для того, чтобы отнять славу открытия Америки у Колумба и присвоить ее венецианцам, которым якобы удалось

---

[1] W. H. Hobbs, Zeno and the cartography of Greenland, «Imago mundi», 1940, p. 17.

[2] G. Horn, De originibus Americanis, Haag, 1652, p. 156.

это совершить во время плавания Дзено. Младший Николо Дзено тщательно подобрал все факты, накопленные к 1558 г. о Крайнем севере, и опубликовал свою компиляцию. Сведения для своей неплохой карты Гренландии, которой пользовался в 1577 г. Фробишер, признавший ее правильной, он заимствовал главным образом из хорошей карты датчанина Клавдия Клавуса. Эта карта была, несомненно, ценной, хотя ее достоинства долгое время преувеличивались. Бьёрнбо и Петерсен отдавали должное Клавдию Клавусу, подчеркивая, что он расширил карту мира Птолемея на 7° к северу[1]. Однако плавание еще молодого датского картографа в Гренландию (если оно действительно было совершено), его длительное там пребывание и возвращение на родину вряд ли могли бы пройти тогда незамеченными. Вызывает недоумение и странная, преследовавшая непонятные цели затея Клавдия Клавуса заимствовать из народной песни своего родного острова Фюн около 20 слов и выдать их за мнимые названия рек и местностей, которые он нанес на свою карту. Видимо, он хотел этим доказать свое основательное знание Гренландии. Так как датские слова вряд ли могли быть известны в других странах, то ему, вероятно, не приходилось опасаться раскрытия мистификации. Даже в наши дни этого обмана не заметил североамериканский исследователь Хоббс. Бьёрнбо и Петерсен уже в начале нашего столетия обратили внимание на этот подозрительный факт[2], а кёльнский ученый Эркес, заметил, между прочим, что такую же мистификацию можно полностью поставить в вину «Книге Дзено». Другие разделы этой книги, как уже отмечалось, были заимствованы почти дословно из сочинения Петра Мартира «*De nuper repertis insulis*» [«О недавно открытых островах»], появившегося в 1521 г., и из обширного труда Олая Магнуса «*Historia de gentibus septentrionalibus*» [«История северных племен»], который вышел в Риме в 1555 г., и из ряда других литературных источников. Исследуя содержание книги, можно для каждого ее раздела найти использованные автором источники. Все сочинение Дзено прямо-таки насыщено подлогами, нелепостями, плагиатом и т. д. Поэтому «Книгу Дзено», вместе с картой, можно назвать заведомым обманом и ложью.

---

[1] A. A. B j ö r n b o, C. S. P e t e r s e n, Der Däne Claudius Clausson Swart (Claudius Clavus), Innsbruck, 1909 (перевод Лессера).

[2] A. A. B j ø r n b o, C. S. P e t e r s e n, Fyenboen Claudius Clausson Swart, «Kgl. Danske Vid. Selsk. Skr., 6. R., hist.-filos. Afd.» Köbenhavn, 1904. B. VI, S. 2.

ГЛАВА 154

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАНСА ШИЛЬТБЕРГЕРА ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ВОСТОКУ В КАЧЕСТВЕ РАБА

(1394—1427 гг.)

В то самое время, когда король венгерский Зигмунд [Сигизмунд] готовился к походу против язычников, я, Ганс Шильтбергер, покинул родину, а именно баварский город Мюнхен, вместе с моим господином Линхартом Рейхартингером. Это было в 1394 г. Возвратился же я из язычества в 1427 г. по Р. Х. ...Описание мое далеко не совершенное, потому что, будучи в неволе, я не мог делать всего того, что желал... [Следует описание похода короля Сигизмунда, а также битвы у Никополя.] Мой господин Линхарт Рейхартингер, Вернер Пинценауэр, Ульрих Кюхлер и Кламмен-штейнер, командиры отрядов, пали в сражении с многими другими рыцарями и воинами... Еще многие другие знатные особы — рыцари и воины — были взяты в плен. То же самое случилось со мной... Тот, кто пленил меня, привел и меня вместе с другими, связанными веревкою, к королю [султану Баязиду]... Затем король приказал, чтобы каждый умертвил своих пленных, и вместо тех, которые не хотели с этим согласиться, назначил других для приведения его приговора в исполнение. Взяли тогда и моих товарищей и отсекли им головы. Когда же дошла очередь до меня, сын короля, заметив меня, приказал, чтобы меня не лишали жизни. Меня тогда повели к другим юношам, ибо не убивали тех, которые не имели еще 20 лет от роду, а мне не исполнилось и 16 лет.

Уже кровопролития эти продолжались с утра до вечера... Считали, что в этот день было убито до 10 тысяч человек. Пленников своих Баязид отправил в Грецию, в главный город Адрианополь, где мы находились 15 дней. Затем повели нас к приморскому городу Галлиполи, где турки переправляются через море. Там мы, числом 300 человек, лежали в башне два месяца... Одного же из этих господ, венгерца, именуемого Кодор, он послал в подарок [египетскому] королю-султану вместе с 60 мальчиками.

В числе их должен был находиться и я, но из опасения, чтобы я не скончался по пути от ран, коих у меня было три, меня оставили при короле... Меня тогда приняли ко двору турецкого короля, и я должен был бежать перед ним в его походах вместе с другими, по тамошнему обычаю. За эти шесть лет я до того дослужился, что мне позволили ездить верхом в свите короля, у которого я, таким

образом, провел 12 лет[1]... [После длинного отступления с описанием прочих военных походов султана Баязида и неудавшейся попытки бегства пленных христиан рассказывается о битве у Ангоры и о тяжелом поражении, которое нанесли туркам монголы, пленившие султана Баязида[2].]

...Так я попал в плен к Темурлину [Тамерлану], которого проводил в его страну, где и состоял при нем... [Следует подробное описание походов Тимура в Сирию, Вавилонию, Индию, совершенных до битвы при Ангоре, так что Шильтбергер сообщает о них с чужих слов, а затем рассказ о намечавшемся походе в Китай, в начале которого Тимур умер в Отраре [17 февраля 1405 г.], и о последовавшей борьбе за престол между сыновьями Тимура.]

...По смерти Темурлина я попал к его сыну Шах-Роху, которому принадлежало королевство Хорасан со столицей Герат...

Я был переведен к сыну шаха Абубекру, при котором оставался четыре года...

При Абубекре находился королевский сын из Великой Татарии. Этому принцу было предложено возвратиться на родину для вступления на престол. С согласия Абубекра он отправился туда в сопровождении 600 всадников, в числе коих находился и я с четырьмя товарищами... Оттуда он перешел в Великую Татарию к вельможе, по имени Эдиги [Эдигей], который послал ему предложение возвратиться для вступления на престол. Эдиги готовился тогда к походу в страну, именуемую Виссибур [Сибирь]...

Вышеупомянутый королевский сын, по имени Чекра, провожал Эдиги в Сибирь. Они шли два месяца до прибытия в эту страну, где есть горы, простирающиеся на 32 дня ходьбы... [Следует подробное описание населения Урала и его обычаев.]

В этой стране сеют только просо, а хлеба вовсе не едят. Все это я видел своими глазами, когда находился при вышеупомянутом королевском сыне Чекре... [Следует описание междоусобных войн в государстве Кипчак; Чекре становится королем на восемь месяцев, но вскоре погибает в борьбе с соперником.]

После упомянутого мною выше поражения Чекры я попал к господину, по имени Маншук, который был советником при Чекре. Изгнанный, он пробрался в город Каффу [Феодосия, в Крыму]. Это весьма многолюдный город, где живут христиане и последователи шести различных вероисповеданий. После пятимесячного пребывания в этом городе он переправился через рукав Черного моря и прибыл в Страну черкесов, но оставался

---

[1] Хронология Шильтбергера, установленная по памяти лишь спустя несколько десятилетий, здесь, как и во многих других местах, недостоверна. Султан Баязид пережил битву у Никополя только на $6^1/_2$ лет и скончался вскоре после своего пленения монголами у Ангоры (8 марта 1403 г.).

[2] Битва у Ангоры (современная Анкара, столица Турции) произошла в 1402 г.— *Прим. ред.*

там только шесть месяцев... Маншук перешел тогда вместе в нами в страну Абаса, а затем в другую страну — Мингрелию. И там пятеро из нас, христиан, сговорились во что бы то ни стало возвратиться из земли язычников каждому на свою родину, так как мы отделены были от Черного моря только трехдневным расстоянием. Когда настал удобный случай для осуществления нашего плана, мы все пятеро расстались с названным господином и прибыли в столицу сего края, по прозванию Батум, лежащую на Черном море. Тщетно просили мы там, чтобы нас перевезли оттуда на другую сторону [моря], и потому вышли из города и следовали вдоль морского берега, пока не достигли гористого края, где на четвертый день верховой езды с одной горы заметили судно [*Kogge*], стоявшее на якоре в восьми итальянских милях от берега. Мы остались до ночи на этой горе и развели там огонь. Это побудило капитана судна отправить людей на лодке, чтобы разведать, что за люди находились на горе возле огня. При их приближении мы пошли им навстречу и на их вопрос, кто мы такие, ответили, что были христианами, взятыми в плен в сражении под Никополем, проигранном венгерским королем, что мы с Божьей помощью добрались до сего места и хотим пробраться далее через море, в надежде, что Бог поможет нам возвратиться домой к христианам. Они сначала не верили нашим словам и захотели услышать от нас «Отче наш» и «Верую»...

[Следует описание переговоров с капитаном судна, которое берет с собой пять человек, а также отважного и опасного трехмесячного плавания. Прибыв в Константинополь, они покидают судно, Описание аудиенции у византийского императора, который спустя три месяца приказывает отправить их на корабле в Валахию.]

Уже по истечении трех месяцев император отправил нас на галере в замок, именуемый Гили [Килия], близ устья Дуная. Там я расстался с товарищами и присоединился к купцам, с которыми прибыл в город, именовавшийся по-немецки Вейсштадт (Белгород) и лежавший в Валахии, затем — в город, по имени Аспазери и оттуда в Седшопф [Сучава] — главный город Малой Валахии, а потом в другой город, называемый по-немецки Лемберг [Львов]. Это главный город в Малой России. Там я лежал больной три месяца и затем прибыл в Краков, главный город в Польше, а оттуда в Мейсен в Саксонии и в Бреслау [Вроцлав][1]— главный город Силезии. Наконец, через Эгер, Регенсбург и Ландсхут прибыл в Фрейзинг, где я был уже у себя дома. Так я с Божьей помощью возвратился домой, в общество христиан, за что благодарю Бога и всех, кто мне помог. Проведя 32 года среди язычников, я уже не смел надеяться,что

---

[1] И здесь Шильтбергера обманула память, так как в Бреслау [Вроцлав] он должен был, разумеется, попасть раньше, чем в Мейсен.

мне удастся когда-либо возвратиться к христианам. Но Бог внял, сколь искренно было мое желание возвратиться, дабы иметь счастье молиться Ему с христианами, пекся обо мне, чтобы тело и душа моя не пропали[1].

Ганс Шильтбергер — баварец, родившийся около 1380 г. близ Фрейзинга и происходивший из рыцарского рода Шильтбергеров (замок Шильтберг у Айхаха), провел 32 года в скитаниях и пережил много различных приключений. Попав в плен, он был превращен в раба. Шильтбергер побывал в отдаленных областях Турции и Азии и рассказал о всех своих переживаниях в книге, которая в XV в. была очень популярна и пользовалась огромным спросом. Хотя Шильтбергер не попал ни в одну из совсем неизвестных стран, все же его жизнь и его книгу нельзя обойти молчанием в этом исследовании. Ведь в конце средневековья Шильтбергер сильно способствовал оживлению интереса к чужим землям и подарил нам книгу о путешествиях, сыгравшую очень важную роль в истории культуры.

Накануне «века открытий» европейцев непреодолимо влекли к себе описания диковинных, мало или совсем неизвестных чужих стран; особенно сильны были чары таинственного Востока, дававшего богатую пищу воображению. Около 1300 г. благодаря Марко Поло европейцы начали понимать, какие интересные земли и царства можно найти по ту сторону Святой земли. Вымыслы сэра Джона Мандевиля били в ту же точку и, несмотря на всю их лживость, значительно способствовали пробуждению интереса европейцев к географии. Но вот пришел человек, которому удалось уцелеть, когда погибали тысячи людей, и как очевидец рассказал о событиях в государстве грозного Тамерлана (Тимур-ленга) и о чудесах его столицы Самарканда, который Пешель называл «туранским Парижем» 1400 г.[2] Он поведал также о границах Индии, о Центральной Азии, Сибири и черноморских странах. Не удивительно, что в те времена, когда было еще так мало хороших книг о путешествиях, а люди жаждали географических знаний, бесхитростные рассказы Ганса Шильтбергера читались с восторгом! Да и сам автор вполне заслужил того, чтобы его необычайно разнообразные и весьма опасные приключения служили его современникам, в подавляющем большинстве еще прикованным к Европе, материалом для чтения, возбуждающего фантазию!

В 1394 г. 14-летним подростком отправился Шильтбергер на Восток в качестве оруженосца рыцаря Рейхартингера с немецким отрядом в составе войска, которое повел против турок король Венгрии, ставший позднее германским императором Сигизмундом (1411—1437) и королем Чехии. Шильтбергер участвовал в большом сражении у Никополя (28 сентября 1396 г.), в котором

---

[1] K. F. Neumann, Reisen des Johann Schiltberger aus München, in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427, München, 1859. [См. также «Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год», перевод с немецкого и примечания Ф. Бруна, Одесса, 1866.— *Ред.*]

[2] O. Peschel, Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde, Leipzig, 1878, B. II, S. 99.

крестоносцы Сигизмунда потерпели полное поражение, и с многими другими участниками похода попал в плен к туркам. Но в то время как большинство других пленных (10 тыс. человек) было обезглавлено турками на поле боя, юный возраст Шильтбергера привлек внимание сына победоносного султана Баязида I (1389—1402), и он был помилован. Молодой баварец стал рабом султана, которому он служил в качестве скорохода, а позднее — форейтора. Константинопольские христиане, с трудом сдерживавшие натиск турок, призвали на помощь нового Чингисхана — хромого Тимура (Тимур-ленг, 1369—1405). Незадолго до этого Тимур захватил Дели (18 декабря 1398 г.), Дамаск (24 марта 1401 г.) и Багдад (10 июля 1401 г.) и сровнял их с землей. Он двинулся в поход с 800-тысячным войском и разбил турок наголову при Ангоре (20 июля 1402 г.). Сам султан попал в плен, а с ним и его раб Ганс Шильтбергер. Попав в столицу Тимура Самарканд, Шильтбергер сопровождал своего господина в походах в Палестину, а затем стал рабом и всадником сына Тимура. Позднее баварец перешел в собственность племянника своего прежнего господина, который подарил его татарскому царевичу Чекре. Этого царевича он сопровождал в военном походе на Урал и в Сибирь (Виссибур)[1]. После насильственной смерти Чекры Шильтбергер стал рабом татарского «советника», но тот во время продолжительных междоусобных войн был вынужден покинуть страну и направился к Черному морю. Это обстоятельство спасло Шильтбергера, ибо после того, как он провел целый год со своим господином в Каффе, Абасе [Абхазии] и Мингрелии [Мегрелии], ему удалось бежать из последней страны с четырьмя другими рабами-христианами и попасть на христианское судно. Так Шильтбергер добрался до Константинополя, откуда потом, пройдя многие страны, он вернулся в свой родной Фрейзинг.

Скитания Шильтбергера длились 32 года. Такие приключения могли выпасть на долю тысяч людей, но большинство из них погибло, умерло в чужих землях. А те немногие, кому было суждено вернуться на родину, не могли или не хотели написать о своих приключениях, и воспоминания о них ушли в могилу. Но Шильтбергер, хотя и был прежде всего солдатом, любил писать, и воспоминания о наполненной приключениями жизни, которые он оставил потомству, стали подлинно народной книгой. От этой книги, не обремененной чрезмерной ученостью, веет свежим дыханием лично пережитых автором приключений. «Это первая книга немецкого путешественника, рассказывающая на немецком языке о тех странах, в которых тогда (как и в наши дни) вершились судьбы народов; об этих странах великая всемирная история пишет свои книги» (Нёйман).

И по содержанию и по форме книге Шильтбергера далеко до великого произведения Марко Поло. Хотя Шильтбергер пишет искренне и занимательно, все же его стиль местами неуклюж. В книге смещены даты исторических событий, и зачастую нельзя понять, где кончается рассказ о пережитых приключениях и начинается сообщение о том, что автор узнал с чужих слов.

[1] O Peschel, Abhanlungen zur Erd-und Völkerkunde, Leipzig, 878, B. II, S. 105 (и след.).

Нельзя даже достоверно определить, какие именно страны Шильтбергер посетил лично. Правда, в заключение он перечисляет еще раз те страны, по которым прошел, однако когда Шильтбергер пишет: «Я был также в королевстве Вавилонском...», «Я был также в Малой Индии...» [Индостан], «побывал два раза в Иерусалиме с одним солдатом, по имени Юсуф», нельзя понять, как и когда в ходе событий он туда попал. Ведь Шильтбергер не был свободным человеком и всегда должен был находиться при своих меняющихся господах. Несомненно, он мог попасть очень далеко в течение 25-летнего пребывания в Азии, следуя за своими хозяевами. Однако описывая свои приключения, Шильтбергер ни разу не сообщает о том, что его господа ездили в Месопотамию, Индию, Палестину и т. д. Поэтому многое все же остается неясным в его богатой приключениями жизни. Несомненно, более или менее долго он прожил в Константинополе, Малой Азии, Армении, Самарканде, в государстве кипчаков, на Урале, в Сибири, в Крыму и в Мегрелии.

Когда Шильтбергер, наконец, вернулся в Баварию, ему уже было около 47 лет. О дальнейшей судьбе этого баварца до нас дошли очень скудные сведения. Шильтбергер как будто стал камергером баварского герцога Альбрехта III Благочестивого (1438—1460), о чем сообщает, правда, только запись Авентина[1]. Возможно также, что, подобно другим представителям своего рода, он занимал должность маршала при дворе Виттельсбахов[2]. Однако достоверных свидетельств об этом не сохранилось. Так же мало знаем мы и о продолжительности его жизни. Шильтбергер как будто достиг довольно преклонного возраста и умер в Фобурге[3]. Имя этого странника сохранилось только благодаря его книге и приобрело широкую известность особенно в XV в.

Когда-то столь популярная книга Шильтбергера и в наши дни считается ценным документом по истории культуры своего времени (около 1400 г.), причем ей уделяется большое внимание не только в Германии, но и в других странах[4]. Без этого литературного памятника мы, разумеется, ничего не узнали бы о приключениях Шильтбергера. Каким бы необычайным ни казался жизненный путь Шильтбергера, он ничем не отличался от судьбы десятков его современников. Странствия по чужим землям, длившиеся целыми десятилетиями, иногда добровольные, иногда вынужденные, те странствия, которыми восхищают нас Шильтбергер, Ибн-Баттута и Конти, не были исключительным явлением в XIV и XV вв. Бесчисленные искатели приключений и купцы погибали во время своих скитаний, но некоторым удавалось спастись. Одним из самых замечательных представителей этих бродячих рыцарей-авантюристов

---

[1] K. F. Neumann, Reisen des Johann Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427, München, 1859, S. 43.

[2] Виттельсбахи — немецкая герцогская, а с 1816 г. королевская династия, правившая Баварией с 1180 по 1918 г.— *Прим. ред.*

[3] V. Langmantel, Hans Schiltbergers Reisebuch, Tübingen, 1885, S. 163. В этой работе на стр. 148 дается также подробный перечень всех списков с рукописи Шильтбергера и ее печатных изданий.

[4] «The bondage and travels of Johann Schiltberger», «Publications of the Hakluyt Society», London, 1878, v. 38.

был фламандец Гильберт де Ланнуа, который целых 50 лет скитался по чужим странам, хотя дальше Каспийского моря, видимо, на Востоке не заходил[1]. Шильтбергер тоже был таким бродячим искателем приключений. Но привлекательная книга о путешествии возвысила его до ранга «немецкого Марко Поло». С географической точки зрения книгу Шильтбергера во всех деталях исследовал Брун[2]. Гюнтер, несомненно, прав, когда, говоря о «чистосердечной автобиографии» Шильтбергера[3], утверждает, что она представляет «большую ценность для изучения характера грозного деспота Тамерлана, чем для разрешения географических проблем». Тем не менее Шильтбергер с его вынужденными приключениями сильно способствовал оживлению интереса к географии среди христианских народов, и в этом отношении из писателей позднего средневековья его можно сравнить только с Марко Поло и мнимым сэром Джоном Мандевилем.

---

[1] F. Richthofen, China, Berlin, 1877, B. I, S. 621 (примечание 3).
[2] Ph. Bruun, Geographische Anmerkungen zum Reisebuch von Schiltberger, «Sitzungsberichte der Königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse», 1869, B. II, S. 271.
[3] S. Günther, Das Zeitalter der Entdeckungen, Leipzig, 1901, S. 25.

ГЛАВА 155

ПОСОЛЬСТВО КЛАВИХО В САМАРКАНДЕ

(1403—1406 гг.)

...Посланцы [кастильского короля] оставались в городе Трапезунде с того дня, когда приехали, с пятницы 11 апреля [1404 г.] до субботы, 26-го числа того же месяца... И в воскресенье, 27 апреля, посланцы выехали оттуда и с ними охранный отряд, который приказал им дать император, чтобы проводить их по его земле. В этот день они ночевали у одной реки, которая называется Пексик, в одной пустой церкви, которая там была...

На другой день, в понедельник, они выехали оттуда, а охранный отряд, который им дал император, возвратился и сказал, что не смеет идти дальше, боясь врагов императора; посланцы же пошли своим путем...

На другой день, во вторник, они шли по тяжелой дороге через очень высокие горы, изрезанные реками и покрытые снегами, и на ночь остановились возле одного замка, который называется Сигана и стоит на вершине высокой скалы; к нему не было другого входа, кроме деревянного моста, переброшенного с одной скалы к воротам замка...

На другой день, в четверг, 1 мая, утром Кабасика спустился из своего замка и пришел туда, где находились посланцы; с ним было около 30 всадников с луками и стрелами. Властитель этой земли и все его спутники сошли с лошадей; он сел и пригласил посланцев сесть возле себя и сказал им, что он живет в этой земле, как они сами видят, изрезанной горами и пропастями, что этот проход нужно оберегать от турок, его соседей, с которыми он постоянно в войне, что ему с теми, которые у него живут, нечего есть, кроме того, что им дают проезжающие или что они отнимут на земле своих соседей; поэтому он просит, чтоб они оказали ему помощь вещами или деньгами. Посланцы отвечали, что они не купцы, а люди, направленные их государем, королем Кастилии, к царю Тимур-бегу, что у них нет ничего, кроме того, что они ему везут; а посланец Тимур-бега, который был с ними, сказал, что он хорошо знает, что эта земля принадлежит императору Трапезонскому, вассалу Тимур-бега, что то, что они везут, принадлежит Тимур-бегу и что они должны быть в безопасности на этой земле... Посланцы предложили кусок эскарлатины [красного сукна], который был у них, и серебряную чашу, а посланец

Тимур-бега дал кусок флорентийского сукна и одежду из тонкого полотна. Они не удовлетворились всем этим и потребовали, чтобы им дали еще... поэтому пришлось купить у проезжего купца кусок камлота и дать им. Этим они удовлетворились, и владелец замка объявил, что в безопасности доставит кастильских посланцев до земли Арсингской, сопровождая их, пока они не придут к Тимур-бегу.

На другой день, в четверг, 29 мая, около полудня приехали к большому городу, по имени Кальмарину [Эчмиадзин?], а оттуда лигах в шести видна была высокая гора, на которой появился Ноев ковчег во время потопа. Этот город стоял на ровном месте, с одной стороны протекала мимо него та большая река, что называется Корас [Кура], а с другой стороны была глубокая долина промежду скал такой ширины, на какую можно стрельнуть из самострела; эта долина опоясывала город вокруг и шла до самой реки. ...Этот город Кальмарин был первый, какой был построен в мире после потопа, и построило его племя Ноя... [Следует описание дальнейшего путешествия в Тебриз через Азербайджан, где путники увидели жирафу, египетский подарок Тимур-бегу.]

Еще были в этом городе красивые и богатые мечети, а также были бани, самые великолепные, думается, какие только могут быть на свете. Посланцы оставались в этом городе девять дней, и, когда они захотели уезжать, им привели царских лошадей, чтоб ехать им и людям их и чтоб можно им было повезти все свое добро, потому что, начиная с этого места, у царя были заготовлены лошади, чтобы те, которые приезжают к нему, могли ехать на них день и ночь, иные по суткам, а другие по полусуткам; ...и так были устроены дороги до самого Самарканда. От этого города до Вавилона [Багдада] было 10 дней пути; а он стоял справа от Балдака.

В пятницу, 20 июня, посланцы выехали из Тавриза около девятого часа и приехали к ночи в замок, который называется Зайдана...

[Описание путешествия через Персию. В Султании хороший прием посольству оказал старший сын Тимура, Миран Мирза. За Тегераном заболевают многие члены посольства, которых доставляют в Тегеран, где двое из них умирают. В Нишапуре умирает также Гомес де Саласар. Описание дальнейшего путешествия через Хорасан и Хиву.]

В следующий четверг, 21 августа, посланцы приехали к большой реке, которая называется Вьядме [Аму-Дарья]... В тот же день они переправились на другой ее берег, а вечером были уже в большом городе, который называется Термит... В этот город приехал также один царский гонец, который был направлен к посланцам; он сказал им, что царь приказал приветствовать их и прислал узнать, как они

едут и каково им было в дороге, хорошо ли с ними обходились и скоро ли они прибудут... в понедельник они обедали у подошвы одной высокой горы... Эта гора очень высока, и в том месте есть проход, которым можно пройти сквозь гору по трещине; и кажется, точно он проделан человеческими руками, потому что с обеих сторон поднимаются очень высокие горы, а проход ровный и очень глубокий...

Этот проход в горах называется Железными Воротами и во всей этой цепи гор нет другого прохода, кроме этого; он защищает Самаркандское царство, так как со стороны Индии нет другого прохода, кроме этого... Этими Железными Воротами владеет Тимур-бег, и они приносят ему большой доход, потому что через них проходят купцы, идущие из Индии в Самарканд. Тимур-бег, кроме того, владеет другими Железными Воротами, которые находятся возле Дербента, в конце провинции Татарии, и ведут к городу Каффе[1]... От одних Железных Ворот до других будет 1500 лиг, если не больше... Говорят, что прежде в этом проходе от одной горы до другой были ворота, все покрытые железом, и никто не смел пройти в них без позволения... [Описание дальнейшего перехода через Кеш, родной город Тимура, вблизи которого умирает еще один из послов.]

В этот день, в понедельник, 8 сентября, посланцы выехали из этого сада и дома, где жили, и отправились в город Самарканд... Как только они приехали, их ввели в один дом, который стоял перед садом, и к ним явились два сановника, сказавшие, чтоб они дали подарки, привезенные царю, что они их передадут людям, которые отнесут их царю... Ворота в этот сад были очень широкие и высокие, превосходно отделанные золотом, лазурью и изразцами; около них стояло много привратников, вооруженных палицами...

Их привели к одному старому сановнику, который сидел на возвышении. Это был сын сестры Тимур-бега, и они поклонились ему; потом их подвели к маленьким мальчикам, которые сидели на возвышении. Это были внуки царя, и им они тоже поклонились. Тут у них спросили письмо, которое король послал Тимур-бегу, и они дали его; письмо взял один из этих мальчиков, как сказали, сын Мирана Мирзы, старшего сына царя; эти три мальчика тотчас же встали и понесли письмо царю, потом сказали посланцам, чтоб они шли к нему. Царь находился как будто на крыльце перед входной дверью в прекрасный дом, стоявший там; он сидел на возвышении, и перед ним находился фонтан, который бил вверх, а в фонтане были три предмета, похожие на красные яблоки. Царь сидел скре-

---

[1] «В конце провинции Татарии»—здесь означает на западной окраине Азии, точнее, на кавказском побережье Каспийского моря; Каффа — современная Феодосия.— *Прим. ред.*

стив ноги на шелковом ковре, а локтем опирался на подушку. На нем была надета одежда из шелковой материи, гладкой, без рисунка, а на голове высокая белая шапка с рубином наверху, жемчугом и драгоценными камнями. Как только посланники увидели царя, они приветствовали его, преклонивши правое колено и сложивши руки крестом на груди; потом подошли ближе и поклонились снова; потом поклонились еще раз и остались коленопреклоненными. Царь приказал им встать и подойти ближе... он не дал им поцеловать руки, потому что у них нет этого в обычае и они никакому великому царю руки не целуют: а не делают этого потому, что у них очень высокое мнение о себе. После этого царь обратился к ним с вопросом: «Как поживает король, мой сын? Каковы его дела? Здоров ли он?»...

...Письмо, которое король прислал ему, внук царя держал высоко перед ним; наш магистр богословия сказал через переводчика, что это письмо, которое прислал его сын король, никто не сумеет прочесть, кроме него, и что, когда царю будет угодно его послушать, он прочтет письмо. Тогда царь взял письмо из рук своего внука, развернул его и сказал, что хотел бы прочитать его сейчас. Магистр отвечал, что если его милости будет угодно [он готов]. Царь сказал, что позднее пришлет за ним, что они будут тогда одни на досуге в отдельной комнате и там он прочтет и скажет, чего они хотят... [Следует описание различных церемоний, богатств Тимура, разнообразных торжеств в честь посланцев, а также рассказ о городе Самарканде. Затем дается справка по истории Центральной Азии и о Китае. Перед отъездом посланцев Тимур заболевает, и посольство не может с ним попрощаться.]

В пятницу, 21 ноября, посланцы выехали из Самарканда и вступили на хорошую, ровную и многолюдную дорогу. Шесть дней они шли по густонаселенной местности, где им давали все, что им было нужно,— и пищу и помещение...

В среду, 10 декабря, переплыли большую реку Биамо [Аму-Дарья] на лодках... [Следует описание путешествия с проводником через пустыню.]

В воскресенье, 14 декабря, приехали в одно селение и остались там на понедельник и вторник; а в следующую среду выехали оттуда и вступили в другую пустыню, по которой шли добрых пять дней; она была плоская, и в ней было больше воды, чем в первой; дорога большей частью шла среди низкого кустарника; почва была песчаная, и страна очень жаркая. Последних три перехода были очень длинными; шли день и ночь и останавливались, только чтобы покормить лошадей и поесть самим. В воскресенье, 21 декабря, пришли в большой город, который называется Баубартель и находится уже в Хорасане. Этот город стоит у подножия высокой горы, покрытой снегом, и в местности очень холодной; город лежит на равнине и не окружен оградой... В четверг, 25 декабря, в

праздник Рождества, когда закончился 1404 год[1] от Рождества Христова, они выехали оттуда. Путь их лежал между высокими снежными горами, и они шли среди них пять дней; местность была мало населена и очень холодна. В четверг, 1 января [1405 г.], они приехали в очень большой город, стоявший на равнине за этими горами и называвшийся Кабрия; вокруг него не было стен. Тут они пробыли четверг и пятницу. Этот город находится уже в Медии...

[Описание дальнейшего путешествия, крайне утомительного из-за глубокого снега. Прибытие в Тебриз 28 февраля. Здесь пришлось прождать целый месяц, ибо после того, как Тимур скончался в Отраре (17 февраля), вспыхивают внутренние раздоры. 29 апреля по поручению 22-летнего Хулила, внука Тимура, у кастильских послов отбирают все их имущество, как и у египетских послов, находившихся в то время в Тебризе. Лишь 22 августа послы отправляются в путь, встречаясь с новыми трудностями. Им пришлось ехать по армянской области, где вспыхнуло восстание, и они часто пользовались окольными путями. Наконец, 17 сентября послы прибыли в Трапезунд, а затем на корабле — в Перу (предместье Константинополя). Прибытие туда 22 октября. Дальнейшее плавание через Хиос в Сицилию и Гаэту, а затем в Корсику и Геную. Отплытие из Генуи 1 февраля 1406 г.; вследствие частых штормов послы прибывают в Сан-Лукар (устье Гвадалквивира) только 1 марта. Возвращение в Севилью 24 марта 1406 г.][2]

* * *

...Впредь Вы можете посылать в эти страны Ваших купцов, чтобы Мы оказали им всяческий почет и уважение, а также и Наши торговцы должны посещать тамошние земли, и пусть им будет оказан почет и внимание, и никто да не совершит над ними насилия и не причинит ущерба [дабы они по меньшей мере не испытывали никаких затруднений, кроме тех, которые они должны и без того претерпеть], ибо купцы способствуют процветанию мира (*quia mundus per mercatores prosperatur*)[3].

[1] В средние века в ряде католических стран новый год начинался и в другие дни, в частности с 25 марта («благовещение»), что позднее нередко приводило к хронологической путанице.— *Прим. ред.*

[2] Ruy Gonzales de Clavijo, Historia del gran Tamerlan e Itinerario y enarracion del viage y relation de la ambajada que Ruy Gonzalez de Clavijo le hizo, per Mandado del Rey Don Henriquez terceiro de Castilla, Sevilla, 1582. Английский перевод Маркема. См. «Publications of the Hakluyt Society», London, 1859, v. 26. ([См. также Рюи Гонзалес (Руй Гонсалес) де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг., «Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук», СПБ, 1881, т. 28.— *Ред.*]

[3] Отрывок из письма Тимура на латинском языке. См. «Mémoire de l'Institut Royal de France, Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres», 1822, t. IV, p. 474 (и след.).

* * *

Карл, Божьей милостью король франков, к весьма прославленному и победоносному государю Тимуру [*Themyrbeo*]. Привет и мир! Весьма прославленный и победоносный государь! Не оспаривается ни законом, ни религией, не противоречит здравому смыслу, а должно скорее считаться полезным, если земные короли и правители соединяются друг с другом постоянным доброжелательством и узами дружбы, даже если возникли между ними разногласия из-за легковерия или молвы, потому что этому чаще всего сопутствуют мир и покой... Да будет угодно Вашему Величеству, чтобы наши купцы и другие христиане тотчас получили право завязывать торговые сношения с Вашими подданными, торговать без взаимных препятствий и иметь неограниченный доступ в Ваши страны и подчиненные области, как это было во времена Наших высоких предшественников[1]...

Около 1400 г. политическое положение на Ближнем Востоке напоминало то, которое сложилось к 1240 г. И в том и в другом году христианские народы не были в состоянии справиться со своим главным мусульманским врагом и оба раза ошибочно полагали, что могут найти политических союзников против ислама в усилившихся монголах. Если в XIII в. сарацины намеревались нанести последние удары по потерпевшей крушение политике крестовых походов, то в конце XIV в. с юго-востока грозно надвинулась турецкая опасность.

В битве на Косовом поле 15 июня 1389 г. войска фанатиков турок уже разгромили Сербию; Византийскую империю все теснее сжимало кольцо ислама, и она все больше утрачивала свою независимость. Тогда Сигизмунд, ставший позднее германским императором, создал нечто вроде крестоносного войска и попытался помочь Константинополю, которому угрожали турки.

Однако христиане были наголову разбиты при Никополе (28 сентября 1396 г.). Султан Баязид потребовал сдачи Константинополя, а император Мануил [Палеолог] пытался отдать свой город Венецианской Республике, которая, однако, отклонила это предложение. Тогда Мануил отправился в поисках помощи на Запад, передав управление своему племяннику Иоанну VII. И вдруг пришла неожиданная помощь со стороны монголов. Если в XIII в. победоносные войска монголов, продвигаясь вперед, нанесли очень тяжелые удары исламу и в 1258 г. даже захватили древнюю столицу халифата—Багдад, то в XIV в. сильная буря снова принеслась из степей Центральной

---

[1] Ответное письмо французского короля Карла VI от 15 июня 1403 г. Тимур-ленгу, опубликованное Сильвестром де Саси. См. «Mémoire de l'Institut Royal de France, Académie des Sciences et des Belles-Lettres», 1822, t. IV, p. 474. См. также P. Margry, Les navigations françaises, Paris, 1867, p. 95 (и след.). В этой работе приводится отрывок из оригинала, написанного довольно плохой латынью.

Азии и монголы еще раз на 50 лет задержали завоевание Константинополя турками. Хромой Тимур был новым грозным вождем и повелителем бесчисленных монгольских полчищ. Он, казалось, хотел продолжить и завершить завоевания Чингис-хана. В конце XIV в. Тимур со всей силой обрушился на мусульманские народы, а в 1401 г. разрушил до основания враждебный ему Багдад, завоевал Дамаск и, наконец, нанес привыкшим к победам туркам тяжелейшее поражение в великой битве при Ангоре (20 июля 1402 г.). В плен к победителю Тимуру попал даже сам турецкий султан Баязид I (см. гл. 154).

Выше уже говорилось о том, какие совершенно необоснованные надежды породила в христианском мире неожиданная помощь монголов после 1145 г. и еще больше после 1221 г. (см. т. II, гл. 115, 118). Такие же честолюбивые надежды появились у многих христианских государей в связи с битвой при Ангоре, особенно у тех правителей Западной Европы, которым непосредственно не угрожало вторжение монголов. Это побудило их стремиться к установлению дипломатических дружественных отношений с победоносным монгольским властелином Тимуром, резиденция которого находилась тогда в Самарканде.

С 1245 по 1254 г. европейские правители и папа направляли своих посланников и миссионеров в Монголию. Теперь их посылали в Самарканд, доступ к которому был крайне затруднен в течение многих столетий, почему он и слыл почти сказочным городом. В конце XIV — начале XV в. европейцы неоднократно бывали в Самарканде, иногда по собственному желанию, иногда поневоле, как Шильтбергер.

Аналогия между событиями XIII и XV вв. будет еще полнее, если мы обратим внимание на посольства, направленные к властителю монголов после 1400 г. королями Франции и Кастилии.

До нас дошло письмо короля Карла VI, доставленное Тимуру «братом Иоанном»[1]. Отрывок из этого письма приведен в начале главы. Этим «братом Иоанном», рукоположенным архиепископом Востока, был не кто иной, как упоминавшийся выше, в конце гл. 142, архиепископ Султании Иоанн Галлифонтский. Именно Иоанна наряду со многими другими орденскими братьями Тимур использовал в качестве своего посла после крупной победы, одержанной при Ангоре. Архиепископ должен был убедить христианских государей Запада возобновить торговые связи с монголами. Письмо Тимура было написано на персидском языке, но в пути архиепископ, видимо, перевел его на латынь. Путь послов шел через Венецию, прежде всего в Париж, ко двору короля Карла VI, которому был вручен оригинал письма Тимура с переводом. 15 июня 1403 г. послу вручили ответ короля Карла. Инициатива, безусловно, исходила от Тимур-ленга, письмо которого, очевидно, было направлено ко всем могущественным правителям Запада. Поэтому Иоанн Галлифонтский надолго задержался в Европе и, видимо, вел также переговоры с правителями Венеции, Генуи, герцогом Миланским, английским королем Генрихом IV (1399—1413) и как будто даже с королем Венцелем в Праге. Правда, никаких

[1] C. R. Markham, Narrative of the Embassy of Ruy Gonzalez de Clavijo to the court of Timour, at Samarkand, «Publications of the Hakluyt Society», London, 1859, ser. I, v. 26.

подробностей об этих переговорах мы не знаем. Во всяком случае, еще в 1404 г. посол Тимура находился во Франции, где он написал свой труд «*Libellus de notitia orbis*», рассмотренный в гл. 142.

Более подробно мы осведомлены о попытках кастильцев возобновить переговоры с Тимуром. На этот раз инициатива исходила, очевидно, от кастильской стороны. Король Кастилии Генрих III (1390—1406), дядя Генриха Мореплавателя, сначала послал к Тимуру двух дворян — Пелайо Сотомайора и Фернандо Паласуэлоса. Однако они выполнили свое поручение, еще находясь в Малой Азии, где встретились с Тимуром, когда он начинал поход против турок. Послы были приняты с почетом и оказались свидетелями победы, одержанной монголами у Ангоры. Победа эта для всех христиан была весьма радостным событием. Вскоре послы возвратились в Кастилию в сопровождении монгольского посла Мухаммеда ал-Кази. Посол Тимура передал Генриху письмо своего повелителя и ценные подарки.

Генрих захотел еще раз обратиться к Тимуру, и, когда Мухаммед ал-Кази собрался в обратный путь, к нему присоединился новый посол — Руй Гонсалес Клавихо, получивший задание посетить Тимура в его столице Самарканде. О приключениях, пережитых Клавихо в пути, у нас сохранилось довольно подробное сообщение, так как посол вел превосходный дневник.

Путешествие Клавихо длилось почти три года. Покинув Севилью 22 мая 1403 г., он морем через Сицилию и Родос добрался до Константинополя, вблизи которого потерпел кораблекрушение. В связи с этим ему пришлось пережидать в Константинополе, пока не кончится зима. Только с наступлением весны Клавихо на корабле попал в Трабзон, откуда 11 апреля 1404 г. снова отправился в путь через Армению и Северную Персию. После относительно благополучного путешествия он 8 сентября добрался до Самарканда, где его приняли с большим почетом, вручив ценные подарки. Не лишено вероятности, что Клавихо находился в Самарканде одновременно с Гансом Шильтбергером, который провел там часть своей бурной жизни[1].

Пробыв в Самарканде $2^1/_2$ месяца, Клавихо отправился в обратный путь 21 ноября 1404 г. Тут ему пришлось перенести тяжелые испытания и опасности, так как он внезапно лишился покровительства могущественного Тимура. Повелитель монголов, несмотря на болезненное состояние и 69-летний возраст, 26 ноября 1404 г. отправился в поход против Китая с войском, состоявшим якобы из 1800 тыс. человек. В начале января монголы перешли по льду через Сыр-Дарью и 13 января 1405 г. достигли Отрара[2]. Но здесь Тимур тяжело заболел и умер 17 февраля[3]. На этом и закончился военный поход. Смена правителя вызвала сильные беспорядки, и внук Тимура Хулил, которому было тогда только 22 года, приказал задержать кастильских послов

[1] H. Jule, Cathay and the way thither, London, 1866, p. CXXXVI (примечание 1).

[2] K. F. Neumann, Reisen des Schiltberger aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427, München, 1859, S. 38.

[3] Во всех источниках обычно днем смерти Тимура называют 17 февраля 1405 г. Однако Бува считает, что этот правитель умер 19 января 1405 г. См. «Enzyclopädie des Islam», B. IV, S. 843. Этот источник довольно надежен.

и даже лишить их имущества. После почти полугодового вынужденного пребывания в Тебризе послы, наконец, смогли продолжить свое путешествие и 24 марта 1406 г. наконец возвратились в Севилью. Но стимулы к отправлению нового посольства, разумеется, отпали в связи с тяжкими испытаниями, которые выпали на долю Клавихо в Тебризе.

Весьма надежная книга Клавихо представляет большую ценность для изучения культуры того века, а также психологии монголов. В сильных натурах монгольских императоров Чингис-хана и Тимур-ленга мечта облагодетельствовать весь мир, хотя бы ценой непрерывных опустошительных войн и массовых убийств, сочеталась с влечением к искусству, науке, технике и к сношениям с другими народами. Но в мелких душах их преемников резко проявились как раз низменные инстинкты предков: властолюбие и корыстолюбие. Мы это уже показали на примере внука Тимура Хулила. Клавихо приводит еще один в высшей степени показательный пример духовной деградации монгольских правителей и их изощренного властолюбия. Он сообщает, что старший сын Тимура Миран Мирза в качестве наместника своего отца совершил в Султании величайшую глупость, которая вполне роднит его с Герострáтом: он приказал разрушить все прекрасные здания в городе, чтобы будущие поколения не забыли его имени и говорили о нем: «Хотя Миран Мирза сам ничего не сделал, зато он велел разрушить лучшие в мире творения»[1].

Но в дневнике Клавихо даются и более привлекательные картины культуры того времени. О Тебризе он сообщает, например, что там было 200 тыс. домов. Интересно также сообщение Клавихо о том, что египетские послы, направлявшиеся к Тимур-ленгу и встретившиеся с кастильцами в армянском городе Хое, везли монгольскому хану в качестве подарка от египетского султана жирафу (*jornufa*). Это животное испанцы никогда раньше не видели.

После возвращения из Самарканда Клавихо прожил еще несколько лет и пользовался в Испании большим почетом. Скончался он 2 апреля 1412 г.

Самый поздний перевод отчета о путешествии Клавихо сделан на английском языке и издан в 1928 г. вместе со специальным исследованием его значения для науки[2].

---

[1] Ruy Gonzales de Clavijo, op. cit., ed.R. Markham, p. 95 (и след.). [См. также Рюи Гонзалес де Клавихо, Указ. соч., стр. 182.— *Ред.*]

[2] G. Le Strange, Embassy to Tamerlane 1403—1406, London, 1928.

ГЛАВА 156

АНСЕЛЬМ Д'ИЗАЛЬГИЕ НА НИГЕРЕ

(1405—1413 гг)

Знатный горожанин из Тулузы Ансельм д'Изальгие, странствовавший в течение 12 лет по Европе и Африке и женившийся там у негров на девушке, по имени Салам-Казаис, в 1413 г. вернулся в Тулузу в сопровождении своей жены, дочери и двух сыновей. Салам-Казаис была знатного рода и происходила из города Гао. До того места дошел Ансельм. Так как он очень увлекся молодой девушкой и был прельщен изобилием золота и драгоценных камней, унаследованных ею от отца, то воспылал страстью и соединился с ней браком. Я, однако, не смею утверждать, что он смог на ней жениться, не отказавшись от своей веры. Восемь лет спустя они сели на корабль и прибыли в Марсель в сопровождении трех черных евнухов и стольких же черных служанок. Оттуда они направились в Тулузу, где приняли христианство. Старшей их дочке было тогда 6 лет, и она получила при крещении имя Марта[1].

* * *

Ансельм Изальгие, действовавший в конце XIV и в начале XV в., является автором этого превосходного [турецко-арабского] словаря. Хотя этот великий человек из Тулузы был знатного рода и происходил из благородной семьи, известной еще в XIII в., он гораздо более велик по уму и заслугам, чем по рождению. Память о нем еще и теперь жива среди искусствоведов, а любители истории всегда считали труды этого дворянина выдающимися. Изальгие был великим исследователем природы и стремился к тому, чтобы на досуге совершать путешествия, внимательно созерцая чудеса природы. В далеких землях, даже в самых отдаленных частях света, он искал то, чего не найти в наших провинциях, а также в Европе. Будучи величайшим естествоиспытателем своего времени, Изальгие иногда проводил целый день в созерцании природы. Всю свою юность он провел в путешествиях. После того как Изальгие прошел по Европе и Азии, он отправился в Африку.

---

[1] Guillaume Bardin (XV в.), Histoire chronologique des parlements de Languedoc. См. Ch. de la Roncière, La découverte de l'Afrique en moyen-âge, Caire, 1929, t. III, p. 9 (и след.)

Изальгие осмотрел всю эту часть света и во время путешествия долгое время находился в царстве негров. В этой стране он жил в городе Каго. По влечению сердца он соединился с юной негритянкой Салуказаис. Его любовь была так велика, что он захотел на ней жениться, хотя она была мусульманкой.

Изальгие в покое и довольствии провел многие годы в таких необычайных условиях и климате, совсем не похожем на климат его родины. В Каго он занимался литературной работой и был так увлечен исследованиями, как будто находился на родной земле. Тоска по родине вынудила его, наконец, расстаться с этой страной, а желание обратить в христианство свою жену, чему он надеялся найти меньше препятствий в Лангедоке, чем в Африке, поддержало его в намерении вернуться домой. Изальгие с большим трудом добился согласия на это своей жены. Она была очень привязана к своим родителям и сама вела торговые дела в том городе, так что ему было трудно ее переубедить... [Следует описание тайного отъезда из страны, так как африканский принц не хочет расставаться с Изальгие.]

С женой и дочерью, родившейся от брака с ней, Изальгие в 1413 г. прибыл в Тулузу. Но прежде ему пришлось испытать большие опасности на море из-за изменчивости этой стихии, ярости волн и набегов корсаров. Один из этих корсаров дал бой капитану судна, на котором плыл Изальгие, и на его глазах захватил в плен жену и семью, хотя и не смог завладеть судном. Но благодаря исключительно счастливому случаю семья через некоторое время снова с ним соединилась. Судно корсаров потерпело крушение на отмели; отсюда неутешная семья Изальгие вместе с другими рабами на лодке перебралась на почти пустынный остров. Весьма счастливый случай привел к этому берегу и судно Изальгие, которое пристало к нему для ремонта. Радость обоих супругов была тем больше, что у них не было никакой надежды вновь встретиться на море. Затем они благополучно продолжили свое плавание в Тулузу.

По прибытии в этот город Изальгие позаботился о том, чтобы его жена и дочь, а также взятые из Африки рабы приняли крещение. Хотя дочь родилась черной, как ее мать, она была прекрасна лицом и хорошо сложена. Отец дал ей превосходное воспитание. У нее была на лбу маленькая белая полоса, и белыми были также два пальца левой руки. Своим умом и грацией она привлекала общее внимание в Тулузе. У нее были поклонники.

Дворянин из дома Фодоа стал самым страстным поклонником дочери Изальгие. Он добивался согласия ее отца на брак и получил его, когда девушке исполнилось 18 лет. От этого брака родился сын, которого назвали Мор [Мавр] де Фодоа, потому что он был черным, как мать. Мор прославился храбростью и мужеством, образцы которых показал во многих боях, сражаясь за своего

короля. Мор занимал высокие должности. После возвращения на родину у Изальгие родились еще две дочери, из которых одна была белой, а другая — черной. На родине он на досуге написал свои сочинения. Кроме превосходного словаря, которому посвящена вышеуказанная статья, Изальгие написал историю своих путешествий, и его рукопись долгое время хранилась в знаменитой библиотеке иезуитской коллегии в Лионе[1].

По какой причине пришел на Нигер Ансельм д'Изальгие, выдающийся врач и натуралист из Тулузы, и каким маршрутом он следовал, остается неизвестным. Этот французский путешественник прожил восемь лет в городе Гао, женился там на богатой и знатной молодой африканке и в 1413 г. вернулся в свою родную Тулузу с женой и ребенком в сопровождении сравнительно многочисленной прислуги. Насколько можно установить, он был вторым европейцем (о первом говорилось в гл. 146), которому было суждено увидеть важные торговые города на Нигере, доступные только мусульманам. Случилось это примерно за 40 лет до первого проникновения португальцев в мир черных людей.

Изальгие написал книгу о своих приключениях, но оригинал его записок о путешествии, к сожалению, пропал 200 лет назад. До нас дошло только два кратких сообщения. Первое написал современник путешественника Гильом Барден, автор истории Лангедока, который был лично знаком с Изальгие[2]; второе составил на основании рукописи Изальгие каноник Трико. Поэтому содержание обоих сообщений можно считать вполне надежным. Куда делась подлинная рукопись, которой в 1702 г. определенно еще пользовался Трико, установить не удалось[3].

Ко времени Изальгие географы христианских народов Южной Европы уже знали большинство важных торговых центров Северо-Западной Африки. Так, на карте Дульсерта от 1339 г. мы впервые находим название Дара (Уэд-Дра), государство Мелли (Мали) и, вероятно, Гао, названный Оргеной. На карте Пицигано от 1367 г. нанесено название Уггар (нагорье Ахаггар)[4], на Каталонской карте мира от 1375 г.— название Тенбук (Тимбукту)[5] (см. рис. 12).

Гао, город, в котором преимущественно жил Изальгие, упоминался еще Идриси в XII в., причем арабский географ изображает его как «самый много-

---

[1] Ансельм де Трико. См. «Essays de littérature pour la connoissance des Livres», Octobre 1702, Haag, 1703, t. 1, p. 209 (и след.).

[2] G. Bardin, Histoire chronologique de Languedock. См. Dominique-Joseph de Vaissette, Claude de Vic, Histoire générale de la province de Languedoc, Paris, 1730—1745.

[3] Ch. de la Roncière, op. cit., t. III, p. 9.

[4] Ibidem, t. I, p. 114.

[5] O. Peschel, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen, München, 1865.

людный город и главный торговый центр Страны негров. Туда приходят многочисленные купцы из всех соседних стран и всех местностей западного Марокко. Жители этого города мусульмане»[1]. Гао (Гаго, Гого, Каукау) был столицей государства Сонгай, которое посетил еще Ибн-Баттута (см. гл. 148). Расположенный на границе между плодородными землями и Сахарой, Гао был когда-то предшественником Тимбукту как торговый центр бассейна Нигера. Соль была здесь самым ходовым платежным средством. Когда Генрих Барт посетил Гао около 1850 г., от этого славного города не осталось ничего, кроме башни главной мечети[2].

О причинах, которые в те времена привели христианина в столь отдаленную страну, высказывались различные предположения, но доказать их правильность нельзя. В монографии о городе Тулузе, появившейся в 1823 г., высказано мнение, что Изальгие, видимо, попал в бассейн Нигера, следуя через Египет и Нубию[3]. Эта гипотеза представляется маловероятной. Более правдоподобным кажется предположение Ла-Ронсьера, которое, разумеется, тоже нельзя обосновать. Этот исследователь полагает, что Изальгие в 1402 г. сопровождал в качестве врача экспедицию Бетанкура на Канарские острова и с ней позднее прибыл на Африканский материк; затем он по собственному желанию или как пленник мавров попал в Гао. В этом случае у нас были бы основания объяснить, как Изальгие проник в глубь Африканского материка[4].

В донесении Бетанкура о завоевании Канарских островов имя Изальгие не упоминается[5]. Но так как там, кроме второго руководителя экспедиции Гадифера де Ла-Саль, имена других участников упоминаются исключительно редко, из этого нельзя делать никаких выводов. Все же достоен внимания тот факт, что сам Бетанкур, по его словам, «очень хотел ознакомиться с истинным положением и условиями в стране сарацин и с ее якобы хорошими гаванями на побережье материка, которое простирается на 12 морских миль вправо от мыса Бохадор».

Бетанкур 1 мая 1402 г. вышел из Ла-Рошели в море, держа курс на Канарские острова, а затем из Фуэртевентуры предпринял экспедицию в юго-восточном направлении к местности Меданос на материке, где он захватил 70 рабов-мавров[6].

Вот что рассказывается об этом событии, которое должно быть отнесено к 1403 или 1404 г., в самой «Канарской книге»:

---

[1] R. Dozy, M. J. de Goeje, Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrisi, Leiden, 1866, p. 7.

[2] H. Barth, Reisen und Entdeckungen in Nord- und Centralafrika in den Jahren 1849 bis 1855, Gotha, 1859, B. V, p. 217.

[3] J. T. Laurent-Gousse, E. L. de Lamothe-Langon, A. L. C. A. du Mège, Bibliographie toulousaine, Paris, 1823, t. I, p. 328.

[4] Ch. de la Roncière, op. cit., t. III, p. 2.

[5] «Канарская книга», или «Книга завоеваний», гл. 55—57. См. W. O. Hess, Die Ausfahrt su den Glücklichen Inseln.

[6] G. Glas, Geschichte der Entdeckung und Eroberung der Kanarischen Inseln, Leipzig, 1777, S. 14, 24 (и след.); A. Humboldt, Kritische Untersuchungen, Berlin, 1839, B. III, S. 24 (и след.).

«Господин Бетанкур отплыл от острова Эрбани (Фуэртевентура) и в лодке с 15 спутниками прибыл к мысу Бохадор в королевстве Гинуа, отдаленном от нас на 12 миль. Там они захватили нескольких жителей и вернулись на Гран-Канарию... Так как господин Бетанкур очень хотел узнать положение всех соседних земель, островов и материка, он приложил много труда и старания к тому, чтобы как можно обстоятельнее познакомиться с этими местностями»[1].

В донесении Бетанкура специально подчеркивается, что при таких стремлениях главы экспедиции исключительное внимание было уделено «Золотой реке», то есть Уэд-Дра, которая открывала доступ к золотоносным землям Гвинеи. Поэтому вполне возможно, что Изальгие, как вероятный участник плаваний Бетанкура, вызвался добыть точные сведения об этом Эльдорадо, расположенном в глубине Африке, что и привело его в Гао. Прибытие Изальгие в Гао в 1405 г. хорошо увязывается со временем нахождения Бетанкура на мысе Бохадор.

Хотя предположение Ла-Ронсьера нельзя подкрепить доказательствами, все же оно очень вероятно. Если эта гипотеза соответствует действительности, то Изальгие на целых три десятилетия раньше португальцев увидел и ступил на северо-западный берег Африки, южнее мыса Бохадор, следовательно, примерно у 23°41′ с. ш. [2]

Сам Бетанкур вернулся на Канарские острова и оттуда в 1405 г. отправился во Францию. Здесь он завербовал 160 мужчин и 29 женщин для заселения Канарских островов и доставил их в свое островное государство. Судьбой Бетанкура мы заниматься не будем, так как нас интересует здесь только Изальгие.

Как бы то ни было, поездку к Нигеру он предпринял из-за своей страсти к путешествиям. Обратный путь проходил, видимо, мимо нагорья Ахаггар в направлении на Тунис[3], но возможно также, что он шел через оазисы Туат. Трико сообщает, что плавание по Средиземному морю изобиловало приключениями и возвращающиеся подверглись нападению пиратов, но в конце концов благополучно прибыли на родину. Барден ничего об этом не говорит. Однако переданный Барденом рассказ весьма краток. Поэтому мы вправе полагать, что сообщенные Трико факты содержались в оригинале рукописи Изальгие. Среди спутников Изальгие, как говорят, находился черный евнух Абен Али. Он был превосходным врачом и в 1416 г. даже исцелил дофина, будущего короля Карла VII, когда тот находился в Тулузе[4].

Изальгие, видимо, больше не покидал Тулузы. Кроме трех детей, которых он привез с собой из Африки, от брака с африканкой позднее родились еще две дочери; у одной из них была черная, а у другой — белая кожа. Обе дочери позднее ушли в монастырь, как и их мать, которая, прибыв в

---

[1] W. O. Hess, op. cit.

[2] G. Friederici, Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer, Stuttgart, 1936, B. II, S. 26.

[3] Ch. de la Roncière, op. cit.

[4] Ibidem, p. 5.

Тулузу, приняла христианство, а после смерти мужа, как набожная женщина, стала монахиней. О судьбе сыновей Изальгие ничего не известно. Дочь, родившаяся в Гао в 1407 г. и позднее крещенная Мартой, вышла замуж за знатного тулузца Эжена де Фодоа. Родившийся от этого брака Мор де Фодоа был чернокожим, как и его мать.

Вскоре после Изальгие большие торговые города в бассейне Нигера стали часто посещать европейские христиане, особенно итальянские и французские купцы (см. т. IV, гл. 176 и 186). Изальгие был пионером этих торговых плаваний.

ГЛАВА 157

ЗАГАДОЧНЫЙ КОНЕЦ НОРМАНСКОЙ КОЛОНИИ В ГРЕНЛАНДИИ

(XV—XVI вв.)

Скрелинги пошли войной на гренландцев, убили 18 мужчин, взяли в плен двух подростков и сделали их рабами[1].

* * *

[Торстейн Хельмингссон, Снорре Торвасон и Торгрим Сольвасон] отплыли из Норвегии и хотели [идти] в Исландию. Они оставались в Гренландии четыре зимы... [1410 г.]. Торстейн Хельмингссон, Торгрим Сольвасон, Снорре Торвасон, а также остальные люди с их корабля поплыли в Норвегию[2]...

* * *

С прилегающих языческих берегов 30 лет назад пришли варвары с флотом, в жестоком набеге напали на живших там [в Гренландии] людей, предали огню и мечу их отчизну и священные сооружения, так что на острове осталось только девять отдаленных церквей, до которых они не могли добраться из-за крутых гор. Прискорбно, что жителей обоего пола, особенно тех, которые казались им сильными и пригодными, чтоб нести тяжелое бремя рабства, они взяли в плен и увели с собой на свою собственную землю, что весьма устраивало этих тиранов. Однако, как сообщается дополнительно в такой же письменной жалобе, в большинстве они постепенно возвратились из плена к своему домашнему очагу и кое-где восстановили из развалин свои прежние поселения. Поэтому стремятся они теперь к тому, чтобы вновь ввести богослужение и как можно больше строить[3].

---

[1] «Готтскалькские анналы», запись к 1379 г. См. G. S t o r m, Islandske Annaler indtil 1578, Christiania, 1888, S. 364.

[2] «Скальхольтские анналы», запись к 1406 г. См. G. S t o r m, op. cit., S. 288.

[3] Письмо папы Николая V от 22 сентября 1448 г. к исландским епископам Марцеллу и Матфею. См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 170.

* * *

Как Мы узнали, есть в Гаде [Гардар] церковь в стране Гренландии, на краю света, где люди из-за недостатка хлеба, вина и масла обычно потребляют лишь сушеную рыбу да молоко [*ob defectum panis, vini et olei siccis piscibus et lacte uti consuerunt*]. Так как суда крайне редко приходят в упомянутую страну, ибо вода там из-за сильных морозов превращается в лед, то, как полагают, в течение 80 лет в тех местах не приставал к берегу ни один корабль. Если такие морские плавания вновь возобновятся, они могут совершаться, как полагают, только в августе, когда тает лед. Около 80 лет при той церкви будто не было ни епископа, ни священника. И потому, что там нет более католических священников, большинство членов общины, бывших ранее католиками, отреклось от принятого ими святого таинства крещения — о, как это прискорбно! — и у жителей той страны не сохранилось других воспоминаний о христианской религии, кроме корпораля[1], который показывают один раз в год и который был освящен 100 лет назад на теле и крови Христа последним жившим там священником.

Принимая во внимание эти и другие соображения, Наш предшественник, достопамятный Иннокентий VIII, руководствовавшийся намерением дать упомянутой церкви, лишенной в то время пастырского утешения, доброго и способного пастыря, с согласия своих кардиналов, среди которых находились тогда и Мы, назначил и огласил епископом Гардара [*Gardensem*] достойного брата Матиаса из ордена Святого Бенедикта. Он почтительно согласился на это по Нашему настоянию, хотя Мы и принадлежали к ничтожнейшим из ничтожных, и с великим набожным усердием заявил, что готов привести обратно на путь вечного спасения души отпавших от церкви вероотступников и искоренить все виды ереси. Так назначил папа епископом и священником Матиаса, который сам высказал желание плыть на посылаемом туда судне... [Следует подробное указание, что у Матиаса из-за его бедности нельзя требовать никаких платежей и сборов.]

Дано ... в 1-й год[2].

* * *

От Хернума [Бергена] нужно плыть все время на запад, на Варф [мыс Фарвель] в Гренландии... Плывут севернее Хит-

[1] Корпораль — освященный кусок белой материи, на который католический священник ставит во время мессы чашу с вином («кровью Христа»).— *Прим. ред.*

[2] Письмо папы Александра VI от 1492 г. к монаху-бенедиктинцу Матиасу. См. G. S t o r m, Nye Efterretninger om det gamle Grønland, «Historisk Tidsskrift», Christiania, 1892, S. 399 (и след.); J. C. H e y w o o d, Documenta selecta a tabulario secreto Vaticano, Roma, 1893 (вклейка 10). [В дате показан год понтификата, то есть год правления данного папы, считая со дня его избрания.— *Ред.*]

ланда [Шетландских островов] на таком расстоянии, что его как раз хорошо можно видеть с моря, и южнее Фарерских островов так, чтобы море было на середине склона горы [то есть, чтобы Фарерские острова наполовину поднимались над горизонтом], а дальше к югу от Исландии так, чтобы встречать птиц и китов [которых можно увидеть всегда недалеко от земли][1].

* * *

Он и его свита думали тогда, что перед ними Херьюльфснес в Гренландии. Был уже конец дня, и они плыли так близко от побережья, что видели жителей, овечьи хлева, овец и ягнят[2].

* * *

Однажды он сбился с курса и на борту немецкого торгового судна прибыл в Гренландию. По расчету времени можно установить, что это произошло около 1540 г. Судно вошло в фьорд, усеянный множеством островов; некоторые из них были заселены [эскимосами]. Они не отважились высадиться там и повернули в сторону к необитаемому островку, где нашли сараи для лодок и каменные насыпи, какие обычны в Исландии. Там они натолкнулись на мертвого мужчину, лежавшего на животе. На голове у него была хорошо сделанная шляпа; одежда была сшита частью из сукна, частью из тюленьих шкур. Рядом с ним лежал кривой нож с ножнами, сильно притупленный и сточенный из-за частого затачивания. Этот нож они взяли с собой на память[3].

* * *

В прошлом году[4] впервые был послан в Гренландию корабль, чтобы исследовать ту землю. А корабельщика звали Герт Местемакер. Он нашел землю, но, не обнаружив там людей, немедля вернулся домой[5].

---

[1] «Landnamabok». См. «Thule», 1928, B. 23, S. 62.

[2] Сообщение о путешествии епископа Эгмунда из Скальхольта (Исландия), предпринятого в 1520 или 1524 г. См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», København, 1845, B. III, S. 504 (и след.).

[3] Сообщение исландского моряка Йона Гренландца о предпринятом им около 1540 г. плавании в гренландские воды. Записано около 1625 г. исландским епископом Скардсо (Бьёрн Йонссон). См. «Grønlands Historiske Mindesmaerker», København, 1845, B. II, S. 513.

[4] Согласно любезному сообщению проф. Рейнке, выражение «прошлый год» в XVI в. означало текущий год, в данном случае 1542-й, а не 1541-й.

[5] Старинная гамбургская грамота от 1542 г. См. J. M. Lappenberg, Hamburgische Chroniken in niedersächsischer Sprache, Hamburg, 1861, S. 187.

* * *

«Это правильный курс плавания в Гренландию, как его описали в своих книгах сведущие люди.

Во-первых: От Статзмулинга [?] тотчас на запад. Оттуда он [корабельщик] видит Ватзнес [?] в Гренландии, и тут течение слабее всего и [море] свободно от всяких отмелей, ибо они находятся на северной стороне. И у него [корабельщика] должны быть две трети моря на Ирландию и одна треть — на Исландию[1]. Если погода ясная, видимость хорошая и его курс лежит строго на запад, то он видит на северо-востоке, в Исландии, горный ледник [именно названный ниже Снайфедльс-Ёкуль] и на северо-западе Гренландии — Витсерк[2]. Если течение с севера, то он должен приводить к ветру, как только может, и остерегаться течения, которое проходит к западу под Ирландией; а если течение с юга, то он должен держать правильный курс и приводить к ветру, как только может. Когда Витсерк простирается в северном направлении, то он должен искать землю и прийти в Эйрикс-фьорд, где лежит Гарстед [Гардар].

Далее: Когда находишься между Гренландией и Исландией, то видишь Снайфедльс-Ёкуль в Исландии и Витсерк в Гренландии, если погода ясная и видимость хорошая. Поэтому сведущие люди говорят, что обе земли лежат друг от друга не более чем в 30 морских неделях [морская неделя содержит около 4,5 морской мили].

Далее: Это правильный курс из Исландии в Ирландию. Если он [корабельщик] находится к югу от Брейди-фьорда в Исландии, то курс должен быть на запад; когда оттуда он увидит Витсерк прямо на севере, то должен свободно искать Гренландию и придет в Эйрикс-фьорд.

Далее: Если он находится к северу от Брейди-фьорда в Исландии, то должен держать курс на юго-запад; когда же Витсерк окажется на севере, он должен искать землю и Эйрикс-фьорд, как выше написано.

Далее: Если он потом заметит лед, то должен держать курс на юг, ибо самый малый лед приходит из Троллеборддена. Также ему не следует слишком держаться к югу, чтобы не очень приблизиться к Ирландии, ибо течение там сильное даже и в 15 морских неделях от Ирландии.

---

[1] Фраза «две трети моря на Ирландию и одна треть на Исландию» означает, что путь пролагался так, чтобы расстояние от судна до Ирландии было в два раза больше, чем до Исландии.— *Прим. ред.*

[2] Как установила сотрудница Гамбургского государственного архива д-р Бонде, до этого места текст дословно передает содержание исландской рукописи, относящейся примерно к 1540 г. См. «Diplomatarium Islandicum», Reykjavik, 1911—1921, S. 434. Следовательно, мы здесь имеем дело с переводом.

Далее: Ирландия лежит к юго-востоку от Гренландии.

Далее: Исландия лежит к востоку от Гренландии.

Далее: От битого льда исходит сильный туман, равным образом также и мороз ото льда...».

[«*Dyt isz dat rechte Kosz nha Gronlant tho segelende, alse idt vorvaren Luede in den Boeken hebben geschreven.*

Primo: Van Statzmuling und Rechtefull[1] *westwart dar uth suth he Hwatzueff*[2] *up Gronlant, und dar isz de Strom allermynst und is frey vor allen Hwalgrumen*[3]*; wente de synt up der Nordsyden. Und he schal hebben 2 Dele der See nha Jrlandt und den dorden Del nha Jszlant; isz denne dat Weder klar und sychtich und syn Kosz, ys recht int Westen, so suth he den Barch-Joekel in tNordosten liggen up Jszlant und Witserck int Nordwesten up Gronlant. Ys ock Strom van Norden, so moth he byliggen dat beste he kan und waren syck vor dem Strom, de Westen under Jrlandt isz. Man ys de Strom van Sueden, so moth, he holden dat rechte Kosz und liggen by dat beste he kan. Wente Wytserck drecht syck nordwarth, so moth he dat Lant soeken und kumpt in Eryxfoerde dar Garsted licht.*

Jtem wen me twischen Gronlant und Jszlant isz, so suth me Snaevels-Joekell up Jrlant[4] *und Wytserck up Gronlant, so wenne idt Weder klar isz, und sychtich. Darumme seggen vorvaren Lude, dat idt nicht mehr alse 30 Weke Sees vaneynander gelegen isz.*

Jtem dyt isz dat rechte Kosz van Jszlant bette tho Gronlant. Isz he suthwart und[5] *Bredefort in Jszlant, so moth syn Kosz stan int Westh; wente dar suth he Wytserck recht int Norden, so mot he frey Gronlant soeken und kumpt in Erixfoerde.*

Jtem isz he up der Nordensyden van Bredefort in Jszlant, so schal syn kosz wesen int Südwesten, solange dat Wytserck dreget nordwart, so moth he soken dat Lant Eryxford alse thoforen geschreven.

Jtem vornimpt he denne Iesz, so schal he syn kosz holden sutwart, wente dat minste Ies kumpt uth dem Trollebodden. Ock moth he nicht altho ser sutwart holden, up dat he Jrlant nicht tho nha kame, wente de Strom is dar starck, ock wol 15 Weke Sees van Jrlant aff.

Jtem Jrlant licht int Sudosten van Gronlant.

Jtem Jszlant licht int Osten van Gronlant.

Jtem van stickellen Isz geidt grote Dake, und dem Froste des gelik ock van dem Ise...»][6].

---

[1] Вместо «*und Rechtefull*» читай «*rechtevort*».

[2] Читай «*Hwatzness*».

[3] Читай «*Hwalgrinden*».

[4] Читай «*Jslant*».

[5] Читай «*van*».

[6] Рукопись за № 53 из собрания рукописей ганзейского города Гамбурга (записано около 1540 г.).

О постепенном замирании сообщений между скандинавскими странами и норманским форпостом культуры в юго-западной Гренландии говорилось уже в гл. 150. Вследствие этого длившаяся несколько столетий очень оживленная экономическая, политическая и церковная жизнь гренландской колонии, отличавшаяся большим своеобразием, в XIV в. быстро пришла в упадок. С течением времени гренландский форпост был временно «забыт» в Европе. Этому способствовали не только сдвиги в европейской экономике, но и изменение политической обстановки, как это недавно доказал Нёрлунд в превосходном специальном исследовании[1]. Клыки гренландских моржей, пользовавшиеся когда-то большим спросом, стали не нужны, как только представился случай в большем количестве и легче, чем раньше, доставлять из Африки слоновую кость. Кроме того, через ганзейскую контору в Новгороде теперь стало удобнее скупать ценные меха, промышлявшиеся на севере Руси, и можно было отказаться от более скромной пушнины, которую доставляли из Гренландии. Между тем Новгород, распространив свое влияние на весь северо-восток Руси[2], стал таким торговым центром, куда «стекалась пушнина из этой огромной обла́сти»[3]. С расцветом шерстяной промышленности в Западной Европе отпала нужда и в гренландском сукне, которое раньше охотно здесь по́купалось. Поэтому постепенно исчезал повод к плаваниям в Гренландию, и экономика этой колонии повисла на ниточке.

К тому же снизилось политическое значение Норвегии — метрополии Исландии и Гренландии. После Кальмарской унии (20 июля 1397 г.) королева Маргарита Датская стала правительницей всех трех скандинавских государств, а Копенгаген превратился в их столицу. Но в Копенгагене не слишком благосклонно отнеслись к дальнейшим рейсам гренландской «Трещотки», снаряжение которой каждый раз обходилось чересчур дорого. Между тем торговля с Гренландией в течение 100 лет (впрочем, как и в наши дни) оставалась государственной монополией (см. гл. 150). Итак, связи с Гренландией постепенно хирели, ибо запрет с частной торговли не только не сняли, но даже усилили. Под страхом смертной казни королева Маргарита запретила плавание частных лиц в Гренландию, и в 1389 г. некоторые моряки, нарушившие указ, избежали казни, только доказав, что против своей воли были отнесены к этой земле штормом[4]. Вот что сообщает по этому поводу одна датская летопись от 1674 г.:

«Опасность, которой они избежали, и строгий приказ, чтобы впредь никто не смел без разрешения плавать в Гренландию, так напугал иных людей, что с того времени ни купец, ни моряк не решались туда ходить. Хотя некоторое время спустя королева послала туда несколько кораблей, но их никогда больше не видели, и было не известно, погибли они или нет, ибо не

---

[1] P. N ø r l u n d, De gamle nordbobygder ved verdens ende, København, 1934.

[2] T. S c h i e m a n n, Rußland, Polen und Livland bis in das 17. Jahrhdt., Berlin, 1886, B. I, S. 182 (и след.).

[3] W. V o g e l, Geschichte der deutschen Seeschiffahrt, Berlin, 1915, S. 157.

[4] R. C r o n a u, Amerika, Leipzig, 1892, B. I, S. 131.

могли разузнать ни о месте, ни о причинах их гибели. Это так напугало опытных норвежских моряков, что они не захотели больше ходить в то море. Королева, занятая войнами с Швецией, также не принуждала их к плаваниям и больше не обращала внимания на Гренландию»[1].

К тому же в конце XIV в. у Норвегии было достаточно своих собственных трудностей. В 1392 г. вновь, как и в 1349—1351 гг., разразилась опустошительная эпидемия, обезлюдившая страну, а Берген, исходная база гренландских плаваний в XIV в., был захвачен и разграблен «братьями-продовольственниками» в 1393 г. и долгое время не мог оправиться от этого удара[2]. Отсюда понятно, что «о гренландском плавании «Трещотки» после опустошения Бергена нигде больше не упоминается»[3].

Норденшельд был, пожалуй, прав, предполагая, что «морское сообщение с Гренландией и близлежащими частями Америки до начала XIV в. было более оживленным, чем обычно себе представляют»[4].

И все же едва ли можно сомневаться в довольно неожиданном и почти полном разрыве на долгое время связей между Скандинавией и Гренландией примерно с 1400 г.

Наряду с экономическим и политическим упадком наблюдалось и ослабление церковной деятельности. Вслед за назначением первых епископов Гренландия вместе с другими североевропейскими и североатлантическими епархиями была сначала подчинена в 1133 г. архиепископу Гамбурга — Бремена, а затем в 1148 г.— архиепископу Тронхейма[5]. Когда в 1206 г. в Лунде была учреждена новая архиепархия, Гренландия вошла в ее состав. До конца XIII в. церковные узы, связывавшие Гренландию с Европой, были еще довольно тесными, но в XIV в. они начали ослабевать в такой же мере, как и экономические связи, и полностью прервались в самом начале XV в. Выше уже говорилось о том, что примерно к середине XIV в. из-за редких рейсов в Гренландию там на протяжении 21 года совсем не было епископа (см. гл. 150). Экспедиция Пауля Кнутсона, 1355—1364 гг., которая должна была спасти гренландскую церковь от упадка, не выполнила своей миссии, и к тому же подобные попытки больше не повторялись. Западное поселение угасло, вероятно, в 1342 г., а не позднее 1360 г.[6] начался, несомненно, упадок и большего по размерам Восточного поселения. Правда, позднее, в 1368 г.. епископ Альф добрался до Гренландии, но после его смерти в 1377 г. гренландская епархия осиротела. Постоянной резиденцией епископов, не считая пере-

---

[1] H. S i e v e r s, Bericht von Grönland, Hamburg, 1674.

[2] G. S t o r m, Vitalisbrødernes plyndringstog til Bergen 1393, «Norsk Historisk Tidskrift», 3 kr, B. 4.

[3] J. F i s c h e r, Die Entdeckungen der Normannen in Nordamerika, Freiburg, 1912, S. 49.

[4] A. E. N o r d e n s k j ö l d, Die Reise der Gebrüder Zeno und die ältesten Karten des Nordens, «Studien und Forschungen», Leipzig, 1885, S. 5.

[5] C a e s a r i u s B a r o n i u s, Annales ecclesiastici, Lucca, 1746, t. 18, p. 494; E h r l e, Der historische Gehalt der päpstlichen Abteilung auf der Weltausstellung in Chicago, «Stimmen der Zeit», 1894, B. 46, S. 378.

[6] M. D e g e r b ø l, Animal remains from the west settlement in Greenland, «Meddelelser om Grønland», Köbenhavn, 1936, B. 88, No. 3, S. 3.

рывов после их смерти, с 1126 г. и в течение 251 года был Гардар[1], хотя первый епископ Эйрик Гнупсон проживал в другом месте, возможно в Санднесе, как полагают в последнее время[2].

После смерти епископа Альфа епархия долгое время находилась на попечении Эйндриде Андрессона, а священником был Палль Хальвардссон. Об этом священнике мы знаем, что еще 19 апреля 1409 г. он подписал свидетельство о вступлении в брак исландца Торстейна Олафссона и его невесты гренландки Зигрид Бьёрнодоттир[3]. Но религиозная жизнь колонии, видимо, постепенно замирала, так как мореходные связи с Гренландией прекратились и другие священнослужители не могли туда попасть.

Должно быть, еще в течение многих десятилетий продолжалось назначение епископов в Гренландию[4], но, «вероятно, не было возможности переправить их туда, так как в конце XIV в. судоходство между Норвегией и Гренландией существовало лишь номинально»[5]. Действительно, после 1390 г. наблюдалось прямо-таки перепроизводство гренландских епископов: все новые и новые лица получали назначение даже до смерти или отказа от этого чина своих предшественников. Особенно увеличилось число гренландских епископов с 1409 г., когда одновременно действовали три антипапы,[6] из которых каждый посвящал в сан своих епископов. По меньшей мере дважды назначались епископами Гренландии и немецкие священнослужители. Так, например, в этот сан был рукоположен пастырь Буркхарт из Витценхаузена[7], который важно величал себя епископом в двух сохранившихся документах от 9 октября 1390 г. и 19 августа 1393 г.: «Мы, Боргхарт, Божьей милостью епископ Гренландии и пастырь Витценхаузена»[8]. На его печати написано «*Borchardi episcopi Grandensis*». Однако этот Буркхарт всегда предпочитал надежное, хотя и скромное место пастыря в Витценхаузене воздушному замку епископской резиденции в Гренландии. Так же поступал и его духовный коллега в Кёслине, о котором в одном документе сообщается следующее: «В 1433 г. соотечественник кёслинского викария Иоганн Винтер, он же епископ Иоанн Гренландский, завещал своей служанке Христиане Шварцкоппен за ее 24-летнюю верную службу почти все свое имущество и ежегодное получение двух кулей муки»[9].

[1] P. Nørlund, M. Stenberger, Brattahlid, «Meddelelser om Grønland», 1934, B. 88, No. 1, S. 143.

[2] A. Roussell, Sandnes and the neighbouring farms, «Meddelelser om Grønland», 1936, B. 88, No. 2, S. 28.

[3] K. Maurer, Grönland im Mittelalter, Leipzig, 1874, S. 230.

[4] Неполные списки см. Pius Bonifatius Gams, Series episcoporum ecclesiae catholicae, Regensburg, 1873, p. 334; O. Kolsrud, Diplomatarium Norwegicum, t. XVII, p. 383 (и след.).

[5] Статья Апеля. См. «Hansische Geschichtsblätter», 1930, S. 173.

[6] Тремя антипапами, проклинавшими и отлучавшими друг друга от церкви, были Бенедикт XIII (1394—1424), Григорий XII (1406—1415) и Иоанн XXIII (1410—1415), в прошлом пират.— *Прим. ред.*

[7] Статья Апеля. См. «Hansische Geschichtsblätter», 1929, S. 157; 1930, S. 172.

[8] См. «Zeitschrift für hessische Geschichte», B. XXX, S. 286.

[9] Hannecke, Köslin im 15. Jahrhundert, «Programm des Kösliner Gymnasiums», 1893, S. 18.

Последним 30 мая 1425 г. был торжественно рукоположен в сан гренландского епископа доминиканский патер Роберт Рюнгман[1]. Но и после него Гамс называет следующих епископов Гренландии: Бартоломео де Сан-Ипполито (ум. 1440 г.), Григория (около 1450 г.) и, наконец, Винцентия Кампе (около 1520 г.)[2].

Можно считать, что после 1400 г. гренландская колония норманнов была уже забыта. В 1406 г., как показывают первоисточники, приведенные в начале главы, корабль с исландцами еще раз побывал в Гренландии, видимо поневоле, отнесенный туда штормом на обратном пути из Норвегии в Исландию. Целых четыре года его экипаж оставался в Гренландии, а затем в 1410 г. вернулся не в Исландию, а обратно в Норвегию. Оба эти обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что собственный корабль исландцев вышел из строя и что моряки вынуждены были ждать четыре года, пока их не захватит другое судно. Однако они были доставлены не на родину, а в Норвегию. Во всяком случае, плавание 1410 г. было вообще последним, о котором сообщалось в хрониках. Правда, в 1418 г. «Лепта Святого Петра» из Гренландии каким-то неизвестным путем попала в Рим[3]. Но после 1418 г. норманская колония в Гренландии как сквозь землю провалилась, и ее судьба стала одной из великих загадок истории культуры.

Исследователи предлагали весьма противоречивые объяснения бесследного исчезновения когда-то цветущего поселения, насчитывавшего несколько тысяч жителей. Некоторые полагали, что жестокая эпидемия, возможно эпидемия оспы, разразившаяся в Гренландии в 1402—1404 гг., или очень лютая зима 1423 г. привели к гибели население колонии. Но если после 1406 г. ни один корабль не ходил больше в Гренландию, то как же была занесена туда оспа? Невероятно также, чтобы оседлое население, имевшее в своем распоряжении более чем достаточное количество плавника, а следовательно, и топлива, могло полностью погибнуть, располагая прочными домами, даже в такую лютую зиму. Оба эти объяснения представляются неправдоподобными.

Предположение о том, что внезапное изменение климата могло уничтожить норманские поселения в Гренландии, должно быть признано необоснованным, особенно после доказательств, приведенных во II томе (см. гл. 100).

Часто высказывалось также предположение, что норманны были истреблены численно превосходившими их эскимосами, когда последние стали переселяться с севера на юг. В отдельных местах определенно дело доходило до кровопролитных стычек. Ведь запись в «Готтскальских аналлах», относящаяся к 1379 г., сообщает о такого рода стычках. К тому же в могилах Восточного поселения найден череп норманна, пронзенный эскимосской стрелой[4]. По слухам, не подтвержденным доказательствами, примерно в 1418 г. Восточ-

[1] K. Eubel, Hierarchia catholica medii aevi, Münster, i. W. 1913, p. 260.
[2] Pius Bonifatius Gams, op. cit., p. 334.
[3] F. Nansen, Nebelheim, Leipzig, 1911, B. II, S. 64. [«Лепта Святого Петра»— отчисление от церковных доходов в пользу папского престола.— *Ред.*].
[4] Ibidem, S. 90.

ное поселение подверглось опустошительному нападению с моря[1]. Из этого исследователи делали вывод, что именно тогда были истреблены все колонисты. Однако такое заключение недопустимо. Все знатоки психологии эскимосов, во главе с Нансеном[2], считают немыслимым, чтобы совсем невоинственные эскимосы, самые миролюбивые люди на земле, когда-либо могли затеять истребительную войну и даже добиться победы над воинственными викингами.

Итак, сравнительно крупные военные столкновения между эскимосами и гренландскими викингами вряд ли вероятны. Все же можно полагать, что неоднократно происходили небольшие стычки, а также случайные нападения и убийства отдельных норманнов и поджог их дворов. В результате и без того малочисленное норманское население, которое должно было бороться с различными экономическими трудностями, вероятно, за ряд десятилетий сильно сократилось. При таких стычках некоторая часть имущества викингов, наверно, попадала в качестве военной добычи в руки эскимосов.

Маттиассен посвятил девять лет археологическим раскопкам в областях, населенных эскимосами, в Гренландии и Северной Канаде. Из результатов раскопок средневековых поселений он делает следующий вывод: «Норманские колонии исчезли, а эскимосы разграбили их поселения и, следовательно, завладели вещами, принадлежавшими норманнам. Эти вещи мы и находим теперь в остатках старых эскимосских стойбищ. Норманны, конечно, не по доброй воле разбили свои церковные колокола, из обломков которых эскимосы смогли изготовить свои молотки и серьги»[3].

Если нападение на Восточное поселение около 1418 г. действительно произошло, что отнюдь не доказано, то виновниками опустошения были скорее всего чужеземцы, вероятно английские пираты, но никак не эскимосы[4]. Возможно, что английские и ганзейские китобои около 1400 г. иногда попадали в Гренландию[5].

Но все эти старые догадки о том, что гренландская колония погибла вскоре после 1410 г., можно теперь считать окончательно опровергнутыми. Самый важный документ, на который они опирались, а именно приведенное выше письмо папы от 1448 г., вызывает большие сомнения. Папа Николай V, очевидно, сам стал жертвой обмана.

Вот как отзывается об этом письме Нансен:

«Оно свидетельствует о таком поразительном незнании гренландских условий и особенно положения эскимосов, что письменная жалоба, на которой оно основывается, должна внушать сильные сомнения»[6].

---

[1] «Ymer», Stockholm, 1891, S. 23.

[2] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 58 (и след.).

[3] T. Matthiassen, The Eskimo archeology of Greenland, «The Smithsonian Report for 1936», Washington, p. 403.

[4] Ersch, Gruber, Allgemeine Enzyklopädie der Wissenschaften un Künste, Leipzig, 1872, B. I, S. 133.

[5] T. Apel, Burghard, Pfarrer zu Witzenhausen und Bischof von Grönland, «Hansische Geschichtsblätter», 1929, S. 172.

[6] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 56.

Чтобы это понять, нужно учесть следующие обстоятельства. Даже во время наивысшего расцвета колонии в ней насчитывалось всего 100 крошечных населенных пунктов, в которых было 280 дворов. Среди этих поселений находилось два маленьких местечка, которые можно назвать городками. Кроме того, в Гренландии было два монастыря — мужской августинский и женский бенедиктинский — и всего 16 церквушек: 12 в Восточном поселении и четыре — в Западном[1]. Отсюда ясно, что сообщение, содержащееся в письме папы, будто в Гренландии сохранилось «лишь девять отдаленных церквей», было сплошным вымыслом. К тому же утверждение, что пленным христианам предстояло нести «тяжкое бремя рабства», работая на своих «тиранов», представляется парадоксом в применении к эскимосскому хозяйству. Ведь эскимосы наверняка никогда не имели рабов, которых они были бы вынуждены только кормить, не получая никакой пользы. В письме папы нашли яркое отражение представления европейцев XV в. Видимо, адресаты письма Марцелл и Матфей, стремившиеся стать гренландскими епископами (о них, кроме этого письма, нигде не упоминается), хотели страшными сказками заставить святого отца посвятить их в высший сан, на который иначе они не могли бы претендовать[2]. Во всяком случае, отзвук этих сказок в письме папы доказывает, что их сообщения были сделаны в духе бульварных романов. Для разбора исторических событий, происшедших в Гренландии, письмо папы ничего не дает.

В XVII в. была опубликована еще одна версия причин прекращения связей между Европой и Гренландией в XV в. Она относится, однако, не к событиям, случившимся вскоре после 1410 г., а к тем, которые произошли через 75 лет. Но так как эта версия типична для авторов, наделенных сильным воображением и пытающихся «объяснить» фантастическими вымыслами исчезновение Гренландии с европейского горизонта, следует сказать о ней несколько слов.

Основываясь на книге французского автора 1642 г.[3], Зиверс рассказал в 1674 г. следующую странную историю:

«Господин Ворм заверил меня, что он прочитал в одной старинной датской книге, будто примерно в году 1484, в правление короля Иоанна[4], в норвежском городе Бергене было более 40 моряков, которые все годы ходили в Гренландию и оттуда доставляли ценные товары. Но когда в этом году они не захотели продать эти товары немецким купцам, пришедшим в Берген для

---

[1] «Grønlandske Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 226 (и след.). Самой большой из этих 16 церквей была «Вальсё» около Юлианехоба (Какорток), развалины которой сохранились до наших дней. В этой хорошо оборудованной церкви были стеклянные окна, и для ее сооружения использовали камни весом до 10 *т*. См. J. B l ü t h g e n, Die Wikinger auf Grönland, «Geographischer Anzeiger», 1936, S. 422.

[2] G. S t o r m, Nye Efterretninger om de gamle Grønland, «Historisk Tidskrift», Christiania, 1892, S. 399.

[3] I. d e l a P e y r è r e, Relation du Groenland, Paris, 1642, 2-me part cap. 1.

[4] Имеется в виду король Иоанн (Ханс) I Датский (1481—1513).

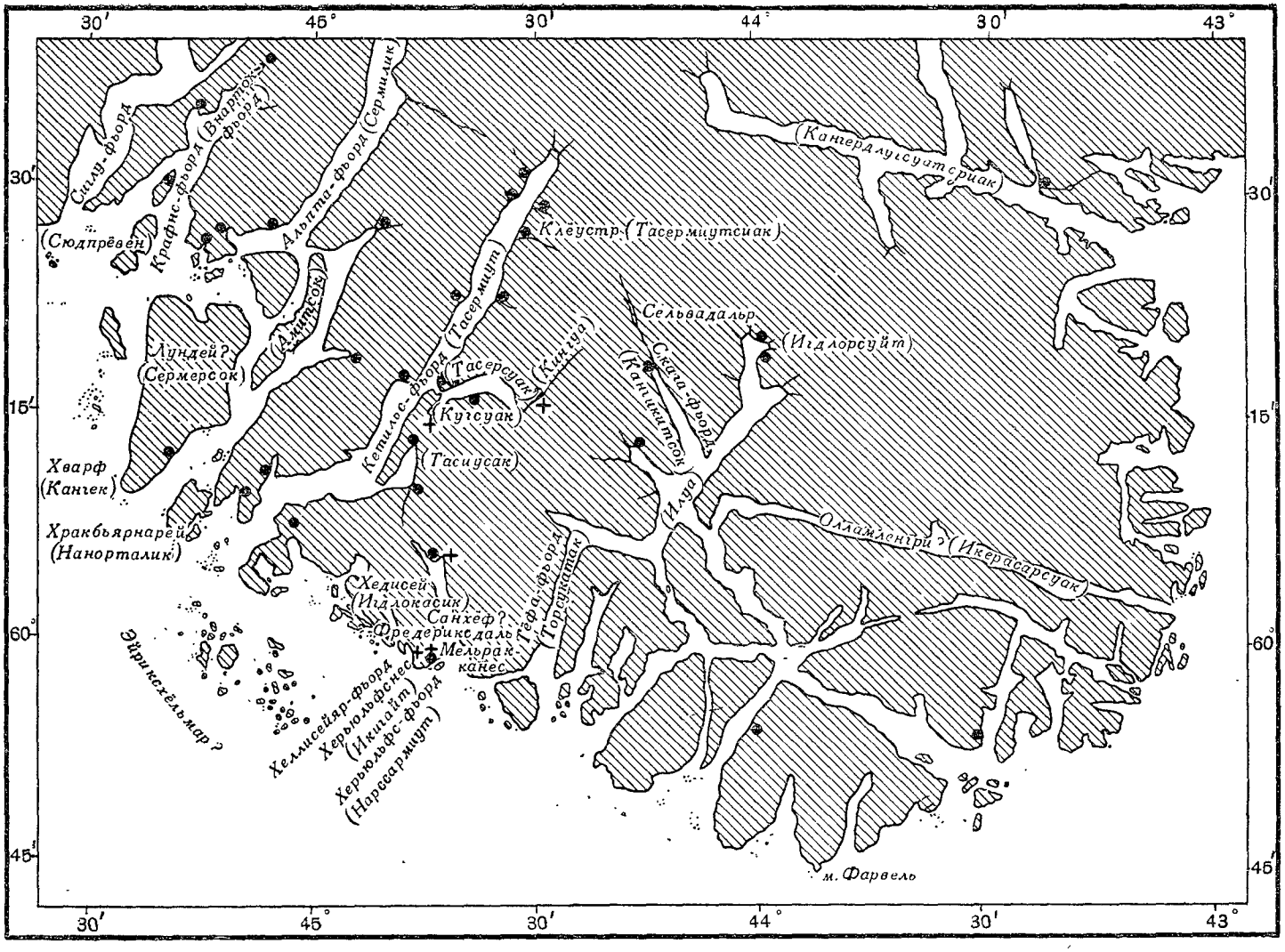

Рис. 22. Картосхема Восточного поселения норманнов в Гренландии.

Черный кружок—крестьянский двор; черный кружок с крестиком—крестьянский двор с церковью; крестик—мелкие развалины. [В скобках даются современные названия.—*Ред.*]

их закупки, то упомянутые купцы на это ничего не сказали, а пригласили моряков на ужин и ночью всех их убили»[1].

Вся эта история ни на чем не основана. Еще Зиверс и Ла-Пейрер не верили в нее. Позднее превосходный знаток истории Бергена, Нильссон, рассматривал этот эпизод как сказку, не представляющую интереса. Совершенно исключается возможность того, что около 1484 г. в Бергене еще проживало 40 мореходов, которые «все годы» плавали в Гренландию и «доставляли ценные товары». Ведь плавания в Гренландию были монополизированы короной и запрещены частным лицам под страхом смерти. К тому же в письме папы от 1492 г. утверждается, что в Гренландии «в течение 80 лет не приставал... к берегу ни один корабль» (см. стр. 413). Если в 1484 г. в Бергене действительно еще жили люди, знавшие путь в Гренландию, то немецкие купцы, якобы очень интересовавшиеся гренландскими товарами, совершили бы величайшую глупость, убив последних знатоков этого пути только из-за ссоры с ними. Весь этот рассказ интересен лишь с психологической точки зрения, так как он показывает, на какие выдумки способны некоторые «историки», обладающие пылкой фантазией. Ни малейшей исторической ценности он не представляет.

Впрочем, найти правильный курс при плавании в Гренландию из Норвегии не так уж трудно, как это изображает Зиверс. Советы корабельщику, которые даются в «Ландномабоке» (см. стр. 413, 414), определенно об этом свидетельствуют.

Легче всего придерживаться правильного курса на заданной широте можно, наблюдая за стоянием солнца в полдень, если небо ясное или слегка облачное. Поэтому в те времена, когда компасом еще не пользовались, советы из «Ландномабока» были самыми практичными для тех, кто держал курс от южной Норвегии к мысу Варф [Фарвель] на юге Гренландии, который находится почти на той же широте. Только в пределах Исландии рекомендовалось уклониться дальше на север, чтобы надежнее достигнуть Гренландии.

Многовековые головоломные исследования, посвященные судьбе гренландской колонии древних викингов, несколько десятилетий назад признаны почти ненужными. Современное состояние науки позволяет нам сделать вывод, что никакой *внезапной гибели колонистов вообще никогда не было*, а происходила постепенная, продолжавшаяся по меньшей мере полтора столетия убыль населения, без каких-либо трагических событий. Даже полное прекращение всякого сообщения с Гренландией и утрата сведений о ней в настоящее время ставятся под большое сомнение.

В первом издании этого труда, в 1938 г., автор высказал предположение, что норманские колонии в Гренландии существовали по меньшей мере до 1540 г[2]. Как он узнал позднее, эту же мысль защищал первый гренландский миссионер Эгеде в середине XVIII в. Эгеде полагал, что Восточное поселение,

---

[1] H. S i e v e r s, Bericht von Grönland, Hamburg, 1674, S. 31.
[2] R. H e n n i g, Terrae Incognitae, B. III, S. 362, 363.

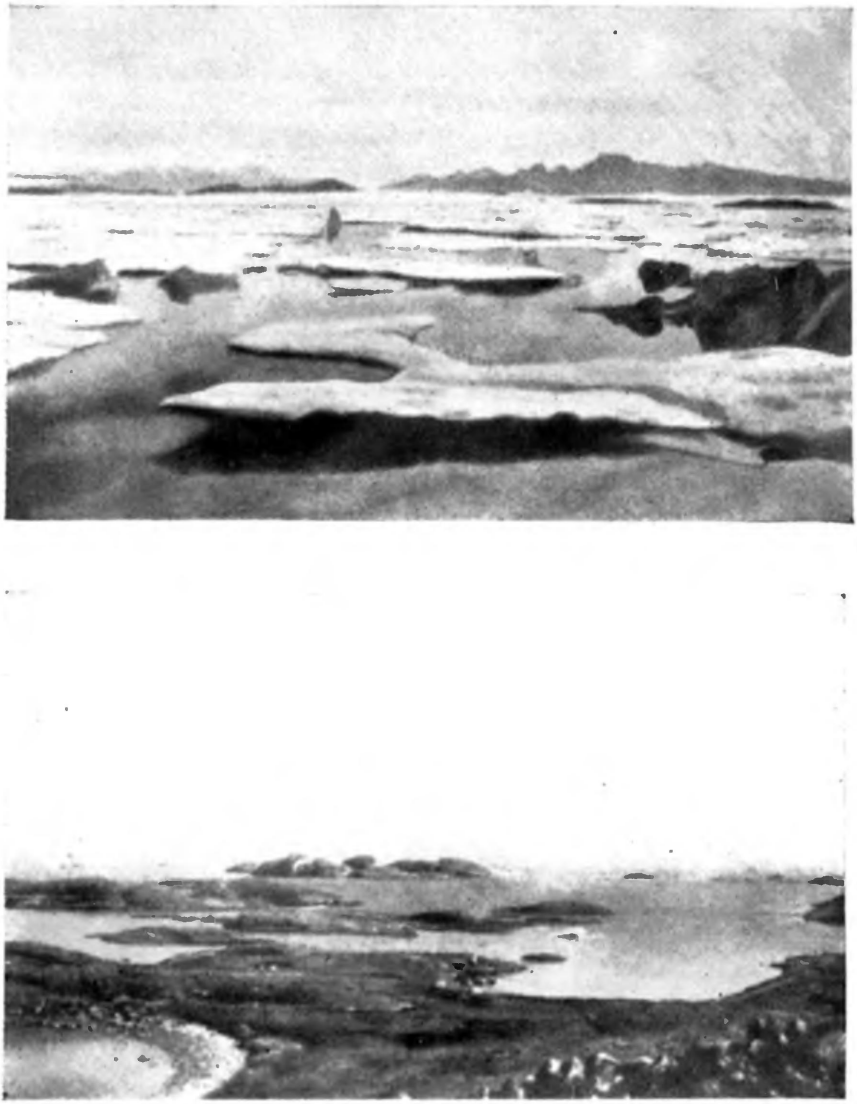

Рис. 23. *Наверху* — часть Восточного поселения, самого южного района расселения норманнов и ледяной пояс. *Внизу* — вид на Херьюльфснес, место раскопок 1921 г.
См. «Meddelelser om Grønland», B. 67, S. 3, 21.

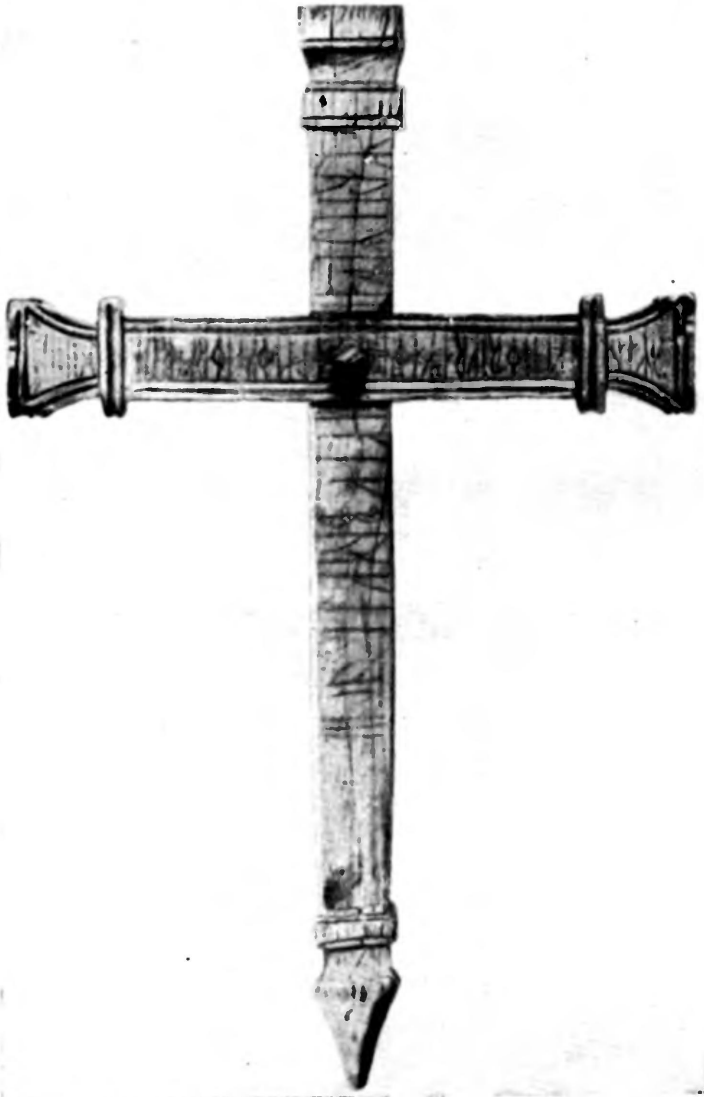

Рис. 24. Крест, покрытый прекрасной резьбой с рунических письменами.

Этот крест найден в захоронениях в Херьольфснесе и свидетельствует о том, что после 1450 г. норманны в Гренландии еще исповедовали христианство. См. «Meddelelser om Grønland», B. 67, S. 282 (и след.).

вероятно, существовало около 1540 г. и, видимо, не совсем исчезло даже в его время[1].

Бобе доказал в 1909 г. на основании незадолго до того открытого документа[2], что около 1473 г. датский король Кристиан I послал в Гренландию экспедицию под командованием двух адмиралов — Пининга и Потхорста (см. т. IV, гл. 188). Уже одно это обстоятельство позволило сделать вывод о том, что в Гренландии, вероятно, все еще имелись тогда остатки прежней норманской колонии.

Но поистине неопровержимые доказательства правильности этого предположения были предъявлены в 1921 г. в результате раскопок, производившихся по поручению датского правительства с 5 июля по 27 августа в тех местах, где находились древнейшие поселения, а именно в Херьюльфснесе (см. т. II, гл. 102). Эти раскопки привели к новым поразительным выводам[3]. Был раскрыт ряд норманских могил, содержание которых позволило определенно установить, что Херьюльфснес процветал в экономическом отношении еще по меньшей мере полстолетия после мнимой гибели гренландской колонии. Во многих могилах вместе с умершими были захоронены предметы одежды, несомненно соответствовавшие моде, типичной для эпохи Людовика XI Французского (1461—1483), в частности своеобразные высокие остроконечные бургундские шапки, которые носили только в то время. Руководитель раскопок Нёрлунд высказал по этому поводу следующее мнение:

«Этот колпак служит неопровержимым доказательством того факта, что еще в конце XV в. европейские корабли доходили до Гренландии»[4].

Что это были за корабли, мы не знаем, но, очевидно, не те скандинавские суда, которые имели официальное разрешение на плавание, а скорее нелегально курсировавшие норвежские, английские, голландские или ганзейские суда. Они вели тайную торговлю, пренебрегая притязаниями датской короны, и немудрено, что их владельцы старались говорить как можно меньше о своих операциях. Поэтому о них не сохранилось никаких письменных свидетельств. Автор считает довольно неудачной догадку Фридерици, что именно Пининг и Потхорст доставили модную европейскую одежду в Гренландию и вели там «торговлю»[5]. Пининг и Потхорст выполняли в Гренландии официальное государственное задание и были датскими *адмиралами*, а не купцами, торговавшими одеждой. Фридерици, который принимал этих двух заслу-

---

[1] H. E g e d e, Beschreibung und Naturgeschichte von Grønland, Berlin, 1763, S. 48 (и вклейка I).

[2] L. B o b é, Aktstykker til oplysning om Grønland beseiling 1521—1607, «Dansk Magazin», 1909, ser. VI, S. 303.

[3] P. N ø r l u n d, The finds from Herjolfsnes, in Greenland, published by the Commission for geological and geographical investigation, v. II, p. 404 (и след.); P. N ø r l u n d, Groenland au moyen-âge, «Revue historique», 1933, t. 172, p. 409; P. N ø r l u n d, Buried Norsemen at Herjulsnes, «Meddelelser om Grønland», 1924, B. LXVII, S. 1.

[4] P. N ø r l u n d, op. cit., S. 416.

[5] G. F r i e d e r i c i, Der Charakter der Entdeckung und Eroberung Amerikas durch die Europäer, Stuttgart, 1936, B. III, S. 70.

женных и выдающихся деятелей, немцев по происхождению, за «торговцев и укрывателей краденого»[1], сильно их недооценивал!

Но не только мода 1470—1480 гг., которой могли точно подражать зажиточные гренландцы, служит доказательством продолжавшегося существования норманской колонии. Одно здание, построенное в то же самое время, также приводит нас к заключению, что Херьюльфснес вовсе не переживал огда упадка. Многочисленные деревянные кресты на могилах свидетельствуют, далее, о том, что там сохранялись христианские нравы и обычаи (см. рис. 24). На одном из надгробных камней уцелела надпись, говорящая о том, что под ним нашел свое последнее успокоение уроженец Рейнской области. Следовательно, во второй половине XV в. даже немцы еще навещали «вымершие» гренландские колонии!

Косвенным доказательством нелегальной торговли с Гренландией в течение спорных десятилетий может служить протест, направленный в 1431 г. датским королем Эйриком VII (1412—1439) английскому королю Генриху VI (1422—1471). В нем высказывается недовольство тем, что уже с 1411 г. английские мореходы без разрешения вели торговлю на «землях и островах» Норвегии»[2].

Английские фальсификаторы истории охотно излагали ход событий так, будто Гренландия после 1410 г. была совершенно забыта Европой и только в 1577 г., так сказать, заново открыта экспедицией Фробишера[3]. Проф. Рейнке (Гамбург) в письме, направленном автору этих строк 1 июня 1940 г., вполне правильно охарактеризовал подобное утверждение как «истинно британское самомнение». Что оно абсолютно беспочвенно, покажут нижеследующие рассуждения.

Еще экспедиция Пининга и Потхорста, состоявшаяся около 1473 г., вероятно, значительно усилила интерес к Гренландии. Об этом свидетельствует хотя бы письмо папы от 1492 г. Ведь само назначение брата Матиаса епископом в Гардар, даже если оно осталось на бумаге, было бы бессмысленным, не имей папа данных о продолжающемся существовании норманской колонии. К этому присовокупляется еще письмо к королю Португалии, направленное в 1493 г. Иеронимом Мюнцером из Нюрнберга (см. т. IV, гл. 189). В нем сообщается, что «несколько лет как стал известен... большой остров Гренландия, на котором расположено большое поселение подданных названного господина герцога».

Надпись на изготовленном в 1492 г. глобусе Мартина Бехайма, помещенную рядом с изображенной по старинке Гренландией, раньше читали так: «Здесь находят белых соколов» (*falcken*). Но, очевидно, ее следует читать: «Здесь находят белый народ» (*volck*) (см. т. IV, гл. 196). Впервые такое толко-

---

[1] «Göttingische Gelehrte Anzeiger», 1939, S. 75.

[2] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 160 (и след.).

[3] В 1577 г., как и в предшествовавшем 1576 г., Мартин Фробишер только видел на севере южное побережье Гренландии. Высадка на это побережье (то есть подлинное вторичное открытие Южной Гренландии европейцами) была совершена только в 1578 г.— *Прим. ред.*

вание предложил, кажется, Бьёрнбо[1]. Из изложенных фактов со всей очевидностью вытекает, что незадолго до 1492 г. в Европу действительно пришло новое сообщение о гренландских поселенцах, и, весьма вероятно, оно было получено благодаря экспедиции Пининга и Потхорста, вновь привлекшей внимание к полузабытой колонии.

Новые обстоятельства, открывшиеся теперь взору исследователя, были обобщены Брёггером, принимавшим участие в раскопках в Херьюльфснесе.

«Связь Восточного поселения с Европой продолжалась в течение всего XV в. ...Одежды рассказывают о том, что европейские моды были распространены и в Гренландии на протяжении всего (!) XV в ...Мы обнаруживаем здесь не меховые одежды бедного охотничьего народа, а богатое европейское платье, шляпы и чулки. Вместо жалкого народа, каким представляли себе раньше гренландцев, мы встретились в Херьюльфснесе с подчеркнуто европейским «высшим классом», поддерживавшим прочные и регулярные связи с Европой... Можно предположить с максимальной вероятностью, что англичане в течение всего XV в. при случае совершали также плавания в Гренландию и в этих плаваниях пользовались услугами норвежских лоцманов, знавших путь»[2].

Добавим, что, по мнению Брёггера, найденные в погребениях Херьюльфснеса одежды, вероятно, не были доставлены из Европы, а изготовлены в самой Гренландии по европейским моделям.

Если Брёггер полагал, что связи между Европой и Гренландией продолжались «в течение всего XV в.», то теперь можно доказать, что и в XVI в. эти связи не обрывались. Мало того, можно указать на ясные следы процветания поселений викингов даже в этом столетии.

Впрочем, раскопки 1921 г. подтвердили также и предположение о том, что в начале XVI в., когда связи с Европой прервались, действительно началось угасание гренландской колонии. Этот вывод был сделан главным образом в связи с находкой в Херьюльфснесе поразительно маленьких, карликовых скелетов, свидетельствующих о вырождении норманнов. В первом издании этого тома (1938 г.) автор согласился с этим выводом археологов. Впрочем, думается, что и он требует проверки.

Хансен — медик, исследовавший останки норманнов, погребенных в Херьюльфснесе,— обнаружил сильную деформацию костей всех скелетов, захороненных в 1470—1480 гг. Она, вероятно, была вызвана однообразным, неправильным питанием.

По Хансену, рост покойников, погребенных в Херьюльфснесе, очень редко достигал 160 *см* и никогда не превышал 162 *см*[3]. Часто, особенно у женщин, рост колебался в пределах 140—145 *см*. Отсюда следует, что рослые представители северной расы превратились в «скрелингов», то есть карликов, и к тому же еще нежизнеспособных. Из 20 покойников старше 18 лет половина

---

[1] A. A. B j ö r n b o, Cartographia Groenlandica, «Meddelelser om Grønland», 1911, B. XLVIII, 1, S. 156.

[2] B r ø g g e r, op. cit., S. 184, 187 (и след.).

[3] F. C. C. H a n s e n, Anthropologia medico-historica Groenlandiae antiquae. I. Herjolfsnes, «Meddelelser om Grønland», 1924, B. LXVII, S. 291.

не достигла даже 30 лет. Черепа их необычайно малы, а тазы до того деформированы, что при родах, видимо, как правило, погибали и мать и ребенок. Одного этого достаточно, чтобы объяснить быстрое вымирание колонии.

Вот какие выводы делает Хансен: «Сильная северная раса, первоначально заселившая Гренландию, выродилась с течением столетий под влиянием суровых и под конец неуклонно ухудшавшихся условий, особенно из-за духовной, материальной и физической изоляции. Она стала расой низкорослых, хилых, болезненных людей со всевозможными дефектами и патологическими отклонениями».

Основываясь на находках в Херьюльфснесе, к аналогичному заключению пришел и немецкий исследователь Блютген: «От гордой и отважной дружины викингов — спутников Эйрика Рыжего осталась только горсточка болезненных, слабых, низкорослых и некрасивых людей»[1].

Хансен был склонен приписать рахиту физическое вырождение и нежизнеспособность обитателей Херьюльфснеса. Дюссельдорфский патолог проф. Хюбшман сильно заинтересовался этой проблемой и в течение многих лет неоднократно обменивался своими взглядами с автором этих строк. Хюбшман усомнился в том, что причиной вырождения был рахит, и обстоятельно изучил доказательства Хансена, которые автор этих строк доставил ему в Копенгаген при содействии доктора Ларсена.

Вот что Хюбшман сообщил автору в своем письме: «Для рассмотрения вопроса, связано ли вымирание гренландских норманнов с какими-либо болезнями, в работе [Хансена] относительно мало данных. Они приведены главным образом на стр. 321—328, а в остальных случаях разбросаны в отдельных замечаниях и выводах. Поэтому я не согласен с предположением автора, что здесь сыграл роль рахит, который привел к деформации тазобедренных костей и затруднил роды, *так как не убежден в рахитическом перерождении скелетов*. Ведь, кроме искривлений позвоночного столба и деформации таза, не приводится никаких данных об изменении костей черепа или верхних и особенно нижних конечностей, которые свидетельствовали бы только о рахите. Распространение рахита я считаю невероятным хотя бы потому, что как раз противорахитный витамин, несомненно, имелся в наибольшем количестве в пище гренландских норманнов (рыба). Мне кажется, гораздо большее значение имеет предположение автора, что в одном случае наблюдался *туберкулез позвоночного столба*. Правильно ли это предположение, нельзя решить, располагая только макроскопическими изображениями и описаниями. Но возможно, что микроскопическое исследование дало бы надежные результаты. На основании исследований костного туберкулеза, предпринятых в моем институте, я считаю это вполне допустимым.

Но если бы оказалось, что хотя бы в одном случае из 27 действительно был обнаружен костный туберкулез, то должен возникнуть вопрос о его происхождении. В этом случае ответ был бы прост. Он гласил бы, что при наличии костного туберкулеза определенно был распространен и туберкулез

---

[1] J. B l ü t h g e n, Die Wikinger auf Grönland, «Geographischer Anzeiger», 1936, S. 425.

мягких тканей, в частности *туберкулез легких*. Понятно, что эта болезнь должна была привести к гибели последних норманнов, которые под конец влачили весьма жалкое существование».

В связи с этим письмом следовало бы напомнить о том, что и в настоящее время туберкулез довольно широко распространен среди населения Севера. В Исландии, например, он считается одной из самых опасных болезней. Видимо, до настоящего времени еще нет твердого мнения о том, какую роль играют в данном случае особенности климата и недостаток солнечного освещения. Как бы то ни было, туберкулез, пожалуй, в значительной мере повинен в вырождении норманской колонии. Впрочем, специалисты разъяснили, что присутствие противорахитного витамина Д в рыбной пище и рыбьем жире не всегда исключает рахит, так как эта болезнь может быть вызвана и недостатком солнечного освещения. Хюбшман хотел выяснить этот вопрос исследованием костей, откопанных в Херьюльфснесе. Но ему, к сожалению, не удалось лично провести это исследование в Копенгагене из-за войны. А путем переписки, как Хюбшман сообщил в письме автору от 29 октября 1943 г., он не смог получить из Копенгагена данных, необходимых, чтобы уяснить себе этот вопрос.

Рахит или туберкулез были причиной несчастья,— пусть этот вопрос останется пока открытым. Запоздалое исследование костей едва ли поможет выяснению проблемы, так как, согласно письменному сообщению Нёрлунда от 3 ноября 1947 г., «кости очень плохо сохранились». Для нашего исследования этот вопрос имеет второстепенное значение, представляя чисто медицинскую проблему. На стр. 414 приведено сообщение исландского моряка Йона Гренландца, относящееся примерно к 1540 г., о том, что на одном из островов у побережья Гренландии он нашел мертвого норманна, возле которого лежал совершенно сточенный нож. Очевидно, это был один из последних гренландских поселенцев.

Вот что пишет по поводу этого сообщения Нёрлунд: «Разумеется, теперь нельзя установить, заслуживает ли полного доверия свидетельство Йона Гренландца, но его сообщение носит печать достоверности. Оно рисует нам весьма трагическую картину вероятного конца колонии. Последний норманн, одетый в такое же платье, какое мы нашли в Херьюльфснесе, лежал мертвым и непогребенным возле своего пустого, покинутого дома и держал в руке символ культурного превосходства европейца — железный нож, сточенный до последнего предела. Когда европеец перешел через этот предел, он погиб»[1].

Простое сообщение Йона Гренландца представляется тем достовернее, что ему предшествует рассказ о его прибытии в Гренландию на немецком судне. Для того времени этот факт вполне правдоподобен. Как будет показано ниже, можно документально доказать, что гамбургские суда ходили в Гренландию в 1537, 1539 и 1542 гг.[2] Такие плавания, видимо, предпринимались гораздо чаще. Но к этому вопросу мы еще раз вернемся.

---

[1] P. N ø r l u n d, De gamle nordbobygder ved verdens ende, Köbenhavn, 1934, S. 143.

[2] J. M. L a p p e n b e r g, Hamburgische Chroniken in niedersächsischer Sprache, Hamburg, 1861, S. 136, 169, 187.

Итак, можно доказать, что около 1540 г. плавания в Гренландию из *одного только* Гамбурга повторялись не раз, причем они определенно преследовали торговые цели. Но из этого можно сделать недвусмысленный вывод, что в то время, когда там побывал Йон Гренландец, норманские колонии вряд ли находились на грани вымирания. Да и заключение медицинской экспертизы об останках из Херьюльфснеса не говорит о том, что поселенцы были обречены на вымирание. Этот вопрос автор предложил обсудить проф. Хюбшману, обратив его внимание на тот факт, что сообщение с Гренландией продолжалось еще 50 лет после того, как были погребены останки умерших из Херьюльфснеса. Проф. Хюбшман ответил автору 12 декабря 1943 г., что туберкулез, эта предполагаемая причина смерти норманнов, весьма вероятно, *мог*, но не обязательно *должен был* принять «катастрофическое распространение». Характер этого недуга зависит еще от слишком многих других причин.

Как полагает автор, можно доказать фактами, что колонии, будто бы обреченные на вымирание не то к 1410 г., не то к 1480 г., продолжали вполне благополучно существовать еще в 1520—1540 гг. и, видимо, не погибли даже некоторое время спустя. Вот факты, которые, думается, доказывают правильность этого предположения:

1. Король Дании Кристиан II (1513—1546) в 1520 г. обратился с просьбой к папе Льву X (1513—1521) о назначении епископом Гренландии своего духовника Винцентия Педерсена Кампе и одновременно обязался предоставить средства для доставки епископа, если его просьба будет удовлетворена. Папа охотно пошел навстречу желанию короля и 20 июня 1520 г. дал свое согласие[1]. Лундский архиепископ Эйрик Валькендорф, от которого, очевидно, исходила эта идея, был готов любым способом содействовать доставке вновь назначенного епископа в его епархию[2]. В 1521 г. король Кристиан действительно приказал снарядить судно для плавания в Гренландию и назначил командиром «морского льва» Сёрена Норбю. Однако когда дата отплытия приблизилась, оно первоначально задержалось из-за более значительных событий, а затем было совсем отменено.

Дело в том, что в Швеции вспыхнуло восстание, возглавлявшееся Густавом Вазой и направленное против кровавого правления Кристиана (Стокгольмская кровавая баня 8 ноября 1520 г.). У короля было достаточно других хлопот, и гренландский епископ Кампе так и не увидел своей епархии. Но в данной связи для нас важен сам факт назначения епископа. Он не имел бы никакого смысла, если бы заранее не установили, что в 1520 г. еще нужно было заботиться о довольно большой общине в Гренландии.

2. Приведенная среди первоисточников запись того времени о плавании епископа Эгмунда из Скальхольта, предпринятом в 1520 г. или несколько позднее, определенно говорит о том, что в Гренландии в то время еще были овцы. Разумеется, они могли принадлежать только белым поселенцам, а не эскимосам. Правда, это плавание, как установил Нёрлунд[3], происходило

---

[1] B o b é, op. cit., p. 303 (и след.).
[2] «Grønlands Historiske Mindesmaerker», 1845, B. III, S. 631 (и след.).
[3] «Meddelelser om Grønland», 1924, B. LXVII, S. 14.

не на широте Херьюльфснеса, так как в противном случае судно не смогло бы вернуться в Исландию на следующий день, как об этом сообщается в источнике. Но данное обстоятельство имеет второстепенное значение. Сообщение о плавании епископа Эгмунда подтверждает, что в 1520 или 1534 г. в Исландии было еще что-то известно о существовании поселения Херьюльфснес и что в Гренландии видели белых поселенцев, овец и овечьи хлева. Это означает, что норманские дворы по-прежнему существовали и вне Херьюльфснеса.

3. В приведенном на стр. 415, 416 Гамбургском наставлении по плаванию, которое относится приблизительно к 1540 г., говорится: «...он должен искать землю и прийти в Эйрикс-фьорд, где лежит Гарстед». Это позволяет твердо установить, что Гарстед (то есть Гардар) был в то время хорошо известным и, разумеется, заселенным местом. Но отсюда следует, что в рассматриваемый период не могло быть и речи ни о полном забвении гренландских поселений европейцами, ни о быстром вымирании колонистов.

4. Это наставление по плаванию, долго остававшееся неизвестным, свидетельствует о том, что в Гамбурге ощущалась еще потребность с помощью сведущих моряков изучать самый удобный путь в Гренландию, причем такие сведения совсем не считались профессиональной тайной.

Проф. Рейнке любезно сообщил автору 16 ноября 1943 г.: «Многочисленные и непонятные ошибки в нашей гамбургской рукописи свидетельствуют о том, что ее составитель, видимо, не был переводчиком, а только переписал готовый перевод. Из этого следует, что наставление здесь не держалось в секрете, а, скорее всего, распространялось в копиях. Следовательно, все гамбургские мореходы, посещавшие Исландию, проявляли интерес к плаванию в Гренландию».

Эти соображения лишний раз приводят нас к мысли о том, что около 1540 г. судоходные связи с Гренландией еще поддерживались и там имелись постоянные поселения, причем никто не думал об их скорой гибели.

5. В сообщении о плавании Местемакера в Гренландию в 1542 г. (приведенном на стр. 414) сказано, что туда «впервые» был послан корабль для обследования этой земли. Однако, учитывая все обстоятельства, эту фразу можно истолковать только так, как это предложил автор в другой своей работе:

«Гамбургские мореходы, посещавшие Исландию, раньше ходили оттуда в Гренландию лишь при удобном случае, теперь же «впервые» предпринимали плавание *только* в Гренландию»[1].

Трагическое событие на одном из островов у побережья Гренландии, описанное Йоном Гренландцем, наверно, случайно совпало с этим плаванием Местемакера. Поскольку плавания 1537 и 1539 гг. предпринимались не для высадки в Гренландии, следовательно, судно Местемакера было единственным «немецким» судном, о котором сообщается, что оно пристало к гренландскому берегу[2].

---

[1] R. H e n n i g, Die hamburgische Grönland-Expedition des Jahres 1542, «Hansische Geschichtsblätter», 1940—1941, S. 200.

[2] Ibidem, S. 201.

6. Предположение, высказанное Якобом Циглером в 1532 г., доказывает, что на Европейском материке в это время еще не забыли о Гренландии.

Циглер разделяет неоднократно высказывавшееся тогда мнение, будто Гренландия соединена с Европой: «Я допускаю, что Гренландия простирается через Витсерк (глетчер) до Лапландского материка» («*ut Gronlandiam ultra Huitsarch promontorium extenderem ad continentem Laponiae*»)[1].

Вскоре после 1500 г. Крантц тоже писал о Гренландии, называя ее «*insula non minima*» [«немалый остров»] и полагая, что до нее можно добраться из Норвегии на судне за пять-семь дней плавания[2].

В 1561 г. гамбургский моряк, плававший в Исландию, Давид Персе рассказывает в своей плохой поэме об Исландии, что иногда белые медведи из Гренландии на льдинах попадают к исландскому побережью[3]. Другой «гамбуржец» Дитмар Блефкен, несомненно проявлявший склонность к «морской латыни» и совершенно не заслуживающий доверия, несколько позднее утверждал, что в 1563 г. он сам плавал в Гренландию из Исландии[4].

Из всех приведенных выше документов ясно следует, что «Гренландия никогда не исчезала полностью из поля зрения гамбуржцев» (Рейнке). Но те выводы, которые мы сделали для Гамбурга, без сомнения, подходят к другим городам и странам Западной и Северной Европы. В подтверждение этого тезиса приведем некоторые доказательства, основываясь на исследовании Уинсора[5].

1. Упоминавшийся выше лундский архиепископ Эйрик Валькендорф, план которого о назначении нового епископа в Гренландию чуть было не осуществился в 1520—1521 гг., позднее продолжал настаивать на том, чтобы датский король позаботился о душах гренландских поселенцев. Наконец, в 1568 г. король Фридрих II (1559—1588) уступил его просьбам. Однако команда посланного в Гренландию судна не нашла там ни одного поселения. Видимо, моряки, введенные в заблуждение названием «Восточное поселение», распространили свои поиски только на совсем пустынное восточное побережье Гренландии. Однако подробных сообщений об этой экспедиции нет.

2. Англичанин Джекоб Олдей дважды пытался добраться до Гренландии (в 1571—1581 гг.), но это ему не удалось из-за сильного распространения льдов.

3. В 1605 г. некий Годше Линденов получил задание произвести розыски в Гренландии. Но он игнорировал это задание и сосредоточил свои усилия

---

[1] J. Ziegler, Schondia, Strassburg, 1532, S. XCII (и след.).

[2] A. Krantz, Chronica regnorum aquilonarium Daniae, Suetiae, Norwegiae, Strassburg, 1546, p. 591 (и след.).

[3] W. Seelmann, Gories Peerse's Gedicht von Island, «Jahrbuch des Vereins für niderdeutsche Sprachforschung», 1883, B. IX, S. 110.

[4] Ibidem, S. 113. (Лживое сообщение Блефкена было опубликовано в 1607 г. в Лейдене.)

[5] J. Winsor, Narrative and critical history of America, Boston, 1889, v. I.

только на открытии Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий[1].

4. Точно установлено, что датский король Кристиан IV (1588—1648) посылал в Гренландию не менее четырех экспедиций, из них последнюю в 1616 г. Затем пятую экспедицию направило одно датское общество (в Копенгагене), шестую — некий Генрих Мюллер в 1654 г. якобы для поисков золотоносного песка, седьмую — король Кристиан V (1670—1699) в 1670 г.[2] Вряд ли можно было бы найти средства для таких поисковых плаваний, если бы все еще не считалось, что будут вновь установлены выгодные экономические и торговые связи с Гренландией[3].

Принимая во внимание все установленные выше взаимосвязи, мы должны отказаться от мысли, что найденный Йоном Гренландцем мертвец был действительно последним норманном, как автор это считал в первом издании данной книги. Мы не знаем, в какой части побережья Гренландии Йон обнаружил труп. Вполне возможно, что это случилось на пустынном восточном побережье или в гренландских «пустынях», о которых уже неоднократно говорилось выше. Здесь часто находили погибших непогребенных норманских охотников и моряков (см. рассказ о Лодине, т. II, стр. 378, 379). В этом случае из истории, рассказанной Йоном, нельзя делать никакого вывода о дальнейшем существовании норманских поселений.

Вот что было написано еще в 1947 г. в «Американской энциклопедии» о гренландских колониях викингов: «Колонии погибли; их судьба остается одной из тайн истории»[4].

Однако вопреки этому утверждению автор хотел бы высказать новое предположение и внести его на обсуждение. *Внезапного или необычайно быстрого и трагического «вымирания» норманских поселенцев в Гренландии, о котором так часто писали, вообще не было! Если якобы бесследно исчезнувшие вскоре после 1410 г. поселения, по достоверным сведениям, существовали еще около 1540 г. и находились в благополучном положении, то трудно себе представить, чтобы они могли вымереть в относительно короткий срок до наступления в Гренландии новой эпохи, начавшейся с прибытия миссионера Ханса Эгеде в 1721 г.* Правильнее будет считать, что благодаря смешению с эскимосами норманны постепенно «превратились в скрелингов» или их численность медленно сокращалась в связи с переселениями небольших групп.

---

[1] Годше Линденов ни в 1605 г., когда он был только одним из трех капитанов датской поисковой экспедиции, ни в 1606 г., когда он стал начальником второй экспедиции, не игнорировал основного задания отыскать старые норманские колонии. В 1605 г. Линденов совершил высадку на западный берег Гренландии, примерно в районе Вестербюгда. Не найдя там норманнов, он захватил и привез в Данию двух эскимосов. В 1606 г. Линденов снова прошел вдоль юго-западного берега Гренландии, на этот раз до Северного полярного круга, и дважды высаживался на берег.— *Прим. ред.*

[2] H. E g e d e, op. cit., S. 55 (и след.).

[3] О датских экспедициях в Гренландию в конце XVI и в XVII в. см. Ф р. Г е л ь в а л ь д, В области вечного льда, СПБ, 1884, стр. 377—384.— *Прим. ред.*

[4] «Encyclopaedia Americana», v. 13, p. 436.

Это предположение, видимо, поддерживается современными исследователями, что вытекает из догадки, высказанной Нёрлундом в 1936 г.: «Возможно, что еще теперь в гренландских поселениях живут люди с разбавленной норманской кровью»[1].

Следовательно, «конец» древних колоний викингов нельзя доказать только потому, что такого конца вообще не было, а происходило скорее постепенное иссякание из-за резко изменившихся условий.

Допустимо ли предположение, что в Гренландии произошло смешение норманнов с эскимосами,— вопрос спорный! При раскопках в Херьюльфснесе не было обнаружено никаких следов такого расового смешения, и Ховгард твердо заявил: «Не обнаружено ничего такого, что заставило бы сделать вывод о смешении двух рас: среди находок нет даже следа того, что норманны подражали эскимосской культуре или восприняли ее»[2].

Между тем Фридерици защищал тезис о «смешении норманнов с эскимосами» в Гренландии[3] и, следовательно, присоединился к мнению, высказанному еще Нансеном о «переходе гренландцев к эскимосам»[4]. Но не обязательно видеть противоречие между этими высказываниями и находками в Херьюльфснесе. Ведь раскопки только доказывают, что примерно до 1480 г. расового смешения, видимо, не происходило. Но такое смешение, весьма вероятно, наблюдалось после 1480 г. и, пожалуй, было даже необходимо, чтобы предотвратить гибель, грозившую белым колонистам. Если уже к XV в. они так сильно деградировали, то для сохранения жизни им не оставалось ничего другого, как отказаться от расовых предубеждений и, чтобы избежать опасности заключения браков между близкими родственниками, добровольно смешаться с эскимосами.

Это предположение тем более вероятно, что при аналогичных обстоятельствах кое-где на Крайнем севере тоже образовались группы населения, свидетельствующие о смешении скандинавов с эскимосами. Докажем это фактами.

Еще в 1656 г. английскому капитану Николасу Тюнсу при посещении Баффинова залива бросилось в глаза, что на берегах Баффиновой Земли наряду с типичными эскимосами жили другие, высокие, статные и белокурые туземцы[5]. Позднее в этой же местности исследователи узнали об эскимосском сказании, повествующем о каком-то чужом народе —«тормит» или «туннит», который переселился туда в давние времена[6]. Эскимосы северного Лабрадора тоже рассказывают о чужеземцах, пришедших с севера, и также называют их «туннитами». Эти тунниты были не эскимосами, а «эскимосизирован-

---

[1] P. N ø r l u n d, Viking Settlers in Greenland and their descendants during five hundred years, London — Köbenhavn, 1936, p. 149 (и след.).

[2] W. H o v g a a r d, The Norsemen in Greenland, «Geographical Review», 1925, v. 15, p. 615.

[3] «Göttingische Gelehrte Anzeigen», 1939, S. 76 (и след.).

[4] F. N a n s e n, op. cit., B. II, S. 43.

[5] C é s a r d e R o c h e f o r t, Histoires des Antilles de l'Amérique, 1658, t. I, cap. XVIII.

[6] Статья Франца Боаса. См. «Bulletin American Museum of Natural History», v. XV, p. 209 (и след.), 315 (и след.), 541; A. F o s s u m, The Norse discovery of America, Minneapolis, 1918, p. 42 (и след.).

ным (*escimoized*) северным народом»[1]. Повсюду на побережье они считались не «эскимосами» и людьми, «привычными к мореходству». В 1744 г. француз Шарльвуа с удивлением указывал на это племя так называемых лабрадорских эскимосов, у которых в противоположность всем прочим эскимосам, отличающимся черными волосами и скудной растительностью на лице, была густая борода и нередко белокурые волосы и белая кожа. Достоверных сведений об этих «туннитах» очень мало. Наиболее ценный материал приведен в одном труде Гринфелла[2], в цитировавшейся работе Гаторн-Харди и в одном исследовании Холанда[3]. Все сохранившиеся о туннитах эскимосские сказания собрал Ховгард и опубликовал в отрывках[4].

Наконец, в 1922 г. в северной части Гудзонова залива на берегу бухты Репалс у Науяна 5-й Тулеской экспедицией Расмуссена было обнаружено и раскопано эскимосское поселение, которое связано с тупнитами[5]. Вот что сообщает по этому поводу Маттиассен: «Когда расспрашивали этих [то есть современных] эскимосов о старых руинах, они рассказывали, что это дело рук туннитов, чужого народа, ушедшего из страны на север, между тем как они сами пришли на побережье из глубины страны. Туннитов пришло немного, но это были сильные люди; мужчины носили штаны из медвежьей шкуры, а женщины — очень высокие сапоги»[6].

На западе Гудзонова залива несколько десятилетий назад американский генерал Грили тоже обнаружил представителей племени, происшедшего от смешения белых с эскимосами[7]. Следует еще упомянуть о том, что более 100 лет назад, в 1828—1831 гг., датский исследователь Гро обнаружил белых эскимосов в малонаселенной восточной Гренландии, которой всемерно избегали древние норманны[8]. В двух последних случаях не исключена возможность того, что белые моряки, потерпевшие кораблекрушение в течение последних столетий, были причиной возникновения смешанного народа и что этот народ не имеет ничего общего с исчезнувшими гренландскими норманнами.

---

[1] C h a r l e v o i x, Journal d'un voyage fait dans l' Amérique septentrionale, Paris, 1744, ch. III, p. 179.

[2] J. G r e e n f e l l, Forty years for Labrador, Boston, 1902, p. 102.

[3] H. R. H o l a n d, The Kensington Stone, Ephraim (Wisconsin), 1932, p. 69 (и след.).

[4] W. H o v g a r d, Voyages of the Norsmen to America, New York, 1914, p. 45 (и след.).

[5] Известный исследователь Американской Арктики уроженец Гренландии Кнуд Расмуссен (1879—1933) исходным пунктом для своих семи последних путешествий (1912—1933 гг.) выбрал поселок Туле на северо-западе Гренландии, почему эти экспедиции и называются Тулескими. Во время упомянутой Хеннигом 5-й экспедиции (1921—1924 гг.) Расмуссен на нартах с собачьей упряжкой пересек с востока на запад всю Американскую Арктику. См. К. Р а с м у с с е н, Великий санный путь, М., 1958.— *Прим. ред.*

[6] Статья Маттиассена. См. «Smithsonian Report for 1936», Washington, 1937, p. 399. [Торкель Маттиассен — датский археолог, спутник Расмуссена в экспедициях 1921—1924 гг.— *Ред.*]

[7] «National Geographical Magazine», December 1912.

[8] W. A. G r a a h, Undersøgelse-Reise til Østkyster of Grønland, 1828—1831, Köbenhavn, 1832.

Иначе обстоит дело с туннитами, так как речь идет о более значительной группе — целом племени, причем в народных сказаниях ясно говорится о том, что тунниты пришли с севера, то есть из Гренландии.

Все же наибольшее внимание привлекли к себе странные «белые эскимосы», которых в 1911 г. обнаружил на уединенном острове Виктории в канадской части Ледовитого океана и изучил исландский исследователь Стефанссон[1]. В данном случае исключается всякая возможность того, чтобы какие-то потерпевшие кораблекрушение европейцы нового времени случайно попали на остров и, не будучи в состоянии вернуться на родину, стали причиной несомненного смешения. На этих берегах, насколько нам известно, побывали только экспедиции Джона Росса (1830—1831 гг.) и Амундсена (1904—1905 гг.), причем обе не оставили там людей[2]. В эти малодоступные воды никогда не могли попасть случайно какие-либо корабли. Между тем Стефанссон особенно подчеркивает, что «не только светлый цвет волос жителей Виктории создает впечатление, что мы имеем дело с европейцами, но и форма головы, как это выяснилось при измерении взрослых мужчин»[3].

В письме к Холанду от 25 февраля 1920 г. Стефанссон писал об открытых им белых эскимосах: «В этой местности я обнаружил среди 200 человек 15 или более с глазами, которые были явно светлее, чем коричневые, типичные для эскимосов. У некоторых глаза были зеленовато-серые. Но голубых и сероголубых глаз, насколько мне известно, у них не встречается»[4]. Как же объяснить наличие этого племени, несомненно происшедшего от смешения эскимосов с североевропейцами, и «совсем европейскую форму головы» его представителей?

Достоверный и точный ответ на этот вопрос дать нельзя. Но здесь, пожалуй, напрашивается мысль о том, что засвидетельствованное Гисле Оддсоном переселение гренландцев «к народам Америки» в XIV в. (см. гл. 150) как-то

---

[1] V. Stefansson, My life with the Eskimos, New York, 1913, p. 191 (и след.); An account of the blond Eskimos, «Minneapolis Tidende», August 31, 1911; Das Geheimnis der Eskimos, Leipzig, 1920, p. 118 (и след.), 181; The blond Eskimos, «New York Times», September 19, 1926. [Известный полярный путешественник по Американской Арктике Вильяльмур Стефанссон (род. в 1879 г. в Центральной Канаде) после упомянутой Хеннигом экспедиции совершил в 1915—1916 гг. гораздо более крупное, хотя и не такое сенсационное открытие последних значительных островов на крайнем северо-западе Американского Арктического архипелага. Это острова Макензи-Кинг, Борден и Брок. —*Ред.*]

[2] Хенниг ошибается. Участники экспедиции Джона Росса (1829—1833 гг.) посещали берега не громадного острова Виктории, а отделенного от него широким проливом острова Кинг-Вильям. После Росса на этих берегах в конце 40-х годов XIX в. побывали участники погибшей экспедиции Д. Франклина (останки некоторых из них найдены на острове Кинг-Вильям). Позднее проливы, отделяющие Викторию от материка и соседних островов, посещали в течение трех десятилетий корабли нескольких поисковых экспедиций, а их участники неоднократно высаживались там на берег и встречались с местными эскимосами. См. «Арктические походы Джона Франклина», Л., 1937.— *Прим. ред.*

[3] V. Stefansson, op. cit., p. 191.

[4] H. R. Holand, op. cit., p. 70 (примечание 21).

связано с этим смешением. С таким предположением согласился один из самых авторитетных американских антропологов Ховгард:

«Широкое распространение типичных признаков европейской расы среди этих племен, очевидно, указывает на то, что смешение произошло в давнее время, а стойкость его последствий позволяет сделать вывод, что в нем принимали участие как европейские женщины, так и европейские мужчины. Однако после Колумба, насколько нам известно, не было такого общения между [канадскими] эскимосами и европейцами, которым можно было бы объяснить так далеко зашедшее смешение. Поэтому единственным, но, безусловно, самым убедительным объяснением фактов, установленных Стефанссоном, может быть то, что белокурые эскимосы происходят от гренландских норманнов»[1].

Итак, все говорит за то, что запись Гисле Оддсона, относящаяся к 1342 г., заслуживает доверия. Вероятно, в этом году действительно состоялось то переселение норманнов из Вестербюгда, о котором сообщил Ивар Бардсен. Долгое время к сообщению Ивара Бардсена относились скептически, но Нёрлунд доказал, что оно заслуживает полного доверия[2]. Переселение из Вестербюгда мы можем теперь считать историческим фактом. При этом колонисты переселялись не в другие части Гренландии, как полагал Нансен[3], так как это в конце концов привело бы лишь к смешению с гренландскими эскимосами. Напротив, фразу Гисле Оддсона «*ad Americae populos se converterunt*» можно понять только в том смысле, что переселенцы направились за море в западном направлении.

Дело в том, что Гренландию начали рассматривать как американскую область лишь после 1700 г.[4], а раньше ее считали полуостровом Старого света — Европы или Азии. Этот полуостров был якобы связан с Крайним севером Европы перешейком «Убюгдер», населенным различными сказочными существами, в том числе гномами[5]. По Вейнхольду, это представление, продержавшееся на протяжении нескольких столетий, впервые было сформулировано в XII в. аббатом Николаем Тингейрским (около 1159 г.)[6]. На карте 1548 г., воспроизведенной Кречмером[7] и дополняющей карту Птолемея, Грен-

---

[1] W. Hovgard, op. cit., p. 50.

[2] P. Nørlund, Nordboproblemer i Grönland, «Geografisk Tidskrift», 1928, B. XXXI.

[3] F. Nansen, op. cit., B. II, S. 42.

[4] J. Fiske, Discovery of America, Boston, 1892, v. II, p. 549; J. Winsor, Narrative and critical history of America, Boston, 1889, v. I, p. 117 (и след.).

[5] L. Brinner, Die Erschliessung des Nordens für den Walfischfang, «Hansische Geschichtsblätter», 1912, B. 18, S. 324. Тем знаменательнее, что Адам Бременский еще в XI в. правильно называет Гренландию «*non minima insula*. См. Adam von Bremen, IV, 37.

[6] K. Weinhold, Die Polargegenden Europas nach den Vorstellungen des deutschen Mittelalters, «Sitzungs-Berichte der Königlich-Kaiserischen Akademie der Wissenschaften zu Wien, philologisch-historische Klasse», 1871, S. 806.

[7] K. Kretschmer, Atlas zur Entdeckungsgeschichte Amerikas, Berin, 1829 (вклейка XVIII).

ландия связана со Старым светом даже через Шпицберген (на востоке) и через Северную Америку (на западе). Еще в XVI в. Себастьян Мюнстер считал сухопутную связь Гренландии с Европой достоверной[1], а Эгеде в XVIII в.— по меньшей мере вероятной[2]. Поэтому почти до XVIII в. Гренландия всегда рассматривалась как страна, относящаяся к Европе. Только после того, как узнали, что Гренландия — остров, ее причислили к Америке. Поэтому запись от 1630 г. о «народах Америки», как и запись Гисле Оддсона, не могла иметь никакого отношения к гренландским эскимосам, а, несомненно, подразумевала жителей Америки — то ли Лабрадора, то ли Баффиновой Земли.

Неопровержимость этого вывода категорически признал такой авторитетный ученый, как Сторм[3].

Выдающийся норвежский историк Мунк еще раньше пришел к следующему выводу: «По всей вероятности, нападения эскимосов были причиной событий, о которых сообщается в записи к 1342 г., то есть добровольного отступничества гренландских поселенцев от христианства и их переселения в другие части Америки... Эта запись отличается всеми признаками достоверности (*al Trovoerdighedens Proeg*)»[4].

К этому остается только добавить, что фраза «*другие* части Америки» вводит в заблуждение. Так как Гренландию раньше *не причисляли* к Америке, то речь шла просто о переселении на этот континент.

Следует категорически подчеркнуть, что в 1342 г. переселиться в Америку могли *только* жители расположенного севернее и потому подвергавшегося опасности Вестербюгда. Большего по размерам Эстербюгда это переселение, очевидно, не коснулось. Если после 1300 г. жившие выше Нордсетура эскимосы в поисках новых охотничьих и рыболовных угодий действительно отступили на юг, то при этом, разумеется, должен был пострадать сначала Вестербюгд. Трудно судить, сыграла ли здесь роль усиливавшаяся борьба между норманнами и эскимосами за лучшие и, видимо, постепенно сокращавшиеся рыболовные угодья. Численно превосходившие норманнов эскимосы при этом наступлении, возможно, чересчур сократили источники снабжения гренландских колонистов, и те были вынуждены искать новые места для поселения.

Может показаться странным, что жители Вестербюгда не отошли к безопасному Эстербюгду и не объединились со своими соотечественниками или не вернулись в метрополию, то есть в Исландию и Норвегию. Теперь, разумеется, нельзя установить, какие психологические причины заставили норманнов из Вестербюгда принять такое решение. Жители Эстербюгда, вероятно, должны были в тот период сами уже испытывать большие трудности в связи с ухудшением условий жизни, и значительное число отступающих норманнов, пожалуй, только с трудом могло бы найти приют и возможность поселения в Исландии или Норвегии, так как там все хорошие земли были уже прочно

---

[1] Sebastian Münster, Cosmographia universalis, Basel, 1544.
[2] H. Egede, op. cit., S. 31.
[3] «Arkiv for Nordisk Filologi», Lund, 1890, B. VI, S. 344 (и след.).
[4] P. A. Munch, Det Norske Folks Historie, Christiania, 1852, B. I, S. 313 (и след.).

заняты. Неукротимое свободолюбие гренландских поселенцев тоже делало для них более желанными попытки найти «новое королевство».

Но как только переселенцы решили отправиться на совсем новую землю, которая подходила бы к привычному для них образу жизни, у них вряд ли был другой выбор, как отправиться за море в края, несомненно известные им по более ранним плаваниям и находившиеся по ту сторону большого Баффинова залива, то есть на Лабрадор и Баффинову Землю. Фьорды здесь походили на гренландские, а на укрытых участках побережья было достаточно травы для скота.

Все это только предположение, но оно тем не менее помогает понять, почему произошло смешение североевропейцев с американскими эскимосами и как возникли «белые эскимосы», обнаруженные Стефанссоном на острове Виктория. Подобно этому, норманская экспедиция 1362 г. (см. гл. 150), возможно, была причиной возникновения белого племени индейцев-манданов.

Если это предположение соответствует действительности, а его нелегко заменить другим, более правдоподобным, то по крайней мере какая-то часть жителей исчезнувшей гренландской колонии норманнов представлена в наши дни их потомками, «превратившимися в скрелингов».

Точные исследования должны еще установить, вправе ли мы считать, что у современных *гренландских* эскимосов кое-где наблюдаются признаки смешения с людьми европейской расы. Иногда как будто следы такого смешения обнаруживались (см. стр. 435). В принципе эта возможность не исключается. Но в обоих случаях отпадает необходимость в продержавшейся 500 лет гипотезе, согласно которой какие-то роковые, трагические события погубили гренландские поселения норманнов, — это, пожалуй, самое замечательное достижение в истории колонизации новых земель европейцами. Решение, предложенное автором этих строк, представляется менее мрачным и безнадежным. Будущее покажет, выдержит ли оно критику. Во всяком случае, литературные свидетельства дают нам право вычеркнуть вопросительный знак, который стоял в конце всех исследований о колонизационном предприятии норманнов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абага 147, 148
Абд ал-Латиф 6
Абдулла (Тургеманн) 64
Абен Али 410
Абу Абдаллах Мухаммед Ибн-Баттута, см. Ибн-Баттута
Абу Бакари 161
Абубекр, сын Шаха-Роха 391
Абу Бекр, купец 300
Абу Дулаф (Долеф), см. Ибн-Дулаф
Абу Инан (Маринид) 207
Абу-л-Фида 6
Августин 237
Авезак, Паскаль д' 44, 46, 123, 242, 256, 259
Авендано, Мартин Руис де 252
Авентин 395
Агадо 90
Агриппа, Марк Випсаний 258
Агулоза 93
Адальбранд Хельгесон, см. Хельгесон, Адальбранд
Адам библейский 100, 204
Адам Бременский 251, 375, 437
Адан, Гильом 176, 178—180, 184, 189
Аделунг, Фридрих (Федор) 25
Азурара, Гомес 371
Аири Сакарвати 203
Айльон 355
Ала-ад-дин Джувайни, см. Джувайни
Алау, см. Хулагу
Александр VI, папа 413
Александр VIII, папа 236
Александр Македонский (Великий) 28, 169, 183, 228, 257, 262
Александр Невский 47
Алексеев М. П. 8, 9, 46
Алеп 93
Алисольда 216, 219
Альберих 32
Альберт Больштедский (Великий) 129, 375
Альбертис 284
Альберто де лас Касас 253
Альбрехт I, австрийский король 163
Альбрехт III Благочестивый, баварский герцог 395
Альбусса, Франсеск 246
Альмаджа Р. 129, 273
Альтанер Б. 62, 69, 94
Альф 339, 418, 419
Альфонс X, кастильский король 247
Альфред Великий, английский король 243
Ами Э. 252, 283
Аморетти 106
Амундсен Р. 436
Андрей, франкский посол, см. Нассио, Андрей Вильгельм де
Андрей из Перуджи 144, 145, 146, 153, 154, 230
Андрей из Флоренции 105, 148
Андрессон, Эйндриде 419
Андруций из Ассизи 146
Анлар Ш. 352
Антонио из Пармы 105, 148
Анубакси 90
Апель 331, 419
Апец 210
Апиан 383
Аргай 93
Аргун 98, 99, 136, 147, 149, 150, 163, 180
Ариг-Бука 103
Арнальд 77, 82
Арне 338, 339
Арнольд, Бенедикт 351, 357
Арнольд из Кёльна 139, 151—153
Арнтц Г. 324
Артур, король 171
Арфст, Анна 268, 269, 271
Арцейс, Иоанн 27
Асколи, Чекко 130, 375
Ассаим 90
Асселин 372, 373
Ассен 93
Асура 205
Атагай 108

Ауриа, Тедизио 124
Ауэ, Гартман фон 286
Аффонсу IV Португальский, король 241, 243, 244, 247, 248
Ахав 232
Ахмед, хан 148, 149
Ахмед Зеки-паша 160
Ахмед Ибн-Маджид, см. Ибн-Маджид
Ахмед Ибн-Омар, см. Ибн-Омар
Ашелин (Ансельм) 48, 49, 54

Байджу-ноин (Байотной, Бачжу) 48, 72
Байлот, Роберт 80
Бакри, ал- 167, 277
Балдак 28
Балдуин I 75
Балдуин (Бодуэн) II 63, 96
Балдуин из Эно, рыцарь 66
Бальбоа 160
Банзе Э. 106
Барак 47, 97, 111
Барамендана 159, 276
Барбаро, Джосафат (Иосафат) 25, 56, 96
Барден, Гильом 408, 410
Барди 218
Бардсен, Ивар 11, 314, 329—332, 334, 338, 437
Барка-хан (Берке-хан) 96
Барроу Дж. 132, 133
Барруш, Жуан 169—171, 243, 250, 266
Барт, Генрих 207, 409
Бартоломе из Санто-Конкордио 137
Бартоломео де Сан-Иполито 420
Бартоломео из Кремоны 61, 64
Бартоломео из Тиволи 94
Бартольд В. В. 45
Бастидас Р. 383
Бату (Батый) 40, 42, 44, 47, 59, 61, 62, 64, 72, 96
Бауэп 321
Баффин, Вильям 80, 81
Бачжу, см. Байджу
Баязид I 390, 391, 394, 402, 403
Беведин 90
Беда Достопочтенный 375
Беделамбиза 90
Беккарио 255
Бела IV, венгерский король 34
Беллимон 27
Белловаценсис, Винцентиус, см. Бове, Венсан
Бельваценсис 27
Бельфон, см. Вийо де Бельфон
Бенедетто Заккариа 134
Бенедикт, спутник Карпини 44, 47
Бенедикт XII, папа 224, 226, 230, 231
Бенедикт XIII, папа 419
Бенжер, Луи 368, 369
Бергхауз 319
Берлиу Э. Ф. 372
Бернард, епископ 252
Бернар О. 301
Берне, Томас 154
Бест 382
Бетанкур, Жан де 172, 253, 292, 409, 410
Бетанкур, Касио де 254
Бехайм, Мартин 258, 286, 311, 333, 426
Бехайм, Михель 333
Бианко 296
Бизли Р. 130, 252, 260, 287, 371
Биньоне 127
Бируни (ал-Бируни) 177, 179
Би-цзя, см. Буку
Бланка (Бланш) Кастильская 50, 51
Блефкен, Дитмар 432
Бло 385
Блютген И. 428
Боарнуа 315
Боас Ф. 434
Бобэ Л. 425
Бове, Венсан (Винцент из Бове) 46, 48, 51, 57, 166, 173, 198, 287, 289
Бове Э. 338, 356
Бовеншен А. 197—199, 310
Бодде, Ивар 374
Бодуэн, см. Балдуин II
Боккаччо (Боккаччио) 133, 240, 245, 246, 252
Болен 156
Болеслав, князь Силезии 39
Больденэйле, Вильгельм 198
Бонаграция 147
Бонде 415
Бонифаций VIII, папа 164
Боргхарт, см. Буркхарт из Витценхаузена
Бордоне, Бенедетто 381
Брандан 173, 258, 283
Брёггер А. В. 427
Бреда О. Дж. 322
Бредель, Вилли 381
Брёйзинг А. 370
Бремон 88
Брёндстед 359, 360
Бретшнейдер, Эрист 22, 23, 25
Бримнер 317
Бриннер, Людвиг 312, 387
Брокард (Брохард, Бурхард) 177, 178

Броссе М. И. 30
Брохард, см. Брокард
Брун Д. 80, 327
Брун Ф. 393, 396
Брюньюльфсен 85
Бува Л. 404
Бугге А. 85
Бугге С. 359
Буку (Би-цзя) 45
Бургонь, Жан де, см. Мандевиль, Джон
Буркхарт (Боргхарт) из Витценхаузена 419
Бурхард, см. Брокард
Бурьян 223
Бушри, ал- 302
Буше, Гильом 48
Бьёрн Йонссон, см. Йонссон, Бьёрн
Бьёрн Тордиссон, см. Тордиссон, Бьёрн
Бьёрнбо А. 385, 389, 427
Бьёрнодоттир, Зигрид 419

Бэкон, Роджер 67, 129, 280
Вагнер, Герман 286, 337
Ваддинг Л. 148, 150, 231
Ваза, Густав 430
Ваз-Казим, см. Вахаб ибн Аби Кабшах
Ваккус (Вахаб) Баба, см. Вахаб ибн Аби Кабшах
Вальдземюллер 293
Валькендорф, Эйрик 430, 432
Валькенер М. 210
Вальсекуа 254, 296
Вальспергер 310
Варден 320
Варенны де Ла-Верандри, см. Ла-Верандри
Василий III, великий князь Московский 333
Васинпаций 89, 91, 92
Васко да Гама, см. Гама, Васко да
Вахаб ибн Аби Кабшах 220, 221
Вейкман 245, 292
Вейнхольд К. 384, 437
Вёльфель Д. 253, 301
Венцель 403
Верандри, см. Ла-Верандри
Вернер Р. 271
Верраццано, Джироламо 355, 356
Верраццано, Джованни 355
Версей, Жан де 88, 91, 116, 189
Веспуччи, Америго 185
Вивальди, братья 123, 125—130, 132—135, 242, 262, 278
Вивальди, Бенедетто 125
Вивальди, Вадин 123
Вивальди, Гвидо 123
Вивальди, Сорлеоне 124—126, 130, 133, 134, 184
Вивальди, Уголино 123—125, 134
Вивиан 195
Вивьен де Сен-Мартен 368
Вид (Вид-Нёйвид), Максимиллиан 320, 338, 343
Вийо де Бельфон 365—370, 372, 373
Виласека, Жауме 252
Вильгельм, придворный короля Хокона Старого 374
Винклер Г. 182
Винтер Г. 169, 170, 272, 273, 295, 356
Винтер, Иоганн, см. Иоанн Гренландский
Висконти, Педро 130, 169
Висконти, Тебальдо де 98, 103, см. также Григорий X, папа
Вите Л. 368, 369
Витри, Жак де 27, 31, 32
Виттельсбахи, династия 395
Вихман 381
Владимирцев Б. Я. 18
Вольней, Константин Франсуа Шасбёф, граф де 320
Вольтер Ф. М. А. 112
Вольфрам фон Эшенбах 33, 289, 290
Вольфхарт, см. Ликосфен, Конрад
Ворм 422
Вуд 352, 355
Вутке Г. 75, 272
Вэй, династия 110

Габруи 90
Гадифер де Ла-Саль, см. Ла-Саль, Гадифер
Газан-хан 142, 213, 218
Галвану 270, 271
Галтерий 30
Гама, Васко да 125, 130, 131, 177
Гамс 154, 420
Ганнон 281
Гао-цзун 221
Гаральд Строгий 74, 78
Гартман М. 71, 220
Гаторн-Харди 435
Гаффарель П. 127, 242, 283
Гвиничелли, Гвидо 305, 309
Геббель Ф. 194
Гёдекке К. 167
Гельвальд Ф. 121, 433
Гельмуйден Х. 80
Гельцих Э. 256, 327, 328

Генрих I (Лузиньян), король Кипра 51, 55
Генрих III, король Кастилии 404
Генрих IV, английский король 403
Генрих VI, английский король 426
Генрих Мореплаватель 95, 126, 129, 169, 250, 254, 270—272, 277, 279, 288, 296, 366, 376, 404
Георгий 140, 141, 151—153, 155
Георгий IV Лаша 30—32
Герард 144, 145
Герасимов, Дмитрий, русский посол 333
Герберштейн, Сигизмунд 307, 334, 384
Гергенрётер 354
Герман А. 297
Геродот 131, 158, 208, 277
Герострат 405
Герхард из Прато 105
Гесиод 165
Гёте В. 336, 337
Гилотт 215
Гильом из Прато, см. Дюпре Гильом
Гильом, спутник Лонжюмо 55
Гиппарх 186
Глас Г. 166
Гогенштауфены, династия 69, 182
Гоиш 282
Гомара, Франсиско Лопес 160
Гомер 131, 165, 182
Гомиш, Диогу 291, 295
Гонорий III, папа 27, 29, 30, 53
Гонорий IV, папа 149
Госсель 64, 67
Го-Уда-Тенно 108
Гофман К. 289
Гравье Г. 126
Греберг Й. 123
Грейзер Б. 221
Григорий, епископ Гренландии 420
Григорий IX, папа 37
Григорий X (Тебальдо де Висконти), папа 98, 103, 104
Григорий XII, папа 419
Григорьев В. В. 263
Грили 435
Грима 93
Гриней 71
Гринфелл Дж. 435
Гро В. 83—85, 326, 435
Грозелье, Медар Шуар де 345
Гротефенд Г. 198
Гуаль 247, 278
Гуго Гроций (Гуго де Грот) 321, 322
Гуго из Ирландии 305
Гуд, Томас 356
Гудзон, Генрих 121, 349
Гудрун 309
Гуйельмо из Триполи 104
Гуйлельм из Виллановы 144
Гумберт 88
Гумбольдт А. 85, 130, 131, 159, 160, 165, 166, 180, 181, 186, 249, 278, 281—283, 290, 295, 327, 337, 341, 345, 379
Гусман Доминик 37
Густав Ваза, см. Ваза, Густав
Гутхормсен, Йон 315
Гуюк (Куйюк) 7, 40, 41, 42, 43, 45—47, 55, 56, 64
Гюнтер Г. 345
Гюнтер С. 396
Гюрата Рогович 12

Давид, монгольский посол 50, 55, см. также Сабелдини Монсфат Давид
Давид, царь Израиля 26
Давид IV Строитель 30, 31
Давид V, Марини 37
Дайтон 342
Далорто, Анжелино 169, 170, 283
Дальгрен 386
Данбар Дж. 320
Данте Алигьери 181—184, 186, 309, 310
Дедал 384
Дезимони К. 171, 244
Делабар Э. 342
Делафосс 158
Денис Папин 370
Джама ал- 202
Джагатай 230, 231
Джелаль-ад-Дин 24
Джерардо из Прато 148
Джиралд Кембрийский 306
Джозуа из Брюгге 370
Джойджа 90
Джувайни 8
Дзено (Антонио, Карло, Николо), братья-венецианцы 8, 263, 289, 370, 377—389
Дзихнми 377, 378, 381, см. также Вихман
Диаш, Бартоломеу 131
Дикуил 166, 184
Димашки, Юсуф 6, 8
Диниш I, португальский король 244
Додо, Гуйельмо 124
Дольфин, Микеле 75
Дориа, Джоан 252
Дориа, Тедизио 123, 127, 128
Доэ Л. 374

Дульсерт, Анжелино 128, 168, 170—173, 242, 273, 279, 284, 288, 289, 291, 295, 296, 408
Думар 364
Дэвис А. 351
Дэ, Дж. 304, 305
Дюлорье Э. 73, 190
Дюлут, Даниэль Грейзолон 344
Дюпре, Гильом 234, 235

Евгений IV, папа 267
Елизавета, русская императрица 35
Елич Л. 354
Елчигадан 154
Елюташи 31, 155
Елю Чу-цай 22
Ессинг 324, 340

Жан, спутник Лонжюмо 55
Жан де Бургонь, см. Мандевиль, Джон
Жан II Добрый, французский король 361
Жеан де ла Барб, см. Мандевиль, Джон
Жервуа 364
Жижес, Пере 246
Жуан I, португальский король 268, 279, 362
Жуан, лейб-медик 185
Журден из Северака, см. Иордан, монах-доминиканец
Журден Каталана, см. Иордан, монах-доминиканец

Зарку 272
Зиверс Г. 422, 424
Зигмунд, см. Сигизмунд, венгерский король
Зимарх 217
Зингуо 213
Зоммерфельд 319
Зупан А. 371

Иаков 77, 187
Ианиш, Жил 278
Ибелин, Жан 51
Ибн-ал-Варди 282, 283
Ибн-ал-Макризи, см. Макризи
Ибн-Амир Хаджиб 158
Ибн-Баттута 5, 7, 8, 47, 66, 110, 111, 117, 118, 192, 201, 206—210, 230, 260, 264, 299—303, 395, 409
Ибн-Бедда 299
Ибн-Джузайа 207, 303
Ибн-Дулаф 263
Ибн-Маджид 177, 180
Ибн-Омар, Ахмед 167
Ибн-Саид 6, 179
Ибн-Халдун 169, 246
Ибн-Хордадбех 263
Ибн-Фадлаллах ал-Омари 157—161
Ибсен Г. 374
Идрис 300
Идриси 167, 169, 258, 263, 277, 282, 383, 408
Изальгие, Ансельм д' 406—411
Изальгие, Марта д' 406, 411
Икар 384
Ильчикадай (Ильчик-дай, Эркалтай) 50—52, 55, 57
Име 93
Инги (Инки) 353
Иннокентий IV, папа 38, 39, 42—45, 48, 49, 53, 68—69, 91
Иннокентий VI, папа 234
Иннокентий VIII, папа 413
Иоанн (Ханс) I Датский 422
Иоанн VII, император 402
Иоанн XXI, папа 105
Иоанн XXII, папа 57, 93, 130, 154, 180, 230, 267
Иоанн XXIII, папа 235, 419
Иоанн, король, см. Жан II Добрый
Иоанн, мнимый посол царя Сартака 69
Иоанн, сын царя Георгия 141
Иоанн, «царь-священник» 9, 26, 28—34, 53, 69, 90, 94, 95, 124, 126, 140, 144, 152, 155, 196, 198, 259, 262, 266, 267, 278
Иоанн Витодуранский, см. Иоганн Винтертурский
Иоанн Галлифонтский 235, 236, 403
Иоанн Гренландский (Иоган Винтер) 419
Иоанн де Кора, архиепископ 154
Иоанн де Мандевиль, см. Мандевиль, Джон
Иоанн (Джованни) из Санта-Агаты 105, 148
Иоанн Иохой 225
Иоанн из Санто-Антонио 306
Иоанн из Флоренции 226
Иоганн Винтертурский (Иоанн Витодуранский) 144, 151, 152, 216
Иол (Одзол) 149
Иордан (Журден Каталана), монах-доминиканец 89, 93, 196, 249, 266
Ирвинг В. 379

Иреник (Фридлиб), Франциск 385
Исаксен 83
Исидор Севильский 287

Йон Гренландец 414, 429—431, 433
Йонссон, Бьёрн 77, 78, 343, 414
Йонссон, Финур 85, 86, 327, 328

Кабот (Кабота Джованни) 129, 355, 382
Кабрал, Педру 249
Кадамосто 127, 181, 185, 256, 285, 287, 295, 366
Каддео, Ринальдо 130
Казанова 223
Казвини, Закария 6, 109, 198
Кази, Мухаммед ал-, монгольский посол 404
Каисар бен Абукасан 182
Кальм 317, 320, 341
Камаль, Юсуф 131
Камбер 364
Каминья, Перу Ваш ди 185
Кампе, Винцентий Педерсен 420, 430
Канале М. Дж. 128, 273
Каннингэм А. 202
Канту Э. 282
Капелла, Марциан 289
Капмани А. 251
Кариньяно, Джованни ди 115
Карл, монах-францисканец 235
Карл IV, император 236, 237
Карл V, французский король 361, 366
Карл VI, французский король 402, 403
Карл VII, французский король 410
Карпини, Джованни (Иоанн) дель Плано 5, 7, 38, 42—49, 53, 54, 56, 61, 64—67, 94, 102, 198, 216, 217
Картер, Вильям 369
Кастельон, Одо 27
Катрмер Э. 118
Каума, Раббен 149
Кафаров П. И., см. Палладий
Кверини 308
Кейта, династия 159
Керн А. 235
Кетиф Ж. 138
Кетлин Дж. 318, 319, 321, 344
Клавдий Клавус Нигер 196, 200, 311, 312, 333, 370, 381, 384—386, 389
Клавдий Клауссен Сварт, см. Клавдий Клавус Нигер
Клавихо, Руй Гонсалес 6, 7, 9, 235, 397, 401, 404, 405
Кламменштейнер 390
Клапрот Г. 85
Клементий IV, папа 73, 88, 89, 91, 97, 103
Клементий V, папа 146, 153, 178
Клементий VI, папа 216, 241, 247
Клементий VII, папа 333
Кнойен, Джемс 305
Кнутсон, Пауль 313, 325, 331—335, 338, 340, 353—355, 357, 418
Ко, Саломон де 370
Когатал 97
Коггесхале, Радульф де 32
Кодор 390
Коза, Джоан 229
Козегартен Г. 210
Козьма из Сарая, епископ 234
Колер К. 177, 180
Колин Г. 301
Колон, Фернан 281
Колумб, Христофор 18, 100, 101, 112, 128, 129, 134, 135, 147, 149, 160, 200, 281, 288, 290, 296, 297, 323, 325, 355, 358, 370, 378, 383, 389, 437
Кольбер, Жан Батист 365, 371
Комров М. 193
Конрад II 309
Конрад IV 69
Конти 260, 395
Корадин Дамасский 27
Корбицци, Ангелино де Теггиа 244
Кордейру Е. 249, 250, 270, 271, 376
Кордье А. 104, 192
Корсали, Андреа 185
Кортириал, Мигел 342
Кортириалы, братья 355
Коссина 166
Котвич В. 163
Коэльо, Франсиско 259
Краг 84
Крантц А. 432
Краруп Ф. 386
Краузе В. 78, 86, 323, 335—337
Крачковский И. Ю. 5, 8, 177, 210, 222, 263, 303
Крескес, Авраам 278, 279
Кречмер К. 127, 130, 283—288, 290, 437
Кристиан I, датский король 425
Кристиан II 430
Кристиан IV 433
Кристиан V 433
Кропау Р. 326
Кузен 370
Кунноуне 357

Кунстман Ф. 151, 152, 155, 156, 189, 191, 218, 231, 242, 270, 356
Кутб ал-Мулк 202
Кутуб ад-дин, Мохаммед 31
Кюхлер, Ульрих 390

Лаба Ж. 368
Лабуре Г. 158
Ла-Верандри, Варенны де 320
Ла-Верандри, Луи Жозеф (или Франсуа) де 315—317, 320, 321, 335, 341, 345
Ла-Верандри, Пьер Варенн, де 320
Лаврентий, португальский патер 48
Лаврентий из Алессандрии 215
Лаврентий из Анконы 215
Ла-Коса, Хуан 383
Ла-Марк, де 316
Ланда-Рольф 119
Ланнуа, Гильберт 396
Лансароте Малочелло 128, 171—173, 242, 243, 253
Ланселот, см. Лансароте Малочелло
Ланселот Озерный 171
Ланчеллото Малочелли, см. Лансароте Малочелло
Ланцароте Малочелло, см. Лансароте Малочелло
Ла-Пейрер И. 387, 424
Лаппенберг И. 109
Ла-Ронсьер Ш. 113, 116, 126, 161, 169, 170, 172, 260, 354, 372, 373, 409, 410
Ларсен С. 290, 295, 428
Ла-Саль, Гадифер 292, 409
Лаэт 379
Лев, армянский царевич 72, 73
Лев X, папа 430
Лев Африканец 266
Лёвенталь И. 346
Лейф, сын Эйрика Рыжего 354, 355
Лекок А. 47
Леланд Ч. 322
Лелевель И. 174, 369, 379
Лемке Г. 102, 103
Лепе, Диего 249
Лессер Э. 385, 389
Лессинг Г. Э. 68
Лёффлер Э. 86, 342
Ликосфен (Вольфхарт), Конрад 237
Линденов, Годше 432, 433
Линдрот, Яльмар 335
Липпман 308
Ли Чжи-чан 6—7, 21—23
Лодин Лепп 74
Лодин Могильщик 121, 433
Лозинский М. 181
Лонгена М. 285
Лонгфелло 350, 351
Лонжюмо (Лонжюмель), Андре 49—51, 54—57, 61—64, 102
Лопес, Франсиско 252
Лорт М. 320
Луанос 93
Лукиан Самосатский 308
Луллий, Раймунд 113—116
Лулу 205
Людовик VIII 57
Людовик IX Святой 37, 49, 50, 52, 54—57, 61—63, 67, 166
Людовик XI 425
Лю Чжун-лу 22
Льюкас Ф. 379, 382

Магеллан, Фернан 5, 210
Магидович И. П. 13
Магнус, предводительница индейцев-наррагансеттов 357
Магнус, Олай 307, 333, 349, 382, 383, 389
Магнус Эйриксон, норвежский король 313, 314, 325, 331, 333, 354, 356
Магнус Эрлингсон, норвежский король 373
Магнусен 84
Магомет, см. Мухаммед
Мадсен 312
Май, Карл 263
Май, Ян 121
Мак-Интош 319
Макризи 220, 222, 223
Максимиллиан Вид-Нёйвид, см. Вид, Максимиллиан
Малочелли (Малочелло), Ланселот, см. Лансароте Малочелло
Малуазель, Ланселот, см. Лансароте Малочелло
Мальдонадо А. 106
Мальтебрун К. 265
Мамаду 161
Мамали 162
Мангу-хан, см. Мункэ
Мандевиль, Джон (Иоанн) 7, 8, 106, 129, 193—200, 263, 310, 370, 393, 396
Манжевилен, Жоан 197
Мансур, халиф 222
Мануил Палеолог, император 402
Мануэл Великий, португальский король 185
Маншук 391, 392

Маньяги А. 123, 129, 134, 135, 170, 250, 251, 272, 273
Маргарита Датская 417
Маргри П. 368—370, 373
Марин Тирский 165
Мариниды, династия 207
Мариньола, Джованни 7, 93, 196, 215, 217, 219, 224, 227, 229, 231—234, 236, 237, 266
Марк, патер 52, 55
Маркем (Маркхэм) 260, 284, 401
Марокселло (Марочелло, Марочелли), Ланселот, см. Лансароте Малочелло
Мартин, патер-иезуит 236
Марцелл, исландский епископ 412, 422
Массевиль, Луи Левассер 368
Масуди 109, 193, 208, 209, 249, 267
Матвей (Маффео) из Ареццо 105, 148
Матиас 413, 426
Матро 68
Маттиассен Т. 86, 329, 421, 435
Матфей, исландский епископ 412, 422
Маундевил, см. Мандевиль, Джон
Маурер К. 120, 384
Мауро, фра 131, 133, 180, 383
Машам (Машан, Машим, Мечем), Роберт 268—271, 273, 370
Машику 271
Медичи 137, 266, 269, 271, 275, 276, 278, 292, 297, 298
Мейджор Р. Г. 259, 321, 327, 371, 378, 379
Мейер 372
Мейнерт Ф. 154, 228
Мела, Помпоний 258, 366
Менентилл из Сполето 137, 156
Меркатор Г. 305, 308, 378, 382
Мес Ж. 273, 282, 284, 286, 288, 293
Мес, Тациан 218
Местемакер, Герт 414, 431
Мечем см. Машам
Миллер К. 179
Мжик Г. 208, 263
Мин, династия 216, 234
Минос, царь Крита 384
Минс 352—354
Миранда Д. 273
Миран Мирза 398, 399, 405
Митчелл Д. Д. 318
Михаил VI Палеолог 63, 217
Мишель 93
Моал 59
Могк Э. 327, 374
Моле, Жак Бернар де 164
Молетий 384
Монике 85
Монтекорвино, Джованни (Иоанн) 5, 105, 111, 136—138, 141, 143, 144, 147, 149—156, 184, 189, 190, 195, 225, 229, 232, 233
Морагес, Бартомеу 246
Морель-Фатио А. 260
Морепà 316
Морисон С. Э. 288
Мортье Р. П. 88
Мосгейм И. 154
Моул А. С. 111, 193
Мунго Парк 301
Мунк П. А. 438
Мункасар-яркучи 56
Мункэ (Мангу-хан) 45, 47, 56, 59, 61, 64, 67, 70, 71, 102, 103
Мурада ал- 53
Мурзаев Э. М. 45
Мурис О. 200
Мурр К. 282
Муррей Х. 192
Муса, султан Мали 157—159, 161, 274—277, 301
Муса Аллакой 158
Муссемелли, см. Муса
Мухаммед (Магомет) 26, 36, 60, 65, 68, 213, 218, 220—222
Мухаммед ал-Масмуди 204
Мухаммед бен Калаун, египетский султан, 118, 220
Мухаммед бен Мухаммед бен Джузайа, см. Ибн-Джузайа
Мэллери 343
Мюллер, Генрих 433,
Мюллер К. 254
Мюнстер, Себастьян 438
Мюнцер, Иероним 129, 426

Набер, Л'Оноре 372
Навуходоносор II Халдейский 257
Нагу 56
Нансен Ф. 78, 80, 82, 83, 85, 120, 311, 333, 374, 387, 388, 421, 434, 437
Наполеон Бонапарт, Ролан 163
Нассио, Андрей Гуйлельно де (франк Андрей) 224, 230, 231
Нёйман К. Ф. 394
Нейрс, Джордж 83
Неккель Г. 86
Нёрлунд П. 328, 332, 417, 425, 429, 430, 434, 437
Нигро, Гвидото 124
Нигро, Пастоно 124

Нигро, Филиппон 124
Ниднер Ф. 74
Никколо из Виченцы 104
Никколозо да Рекко 238, 240, 244, 245
Николай, спутник Рубрука 64
Николай, францисканский патер 230
Николай III, папа 104, 105, 148
Николай IV, папа 92, 136, 147, 149, 152, 189
Николай V, папа 412, 421
Николай Германец 292, 385
Николай из Бантри 144, 146
Николай (Никколо) из Пистои 137, 138, 150
Николай Тингейрский 384, 437
Николас из Липпа 304, 305, 311, 312
Николе, Жан 344
Николсон 199
Нильссон С. 424
Норбю, Сёрен 430
Норденшельд 87, 110, 121, 126—128, 242, 260, 284, 327, 371, 378, 379, 418
Норин 323

Овидий 384
Огинь 19
Огул-Каймиш 56
Одди Хельгасон 82
Оддисон, Эндридий 78
Оддсон, Гисле 314, 329, 330, 436—438
Одо, Герард 216
Одозол, см. Иол
Одон 364
Одорико из Порденоне (Одорико Маттиусси ди Порденоне) 7, 111, 187—194, 196, 198, 209
Олафссон, Торстейн 419
Олдей, Джекоб 432
Олджайту 162—164
Оливер, схоласт из Кёльна 32, 251
Ольсен М. 86
Ольшки Л. 112
Оман, Олаф 322
Омен 282
Онесикрит 106
Опперт Г. 155
Ортелий, Абрахам 195, 387
Охеда 383

Павел Диакон 306
Павел Иовий Новокомский 333
Падерин Е. В. 45
Паласуэлос, Фернандо 404
Палладий 21, 22
Панталеон 93
Паоло Джови из Комо-Нуово, см. Павел Иовий
Папин, Дениз, см. Дениз Папин
Парето, Бартоломео 171
Парри, Вильям 80, 81
Парсифаль 33
Пастор Е. 374
Пасхалий из Виттории 215
Пасхалий из Испании 215, 217—219
Пеголотти, Франческо Бальдуччи 7, 217, 218
Педро IV Арагонский 253
Пезаньо, Маноэль 244
Пелагий 29
Пелинут 84
Пеллио П. 54, 111
Пензер 104
Перегрин 144—146
Персе, Давид 432
Перу Ваш ди Каминья, см. Каминья, Перу Ваш
Пессаньо, Леонардо 171
Пессаньо, Эмануэле 171
Петерсен К. С. 389
Петр III, русский император 35
Петр (Пьетро) из Лукалонго 142, 150—152
Петр из Прованса 215
Петр Мартир 160, 382, 389
Петрушевский И. П. 9
Пешель О. 115, 129, 134, 155, 189, 190, 194, 207, 208, 229, 259, 284, 371, 379, 393
Пининг 425—427
Пиннес 383
Пинсон, Висенте 249
Пинценауэр, Вернер 390
Пипино, Франческо 111
Пифей 106, 378
Пицигано 285, 408
Платон 378
Плиний 166, 173, 174, 183, 197, 245, 246, 281, 287, 309
Поликрат Самосский 367
Поло, братья 98, 99, 102—105, 111, 149, 151, 183
Поло, Марко 6—10, 22, 23, 36, 37, 46—48, 54, 63—66, 68, 96—112, 115, 128, 129, 132, 133, 150, 155, 156, 163, 164, 183, 185, 190—193, 196, 198, 203, 205—209, 216, 232, 249, 263, 393, 394, 396
Поло, Матвей (Мафео) 96—98, 102, 103, 111

Поло, Николай (Николо) 96—98, 102, 103, 105, 111
Полфри Дж. 351
Понс Дж. 273
Понсе де Леон 355
Потт 156
Потхорст 425—427
Потье, Гильом 22
Правдин М. 24, 25
Престейдж, Эдгар 169, 244, 371
Прюно, Жеан 363, 364, 370
Прюно, Лежье 363, 364
Птолемей 100, 109, 165, 166, 174, 178, 182, 184, 191, 257, 258, 280, 309, 311, 382, 385, 389, 437
Пулад Чжэп-сян 9
Пулле 49, 193
Пьетро из Абано 123, 130, 375
Пютерих, Якоб 195

Раббен Каума, см. Каума, Раббен
Радисон, Пьер Эспри 345
Радлов В. В. 45
Раймунд из Прованса 215
Райнальд, Одорико 93, 104, 150, 153
Рамузио, Джованни Баттиста (Джанбаттиста) 25, 71, 185
Раск 84—86
Расмуссен, Кнуд 83, 87, 435
Растуль 54
Рафн 80, 84, 87, 119, 342, 350, 351, 373
Рашид-ад-дин 8, 9, 18, 56, 100, 190
Редер Д. Г. 13
Редер из Дьеппа 369
Резо 90
Рейнке 414, 426, 431, 432
Реис 171, 256, 281, 284, 290, 294, 297, 304—306, 308, 310, 311
Рейсбрук, Виллем, см. Рубрук, Гильом
Рёйтер О. 80, 82, 84, 374
Рейхартингер, Линхарт 390, 393
Ремюза А. 45, 142, 148, 149, 163
Репанс де Шуа 33
Репарас Х. 116, 251, 278
Рёрихт Р. 30
Рибейра, Диогу 356
Рибес, Жауме (Яфуда) 279
Риверо, Диего, см. Рибейра, Диогу
Рикард из Бургундии 215
Ринк Х. 80
Риотхан 53
Риттер, Карл 165, 199, 281
Рихтгофен Ф. 101, 107, 151, 192
Риччи, Маттео 236
Роберт Сицилийский 227, 231
Рожер, Арнау 252
Рор-Зауэр А. 263
Рориш, Фернан Мартинш 147
Росни, Леон 369
Росс, Джон 436
Рубей Пинзан 225
Рубрук, Гильом (Виллем) 5, 7, 23, 42—44, 46, 48, 54, 57, 58, 61—73, 91, 94, 102, 107, 190, 198, 216, 217, 232
Руге С. 270, 284—286, 290
Рустичано (Рустичелло) 100, 111
Русудан 30, 33, 37
Рушелли 384
Рюгх, Олаф 359
Рюнгман, Роберт 420

Сабатье А. 372
Сабелдини, Монсфат Давид 52
Сайфуст 144
Са-ка-ба, см. Вахаб ибн Аби-Кабшах
Саладин (Салах-ад-дин) 26, 217
Салам-Казаис (Салуказаис) 406, 407
Саласар, Гомес де 398
Салах-ад-дин, см. Саладин
Саллам Переводчик 222
Салос Х. 250
Сальмазий К. 289
Сама 93
Сандерс А. 26, 30
Сантарен М.Ф., ди Барруш и Соуса ди 131, 133, 170, 365, 371
Санудо, Марино 95, 130—133, 169, 170
Сан-Филиппо, Амат ди 242, 284
Санчо IV, король Кастилии 257
Сартак (Сартах) 47, 58, 59, 62—64, 67, 69, 96
Саси, Сильвестр де 402
Сатасп 310
Сверре 374
Себиль 364
Сегарра, Жауме 252
Сенека 280
Серафим 26
Сераха 90
Серда, Луис де ла 240, 241, 247, 248, 252
Серп А. Ф. де 250
Сигватсон, Эрлинг 78
Сигизмунд, король 390, 393, 394, 402
Сигурдсон, Николаус 373
Сигурд Юрсалафарар, норвежский король 74, 75
Сильвестр II, папа 340

Сильвий, Эней 131
Симар 131
Симеон 54
Симон 314, 325
Симон из Сен-Кантена 49
Синдбад Мореход 258
Синибальд, см. Смбпат
Сихаб ад-Дин, шейх 202
Слан 303
Смбпат 52, 55, 56, 62, 70, 108
Снорре Торвасон, см. Торвасон, Снорре
Согомом-баркан, см. Шакьямуни-бурхан
Соланья, Гуйлельмо 190
Солери 285, 296
Солиго 286
Солиман 249
Солин 289
Соломон 237
Сольвасон, Торгрим 412
Соркуктани-беги 47, 56
Сотомайор, Пелайо 404
Станконе, Перчивалле 126
Стефан Душан, сербский король 212
Стефан из Петервардейна 213
Стефанссон, Вильяльмур 436, 437, 439
Стефанссон, Сигурд 383
Сторм 120, 121, 306, 327, 332, 339, 359, 383, 438
Страбон 128, 131, 133
Страленберг 110
Стурла Тордарсон 74, 75
Стюффе К. 349
Сулейман, султан Мали 301
Су-цзун 222
Сыбан 40
Сян-гун 20

Тай-цзу (Чжу Юань-чжан) 234
Тай-цзун 221
Таклаверет Шевани 94
Тальбитцер В. 359
Тамара, царица 28, 30, 31
Тамерлан, см. Тимур
Тевe А. 281
Темур-каган, см. Тимур
Темурлин, см. Тимур
Темучин, см. Тимур
Тимур (Тимур-ленг) 7, 17, 162, 235, 391, 393, 394, 396—405
Тимур-бег, см. Тимур
Тирабоски 129
Тога 162
Токкалмут-хан, см. Шунь-ди
Томан 162
Томас М. Г. 243
Томас из Толентино 153
Томасси Р. 385
Торвасон, Снорре 412
Торд 82
Тордиссон, Бьёрн 78
Торколь 364
Торфеус 381
Торфинн Карлсефни 342
Тосканелли, Паоло дель Поццо 129, 147, 149
Тохога 162
Трансторна, Гонсальво 212
Трико, Ансельм де 408, 410
Тулуй-хан 47, 100
Тьебо 364
Тюнс, Николас 434

Угетас 149
Угэдэй 35, 44, 45
Узодимаре, Антонио 124, 126, 127, 275, 278
Уинсор Дж. 432
Уинчел 324
Уланд, Людвиг 309
Ульрик 144
Уотсон П. 379
Урбан IV, папа 147
Урбан V, папа 234
Урбан VI, папа 253
Уфам 324
У-цзун (Хай-хан) 154
Уэлеге 90

Фальконе 308
Фа Сянь 209
Феодор, армянский царевич 72, 73
Фердинанд, Валентин 270, 271, 276, 285, 287
Фердинанд I, король испанский 271
Фердинанд IV, король испанский 257
Ферран Г. 180
Феррер, Жакме 242, 265, 274, 275, 278, 279
Филипп, викарий доминиканцев в Палестине 37
Филипп, вождь индейцев 357
Филипп, царевич 94
Филипп IV Красивый, французский король 163, 164
Филипп VI, французский король 176, 177, 247
Филластре 385
Фиске Дж. 337

Фишер И. 292, 311, 312, 323, 327, 339, 379, 385, 386
Фишер К. 281, 323
Фишер Т. 242
Флавио Джойа 370
Фогель В. 167
Фодим Иовенс 225
Фодоа, Мор (Мавр) 407, 408, 411
Фодоа, Эжен 407, 411
Фольета У. 128, 129
Фонтана В. 93, 94
Форстер И. 112, 320, 342
Франке О. 48, 101
Франклин, Джон 436
Франциск Ассизский 43, 264
Франциск из Алессандрии 215
Франциск из Санта-Клары 304
Фрейташ Рибейру, Жоан ди 134
Фрёйхен П. 87
Фрёлен 352
Фридерици Г. 81, 250, 297, 323, 344, 345, 425, 434
Фридлиб, см. Иреник
Фридрих II Великий, прусский король 35
Фридрих II Гогенштауфен 32, 33, 35, 44, 182
Фридрих II, датский король 432
Фробишер, Мартин 8, 382, 389, 426
Фруктуозу 376
Фузер, Гиллеш 252

Хаген С. 358—360
Хадж Абу Осман 117
Хайтон, см. Этум II
Хай-хан, см. У-цзун
Халдор 81, 82
Хальвардссон, Палль 419
Хаммерих Л. 330
Хансен Ф. 427, 428
Хевсей 90
Хедамако 90
Хейген 323
Хейнессен, Могенс 310
Хейнсон, см. Хейнессен
Хельгесон, Адальбрандт 119—121
Хельгесон, Торвальд 119—121
Хельмингссон, Торстейн 412
Хембога Венсии 225
Хениш Э. 23, 48, 99
Хентева 90
Хербст Г. 67, 68
Херманссон Х. 334, 340
Хеффермель А. 374
Хианса, Тонги 225
Хильдебранд П. 68
Хоббс У. 387, 388
Ховгард У. 323, 329, 434, 435, 437
Ходжа 56
Хокон, сын Хокона 307
Хокон VI, король, сын Магнуса Эйриксона 325
Хокон Старый, норвежский король 74, 75, 374
Хокон Эйсиль 74
Холанд Х. 86, 120, 321—325, 334, 335, 339, 341, 343, 344, 348—350, 352—354, 356—359, 435, 436
Хольм Г. 327
Хорн Г. 378, 388
Хорсфорд Э. 356
Хофф К. 387
Хубилай, хан 9, 10, 47, 67, 68, 96, 97, 100—105, 108, 110, 136, 147, 150, 151, 155, 163, 231, 233
Хулагу 47, 96, 97, 102, 103, 111, 147
Хулил 401, 404, 405
Хюбшман 428—430

Царнке Ф. 32, 33
Цартман К. 379
Цехлин Э. 34, 85, 113, 160, 272, 273, 297, 298
Циглер, Якоб 328, 333, 383, 432

Чабар 162
Чампи 240
Чаннинг Г. 351
Чан Чунь 5, 6, 19, 21—25
Чекра 391, 394
Чжао Ю-Гуа 263
Чжоу Лан 233
Чжу Юань-чжан 216, 234, см. также Тай-цзу
Чингисиды, династия 10
Чингис-хан 5, 7, 9, 10, 17, 18, 21—25, 30—35, 43, 45, 47, 67, 100, 162, 164, 394, 403, 405

Шавиньон 110, 111
Шакьямуни-бурхан 68
Шарльвуа 379, 435
Шартлеф Ф. Х. 351, 352
Шастина Н. П. 43
Шах-Рох 391
Шварцкоппен, Христиана 419
Шёнер И. 385
Шёрнборн 199
Шефер Ч. 293
Шиллер И. Ф. 126

Шильтбергер, Ганс (Иоганн) 6, 7, 9, 106, 235, 390—396, 403, 404
Ши-цзу (Хубилай-хан) 101
Шмеллер И. 291, 292, 383
Шмидинг И. 354
Шмидт В. 327
Шмидт Ф. М. 66
Шмидт Я. И. 163
Шомбург Г. 245
Штанге Г. 153
Штёртебекер, Клаус 381
Штехов Э. 15, 229, 291
Штрейхер Ф. 111
Штрек 72
Штювен Ф. 379
Шуман К. 233
Шунь-ди 222, 231, 232, 234
Шухгардт К. 249

Щукина Н. М. 45

Эбб, Томас 350
Эбьер 364
Эвдокс 133
Эггерс Х. 326
Эгеде, Ханс 310, 334, 348, 382, 424, 433, 438
Эгидий 264
Эгмунд из Скальхольта 414, 430, 431
Эдиги (Эдигей) 391
Эдкинс Дж. 107
Эдуард I, английский король 163
Эдуард II, английский король 163,
Эдуард III, английский король 268, 304
Эйрик VI, норвежский король 119, 325
Эйрик VII, датский король 426
Эйрик XIII, шведский король 333
Эйрик Гнупсон 328, 334, 353, 355, 358, 419
Эйрик Померанский 385
Эйрик Рыжий 120, 328, 354, 428
Эйюбиды, династия 26
Эллеро Дж. 193
Эммелина, королева 51
Эмо 251
Эней Сильвий, см. Сильвий, Эней
Эратосфен 128, 131, 197
Эркалтай, см. Ильчикадай
Эркес Г. 382, 383, 389
Эрнст Швабский 237, 258, 309
Эррара, Карло 127—129, 171, 273
Эршикадай (Ильчикадай) 52, 53, 57
Эспада Х. 259
Эспеланд А. 332
Эспуас, Андре 27
Эстанселен Л. 368
Эстейнсон, Орм 314
Эстенсе 277
Этум (Хетум, Хайтон, Хайтум) 55, 66, 70—73

Юань, династия 10, 101, 104, 217
Юба II, мавританский царь 114, 166
Юл Г. 64, 66, 143, 155, 190, 230, 236
Юлиан 34
Юсуф 395
Ю Цзинь 308

Ядринцев Н. М. 45
Якопо ди Акуи 106
Якуб 300
Якут 6
Янн А. 234
Янссон 358
Ярослав, князь Владимирский 41, 47
Яфуда, см. Рибес, Жауме

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абано 130, 375
Абаса (Абхазия) 392, 394
Абд-эль-Кури, 111
Абхазия 394
Ава 107
Авентура (Фуэртевентура) 254
Авиньон 29, 93, 154, 180, 199, 212, 216, 224, 226, 227, 229—231, 233, 234, 241, 247
Австралия 250
Адам 90
Адамов Пик 204, 209, 229
Аден 117, 178
Адзаназия (Гран-Канария) 255
Адрианополь (совр. Эдирне) 390
Адриатическое море 35, 212, 257, 276
Адский остров (Тенерифе) 246, 295, 296
Азербайджан 398
Азия 5, 7—12, 17, 34—37, 49, 53, 54, 58, 74, 94, 96, 102, 109—111, 134, 147, 150, 163, 169, 176, 177, 189, 196, 218, 233, 259, 263, 266, 393, 395, 399, 406, 437
  Восточная 18, 36, 108, 112, 129, 149, 200, 221, 234, 271
  Западная 18, 25, 99
  Передняя 25, 47, 92, 177
  Северная 94, 109, 197, 257, 311
  Северо-Западная 12
  Средняя 6, 8, 28, 192, 263
  Центральная 5, 8, 9, 18, 19, 24, 30, 34, 37, 45, 48, 54—56, 62, 63, 69, 102, 153, 193, 216—219, 222, 233, 261, 266, 393, 400, 402—403
  Юго-Западная 17, 222
  Южная 234, 266
Азов 211, 212, 227
Азовское море 212, 217
Азорские острова 5, 11, 12, 127, 128, 133, 170, 171, 173, 248, 272, 274, 280—291, 294—298, 376
Айдаб (совр. Айджаб) 90
Айджаб 90
Айки 90
Айн-Джалут 72
Айхах 393
Акка 27, 31, 32, 98, 103, 104, 125, 140
Акона (Акра) 58
Акра 36, 54, 67, 97
Алагоа 376
Албанская страна (Кавказская Албания) 72
Алегранка (Алегранса) 246
Алегранса 127, 128, 245, 246, 280, 294
Александрия 182, 184, 208, 302
Александрия, штат Миннесота 347
Алеппо 54, 72
Алессандрия 215
Алжир 257, 303
Алиян 163
Алтай, Монгольский 21
Алькале 247
Альпы 304
Аляска 87
Амальфи 243, 370
Аменуан 262
Америка 6, 10, 11, 83, 149, 160, 249, 281, 283, 314, 315, 323, 324, 330, 334, 337—345, 348, 350, 351, 354, 355, 358, 359, 369, 370, 378, 379, 389, 418, 436, 438
  Северная 7, 10, 11, 313, 316, 318—320, 325, 333, 335, 340, 343, 344, 346—348, 350, 352, 355, 358, 388, 438
  Центральная 322
  Южная 296, 345
Американское Средиземное море 296
Аму-Дарья 20, 31, 398, 400
Ананьи 164
Ангерманланд 381
Англия 35, 74, 140, 162—164, 171, 191, 193, 195—197, 200, 251, 257, 268, 269, 271, 304, 323, 332, 351, 352, 364, 369, 373, 377
Ангмагсалик 120

Ангора (совр. Анкара) 391, 394, 403, 404
Ангхуда 90
Ангьера 160
Андагхост 301
Андалузия 238
Ани 69
Анкара 26, 391
Анкира (совр. Анкара) 26
Анкона 215
Аноробегуа (совр. район залива Пенобскот) 356
Антверпен 111, 218
Антивари 49
Антилия, мифический остров 296
Антильские острова 296
Антиохия 26, 27, 30, 34, 54, 55, 61
Антисимент 90
Анюй 87
Апеннинский полуостров 294
Арабское Саудовское государство 263
Аравийский полуостров 111, 177, 197, 208, 209, 221, 257
Арагания (Пальма) 255, 280, 295
Арагон 164
Аральское море 40, 45, 208
Аранбега, см. Норумбега
Ардеселиб 262
Ареццо 105, 148
Арктика
  Американская 6, 435, 436
  Европейская 12
Армалек 211, 214, 215, 219, 227, 231, 261
Армения 51, 52, 55, 61, 69, 70, 72, 73, 98, 103, 104, 112, 189, 193, 197, 217, 395, 404
Армянское государство 251
Арсингская земля 398
Аскалон 36
Асмара 90
Аспазери 392
Ассам 209
Ассизи 146, 212, 234
Астрахань 208, 211
Асуан 131, 208
Атангмик 78
Атлантида 378, 387
Атлантический океан 11, 128, 129, 133, 157, 167, 173, 174, 200, 251, 252, 257, 261, 262, 273, 281, 282, 289, 290, 294, 296, 297, 303, 304, 321, 376, 378, 381, 382, 386, 387, 433
Атлантия, мифический остров 241
ААтлах 222
Аутолала (совр. Лансароте) 254
Афганистан 208
Африка 5, 7, 11, 74—76, 92, 94, 95, 110, 114, 116, 125, 128, 130—135, 155, 156, 166, 169, 177—180, 264, 270, 275, 277, 301, 302, 361, 365—367, 373, 393, 406, 407, 409, 410, 417
  Восточная 125, 130, 131, 133, 134, 156, 176—180, 183, 208
  Западная 125, 126, 131, 158, 159, 266, 301, 365—367, 369, 372
  Северная 17, 114—116, 166, 207, 208, 264, 301
  Северо-Восточная 301
  Северо-Западная 115, 257, 264, 275, 277, 408
  Центральная 207
  Южная 131, 133
Африканская Индия (Эфиопия) 94, 95, 266
Ахаггар, нагорье 301, 408, 410
Ахаксум 90
Аяс 61, 97, 98, 103, 104

Бавария 75, 395
Багдад 6, 25, 26, 29, 34, 47, 70, 71, 96, 104, 125, 147, 156, 180, 190, 394, 398, 402, 403
Бадахшан 193
Базель 71, 333
Баку 213
Балдак 398
Балеарские острова 74
Балканский полуостров 63, 212
Балтийское море 182, 257, 276, 381
Балх (совр. Вазирабад) 104
Балхаш 60
Бамако 158
Бамбук 158
Банджармасин 192
Бани 159, 266
Бантри 144, 146
Баранов, гавань 376
Барселона 242
Басра 190, 208
Баубартель 400
Баффинова Земля 80, 83, 84, 330, 382, 434, 438, 439
Баффинов залив 77, 80, 434, 439
Бахарах 277
Бедзимарин (совр. Лобос) 255
Безансон 28
Бейоглу 227
Бела (совр. Грасьоса) 297
Белгород 392
Белое море 384
Бельгия 369
Бенаоаре (совр. Пальма) 255

Бенгалия 107, 204, 209
Бенжервил 369
Бентуста (совр. Фуэртевентура) 254
Берберия 116, 269
Берген 314, 329, 339, 413, 418, 422, 424
Берег Слоновой Кости 362, 369
Берингов пролив 87, 250
Берлин 319
Берну 300
Бе-сы-ма (Бишбалык) 20
Бет-Абрахам 90
Биабакр (совр. Пекин) 261
Биамо (совр. Аму-Дарья) 400
Биармия 386
Бизиния, см. Бизиньяно
Бизиньяно 226, 236
Бинген 277
Бингер-Лох 276, 277
Бирдмор 345, 360
Бирма 98, 107, 261
Биссерминов, земля (Туркестан) 40
Бишбалык 20
Блаженных, остров 156
Бланко, мыс 158
Ближний Восток 6, 34, 36, 48, 75, 182, 194, 402
Богемия 236
Богучары 58
Бодак (Багдад) 156
Болгар 96, 102, 201, 207, 208
Болгария 75
Болонья 111, 127
Большой Сирт 303
Бомбей 93, 196
Борден 436
Бохадор, мыс 265, 280, 363, 366, 367, 410
Брабант 197
Бразил, мифический остров 246, 248, 261, 280, 283—286, 293, 295, 296
Бразилия 185, 248—250, 296, 320
Браттахлид 328
Брахмапутра 209
Брейди-фьорд 415
Бремен 418
Бреслау (совр. Вроцлав) 392
Бристоль 269
Британские острова 306
Брок 436
Брюгге 333, 370
Буа-ле-Дюк 305
Буда 300
Будё 307, 308
Бужи 116, 242
Бужиадор, см. Бохадор
Булимбель (Сьерра-Леоне) 361
Бургундия 215
Бухара, город 71, 97, 102, 103, 208, 300
Бухара, страна 97
Бычий остров (совр. скалы Селважен) 256

Вавилон (Багдад) 28, 29, 398
Вайгат, пролив 80
Вайгач, остров 12
Валата 266
Вальштатт 35
Ван 104
Варангер-фьорд 12
Варф (совр. Фарвель), мыс 413, 424
Ватзнес 415
Ватикан 43, 46, 92, 150, 152, 230, 235, 267
Вашингтон, остров 83
Вашингтон, штат 342
Ведамель 275
Вежимари (совр. Лобос) 255
Вейсштадт (совр. Белгород) 392
Векки-Марини (совр. Лобос) 255
Великая Армения 69
Великая Китайская стена 65, 155, 222
Великая Сибирская железная дорога 48
Великие озера (Северной Америки) 344, 346
Великий Китайский канал 107, 211
Великое море (Черное море) 96
Вена 221
Венгрия 29, 35, 44, 75, 257, 393
Венесуэла 383
Венецианская Республика 402
Венеция 25, 89, 96, 98, 99, 103, 105, 111, 132, 133, 169, 188, 192, 212, 252, 264, 302, 377, 378, 403
Вентура (Фуэртевентура) 246, 254, 280, 284, 292, 293, 295
Верде (мыс Зеленый) 361, 362
Верёй 306
Верхнее, озеро 11, 344
Верхняя Вольта 275
Вестербюгд (Западное поселение) 11, 314, 326—331, 334, 347—349, 418, 422, 433, 437, 438
Вестерьётланд 335, 359
Вест-Индия 297
Вехимар (совр. Лобос) 280, 291, 293, 295
Вехимарин (совр. Лобос) 294
Византийская империя 63, 212, 217, 402
Византия 96, 127

Виктория 436, 439
Вилланова 144
Вилья-Сиснерос 277
Винария (совр. Тенерифе) 255
Вингария (совр. Тенерифе) 255
Винер-Нёйштадт 35
Винланд 11, 313, 325, 330, 333, 334, 339, 340, 348, 350, 353—355, 381
Виннипег 349
Виргиния, Западная 343
Виргинские острова 296
Висконсин, штат 319, 321, 344, 345
Виссибур (Сибирь) 391, 394
Витербо 89, 103
Витсерк 415, 432
Виттория 215
Витценхаузен 419
Вифлеем 51
Внешняя Испания (совр. Андалузия) 238
Волга 12, 34, 40, 44, 59, 62, 72, 207, 208, 211, 213
Волжская Болгария 34
Восточная империя, см. Китай
Восточное поселение, см. Эстербюгд
Восточно-Фризские острова 257
Восточный океан (Тихий океан) 109
Вроцлав 392
Высокий Атлас 113, 276, 301
Вьядме (совр. Аму-Дарья) 398

Габес 303
Гада (Гардар) 413
Гадамес 300
Гадес 169
Газа 36, 90
Газария (Крым) 58, 142, 143, 212,
Гаити 112
Гайлипо 19
Галатия 26
Галета 241
Галисия 169, 187, 257
Галиция 34
Галлиполи 390
Гамалек (Пекин) 212
Гамбия, река 126
Гамбия, страна 114
Гамбург 381, 416, 418, 426, 430—432
Гана (Ганата, Ганахк) 158, 265
Ганьчжоу 211
Гао (Гаго, Гого, Каукау) 113, 160, 299—301, 408—411
Гардар (совр. Игалико) 77, 78, 81, 328, 339, 413, 415, 419, 426, 431
Гарстед (Гардар) 415, 431
Гарц 204
Гаэта 401
Гвадалквивир 401
Гвардафуй 111
Гвиана 383
Гвинейский залив 11, 131, 159, 365—367
Гвинея 126, 257, 265, 266, 276, 361, 363, 365, 368, 370, 372, 373, 410
Гейд 90
Гел-Хамке 388
Гельголанд 109
Генуя 123—128, 134, 171, 172, 217, 238, 244, 264, 401, 403
Гера (Фуэртевентура) 254
Герат 104, 391
Геркулесов пролив (совр. Гибралтарский пролив) 124, 128
Геркулесовы столбы 123, 129
Германия 34, 35, 143, 191, 197, 251, 370, 385, 395
Западная 283
Южная 152
Гесперид 241
Гёттинген 320
Гибет (Благословенная), гора 232
Гибралтар 129, 167, 250
Гибралтарский пролив 74, 169, 174, 246, 250, 281, 377
Гималаи 18
Гине (Дженни) 266
Гинуа 410
Гоа 208
Гоби 233
Гога 89
Гого, см. Гао
Годзора (совр. Джуби) 123
Годиана 262
Голгофа 92
Голубиный остров (совр. Фуэртевентура) 245, 272, 287
Гомера 294
Горгониды, мифические острова 241
Гота (совр. Лхасса) 188
Готенбург 335
Готия (Йоталанд) 262
Готланд 381
Готхоб 328
Готхоб-фьорд 78, 330
Гранада 303
Гран-Канария 166, 248, 252, 254—256, 410
Гран-Сестре 361, 362, 364, 367
Грасиокса (совр. Грасьоса) 255
Грасиона 262
Грасьоса 245, 246, 255, 294, 297
Грац 235

Гренландия 10, 11, 77—85, 87, 119—121, 282, 293, 310, 311, 313—315, 325—332, 334, 335, 338—340, 347—349, 355, 357, 374, 377, 381—388, 412—438
Греса (совр. Грасьоса) 246, 255, 280, 294, 297
Греция 75, 257, 258, 390
Грин-Бей 344
Грузия 30—33, 37, 41, 189
Гуандун 104
Гуанси 104
Гуанчжоу 192, 205, 209, 220—222
Гуатрилла (совр. Фуэртевентура) 254
Гудё 307
Гудзонов залив 11, 345—347, 349, 354, 357, 435
Гургандж (совр. Куня-Ургенч) 211

Дайа 191
Дакия 44
Далмация 257
Дальний Восток 17, 37, 100, 189, 234, 309
Дамаск 6, 26, 27, 29, 34, 71, 72, 394, 403
Дамбиа 90
Дамиетта 29—32
Дамот 90
Дамьетта (Нил) 113
Дания 75, 84, 257, 310, 385, 430, 433
Дашкала (совр. Донгола) 94
Дара (Уэд-Дра) 408
Дарьенский перешеек 160
Датский пролив 121
Датун 140, 155
Дахар-Уалата (Уалата) 301
Дахута (совр. Иньямбане) 179
Двуречье (Месопотамия) 34
Дев, остров 173, 284, 296
Девисов пролив 81, 388
Девон 83
Дезерта (совр. скалы Дезерташ) 255, 296
Дезерташ, скалы 255, 256, 295, 296
Де-Колумбис (Фуэртевентура) 254, 272, 292
Делавэр, полуостров 357
Делагоа, бухта 179
Дели 202, 204, 208, 394
Дель-Инфьерно (Тенерифе) 295
Дера (Уэд-Дра) 276
Дербент 399
Дербентские Железные Ворота 72, 399
Де-Сперта (совр. скалы Дезерташ) 255
Детройт-Лейкс 348
Джагатай (Джагатайский улус) 56, 212, 214
Джангхари 90
Джариба 158, 276
Джаухари 201
Джебель-Камар (Лунные горы) 278
Джебель-эн-Надама (Корриентес) 179
Дженни (Диенн, Гине) 266
Джерба 75
Джинни, см. Дженни
Джонс, пролив 80, 81, 83
Джуалатен 299
Джуби 123, 125, 129, 134
Джунгария 71
Джунгарские Ворота 45, 217
Джурджания ал- (совр. Куня-Ургенч) 211
Джутархан (совр. Астрахань) 211
Дибат-ал-Хахаль 203
Дидгори 30, 31
Динферно (совр. Тенерифе) 255
Д'Инферно (совр. Тенерифе) 255
Диоскорид, остров, см. Сокотра
Диско 80, 81
Дисьерта (скалы Дезерташ) 268, 280, 295
Диярбакыр 208
Днепр 40, 44
Доаро 90
Доброй Надежды, мыс 132, 178, 266
Долина Кобылиц 376
Дон 25, 34, 40, 44
Донгола 94, 264, 300
Доненгир 90
Дордрехт 252
Дрезден 182
Дроджо 377, 384, 387
Дубеб 90
Дулут 344
Дунай 392
Дунейар, см. Дюнные острова
Дьепп 361—369, 371, 373
Дюнные острова 119—121
Дюссель 283
Дюссельдорф 51, 283

Европа 5—7, 11, 12, 17, 18, 34, 35, 48, 58, 65, 68, 74, 92, 93, 99—101, 110, 116, 121, 125, 128, 129, 151, 153, 167, 169, 170, 172, 196, 200, 228, 230, 234, 236, 238, 246, 262, 264, 271, 275, 301, 309, 311, 324, 325,

328, 332, 333, 340, 345, 355, 360, 363, 367, 384, 388, 393, 403, 406, 417, 418, 422, 426, 427, 432, 437, 438
Восточная 9, 10, 12, 34, 37, 53
Западная 5, 164, 211, 251, 309, 366, 381, 403, 417, 432
Северная 12, 251, 309, 311, 321, 333, 348, 384, 432
Северо-Западная 348
Юго-Восточная 25
Южная 115, 126, 173, 244, 249, 252, 261, 266, 281, 408
Евфрат 28, 180, 308
Египет 6, 26, 29, 57, 73, 92, 114—118, 125, 148, 158, 163, 164, 177, 182, 186, 197, 199, 208, 209, 217, 220, 221, 257, 264, 299, 300, 301, 409
Древний 276
Нижний 208
Енисей 110
Ессина 156

Железные Ворота 20, 399
Женские острова 84, 85

Загхай 300
Загхари 299
Загхах 299
Зайдана 398
Зайтон, см. Зайтун
Зайтун (совр. Цюаньчжоу) 108, 145, 146, 153, 188, 205, 209, 228, 230, 231, 234, 237
Закавказье 72
Занзибар 177
Западное море (Атлантический океан) 133, 247
Западное поселение, см. Вестербюгд
Западный океан (Атлантический океан) 129, 251, 356
Зафар (Дуфар) 201, 206, 209
Зеленая земля, см. Гренландия
Зеленый, мыс 166, 361, 365, 367, 372
Земля Счастливых, см. Сокотра
Земля Элсмира 83
Зикилальхамера 265
Зимбабве 179
Золин 262
Золотая Орда 8, 40, 44, 62, 72, 91, 96, 208
Золотая река (Уэд-Дра) 265, 275—279, 301, 410
Золотой Берег (совр. Гана) 362, 364
Зондские острова 98, 109, 183, 190—192, 197, 249, 257

Иберия 189
Игалико 78, 85, 328
Иерусалим 27, 28, 32, 34, 35, 72, 74, 75, 89, 92, 98, 133, 212, 229
Иерусалимское королевство 26, 75, 217
Изабелла (совр. Грасьоса) 255, 292, 297
Изабелла (совр. Крукед-Айленд) 297
Израиль 26, 232
Икария, мифический остров 378, 384, 387
Иконий (совр. Конья) 26, 61, 66, 71
Иксиланда (совр. Исландия) 383
Или 21, 59, 217
Илийский край 217
Илья-де-Лобос (совр. бухта Рио-де-Оро) 291
Императорский канал 191
Инваллис (совр. Тенерифе) 255
Инд 24
Индиана, штат 342
Индийский океан 92, 99, 133, 178, 180, 201, 209, 257, 267
Индийское море 138, 228
Индия 5, 6, 22, **24**, 33, 36, 51, 66, 89, **93—59**, 98, **107**, 111, 117, 118, 123—126, 128 130, 133—135, 137—139, 146, 147, 150—152, 156, 160, 177, 178, 183, 184, 187, 188, 190, 193, 196, 197, 200, 202, 205, 208, 209, 215, 228—231, 237, 249, 257, 263, 266, 302, 364, 367, 372, 391, 393, 395
Индия серов (Китай) 195
Индокитай 209, 258
Индостан 57, 177, 203, 395
Инсула-де-Колумбис (совр. Фуэртевентура) 272
Инсуле-де-Санбрандан (острова Святого Брандана) 272
Инугсук 86
Ин-Шань (совр. Тянь-Шань) 20
Иньямбане 179
Иордан 75, 232
Иравади 107
Ирак 6
Иран 8, 9, 177
Иранское нагорье 6, 28, 192
Иркания 262
Иркутск 8, 46
Ирландия 257, 286, 293, 296, 305, 415, 416
Исла-Бела (совр. Грасьоса) 255, 292
Исла-Вакка (совр. скалы Селважен) 256

Исла-дель-Инфьерно (совр. Фуэртевентура) 280
Исландия 77, 82, 119, 121, 282, 292, 293, 329—331, 333, 339, 340, 354, 381, 383, 387—389, 412, 414—417, 420, 424, 429, 431, 432, 438
Испания 44, 74, 123, 160, 169, 172, 187, 207, 215, 246, 249, 253, 257, 258, 264, 268, 270, 296, 340, 405
Исфурент 265
Италия 35, 130, 182, 189, 192, 193, 228, 229, 236, 257, 264, 294, 377, 379, 382, 384, 385
Северная 333

Йезд 104, 190
Йемен 117, 201, 208, 221
Йоталанд 262
Йоуфи 201

Кабара 299
Кабрас (Де-лас-Кабрас, совр. Фуэртевентура) 246, 254, 280, 284, 295
Кабрера (совр. Фуэртевентура) 254, 295
Кабрия 401
Кавказ 30, 34, 192
Кавказская Албания 72
Кавказские горы 261
Кага (Гао) 89
Каго 407
Кадис 376
Казань 72
Каир 75, 118, 158, 199, 208, 220, 222, 223
Кайлак 60
Кайпин 103, 104
Кайсери 104
Какорток 422
Калабрия 236
Каламаси (Таламасин) 187, 192
Калафия (Галатия) 26
Калган 19
Калидат 280
Каликут 177, 201, 203, 206, 208, 209
Калимантан (бывш. Борнео) 192
Калифорния 345
Калка 34
Кальмарин (совр. Эчмиадзин) 398
Кама 12, 207
Камбалек (совр. Пекин) 139, 141, 143—146, 224, 225, 227, 228, 231, 235, 261
Камбалех (совр. Пекин) 235
Камбалу (совр. Пекин) 101
Камбейский залив 89, 208
Камексу, см. Ганьчжоу
Камера, мифический остров 280
Кампди (Компреди) 195
Канада 315, 316, 320, 421, 436
Канария (совр. Гран-Канария) 166, 173, 241, 246, 248, 255, 272, 280, 284, 294
Канарские острова 11, 12, 127, 128, 131, 133, 160, 165—167, 169—173, 175, 238, 241—248, 252—254, 256, 269, 270, 272—274, 278, 281, 283, 286, 287, 289, 291, 295—297, 361, 372, 409, 410
Канин, полуостров 12
Канинария (совр. Гран-Канария) 255
Капал 60
Каппадокия 61
Капрария (совр. Фуэртевентура) 173, 241, 245, 246, 248, 254, 284, 287, 293, 295
Капри 27
Каракорум, бывшая столица монгольских ханов 8, 35, 41, 45, 48—50, 53—57, 59—61, 64—67, 69—73, 101—103
Каратау 59
Карс 72
Карсакху 299
Карские Ворота 12
Карское море 12
Картан (Катан), см. Зайтун
Карус 90
Касиапапура 202
Каспапир 202
Касперия (совр. Фуэртевентура) 254
Каспийские (Кавказские) горы 198
Каспийское море 34, 65, 208, 211, 213, 217, 258, 261, 396, 399,
Кассария (совр. Крым) 58
Кассель 63
Касситериды 281, 297
Кастелло 144
Кастилия 241, 253, 257, 260, 268, 397, 403, 404
Катай, см. Китай
Каталония 76, 302, 340
Катусай (совр. Ханчжоу) 188
Каулем 202, 203, 206, 209
Каффа (совр. Феодосия) 217, 227, 391, 394, 399
Кашан 104
Кашгар 51, 104
Квебек 317, 341
Кедж-Мекран (Мекран) 110
Кейп-Код, залив 352

Кейп-Код, полуостров 351, 352, 354, 357, 358
Кёльн 42, 151—153, 257
Кенжин-фу (Сиань) 104
Кенсингтон 322, 323, 336
Керей 42
Керман 104
Керулен 19, 23
Кесария 56, 62
Кёслин 419
Кесмакоран, см. Кедж-Мекран
Кеш 399
Киев 34, 40, 42, 44, 46
Килва 201, 208
Киликия 251
Кинг-Вильям 436
Кингиторсуак 78, 84—87
Кинсай (Кассай, совр. Ханчжоу) 101, 106, 108, 188, 190, 211, 212
Кинчат 59
Кипр 51, 52, 54, 55, 61, 75, 89, 218, 229, 233
Кипчак 391
Киргизский хребет 59
Киренаика 257
Кирения 55
Китай 5, 9—11, 18, 20—22, 24, 25, 33, 34, 36, 47, 51, 56, 65, 66, 93, 96, 98—105, 107—109, 111, 128, 132, 136, 138, 143, 144, 146—156, 187, 189, 191—193, 196, 197, 200, 204, 205, 208, 209, 211, 212, 214—220, 221—223, 227, 229—236, 257, 261—263, 302, 391, 400, 404
Западный 195
Южный 101, 195
Китан 20
Кифти 90
Киш 102
Клеменфу (совр. Шанду) 98
Колаф 26
Колгуев 12
Колонис (совр. Фуэртевентура) 254
Колумбария (совр. Фуэртевентура) 246, 280, 284, 295
Колумбия 383
Колумбо 93, 228, 231
Колыма 87
Кольский полуостров 12
Комания 29, 40
Комо-Нуово 333
Комр (Мадагаскар) 177
Конваллис (совр. Тенерифе) 255
Конехос (Де-Лос-Конехос, Кроличий остров), мифический остров 280, 295
Конильи, мифический остров 284
Коннеланд (Кроличий остров), мифический остров 286
Константинополь (совр. Стамбул) 58, 63, 75, 92, 96, 99, 190, 206, 208, 217, 227, 258, 392, 394, 395, 401—404
Конья 26
Копенгаген 257, 360, 417, 428, 429, 433
Корас (Кура) 398
Корби-Марини (Корпс-Марис), мифический остров 284, 287—288, 292
Корву 282, 284, 288, 295
Корморант 341
Коромандельский берег 150, 190, 203
Корриентес 178—180
Корсика 401
Корчула 100
Косово поле 402
Кочин 185
Крайний север 6, 82, 305, 308, 311, 385, 388, 389, 434, 437
Краков 392
Кранганур 203
Красное море 92, 156, 178, 208, 257, 263
Кремона 64
Креси 247
Крит 384
Крокс-фьорд 80, 81
Кроксфьордархейдр 77, 80
Крукед-Айленд 297
Крым 29, 34, 58, 140—143, 208, 215, 217, 391, 395
Куба 250
Кубер 300
Кулуа (Килва) 201
Кульджа 211, 214, 215, 218, 261
Кунджи-Кари 203
Куня-Ургенч 211
Кура 96, 398
Курия-Мурия, острова 111
Куэрвос-Маринос, мифический остров 280, 295
Кхаси 209
Кюсю 108

Лабрадор 11, 87, 120, 330, 340, 349, 434, 438, 439
Лабрин 190
Лака 169
Ламмори 191
Ламури 190
Лана (совр. Лобос) 293
Лангедок 407, 408
Ландсхут 392
Ланкастер, пролив 80, 81

Лансалот (совр. Лансароте) 254
Лансароте 127, 128, 170—173, 242, 246, 248, 252—254, 256, 280, 294
Лансарото (совр. Лансароте) 254
Лансерана (совр. Лансароте) 254
Ланчилоте (совр. Лансароте) 254
Лаодикея 251
Ла-Рошель 409
Латинская империя 63
Латока 348
Лацио 307
Лаяс (Аяс) 97
Левант 340
Ледовитый океан, см. Северный Ледовитый океан
Ледяная страна, см. Исландия
Лейден 13, 432
Лекнаме (совр. Мадейра) 268, 272, 273, 280, 295
Лемберг (совр. Львов) 392
Леньяме (совр. Мейдера) 272
Ливан 237
Ливия 197
Лигаксо 90
Ликсос (Уэд-Дра) 276
Лимингтон 351
Линн 304, 305, 311, 312
Лион 39, 42, 44, 46, 54, 408
Лиссабон 147, 238, 249, 271, 362
Литва 197
Лобнор 104
Лобо (совр. Лобос) 255, 280, 291, 293—295
Лобос 245, 246, 255, 284, 291—297
Лово (совр. Лобос) 255, 293—295
Ловос (совр. Лобос) 293, 294
Лондон 111, 218, 320, 371
Лоно (совр. Лобос) 255, 293
Лотарингия 44
Лоуо (совр. Лобос) 293
Ло-Феро (совр. Ферро) 295
Лофотенские острова 306, 308
Лу-гюй (совр. Керулен) 19
Луизиана 316
Лукалонго 142, 150—152
Лунд 418
Лунные горы 257, 278
Лунтай 20
Л'уово (совр. Лобос) 255
Лхасса 188, 189, 193
Львов 235, 236, 392
Льеж 42, 195—197, 199
Лэйчжоу 22

Маабар (Коромандельский берег) 138, 203
Маабар, царство 187
Мааго 90
Мабар (совр. Коромандельский берег) 203
Мавераннахр 31
Мавритания 114
Мавританское (Черное) море 227
Магодиана 262
Магот (Хуанхэ) 262
Мадагаскар 110, 177, 180
Мадейгаскар (совр. Мадагаскар) 110
Мадейра 11, 261, 268—273, 283, 285, 286, 289, 293, 295, 296, 372
Мадейрская группа 131, 165, 166, 173, 268—270, 272—274, 281, 289, 291, 295—298
Мадрас 229
Мадрера (совр. Мадейра) 273
Мадура 209
Мазандеран 71
Макар (Мелькарта), мифический остров 165
Макдахаон 201
Макензи-Кинг 436
Малабар 187, 202, 203, 210
Малабарский берег 190, 208, 209
Малаккский пролив 110
Малахия 53
Малая Азия 6, 26, 57, 61, 192, 208, 251, 257, 301, 395, 404
Малая Армения (Армянское государство) 251
Малая Валахия 392
Малая Индия (Индостан) 395
Малая Ява (совр. Суматра) 205
Мали 124, 158—161, 265, 266, 274—277, 279, 301, 408
Малинди 177
Малоксело (совр. Лансароте) 254
Мальдивские острова 203, 209, 229
Мальорка 114, 170, 242, 246, 247, 252, 253, 275, 279
Мальстрем 306—308
Малый Дьепп (Пти-Дьепп) 261, 262, 372
Мальта 27
Манбас (совр. Момбаса) 201
Мангазея 12
Мандинго (Мали) 276
Манчжи 228
Мариа, страна 90
Марии, гора 90
Маркланд 315, 339, 340
Марожело (совр. Лансароте) 254
Марокко 53, 113, 115, 125, 131, 134, 207, 209, 246, 257, 269, 277, 300, 301, 373, 409

Мароксело (совр. Лансароте) 254
Марсамуса 134
Марсель 276, 406
Мартас-Вайнъярд 342
Мары 6
Маскарота 265
Масличная гора 92
Массачусетс 342, 354
Массилия (совр. Марсель) 276
Маттапойсетт-Нек 342
Маунт-Хоп 342
Машику 268, 271
Мегрелия 394, 395
Меданос 409
Медина 208
Мидия (Средняя Азия) 28, 401, см. также Срединное государство
Мезень 12
Мейсен 392
Мекка 114, 158, 207—209, 276
Мекран 110
Мелвилл, залив 80, 81, 83
Мелиапур 229
Мелли 299, 300
Мелли, страна, см. Мали
Мембрион (совр. Лансароте) 254
Мембриона (совр. Лансароте) 254
Мена 124
Мерв (совр. Мары) 6
Мерри-Мэн-оф-Мой 306
Месопотамия 33, 104, 125, 197, 209, 229, 257, 395
Мец 48
Мидия 28
Милуоки 321
Мимах 300
Мингрелия (Мегрелия) 392, 394
Миннесота, река 349
Миннесота, штат 313, 319, 321, 322, 324, 336, 343, 344, 346—349, 358
Мираполис (Мелиапур) 229
Мировой океан 237
Миссисипи 319, 321, 335, 344, 345, 349
Миссури 320
Мичиган 344
Могадишо 110, 125, 133, 134, 179, 184
Могадор 131
Моголин (Монголия) 262
Мозамбик 207
Мозамбикское течение 179, 180
Момбаса 201
Монголия 22, 38, 44, 47, 49, 53, 55, 57, 64, 66, 68, 71, 257, 262, 403
  Северная 45
Монгольская империя 8, 9, 44, 45, 47, 163, 164
Монгольская Народная Республика 45
Монреаль 316
Монтанья-Клара 245
Моравия 34, 35, 43
Москва 36, 307
Мосул 26, 54, 104, 208
Мраморное море 63, 212
Мужской остров 111
Мули 299
Мултан 202
Мурманский берег 307
Мускенесёйя 306
Мускенстраумен (Мальстрем) 306
Мухит, ал- (Атлантический океан) 157
Мэн, залив 11
Мэн, штат 355, 356
Мюль 361, 362
Мюнхен, 15, 229, 390
Мянь (Ава) 107

Наварра 257
Назарет 302
Нанкин 234
Нанси 385
Наррагансетт 349, 350, 353, 355—358
Натем (Пантен), см. Каламаси
Науян 435
Неаполь 227, 231
Нева 167
Негашим 90
Негропонт (совр. Эвбея) 97, 99
Нельсон 349
Ниагарский водопад 352
Ниани 158, 276
Нивалис (совр. Тенерифе) 166, 245, 248, 255
Нивария (совр. Тенерифе) 255
Нигер 113—116, 158—161, 207, 264—266, 275, 276, 299, 301—303, 406, 408—411
Никозия 50, 51, 55, 233
Никополь 390—393, 402
Нил 90, 113, 114, 208, 262, 264, 299—302
  Белый 257
  Голубой 257
Нилида 114
Нингария (совр. Тенерифе) 241, 248, 255
Ниневия (совр. Мосул) 26
Нинкария (совр. Тенерифе) 255
Нишапур 398
Новая Зеландия 261
Новая Земля 12

Новая Швеция 357
Новая Шотландия 388
Новгород 12, 417
Новый Сарай 208
Новый свет 160, 249, 347
Ногайская Орда 211
Норвегия 44, 200, 257, 307, 308, 311, 313, 325, 326, 331—333, 338—340, 345, 347, 353, 357, 381, 383, 412, 417—420, 424, 426, 432, 438
Нордкап 310
Нордсетур 77, 78, 87, 339, 438
Нормандия 253, 344, 363, 364, 372
Норобегуа (совр. район залива Пенобскот) 356
Норумбега (совр. район залива Пенобскот) 338, 355, 356, 358
Норумбега, река 356
Нубия 262, 409
Нью-Плимут 352
Ньюпорт 349—351, 354
Ньюфаундленд 119, 250, 340
Нюрнберг 426

Обская губа 12
Овидеш 363
Одесса 393
Одиннадцати Тысяч Дев, архипелаг (совр. Виргинские острова) 296
Ока 12
Окс (совр. Аму-Дарья) 31
Оксапап (совр. Бирма) 261
Оксенфурт (совр. Оксфорд) 305
Оксфорд 304, 305
Олд-Плимут 352, 355
Омбриос (совр. Лансароте) 254
Омыл (Чугучак) 41
Онархейм 331
Онега 12
Онежский полуостров 12
Онор 208
Онтарио 345
Оран 75
Орга (Урга, совр. Улан-Батор) 261
Органчи (Ургенч, совр. Куня-Ургенч) 211
Оргена (совр. Гао) 408
Оренас (совр. Ормуз) 187
Оркнейские острова 294, 306, 333
Ормуз 102, 104, 117, 146, 187, 190
Орнария 29
Орхон 45
Осло 324
Отрар 71, 96, 211, 391, 401, 404
Отрарре (совр. Отрар) 211
Оттава 11
Оффероо (совр. Ферро) 255

Павловск 58
Падуя 187, 190
Палакер, мифический остров 289, 290
Палестина 27, 37, 125, 149, 208, 209, 213, 251, 302, 394, 395
Пальма 114
Пальма, остров 165, 246, 248, 255, 295
Памир 104, 217
Паннония 75
Папская область (совр. область Лацио) 307
Париж 67, 170, 177, 197, 320, 403
Парма 105, 148
Парме (совр. Пальма) 255
Пекин 19, 22, 23, 25, 45, 47, 48, 66, 101, 105, 107, 111, 141, 145, 147, 150—153, 155, 209, 212, 223, 227, 231—236, 261
Пексик 397
Пенджаб 202
Пенобскот 356
Пентленд-Фёрт 306
Пера (совр. Бейоглу) 227, 401
Пермь (древнее государство) 34
Персидский залив 178, 229, 257
Персия 28, 29, 52, 54, 55, 96, 97, 99, 105, 110, 142, 143, 147, 148, 150, 154, 163, 164, 178, 197, 208, 209, 212, 221, 230, 258, 398
Перуджа 144—146, 153, 154, 230
Перцовый Берег 361
Петервардейн 213
Печора 12, 208
Печорское море 12
Пиджин 204, 209
Пиза 111, 115, 149
Пику 284, 296
Пинтуария (совр. Тенерифе) 255
Пиренейский полуостров 207, 301
Пиреон (совр. Лансароте) 254
Пиреон (совр. Фуэртевентура) 254
Писигсарфик 330
Пистоя 137, 138, 150
Планазия (совр. Гран-Канария) 255
Планария (совр. Гран-Канария) 255
Плювиалис (совр. Лансароте) 248
Плювиалия (совр. Лансароте) 245, 254, 281
Плювиария (совр. Лансароте) 241, 254
Плюитана (совр. Лансароте) 254
По 276

Поволжье 62, 63, 69, 208, 258
Польша 34, 39, 42—44, 197, 257, 392
Понт (Мраморное море) 212
Понт (Черное море) 58
Порденоне (Портенау) 187, 189, 198
Порто-Мачико (совр. Машику) 271
Порто-Санто (совр. Порту-Санту) 268, 270
Портсмут 342
Португалия 7, 74, 169, 185, 242—244, 247, 249, 252, 254, 257, 268, 279, 287, 362, 426
Порту-Санту 270
Потерянные острова, мифические 280
Прага 236, 403
Прато 105, 148, 234
Придунайские земли 257
П(ри)мария 272
Приозерная область 7, 10, 344
Прованс 140, 171, 215
Провиденс 342
Пруссия 35
Прутанис 29
Пти-Дьепп 372
Птиц, острова, мифические 378
Птолемаида 125
Пуатье 361
Пурпурариэ (совр. Лансароте) 254
Путталам 203
Пуэрто-Санто 280, 294

Рака, остров, мифический 169
Рамале (Эр-Рамла) 89
Рахан (совр. Рокка) 246
Рачан (совр. Рокка) 280, 294
Регенсбург 35, 392
Ред-Ривер 349
Рейкьявик 383
Рейн 276, 277, 283
Рейнертсхаузен 195
Рейнская область 426
Рейнский водопад 352
Рейнский Сланцевый массив 277
Рейсбрук 63
Репалс, бухта 435
Ресланда (совр. Исландия) 383
Рим 27, 53, 94, 136, 147—150, 163, 187, 188, 199, 333, 334, 385, 389, 420
Римская империя 166
Рио-де-лас-Гамас (совр. Норумбега) 356
Рио-де-Оро, бухта 291
Рио-де-Оро (Золотая река, совр. Уэд-Дра) 275—277
Рио-де-Оро, территория 278, 297
Рио-Сестос 361, 367
Рио-Фреско 361, 367
Риффис (Кифти) 90
Род-Айленд, остров 350
Род-Айленд, штат 342, 349, 350, 354
Родезия 179
Родос 27, 89, 404
Рокете-дель-Оэсте 245
Рокете-дель-Эсте 245
Рокка 246, 294
Романия (Византия) 127
Рона 257, 276
Россия (Русь) 9, 10, 25, 32, 34—36, 39, 43, 44, 47, 48, 62, 102, 197, 258, 417
Малая 392
Северная 386
Южная 43
Руан 361, 363, 364, 366, 370, 373
Рувензори 257

Саба (совр. Ява) 229, 232
Сайда (Сидон) 75
Саксония 43, 44, 392
Салая 90
Са-Лвис, см. Сальвис
Салвиш (совр. скалы Селважен) 255
Сале 299
Саликоза (совр. скалы Селважен) 256
Сальваджо (совр. скалы Селважен) 255
Сальвадос (совр. скалы Селважен) 255, 296
Сальвахе (совр. скалы Селважен) 268, 280, 295
Сальвахес (совр. скалы Селважен) 256
Сальвис (совр. скалы Селважен) 292
Сальстрём 307
Сальт-фьорд 307
Самарканд 7, 9, 20—23, 25, 31, 52, 55, 62, 71, 300, 393—395, 397—401, 403—405
Самос 367
Самосата (совр. Самсат) 308
Сан-Атанаджу (совр. скалы Селважен) 292
Сан-Висенти, мыс 238
Сан-Дзордзи (совр. Лансароте) 254, 284, 286, 288, 295
Санднес 419
Сан-Жоржи 284—286, 288
Сандзордзо, мифический остров 295
Санкарани 158, 276
Сан-Лукар 401
Сан-Мигел 173, 281, 284, 376
Сан-Мигель (совр. Пальма) 255

Сан-Пьеро (совр. Сан-Жоржи) 286, 288
Санта-Агата 105, 148
Санта-Клара 304
Санта-Мария 281, 284, 294, 376
Сантарен 244
Санто-Антонио 306
Санто-Атанаджо (совр. скалы Селважен) 255
Санто-Конкордио 137
Санто-Луис (совр. скалы Селважен) 255, 256, 296
Сан-Томе 362, 366
Санта-Эйриа 288
Санту-Лоуренсу (совр. Мадейра) 272
Сантьяго-де-Компостела 187
Сан-Франциско, залив 250
Сан-Хорхе 280, 295
Сара (Сарай) 211
Сараваджо (совр. скалы Селважен) 256
Сарай 40, 44, 61, 69, 91, 96, 102, 142, 208, 211—213, 215, 227, 231, 234
Сарайчик 211, 213
Сараканко (Сарайчик) 211
Сарастраго (совр. скалы Селважен) 256
Саратов 44, 59
Сардиния 206, 209
Сарепта 232
Сарматия (совр. Польша) 197
Сатанаксио (совр. скалы Селважен) 255, 292
Сатаны, остров (совр. скалы Селважен) 256
Сафи 167, 265, 277
Сахара 114, 158, 207, 265, 303, 409
  Западная 301
  Марокканская 301
  Южная 301
Свартенхук 87
Свелки-оф-Суоана 306
Святая земля (Иерусалим) 28, 58, 71, 75, 92, 177, 178, 251, 393
Святого Афанасия, остров (совр. скалы Селважен) 256
Святого Брандана, мифический остров 173, 272, 284
Святого Лаврентия, залив 358
Святого Лаврентия, река 11
Святой Нос 307
«Священная Римская империя» 189
Северак 196
Северная Дакота 316
Северная Двина 12
Северное поселение (Вестербюгде) 327
Северный Ледовитый океан 46, 81, 82, 109, 110, 311, 436
Северный полюс 308, 310, 385
Северный полярный круг 207, 433
Северо-восточный проход 250
Северо-западный проход 250, 382, 433
Севилья 238, 245, 258, 401, 404, 405
Сегин (совр. Сиань) 65
Седшошф (совр. Сучава) 392
Селважен 255 256
Семи-сы-ган (Самарканд) 20
Сена 59
Сенга-Вентура (совр. Ферро) 255
Сенегал, река 126, 127, 133, 266, 275, 276
Сенегал, территория 114, 257, 262
Сенегани (Сенегал) 266, 276
Сен-Жан-д'Акра 125
Сен-Кантен 48
Сент-Олбанс 196
Сераиу 90
Сербия 212, 402
Серендиб (Адамов Пик) 204
Сеута 123, 242, 250, 302
Сиань 65, 104, 220
Сибирь 8, 12, 46, 48, 109, 391, 393—395
Сивас 104
Сигильмесса (Сиджилмас, Сушьменса) 113, 115, 265, 299—302
Сидон 75
Сиккеро 90
Сил-Айленд 294
Силезия 39, 43, 392
Синд 302
Синдапур 202, 209
Синкалан (совр. Гуанчжоу) 191, 205
Сион 124, 126
Сирия 67, 72, 75, 115, 149, 197, 208, 209, 217, 221, 257, 391
Сис 72
Сися 22
Сития 138
Сицилия 69, 74, 125, 227, 257, 384, 401, 404
Скальхольт 414, 430
Скандинавия (Скандинавский полуостров) 333, 340, 349, 352, 357, 381, 418
Славянская земля (Сербия) 212
Смит, пролив 80, 83
Снайфедльс-Ёкуль 415
Снежный остров (совр. Тенерифе) 248
Соакин (совр. Суакин) 90
Сокотра 156, 178
Солдадия (совр. Судак) 96

Солдаия (совр. Судак) 58
Соловецкие острова 12
Солсетт 89
Сомали 177
Сонгай 409
Сонго (Мали) 276
Софала 177, 179, 201
Спокан 342
Сполето 137, 156
Средиземное море 18, 26, 74, 75, 129, 182, 184, 209, 251, 276, 367, 410
Средиземноморье 74, 181, 186
  Восточное 340
  Западное 279
Срединная империя 22, 99, 105, 151, 222, 236, 302
Старый свет 5, 6, 11, 437, 438
Статенхук 310
Статзмулинг 415
Стейнеснес 314, 328
Стокгольм 86
Страна аланов 61
Страна готов (Крым) 140
Страна грузин 29
Страна зинджей 201
Страна золота (Гана) 158
Страна золота (Мали) 266, 275, 279
Страна лимиинов 201
Страна монгалов 41
Страна негров 409
Страна татар 212, 224
Страна турок 300
Страна санахилей 201
Страна франков 224
Страна черкесов 391
Страна шелка 102
Страум-фьорд 315, 339
Стрёмо 307
Суакин 90
Сугульменса (Сигильмесса) 265
Судак 29, 34, 58, 96
Судам 301
Судан 257
  Западный 114, 158, 262, 265, 276
Суздаль 41
Султания (совр. Судак) 154, 235, 398, 403, 405
Суматра 109, 183, 190, 192, 205, 206, 209, 249
Сумбё-Мунк 306
Суонси 342
Суса 265
Сучава 392
Схония 313
Счастливые острова (совр. Канарские острова) 165, 245, 296
США 313, 320, 348, 360
Сыр-Дарья, 21, 31, 40, 96, 221, 404
Сыр-Орда 41, 44, 45, 47
Сычуань 193
Сьерра-Леоне 159, 361, 362
Сэчнест-Пойнт 342
Сюаньдэфу 21
Сюдерё 306
Табельберт (Сигильмесса) 113
Тавриз (совр. Тебриз) 398
Тагохар 262
Тагхаза (Техазза) 299, 301
Тазовская губа 12
Тайши 20
Такадда 300
Таламасин 187
Таласс 20, 55, 71
Таласс, река 20, 59, 222
Талу 162
Тана (совр. Азов) 211, 212, 218, 227
Танаид (совр. Дон) 58
Танат 300
Танжер 5, 206, 208
Танхат 51
Тарс 251
Татария (Монгольская империя) 142, 144, 189, 197, 216, 257, 262, 316
Татария (Северная Азия) 257
Татария, провинция (Кавказское побережье Каспия) 399
Татарское царство 213
Тауденни 301
Таунус 277
Таурис (совр. Тебриз) 138
Тафилалет (Тафилельт) 113, 301
Тбилиси 96
Театрум 289
Тебриз 71, 72, 93, 96, 104, 138, 142, 143, 147, 149, 150, 193, 196, 398, 401, 405
Тегеран 398
Тенбук (совр. Тимбукту) 115, 408
Тендук 155
Тенерифе 166, 167, 175, 245, 248, 255, 292, 294—296
Тенерифе-дель-Инферно (Тенерифе) 246
Тенерифис (совр. Тенерифе) 246, 255, 280, 294
Тёнсберг 353
Теоде (Теос) 289
Термит 398
Терсейра 283, 284
Тибет 101, 187—189, 193, 257
  Восточный 107
Тибот (совр. Тибет) 188

Тивертон 342
Тиволи 94
Тигри (Волга) 96
Тигри (совр. Сыр-Дарья) 96
Тигрис (Волга) 213
Тиле (Туле) 289
Тимбукту 115, 158, 265, 266, 299, 301, 408, 409
Тимер (совр. Сенегал), река 266
Тингейри 384
Тит-Руа-Гатра 172
Тихий океан 18, 207, 210, 258, 320, 382, 433
Тлемсен 75, 76, 302
Толентино 153
Тонтон 342
Тонтон-Ривер 342
Торнакс (совр. Судак) 29
Трабзон 99, 190, 397, 401, 404
Трансоксания 31, 212
Трапезунд, (Трепизонд, совр. Трабзон) 99, 190 397, 401
Триполи 27, 61, 301
Триполийское графство 27
Троллебодден 415
Тронхейм 328, 418
Туат 301, 410
Туле, остров 289, 297, 378, 384
Туле, поселок в Гренландии 435
Тулуза 406—411
Тунис 74, 75, 115, 257, 264, 301—303, 410
Тунугдлиарфик 328
Туоайта 90
Турат 90
Туркестан 40, 57, 257, 263
Восточный 217
Турция 26, 110, 197, 308, 391, 393
Тхана 89, 93, 196
Тьерра-де-Эстеван-Гомес (совр. район залива Пенобскот) 356
Тюлений остров (совр. Лобос) 173, 246, 291, 293, 296
Тюленье море 294
Тянь-Шань 20, 21

Уакро 90
Уалата (Дахар-Уалата) 301
Убюгдер 437
Уггар (совр. нагорье Ахаггар) 408
Удине 190
Укака 96
Улан-Батор 45
Улясутай 45
Умбрия 43
Уоркшир 351
Упернивик 84—87
Урал 66, 391, 394, 395
Северный 12
Урал, река 40, 211
Урга (совр. Улан-Батор) 45, 261
Ургант (совр. Куня-Ургенч) 212—214
Ургенч (совр. Куня-Ургенч) 211, 212
Уругвай 294
Утрехт 320
Уц 213
Уэд-Дра 265, 276, 277, 301, 408, 410
Уэд-Зиз 113
Уэлика 90

Факанаур 203, 204
Фалеме, область 158, 159
Фалеме, река 275
Фана (совр. Ява) 187, 190—192
Фарвель 326, 413, 424
Фарерские острова 306, 333, 381, 383, 414
Фаял 284
Фельдкирф 323
Фельсмули 82
Феодосия 217, 227, 391, 399
Фергана 208, 257
Феро (совр. Ферро) 246
Ферро 165, 246, 248, 255, 280, 295
Фес 207, 209, 300, 301, 303
Фецдан 301
Фикслацда, мифический остров 293, 383
Финляндия 385
Фисланда, мифический остров 383
Флацдрия 63, 66, 164, 171, 243, 244, 251, 252, 257, 258, 281, 377, 379
Флатей 82
Флоренция 105, 115, 137, 148, 218, 226, 237, 238, 356, 375, 398
Флорида 250
Флориш 284, 287
Фобург 395
Фолл-Ривер 350
Фолс-Бей 294
Фортевентура (совр. Фуэртевентура) 246, 280, 293
Фортунате (совр. Азорские острова) 296
Фортуния, государство 247, 248, 252, 253
Фортуния (острова Фортуны, совр. Канарские острова) 240, 241
Франция 7, 29, 35, 50, 51, 57, 62, 63, 67, 71, 74, 162, 163, 180, 191, 233, 257, 269, 315—317, 322, 345, 361, 366, 371, 403, 404, 410

Фрейзинг 392—394
Фрибур 111
Фризские острова, см. Восточно-Фризские острова
Фрикcланда (совр. Исландия) 383
Фрисланд (совр. Исландия) 383
Фрисланда (совр. Исландия) 293
Фрисланда, мифический остров 377, 378, 381, 383, 387, 388
Фрисландия 257
Фрислант (совр. Исландия) 383
Фриули 189
Фулан (Франция) 233
Фучжоу 19
Фуэртевентура 170, 173, 242, 246, 254, 273, 287, 291, 293—296, 409
Фюн 386, 389

Хаамера 90
Хаксус 90
Халапия 29
Халдея 187, 197
Ханбалык (совр. Пекин) 45, 101, 139, 212
Ханчжоу 101, 106—108, 153, 155, 188, 190, 192, 209, 211, 221, 228
Ханчжоувань, залив 107
Хаотяньгуань 22
Хара-Хорин (Каракорум) 45
Харибда 307
Хаттин 90
Хедда 90
Хеллуланд 293
Хернум (совр. Берген) 413
Херьюльфснес 414, 425—431, 434
Хетим (совр. Кипр) 233
Хиббинг 348
Хива 208, 398
Хинаур 204, 209
Хиос 401
Хитарнес 77
Хитланд (совр. Шетландские острова) 413, 414
Хой 405
Холинь (Каракорум) 45
Хорасан 57, 71, 96, 193, 202, 204, 208, 300, 391, 398, 400
Хорезм 24, 31, 34, 211
Хотан 104
Хочан-мулян (Сыр-Дарья) 21
Хуанхэ 20, 262
Хус 213

Цезарея 56, 57
Цейлон 109, 117, 118, 183, 203, 204, 209, 229, 261
Цернент 241
Цзинькалань (совр. Китай) 228
Циоллоскагон 227
Цуй-бин-коу 19
Цусима 108
Цюаньчжоу 153, 155, 188, 192

Чагос 229
Чан-сун-лин 20
Чаньань 221
Челюскин, мыс 87
Черное море 34, 40, 212, 217, 227, 258, 367, 391, 392, 394
Чехия 42, 44, 197, 236, 237
Чикаго 322
Чипингу (Япония) 106, 108, 112
Чугучак 41

Шампань 42
Шаньдун 22
Шаньси, пров. 193
Шауа (Шоа) 90
Швабия 75
Швейцария 111
Швеция 257, 258, 313, 325, 335, 345, 353, 418, 430
Шербур 170, 172
Шерстад-фьорд 307
Шетландские острова 381, 414
Шилка 45
Шиллонг, плато 209
Шлезвиг 75
Шотландия 257, 306, 383, 384
Шпицберген 78, 121, 311, 388, 438
Шэньси 193

Эби-Нур 60
Эгегейт 85
Эгейское море 367
Эгер 392
Эйрикс-фьорд 328, 415, 431
Эмбрион (совр. Лансароте) 245
Эмбриос (совр. Лансароте) 254
Эмбронея (совр. Лансароте) 241, 248, 254
Эмель 61
Эмель, река 41
Энгронеланда (совр. Гренландия) 377, 381
Эно 66
Эрбани (совр. Фуэртевентура) 410
Эрзинджан 72, 104
Эрзурум 104, 190
Эридан (Янтарная река, совр. По) 276

Эридан (совр. Рона) 276
Эр-Рамла 89
Эстербюгд (Восточное поселение) 11, 314, 326—329, 331, 334, 418, 420—424, 427, 432, 438
Эстланда, мифический остров 381
Эстотиланда, мифический остров 289, 377, 383, 386, 387
Этилия (совр. Волга) 58, 59
Эфиопия 5, 88—95, 124, 126, 128, 143, 155, 156, 178, 189, 196, 197, 221, 257, 262, 266, 267, 278
Эфиопское море (совр. Индийский океан) 133, 267
Эчмиадзин 398

Югорский полуостров 12
Югорский Шар 12
Южная Дакота 323
Южное море (совр. Тихий океан) 108, 315, 316
Южное поселение (Эстербюгде) 327
Юй-Эр-ли 19
Юлианехоб 327, 422
Юнония (совр. Пальма) 248, 255, 281
Юнония (совр. Фуэртевентура) 166, 241, 254
Юньнань 107
Ютландия 75, 251
Юфи 299

Ябадиу (совр. Ява) 191
Ява 99, 109, 187, 190—192, 229, 232, 261
Ява (совр. Суматра) 205, 206
Явадвипа (совр. Ява) 191
Ямал 12
Ямцу (совр. Янчжоу) 155
Янбо 263
Ян-Майен 121, 283
Янтарное море (Северная Атлантика) 304, 310
Янчжоу 155
Янцзы 107, 155, 205, 228
Японские острова 106, 108
Яркенд 104
Яффа 229, 251

Рихард Хенниг
НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

Редактор О. И. ФЕЛЬДМАН
Художник *Б. И. Астафьев*
Художественный редактор *Н. В. Зотова*
Технический редактор *Ф. Х. Джатиева*

Сдано в производство 20/X 1961 г.
Подписано к печати 7/IV 1962 г.
Бумага 60×90¹/₁₆=15,1 бум. л.
30,2 печ. л., в т/ч вкл. 6
Уч.-изд. л. 34,7 Изд. № 11/4685
Цена 2 р. 65 к. Зак. 1277

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Московская типография № 5
Мосгорсовнархоза. Москва,
Трехпрудный пер., 9